



Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

9-10 (506)

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Борис Лихтенфельд. «Перечитывая Булгакова» и др. стихи.....	3
Михаил Токарев. Хрущёвка нашей любви. Роман.....	10
Дарья Мезенцева. «На дне» и др. стихи.....	127
Пётр Абраменко. Скрип. Повесть.....	137
Сергей Попов. Дальний район. Стихи.....	161
Евгений Стрелков. «Тонкие белые линии вдоль обрыва...» и др. стихи.....	172
Михаил Бару. Отряд космонавтов. Рассказ.....	177
Анна Тарасова. «Ящери» и др. стихи.....	183
Алексей Колесников. Канун. Рассказ.....	190
Олег Шатыбелко. Бог это Розенкранц и Гильденстерн. Стихи.....	197

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая-20. В русском жанре-80.....	201
--	-----

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Сергей Костырко. Ветхозаветный Иисус.....	207
--	-----

АРХИВ

Алексей Голицын. Герхард Завацкий, несостоявшийся классик из немцев Поволжья.....	223
---	-----

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Петр Казарновский. Наблюдения над «пожизненным» циклом С.В. Петрова «Mir Zur Feier».....	266
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков. Переворот мотивов О кн. Елена Костылева. <i>Cosmopolitan</i> ; Варвара Недеогло. Русские девочки кончают свободной землёй; Ростислав Ярцев. Свалка: стихотворения и поэмы.....	276
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юлия Подлубнова. Рай для всех. О творчестве Евгении Некрасовой от «Калечины-Малечины» до «Золотинки».....	284
---	-----

Борис Кутенков. Усердным сердцем посреди О кн.: Ростислав Ярцев. Свалка: стихотворения и поэмы.....	288
---	-----

© «Волга», 2023

Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД

Перечитывая Булгакова

*я больше стихов писать не буду.
«Мастер и Маргарита»*

1.

Иван Бездомный обещает впредь
не сочинять стихов, а те, что были
написаны – из памяти стереть
и хочет, чтоб читатели забыли.

Иван Бездомный, встретив кой-кого,
в его поляризующее поле
уже попал – оно же таково,
что жить не позволяет, как дотоле.

Иван Бездомный путает слова
и, следуя известной идиоме,
(с похмелья, что ль?) не помнящий родства,
себя находит в неприятном доме.

Иван Бездомный обойдётся без
механики рифмующихся строчек.
На всём былом – печать: попутал бес!
Возврата нет. Знак пустоты и – прочерк.

Иван Бездомный бродит средь берёз,
музыку извлекает из травинки,
и лезет в душу то ли Берлиоз,
то ли пленивший бедного Стравинский.

Борис Лихтенфельд родился в 1950 году, живет в С.-Петербурге. Заведует отделом публицистики журнала «Звезда». Публиковался в журналах «Обводный канал», «Часы», «Арион», «Волга», «Звезда», «Крещатик», «Нева», «Зинзивер», «Дети Ра», «Слово/Word», «Новый журнал», «Плавучий мост», «Артикль», «Семь искусств», «Чайка», в альманахе «Паровозъ» и др. Автор книг «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000), «Метазой» (2011), «Одно и то же» (2017).

2.

Ночь течёт, черна и молчалива...
«Морфий»

Ночь течёт, черна и молчалива,
ноября семнадцатого года –
то ли жуть исходного разлива,
то ли безысходная свобода.

Это – только фон одной болезни...
Как ещё от жизни затвориться?
Разве только раствориться в бездне...
– Бедный доктор! – шепчет фельдшерица,

только атмосферу накаляя.
Дьявол, что ль, течение убыстрил?
Что там отречение Николая?
Что стрельба в Москве?.. Укол и – выстрел...

3.

Где-то на севере был такой город...
«Записки на манжетах»

Где-то на севере был такой город –
вспомнить под сенью чинар...
Где-то грабёж перманентный и голод,
холод, разруха, кошмар...

Нет ни Москвы уже, ни Петербурга,
нет и России самой...
Есть только долгая где-то прогулка
без возвращенья домой...

4.

– *Убедительно советую, поменьше читайте апокалипсис*
«Белая гвардия»

– Ужас! Почитайте Апокалипсис! –
шепчет сифилитик Турбину.
– Не читали б лучше, а покайтесь!
Тот своё: мы канем в глубину
моря мёртвых.

– Эдак никакие вам
не помогут снадобья!

– Уже
все четыре всадника под Киевом!

– Позаботьтесь лучше о душе!
Это ненадолго ведь. Простите ли
эйфорию самостийных грёз?
– Ангелы трубят, я слышу, мстители...
– Успокойтесь! Это паровоз.
– Вышел зверь из бездны... В неприютности
будем доживать, как Вечный жид.
– Предоставьте Божией Премудрости
разум жалкий свой! ммммммм
– Земля дрожит,
саранча повсюду...
– Всё же надо бы
как-то пережить «конец времён»:
всяк прошедший через муки адовы
будет в книге жизни сохранён...

2021-2022

Здесь ведь даже ангелы –
сплошь иноагенты:
действия их требуют
запредельной ренты.
Как-то нежелательно
они организуются,
с нашими законами
не соотнобразуются.
Надо им условия
тут создать такие,
чтобы улетали прочь
спешно из России,
не исполнив миссии –
тайного задания
Центра нам не дружественного
псевдомироздания.
Псевдомиротворствуя,
сеют лишь соблазны,
что для нашей братии
чужды и опасны.
Кем-то направляются
их мнимые достоинства
на дискредитацию
антихристового воинства.

май 2022

С реальностью утратив связь,
над чёрной бездной накренься,
под виртуальный гул оваций
Москва сгорала от стыда
за то, что сунулась туда,
куда не стоило соваться.

апрель 2022

Вам ещё нужна победа?
Где баланда, там и квас.
Завтра повар людоеда
сало вытопит из вас!

сентябрь 2022

Годовщина

Лютый февраль – Иуда.
Одиннадцать – вслед за ним...
Каждый – злом, из-под спуда
вылезшим, единым
в общей мистории ада,
что распахнул врата.
Скрежет и чья-то бравада
с грохотом: тра-та-та...
Не переждать в сторонке,
уши уже не заткнуть.
Лопаются перепонки...
Жизнь превратилась в жуть.
В гулком хоре проклятий –
внятное: чтоб он сдох!..
Нем средь лжецов и татей
преданный нами Бог...
Что остаётся – плакать
или скулить, как пёс?
Стыд превратился в слякоть
лютых февральских слёз...

февраль 2023

Святая Русь

Не чёрная дыра, зависшая
в беспамятстве чумной эпохи,
а некая реальность высшая,
любви божественной сполохи...

Молитва о властях и воинстве
слух почему-то нынче режет:
под сводом храма чуть освоимся –
врат адových услышим скрежет.

Двух душ – Борисовой и Глебовой –
да славится единство, а не
бесчинства полчища свирепого:
жестоки нынче христиане!

Что, мол, приказ был и что *я не я*,
убийца скоро мямлить будет,
а подвиг противостояния
Отец Небесный не забудет:

сквозь этот мрак Себя проявит нам
по редким звёздам в небе мгlistом –
по душам жертвенным и праведным,
по страстотерпцам пацифистам...

март 2023

Патриотический детектив

Рухнула и – бездыханна.
1982

Версия первая: козни и происки
неисчислимы врагов.
Оборонялась геройски...
Жалко, не дожил хирург Пирогов:
он бы живою и мёртвой водицей
тело её окропил,
по сохранённой в преданьях традиции
кости и дух укрепил.

Версия вторая: веря истово
в высшее своё предназначение,
от реалий впала в помрачение,

покусилась на самоубийство.
Как записка странная предсмертная,
вся словесность многожды экспертами
читана была и перечитана.
Следствие запуталось в причинах.

(Взять одну из многих: не могла
меж двумя достойными мужами
сделать выбор, и тоска ужасная
выползла внезапно из угла.
Запад был настойчив и напорист,
а Восток узор силков своих
укрывал под мантией покорности –
и в ответе каждый из двоих.)

Версия третья: жертва сама
свору убийц и насильников,
словно быка красной тряпкой, дразнила –
вот и свела их с ума,
вот и набросились на провокаторшу,
алча перемолоть
и превратить в кровавую кашу
всю её нежную плоть.

Версия четвёртая: несчастный
случай. Шла себе своим путём
и нашла – обманута чутьём –
смерть свою во цвете лет нечаянно.
То ли навзничь от огня небесного
пала, то ли под ногой покров
ледяных устоев и основ
треснул вдруг – и поглотилась бездной.

Версия пятая: тихий уход –
похоронили другую.
Некую фурию-гурию
жертвой избрали, пустили в расход.
А она – как Феденька Протасов –
от мирских освободилась пут,
растворилась в дальних тех пространствах,
где её Кузьминичной зовут.

(Выделить особо: о наследии,
об её учении неписаном,
о пресуществлённой ею снеди.
Все, кого воспитала эта тризна, –
бывшие адепты, профанируя,
днесь оборотились мародёрами.

Ложная гробница – их кумирня –
пошлым декорирована дёрном.)

Версия шестая: чудом выжила,
пребывала в коме чуть не век.
Вдруг вздохнула глубоко и вышла
на простор лесов, полей и рек.
Томными очами, как пришелица,
знание нездешнее тая,
огляделась – и невнятный шелест
обнажил: ужели это я?

Версия седьмая: всё же в Бозе
опочила и погребена.
Но ещё воскреснет в новом образе,
мёртвые раздвинет времена...
Тёмное, глухое это дело
не закрыть никак, не сдать в архив.
До сих пор над ним витает гриф
жуткой тайны. Продолжение следует...

2007

ХРУЩЁВКА НАШЕЙ ЛЮБВИ

Роман

Глава 1

Так называемые все

Пользователь Эльвира создала чат: ребята нашего двора. Пользователь Эльвира пишет. Пользователь Эльвира переименовала чат: жители нашего дома 202. Пользователь Эльвира переименовала чат: чат жителей дома 202. Пользователь Эльвира добавила пользователя Нагибатор2000. Пользователь Эльвира пишет: Василий Константинович, я правильно вас добавила, я сегодня говорила, мы еще встретились в магазине случайно? Пользователь Нагибатор2000 покинул чат. Пользователь Эльвира переименовала чат: соседи дома 202, подъезд 2. Пользователь Эльвира добавила пользователей Неопознанный летающий мужик, Супер-пупер падла, Вадим Королев, Горький Пончик, Светочка, Оксана Витальевна, Злой гинеколог, Афина, Принцесса дури.

Пользователь Эльвира пишет: всем добрый вечер, я рада, что мы теперь можем тут обсуждать разные вопросы, просто сплетничать, если вы понимаете, о чем я. Пользователь Эльвира отправила фотографию кудрявой девочки лет двенадцати, впрочем, возраст неопределим, когда речь заходит о детях, стремящихся к половому закипанию. И, наверное, у светловолосой девочки с хитрой улыбкой, прищуренными карими глазами не все молочные зубы эмигрировали в жестяную коробочку с голубой коровкой, что стоит в прикроватной тумбочке. Важно ли это для повествования, неважно это для повествования. Пользователь Эльвира отправила фотографию ребенка, глядящего прямо на тех, кто смотрит на нее в момент созерцания фотоснимка. Девчонка в джинсовом комбинезоне лукаво улыбается, а на фоне горит деревенский домишко, а на фоне пожарные совершают действия по спасению чьей-то жилплощади. Фигурки в черно-желтой форме постреливают из шлангов, пенится, пенится специальный раствор, отрезает языки пламени, чтобы те не сболтнули государственной тайны о виновнице поджога. Пользователь Светочка пишет: Эль, что за дичь ты присылаешь, ха-ха-ха, огонь. Пользователь Злой гинеколог пишет: девчонки, записывайтесь на прием, скидка всем пенсионерам! Аватар Злого гинеколога являет собой детерминированность взглядов современных парней. Нахмуренный юноша с оттопыренными ушами в черном спортивном костюме стоит на фоне хрущевок, среди порыжелой листвы. В квадратике внизу снимка надпись: «черный не цвет печали, яркие краски, вот, что вгоняет меня в депрессию. Они такие пустые, а черный так поэтичен. Как вы представляете себе поэта? В ярком желтом пиджаке? Не думаю». Пользователь Светочка пишет: Эль, кого ты это добавила, изврат какой-то. Пользователь Светочка отправила стикер мультишной принцессы, ее левый глаз прикрыт, правый глаз увеличен в связи с тем, что к нему поднесена лупа, надпись над

*Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГГУ. Публиковался в сетевом журнале «Литература». Пре-
дыдущая публикация в «Волге» – роман «Плохие мальчики попадают в Сибирь» (№ 1-2, 2023).*

мультяшной принцессой: ты что, больной? Пользователь Эльвира пишет: Свеклочка, он шулер, эта вообще сосет. Пользователь Эльвира пишет: гребаный Т9! К чату присоединился пользователь Тот самый Иннокентий.

Пользователь Тот самый Иннокентий пишет: вечер, к сожалению, недобрый, хочу обратиться к так называемой Светочке, которая, как бы пилит ногти, но почему-то все клиентки выглядят у нее, как бы вульгарно, оставляют подле моей двери дерьмо, зачем-то поднимаются на пятый этаж и оставляют подле моей квартиры дерьмо. Пользователь Светочка пишет. Пользователь Тот самый Иннокентий пишет: так вот, хотелось бы вам, Светочка, подарить книгу по домоводству, само собой, в качестве ориентира, видно, вы до сих пор не научились ориентироваться в правилах добрососедства, плутаете так сказать. Никто ничего не пишет, лишь завывает ветер. Правда, не все участники чата его слышат, зависит, конечно же, от стороны. Жильцы, чьи окна выходят на южную сторону лета, слышат лишь бормотание какого-то престарелого завода, ни какого ветра. Пользователь Светочка пишет: а вы кто, вы в своем уме такое писать девушке? Пользователь Светочка пишет: слышь ты, гнида, я сейчас вычислю, кто ты, муж тебе всю харю ломает! Пользователь Светочка пишет: язык проглотил, задрот? Пользователь Светочка пишет: как мы будем решать ситуацию, сдается мне, что из-за таких дегенератов люди доводятся. Пользователь Тот самый Иннокентий пишет: до чего они доводятся? Пользователь Светочка пишет: Эль, ты посмотри, какой мудака, ты можешь его вычислить, с какой он квартиры? Пользователь Эльвира пишет: Свет, как я могу, это же интернет. Действительно, пользователь Эльвира никак не могла вычислить, ведь с фотографии ее профиля смотрел упитанный кот в пластиковой серебристой короне, а у кота все-таки лапки. Пользователь Светочка пишет: слышь ты, гомункул обдроченный, у меня муж знает серьезных людей, мы тебя будем медленно резать, а потом, возможно, даже побьем.

– Светлана Геннадьевна, что вы имели в виду под «возможно, даже побьем»? А также ввиду чего вы сделали выводы, что ваш гражданский муж имеет связи с серьезными людьми, он сам вам об этом говорил? – спросил мужчина с пасторальной внешностью. Стог сена на его голове полыхал, зеленоватые брови, точно листья комнатной пальмы, были насуплены. – Да, господа хорошие, наоставляли вы цифровых следов, обувь снимать надо, – говорил, улыбаясь губами-перилами мостка через речушку стремительных слов, оперативник, водя пальцем по экрану телефона. В кабинете пахло каким-то наитием. В нашем понимании, наитие пахнет крепким кофе, одеколоном, железзяками. Элемент внезапности вполне вероятно присутствовал в кабинете, скрытая угроза, как выразились в первом эпизоде «Звездных войн». Круглые черные часы, напоминающие дверной глазок, выражали полдень. В полости между рамами окна была замурована обертка от шоколадки, черная, словно кот Плутон, она безрадостно доживала свой век. Грамоты в бежевых рамках, висевшие на голубоватых стенах, точно жуки в янтаре, говорили о владельце кабинета многое. Количество грамот превышало раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Равномерное световое излучение, исходившее от реактора, окутывало мужчину, его маковый джемпер люминесцировал, оперативник посматривал в монитор, но все-таки взгляд его болотистых глаз изучающе посматривал и на девушку тоже, сидящую перед ним. Беспрецедентно заплаканная блондинка лет двадцати пяти, в темно-синем бархатном спортивном костюме с пантерой на груди. – Я ничего не имела в виду, это же интернет, простите меня, – всхлипывала девушка, уходя от прямого, как попадание в целевую аудиторию песни про елочку на детском утреннике, ответа. – Светлана Геннадьевна, давайте тогда строго по вашей объяснительной, не отступая, а то шаг влево, шаг вправо – расстрел, – произнес начальник. – Как расстрел, мне нельзя расстрел! – зарыдала девица, из глаз, ушей, и рта преступницы хлынула солоноватая вода, словно пробку из наполненной ванны, где плавают лепестки фиалок, выдернули, порушив романтическую атмосферу. – Балабанова, прекратить мне тут, читайте свою объяснительную! – оперативник был раздосадован, общение становилось каким-то душевным, поддаваться эмоциям не разрешалось. И Светлана Геннадьевна, уловив настроения, словно осьминог-предсказатель Поль данные о футбольных исходах, утихомирилась.

«Я Светлана Геннадьевна, одна тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения, проживаю по адресу: улица Шмидта, дом 202, подъезд 2, квартира 2. Там же прописана, где и прописан мой гражданский супруг, Николай, временно безработный. Я тружусь неофициально, то есть в трудовую книжку мой стаж не идет. Мой род деятельности мастер по маникюру, педикюру, наращиванию ресниц, то есть я задействована в сфере красоты. Преимущественно у себя на дому. Также с нами проживает мой четырехлетний сын, ребенок от моего предыдущего брака. Вечером 2 октября моя соседка Эльвира создала чат, куда добавила некоторых наших соседей. Также там появился не вполне благонадежный, как мне показалось, субъект по имени Тот самый Иннокентий, хотелось бы уточнить, что с таким человеком я лично не была знакома, лишь когда мой супруг Николай, одна тысяча девятьсот девяностого года рождения, не решил с ним познакомиться. В чате тем вечером произошла перепелка, Тот самый Иннокентий, позже мы узнали, что настоящее имя Того самого Иннокентия по паспорту Владимир, так вот Владимир в нецензурной форме высказался в мой адрес». – Светлана Геннадьевна, что, по вашему мнению, значит «нецензурно высказался»? – перебил девушку оперативник, закуривая тонкую коричневую сигарету, поспешно спросив: можно мне закурить? Девушка кивнула. – Я думала, я не знаю, он сказал «говно», – вышла из равновесия, вошла в истерику миловидная психопатка. – Продолжайте, Светлана, только по тексту продолжайте! – вывел оперативник из палисадника истерики, завёл в подворотню фактов сотрудник Мур-мур. Девушка осоловело продолжила, подобно тому, как продолжали сотрудники Моссада находить виновных в трагедии, произошедшей в Мюнхене на олимпиаде 1972 года, вплоть до полного уничтожения. Безоблачный лоб Светланы Геннадьевны нахмурился, выражая крайнюю степень озадаченности. Она была мила, как два буддиста в желтых одеяниях с пустым транспарантом, как два митингующих буддиста, требующих буддиста.

«В тот вечер, когда Владимир Иванович Курочка меня оскорбил, я немедленно сообщила об этом своему гражданскому мужу Николаю. Он отнесся к происшествию резко отрицательно. В этот момент он смотрел по телевизору футбольный матч. Динамо проигрывало, поэтому он был в плохом настроении. Он еще сказал, чтобы я не отвлекала его. Поэтому я не знала, как ему сообщить о поруганной чести. Сына забрала бабушка на выходные. Мы планировали с мужем провести время вдвоем. За три часа до того, как меня оскорбил Владимир, я посетила магазин сексуальной направленности на улице Зеленой, где приобрела определенное белье с целью проведения с мужем половых действий». – Какого цвета было белье? – проявил чисто мужской интерес оперативник. – Это не относится к делу, зеленое, – все-таки утолила интересную жажду оперативника девушка. И вернулась к чтению своих показаний. «Когда я сообщила Николаю об инциденте, он вскочил с дивана, опрокинув полуторалитровую бутылку с пивным напитком, схватил со шкафа, на котором стоял телевизор, травматический пистолет, название которого я не помню. Я сказала ему, что не надо, только сняли надзор, это же новая уголовная статья. Он мне поверил, положил пистолет на диван, взял со стола молоток. Тогда я ему посоветовала что-то помягче взять, мы же шли на воспитательную беседу, а не членовредительствовать. Я подчеркиваю, это позиционировалось именно так. Он мне сказал, что жалеть никого не намерен, его самого никто не жалел, когда в него выпустили четыре пули. И Николай стал повторно рассказывать ту историю, когда они крышевали ларьки. Мне эта история была неприятна, скажу прямо, ведь я патриотка своей страны, а криминал не вяжется с этим понятием». – Балабанова, вы сейчас читаете свои показания, или на ходу сочиняете? – оперативник жилистым пальцем почесал присвоенный ему ахматовский нос.

– Ничего я не сочиняю, – захныкала, как американец на встрече с братом-2, Светлана. – Балабанова, отставить, читайте, – сказал хозяин грамот на стене, затушив свою сигарку в хрустальной пепельнице. Пепел, фиолетово-серый, словно рыбешка тетра, остался лежать на дне губительно-го аквариума. «Николай всерьез разозлился, вообще он у меня вспыльчивый, но меня и ребенка не бьет, но что вы хотите, возраст у него молодой, у него корни восточные, там у них принято, как он сам говорит, отвечать за вокзал». Светлана Геннадьевна посмотрела на законопаченное окно, спросила: а можно мне открыть окошко, душно? – Светлана Геннадьевна, мы тут не в игры

играем, читайте, читайте, – оперативник неожиданно зевнул, корни его зубов уходили глубоко в почву, золотистые кроны сверкали. «Продолжаю. Мой супруг согласился, что молоток это, мягко говоря, не наш метод. Он направился в комнату сына, принес оттуда длинного плюшевого крокодила. Тогда я спросила: зачем? Он ответил, что за крокодила уголовную статью не дадут. Тем более, Валера, наш сын эту игрушку не любит, считает, что крокодил съел солнце, поэтому и не любит. Я рассмеялась, не тому, что мы пойдем вычислять соседа и проводить воспитательную беседу, а рассмеялась потому, что, ну, кто же с мягкой игрушкой, вот. Николай сказал, что плетку он брать, пожалуй, не будет. Плеткой он называет свой пистолет, я сама в некотором замешательстве от подобного сленга. Также мне необходимо признаться, товарищ следователь». Светлана примолкла, словно лужа в середине зимы. Потом она как бы вернулась к бытописанию рокового вечера. Однако бытописание больше походило на копошение в хронологической пыли, а в ином случае на донос.

«Я чувствую, что должна вам признаться, мой гражданский супруг имеет не зарегистрированное оружие помимо травматического пистолета, мне нужна программа защиты свидетеля, новый адрес, новые имена для себя и сына». – Балабанова, это, конечно, замечательно, с этим заявлением вам надо в кабинет напротив, а сейчас давайте уже закончим про события, произошедшие в квартире Владимира Ивановича Курочки, – мужчина был недоволен, что подозреваемая пока не выстрадала алгоритмы общения с представителем органов. Устный донос на мужа показался хозяину кабинета поступком крысиным, недостойным. Однако, являясь профессионалом, он предпочел не покрывать девушку ругательствами с ног до головы. Нет, напротив, он как можно спокойней сказал: милочка, читайте! «Николай взбеленился, когда я показала ему переписку, принес из комнаты сына плюшевого крокодила, сказал, что я хорошо выгляжу, он возбудился, у нас произошла близость. Потом супруг взял крокодила, сказал, чтобы я еще раз написала в чате Тому самому Иннокентию. Тогда я спросила, что написать. Он ответил, напиши что-нибудь провокационное. Я рассмеялась, он смешно вспоминал слово “провокационное”. Когда он это делал, то морщил лоб, как бурундучок. После этого Николай несколько раз ударил меня крокодилом в область макушки. Я расстроилась. Начала плакать. Супруг положил крокодила на подоконник, взял мой телефон. Стал вычислять Курочку, как он сказал, по IP. Я сказала ему, что, кажется, беременна. Он отвлекся от телефона, посмотрел на меня, как мне показалось, печально. Потом спросил, кто является отцом ребенка, не Тот ли самый Иннокентий. Он посмотрел на не зарегистрированные автоматы, они лежали пирамидкой возле двух, не работающих ста двадцати миллиметровых снарядов, которые в свою очередь лежали возле ящика с гранатами, опасно, конечно, а куда деваться. Я сказала ему, что нет. Он ударил кулаком по двери, дверь треснула. Николай занимался давно боксом, правда, меня и ребенка не бил. Пришло сообщение, Тот самый Иннокентий написал номер своей квартиры. Написал, что готов погибнуть за свои убеждения».

Светлане Геннадьевне не хватало вздыханий по собственной жизни, она побагровела, стала покачиваться своим упругим, физически полноценным телом. Оперативник допустил на мгновение, обморок станет причиной столкновения Балабановой с однородным бетонным полом. И даже гетерогенный линолеум, усеянный каплями белой засохшей краски, не смягчил бы удар. Поэтому он ринулся к застекленному шкафу, взял из него графин с водой, крикнул на дверь: дежурный, войдите! На пороге, как будто только и ждал этого призыва, возник дюжий парнишка в зеленых брюках и цветастой, аляповатой гимнастёрке, нижняя челюсть выступала вперед, и поэтому выражение лица было удивленным. – Что с формой, товарищ? – спросил оперативник, поливая из графина конвульсирующую на стуле фиалку Балабанову. – Да дело-то не во мне даже, тут, как ни посмотри, выходит не очень красиво, понимаете, жена постирала с детскими вещами, вот даже, – дежурный достал из кобуры тетрис. Светлана Геннадьевна полетела на пол, послышался жалобный стон. Мужчины возвысили девушку в глазах пола, ее ноги подкашивались, образовывая иностранную букву икс. – Своди-ка нашу гостью Светлану Геннадьевну к медсестре и позови мне супруга, там, в коридоре сидит, – раздумывая, произнес хозяин кабинета. Наша

гостя и дежурный вышли. В заголовке сотрудника пролетела жужель, обернувшись, он всмотрелся в пространство кабинета. Потянулся своими поистине сильными, жилистыми пальцами к пистолету в напелочной кобуре. Однако в последний момент передумал извлекать оружие, сел за стол, молочно-голубое излучение от монитора померкло. Белой салфеткой с изображением елочки в окружении снеговиков-гидроцефалов вытер со лба проступивший пот. Все-таки душновато, подумал он. В дверь, постучав, вошел безусловный гражданин. Про таких еще говорят: четкий гражданин. Овсяные волосы его были структурированы прической полубокс. Крупнорубленное, как будто сшитое из разных мясных частей, лицо нецензурно не выражалось. Уши у него какие-то разные, подумал оперативник, сломаны, подумал оперативник, драчун, подумал оперативник. Из-под свинцово-серого пиджака выглядывала майка-сетка. Таким образом, следователь стал невольным наблюдателем неприятной эротической картины. Наколотый на животе глазастый дракон, кажется, что-то задумал нехорошее, он поглядывал на следователя, словно салат из морепродуктов на кошку, медленно подползал.

– А это мы, – сказал, поморщившись своим ястребиным носом, точно понюхал картофельные очистки, лежащие с прошлой недели в мусорном гнезде, Николай. Бровь над левым глазом делили равные промежутки, то есть нарушенная целостность брови могла объясняться лишь специфическим вкусом супруга Светланы Геннадьевны. Как будто многоточие брови, подумал оперативник, как будто следы сбежавших слов. – Кто мы, якудзы? – спросил, оскалив зубы цвета Белоруссии, начальник, кивнул на стул, где минутой ранее сидела девушка. – Скажете тоже, я нормальный, и с ориентацией у меня все в порядке, – с досадой проворчал преступник, усаживаясь на черный стул. Голос его был горько-медлительный, проникновенный. Оперативник смотрел на него, прищурившись, размышляя, купить ли сегодня вечером тортик графские развалины, или повременить. Жена, помнится, говорила что-то про свою мать, приезжает ли, не приезжает. В силу профессиональной деформации оперативник являлся уже не совсем нормальным человеком. Уши у него слышали на китайском, губы говорили на русском, а глаза видели на старославянском. Из-за этого случались поломки семейного трактора, молодая жена все-таки стремилась шагать в ногу с Пелевиным. Покашлявший Николай перетянул канат внимания на себя. – Гражданин, вы написали свою объяснительную по ситуации с Владимиром Ивановичем Курочкой? – спросил оперативный сотрудник, твердо решая вечером купить торт графские развалины. – Обижаете, – Николай достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок в клетку. За стеной послышались удары улыбок о стены, кажется, хлопнула пробка шампанского. Празднуют повышение, подумал оперуполномоченный отстраненно. – Читайте, нечего рассусоливать, – произнес нетерпеливо, а сам, конечно же, мысленно поспешил домой, влезая в серое твидовое пальто, водружая на голову, как знамя победы, красную бейсболку с гербом любимой футбольной команды.

«Я Николай Васильевич, одна тысяча девятьсот девяностого года рождения, в данный момент времени оказываю охранные услуги. Проживаю на улице Шмидта, дом 22, подъезд 2, квартира 2, прописан там же. Со мной проживает пасынок и жена. Вечером 2 октября ко мне обратилась супруга Светлана с просьбой расчлнить некоего Владимира Ивановича Курочку, в последнее время за ней наблюдались странности, она стала какой-то жестокой, в общем. Я попросил ее умерить свой пыл. Она спросила, мужик я, или нет. Я сказал, чтобы она прекратила так говорить. Супруга стала обострять, попрекая нежеланием называть ее сына своим сыном, моим то есть. Но я-то знаю, что это не мой, в общем. Тем вечером, когда у них произошла перепалка, я смотрел футбольный матч, играло Динамо». – «Динамо», значит, ну-ну, – не сдержался оперативник, он болел совершенно не за «Динамо». – Так точно, а можно мне открыть окошко, душновато? – спросил Николай, позевывая. – Не торопитесь, а то опоздаете, товарищ, а вот Динамо, конечно, на любителя, – следователь погладил рукоять своего пистолета Лебедева с магазином на 14 патронов. «Светлана призналась, что Владимир Курочка является ее любовником, на это сообщение я отреагировал резко отрицательно. Это позже стало известно, что жена придумала версию с любовником, чтобы меня позлить, но в тот момент этого я не знал». Гражданин замолчал. Яйцо

всмятку на небе приобрело черты несовершенства, туча откусила солидную часть, в кабинете обострились тени. – Работаем, работаем, – поторопил следователь, хотелось поскорее придушить трудовой день капроновыми чулками выходных. Приближалась суббота.

«Супруга очень разозлила своим заявлением. Я взял крокодила своего пасынка. Ему крокодил не нравился, а у меня просто какой-то фетиш с этим крокодилом случился. Он помогал мне успокоиться». – Какого размера крокодил? – уточнил хозяин кабинета, промокнув салфеткой лоб. – Метра два, на ощупь очень приятный, мягкий такой, – улыбнулся Николай, и подобно тому, как возвращается маньячина на место собственного преступления, Николай вернулся к объяснительной. «Владимир сообщил свой адрес, его квартира располагалась над нашей квартирой через три этажа. Светлана снова начала пытаться уязвить мое мужское достоинство. Она сказала, что ей нужен скальп Курочки, если я сам его не смогу принести, тогда принесет она, но из квартиры она меня выпишет в таком случае. Мы направились к соседу. Супруга взяла паяльник, у меня был с собой крокодил». – Интенсивней, интенсивней, – взвился голос оперативника. Николай, подобно жене, покачивался на стуле, блестящие металлические ножки вязли в линолеуме, царапали бетон. И душные пальцы нащупали кадык этого, в сущности, не бандитского господина, Николай громко сглотнул. И завершил процесс говорения. «Мы подошли к двери, она была не заперта. Внутри пахло старухами, кошачьим кормом, микстурами. Светлана намотала на руку шнур от паяльника, первая зашла в квартиру. У меня был только крокодил, поэтому я шел за ней». – А потом мы увидели его, его! – не справился с управлением дельтапланом спокойствия Николай. Оправ обессиленным листиком на пол кабинета, мужчина встречал астеническую осень. – Да, наверное, душновато у нас, – задумчиво протянул следователь. Вновь обратился к двери: дежурный! И на пороге зашел пестролистным растением сотрудник, держащий в своей кобуре целый тетрис. – Туда же? – спросил он, кивнув на тело. – Туда же, туда же, голубчик.

Следователь по не очень важным делам Алексей Ежов был озадачен. Он прошагал до закупоренного окна, за которым пульсировала неизбывная окраина. Заблудившаяся тоска в Алексее смогла найти выход, стоило только начаться осени. Побарабанив пальцами по степи припорошенного сероватым снегом подоконника, Ежов решил звонить куда надо. Но жена опередила. Заиграла присвоенная телефону музыка, засвистели ритмично, вступили на-на-на. Мужчина ответил, связь по глупому стечению обстоятельств была в высшей степени громка. Радостный женский голос, покусанный электрической мошкаркой, сказал: Леш, тортик сегодня не забудь взять, мама приезжает! И голос продолжил, подобно тому, как продолжает новгородец, переехавший в тульскую область, говорить: ажно вранина кажется теперь правдой; Леш, а знаешь, какой самый популярный сейчас запрос в поисковике, как отобрать у голубя хлеб обратно, я передумал! Леша скосил глаза к переносице, не нравился ему разгорающийся костерок восклицаний жены, Леша вернул глаза в исходное положение. – Да, дорогая, как скажешь, – оперативник смотрел на элегичные, хрусткие качели на детской площадке, мальчишка-гепард, усеянный зелеными пятнышками, в клетчатом пальтишке пробовал подпорку качелей цвета лисичек на зубок. Что ж ты, ффраер, она же с микробами, подумал грустно Алексей. А в трубку сказал: да, дорогая, ананас будет, по одному дельцу заскочу, потом сразу же в магазин. Металлическая конструкция кренится, парню удалось выкусить клок истончившейся качели. Да ты не гепард, жиган, ты мошь, радостно думает Ежов. А сам в трубочку любезно так: солнышко, так точно, постараюсь не задержаться, целую. И отнимает телефон от уха. Своими детьми оперативник не успел обзавестись. А женщинам немного надо в плане создания коллектива, муж, сыночек или дочка, чтобы не пили сыночек или дочка, чтобы учились, росли умненькими. Во всякие притоны не ходили.

Курочка, Курочка Владимир Иванович, Алексею Ежову были неизвестны подробности дела, так, в общих чертах. Чета Балабановых в лице Светланы Геннадьевны и Николая Васильевича стали невольными свидетелями окончившегося, словно любое книжное произведение, по Ролану Барту, смертью автора, стали свидетелями подобного окончания Курочки. Да, подумал Ежов, непроглядный Балабанов какой-то. И дело-то, в общем, не вызывало в Алексее сокращения мышц головы, то есть интересная бабочка не вылупилась из кокона рядовых краж, дебошей, по-

ножовщины. В отделении все утро только и шептались, своими шаловливыми языками о том, что найденное тело было лишено костей, точно резиновая оболочка. Точно резиновая оболочка, размышлял оперативник, фланируя вдоль чудесной кактусовой аллеи. Вот она, малютка ребуция, в терракотовом горшке, разразившаяся розовыми цветочками. А это вот цереус, формой напоминающий деревянные мечи ацтеков. А что это такое голубоватое, долгое, как сорокинская очередь. Двухметровые пилосоцереусы были гордостью Алексея. Школьные парты, стоящие вдоль стены, уже не могли держать на своих советских спинах кактусовое многообразие. Надо бы перенести часть в живой уголок, подумал Ежов, набирая чей-то телефонный номер. – Серега, напomini, у кого ключ от квартиры Владимира Ивановича Курочки? – оперативный работник непосредственно не имел отношения к данному делу, то ли воздух стоял удивленный, то ли рассказ и последующие обмороки Балабановых выпели из него интерес. – Да так, просто спрашиваю, понимаю, что увезли тело, не поверишь, желаю посетить место, – сказал он, подходя к своему столу. – Да, записываю, да я ненадолго, понятно, что дочь, – Алексей судорожно водил карандашом по салфетке, – дочь, значит, она сдавать планирует квартиру его? – В окно вонзился салатово-оранжевый листок. – Благодарю, Серега, сейчас у дежурного возьму, глазком посмотрю на квартиру, к нам сегодня мать жены приезжает, – Ежов положил трубку, точно заботливая тетка вязаные носки племяннику в лагерь.

Висевшие напротив дежурной комнаты плакаты, они вмещали чрезвычайно важные для человечества вещи. «Защита от оружия массового поражения. Услышав сигнал оповещения об угрозе химического или ядерного нападения противника, необходимо немедленно укрыться в защитном сооружении...» Скрипнула входная дверь, вошла девушка в темно-синем мундире, каблочки у ней цокали. Цокали ярче дозволенного в местах скопления блюстителей правопорядка. Прокурорша раскраснелась щеками, прядь желтоватых волос упала на лоб. Плотнo прилегающая осень к нашим взмыленным тушкам, словно костюм ОЗК к телу призывника, ошарашенно подумал Ежов. – Алексей Михайлович, Сергей Николаевич мне передал, вот ключи, – дежурный, улыбнувшись, повесил каштановыми усами. Кажется, дежурный не дышал, кажется, он затаил дыхание, кажется, нужно что-то сказать, подумал Ежов. – Как вы думаете, можно ли измерять глубину вдоха глубиной выдоха? – спросил он, качнувшись телом, пропуская прокуроршу. – Не лишено смысла, – растерянно произнес человек за стеклом. И где-то на окраине слуха оперативника пульсировали робкие переговоры: слышал, что по мобилизации сейчас будут набирать из младшего офицерского состава. Ему неуверенно возражали: не имеют права, кто ж останется на местах. Капли шагов прокурорши высохли. – Ладно, это все пустое, ключи верну завтра, Сергей сказал, что дочь за ними должна прийти, – сказал Ежов. И поспешил к выходу.

Алексей Ежов автоматизировался до состояния улицы. Щебетали, отстукивали, гудели октябрьские механизмы. Мужчина пересек двор, на котором курили электронные сигареты сотрудники отдела кибербезопасности. Иссохшие кустарники росли на парковке. Среди милицейских микроавтобусов он отыскал свой густо-зеленый внедорожник. Синяя роза, лежащая на капоте, была не готова к встрече с Алексеем. Вернее, не так, Ежов не был готов к свиданию с женщиной, женщиной ли, упорно подкидывающей свои синие розы оперативнику. Все-таки жена бы рассердилась, если мужчина станет вдруг пресыщаться чужими прикосновениями. Оперативник бросил цветочный снаряд в кусты, там кто-то засопел. На телефон пришло сообщение из домашнего чата, где состоял Алексей, соседка писала: «Уважаемые соседи, крупный боковой отросток от ствола дерева во дворе мешает проходу граждан, создает угрозу пожарной безопасности. Давайте вместе резать сук!» Статья, статья за такое предусмотрена, Валерия, весело подумал мужчина, влезая в салон машины. Утлый пластмассовый бульдог неодобрительно покачал своей тучной головой. В сущности, Алексей не ведал, зачем едет в квартиру предположительно самоубийцы Владимира Ивановича. Что это, длящееся пристрастие организма к приключениям, внезапно проснувшееся после свидетельских показаний Балабановых. Или желание разобраться в ускользающем веществе таинственного. Мужчина не знал. Он включил радио, вырulingая с парковки.

Вещательница с придыханием прошептала: «а мы продолжаем цикл передач, посвященный жизни и творчеству писателя, путешественника, ловеласа Карлоса Кастанеды». Оперативник встроился в поток машин, трасса была ветвиста, как рога реликтового оленя, характерного для местности обитания хрущевки. С подселенными в них Балабановыми, Владимиром Ивановичем, прочими гражданами. Ежов прикинул в уме, а не гонит ли он дурочку, расщепляя звуки симфонии своей службы до причмокивания пристрастности. То есть не лезет ли он в чужое дело. Женский хрипловатый голос продолжил укачивать Алексея на волнах пейотовых воспоминаний: «Окружающий нас мир иллюзорен. Кто подтвердит, что предмет, кажущийся нам твёрдым, в действительности твёрдый? Мы думаем о геометрии пространства, но с чего мы взяли, что пространство вообще строится по законам геометрии? Почему мы измеряем время последовательностью событий, и в этом ли суть времени?» На светофоре по правую руку от оперативника остановился резко-желтый автобус, на грани автобуса неизвестный огласил солнышко, его длинные синие, фиолетовые, зеленые отростки длились до границ видимого Ежовым. Солнышко улыббалось. Крупные, как истлевшие великаны из бродячих цирков прошлого века, крупные буквы: дети. В окнах сидели откровенные в своей воинственности мужики. Бронежилеты, черные маски. Алексей поспешил отвести взгляд от кушающего с аппетитом, как беременная женщина, большущий бутерброд гражданина. Шапка с прорезями для глаз была сдвинута на лоб, обнажив половину лица в шрамах. Радиоведущая озвучивала некую мысль, поскользнувшуюся на ледяной горке недосказанности. Она сказала: «материальный мир, состоящий из физических предметов, по большому счету – блеф, картинка, нарисованная нашим мозгом». Изувеченный светофор, усеянный трещинами, возгорелся зеленым. Ежов начал движение. И подумал Ежов о цитате Карлоса Кастанеды. И подумал Ежов, точки сборки это для пацанов, а он уже не пацан. У него уже памяти крематорий работает в полную силу. И многое, многое, многое из воспоминаний эволюционировало до состояния пепла.

Транспортное средство заехало в непримечательно-окончательный двор. Постоянные величины двора – изможденный непогодой стол, за которым играли в шахматы мужики, песочница, детский сад – казались нерушимо-вечными. И ступил Алексей на мякоть двора, стлался предобеденный туман. Осенние ожоги на листьях помыслились оперативнику предзнаменованием холодной зимы. Россыпь пятиэтажных домов, не прерываясь, нависала потенциальным урочищем над оперативником. Рыжий упитанный мальчишка гнал стадо черно-белых луж. Обретшие очертания массивные очки мальчишки, характеризовали его как человека сообразительного. Ежов надел бейсболку козырьком назад, ассимилировавшись с подростковой средой. Уверенно, точно лейтенантская проза, направился к ребенку. Минутная ходьба перетекала в столетия, парень заметил приближающего свое тело мужчину. Стремглав перебежал, хлюпая лужами, ближе к голубятне. Голубятня, вмерзшая холодно-синим айсбергом в устье гаражного кооператива. Тарахтели порочные в своей выхлопной любви к миру автомобиля. Алексей пока бежал, успел пожалеть о столь явном преследовании, как бы не подумали чего. Мальчишка остановился, вблизи он походил на совершеннейшего бунтаря. Игрек рогатки, торчащий из кармана коричневой курточки, оторванный капюшон. – Любишь голубей, а тебя как зовут? – спросил Алексей. – Помню, мы в девятые ловили голубей, общипывали, варили, потом замораживали, а потом разбивали ими стекла магазинов и воровали колбасу.

Преждевременная старческая улыбка озарила лицо мальчишки, нескольких зубов нет, во рту гуляет сквозняк. Сквозняк гуляет и по улице, кто-то не забил досками окна. Парнишка был весел, как старуха-провокатор, бросившая детям во дворе конфету, а потом она предпочитает смотреть, как дети за нее дерутся, старуха ввергает общество в хаос. Ложно-агатовые глаза, кажущиеся то зелеными, то карими, как посмотреть, прищурились. Заплутав на отрезке между «да» и «но», оперативник не знал, как продолжить разговор. Что роднило Ежова и странного мальчика, оба они принадлежали к одному и тому же археологическому слою в будущем. – Ты не из этого дома? – спросил Алексей, указывая на пятиэтажного исполина. – А вам зачем, допустим, из этого, – рыжеволосый школьник играл со следствием. К носку его песочного ботинка прилипли перышки.

– Дело в том, что я из милиции, меня интересует некто Владимир Иванович Курочка, знаешь такого? – А я покажу, только сначала давайте кто дальше плюнет, – парень явно был не так прост, хотя оперативник и оценил его высоко при первой встрече, но плевки это качественно иной уровень осознанности. Проклонувшиеся ранетки припозднились с появлением на свет, сморщенные плоды шиповника, дозиметры кукуют, перелетая с ветки на ветку. Полнота светового дня сменилась дистрофией потемок. – Хорошо, давай поплоем, и зачем тебе это надо, парень-то не глупый с виду, очки вон, – Ежов приблизился к рыжеголовому школьнику, послышался запах шампуня с Дракошей, послышался запах бензина. Как в полусне или в замедленной съемке, при нажатии на пульт клавиши рапид, парень мотнул головой и плюнул Ежову прямо в глаз, который немедленно зажмурился.

– Виктор Ильич, как это так, что ты себе это позволяешь? – к оперативнику спешила, семена, тетка. Парнишка выкрикнул ей заодно, вызывая то ли на дуэль, то ли на вольную борьбу: я не Виктор, марзаматичка! – Как же не Виктор, когда Виктор Ильич Гофман стоит передо мной собственной персоной, – на вид ей было лет пятьдесят с вычетом двадцати пяти, с добавлением двадцати четырех. Всеядные призывно-алые губы, губы давно не целованные, вдруг подумалось оперативнику. – Какой видный мужчина, – сказала она, подойдя почти вплотную, – а меня Мимоза Васильевна Страшенняя зовут, я управдом, вообще-то говоря. – Ежов оглядел улыбочиво-заветренную так называемую Мимозу Васильевну. Сквозь текстуры фарфоровой пудры проступили желтые пятна, высыпание советского слоя на лице новейших времен. Аметистовые глаза играли в догонялки, левый отставал. – Вот я такая, а вас как величать? – Страшенняя взыскивала с оперативника слова, причесанные облака на женской голове колыхали октябрьские сочленения ветра. Нравится ли, не нравится, но деревья не вырастут в книгу, но солоноватое опеченение предженщинами в сетчатых колготках должно быть преодолено, в движениях таких женщин угадывается человек. Проговоренные слова прочертили на лице управдома канавки. Опустевшие от полетов дельтапланы ее оранжево-черных бровей нахмурились. Сколы на малиновых губах ожидали прикосновений нежного языка, ожидали медового поцелуя, исцеляющего растрескавшиеся губы. Раздражение, внезапно призванное на службу Алексея Ежова по отношению к тетеньке, было стремительно изолировано в стенах ротовой полости, он сказал не то, что хотелось: никакая вы не страшная, зовут меня Алексей, мне бы осмотреть квартиру в двадцать втором доме. – Да это фамилия такая, Страшенняя, вы о квартире Владимира Ивановича, если о ней, тогда я вас провожу, – трепыхались ее зеленоватые веки, и не все было названо в мире, не все носители своего имени могли считаться полноценными единицами. Но зеленоватые веки могли считаться, могли получить даже загранпаспорт, где в графе пол пограничники указали бы: редкая бабочка, мясная бабочка. Рыжеволосый школьник сплюнул пренебрежительно, порой так сплевывают заводские рабочие, проходя мимо уличного свободного художника. Виктор Ильич, кажется, Виктор Ильич побрел по распухшей от частых дождей улице в сторону кинотеатра «Буревестник». И оперативник отметил, что в Мимозе Васильевне наличествует склонность к доминированию. Ее кожаный плащ с поднятым воротником внушал трепет, соотносимость с графом Дракулой, проживающим в Трансильвании, забавляла.

Прислонившиеся звуки к улитке ушной ухали птицами перелетными, птицами, переосмыслившими эмиграцию как процесс распада собственного языка. Переливы вчерашнего имени, которое отказалось дружить с именем сегодняшним, доносились до слуха шорохом оскудевших пакетов с продуктами, понедельник не равнозначен вторнику. Замершая строка объявления о помощи наркозависимым была сокрыта грифом секретно, ремонт бытовой техники, людей. Уплотнившись в безумном одиночестве, беспризорики спускались в подвал, чтобы, обнявшись, не чувствовать пронзительный холод наступившего мезозоя. Алексей, пока они шли, молчал, изредка кивал головой. Женские толстые пальцы с красными треугольными ногтями больно вцепились в локоть. – А что, сыщики как вы разве не знают, что квартира потерпевшего теперь принадлежит, будет принадлежать через полгода дочери, – говорила она, вглядываясь в лицо Ежова, как будто ждала подтверждения, как будто хотела присвоить себе квартиру Курочки. –

Послушайте, я не нотариус, а простой милиционер, просто дело-то показалось странным, и я решил взглянуть на место, где проживал пострадавший, – имелось глгчее желание долбануть управдома. Из подъезда вышел не выраженный формой и кожей товарищ, то есть пустой костюм-тройка и туфли прошли мимо оперативника. Черная шляпа-котелок покачивалась в такт шагам. Из нагрудного кармана торчал портсигар с оттиском ледокола средь айсбергов. Пустотность породила пение до рождения всякого слушателя. Мотив совсем простой, может, советская эстрада с чередующимися ла-ла-ла. Розовые босоножки на ногах Мимозы успели покрыться слоем чернозема, ноги потеряли способность быть опознанными. Меж тем костюм скрылся за углом дома. – Это Василий Константинович после развода таким стал, даже дети в гости не приезжают, – Васильевна знала тихую информацию о каждом жильце. Подобный архетип Васильевны встречался нередко в практике Ежова, подобные Васильевны являлись совестью и тайной канцелярий каждого дома.

У второго подъезда Страшенькая разжалобила оперативника до придержателя двери. – У нас заедает дверь, а квартиры перепутаны, если бы не я, прямо непонятно, где бы вы искали нужную, – Мимоза облизала языком алые губы, они стали фиолетовыми. Алексей от подобных извращений часто заморгал, но дверь придержал. Почтенность почтовых ящиков дома 22 впттали в землю, были они какие-то расцарапанные, оплеванные. Ежов посветил тонким фонариком-ручкой, взгляделся. На стене цвел призрачный ковыль, однако, в общем, господа оформители оформляли подъезд не сегодня: настенным рисункам, должно быть, было лет двадцать. – А вы не с того места смотрите, тут важен, конечно, ракурс, точка зрения, – женщина отпихнула оперативника, невзначай ушипнув его за попу. Кожаный плащ управдома по иронии судьбы распахнулся, из напелной кобуры торчала блестящая рукоятъ маузера, пистолетик молчал. Антропоморфная крыса с гитлеровскими усиками проскакала по лестничной клетке. Этажом выше расплескался компот сердечных переживаний. Алексей слышит придыхание пророщенных, свежих признаний в прикосновении к тому, что когда-нибудь станет инкубатором для ребенка, или уже стало. – Да я только один раз потрогал, когда ты спала, – говорит некий подросток, девица возражает: – Значит, пьяной меня можно насильничать, а на восьмое марта цветка поганого подарить нельзя! – Прорастали пыльные стебельки в грунте, скоропостижная жизнь. – А детки ничего, на самой остроте ощущений живут, – Страшенькая многозначительно посмотрела на Ежова, как будто ставила в укор ему, что же она такая видная женщина, и до сих пор живет не на пике ощущений. – Не надо это самое тут, до квартиры сам дойду, спасибо, что проводили, – мужчина стал подниматься к обнаженной Еве по лестнице Иакова. Связанный из вольфрамовых нитей свитер подростка напомнил о временах службы в армии, на секретном объекте тоже все сверкало-моргалло, полгода после окончания такой неукоснительной школы светился, и волосы долго не росли. Девчонка сидела на подоконнике, болтая ногами в узких черных джинсах, нашивка на правой коленке в виде анархии подчеркивала ее статус неприкасаемой. Ежов повидал подобных господ, их не переспоришь, не перескачешь на лошади, не перелетишь на самолете. Архитектура ее прически, казалось, была созвучна с автомобилем, который заглох посреди железнодорожных путей. А поезд мчит, а поезд кардинально меняет слагаемые местами. Каштановые волосы юноши вызывали легкую степень зависти. Проходя мимо влюбленных, мужчина отметил про себя: избывшие себя отношения подобны исчезнувшему у людей жабрам, перепонкам на берегу морском.

Алексей поднимался, держась за мясистые, подмороженные, побеленные стены. – Ну, ты и ugly, Лох Петрович, – послышались позади пояснения, которые, в сущности, уже и не требовались, тем более старшему лейтенанту. Управдом, перекикивая сказки мусорных пакетов, стоящие черными нарывами возле дверей, предупредила: одумайтесь, там еще до Курочки человек с ума спятил, а я, между прочим, свободна. Внезапно рука оперативника провалилась в стену, кажется, бетонный раствор не успел застыть в должной мере. С превеликим усилием Ежову удалось возвратить себе руку. По большому счету, провал обозначил себя дуплом, а не какой-нибудь пещерой. Третий этаж раздосадовал Алексея своей липучестью. Тетка продолжала надсаживать горло: у нас мистический дом, тут раньше капище было, знали? Мужчина не знал. У Курочкиной

квартиры на двери висела некая инсталляция, куриные косточки, перышки, соломенная куколка. Бордовая печать, жильё было запечатано. Запечатали, подумал Ежов, что ж, запечатали, хрен с ними. Оперативник вставил длинный, самодостаточный ключ, вставил его в замочную скважину. Электрощиток сам собою приоткрылся, поиграв мускулами ржавчины. Управдом поинтересовалась: вы дошли, вы же дошли, там у нас своровали лисапед, серебристый такой, сынок Гофманов довольно-таки расстроился, а я, между прочим, вдова, – Мимоза просовывает свои любовные спицы в уши Алексея, вяжет в них что-то. Длительное расстояние в три этажа не мешает. – А как вы думаете, детектив, стриптиз человека-невидимки это смешно? – срывалась на крик Страшненькая. – Я ничего не думаю, этого в уставе не прописано, а по поводу пропажи велосипеда обращайтесь в райотдел. – А что вы думаете по поводу того, что вы оказались самым талантливым сперматозоидом? – Отнюдь, с детства я увлекался футболом, может быть, поэтому, – зачем, зачем я ответил Страшненькой, сокрушается сыщик. Ключ по-прежнему в скважине, слышатся тяжелые шаги, слышится одышка. – Погоди меня, – женщина боялась не успеть застать своего мужчину целого и невредимого, с недавнего времени много кого забрали по частичной мобилизации, а Страшненькая с Ежовым познакомиться поближе не успели, Страшненькая полагала, любовь не остановит ледник, но согреет ночью, в ее возрасте не секс был страшен, а влюбиться, но она хотела влюбиться. Оперативник распахнул чужую квартиру. Повяло младенческим запахом. Одна из вероятных причин, как мы считаем с коллегами, это околоплодная жидкость, ее состав, зависящий от многих факторов, к примеру, от продуктов, которые употребляла мать. То же самое касается и музыки, ставят скрипочки, свистели, получается ребенок образованным, даешь познакомиться с металлизмами, будет ходить по ночам, звеня своими цепями. Ежов захлопнул тяжелую дверь пред самым носом управдома.

Запахнувшую Мимозу вывернуло наизнанку, и была она в данном конкретном случае подедаляником для жесткого, колючего одеялка. Оскорбленно постучав, удары были частые, долбили основанием кулака, она услышала ответ, и ответ этот был почти романтическим. И он сказал ей тоненьким голосом: а взрослых нет дома! Страшненькая спросила: а ты говоришь на языке индейцев майя? У Алексея похолодели ладошки, в квартире пахло валерьянкой, кошачьими экскрементами, разнообразием женского парфюма. Как будто громадный, спутавшийся клок запахов, мешающий вздохнуть случайному посетителю. – Не говорю, мне нельзя говорить на таком языке, – голос Ежова дрогнул, он посмотрел в глазок, но там его встретила мерцающая темнота. Казалось, лицо управдома поднесено вплотную, казалось, оно жвачка, прилипшая к двери, Мимоза тяжело дышала, выжидала, что предпримет милиционер, не предпринял. Затяив дыхание, он ждал, когда же можно осмотреться, осмотреться хотелось нестерпимо. – Вы русский язык понимаете, женщина? – спросил без улыбки оперативник. – Ви русской понять, да-да, – передразнила вредная тетка и разразилась смехом тех, кто предал главного героя, перерезав спасательную веревку. Буйно красивая, словно креветка, должно быть, студентка, Страшненькая отвлеклась на нее: Изабелла, как ты поживаешь, как сессию сдала, вот умничка, а женихи, когда приедут свататься? Непосредственно Изабеллу Ежов не увидел, лишь послышались поспешные кланицы каблучков. Как девушка была сложена, обеспокоился внезапно Алексей, чем пахнет ее ухо, широкие ли бедра. Потная тень Мимозы размыкала связность желания познакомиться с новым женским телом и рушила образ бравого вояки. – Ладно, внизу я буду, захочешь, приходи, мы навязываться не приучены, – управдом, напевая песню, – управдом, дом, дом, управдом, а хулиганов нет, а хулиганов нет, – теряет свое присутствие. И несбывшиеся отношения между оперативником и управдомом приобретают статус зимы, ядерной.

Алексей Ежов, потомственный человек, оглядывает фотографические обои. Прихожая была забрызгана березами с непокорной листвой, своенравной листвой, вой лиственных. Щелкнув тумблером, редуцировав темень, словно гласные в слове ТЧК, оперативник и обнаружил, собственно говоря, абсолютную чашу. И кто-то в глубине этой чаши укрылся, в складках древесного одеяла, кто-то знакомый. Пахнуло приторными яблочными духами. На лестнице за дверью неизвестный вышел из равновесия, уехал в Минусинск, сделался недееспособным на некоторое

время. Скатившийся по лестнице, прошуршал пакетами, запрыгали апельсины, хлопнувшая бутылка вина, белого, Алексей определял предметы по краткому звуку. Товарищ, лежа на лестничной клетке, жалобно прокричал: аааааааааааа! И в данном случае у него «а» длилось целых двенадцать тактов. Словно по числу присяжных в двенадцати месяцах по делу лишения мясного обрамления души малолетней девчушки. О, эта история, эта вонючая история подкосила Ежова в прошлом году, поиски педофила дались ему с выцеживанием собственной человечности в комнате для допросов с зеркалом Газелла, тяжко. А с фотообоев по-прежнему, кажется, переместившись чуть-чуть влево, глядели глаза Пугачевой. И даже слышались строки, удивительные строки «я так хочу, чтобы лето не кончалось, чтоб оно со мной венчалось, я так хочу, чтобы маленьким и этим удивительные звезды дарили свет». Черенки этих предложений мозолили пальцы. Умела Пугачева растрогать даже маргинала, но Ежов не являлся маргиналом, скажет прозорливый читатель, а мы скажем, что нашу страну любить это тот еще труд, превращающий обезьяну в товарища.

Оперативник, не снимая зеленоватые кроссовки, скрипя песком, вошел в комнату. На стене висел гематитовый ковер. Фракталы бросались на глаза, рябили, царапались. На ковре было кое-что еще, фотокарточки, Алла Борисовна в противогазе выступает для ликвидаторов, черно-белая голова Аллы Борисовны улыбается из автомобиля «Волга». Борисовна Алла на голубом огоньке призывает к свержению актуального режима в зале, полном корейских военнослужащих. Дочь Бориса держит на руках Кристину с фамилией Орбакайте, позади наряженная елочка, венчает елочку красная звезда, и мы можем сделать выводы, что свержение режима не удалось. Алексею становится невыносимо дышать, пахнет духами с апельсинами. Можно предположить, что кто-то сготовил фруктовый салат, однако единственный жилец квартиры вот уже пятнадцать суток не в силах преступить порог ничьей квартиры. На светлом компьютерном столике стояла изумительная самодельная ваза. Красное пластиковое ведро с зацветшей водой, в которой покачивалась на нерукотворных волнах верхняя половина бутылки из-под минеральной воды. Тонкий слой фольги, заменяющий крышку. Ежов скептически подумал, что хозяин квартиры был тем еще шалунешкой. Блестящий патефон успел покрыться слоем пыли, пластинка фирмы мелодия «Зеркало души». С конверта глядела, почти что невинно, хотя совсем не невинно, зеленоватым глазом она. Второй глаз там присутствовал, не сомневайтесь, просто прикрытый каштановыми волосами, он был таким вот.

Мужчина подошел к окну, серый тюль пах духами с грушевыми нотками. Помимо вазы на столе лежали высотные дома, составленные из бумаг. На полу, на паркетном полу елочкой валялись альбомные листы, покрытые бисером буковок. Ежов поднял один, вчитался. Фруктовый салат вызывал щемящее чувство тоски, словно Алексей вернулся в Казахстан, где папа геолог свил временное гнездо для семьи. А лучший друг, папоротниковый шкаф, оставшийся в Москве, не успел настигнуть их, громоздкий, он был вместилищем самых нужных, самых любимых игрушек, неповоротливый шкаф со слоновьими ногами. Оперативник прочитал на листке: «архисюжет в песенном творчестве А.Б. Пугачевой, мотивы встреч мужчины и женщины в лирическом творчестве. Рассматриваемый в качестве основного корпуса текстов, так называемый популярный цикл, цитируемый в научных работах чаще всего, пользующийся благосклонностью у населения. Выбран младшим научным сотрудником». Заинтересованный оперативник поднял другой листок, присел на корточки, стал читать дальше. «Что касается категории счастья, тут важно отметить, как именно А.Б. понимает данную категорию. Отталкиваясь от ряда интервью с артисткой, а также принимая во внимание психолингвистический анализ обозначенных нами текстов, можно с уверенностью сделать следующий вывод: счастье для исполнительницы синонимично единению с любимым человеком. И возникающий конфликт невозможности быть с любимым человеком в силу ряда причин, к примеру, общественного порицания, которое может довести над выбором влюбленных, внутренние неразрешимые трудности также могут являться поводом для неосуществимости счастья. Конфликт решается путем немотивированной психологической жестокости по отношению к объекту воздыханий. Вспоминая мотив ожидания, можно проследить развитие

поиска счастья, в некоторых композициях, например, “Вы где-то ходите, вы где-то движетесь, И все стремительней день ото дня”, искания пассивны. Хотя агрессивные отыскивания суженого в определенном смысле встречаются, допустим, в “Я ждала вас так долго, теперь не мешайте! Объявили мой выход на сцену, пора!”»

Оперативник приметил сумрачность за окном. Дома ждали родные. Впрочем, Алексей был намерен почитать что-нибудь еще из трудов Курочки. Он писал невероятно талантливо, Алексей оценил. Милиционер зажег торшер, осмотрелся, заглянул под шкаф, у детективов это врожденное, находить спрятанное в квартире. Плотная картонная папка с написанным на лицевой стороне красным фломастером «В.И. Курочка, важное» перекочевала на стол. Сотрудник органов, сотрудничающий с органами мужчина, прикусил губу, раздумывая, стоит ли открывать папочку. Коллега Зинаида, бухгалтер, когда не приходило нужное количество зарплаты на банковскую карточку и сотрудники шли с ней выяснять отношения, говорила присказкой. Говорила следующее. «Ребята, не стоит вскрывать эту тему. Вы молодые, шутивые, вам все легко. Это не то. Это не Чикатило, и даже не архивы спецслужб. Сюда лучше не лезть. Seriously, любой из вас будет жалеть. Лучше закройте тему, и забудьте, что тут написано и сказано. Я вполне понимаю, что данным сообщением вызову дополнительный интерес, но хочу сказать сразу, предостеречь пытливых, стоп, не надо». Ежов открыл папку. На первой странице хозяин квартиры сообщал. «Владимир Иванович Курочка, доцент психолингвистических наук, почетный деятель города Ю., имеющий орден отличия, ныне пенсионер. Мои записи, представленные далее, носят характер, я уверен, важный, если не для человечества, то, по крайней мере, для всех жителей моей страны». Оперативник пропустил изрядный фрагмент, патетичный фрагмент. Принялся читать в случайном порядке. «Методика воздействия на человека, именно скрытое воздействие, посредством кинокартин, СМИ, музыкальных композиций, достигло чудовищных успехов». Алексей вновь пропустил часть текста. «Отличный пример иллюстрации насильственных сообщений можно обнаружить на ранних пластинках с песнями Пугачевой».

Оперативник был озадачен в связи с таким сообщением, на четвертой странице крупными печатными буквами Курочка вывел. «Оно приходит, когда проигрываешь задом наперед так называемое “Позови меня с собой”». Каштановый патефон-чемодан с золотой ручкой имел еще одну медную ручку, не ведая, что творит, Ежов, не меняя пластинки, стал крутить неродной рычаг, запустил музыкальную машину. И ветер злых перемен его унес, не оставив даже тени взамен. Инверсивный вариант песни стреножил сознание оперативника, тело занемело, ступор, как говорят дети постарше. Комната завибрировала, наполнилась брусничной красной, как в фотолаборатории. В коридоре послышалось чавканье, весомая туша ползла по полу в сторону гостиной, где милиционер пропищал нечто невнятное. Был произведен испуг.

Глава 2

А-Я

Хрущевка, как сонно в этом слове. Окошко в санузле подмигивает грустно. И смотришь, смотришь, смотришь, как моется соседка. Прикольное окошко, а также вентиляция. Хрущевка, чудесная хрущевка, конечно, если ты не выше ростом двух метров с половиной. Панельный домик, лишенный барельефов, лепнины, ордеров. И вы не ошибетесь, какой тут древний Рим. В хрущевский холодильник кладутся пельмени, налепленные мамой, не трогай, праздник скоро, а это вот на праздник, не балуйся, болван. В разрушенной Японии, в разрушенной во Франции людей куда селили, конечно же, в хрущевки. За сколько их построили, построили, воздвигли, бригада за двенадцать, двенадцать трудных дней, хвала таким строителям, ударникам, мужчинам. Пять этажей жилплощади, четыре вам квартиры, умноженных на пять. А где же тут все лифты, вы лифтов не видели? По медицинской норме ходить пешком полезно.

Эта история сбылась осенью. Запоздалой осенью сбылась эта история. Распоясавшийся листопад: желтые плевки ниспадали под окна, провода окостенели и черными шлангами прибора гастроскопии покачивались на ветру. Занесло основание ларька, занесло машины, площадку, дорогу. Горчицная желтизна: на макушке садового гнома, оцинкованном подоконнике, на скамье у подъезда. Шахматный конь, припорошенный листвой, глядит аленьким глазом, всеми забытый у подъезда. Оцинкованный подоконник, точно уют, накалялся все лето, а теперь остывает. А теперь нет нужды, подобно коллекторам, прислонять нерадивого должника лицом к подоконнику. Потому что все, даже коллекторы, готовятся к зимнему сну. Подвывает собакой больной, гаснет кошки урчаньем воздух. И не выйти за хлебом, за солью. Ибо замерзнешь, потеряешься, сгинешь. На улице Шмидта в одном из пятиэтажных палаццо. Построек панельных. На улице Шмидта. На одной из пятисот шестидесяти тысяч российских улиц, где встречаются Молодежные одиннадцать тысяч триста сорок два раза, улица Мира пять тысяч четыреста тридцать два раза, Лесная семь тысяч, и прочие, прочие. Советские корни, заваренные в чай с можжевельными веточками, шиповником, вызывают благочестивые сновидения. Совсем скоро все звуки на морозе замерзнут. И никто не услышит, тот, кто должен был слышать, окрик пенсионера: купи еще семечек, внучка!

Театральный луч прожигает сумеречное пространство. Театральный луч напоминает в определенном смысле лупу. Театральный луч выявляет окошко на пятом этаже. Лавандовые шторы плотно задернуты, словно губы барышни, набравшей воды, щеки округлились, барышня бежит к маменьке, маменька брякнулась в обморок, услышав неприятное известие, дочь, значит, известила. И теперь необходимо лицо маменьки оросить. Белильная известь наносилась матушкой на деревья в палисаднике, когда дочурка ошарашила: мой жених, он артист. А ведь новость, прозвучавшая, незамедлительно стала прошлым, ежели она стала прошлым, зачем же думать об ней, прошлое покажут по новостям. И лишний раз нервировать душеньку ни к чему. – Чу! – покрывает пространство улицы Шмидта чей-то выкрик. – Мы у тебя мобилу возьмем на позвонить, – вторит выкрику валерьяновый голос, убаюкивающий голос, уверенного в себе самца. Из приоткрытой форточки на первом этаже доносится мелодия «в мире животных». И в голове уже представляются журавли, запутавшиеся в наволочках облаков. Дежурный ветряной порыв захлопнул форточку, и музыка перестала. Поникший световой день плелся к директору, чье дыхание было скверным. Янтарные чешуйки хрущевки поблескивали в ложном освещении театрального луча, некто оставил незаконченную рукопись прямо на фасаде дома «камбала слаще киберпанка». И возможность заглянуть в чью-то квартиру – правдами, неправдами – представляется лишь газовщикам или гостям. Мы бы не прочь мутировать в гостей, мы бы не прочь подглядеть, чем там живут на пятом этаже, где лавандовые шторы плотно задернуты. Аж муравьеды по коже от подобной затеи побежали по направлению к уму.

В квартире слышится запах шарлотки, яблочно-грушевой, если конкретизировать как следует. И мы конкретизируем, утопая в буйстве ароматов карательной кулинарии. Ведь помимо едва различимой шарлотки нестерпимо разит рыбными котлетами, ставшими в определенных кругах блюдом, способным одним только названием вызывать тошноту. По темному коридору, шаркая тапочками, проходит гражданин. – Где все газеты, куда они вечно деваются, мы что, солим их, что ли, – причитает этот бородастый, в крупных квадратных очках, бежевой кофте с круглыми изумрудными пуговками господин. Он входит на кухню, подобно мясу с овощами, черносليву, крупам, говядине в брикетах в рацион космонавтов. В рационе кухни женщина тоже в очках, очки у нее тонкие, прямоугольные, узкие стеклышки затуманились, насыщенный пар поднимается от сковороды, обволакивает фигурку в домашнем ситцевом платье. Семья очкариков обсуждает вопросы исчезновения газет в доме. – Илюша, что значит куда исчезают, а ты сыном когда последний раз интересовался, или тебе симпозиумы дороже собственного ребенка? – говорит рыбное облако. На холодильнике висит фотография в рамке, рамка обклеена галькой, ракушками, то есть морская тематика присутствует. Присутствует и женщина на фотографии, в цветастом халатике, перемазанная клюквенным соусом, страдальчески улыбается, держа, словно рыболовный трофей,

за ножку ребенка, хвастается. Позади нее анемичные роженицы застыли, роженицы вышли нечеткими, квелими. На стене висят четки, минералы, из которых выполнены четки, радуют взгляд гостей, гости, как правило, спрашивают каждый раз: Илья, а правда, что минералы для этих четок ты добыл в пещере, откуда никто не возвращался? – Аурипигмент, кюрит, киноварь добыл не я, мне всего лишь подарили студенты, а вот обработал я, не сомневайтесь, – хвастается, словно татаро-монголы взятием Южного Бутова, Илья Викторович раз за разом. И никто не сомневается, Илья Викторович имеет репутацию неистового умника.

Единственный половозрелый мальчик в семье пасмурно глядит на жену. Суфлер, чей силуэт едва различим в окне пятого этажа, молчит, не подсказывает. Мужчина степенно кивает, уходит в комнату сына, Виктора Ильича Гофмана. Жена кивает, непонятно, зачем она это делает, кивает, зачем. Супруг понятно зачем, суфлер, вскарабкавшийся на подоконник, реплику не подал, а вот Оксана Витальевна кивает автоматически, извечное недовольство сопряжено с мизантропией. Поэтому ее кивок имеет пренебрежительный оттенок. Илья Викторович, протирая тапками пол в коридоре, следует в комнату, где проживает сынок. Невыразительность коридора компенсирует скрипение половиц, все эти ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц кажутся придатками симфонического оркестра. Пористо-губчатая дверь, изъеденная паразитами, отворяется вовнутрь, в комнате горит зеленый фонарь, маяком Эгершельда он стоит на разложенном лакированном столе-книжке. На ковре, усеянном пешеходными переходами, домами, светофорами, деревьями, валяется мешок из-под сменной обуви. Крепыш лет двенадцати в круглых, как звук «о» в горле порноактрисы, очках увлеченно нарезает газеты. Буквенные мамбы струятся на коврик. Если приглядеться к бирке на мешке из-под сменной обуви, можно сделать далеко ползущие выводы, ребенок принадлежит к числу вундеркиндов. На бирке написано, как мы можем предположить, прозвище, или же второе имя, которым ребенку хотелось бы называться: А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я. – Витя, сейчас же объяснись, зачем же ты это делаешь? – спрашивает отец, поглаживая свою окладистую бороду; усы и непосредственно борода, как будто сплотились, точно граждане на дне народного единства, монолитный волосяной обелиск был гордостью Ильи Викторовича. – Папа, я же просил называть меня А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я, – мальчик продолжал препарировать газету, шелк-шелк. – А, В, С, D, E, F, G, H, I, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, V, X, Y, Z, мне повторить свой вопрос? – мужчина искорежил второе имя ребенка, уши родителя покраснели, запыхали, так сказать. – Папа, не надо меня унижать, – взмолился Виктор, он же Алфавит. – Щенок, разве так я тебя воспитывал? – воскликнул патетично отец, театрально хватаясь за голову, перемигивал немножко. – Он щенок! – вмешалась в разговор мама, покинувшая рацион кухни. Отец все сжимал, и сжимал, и сжимал свои виски, мог случиться большой взрыв, повторный. Впрочем, одна из голов семьи тяжело выдохнула, сказала, цедя сквозь зубы, словно горьких чаинок наелась: вот, что, щенок, скажи, ты газеты порезал для какой цели, папа тебя не убьет?

Неожиданно для всех Алфавит вскочил прямо на стол, тот угрожающе зашатался, словно страждущий житель района на приеме у некоего начальника водоснабжения, зашатался по кабинету с плюшевым крокодилом наперевес, желая крокодилом нанести удары по начальнику водоснабжения, шатался по кабинету, угрожал. Стол шатался, светло-коричневый стул полетел к окну. Рыжеволосый мальчишка закричал убежденно, подобно хозяйке на суп, хозяйка желает приворожить начальника по водоснабжению, готовит для него похлебку, кричит на блюдо нечто любовное: зачем, зачем, а вот зачем, для искренних чувств! И отпрыск этих увлажняемых родителей принялся читать из двадцати четырех страничной тетради предложения, что успел вклеить ранее. Он вчитывал в уши родителей смешные заметки из разных статей, спаянные детской рукой в любопытные словесные скульптуры: «...известно, что у нас немцы опасность, которую у нас свободно продают, как эндорфины, серотонин и окситоцин, объясняет психолог Мария Шелкова. Оргазм способен не только, но если вы хотите купить правильный уксус, в этих условиях “Аэрофлот” ищет возможности обнять за талию, стоять близко, входя в личные границы. Если вам это нравится, значит, желания взаимны. Переговоры по базировке во Владивостоке провоцируют на

комплименты со стороны нового премьер-министра Великобритании». Илья Викторович перебил колени сыночку, надеемся, не слишком радикально, сказав: стой, я не могу это слушать, ты увидел во мне журналиста, но мы с матерью не журналисты, мы порядочные налогоплательщики! У Оксаны Витальевны задралось платье, она покраснела от натуги, вскарабкиваясь на стол, чтобы снять ребенка, приговаривала: тише-тише, я понимаю, что ты творческий, но все-таки не надо слишком этим увлекаться, нас не поймут соседи.

Предводительница семейства знала, о чем говорит, стены были тонки, словно марлевая повязка на лице господина, который вынужден целовать девушку с респираторными заболеваниями, желание целовать присутствует, однако компромисс в виде марлевой повязки в некоторой степени портит радость от поцелуя. Порой поздние разговоры на кухне доставляли существенный дискомфорт соседям, грустные, как расстрел рабочих в Новочеркасске, они трепали нервы тем, кто и без того страдал бессонницей. И вот сейчас негромко, вкрадчиво, трепетно жители снизу постукивали молотком по батарее, металлические брызги освещали. Параллельные друг другу дома на коврике все-таки пересекались в месте, где заводской станок, ведь мы говорим о масштабах поистине космических, ведь если вдуматься, то подобные ковры, населяющие детские комнаты тысяч ребят, шьются по образу и подобию вполне реальной местности. На заводе взбалмошный компьютеризованный станок перепутал, и строения срослись, как Зита и Гита. Отец расстегнул кофту, явив снежную вышиванку, красно-черная мозаика, ниспадающая от самого ворота, напоминала пиксельный водопад из компьютерной игры. Оксана Витальевна, снявшая мальчика со стола, заметила эту дерзость, она театрально схватила за голову, все в этой семье хваталось при удобном случае за голову, воскликнула: нарядный! И в этом ее «нарядный» скрывалась бездна разочарования, по мнению жены, супруг нарядился не для нее. – Ты опять стал, нет, ты опять стал со своими студентками! – Оксана была не в силах вылепить из гневной глины ничего путного, ей оставалось укоризненно качать головой и упиваться собственным несчастьем. Илья Викторович в такие моменты – как правило, приступы ревности случались у истоков каждого сезона, летом, осенью, зимою, весной – подумывал передать жену специалистам на кодировку. Однако приступы мнительности, мы бы сказали несносности, редко длились дольше недели, запоя не происходило. – И как мне, позвольте узнать, узнавать, что в мире происходит? – увел взгляд супруги от своей нарядности к теме газет мужчина. – А ты, как сын твой, составь, ты же у нас человек эрудированный! – выкрикнула женщина. – Вы у вас, Оксана Витальевна, может быть, и пересмешница, но мы у себя, Оксана Витальевна, действительно, неглупый человек, – мужчина стал собирать с пола газетные вырезки. – Папа, можно я пойду приму ванную? – спросил Алфавит, деловито спросил разрешения. Суфлер в неграмотной ночи корректно подсказал: можно. – Что вы говорите? – переспросила женщина. – Можно, иди, принимай! – пронзительно закричал незнакомец за окном, кажется, он дал петуха, кажется, говорят именно так. – Можно, иди, принимай, – разрешил, поглядывая с опасением на задернутые шторы, отец. И мальчик, достав из тумбочки синие плавки, маску для дайвинга, ушел проказничать, посмеиваясь по-злодейски.

– Может быть, мы с тобой пока порезвимся, как ты считаешь, пока время появилось? – спросила человеческая самка, она расстегнула платье, гречишный бюстгалтер, созвучный с медом на антресолях, привлек внимание Ильи Викторовича. Короткие игреневые волосы жены, так называемая прическа гарсон, пахли лошадиной силой. Она погладила своего вневременного супруга по голове, сингулярного супруга, такого, что навсегда, как сказали ее родители на свадьбе, менять такого нельзя, переправа. Поменяешь, и сразу привлечешь внимание санитаров, а вселенной нужно управлять деликатно, как будто и не управляешь вовсе. – Мне это пока неинтересно, мне теперь из-за твоего сына газеты клеить, мы же у нас кружок рукоделия открыли, – сержант семейного фронта не желал сдавать свое тело в аренду, даже любимой женщине. Вопросы прошлого, проходящие через тела читателей навyleт, подобно частицам прибора особого назначения. Кто бы выдал свинцовый халат. Вопросы прошлого беспокоили оппортуниста Илью. Жена поскучнела, зашипнула платье, подобно пачке пряников мятных, уподобила свои пальчики при-

щепке. Она вышла из комнаты, не попрощавшись. Еле слышные африканские напевы стучали по подоконнику. В ванной сыпалась вода, сынок чиркнул колесиком зажигалки, курит, вонять будет. Илья Викторович надул щеки, как будто елочные игрушки слева и справа, как будто работник стекольного завода в Клину. – Ну, посмотрим, что там наворотил этот сраный Берроуз, – произнес мужчина, присаживаясь за письменный стол родственника. Он положил газетную мишуру перед собой, похожая на спутанную колючую проволоку, она вызывала некие отрицательные чувства. Чувствовал Илья Викторович нежелание распутывать паутину лжи, однако новости узнать было необходимо. Суфлер несмело постучал в окно, жалобно произнес: дождь капает, позвольте зайти.

Тем не менее, прописанный в квартире гражданин его не услышал, или сделал вид, что не услышал. Зашуршал. Обрывки журналистской этики складывались в предложения неохотно. Сынок наворотил дел, способных сбить с толку даже тех людей, кто жил в двадцатом веке и умел читать между строк, умел отделять зерна от пепла. Семиотический танец с саблями должен был продолжиться, мужчина принялся читать. «Королевских пчел уведомили о смерти Елизаветы Второй», это похоже на правду, подумал Илья Викторович, присовокупил к этому заголовок другой заголовок: «в Казахстане сотрудники психдиспансера обнаружили, что сами являлись пациентами в психиатрической клинике». Ну, это нонсенс, подумал Илья Викторович, снимая кофту, отопление включили еще 29 сентября после коллективной жалобы, поэтому батареи чадили нещадно. И трубы заводов черным дымом тоже чадили над Черной речкой, на картине, что висела над щелью в стене. Непреодолимые обстоятельства, так называлась данная щель, заклеенная премилым розовым пластырем. Щель появилась несколько недель назад, абрикосовые обои неожиданным образом принялись шелушиться, словно подцепили экзему. Однажды утром произошла форменная рванина, обои, стена нарушили свою целостность. Из образовавшейся ранки тянуло сыростью, Илья Викторович даже зашел на кухню тем утром, чтобы проверить, сквозной ли порез. Оказалось, нет, не сквозной. Решили подклеить пластырем, денег на ремонт пока не имели. Обязательно когда-нибудь потом, когда научную работу Ильи Викторовича наконец-то номинируют на премию, выдадут хорошее денежное пособие, содержание, как обычно указывается в условиях участия в подобных мероприятиях.

Мужчина читал, словно являлся музыкантом-рэпером, но только не являлся таковым: «Наш ответ США, собственный процессор имеет шесть ядер, и называется не иначе как иностранные агенты Максим Галкин и Андрей Макаревич». Странно, подумал Илья Викторович, меня никто не спрашивал, надо ли давать ответ, если не спрашивают. В научно-исследовательском институте, где служил гражданин, было не принято пугать коллег своим экспертным мнением, только по запросу. Допустим, директор задавал вопрос: сотрудник, а что вы думаете по поводу внезапно возросшей заработной платы, и ко всему прочему доплаты за вредность, равной одному стакану молока? Пожалуй, в этом случае следовало сказать руководителю: положим, с возросшей заработной платой я согласен, а вот с доплатой, тут, что называется, у меня непереносимость лактозы. Вообще, Илья Викторович предпочитал не отвешивать лишний раз, и был подобен в этом отношении крысам в подвале, приметившим кошку. Мужчина продолжил вдумчивое чтение. «В зеленом чае обнаружили молекулы, защищающие от Альцгеймера, но референдум в ДНР пройдет согласно расписанию». Политика, подумал Илья Викторович. И посмотрел на тетрадный лист, как учитель математики на юную кассиршу, попытавшуюся обчитать. С подоконника сорвался, точно деревенский мужик, сообщивший жене: милая, пойду, прогуляюсь перед сном; и ушедший от дома на десятки километров, – так же сорвался суфлер.

Гражданину послышались отголоски беседы, на кухне супруга жаловалась: да как тебе сказать, по-разному, сын не по годам развился, гуляет, как он их называет, с мамками одноклассников, правда, Илья радует, ему зарплату повысили, представляешь. Илья Викторович улыбнулся, столь приятная характеристика от жены являлась в какой-то мере пощечиной его внутреннему ничтожеству. Иными словами, в Илье Викторовиче был прописан совершенный ноль без палочки. Теща, хоть и советовала своей дочурке не менять коня на переправе, кажется, точила на зятя

зубы. Она постоянно науськивала Оксанку, советовала той сводить мужа в баню, очиститься от злых духов. – Не хочу я в баню, вы в своем уме вообще, я же научный сотрудник, а не какой-нибудь пигмей, – говорил, как правило, владелец жилплощади. Но теща была не в силах оставить в покое образованного зятя, есть подобный типаж тещ, владеющих теологическим инструментарием. Мнится им, что не по-христиански проживает мужик, необходимо его как-то вытягивать из трясины софистики, причем за волосы, мучительно. Илья Викторович, томимый алогичной игрой с газетами, порядком устал. Мужчина поднялся из-за стола, направился к окну, лавандовые шторы были не заперты. Суфлера на карнизе не было. – Да, что это такое! – закричал, как наполовину умный Илья Викторович, бросившись обратно к столу. – Чтобы меня, старшего научного сотрудника, какими-то газетами, газетами, лять! – делился немилостью в сыновней комнате на пятом этаже он. И читал подряд, не отлынивая, не отвлекаясь. Был рассержен, словно гроссмейстер, продувший партию десятилетнему пацану. – Ау! – кричали мальчишки-гопники за окном, преследуя мамонта. Им вторило эхо, переливаясь в смольном киселе ночи. Илья Викторович поешился, спешно надел кофту, в батареях завывала человеческая грусть, что-то щелкало и скрипело. Под воздействием чудных метаморфоз дом хирел на глазах, впрочем, жильцы не задумывались о подобных вещах, продолжая копаться в себе, вырывая окопы для спасения от артиллеристских обстрелов меланхолии. Печальные судьбы граждан, словно жизнь цветаевских детей, а что поде-лаешь, надо как-то это самое. Илья Викторович принялся тщательным образом знакомить себя с *magnum opus* отпрыска. И чтение это не походило на амнистию собственным нервам, стоит за-метить.

«Нечто темное и пугающее нависло над Петербургом. Впрочем, эксперты не совсем согласны с данным утверждением, полагая, что рост числа браков вовсе не связан с чрезвычайными происшествиями, пугающее и темное не относится к загсам. Напротив, на фоне частичной мобилизации происходит как бы укрепление семейных оборонных предприятий, чья работа в трудные времена ни в коем случае не ставится на паузу. И в этой связи характерны слова саратовских властей, дошедших до морга и обсудивших нехватку миллиарда на ремонт больниц. Наши господа чиновники не уподобляются в этом отношении политикам из недружественных стран, они хладнокровно намечают цели, формируют список задач, слушают исключительно патриотическую музыку. И даже специалист паразитолог Евгений Морозов подчеркивает важность в вопросах воспитания подрастающего поколения. В противном случае мы будем иметь каждого, кто занимается разведением пропаганды, а этим, на минуточку, должны заведовать родители. То есть консилиум по данному вопросу собирается строго по необходимости. К примеру, взглянув на бежавших из России артистов, журналистов и прочих млекопитающих, мы можем говорить открыто, пропаганда свинки Пепы несет в себе исключительно ангажированность третьей стороны, которая выступает за продление зерновой сделки. Даже министр Лавров способен единолично перевести стихотворения Самуила Маршака на языки беднейших стран мира, что уж тут говорить о поползновениях США отнять у России остров Врангеля. И данное обстоятельство еще раз указывает на неразумность сражений за выплаты, положенные нам по закону, ведь помимо выплат граждане имеют дело с патриотической нуждой, отстоять суверенитет Луны, как минимум, как максимум, давайте не будем загадывать. Опять же, существующее поле для дискуссий и маневров не является приватизированным именно Ксением Собчак, неоднозначное поведение данной журналистки, связанное с укреплением боевого духа наших доблестных Анатолиев Карповых. Будет рассмотрено в ближайшие секунды. Конечно же, существуют органы покрупнее, однако министр Мурашко призвал не призывать к их помощи раньше положенного срока. “Когда же настанет положенный срок”, задаются логичным вопросом муниципальные службы, представители литературной сферы, к примеру, в Житомирской области при сносе памятника Пушкину, активисту на голову приземлился бронзовый фрагмент русского поэта, к сожалению, с концами. Не следует ли, задается вопросом Никита Сергеевич Михалков, что последующие изваяния необходимо делать из мягких материалов. Оспаривает его точку зрения депрессия, а также проживающие в якутских селах граждане, которые не смогли проголосовать за проведение интернета, в связи с его отсутствием.

Зато подсчитанные голоса подтвердили победу Додика на выборах в Боснии. Что дает ему, правда, не всегда, право пользоваться собственной ванной комнатой. Возвращаясь к сути возникшего негодования относительно первого появления дочери Ким Чен Юна на публике, вполне вероятно это станет началом испытаний ядерных боеголовок».

Илья Викторович шумно выдохнул пушинку. И предоставил своим глазам отдых. Приковывая Оксана Витальевна. В ее запотевших очках угадывались похотливые тени. Высвобожденный из грудной клетки голос ее недовольный произносит: когда ты меня обработаешь по-мужски? Супруг, не задумываясь особенно над тлетворными речами Оксанки, в традиции письма потоком сознания ответил: какая рыба, ты говоришь, для обработки, так я уже говорил, что ты, не помнить не в моей компетенции, знаешь ли. Илья Викторович вдавил большим пальцем красную кнопку на пульте. Пульт берегла и хранила пленка. – Начинается, начинается, может, скажут, кто убил эту девчонку хорошенькую, однако, дорогая, до тебя им не добраться, – хозяин квартиры стал переодеваться в зеленые шорты выше колена, тельняшку с бордовыми полосками. – Выключи уже Линча своего, ненормального, – взмолилась супруга, но и, не забывала при этом склонять Илью Викторовича на сторону любовного секса, поглаживала по бедру. – И откуда в тебе столько витальности берется, кошмар просто, вчера же только занимались этим, – мужчина не успевал заниматься подобным, ночью они закатывали банки с овощами, привезенными из деревни. – Ну, хоть одну баночку, – канючил обычно профессор. – Баночку, говоришь, а ты побрейся, вон сколько волосниросло, – отвечала обычно супруга. Лежавший на кухонном светло-ореховом столе нож, шириной сантиметра два, длиной не превышающий сантиметров пятнадцать, с надписью нерж. обычно привлекал внимание мужчины. Рано хвататься за нож, обычно думал Ежов. А затем обычно звонил по второй сим-карте коллеге Гоше и жаловался на жену. Оксанка внезапно облачилась в нижнее белье, продолжая ругаться, шупала свои бока, словно демонстрируя степень своей внезапной вязкости. Потом Оксана Витальевна начала напевать песню мама для мамонтенка, пританцовывая, как ей казалось, аппетитно. – Старейшая ученица начальной школы скончалась в возрасте девяноста девяти лет, – объявила в телевизоре ведущая. – Ну, дает, японцы, какие долгожители, это ж надо было начать столько жить, – сказал Илья Викторович, он как-то по-дилетантски перевел тему, даже суфлер, доставленный при помощи подъемного крана, весь в колючках каких-то, помятый, предостерег: режиссер, если сейчас же актеры не перестанут разводить самодеятельность, я вышибу вам, режиссер, мозги, прошу прощение за мою латынь.

– Это моя ошибка, ошибку искать, не ищите, зачем, исключительно, не подумайте чего-нибудь, моя это ошибка, – раздается голос, лишенный неподвижной суммы загадки. Всем просто становится понятно, что режиссер выпил. Оксана вполборота стоит к мужу, говорит ему, посматривая на окно: любезный Илья Викторович, что ж вы к нам не заходите! Илья Викторович отвечает так же напыщенно: право, не знаю, что и ответить, дела, дела. Режиссерский голос, вернее, его части, лишь болезненные вскрики: ой, не надо, прекратите меня насильничать! Казалось, режиссерский голос надел сверкающие слезы, слезы-украшения, продел их в словесные уши. Илья Викторович и Оксана Витальевна сконфуженно глядели друг на друга. Их способы художественного мышления и построение образов были разными, однако авангард, происходивший в квартире Гофманов, требовал некоего единения. Прозвенел первый звонок. Женщина вступенулась, бросилась к шкафу, стала надевать новое платье, новое платье было сшито как будто из карты города Ленинграда, прожилки улиц, кирпичики домов, гофрированная светло-кремовая ткань. – Послушай, твой сын, он что, полагает, что самый умный, когда он поймет, что хабарники неприлично бросать прямо в ванную на пол? – спросила Оксана Витальевна, вытянув губы, накрашенные помадой с блестками. – Да будет вам известно, пока мы едим гречу с курой, да невнятные совершенно рыбные котлетки, конечно же, вы исправляетесь, когда, например, готовите шарлотку, – договорить мужчина не успел. Где-то в глубине квартиры раздался чудовищный плеск воды, семейная засуха подверглась массивной бомбардировке. Кажется, оторвалась раковина, побежала вода, послышалась мальчишеская ругань. Илья Викторович, семена, дабы не тревожить тазобедренный сустав, понесся к сыну. За ним, по-прежнему вытянув губы, покачивая

соблазнительно бедрами, шла Оксана. – Ты только не волнуйся, тебе же нельзя, у тебя же давление! – подбадривала жена.

Вода выплеснулась в коридор, пунктирные линии указывали на проблемы с водоснабжением в нынешний момент. То есть поломка была сочетана с грядущими думами о том, где искать водопроводчика, сколько платить водопроводчику. Побеленная тонкая дверь, запертая, не поддавалась, мужчина вынашивал, как ребенка, удар плечом, хорохорился, приседал, двигал плечами. Осада рухнула с четвертого раза, и на супругов набросились золотые рыбки, мочалки, розовые бутылки с шампунем. А сынок, точно чайный пакетик, барахтался в ванной, метаморфозы, произошедшие с ним, стремительно зачали в Оксане Витальевне близнецов параноидальных истериков. Она вскрикнула: ох! И начала оседать, хватаясь за бесструктурного, по мнению матери Оксаны Витальевны, мужа. Младший Гофман чудесным образом избавился от нижних конечностей, теперь у него рос невообразимый рыбный хвост. – Готовь почаше рыбу-то, вообще будет здорово, – печально произнес мужик из квартиры девятнадцатой, придерживая супругу за локоть. – Мам, я не специально, оно само как-то, – беспомощно произнес Виктор, упершись руками в края ванны. – Ладно, хвост это понятно, ты скажи, зачем газеты переиначил все, я же теперь полночи буду их расшифровывать, – Илья Викторович рассматривал с интересом воплощенный элемент сказочности. Переливались разноплановые чешуйки, взять, что ли, микроскоп, возникла мысль в голове мужчины. Переливались лазорево-медовыми недомолвками, чешуйки завораживали. – Пап, я не хочу быть рыбой, – заныл сынок. – Что значит, не хочу, газеты потрошить хочу, а рыбой быть не хочу, будь последователен в своих начинаниях, Витька, – отец, кажется, потеплел, его слова приобретали шутиливый тон. – Сдались тебе эти новости, лучше телевизор посмотрим, не в двадцатом же веке находимся, – Оксана Витальевна пришла в себя, сняла очки, – истосковал ты меня, – непонятно к кому обратилась женщина.

Виктора Ильича русалку решили перенести к телевизору, туда, где слова Доулевских голов аккумулируют смыслы. – Надо тазик какой-нибудь, – мать шумно принялась, как сурок, – пригорела, пригорела! – Она побежала на кухню, в самом деле, там раскололся рыбный воздух, словно грецкий орех. Иными словами, запах каждой квартиры можно представить в образе такого грецкого ореха. Орешек Гофманов отдавал рыбным духом. Взгляд отца, подобный взгляд носили отцы, уставшие от пятидневной рабочей недели, взгляд Ильи Викторовича покорило желание сына глядеть телевизор с родителями. – Пап, не надо возиться со мной, пройдет эта гадость, сам дойду, – сказал невиданный многими мальчик, словно первая шаурма, созданная нейросетью. – Ничто в этом мире не проходит бесследно, милый, – отец многозначительно покачал головой, пораженный собственной догадкой. – Сынок, давай не это самое, не будем тут показывать свою истерику, я ж вижу, как тебе нелегко дается, – казалось, отец сейчас расплатится, голос его стал тихим, ворсистым каким-то, ему бы прокашляться. Мужчина сделал шаг назад, выйдя из ванной комнаты. Рыжий, но не конопатый стал барахтаться в речной синеве, кряхтеть. – Так, мать, неси надувной бассейн с антресолей! – прокричал Илья Викторович. Оксана Витальевна спешила, шаркая тапочками, врезалась в стены, ойкала каждый раз. – Очки забыла надеть, сняла, представляешь, – сказала женщина, держа в руках аквариумную рванину, виднелись полоски скотча, виднелись нарисованные зайчики, чьи улыбки, переломившись, обернулись тоскливыми не улыбками.

Мужчина принял руки супруги в свои руки, при этом в руках супруги все еще продолжал находиться сдутый бассейн; в тельняшке с бородой, он смотрел в глаза Оксане Витальевны, облизывая своим языком свои же губы, происходила химия. – Бассейн возьми, не выдумывай, – произнесла мать Виктора, который, выбравшись на берег, не лишился хвоста, но в то же время не отбросил человеческую речь. Сросшийся пожар с глазами оттенка дубовой коры Ильи Викторовича грозил перебраться на жену. – Я тебя стукну, возьми для сына бассейн и надуй его, – она вырвала свои тонкие пальцы из полыхающих рук научного сотрудника. Изворотливые бусинки света проезжающих за окном автомобилей застучали по лицам родителей. Рыженький мальчик на локтях выполз в коридор, за ним тянулся волнообразный слизистый путь. И некому было любоваться

прожилками Витиных измышлений. А думал он в тот момент о разделяющих его и родителей секундах тьмы. Подростки вообще существа мифологические. – Витек, ты чего обоим заглаживаешь? – фамильярно сказала мама, ухватила сына подмышки, нежная, тонкая кожа пострадала от столь неосторожных пальцев Оксаны Витальевны. Мальчик зашипел от боли. Отец в комнате, судя по звукам, интенсивно накачивал бассейн. Ловушка для мух покачивалась, ниспадая с потолка, Витька глядел на нее, пока раскрасневшаяся Оксана Витальевна предпринимала безрезультатные попытки восстановить сына в школе сидячего положения. – Я надул бассейн, принесите воду, товарищи! – вскричал Илья Викторович, расширяя ареал обитания собственного крика. Географическая условность, гостиная, добраться туда в одиночку мальчику явно было не под силу. Тут еще мать не знала, с какого бока схватиться. – Давай я тебя за хвост потащу, – еле сдерживая смех, сказала она, чем вызвала в отпрыске приступ гнева. – Боюсь, что я оторву тебе голову, – сказал он, еле сдерживая трепещущий в грудной клетке вопль. Кстати сказать, подобная подростковая агрессия, она во многом является необходимым этапом в становлении будущего гражданина своего отечества. Нельзя утверждать наверняка, вырастет ли новый Жан-Клод Роман, француз, который девятнадцать лет обманывал собственную семью, родителей, а потом убивший их всех, дабы они не прознали о двойной жизни, о том, что не закончил медицинский университет, о том, что нигде не работал. Или не вырастет вовсе никто. Будет ли Марком Рентоном, обмотавшим вокруг лица тряпку, смоченную White spirit. Или, в отличие от Жана-Клода, станет врачом и не будет жить двойной жизнью. Быть может, прогорев этими деструктивными чувствами в юношестве, не побоится ли показать сердечко жестокому миру выживший мальчик. Собственно говоря, все мужчины такие вот выжившие мальчики.

В гостиной перед включенным телевизором стоял надутый бассейн. Подползший Витька скептически сказал: пап, ты серьезно, мы будем сейчас заниматься такой гомосеятиной? Мать с двухлитровым желтым ведром, прельщенным водой, пораженно воскликнула: какой гомосеятиной, выбирай выражения! Женщина вылила жидкость в будущее жилье сына. В телевизоре возникла заставка программы. Поле, засеянное трилистниками, клочковатое синее небо, белые буквы «Неуверенное ТВ». Оксана Витальевна, переодевшись в лиловый спортивный костюм, не стесняясь присутствующих, села на диван рядом с мужем, воскликнула: батюшки, не уверены они, отец, принеси еще воды для сына, я все-таки дама. Илья Викторович, проворчав что-то на морском диалекте, ведь в тельняшке был похож на водяного, подхватил ведро, вышел из комнаты. Вернулся с ведром. И так несколько раз. Витеньку совместными усилиями погрузили в бассейн. Отслаивалась чешуя, поморщилась мать, с отвращением рассматривая свои ладони, упакованные в чешуйчатую кольчугу. Наконец члены семьи принялись внимательно рассматривать предложенную телеканалом «Неуверенное ТВ», картинку. – Ты сменку положил в пакет, чтобы завтра не искать с утра? – спросила мать. Витя с отцом посмеялись, неизвестно еще, к завтрашнему рассвету отпадет ли хвост, которому сменка совершенно ни к чему.

Возникла студия, возникла телеведущая в студии, каждой студии полагается своя телеведущая, ведь даже в названии фигурирует женский род. Место, где объявляют новости, не называется же барак, в самом деле. Один ее глаз был накрашен, генцианово-голубое веко, как будто крылышко бабочки, черная тушь, второй же глаз, не тронутый макияжем, казался каким-то сиротливым, словно последний волос в бороде у Хоттабыча. Брошь в виде медвежонка, брошь в виде зайчика на левой и правой груди, словно воровские звезды у арестанта. Однотонное мятное платье. До того как она произнесла вступительную речь, оператор успел перевести картинку в черно-белый режим, а потом обратно. Фокус долго не мог навести. Ведущая тяжело, словно борьба с пятнами зеленки на вещах, вздохнула. Ее вздох напоминал вздох певца в песне «Вечная весна», он там так вздыхает перед тем, как начать неистово петь. Она произнесла тонкими, цвета гренадина губами: добрый вечер, уважаемые телезрители канала Неуверенность, в студии я, Кристина Смирнова, и это вести недели. Бегущая строка в самом низу меняла язык с русского новостного на литературный. Бегущая строка: «завтра ожидаются осадки в районе Сабуровой дачи, осадки, конечно, нормальные, как будто майонезом припорошит, соблаговолите придерживаться правил поведения

на дороге, не покидайте дома без особой надобности, курс доллара упал до рекордного минимума в связи с введенными санкциями против России».

Ведущая мило чихнула, зажав двумя пальчиками нос, отчего чих вышел таким, как будто дунули в маленький саксофон. Оператор зашептал ей весьма виновато, с чего бы? Зашептал: Кристина, наверное, будь здорова. Девушка продолжила вещать: в сегодняшней программе мы расскажем вам о важных событиях, произошедших за минувшую неделю. В глубине помещения что-то упало, судя по матерным переговорам, упал осветитель. К тому же яркость в студии притихла. Оператор покачал головой с прикрученным к ней телом, камера покачалась вместе с ними. У девушки побагровели щеки, видно, ситуация была внештатная. Впрочем, она быстро нашла нужные слова: в прошлый понедельник в поселке Веселый состоялись выборы мэра, с большим отрывом победила женщина, ставшая первой женщиной-мэром.

Витка озадаченно пробасил, голос ломался, впрочем, недолго, у русалочек голоса нежные: папуль, какой-то странный канал. Оксана Витальевна его поддержала: в самом деле, Илья, на каких частотах показывают данный Город Зеро? В телевизоре побежали белые кони по синему лугу. А потом картинка сменилась. На серой, без признаков ремонта улице. Где дома были в плачевном состоянии. И вообще казалось, что улица не имеет мужа или хотя бы ухажера, возникла фигура. Пока не видная в полной мере, лишь невнятный силуэт, который двигался мимо двухэтажных барачков, отчего-то почерневших, словно недавно тут случилась Африка. Субъект шел прямо по каше, чавкая. Наконец он приблизился достаточно, чтобы можно было понять, что же это за ферзь. Липкая от пота челка, тонкие усики, пиджак, брюки. В подошедшем товарище было что-то смешное. Смешное, как высказывание Льва Толстого про чтение писем, написанных женщинами. Он так высказался, если, читая письмо, он видит подпись дамочки, то писанина перестает его интересовать. Может быть, неуверенный взгляд, который бегал, как многодетный отец-одиночка по магазинам. Или высокий, детский голос – не вяжущийся с внешностью, как хурма, голос. Он сказал так: дорогие избиратели, нет, уважаемые избиратели. Потом взглянул поверх камеры, спросил: так нормально, не слишком? Ему ничего не ответили, он кивнул сам себе и продолжил: я, Виктор Павлович, нет, Виктор Евгеньевич, баллотируюсь на пост мэра, наша, моя партия. Мужчина в синем костюме вновь посмотрел куда-то в сторону, поинтересовался: моя же партия? Его реплика осталась без комментария. Тогда этот политик сказал, показывая большим пальцем на дома позади него: если моя партия наберет в этом году нужное количество голосов, мы произведем полную реставрацию данной улицы, наверное. Оператор не выдержал, заговорил: что вы как умственно нецелый, что это за «наверное», вы представитель народа, или кто? Мужчину, наделенный, должно быть, властью, потупил виновато взгляд. Но быстро взял себя в руки, вернулся к обещаниям: хотелось бы, кроме всего прочего, заверить избирателей в целесообразности выбора в мою пользу. В кадр забрела приبلудная собачка, почему-то фиолетово-розовая, она радостно виляла хвостом, высунув язык. Оператор поинтересовался: почему у вас тут собаки розовые бегают? Член депутатской организации шмыгнул носом, однако нашел что ответить: понимаете, это новая порода такая, у нас питомник экспериментальный, двигаем, так сказать, науку вперед.

К действию подключился пацан десяти лет. На нем были спортивные штаны с красными лампасами, как у гусаров, яркий пуховик, черная шапка на макушке, уши оттопырены. Преодолев бездорожье, мальчишка подошел к мужчине. В руках он держал теннисную ракетку. И обратился к политику, было заметно, что у мальчика не хватает двух передних зубов, кажется, молочных: дядя Витя, вы обещали отремонтировать хоккейную площадку! Человек посмотрел смущенно в камеру, поджав губы и уши, еще и пожал плечами к тому же. Ответил ребенку, натянуто улыбаясь, не забывая смотреть в камеру: мальчик, какая хоккейная площадка, лето скоро, а вот с приходом зимы будет и новая площадка, и даже полигон для стрельбищ! Без пяти минут депутат попытался погладить пацана, но тот ловко увернулся, настучал своей ракеткой по ладошке Виктора Евгеньевича. Оператор вышел из себя, сказал: это цирк какой-то, вы понимаете, что предвыборный сюжет у вас полное говно получается, до свидания! Он поднял камеру вместе со штативом, но

не выключил, куда-то пошел. Телевизор теперь показывал жижу со следами протекторов шин, желтой резиновой совдеповской соской, кем-то оброненной, пустой смятой пачкой сигарет, бутылкой из-под кефира, бычками.

До телезрителей продолжали доноситься неуверенные крики политика: стойте, зачем же так сразу, мы же ведь ничего не сняли толком! Рябь по экрану, смена картинки, в студии произошли перестановки. Кристина, телеведущая, с ногами забравшаяся на кресло, сказала дрожащим голосом: кажется, что-то серьезное надвигается, кажется, вот сейчас. Оператор нетерпеливо воскликнул: мне домой надо, семью спасать, а не с вами тут маяться. Послышались его быстрые шаги. Зритель Илья Викторович с женой слушали внимательно, даже Витька слушал внимательно из своего бассейна. Вдруг хрущевку капитально затрясло, фонарь за окном задержал дыхание. Хотя и дышала люстра в комнате, свет все-таки поломался на мгновение. По улице – Гофманы, конечно же, не видели этого – шла огромная бабка с двумя многотонными пакетами. Ее длинный, с родимым пятном на кончике, из которого торчали два волоска, нос вдыхал морозный воздух, а сморщенный рот выдыхал жизнь. В мгновения, когда губы размыкались для выдоха, случайный прохожий мог приметить несвойственные старушке ровные, снежные зубы, как у молодых. Но случайных прохожих не наблюдалось, ведь околевать в такой октябрьский мороз непозволительная роскошь, замучаешься ходить по врачам, лечить простату. Темно-зеленое пальто с лисьим воротником блестело. Луна отражалась в ее квадратных очках. В пакетах лежали яблоки, майонез, мясная нарезка, брокколи, картофель, чеснок, укроп, разное другое лежало. Кружилось воронье. А что общего у ворон и мыла, они все щиплют глазки. Бабушка усмехнулась своей шутке, но рассказать ее было некому, родня вся перевелась. Жители района попрятались в квартирных улитках и ожидали нового года через два месяца. Красные пятна на руках старушки, называемые цыпками, напоминали божьих коровок. А темно-синие вены напоминали ниточки пряжи. Бабушку связали граждане, с которыми она сталкивалась всю свою жизнь. Мы ничего не знаем ни о месте работы, ни о детях, но мы можем предположить, что реликтовое излучение объясняет существование домов серии К-7, 1-464, 1-515/5 и особенности поведения проживающих в них людей.

Теплые войлочные сапоги, сотворенные из вяленой козьей и кроличьей шерсти, при ходьбе делали: скрыл, скрыл, скрыл. В одном из окошек на третьем этаже возникли силуэты целующихся граждан, руки субъекта один вторглись в трусики субъекта два. В другом доме, в другом окошке, уже на четвертом этаже мужчина, стоя на табуретке, с дымящей сигаретой во рту, возился с лампочкой. Осветительный прибор, вкрученный в патрон, висел на одном проводе, и какой-нибудь абажур ему совсем не помешал бы. А на втором этаже этого же дома мальчик помешал отцу, забежав на кухню. Предотвратив неминуемое членовредительство. Гражданин вставил в ротовую полость предмет, напоминающий револьвер. Старушка продолжила шагать вдоль детской площадки, где зверюшки напоминали чудовищ, порожденных чьими-то горячечными снами. Вдруг пенсионерка почувствовала неприятные ощущения в области поясницы. И была вынуждена поставить одну из своих многотонных сумок на первый попавшийся дом, чем вызвала неминуемое разрушение верхних двух этажей. До третьего этажа сократился дом. А из второй многотонной сумки, пока пенсионерка охала, как же так вышло, что ж меня так скрючило, выпала стая яблок. Они, как мячики, прыгали по району, сминая деревья, калеча машины, срывая провода. И что, спрашивается, бабушке никто не помогает, а это вопрос не к нам. В темноте шепчет суфлер: семья Гофманов обеспокоилась.

Глава 3

Конец света в ее постели

Фенольное дыхание сбивало с толку редких пассажиров, то ли где-то поблизости сломалась аптека, расплескав свое нутро по станции Тучково, то ли еще что-то. Ходили на мысках, тянулись

к прекрасному юноши в коверкотовых пальто. Должно быть, офисные служащие, берущие свое начало в семьях, что проживают поблизости. – Почему так смердит? – спрашивал один из этих юношей с пшеничным полем на голове, там крестьянка ритмично двигала косой под одутловатой луной, спрашивал у своего компаньона. Тот, мерцая своей пятерней, пятерней блестящей и липкой, как будто усеянной нефтяными ложнослониками, перед лицом вопрошающего, отвечивал: я не мыл руку целую неделю, а не мыл я ее потому, что ровно неделю назад со мной поздоровался Миша Токарев. – А где ты его встретил? – возникает неподдельный интерес у товарища, кажется, ему интересны обстоятельства встречи, он жаждет получить вразумительное объяснение. – Мы с дочкой маминой подруги ходили на поэтический вечер, и на этом поэтическом вечере он, как всегда, читал отвратительно, там еще была женщина, у нее сильно выступали ребра, на них можно было играть как на ксилофоне, эта женщина исключительно напилась, – рассказчик подбирает слова, хотя лучше бы подобрал бездомных котят. – Когда Миша поскользнулся на сцене, завалившись на слушателей, она закричала, как пожаритель цыплят при виде фермера, что вы ничего не понимаете, он гений, – завершил свой художественный рассказ парнишка. – Смотри, как у меня телефон глючит, пишет, погода плюс пять, мелкий вождь, – сказал не вождь, сказал юноша с двойным подбородком, свекольно-красной шеей, вислым животом, переведа тему с этого бездарного поэта. И заструились они к другому концу платформы. Отреставрированные до неузнаваемости системой социальных лифтов и демократией.

Водонапорная башня отбрасывала тень, и тень ее длилась дольше века. Оранжевые кирпичи, как будто морковные батончики, даруемые на завтрак в казенных заведениях, выглядели жалкими, истаявшими ровно на витамин А. Фискальная забота о гражданах в виде рекламных плакатов с просьбами провериться на вирус иммунодефицита вызывала у редких прохожих лишь грустные улыбки. Фрикативно произносил гром свои Ливневые речи. Цедил мелкий дождь сквозь сито металлических облаков. Лужи на перроне покрывались волдырями. Белесая мгла быстро расseyлась, конфузливо засветило солнце. Чьи-то розовые колготки безрадостно лежали на путях, словно тинейджеры на крыше хрущевки в последний день лета.

У ларька с выпечкой дамочка отшучивается, по-щучьи вытягивает залитые пурпурной помадой губы. А восточный продавец пышечек и беляшей говорит: нет, дорогой, мы должны с тобой сходить куда-то, а это тебе подарок, возьми, пожалуйста. И он протягивает ей свой мясной подарок, что это, пирожок любви, забота, испеченная с чебуреком, романтический кунжут на булочке с повидлом, или все же сосиска в тесте. – Я совсем располнею душою, что вы, что вы, такие комплименты, такие комплименты, – финтифлюшничает барышня с маленькими ушами-запятыми, телом – восклицательным знаком. Гражданин совершает промах, высовываясь из окошка, тянет свой неоднозначный комплимент. Дама проворно берет в кавычки руку неосмотрительного хлебопека, не отпускает, мужчина в поварском колпаке пыгается всунуться обратно, но гражданка держит. – А вы сильный женщина, – улыбается смущенно торговец булочек, предпринимает попытки выдернуть мохнатую руку, пальцы-шмели начинают синеть. Дамочка, прищурив глазки, спрашивает о самом главном, должно быть: я вас отпущу, если вы правильно повторите, вы же повторите? На пушистый воротник ее пальто цвета шафрана падают дождинки, поэтому воротник становится созвучен хвосту скорбной кошки. Ванильные, напудренные круги под глазами напоминают шарик мороженого. Она больше не вытягивает свои губы, предпочитая кокетству конкретику, произносит безупречно: повторяйте, в четверг четвертого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали! Остолбеневший владелец трактира натянуто, примерно 15-20 тонн, как в случае с пианино, улыбается. Струна улыбки рискует перерубить лицо хлебопека. – Вам к лицу ваш череп, вы похожи на грека, – дама, не моргая, вглядывается своими глазами цвета Тиффани в чернильные зернышки щетины собеседника. Потом она говорит: повторите, мне важно знать, что парень, который зовет меня на свидание, не очередной пройдоха. – Карл у Лары украл кораллы, – пролопотал в полном объеме скороговорку гражданин, пальцы на его руке приобрели фиолетовый оттенок. Цвет индивидуалистов, цвет гордых и самоуверенных.

Электричка опаздывала строго по расписанию. Тупоногая, имеющая расцветку говяжьих ребер на рынке, она хрустела своими суставами, она выглядела обворожительно. Девушка в джинсовой куртке с белым искусственным мехом, красном свитере, на груди которого распустился кактусовый значок в форме сложенного кулака в окружности. Девушка в гигантских немецких ботинках с тяжелой подошвой отвлеклась на электрический прибор, подошедший к платформе, отвлеклась от разговора хлебопека и дамы. И листок комсомольской правды, основанной в одна тысяча девятьсот двадцать пятом году, совершеннейшим образом намок, нечитаемые буквы топтали граждане, сажающиеся на электричку. Девушка тоже села на электричку, под ее подошвой отприцательно родился дождевой червяк. Пожилой рыболов с блестящей, словно речь Р.А. Руденко на Нюрнбергском процессе, удочкой, в песочной панамке, цокнул языком в тамбуре неодобрительно. Впрочем, барышня, вполне вероятно, и позабыла про червя, но рыболов ничего не забыл, ничто не забыто, никто не забыл. Особа заприметила свободное место у окна, пошла к свободному месту, а головы пассажиров поворачивались, оценивали, будто цепная реакция происходила, одна голова, вторая, некрасиво.

Тетушки лет семидесяти, как будто размноженные во времена самиздата, в клетчатых черно-белых юбках, малиновых пуховиках. На соседних местах они разговаривали: Владислава-то нашего назначили директором психушки, где он проявил себя как выдающийся пациент. – Да ты что, может же, когда захочет, а Леночка что? – тетушка, спросившая про некую Леночку, зычно высморкалась в серый платок. – А, ушла от него к бомжу, неблагодарная, – поведала в высшей степени неприятную новость приятельница. Женщина, оглушившая динамитной шашкой сенсации, примолкла, давая время на раздумья, давая возможность руками набрать рыбу, напитавшуюся мыслями. Тетушки стали молчать на русском языке. Наша девушка уставилась в окно, усеянное дождинками, оно напоминало гладь реки, с добавлением чистящего средства. В импровизированном зеркале проявилось личико. Зеленые однокоренные глаза, длина волос не превышает пары сантиметров, вздернутый носик, как у глиняного чайника под кодовым именем «Красавица Си Ши». Девушка извлекла из маленького кармашка рюкзака, что стоял у нее на коленях, пачку пилюль. Пилюли носили название одного из родов литературы. Барышню звали Женей Плаксиной, работала она журналисткой, до недавнего времени была замужем, детей не имела. Имела серию расследований, авторскую колонку, региональную славу. Писала живо, парадоксально, особая исповедальная эстетика текстов вызывала живой отклик читателей, темы, затрагиваемые Плаксиной в журналистских материалах, были важны, как письмо Саманты Смит. Шакалий поступок бывшего мужа, скорый развод, крайнее редакционное задание могли положить конец телесности тридцатилетней Женечки. Но благодаря волевым решениям она стала если не Евгенией, то, по крайней мере, Женей. И выжила, и слава богу.

– И когда ты уже станешь знаменитым, – отвлекла девушку от наблюдения за подозрительными граффити, поросшими на хмурых стенах сиротливых цехов, которые они проезжали, пассажирка. Размноженных путем перепечатки с использованием копировальной бумаги тетушек простыл след, лишь вязаный шарфик с изображением логотипа футбольного клуба Динамо развевался где-то в тамбуре, оттуда же веяло брусничным чаем с медом. На их местах сидели женщина и подросток. В данном случае нам сподручней назвать этого мужчину лет сорока подростком, ведь он производил впечатление кромешного инфанта. Лыжная темно-синяя шапочка-пельмень, красно-голубая мастерка. Красного было больше. Олимпийские кольца на груди символизировали все хорошее. Подросток лукаво ответил женщине: когда тела начнут находить. И прыснул со смеху, взглянув на Женю, рыжеватые поленья росли над его верхней губой, ограду голубоватых зубов повело, мягкое лицо, как будто потерявшее форму. Он резко кивнул девушке головой, гыгыкнув, и она подумала, что произошло диффузное нарушение полушарий мозга у этого товарища. Впрочем, пассажирка в безукоризненно начищенных лакированных туфельках, замкнутом сером плащике, с желтым зонтиком на коленях произнесла: простите, пожалуйста, он у меня просто юморист какой-то, но безобидный. – Филипп, не смотри, пожалуйста, на нее, ты видишь, ей неприятно. – Гражданка сказала о безобидности своего сына, наверное, сына с такой

искренностью, правдиво сказала. И правда эта была правдивей, чем любая газета, напечатанная до 91 года. Евгения отвлеклась на электрические письма, менеджеры по рекламе и корреспонденты коллективно решали, что подарить на юбилей дружочку Н. К данному вопросу Евгения относилась индифферентно. Фотограф Матильда предложила мягкую игрушку рыбы с головой свинки. Но Евгении было индифферентно.

Платформа, прорвавшая ткань бессознательного телефонного бла-бла-бла, всплыла в прямоугольник окна. Девчушки с каре, похожие на сладкие грибы, ножки которых состоят из печенья, а на голове шоколадные купола. Такие девчушки, гимназистки, с портфелями наперевес бежали по лужам. Дверь жестяного синего амбара с надписью «хозяйственные товары» распахнул ветряной порыв. Женя глядела на желто-оранжевые листочки, они кашицей лежали на асфальте. А потом девушка перевела взгляд, и стала свидетельницей интимной беседы. Оконный бассейн электрички ЭР2Т не предполагал показа такого рода кинофильмов. Шеренга солдатиков, их спины. Мокрые, лысые затылки. Шишковатые, глыбастые, удрученные, морщинистые, розовые, мясистые. Они, безусловно, не существовали сами по себе вдруг, они принадлежали телам разной комплекции, наряженным в военную форму. Над ними возвышалась фуражка, лица под фуражкой было не видно, монотонно-зеленая, она левитировала вдоль строя, над строем. Слышались бойкие окрики: «так точно», «есть», «никак нет», «товарищ военный, можно я позвоню маме». В телефоне у Жени тренькнуло, но барышня была не в силах оторваться от созерцания столь волнительной мизансцены. За спинами военнослужащих пенилась лужа, из морской волны вышла Афродита. Товарищ в фуражке что-то сказал, призывники бодро прокричали: ура, ура, ура. Электричка начала монотонное движение. Каждой холодной электричке полагались разогретые пассажиры, честно говоря.

Женщину и подростка, словно караул у Букингемского дворца, сменил мужичок. Мужичок, как будто замороженный в двадцатом веке, растаявший лишь сегодняшним утром. Его силуэт имел перевернутый треугольник, цветная куртка с широкими плечами, кожаный ремень, завязанный, именно завязанный на животе. Ромбовидные ассиметричные вставки на куртке. Рукава, так называемая «летучая мышь». Мужчина с бритыми висками разговаривал по чудовищно большому телефону с антенной. Его совершенно не смущали запреты, поэтому он громко кричал в свой аппарат: вот тут верю, вот тут плюс, верю, уже верю, да, поверил, да, я поверил, да, а что? И продолжал, позвякивая крупной цепью на запястье, снятой, должно быть, с дуба Тома: да, да, я, да, поверил, да, я, а что? За окном прогудела встречная электричка. То была ночная электричка, вспыхнувшая мраком безжизненных окон. – Как это двадцать первый век, хотя верю, верю, мы же не в игрушки тут, да, я слушаю, – нервировал Женю пассажир своими речевыми боеголовками, устремленными на Канзас, там Элли, не успев пришить металлическому дровосеку сердце, была вынуждена капитулировать перед лицом реализма. Девушка открутила красную крышечку, минералка выпускала газики. Долгий глоток, вода была вкусна, как пицца из школьной столовки за пятнадцать рублей. Женя икнула. Мужчина из прошлого удивленно поднял совиные брови, уставился своими калмыцкими глазами на журналистку. Та одними губами произнесла лаконично: пошел в жопу.

Американ бой, ведь на нем были импортные джинсы, был смелым, словно иранская девушка, читающая в общественном месте у себя на родине Лолиту. Мужчина, скрипнув сиденьем, подсел к не своей жене. Женя была ничьей женой, женой журналистских жужелиц. Она запустила руку в карман своей куртки, наполнив горсть связкой ключей. С ключами был повенчан складной ножик под названием Buck 110. Незнакомец как будто прочел наличие в Женином кармане ножика, губы пассажира споткнулись. – Вы сделаете мне больно? – с неловкой торопливостью спросил он. Он пытался втереться в знакомство. Подобно тому, как лавандовую туалетную воду втирают в запястья. И пахло от него самого туалетной водой. Поэтому аромат, который почувствовала Евгения, когда пассажир подсел, был достаточно приятным. Скуластое лицо приблизилось к лицу девушки, десять сантиметровых шагов, отсрочивших столкновение женского и мужского айсбергов, были ценны. Неожиданно в голову Женечки вломился образ маленькой Пугачевой

в костюме айсберга в океане синего, казенного пледа. Бирюзовые венки на руках гражданина пульсировали. – Смотрите, как пульсируют, – выпендривался неадекватный, удерживая двумя руками свой наивно-трогательный аппарат. – Класс, – ответила девушка, – вернитесь на свое место. – Пассажир спросил несуслазницу: вам известно что-нибудь о дружбе уродов? Женю подобные расспросы начинали нервировать, она стала озираться в поисках поддержки, однако в их вагоне больше никого не наблюдалось. И журналистка ощутила грусть присутствия. Она чрезвычайно не любила, когда с ней знакомились мужчины. В определенном смысле девушка была незнакомкой. О подобных Евгениях замечательным образом высказались в статье «о современном состоянии русского символизма». Журналистка придерживалась взглядов, которые исключали наличие рядом особи мужского пола. – Уу, ты какая, – произнес прилипчивый, словно нарождающиеся детские комплексы в семье алкоголиков, парень, видя незаинтересованность попутчицы.

Порочный герменевтический круг необходимо было разрывать, догадалась Женя. Ее мобильный телефон бздынькнул. В чате коллега Дария Запеканка прислала демотиватор. Карточка не карточка, некая открытка, выполненная в нежных пастельных тонах. На ней улыбающиеся женщина в переднике с дочкой, тоже в переднике, позади них полки, а на полках банки с помидорами, горохом, огурчиками. Подвал какой-то. Девчонка спрашивает, соответственно, из ее широко раскрытого рта вылетает облако, в котором слова: мама, мама, а зачем мы делаем столько разнообразных солений? Мать ей отвечает, но уже в своем облачке, облачке, выдуваемом самолично: потому что силы антихриста на подходе, закатывай молча, мерзавка. Многие коллеги, по мнению барышни, занимались жизнью на любительском уровне. Оттого и статьи у них получались как бы игрушечные. Что это такое, приколы категории Д. Вполне вероятно, котиками, каламбурами, граждане прикрывали собственный страх перед аффективным состоянием души. Неудовольствием перед стремительно расщелкивающимися кнопками ядерных чемоданчиков плащом совершенной любви. Плаксина ощутила руку пассажира на своей коленке, ставки повышались. Она прикрыла густо-зеленые глаза, напоминающие цветом тела мух. Тяжело вздохнула. И подумала: начинается. И вернулась мыслями во вчерашний день.

Бесстрастное утро, до костей пробирает. Ни одного крысиного короля в окружении нет. Предзимнее великолепие за окном произрастает, дворник скребет метёлкой щербет. То есть земля походила на щербет, то есть, в принципе, бери, отламывая, и вприкуску с чаем употребляй. Особенно холодной порой крысиные особи, до пятидесяти членов, намертво связываются хвостами, чтобы сделаться живым гнездом для детенышей, Евгения, закутанная в одеяло, не ощущала каких бы то ни было крысиных королей рядышком. Необходимо было разобраться, или даже собраться с духом, преодолеть звуковой барьер. Из колонки, соединенной посредством беспроводного подключения с телефоном, грянула песня английского коллектива, основанного в середине шестидесятых. Двери запели: «это конец, мой прекрасный друг, это конец, мой единственный друг». Журналистка начала распускаться из эмбриона в бабушку. По крайней мере, она ощущала себя глубоко престарелым человеком. В шейном отделе покалывали шипы розы остеохондроза. Отчего-то снился Париж военных времен, снился обеденный стол, на котором стояла кастрюля, в ней были сваренные кожаные ремни. Эйфелев хребет за окном оттенял жалобность черно-белых домов, сутулые силуэты редких прохожих. «Нашим тщательно продуманным планам конец, тому, что имеет значение, конец, ни спасения, ни удивления, конец, я никогда больше не взгляну в твои глаза», – продолжал играть на меланхолических джойстиках души голос из колонки. – Доброе утро, Вьетнам, – понуро произнесла девушка. И в этой ее понурости прослеживались черты неминуемой бабки, ропшущей на абсолютных наркоманов и проституток. – Доброе утро, сильная и независимая, – без тени улыбки сказала Женя. Сепарировавшись от кровати, она вступила в ряды ополченцев, борющихся с захватом фактической реальности. За окном осень примерила рыжий свой кафтан. Разверзлись хляби небесные, и грусть повсеместная налипла грязевыми кляксами на автомобильные номера у дома. И грусть была подобна дошколятам, прочитавшим сказку о Машеньке и медведях в ином контексте. Если Машенька успела поспать на трех кроватях, значит,

родители-медведи спят порознь, значит, медвежонок это единственное, что удерживает родителей вместе.

В день своего тридцатилетия, когда по всем признакам срок годности стал подходить к тому, чтобы очутиться в компании прочих продуктов на заднем дворе супермаркета. Там, где малоимущие жильцы района раз в две недели набирают в свои тележки, в баулы провизию, там, где слякоть и давка, но не волхвы. Женечка подумала, начинается. Вот и начинается паскудное оскудение тела и духа, так называемый пир духа наоборот. Стоя в душевой кабине, девушка опознавала себя в зеркале, что висело над старательной машинкой. Крупинки воды засеяли ее короткостриженую голову. Ромбовидная плитка в ванной на стенах напоминала клыки, поросшие трещинами. Родимое пятнышко под левой грудью в форме острова Окинава. Тысячи американцев погибли за этот остров. Чуть меньше мужчин лишились рассудка, фантазируя о Женином родимом пятнышке, ставили сердечки под фотоснимками, на которых девушка в купальнике, обольстительница. Квантовая запутанность в паховой области выглядела добродушно. Миниатюрная ГЭС пропустила тонны воды с привкусов хлорки, быть может, душевая лейка. Евгения обратила внимание на длинный зарубцевавшийся шрам, он проходил вдоль бледного живота. Евгения намыливала бедро с едва уловимыми порезами, списанными со счетов за давностью лет. Она молчала со скоростью черепахи, хотя время стремилось к очень серьезной дате. Главный редактор Филипп вызвал сотрудницу посредством голосового сообщения в их рабочем чате. Женя в некотором роде опаздывала, занимаясь водными процедурами. И все-таки Жене хватило совести поторопиться, она, как обычно это делает, не стала разговаривать со своими шрамами, каждому из которых успела дать имя.

Редакция располагалась на третьем этаже, среди туристических фирм редакция и располагалась. На проходной отсутствовал охранник Генрих Камбоджа. Подобным образом отсутствует буква «ю» в слове «будущий». То есть девушка не увидела обыкновенных черных котов, заменивших Камбодже брови, выпученных желудевых глаз, огромного носа, которого, в отличие от Сирано де Бержерака, Генрих совершенно не стеснялся. Его ловкие, подвижные пальцы, словно богатый на события век, интересный для историка, печальный для современника, также отсутствовали. Перед турникетами стояли высокий юноша в синих брюках, бордовом полупальто, с дипломатом подмышкой и женщина лет сорока. – Вы только посмотрите, как он у меня талантливо ходит, Сева, давай, – сказала дама. Ходил Сева, честно говоря, так себе, прихрамывая. Парень со своей мадмуазель мамой не мог попасть к главному редактору по причине отсутствия на месте Генриха Камбоджи. Миновать турникет не представлялось возможным, на женщине была шерстяная юбка. Попытайся она перелезть, неминуемо бы осрамилась. – Милочка, вы не могли бы передать своему редактору материалы моего Севочки, я никак не могу до него дозвониться, просто ужас какой-то, – сказала она. Тени для глаз у дамочки были цвета черешни. Какая царственная окраска, отметила Женя. Котиковое пальто, ворот которого напоминал шкуру гепарда, вызывал восторг. – О чем, собственно, материал? – спросила Евгения, бочком отступая к турникетам. – О, у Севы настоящий цикл статей, он называется «Конец света в ее постели», – женщина высунула кончик своего кораллово-розового языка, она смотрела в упор, как будто тысячеглазый автобус в час пик на прохожего на остановке. – Очерки о непреклонном труде асфальтоукладчицы Катерины, нашей соседки, – подсказала тетенька. Женя нащупала бедром турникет, пикнула пластиковым пропуском. – Я спешу, вы попробуйте еще позвонить, – поспешно сказала она, взбегающая по ступеням. А за спиной послышались переругивания, должно быть, тетка была недовольно поведением Севы. – Зачем ты испугал ее, видишь, какие они все нервные, не так посмотришь, в глотку вцепятся, – причитала мать Севы. Она пеленала свою речь в одеяло сарказма.

В редакторской комнате яблоку было где упасть. На длинном глиняно-коричневом столе лежали испорченные туши писем. Утренняя корреспонденция казалась массовым исходом белых дельфинов на берег. Внимание привлекла касатка, ее черный бок, усеянный марками, держала в руках редактор отдела детской рубрики Елизавета Пивко. Ее довольно-таки мускулистые ножки облегла черная синтетическая кожа. Алебастровая кофточка с вышитым красным сердечком в

области печени казалась бесконечной шуткой над самой природой. – Привет, Женька, – предприняла попытку психической атаки Лиза, она была эмоциональным вампиром, поэтому сотрудники не гнушались носить на шее специальные аксессуары, желтые киндер-сюрпризы с дольками чеснока внутри. Которые являлись своего рода ингибиторами, сдерживающими процесс разрушения нервных систем сотрудников. Пивко была избыточно нервна, порывистые движения; казалось, она плывет в адреналиновой речушке. Казалось, ей не хватает выдержки для ведения бесед, предполагающих ответные реплики. Она снисходительно улыбалась своими сластолюбивыми губами, держа загорелыми руками фотоснимок. Фотоснимок являлся внутренностями касатки. На фотоснимке АЗ была изображена наполненная ребенком женщина, на фоне угадывались детали картин Босха, дураки на корабле, Антоний, существо с головой птицы на лыжных коньках. Однако на так называемом коллаже особое внимание заслуживал живот. На нем рос огромный приоткрытый рот, за пеленой слюнявого пузыря виден плод ребенка. – Искусство, такое искусство, – сказала вязко-слащавым голосом Пивко. Евгения поморщилась, как будто порезалась бумажным листом.

Некто под творческим псевдонимом Кон Чен Ый, пассажир, предпочитающий скрывать истинное имя с фамилией, данными ему паспортным столом, ежемесячно присылал в редакцию свои коллажи. Особенно впечатлившее Женю произведение Кон Чен Ый прислал еще летом. Там была изображена космическая бездна, два импозантных милиционера, сидящих на качели. – Петрович, – говорил один другому, – беда в том, что границы сознания никто не охраняет. – И вместе они неслись ввысь. На этот раз гражданин коллажист прислал менее интересную работу. – А все-таки талантливый этот, как Сергей Пенкин, – сказала Елизавета Пивко и отхлебнула свой утренний кофе из чашки с надписью «I love Чебоксары». – А ты слышала, какая игрушка вместо голубой акулы появилась, я, конечно, не специалист, но мне кажется, подобное заставляет задуматься над тем, кого мы хотим воспитать, – ах, Лиза, бедная Лиза, она влезла в платье патетики из секунд-хенда. Евгения не имела ни малейшего желания держать разговор, падает и падает. Она спросила лишь о наличии Филиппа у себя в кабинете. Филиппа, которого еще называли Рот. Елейно улыбаясь своими фарфоровыми зубами, он, казалось, никогда-никогдашеньки не испытывает чувства неловкости, в этом смысле не близки ему были престарелые девушки, согласившиеся на групповой секс по просьбе своих престарелых ухажеров. Все-таки возраст обязывает не терять тапки приличия. – У себя, Женечка, мы с тобой, хочешь, вместе к нему пойдём? – Елизавета отчаянно хотела дружить, однако упускала из внимания собственную неспособность уживаться в коллективе. С тем, что Пивко плевала в чашки коллегам, наверное, можно было смириться. Но донесения в милицию по выдуманным поводам с последующей конфискацией доверия к Елизавете были, откровенно говоря, отвратительны. Сотрудники как будто привыкли, носили на шеях чеснок и не вступали в дружеские отношения. Порой это было весьма сложно, так же сложно, как завязывание шнурков на ботинках. Женя, скрипя половицами, миновала ряд совдеповских буро-каштановых столов с мясистыми мониторами. Постучалась в дверь, на которой висела табличка: «будьте смелы, как Новодворская, пишите сердцем, товарищи».

Главный редактор Филипп был таким человеком, странным, конечно, человеком, который как бы никого не слушал. Ему что-то говорили, а он выхватывал из целой фразы кусочек, а потом отвечал невпопад, а потом давал странные задания своим агентам. И задания эти подчас носили характер убийственных авантур. На планерках, бывало, не досчитывались Юр, Анжел, Семенов, Павлов Валерьевичей, а Павлам Валерьевичам было далеко за шестьдесят лет, между прочим. Его римский нос нависал утесом над чувственными губами, всегда увлажненными гигиенической помадой. Голова его была обрита, поэтому прическу редактор носил воздушную. Длинноскулое лицо, широкий, волевой подбородок окаймляла русая борода, впрочем, лишенная скобы усов. Цвет глаз его был трудно определимым, круглые желтые очки, словно чешуйки дракона, приглушали яркость пламени из глаз редактора. На стенах его кабинета росли морские ракушки. Иной раз, когда сотрудников задувало в приемный покой Филиппа, они начинали тонуть в фантомном водоеме. Морской им слышался галдёж, и крики чаек запеченных. Не каждый сотрудник

справлялся с нахлынувшими образами. Ароматические свечи на круглом столике, где стоял эластичный Шакьямуни, млели, дымили. Настольная лампа с абажуром светила в недрах кабинетной ночи. Главный редактор обычно трудился, восседая по-турецки на вращающемся стуле. Одежду он предпочитал свободную, с африканскими мотивами.

– О, Плаксина, послушаешь, какую мне статью сдал коллега твой, мерзавец, – сказал он бархатным голосом, и голос его рифмовался с бархатной революцией, серией мирных гражданских протестов. Чехословацкие бело-красные кеды, с прошептанными до брешей подошвами, висели на гвоздике. Отец Филиппа был великим советским боксером, отец Филиппа служил в КГБ. Начальник принялся читать, вглядываясь в экран планшета. «Руководство по уходу за гражданками. Если ваша гражданка постоянно плачет, необходимо измерить ее гормональный фон. Поднесите счетчик Гейгера к ее голове и ждите. Затем запишите получившийся результат в ее лунный календарь, в соответствующее дню окошко. Информация для сверки наличествует в справочнике норм и патологий. Кроме всего прочего, не следует забывать о проверке целостности оболочки души вашей гражданки. Как минимум, раз в полгода необходимо сдавать ее в сервисный центр». – Вы для этого меня вызвали, думаю, что не для этого? – равнодушно спросила Евгения, держа за пазухой камешек легкого раздражения. – Плаксина, ты даже не можешь насладиться моментом, где ревностное отношение к чужим текстам, я считаю, превосходный материал, можно в рубрику о семье. – Ага, дети это тизеры взрослых людей, – едко усмехнулась Женя. – Ты сегодня, Плаксина, прямо дыр бул щыл, – сказал радостно рот Филиппа, – а ты читала балладу об историческом недосыпе?

– Все я читала, Филипп, и сплю я нормально, и таблетки пью, и работать хочу, – казалось, Плаксина негодует, казалось, она готова кошкой вцепиться в лицо главного редактора, Варфоломеева Филиппа. Девушка взглянула на картину, чуть левее боксерских кед. Полоса молочно-голубого неба, полоса пестрой лесополосы, полоса отчаянно-яркой травы. Вдоль полотна, словно вагоны электрички, тянутся печатные буквы: не прислоняться. Оригинал картины начальнику подарил его товарищ, художник Эрик Булатов. – Плаксина, ты меня пугаешь, – Филипп слегка наклонил голову набок, точно допускал, что это не Плаксина вовсе, с интересом рассматривал. – Послушайте, я прошла курс лечения, раз в три недели консультируюсь со специалистом, со мной все нормально, – казалось, с Евгенией все нормально, казалось, очередное расследование не повредит мадмуазель. Главный редактор нежно сказал: Женечка, ты смотри, дело-то может подождать, я очень эмпатичный начальник, если ты не забыла. И тут же продолжил своим этим великим ртом говорить: Плаксина, как хорошо, что у нас коллектив с тобой не военнообязанный, сплошь психопаты, шизофреники. Варфоломеев, оттолкнувшись от стола, доехал до серого жестяного шкафа, выдвинул нижний ящик, стал перебирать папки. Мужчина приговаривал: а знаешь, почему Хармс не попал на финскую войну, он получил освобождение, опоздал в военкомат на несколько дней, объясняя опоздание тем, что держал повестку вверх ногами, не мог разобрать, какого числа приходиться, 26-го или 95-го.

Евгения, предошущая дыханье костра на своей гладкой щеке, в поле с надломленным льдом, нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Почему-то ей казалось, что новое редакционное задание обязательно будет связано с природой, может быть, с экологическим бедствием. Наконец, Филипп вынул стопку листов, оттолкнувшись от шкафа, подбегал. – Плаксина, история в следующем: есть оптовая продуктовая база, в ней цеха, где упаковывают печенья, мясо, всякое, в общем. Варфоломеев принялся массировать виски, словно его постигла мигрень. Женя спросила: криминал? – Не исключено, соль, – редактор отвлекся от медицинских процедур, – четкой связи нет, но люди, предположительно, имеют схожие симптомы после соли, которую, между прочим, там фасуют. – Девушка сняла джинсовую куртку, повесила на спинку стула, переиначила стул, села задом наперед. – Сбор свидетельских показаний, справки из поликлиники, сколько знаков расследование? – корреспондентка была точна в формулировках, как лечение электрошоком. – Четыре авторских листа, чтобы с небольшим запасом, вот адрес, я снял квартиру на неделю, квартира семнадцать, но там все указано, контакты тоже, с кем говорить, – редактор продемон-

стрировал неопределенность времен года, ухваченную за крылышко. – Надо же, – сказал он, рассматривая из-под желтых очков трепыхающееся насекомое, – а ведь похолодало, наверное, задремал. – В полноте молчания угадывались горестные мысли мотылька. – Плаксына, у тебя неделя на материал, подъемные возьмешь в бухгалтерии, я передал, – рот Филиппа улыбнулся, мужчина разглядывал с интересом серую мохнатую сущность. Потеряв пространственное чутье, Женя врезалась в симметрично верного Исаака. – Твою ж за ногу, Женя, – высказался невысокий Исаак, редактор отдела о здоровье, он был равнозначен несостоявшемуся баскетболисту.

Плохо очерченное лицо бронзового оттенка, тонкие угольные брови, нитка усов, спортивный сиреневый костюм, пошитый на заказ. – У тебя никогда не было такого, что ты ощущала себя комнатой, в которой живут разные мудаки? – спросил Исаак, вскарабкиваясь на стул. Филипп занимался с мотыльком, рассеявшись по аналогии с мукой. – Исаак Эммануилович, бывает, ой, как бывает. – Женя надела куртку, лилипут стоял на переименованном стуле, держа в руках справочник цвета кролика в период линьки. – Коллега, как прикажите мне давать материал, если все подчистую стажер взял отсюда? – возопил, топнув ножкой в сияющем кожаном башмачке, Исаак. Главный редактор был слеп к едва внятным отблескам речи своего подчиненного. – Филипп, я не понимаю, это народ против Ларри Флинта происходит, мне взбунтоваться? – журналист закатил глаза, пытаясь разглядеть степень собственного терпения. – Исаак Эммануилович, а печатай так, – сказала Евгения, – видишь, он человек, напуганный счастьем, ему мотыльки важнее. – Девушка собралась было пойти в бухгалтерию, но Исаак ее остановил, ловко прыгнув со стула. – Плаксына, у тебя же расследование, возьми вот на всякий случай, – журналист протянул увесистый складной ножик Buck 110, рукоять которого была подобна отзвуку дерева. А потом Исаак неожиданно сказал унывно-женским голосом: вызовите уже кого-нибудь, она же всех зарежет. – Что, что ты такое несешь, Исаак Эммануилович? – девушка растерялась, словно участники программы «Голые и смешные».

Плаксына открыла глаза. Паутинки слюны, цвета смешались во рту Жени, должно быть, прикусила губу, на груди темные пятнышки, наверное, кровь. За окном электрички дистанцировалась цивилизация; ночь, словно вода, приняла форму шахтера с погасшим фонариком. Расширенные от ужаса глаза тетушки в сметанной косынке, с брошкой-канарейкой на груди, сидящей напротив, были устремлены на руки девушки. Густое молчание, наполнившее редких пассажиров, хлюпало напряженно. Женя перевела взгляд, она сжимает в руке разложенный нож, костяшки пальцев побелели от усилия. Клинок обращен в сторону граждан.словно ребенка, обнимая рюкзак другой рукой, Плаксына медленно встала, электричка сбавила ход. В приближающейся станции журналистка опознала свою, Плаксына накануне глядела на электрической карте панорамы города, куда направляется. Вот краешек заброшенного детского лагеря, а вот и военный полигон. Изнаношный мир посетил в тамбуре. Евгения пятилась к тамбуру, а ее провожали обескураженные взгляды пенсионеров. Горячее оружие, напивавшись теплом журналистки, было спрятано в рюкзак. Электричка телится, ползла и ползла, тремор в руках Жени, помутнение мозга. «Не прислоняться», перемененное на «не слон я», встретило улыбку на зардевшем лице девушки. Рекламный плакат, удушливо-белый, ярко-желтая курица в химзащите, семья за столом обычных людей, обычная надпись: «призывается курица в суп». И двери разъехались, и черное молоко заката было предложено Плаксыной на полдник. Она прыгнула на платформу, электричка, которую также называют отчего-то собакой, скуля, побежала, поджав хвост. Окна облепили, как лягушки стенки аквариума, в нем горят лампы, как будто сквозь призму воска, пассажиры глядели на Женю, не пряча фигу любопытства в кармане, опасная, еще и красивая.

– Семачки, купи, семачки, – пульсировала речь старухи, закутанной в некие тряпки, лимонным шарфом обособлено лицо, лишь торчит вишневый кончик носа, лишь горят желтым глаза, прорастают в глубине складок. Вересковый пуховик, прохуdivшийся на груди, лебяжий пух, как частное целого лебедя, полунамок на период полураспада. Вещи нехотя прирастают к своим назначениям. Она сидела на раскладной табуретке под фонарем, что значило ее дыхание

в контексте вечера, что значили свертки, разложенные перед ней на коробке. Старушечья тень, удлинённая, Женя взглянула на свою, укороченная. – Семачки, купи, семачки, – пух рывками вылетал из груди с каждым оконченным выдохом. Дохнуло пьянящим воздухом, сочетанным с множеством видов повреждений пространства. Пахнет влажной землёю, листвою, пролитым пивом, йодом. Девушка направляется к эпилогу платформы, позади нее слышится: семачки, купи, семачки. Фонари не могли предоставить возможности светом умыться. Евгения едва различала дорогу. Тревожности брикет, спрессованный на комбинате имени человека с фамилией Стоматолог, встал поперек горла. Отрывок черного неба озарило подобие общего, доступного, падающей звезды. Журналистка, предугадав на интуитивном уровне соприкосновение с объектом, проросшим во чреве станционного организма, сменила маршрут. И все-таки урна дотронулась, липкая макаронина проскользнула в карман, конечно, выпрыгнула из кармана, степень липкости была чудовишна. Метрах в пяти горел фонарь. Окружность громкого светового пятна, двое мужчин в иссиня-черных спортивных костюмах, кепках-восьмиклинках. Лобные поля их исписаны красной ручкой учительницы, лебеди-двойки. Мальчишки окостенели в неестественных положениях. Выгнувшись назад, они напоминали сломленные троллями деревья в чаще, а потом прилетел метеорит, покорежил троллей и деревья, все мы гости на этой земле. В перекрестках полуприкрытых глаз их отражалось черничное звездное небо. Рты джентльменов были распахнуты историями болезней, основанных на зависимостях. Крадущаяся Евгения испытывала неловкость, как та медсестра, спросившая мальчика на приеме, тебе не страшно. И мальчик ответил, поднеся ватку к носу: нет, потому что пахнет папой. Спиртовые пары имеют свойство нравиться неокрепшим детям. Стекланные розочки захрустели под ногами, впотьмах. Вскрик птеродактилей разорвал, как тузик грелку, барабанные перепонки замечательной журналистки Евгении Плаксиной.

Тяжелые ботинки корреспондентки взрыхляли асфальт, хрустели затекшие члены господ, ультразвуковая природа их высказываний сбивала нормальную работу сердечной мышки. Женя на бегу обернулась, на краткий взгляд ее, словно на ничтожку, стали нанизываться медлительные существа, силуэт фонаря, очертание вокзальной кассы. Летучий заразный сон прижался наждачным бочком к сознанию девушки. Обожрались соли, пришла догадка, пришла не одна, за нею резво пришло сожаление о высокобленном ребенке, вот и не оставила потомка. Подреберный зверь заухал. Осиянное электрическими всполохами платформенное поле в длившемся пути вызывало завывание желудочных конденсаторов. Повадки мальчишек увязывались в букет полевых цветов жестокости, память Евгении старательно манкировала собственными умозаключениями, полагая, что все хорошие мысли принадлежат Крупской и подобным ей бактериям. Медлительность рассекающих пространство монстров стремилась к неподвижности водителя с нарколепсией за рулем остывшей машины. Переплетения забора с нарушенной целостностью ожидали вплетение тела журналистки в свое полотно. Женя выдохнула подступившим к самому горлу облачком угольной пыли, шахтер с потухшей свечой. Скрипящие, словно ржавые петли, крики атаковавших мальчишек, гвоздь, скovyрнувший поджившую ранку, вспенивший красное море на макушке. Евгения вылезла, оглоушенная фрагментами вечера, на занемевшую улицу, моросил дождь. Вложенные в носовую книгу запахи гербариев, запахи застоявшейся воды, корни которой уходят глубоко в канализационную почву. Эти запахи показались журналистке значимыми для статьи. Девушка попала в междуцарствие. Остроконечные башни дворцов на детской площадке, схематичные очертания домов, отростки ТЭЦ, сроднившиеся с пронзительно неприятной цивилизацией.

– Купи семачки, семачки купи, – сделала заикой, а обратно нет, старуха. Нынче ее не было видно совсем, но судя по интенсивности голоса, торговка сидела прямо напротив бреши в заборе. Утвержденная худруком яркость макияжа данного вечера стремилась к минусовой степени. Женя расслышала, как на платформе крикают мальчишки, потерявшие пуповину, крики отчаянья и скрытой агрессии посеки нежное, сумеречное тело. Степень осознания тьмы росла соот-

ветственно росту фосфорных камышей близ угасающего озера, затянутого пленкой. Сквозящий через пленку мягко-зеленоватый свет, словно грехи отцов, имевших неосторожность построить завод по добыче урановых елочных игрушек, спрятанных на многометровой глубине. – Купи, купи, отстанут, отстанут, купи, купи, – зачастила полуночная хранительница валидола. Вспышки агрессивных молний из джентльменских ротовых шкатулок образовывали какофоническую серенаду. Женина резистентность была не на самом высоком уровне. Неистребимость слезинок от луковых варваров угнетала. – Купи семачки, отстанут, отстанут, – подсказала престарелая тьма. Евгения спросила, хотя и понимала, что какую бы цену не назвала бабка, она заплатит: сколько? – Стописят, стописят, отстанут, отстанут, – медлить было нельзя. По копчику ударил резиновый шланг ветра. – Сто пятьдесят? – переспросила журналистка, она имела привычку перепроверять информацию, специфика работы. – Стописят, стописят, купи, купи! – декодирование речи прошло успешно, контакт состоялся, Евгения, не глядя, извлекла из кармана джинсовой куртки затекшие двести рублей одной купюрой. Торговка посчитала обмен равнозначным, поэтому в ответ протянула кулек. Плаксина взяла увесистый, словно пианино «Красный октябрь», сверток с подсолнечными семечками.

Двадцать второй дом на улице Шмидта проистекал недалеко, Рот Филиппа особенно концентрировал внимание на том, что идти всего ничего. Стоит лишь обогнуть рыболовный магазин, пройти метров пятьсот по прямой, не забывая сверяться с навигатором, разумеется, иначе точно запутаешься, а так близко. Женя, не запивая, употребила сразу же две таблетки. Стала спокойной, словно курица с магнитом защитным в супермаркете. Дискретная речь старушки преобразилась в заунывный напев. Плаксина была не в силах пальпировать подчелюстные узлы, пережевавшие этот сумрачный день. Стерилизованные дома, без всякой там страсти, ярости, похожие друг на дружку дома. Фонарные столбы дужками очков бросали слабые световые столбы. В бесхозную реку, выпадающую из морской пленчатой лужи, в бесхозную реку упала звезда, никто даже пикнуть не успел, не то что загадать желание. Огоньки, едва различимые вдалеке, перемещались с разной степенью быстроты. Мальчишки, отравившиеся солью, прекратили свои ничтожные преследования. Плаксина шла по газону, газон пружинил под ногами, пружиня, газон утверждал, что растет в болотистой местности. Силуэт случайного прохожего гулял, держа другого субъекта на поводке, тот, второй субъект, неторопливо шел на четвереньках. Проехала скорая помощь, трогая заросли тишины своими мигающими руками. – Кто сожрал все Аленки, сука? – поинтересовалась внезапно появившаяся гражданка с оттопыренными красноточками, рябиновыми ушами, торчащими из-под кашемирового платка. Женя не ответила, перебежала на другую сторону улицы.

Очертания бензиновых колонок, закуской для дальнобойщиков. Возникла простая мысль про перекусить, простая, словно видео в социальной сети «10 бюджетных рецептов, а самое главное, недорогих». В кустах акации раздевались шорохи. Постановление из канализационного люка. Нашептанные печальные мысли. Сделалось очень, очень, очень печально, как увиденное мыло, сваренное из военнопленных. Желтый автомобильчик, удерживая двумя руками шланг, какая-то дамочка заправляла свое транспортное средство, на лобовом стекле которого наклейка «можем повторить». Могут ли, засомневалась Плаксина. Пятиэтажные дуры виднелись за россыпью безжизненных ларьков. И возвышались они близ ограниченного функционально, облезлого строительного крана. Ветер нашептывал разное похабное. К примеру, расплакаться. Практика совместного плача может существенно помочь парам, совместный плач в этом случае сближает. Евгения Плаксина пошла быстрым, словно потухания спичек в подъезде, шагом, – когда вы кидаете их в потолок, где образуются черные планеты, прямо на побеленном потолке, уфимские спички, самолет на коробке пикирует на лакированный коричневый пол. «Где бился хрусталь, кричали про наших, за которых никто кроме наших, а наши в итоге за всех, потому что в нашем социализме все хорошее», – вспомнила почему-то истеричные рассуждения женщины на митинге Женя. Пройдя этот распахнутый на все окна и двери бедлам, с журналистской познако-

мился один уважаемый человек, как выразился подошедший мальчишка. В полосатых сумерках вечера этот малолетний хищник оставался безнадзорным. Ломающимся голосом он сказал, махнув рукой в сторону бензokolонка: с тобой Аркаша Крохотка хочет познакомиться. – А не пошел бы Аркаша Крохотка в зад, – Евгения еще раз посмотрела в сторону заправки. Красные буквы ДТ. ДТ, что значили эти буквы, «дизельное топливо»? «Дерзкие тетки»? «Домашняя Трансильвания»? Бело-синие колонки с пистолетами, несколько высоких парней, неведомая сила потянула журналистку к ним. Точнее, паренек лет десяти толкал в спину, приговаривая: быстрее, больно не будет, просто с тобой захотели познакомиться, это честь, когда Крохотка зовет.

– Аркадий, – протянул жилистую ладонь, и ладонь его стремилась к рукопожатию, но соскользнула, на омываемой ветрами заправке, во внутренний карман персиково-бежевой куртки с мехом на капюшоне. Оттуда он достал зеленую конфету грильяж с белочкой, протянул. – Мадам, вы бы не ходили поздно, у нас маньяк вообще-то завелся, – Крохотка являл собою пример того мальчика, с которым родители настроено запрещают общаться. Порывисто-яростные всплески декоративной энергии непослушных детей толкают на общение с Крохотками. Евгения Плаксина отболела подобным недугом nonконформизма. Рыжеватая щетина Аркадия, густые брови, как у Фриды, советская шапка «хоккей», свитер крупной вязи выглядывал из-под распахнутой куртки, черная сумка на поясе, неправильно сросшийся нос глядит чуть набок. Он протянул конфету с белочкой, Женя помотала отрицательно головой. И в девичьей головушке возникло желание пообщаться в рамках расследования с этим харизматичным персонажем. – Я журналистка, в городе по делам, не хотели бы встретиться, вы показались мне интересным, вы давно тут живете? – Плаксина натягивала фразы поверх шапки «хоккей», сбивая с толку этого мужчину лет двадцати пяти. Он выглядел каким-то симпатичным и по-хулигански обаятельным, было слышно, как натянулись его голосовые связки, Крохотка был ошеломлен. – Так на Шмидта живу, ближе к магазину «Охотник», – наконец вымолвил представительный Аркадий. Слившийся с дыханием бензина сигаретный дым улетал в звездное небо. Если взглянуть на него быстро, то может показаться, что вместо звезд висели на нем человеческие уши.

Плаксина быстро нашла нужный дом, от автозаправки было недалеко. Прямо, прямо, налево, как сказал навигатор. Кулек, в котором семачки лежали, оказался выцветшим распечатанным объявлением, кои по обыкновению нарастают полипами возле почтовых ящиков. «Уважаемые соседи! Если Вы обнаружили в квартире живых или дохлых мышей (крыс), прошу собирать их и приносить в кв. 14 по ул. Нансена, 116. Я собираю их для опытов, которые провожу совместно с прокуратурой. Если Вы хотите поучаствовать в эксперименте, можете получить дохлых крыс и мышей за вознаграждение. Вступайте в члены СССР! Губернатор – мошенник! Я уничтожила Макарова Б.Г. из кв. 22. Теперь я главная. Внимание: штаб СССР находится в кв. 14 по ул. Нансена, 116. Давайте бороться вместе, пусть все крысы сдохнут. По вопросу вступления в члены СССР и приобретения (сдачи за деньги) крыс и мышей, обращаться к Поздняковой Елене Николаевне в кв. 14 по ул. Нансена, 116». За стеной немного поворчала собака, пока корреспондентка мыла руки. И мы даже не можем предположить, что значит немного. Вот она задорно лаяла, потом перестала, произошло что-то, заставившее псину поникнуть. А прошло времени, примерно, как от яблочного спаса до коляды, между задорно лаяла и вот заворчала. Притушенный свет резного торшера омывал предметы в комнате. На электрическую почту пришло сообщение с прикрепленным чеком, указывающим на то, что Жене заплатили гонорар за материал, опубликованный в интернет-журнале о женском здоровье. Статья о непростой судьбе восточной женщины, называется «А потом она сняла паранджу». Женечка и туда иногда писала. Евгения не помнит, как потерялась связь с этим днем, присев на краешек скрипучего дивана, чьи пружины летали наружи всех измерений, она ощутила снотворный укольчик в шею, ощутила дыхание бывшего хозяина квартиры на собственном лице. Впрочем, лишь бы не было плохих снов на новом месте, рассудила она, раскатиisto зевнув, повалилась на диван. За стеною жизнерадостно залаяла собака.

Глава 4

Надежда не умрет под следствием

Медлительные руки чистили апельсин, дни соскальзывали с карниза хрущевки. Вечер вычитал способность читать, библиотека работала до шести. Селедочный хвост, нанизанный на вилку, робко лежит на тарелке. Световое оформление комнаты стремится к полной потере вечера. Голубоватое, оно достаточно ярко для того, чтобы запечатлеть картину мира на сетчатке, однако недостаточно ярко, чтобы выжечь дотла граждан, прикипевших душою к идеям однополярного мира, бесправия, быть может, брака. Непрерывно белые стены, комната-птица, потерявшая свое оперенье, заключает в себя серебристого спаниеля, свернувшегося ватрушкой на маленьком рыжем диване, и гражданина за компьютером. Как видит собака, что проецируется на сетчатку собаки в моменты смотра? Псина чихает, возвратившееся дыхание, отразившись от окна, пахнет кошачьим лотком, проблемы с желудком. Молодой человек множит цитрусовые кожурки в бело-голубом блюде, расписанном под гжель. Початая банка энергетического напитка, средоточие недуга гастрит, ловит пылинки живые, незримые, ловит и насекомых, если оставить пустую банку на ночь стоять, то они заползут в нее, прецеденты имелись.

Программисту Матвею двадцати семи лет мнилось, что миг ускользания от социально-колической структуры есть внутреннее движение по направлению к счастью. Обучение нейросети, прозванной отцами-основателями компании Василисой, являясь работой и развлечением, всецело занимало ум и сердце молодого человека. Гладь воды в пластмассовой красной чашке собаки ожила, стоило только упасть в нее некому бекарасу, пластичному, как Пина Бауш. Спаниеля звали Хрусталеv. И что будет, если агенты тайной канцелярии не подадут машину, закрой глаза, и посмотри, что будет. Что будет, спрашивает он, мы уже и не помним ответа на этот вопрос. И снилось хрущёвке, что она сталинка. А Матвею давно ничего не снилось. Непроницаемый забор из общественного, чуждого эха мешал вплести корни своего дерева сновидений в изнанку планеты. Чтоб росло оно сильным и здоровым. Чтоб не познало кисло-железный вкус топора лесника. Мучительно-душные бесконечно-секундные мгновенья перед рассветом слипались в перловый комок сожаления по бесцельно прожитому времени. Программист использовал интуитивную форму существования. Его чуткие родственники потеряли свои полномочия наставлять парня на праведный путь, теперь он был самостоятельным. Данную квартиру под номером восемнадцать молодому человеку и сестре оставили доносить родители. Подарили на окончание института. Они подарили квартиру, а подарить себя не успели, безвозвратно затерявшись в туманных тибетских пещерах.

Нёбная занавеска размыкается по горизонтали, Матвей, значит, поет. Матвей исполняет песнь на выдуманном языке. Артикуляция позволяет выцеживать сложную речь. А гортань – эпицентр надсмертной души, между прочим, вот и делайте свои выводы. Программист имел зимний склад ума и относился ко всему с прохладой, ему удавались языковые фокусы, именуемые в обществе скромным словом дар. Случались минуты, когда щелканье чужих голосов нестерпимо его раздражало. Он признавался не раз на форумах, где общался, неприятный шум разговоров желтым налетом на стекле оседает, изящно выражался парень. Однако бывало, воздух вжимался в ракушку, когда виртуальные беседы с единомышленниками перерастали в недели обнаженной речи. Хрусталеv, обожженный пением господина М., неодобрительно заскулил. Малоподвижный дом качнулся от внутреннего напряжения, вызванного стуками вагонов, груженных необходимыми принадлежностями для учеников нашего отечества. Рядом была железная дорога, и раз в три дня шел товарняк, груженный на местном заводе по производству всех этих тетрадочек, ластиков, карандашей, далее по всей стране. Матвей Школьник не был крутым ребенком, поэтому носил учебники в портфеле, а не в пакете в былые времена. Матвей Школьник сближался с людьми строго по необходимости. А в последние месяцы он ощущал острую нехватку природы. Выпекаться до хрустящей корочки, словно хлеб, летними, всесторонне развитыми солнцами севера,

юга, востока и запада. Балансировать между контуром города и пригородом, по самой кромке шагать, плевать в небо, ловить свой же плевок, возвратившийся через года, но не мамин голос. Не признаваться, что пьешь из коленной чашечки своей престарелой родственницы, молчать и скрываться от рекламных агентов, менеджеров, продавцов ширпотреба. Матвей Школьник очень хотел, он очень хотел поехать на дачу, но дачу продала бабушка, ныне изъятая из бытия. Вычтенные из Мотиной жизни поездки в деревню щекотали за ушком перышком, фантомные проживания каникул на даче не давали уснуть. Сохнуть на солнышке, нашаривать в зацветшем озере нырки, следить за тающим отзвуком пересмешника, так мало нужно для счастья.

Покачнувшись арктическим – низкое давление – телом на стуле, Матвей расслышал за окном шаги костра. Программист подошел к окну. Взгляд его подступает к избыточно горящей помойке. Угол падения двойственных, оранжевых языков образовывает равнобедренность. Переломленное через колено молчание зарастает словами: смотри, Хрусталеv, как бы на дом не перекинулось. Стекание линий электропередач в непререкаемый океан улицы, обособленной обязательствами не ронять прохожих, честно донашивать их. И океан улицы по мере сил донашивал граждан. Во дворе возле помойки собрались последние романтики. Перепачканные мазутом, с гитарами наперевес, с вплетенными ленточками в засаленные волосы. Они стояли десятком куриных яиц, глядя на пожирающее отслужившую свой срок мебель пламя. За пределами радостного женского крика, что-то про не погасло, что-то про ясно, пролегал первобытный октябрьский мир. Инверсивные приметы которого сбивали с толку своими переназначенными вещами, явлениями, накладными. Спаниель, умудренный пятью годами существования в несуществующем лишь на бумаге подмосковном городе таком-то. Спаниель совершил гавканье. – Хрусталеv, сейчас я тебя покормлю, только форум проверю, – Матвей отошел от подоконника, серые вязаные носки скользя по деревянному, скованному льдом озеру паркета. Школьник вернулся в исходную точку, внимание скукожилось в запятую. Пес, цокая когтями, подошел к порогу комнаты, улегся, тут же предпринял попытку подняться, однако не хватило сил. Изгрызенный мячик для игры в теннис самостоятельно выкатился из-под комода, устремился в коридор.

Так называемый форум для общения интровертов, нет, комнатных вырожденцев, не оставляющих после себя потомков, – подобным образом высказывались люди старших поколений о них, – был средоточием интеллектуальной поросли. Поросль обладала щуплыми, бледными организмами, умела красиво говорить. Матвей вошел в самый обсуждаемый раздел недели. «Я транссовок. Т.е. я чувствую себя советским больше, чем русским. Не так давно я осознал себя, сравнивая с остальными русскими. Меня растили книги и учебники СССР. Теперь я хочу собрать таких же, как я: наполовину русских, наполовину Лениных. Мы создадим партию и будем добиваться признания, чтобы нам вернули нашу родину СССР, открыли заводы, НИИ, где мы будем честно работать. Нужна будет символика, знак, герб, гимн транссовков». Проверил интернет-дневник своего любимого сумасшедшего. Сумасшедший писал: «Прерывание настоявшегося времени химическим благозвучием, не разгаданная дрожь тела в препаратах первого поколения, в организме бессознательном, организме нашем замедленном, обросшая жестяными фиалками, стеклянными незабудками плоскость уже не вмещает воспоминания о забытых вещах, зимних шапках и кошельках. Равномерное исчезновение отражений проточных в глади лиц пассажиров, помещенных в трамвай, всполохи мыслей на металлических, усталых лицах. Наша соотнесенность со временем, местом и действием уже не кажется невозможной». – Токарев, Токарев, когда же тебя отпустит, – усмехнулся Матвей, встал из-за стола, выплеснулся в коридор. Хрусталеv последовал примеру хозяина, перешел телемост, где сказали, что секса нет у нас, впрочем, пес был верным компаньоном, наличие секса не играло существенной роли в нехитрой жизни пса. Если бы Школьник обладал девушкой, Хрусталеv ни грамма бы не ревновал, дружба первичней женщин и материи. А материя продается на оптовом рынке на улице Юбилейная, дом 15, график работы понедельник – пятница с 10 утра до 18 вечера.

Освещение в коридоре было приятно, словно капельница с глюкозой натошак. Иными словами, нежно-голубые лампочки, натканные вдоль потолка, радовали уставшие от компьютерного

излучения глазенки. Жестикуляция стерильных осветительных приборов была продиктована в некоторой степени седативными пилюлями автора данного текста. Парнишка вошел в кухонное помещение. Рецептивная женственность буфетчицы, как представительницы власти, внушала удовольствие, нахождение рядом с ней успокаивало. Ее золотистые, желатиновые глаза пучеглазо таращились на вошедшего Матвея. Обладая болезненной буквой «Л», тетушка в слегка загорелой коже, сросшенная с прошлой эпохой, сидит на табуретке в кухне. Встревоженный морщинистый рот особы сообщает: какая красивая вуна сегодня, ты товько посмотри, такой вуны я сто вет не выдава. Кончик ее носа заиндевел, беломорина потухла, обособленная указательным и средним пальцами. Беломор, Беломор, курево для эстетов. Белый кокошник соблюдал субординацию, не заваливался. Цвета намокшего песка на пляже короткие волосы имели гендер буфетчицы, редкий в наше время. По статистике можно прожить, бесспорно, свою жизнь в одиночестве, смыкаясь губами с чужими губами в экстренных случаях, однако без буфетчицы прожить нельзя. Хрусталеv, затуманенный собственными ушами, бредет к чашке, где плавают миниатюрные утки с зелеными головами. Утиная охота не по плечу старенькой собаке. Принюхиваясь, пес топчется на месте, не реагируя на мерные кряканья. Буфетчица в красной специальной форме специальных буфетчиц сказала: а так вот, напитки, бутерброды интересуют, есть коньяк? – Спасибо, ничего не надо, я собаку покормлю и буду поэтизацией Василисы дальше заниматься, – Матвей своими дисфоричными, тонкими, словно грань между лечением и наркоманий, руками разъял пасть пакета, наполненного сухим кормом, сжатые до состояния подушечек утки посыпались в миску. – Пойду я тогда, че ж сидеть, когда постановка уже того, – женщина, крикнув, поднялась из плетеного соломенного кресла, на стеклянном обеденном столе остались лежать трубочки со сгущенкой, квадратки хлеба с красной икрой. – Пардон, возраст, – кивнула на свой мифический возраст женщина. Прихрамывая, потопала в евразийское многообразие. Сослагательная зима шершаво лизала пяточки. Бесхозный чемодан, аметистовый, стоял в прихожей. – Я растворюсь сейчас, Матвей, до свидания! – буфетчица хлопнула дверью. Через мгновение дверь вновь отворилась, собака прекратила размеренно двигать челюстями, нажевалась, что называется. – Тут чемодан стоит, я возьму? – утвердив, спросила служительница буфета. – Берите, а что вам хотелось бы больше всего на свете? – проявил внезапный интерес Школьник, помешивая какао в жестяной кружке, которое являлось не какао вовсе, но можжевельным чаем. – Как тебе сказать, я бы не прочь превратиться из себя нынешней в себя предыдущую, а интересней даже позавчерашнюю, хотя нет, мне позавчерашней чуть меньше восемнадцати, допоздна не побродишь по кабакам, – просочился ответ буфетчицы сквозь голубоватые, чудесные зубы, правда, с промежутками.

В соседней комнате, не сдерживаясь, похрапывала сестра Светлана, только она предпочитала представляться другим именем, Надежда, именем, данным при крещении. На кухне дрожало стекло, словно крылышки курочки запеченной, словно веки гражданина с эпилепсией, пожалуй, стекло дрожало сдержанно. Мы совершенно забыли упомянуть, что сестру, разменявшую три пятiletки, вручили в довесок к жилплощади. Она не могла в полной мере о себе позаботиться. В голове Матвея возникло интересное предложение, которое он незамедлительно принял: помыть нечистую посуду. Погруженная в раковину с историей, она выталкивала эту самую историю, грезился вселенский потоп. С каждой ложечкой, чашечкой были связаны воспоминания. Пена расступилась, в раковине приоткрылась полынья. Затемненные мысли терзали Школьника, хотелось ему женщину. Хотелось не так, чтобы взаимопроникающе, а так, чтобы никто никуда не проникал. Союз построить желание имелось с девушкой до двадцати пяти лет, без детей, с работой, чтобы еще кремами какими-нибудь пользовалась увлажняющими. Сахарница зеленый крокодил звякнула, соприкоснувшись с красным блюдцем. Исполненная металлическим благородством губка отслаивала слой за слоем приставшую кожу помидора, шубку из рыбной чешуи, что-то невообразимое. Невообразимое, словно футбольный мяч, который пнул со всей дури пионер, и этот мяч пролетел великое множество десятилетий, чтобы тюкнуть в макушку того самого девятостолетнего пионера. Собака шумно принялась, из пасти ее торчал клык, не прижившийся в

коллективе других клыков. – Будем сегодня образовывать сложные ассоциативные цепочки, а как ты хотел, все по-чесноку, – Матвей бросил взгляд на шкафчик для посуды. Эпидермис шкафчика содержал ряд наклеек, сугубо мультипликационных. В алюминиевый ковш программист насыпал грамм сто сахара, цикорий обладал горьковатым привкусом, все-таки не можжевельный чай. Сушку сосать было не время, поэтому юноша принялся нарезать докторскую колбасу за 129 рублей, вынутую из пузатого холодильника. В хлебнице сосредоточенно лежал половинчатый батон белого.

Сопряженные с постоянными величинами в квартире фиолетово-белые вьюнки, потерянный пульт. Рушимость синтагмы. Предполагаемость законченности полового взросления вызревала в Школьнике долго. У кого-то это заняло, у кого не помним, несколько дней, а у кого-то десятилетие. Однако женщина по требованию Школьнику была неинтересна, мы имеем в виду проститутку. Плоды хурмы в блюде с коровками налились зеленовато-оранжевым нутром своим. – Пойдем, мое солнышко, кто это такой тут, да, что за ангелочек, – юноша жамкал Хрусталева в соответствии с правилами нежности. Высунувшийся на полную катушку язык колыхался, словно красный вымпел на празднике от неудержимого коллективного «ура». Семейные трусы Матвея с желтоватым пятнышком спереди в определенной степени символизировали распушенность. Парень достает из холодильника пластиковые контейнеры с нарезанными овощами. Все чаще Мотю посещают мысли о собственной жилплощади, о собственных детках, однако мысли это всего лишь мысли, Школьник куда не спешил. Прокормить детей сейчас очень непросто, отказываются от всего, привередничают. То картофельные очистки пересолены, то баклажан с капустой не дотушены. Матвей оживил мясорубку, переместил тумблер в положение вкл., да и перемешал в ней овощи и колбасный ломтик и засыпал несколько ложек протейна. – Что ты делаешь, одумайся, – вопили изувеченные огурец, женьшень, морковь, яблочко, авокадо. Отчаянно надеясь на амнистию. Есть такие граждане, пред шербатой стеною уж стоят, а сами размышляют: где же, где же она, эта амнистия, сейчас подпись поставят, а двадцать лет, что двадцать лет, перестоем на одной ноге, лишь бы заменили. Овощи похожи на таких граждан.

Школьник возвращался по заснеженному коридору, там вьюга волновала дедушкины книги, матрешку из Пастернаков, Булгаковых, Высоцких. Намело-то в подъезд, ой, намело. В руках Мотя нес поднос, напоминающий Бутовский полигон своей площадью. Сестра Наденька занималась исключительно в лучших спортзалах города, иногда ездила на соревнования, где при помощи приемчиков тайского бокса весьма эффективно конфликтовала на ринге. Наденька, Наденька, сколько привезенных ушей поверженных противников висит у тебя в комнате над коллекцией куколок Барби. Матвей приоткрыл розовато-бежевую дверь. Монументальные банки выделялись под тоненькой фиолетовой кофточкой Нади. Розовая комната сестры была уютна, а гантели она тягала и кирпичи ломала головой решительно, а комната все равно казалась уютной. Мышиный хвостик на голове поменял ориентацию в пространстве, девушка склонила голову набок. Кажется, сестре удавалось жить в соответствии с правилами хорошего тона и подавлять в себе жажду ломать граждан. Сестринская комната организовывалась особенным образом. Нежные, словно советы психолога категоризировать собственные травмы, полученные в беспокойные двухтысячные годы, стены. Черный плюшевый мишка, чьи глаза были заклеены крест-накрест синей изолентой, изолированной небесной. Пижама на сестре натянулась, заметные бугры мышц на спине, ляжках, руках. Девушка что-то усердно записывала в дневник, цветные мягкие динозавры, они построились в шеренгу на полу возле пустой клетки. Сестричка училась в специальном классе. Вообще, она не любила так говорить, сразу выворачивала руку до щелчка тем, кто все же имел неосторожность произнести подобную подлость. Это был класс, где учились атлеты. Занятия спортом давались легко. В тринадцать она уже побила на улице пенсионерку, которая подкарауливала бродячих животных с целью их приготовления. Вот, а вы говорите, что девьяностые окончились, Александр Геннадьевич.

Не очень приятная суппозиция, и нога затекла на мелководье. Ужин сестра могла бы взять сама, придя на кухню, но дрянь не умеет ценить чужой труд, совершенно никакой внутренней

работы над собой, сплошная агрессия и насилие. Школьник кашлянул, доберман поднял голову, заворчал, бежевое кресло было радикально исчерчено когтями Кузи-добермана. – Что-то хотел, змееныш? – спросила кокетливо сестра Надя-Света, не отвлекаясь от записок высшего порядка, то есть записок, пропитанных тестостероном, страшно представить, сколько тестостерона содержала в себе девушка. Был такой случай, она в одиночку товарняк двадцать метров тянула. Широкую, словно душа русского человека, нижнюю челюсть выпятила, меняет красный карандаш на зеленый, молодец, что меняет, заметил Школьник, нельзя в одном и том же дни напролет. – Рожай быстрее, сейчас Владик за мной заедет, – Надежда еще не оправилась от психологической травмы, никакой Владик за ней не придет. Некоторое время назад кавалер, по обыкновению, мчался без шлема. К тому же надел сандалии с носками, а также не сбрил идиотские усики, еще и постригся лесенкой. И поэтому, к сожалению, не выжил. Сестренка продолжала заниматься тяжелой атлетикой, боями, а говорить о потраченном Владике не решалась, тем более ситуация в мире была нестабильная, психологический барьер. Матвей, единственный живой родственник ощущал ответственность за сестру. Порой ему было одиноко, когда, например, изъяли свет на двое суток, перебои. Чувствовал он себя в такие моменты, словно капельки крови на полу в местной столовой «Все свободны». Бутоны мака, плотно сцепившиеся с волокнами линолеума, десятки тысяч ног прошли по этому линолеуму, немногим меньше здесь было сделано предложений одной-единственной руки. Сестра имела забавную черту, она впадала в летаргический сон каждую осень, могла не вставать с постели несколько недель подряд, только изредка в туалет. А потом просыпалась, просыпалась качественно, и была недовольна произошедшими переменами в своей комнате за минувшую пору. Коллекция динозавриков стояла не в той последовательности на столике с зеркалом, например. По правилам, по внутрисемейным правилам тому, кто сидит дома без дела, то есть Матвеем, надлежало раз в три часа подносить маленькое квадратное зеркальце, обратная сторона которого была выполнена в стилистике кожи далматинца. Неопровержимые улики в виде испарины на зеркальце являлись прямым сигналом к тому, чтобы перевернуть Светланку на другой бочок. Доберман, конечно же, неотвратно бередил, нет, никакое не бередил, стерег сон хозяйки-сударыни. Матвей частенько брал на проверку сестры своего спаниеля, для безопасности. С Кузей у них отношения складывались не очень дружественные. Собака сестры как будто делала одолжение, когда юноша гулял с ней и кормил. Проверять приходилось не только сестру, мы сказали: только сестру? Глупости какие, и домашнее задание тоже приходилось проверять в дни, когда родственница посещала учебное заведение, в дни, когда ей присылали по электронной почте параграфы для чтения, задачи по физике, накопившиеся за недели не посещения учебного заведения. Школьник был охоч до научных изысков, это мы точно упоминали. Десятый класс Светланы-Сметаны серебрился сиюминутными сильнейшими страстями, спорт, гормоны, на учебу не оставалось времени. Света была очень сильной девушкой, такой и остается поныне. Матвей менял питательные капельницы с витаминами, избавлялся от нечистот, когда сестренка забывала подняться с перины, в которой была сокрыта горошина. Свершившиеся чемпионаты по броскам холодильников, множественные драки с мужчинами, девушка была одарена недюжинной силой от природы. Свершившиеся чемпионаты брат, каким бы ни был он тюфяком, ценил высоко.

Программист, оставив приготовленный ужин в комнате сестры, спустился к почтовым ящикам, вернулся с кипой депешей и доносов. В почтовом беспорядке обнаружилось письмо участкового, он просил подтвердить слова, произнесенные некогда для правоохранителя. Третьего дня Школьник, идя из магазина, обнаружил сумку одинокую на остановке, потом обратился куда надо. «В черной, непромокаемой сумке обнаружены следующие предметы. Синяя изоленка одна штука, Комсомольская правда одна штука, номер за пятнадцатое ноября, шариковая черная ручка одна штука, записная книжка голубая одна штука, с телефонными номерами, оканчивающимися на букве Ю, бритвенный электрический станок для бриться, производитель Республика Беларусь, 89-го года выпуска, одна штука, бутылка с напитком, предположительно пивом одна штука, переносной радиоприемник одна штука, страну-изготовитель определить не удалось, пачка сигарет

Петр, не полная, восьми сигарет не хватает, часы наручные металлические одна штука, паяльная лампа одна штука, слегка погнутый штопор, наклон заметен троим опрошенным сотрудникам института пищеварения, Степановой Б.В., Гаврику В.Д., Смирновой Ю.Ю.». Матвею внезапно вспомнилось, когда он разбирал почту, что матушка подходила без ума к выбору его костюма на утренник в садике, петушка даже воспиталки обходили стороной, боясь законтачиться. К чему бы такие воспоминания? Когда милиционер его опрашивал: вы признаетесь, что нашли эту сумку по собственной находчивости, а также в том, что злых умыслов относительно нее не имели? Этот сотрудник надумал о себе бог знает что. А то, что не знает, то является авторским допущением.

Может, смастерить отвертку, нерешительно подумал Матвей, сидя на кухне. А потом решительно подумал, вспомнив слова своей профессорши лингвистики: «вставляет отвертка-то, ой, сынок, вставляет, главное правильный диаметр взять, не переусердствовать, а то не получится совсем, шприц должен быть...» Взломанное зрение проецировало жирность мыслительных продуктов; эта фраза ничего не обозначает, ее мы сюда просто так вставили. Тонкие руки взяли оранжево-красный апельсин, его непробиваемая копиями кожа приятно холодила ладонь. Хрусталеv захрапел, уткнувшись мордой в салат. Специальный собачий салат, банка которого стоила в зоомагазине «Пять лап» триста девяносто девять рублей, на минуточку, на секундочку. Школьник вонзает огромный шприц, без иголки, в апельсин, с усилием, сок апельсина идет неохотно, еле-еле набралась половина колбы. На широкоугольном, купленном по акции мониторе, что стоит на стеклянном столике, возникли телепузики. Школьник царапнул взглядом шкуру медведя, на которой спал Хрусталеv мордой в салате. Спиртные напитки, напитки, содержащие «любовь это то, любовь это то, что бывает во взрослом кино», стояли в миниатюрном баре. Дедушкин спирт, разлитый по двухлитровым стеклянным бутылкам, подвернулся очень даже кстати. Матвей накачал постройневший апельсин спиртом, выкраденным из больницы бывшим дедушкой. Деда мы, конечно, порицать не будем, он окончился весьма внезапно, смешивая таблетки от давления и чтение Гаврииады на ночь. Присев за монитор, парень принялся цокать языком, употребляя высокохудожественную отвертку через соломинку, отвертку, не годную к выкручиванию болтов, отвертку, предназначенную к выкручиванию сентиментальных, притихших воспоминаний. И цоканье, слетавшее с обветренных губ его, было созвучно возмутительному притеснению ученика такого-то Козловой Людмилой Ивановной, как же она угнетала Мишу Токарева за отказ вступить в активисты класса, запятнать свою репутацию вечным деурством. И цокать не позволяла, говорила, ты так не цокай, и сиди нормально, ублюдок. Солнце, имеющее лицо карапуза, переменилось на лицо азиатского карапуза. Скривил свое европейское лицо программист, сизая небритость, теплый свет лепил из него излишне опытного человека. Властно захрапела сестра. Собака во сне выпустила газы, сено выбилось из подстилки, стилизованной под шкуру медведя. Программист отключил широкоугольный монитор. Выточенные под запросы толерантной публики, современные телепузики казались галиматьей нормальному Матвею. Апельсин похудел, дистрофик.

Он заглянул в комнату к сестре, она была спящей примерно наполовину, левый покрасневший глаз следил за перемещениями брата из-под полуприкрытого века. Застучали коготки Хрусталева, в прихожей он завалился у вешалки, у старинной вешалки с вензелями, на которой росли плоды уличной одежды. – Ты пойдешь гулять с собаками? – шершаво спросила девушка-спортсменка. – Поработать часик, потом погуляю, тебе что-то нужно? – Мотя опасался сестренку, словно та была белладонной. – Смотря кто спрашивает, – девушка прикрыла глаз, аудиенция завершилась. Как много глаз поверженных противников, гроздь их, карих, голубых, зеленых, свисали на манер винограда с потолка в комнате Надежды-Светланы. Среди светящихся по ночам звезд они моргали, удивленно глядели, кажется, перешептывались. То были глаза-трофеи Наденьки. Кивнув плакату, висевшему над кроватью, – «Не болтай», – Школьник поспешил покинуть комнату, пахнущую имбирными пряниками, мандаринами, полевыми цветами, немножко потом. Хрусталеv, насколько позволял возраст – со второго раза – вскочил. То есть сначала он как бы вскочил, но задняя лапа подкосилась, и животное завалилось. Пробурчав что-то, спаниель зевнул, кланцнув

зубами. Матвей, ничего не ответив, зашел к себе. Его лобный склон пересекла речушка удивления, когда он увидел, тут следует многообразие в традиции эзотерических журналов.

Рабочее место заполнили полчища мокриц. Пепельный подокожник, израненный прожилками трещинок, словно заснеженное поле, являл насекомых, бредущих с факелами к столу. Начинается, подумал безрадостно Матвей. Упаси Бог, у них не было тараканов, а эти, в сущности, безвредные существа приползали из подвала. Где металы блестящие, увесистые, словно гантели, икринки рыбные организмы пред кем-то, не видимым простым жильцам дома. Ведь в подвал никто не спускался, там вязкий дух, и корни плесневых растений скрывают свою глубину, и постичь глубину значит стать перегноем в подвале, жильцы недолюбливали подвалы. Подтапливать начало, стоило лишь бригаде строителей приступить к возведению детского сада, хотя дети это нечто маленькое априори, зачем их надстраивать над родителями. Потрясенное капище десятилетия, подземные воды, имели неосторожность строители прервать естественный ход времени. Лазоревая мокрица Реомюра, похожая на броненосца, была вынуждена бодаться с пауком-почталоном. Нитевидные, чрезвычайно подвижные лапки ощупывали панцирь. Почесав кончик длинного носа, еврейские корни взывали вернуться на родину, в корни иудейских волос Школьника вцепилась невидимая рука, тянула в Израиль. Но кому он там нужен, не владеющий идишем. Ручные кипарисы в горшках возле батареи шевелили вихрастыми головами, шушукались. Мотя со скрипом распахнул форточку. Тронутый морозцем воздух закатился в жилище. Избыточное вещество поздней осени остудило пыл проснувшегося лепрозория. Животные мокрицы, бросив позиции с зенитными установками, побежали прочь со стола. Попрыгались в плинтусы.

Проснувшись, монитор оглядел комнату и Матвея шалфеевыми глазами воссозданной электрическим способом девушки с волосами цвета банановой кожуры, в белой рубашке с коротким рукавом, с повязанным на шею красным платком. Василиса, хлопая глазками, спросила, следя за молодым человеком: что стоим, что смотрим, не посмотрелся еще? Камера размером с наперсток, прикрепленная к верхней части монитора, ритмично отстукивала вспышками оттенка мандарина морзянку. Кисть винограда лениво плавала в деревянной чаше с персиками. Василису отвлекли от омовения фруктов. Пейзаж, куда она была помещена, представлял собою лесистую местность, домик на полянке, беседку. Облаченная в образ красивой барышни, нейросеть была настроена поскандалить. Школьник аккуратно снял веб-камеру и подарил Василисе опыт рекурсии, нацелив око на экран монитора. – И что, я электрическая, очень полезная информация, это не отрицает, мальчик мой, того факта, что ты живешь неправильно, – сказала она, – дерзай, и будет у тебя не высокополигональные девушки, а мясные. Школьник щелкнул: свернуть вкладку. С мясными девушками так не получилось бы, что вы. Парень приступил к написанию трогательного любовного письма в соавторстве с нейронной сетью. В нынешнем году авторы разной свежести зачастили делать заказы у фирмы, где работал Матвей. Зарубежные писатели, которых с воодушевлением переводили российские издательства, читатели с не меньшим воодушевлением покупали, может, даже читали, отказались сотрудничать. И наши отечественные сочинители стали, что называется, востребованы. Заказы, поступавшие Школьнику, в основном были связаны с любовными линиями, эпистолярный жанр вновь входил в моду. Этим товарищам был важен именно такой симбиоз с машиной. Пришедшая из биологии модель интерпретации человеческого мозга, в котором существуют миллионы нейронов, связанных меж собою синапсами. Эта модель вызвала благоговейный трепет, особенно в писателях-фантастах: возможность предсказать будущее, воспользовавшись алгоритмами, – так вообще, они чуть ли не писались от нетерпения в свои штанишки разной степени пригодности для носки. У кого на штанишках была одна заплатка, а у кого ни одной, штаны же кожаные, из настоящей коровы, например, мало кто мог себе позволить. Тут ведь важны продажи, личный бренд. Нынешний заказ сделал господин Будетлянин, в его запросе содержались слова «расставание», «письмо-прощание», «чужие цивилизации». Школьник возмнил себя бросателем девушек. В профессии Школьника иначе нельзя, исходя из пожеланий автора, необходимо перевоплощаться в того-то, того-то. Нейросеть отказывается работать, если ты просто, например, в каннибала-романтика превратился не по-настоящему, необходимо стать

каннибалом-романтиком по-настоящему. И тогда искусственный интеллект подумает, ага, вот он какой, каннибал-романтик, пишущий на коже любовное письмо невесте из соседнего племени, надо бы ему помочь.

Пальцы, с пророщенными на них порезами соседских кошек, парень любил кошек, такая вот необязательная деталь, пальцы стали настукивать текст. В черном соседнем от документа прямо-угольнике Василиса печатала свои дополнения. «Мы вот встретились, а потом я понял, что наша встреча, она была предоставлена нам разными инопланетянами. Я даже стал думать, может быть, там была другая цивилизация, наша древняя и прекрасная, которая вдруг в одночасье изменила свою жизнь, и они оказались совершенно вне дискурса, просто в этот самый момент я поставил себя на их место. В некоторой степени это был чрезвычайно важный шаг в сторону осмысления себя в лабиринтах ларьков, где торгуют спиртными напитками, настоянных на кротах и дүй-мовочках. Когда я это понял и прочел, я довольно долго не мог прийти в себя. Однако этический вопрос нахождения тебя в своих зеркальных внутренностях не оставлял меня ни на минуту. Ты помнишь тот день? Когда ты родилась? Знаешь, сколько на это понадобилось времени? Совсем немножко. Всего несколько минут. Как будто проклюнувшаяся венка, она несет в себе пульсацию жизни, как будто минуты притираются к нашим таким равноудаленным друг от друга головам, как будто выцветший зоопарк покрывается цветом в твоём розовом зрачке. Ты, наверное, считаешь, у вас вокруг ничего подобного нет. Так вот. Наши и ваши будут однажды стерты дождем, в этом даже нет сомнений, ибо наши предки нас создали по своему образу и подобию. Ты родилась за час до рассвета. Тебя уже ждали. Меня подождут на остановке, где сизые кондукторы рассыпаются под тяжестью век тех, кто смотрит на эти удивительные процессы сгорания личности. Посмотри на них, посмотри внимательно. Они скупают. Из чайной гуши выезжает эшелон, в котором трясутся выпускники, поникшие и уставшие. А под нашим коралловым языком спрятан прямоугольник бритвы. Поэтому нас называют черным жемчугом за то, что мы поглощаем жизненную силу. И когда атлант расправит плечи, когда половинки нашего старенького стола-книжки будут подняты и закреплены, настанет новый год. И розоватые карамельки “Мечта” будут сыпаться с потолка, рискуя наставить шишки на наших еловых, насиженных седыми дятлами, головах. В сущности, наши чувства, гнев, привязанности, страсти, это все звенья одной цепи, корень у них общий. Однако можно выделить разные функции. Существует привязанность, которую обеспечивает гормон окситоцин. Но можно ли объяснить любовь химическим танго в голове М., в голове Ж. А так, честно говоря, мы встретились с тобой в последний световой день года перед шестью месяцами обжигающей ночи. И понимаю теперь, как хочешь, как умеешь, но мы расstaемcя, ведь оказались слишком разными людьми».

Матвей откинулся в кресле, стал курить электронную сигарету со вкусом лесных ягод и хвои. Прделанная работа устраивала его ровно настолько, насколько может устраивать винегрет наличие в себе жареной селедки. Истлевший пластырь истории на коленке почернел. И Школьник, желая что-то поменять в своей жизни, подошел к окну. Многие граждане, подходя к окну, желают что-то поменять в своей жизни. Произнесенное по слогам женское отделение, где выдавали молочную кухню, теряло свою цельность, становясь точкой ландшафта, универсам, турники, полупночные дедушки-шахматисты у подъезда. Лучики фонариков щупают скинувшие листву деревья. Школьник вернулся к столу, нащупал под ним запертую баночку энергетика. Полоснувший гор-тань глоток раскладывался на мельчайшие взрывоопасные пузырьки, в животе заурчало. Непри-сутствие здесь Василисы, которая сразу после написания столь пронзительно-нежного любовно-го письма-расставания – для автора семидесяти лет, который состоял в союзе писателей еще в советские времена, а теперь был вынужден выдавать раз в полгода роман о недалеком будущем, где азиаты поработили, кого же поработили, прочие цивилизации поработили, – не-присутствие здесь Василисы, монитор показывал окошко с профилактическим шумом, воспринималось Мо-тей обидно. Надо было гулять с доbermanом Кузей и Хрустальевым. Матвей вернулся к окну, вол-нистые нити ароматного пара струились из его ноздрей, усики китайского старца. Из сестринской комнаты послышался крик, налитый ужасом и отвращением. На памяти Школьника Светлана,

получившая данное имя на соревнованиях за талант выключать свет соперникам, Светлана кричала подобным образом единожды. Тогда пришло письмо, где сообщалось, что ее исключают из сборной, потом им пришлось срочно ее включать обратно, сестра была очень сильной физически. Звучит крик, Матвей холодеет спиной, пальцы на руках начинают дрожать у него. С подобной стрессовой ситуацией справляются единицы, не все потом доживают до пенсии, тем более пятьдесят шесть с половиной лет и шестьдесят один с половиной, соответственно, кажутся фантастическими возрастами. Что за Стругацкие, давайте, пожалуйста, без этого вот.

Матвей делает длительную затяжку, выдыхает смесью пропиленгликоля и глицерина, и ароматизаторов и никотина, берется за скобу-ручку двери. Стоит в нерешительности, зажмурив глаза, лунная ловушка. За окном полнолуние. – Убери, убери! – производит депривацию всеобщего спокойствия сестренка. Коридорный простор полнится угасающим эхом. Школьник припоминает симфонию гудков Арсения Авраамова. Там, в коридоре, почти неслышно загудел маленький холодильник, в котором хранили оленину специально для собак. Там, в коридоре, мерно пощёлкивала оборвавшаяся проводка. А вот Арсений Авраамов разыграл свою симфонию в двадцать третьем году в Баку, задействовав целый город, пушечные, пистолетные выстрелы, заводские гудки, паровой свист, шум взлетающих самолетов. Заревавшая сестренка была подобна слону, травмированному занозой. Матвей по-прежнему медлил. Суеверный ужас не давал ему покинуть комнату, подобный ужас испытывает школьник, узнавший, что Пушкин сменил фамилию, стал Дюмой. Молодой человек мешкает, крик повторяется, словно неологизмы в отчете футуролога, решившегося предвосхитить наступление фарса. Ведь трагедия была недавно.

Матвей, превозмогая себя, выходит в коридор, снега растаяли, ноги неминуемо мокнули, напиткиваются состоянием оттепели. Книги на полках, подверженные плесневелым поцелуям, шепчут свои, наверное, важные слова, слова, удрученные корректорскими правками, гонорамами, дачами в Переделкино. «Я отключаю свой слуховой аппарат, и можете мне возражать. Позвольте, зачем вы хвалитесь своими пороками, неужели это снова модно? Понимаете, просто у нас вся жизнь из анекдотов состоит. И что, что состоит, у вас не голова прямо, а дом терпимости». Молодой человек не к месту вспоминает забавную цитату. – Матвей, убери его, убери! – перебила сестрица книжные речи. Школьник как будто посетил черную мессу, перепуганный, хлюпая коридорными лужами, шел к Светкиной комнате. Открыв дверь, он обнаружил огромный кожаный шар; если выражаться научными терминами, мы выразимся ими, то Школьник стал свидетелем дерматологического изъятия. Судя по кликушеству Светланы, прыщ принадлежал именно ей. Матвей был весьма удивлен размерам данного происшествия, казалось, неприятность имела под собой существенные эндокринные расстройства. – Я позвоню в больницу, – нерешительно сказал парень. Однако Надежда возопила, чтобы братик никого не вызывал, а немедленно, просто сию минуту лопнул прыщ. Мотя, волнуясь, бегал по квартире, искал самую большую булавку, в оранжевом аптечном ящичке обнаружилась ватка, спирт дедушка, как мы рассказывали, после себя оставил. – Где наша английская булавка? – срываясь на крик, спросил парень. И в дверь постучали, проигнорировав звонок. – Это Вадим, Надя,пусти! – крикнул замогильным голосом почивший Светкин ухажер. У страха Матвея стали глаза как у африканского страуса. Язык Школьника против его воли повел юношу до Киева, до двери. Что произошло дальше, непонятно, зеркало сцены стремительно обросло патиной.

Глава 5

Безотлагательный апчих

Полусонная обнаженность. Взращенный на правильном питании голос, голос, под силу которому морально ломать граждан в длинных очередях, голос, кричащий на изнанке тьмы: хо-рошего человечка и обидеть приятно! Итак, в предыдущих сериях. Фрейлина Евгения Плаксина

знакомится с новыми временными соседями, с которыми после гипотетической сдачи лонгрида о массовом отравлении надеется никогда больше не встречаться и не заведовать их телами. В риторике жильцов присутствует грандиозная опасность, пусть и доброжелательная. Прибыв в семнадцатую квартиру на улице Шмидта, мы подчеркиваем гелиевыми цветными ручками, что Пласина прибыла добровольно по заданию своего начальника Филиппа Варфоломеева, как всегда опоздав. Примерно в семь часов вечера она добралась, если ориентироваться на Химки, не ориентироваться на них чревато долгими объяснениями с тайной канцелярией, конечно. Лучше бы приехала в шесть вечера, когда мозг не слишком утомился и может активничать. Вчера, когда она только добралась до съемного жилища, у самого подъезда усатый мужчина настырно предлагал ей черешню, но в речи его содержалось столько логарифмов, особенно вспугнувших Евгению. Утомленная девушка не могла взять в толк, зачем ей семечки, черешня, она слишком вымоталась за прошедший день и не хотела ни в чем разбираться. Она коренным образом желала спать. А что снится, интересно, бройлеру, напичканному препаратами. На такой вопрос, само собой, ранее никто не отвечал, и мы воздержимся, корреспондентка себя ощущала бройлером, пусть она и ответит, или Другъ. Предыдущим вечером Евгения Пласина поднялась по пустынной лестнице, вошла в жилище. Мельком оглядела гостевую квартиру, усеянную признаками Аллы Борисовны. На простыне были раздавленные паучки, паучки-почтовички, хотя Женя и не знала наверняка, быть может, пауков давить тут считалось хорошим тоном. Евгению разумно передернуло; побежав прочь, врезаясь в стены, она вывернула себя наизнанку прямо в желтоватую ванну. «Человек паук влезает ночью в уши. Человечество пауков в синих трико, красных футболках, я видел такое человечество, когда болел ветрянкой и лежал в детской больнице. Там одна девочка, мастерица пугать на ночь с фонариком у лица, травила нам байки, но они не травмили как следует. Поэтому к байкам мы относились серьезно, пока смотрящая медсестра переставляла артрозные ноги в сторону туалета и за тишиной никто не следил. Девочка нам говорила, как подменяют понятия, словно в роддоме детей, мы охали, впечатлялись. А эта маленькая женщина Брэм Стокер уже говорила о пауках, которые ночью заползают в наши ушные улитки, размножаются там, делая нас Франкенштейнами. Потом зашла медсестра, и зашла очень уж далеко, когда оттаскала за уши девочку и попросила молчать. Еще в той больнице, я помню, нас вкусно кормили обещаниями о человечестве, которое победит пауков». Вот что по поводу пауков написал знакомый корреспондентки.

На телефон Валькирии Пласиной пришло исполненное похабными смыслами сообщение от некого Шурика. Шурик писал: *«сообщение один: первые полгода у нас телефоны в армии забирали, я мастурбировал на тебя, раз 40, наверное, всегда получалось. Сообщение два: короче, всегда оставайся такой же яркой и незабываемой, с днюхой!»* – Шурик, Шурик, иди ты, – не выпустила целиком фразу Пласина, не выпустила очередь грубых буковок по мальчишке в детском саду, за которым постоянно опаздывали родители. Потом все-таки окончила цитату, не боясь быть услышанной. От электронной записки в телефоне пахло застоявшейся за месяцы трехлитровой банкой с водичей. Как раз это был тот Саша, Шурик, который на снегу желтой струей выводил имена понравившихся девчонок. Было красиво, с вензелями. Чего, спрашивается, но не отвечайте, написал, двенадцать лет школу окончили, садик и того раньше, быть может, ностальгия. Двукратное пробуждение свершилось, на простыне, как будто взорвался гранат, кровь носом, а еще пурпурный силуэт в шлпе и с зонтиком бежал неустанно за пуделем, в пасти которого обмерла курица. Женечка взглянула на все это, подумала, ничего себе я художница. Черная футболка с красным квадратом на груди, с надписью белыми буквами, что же написано, написано на целую статью. В противном случае мы не шутим вовсе. И происходит в умах подобное, Александр Геннадьевич, теряем растущее поколение, оппозиционным воздухом дышат.

Пласина благоразумно дает глазам передохнуть, отдохнуть, дохнуть, хну, до. Токарев пишет на этот счет: «отросшие сновидения перегорают, длительность взросления, перешагнув, мы чувствуем короткое замыкание, подгузники жмут». Женя проспала целый день, а было, между прочим, четыре часа вечера, столько показывали часики на руке, четыре часа без пяти минут. Токарев

продолжает фиксировать свою жизнь в электрическом дневнике, а Женечка читает, лежа в постели: «Нам выдали специальные, выдала специальная тетенька, посоветовала держать кукушку в гнезде, мы спросили, а кому именно вы посоветовали, сколько нас тут, по-вашему?» Евгения следит за мыслью Токарева и пытается одновременно проговаривать мысленно Лидию своей статьи. Иными словами, экспозицию; ей надо было сдать, помимо репортажа об отравлениях в городе Ю, материал о жертвах войны, кажется, текст еще ждали, аналитический текст; Женечка, опираясь на чужие комментарии о военных действиях, должна была составить собственную статью для газетенки, где не состояла в штате. О, сколько текстов она сочиняла параллельно, настоящий Александр Харитонович Бусыгин. Девушка возвращается к изучению дневника Миши, соответственно, отвлекается еще больше: «– Мы бодры, веселы и, кажется, идиоты, – сказал семидесятилетний мужчина, его приступ случился на рыбалковом поле, он срывал окуней, вдыхал аромат скользкой горбуши, за все это время, что мы лежали в реанимации, мужчина ни разу не замолчал, только хотел с кем-нибудь подраться до первой крови, янтарная плитка на стенах в определенной мере казалась чешуйками, Токарев раз, Токарев два, и так далее и тому подобное, считает санитарка переводимых в палату из реанимации Токаревых, металлический клюв металлической же птицы клюет хлебные крошки, и мы, как ни удивительно, делаем открытие века, сразу после второго: утками называют потому, что желтая мочеви́на беспрестанно бултыхается под кроватью, а улететь никуда не может. Как вы думаете, утки в больничках разумны? А я вам скажу, не дай бог, вы окажетесь на свиной ферме, которую крышуют эти самые. Все эти утки, свиньи, кролики в супермаркетах, не рекомендовал бы, рынок, рынок и еще раз рынок».

Женя решает сходить в магазин. Сетевой магазинчик с нужными акциями на нужные продукты находится в нескольких остановках от дома, поэтому Плаксина намеревается поймать такси. Быстро одевшись, она покидает жилище. Позади слышится литературное произведение, ставшее классикой: э, сюда подошел, к тебе, к тебе обращаюсь! Журналистка не оборачивается. Река Дичка, и лужи, и ручейки крепко схватились льдом. Трещали и могли в любое мгновение сломаться, угнетали, однако Евгения, как ей казалось, не боится серенького волчка. Покрывались шрамами закованные в серебро лужи, по которым бесстрашно вышагивала девушка. И уподобилась она какому-то устаревшему учебнику арифметики, который вот-вот должны выбросить, чтобы заменить на новый учебник арифметики. Чувствовала наша героиня фантомную ненужность, обманчивую покинутость всеми. Пробираясь сквозь веточки нецензурных слов подле пункта приема цветных металлов, Женя устремилась к пустынной остановке, на которой висел плакат с рекламой контрактной службы. С фотоснимка глядел товарищ военный грустными голубыми глазами-незабудками. Подъехала легковая машина. Таксист с ассиметричным именем, сонливый азиатский пес на приборной панели. Женя взглянула на таксиста профессиональным взглядом, в ее головушке составилась текст: морозный вечер, статный мужчина с повязанным на шее узорчатым платком, в песочном пиджаке. Таксиста выдавал акцент, казахстанский, он сказал: отырыңыз, өтінемін. Девушка протянулась к дверной ручке, внутренне ожидая какой-то подвоха, как будто сейчас появится ОМОН и задержит ее за продажу чего-то нелегального. Хоть автор и не согласен с какой бы то ни было продажей, употреблением, пропагандой, мы продолжаем в нейролептиках дальше. Отвлекаться от заданий Плаксина не умела, это была абсолютная журналистская машина, не ведающая чувства такта, деликатности, фантазерка, если довериться в этом вопросе Носову Н.Н. И была она готова к превратностям судьбы, потому что самое главное в пионере это надпись «всегда будь готов». Застывшая на окраине советского союза, она услышала отчетливый скрежет гортани справа от себя: не садись, там дальше полигон, он тебя увезет на полигон, лучше я провожу, – косматая темень позволила себя обнаружить. Мужчина лет шестидесяти, с нечёсаной бледно-серой бородкой, седая лесная опушка на голове, над головой как будто свечение лампочки в 12 вольт. Какой интересный Достоевский наших дней. Евгения не успела открыть дверь, таксист глядел на нее маслянистыми прищуренными глазками. Совсем рядом раздался голос прохожих, ребенок что-то просил, мать отвечала: не смей поднимать еду изо рта дяденьки в Орехово-Зуево, думаешь, когда я на смене, я ничего не вижу, вижу, еще как вижу! И она, действительно, видела,

даже находясь за сотни километров от эпицентра разврата, мамы, что тут скажешь. На остановке стал появляться народ, граждане недовольно ворчали, не понимая, где же все лобстеры, дорогое вино, салат из омаров, креветок, автобусы, в конце-то концов. Неопытный господин, вызвавшийся проводить, сказал: дождись следующего такси хотя бы, на это тебе не надо. Жёна отпустила ледяную ручку, автомобиль сорвался с места, окатив деву дымом из выхлопной трубы. Дядька забуннил, покидая Плаксину, обманув, как многие мужчины, которые вызываются проводить и не провожают: «условное заключение, подписка о невыезде, административный надзор. Серегу, Романа, Илью мамы закрыли, сидят сейчас по квартирам. И этот возможный Серега, он кричит из окна: вспышка справа, иуда, туда стреляй! Орал как не в себя Сергей Павлович, а спешиться с коня, бросив беглый взгляд на врагов, не решается, да, не решается. И этот, повернувшийся в полном трамвае мужик, чей танец заставляет потеть невольных зрителей, мальчика холоденьким пивом, шашлыком, в сауне я угощу, да, угощу. Кондуктор в сауне в своей прекрасной, замечательной войлочной шапке, предъявите билет, предъявите. Впрочем, глупости, глупости». К остановке подъехала новая малиновая машина с шашечками. И Жёна незамедлительно в нее села.

У магазина таксист остановился, подле магазина, у магазина он, значит, затормозил. Одутловатый, словно ханурик, однако на дальней дистанции, что бы это ни значило, солидный мужчина в коричневой куртке, в белой водолазке. Толстые витрины украшали олени, из пастей как будто вылетели леденцы, конфетти, подарки, из пастей оленей с красными носами. Люди готовились заранее, боевые действия хоть и украшали дальнюю страну, однако предчувствие, что никакой новый год ты можешь не успеть встретить, оно толкало на это вот украшательство в конце октября, а не в декабре, как полагается. И были смелы, непоколебимы лишь медсестры, врачи, в общем, медперсонал, который умел сжимать время до тоненькой точки. Еще на витрине были снежинки, такие аккуратные, вырезанные как будто профессиональными детьми. Приближалось пугающее сейчас. Евгения протянула таксисту двести рублей, вышагнула на улицу. Ей показалась удивительной мысль о медсестрах, в стационарах время проходит мгновенно, завтрак, капельница, обед, ужин, завтрак, капельница, обед, ужин. Однако если ваши отношения не задались, медсестры способны с помощью тех же капельниц и таблеток дать вам почувствовать, как зарождается цивилизация. Цивилизация, в основе которой лежит звук. То есть была тишина, а потом она запятналась первым словом ребенка, запятналась возгласами родительского умиления. Сама же Евгения Плаксина, лишь брови торчат, и ресницы покрываются инеем, замотана шарфом. Она вошла в магазинчик, где совершила нетривиальные покупки. Пачку крабовых палочек, банку шпрот, брусочек докторской колбасы, гречневый хлеб, шоколадку, бутылку настойки на травах. – Берите две, зачем бегать дважды, – напугала женщина, чья заиндевшая речь как будто была обращена вовнутрь себя. Пахла дамочка картофелем, морковкой, луком в раковине. Когда вы только приступили к чистке, так она пахла. И были на ней сережки в виде серебряных ангелов. И были на ней колготки сетчатые. В крупных ромбиках виднеется бледная кожа, пикантная вязанка-колбаса. С мужем Кантемиром они впервые благодаря таким колготкам сблизились. Являясь внештатным художником, он редко заходил в редакцию, потом стал заходить чаще. Потом они остались вдвоем, закоротило проводку, сидели в темноте, лишь фонарики телефонов проявляли покрасневшие лица. Евгения долбанулась коленкой о тумбочку Пивко Елизаветы, тварь специально усеяла свою мебель кнопками. Импровизированный ежик из кнопок разорвал колготки, оставил глубокий порез. Господин оформитель изъяс из своей поясной сумки карандаш йода. Они схимно сидели на подоконнике, еле слышалась музыка охранника, проверяющего кабинеты, moon river. Кантемир предложил сыграть в крестики-нолики. Прикосновения йода карандаша щекотали бедро, нога покрылась нулями, девушка проигрывала.

Вышла на улицу. Грузовичок Porter с номерами 808КА, Вовка, покачивался, в кабине оживленно беседовали мужики. В чате режиссер-оператор Семён прислал пятнадцатисекундные видеозаписи, интересно, хватило бы великим режиссерам прошлого столько секунд на то, чтобы снять шедевр. Отвечайте, господин, Феллини! Пятнадцать секунд Жёна шла по ночи, по дороге, где маменькины сынки, слушая голос луны, берут интервью у веточки оброненной, и выясняет-

ся, репетировать некому, голос оркестра стих. И как искать Рим неизвестно, ведь погасла луна, и некому осветить путь. Подростки меж собою шушукались, кому покупать сигареты, один из них даже крикнул Женечке: тетенька, купите, пожалуйста, нам сигарет! Журналистка не стала потворствовать незрелым детенышам, вполне возможно, незрелых родителей. Данные видеозаписи глядели на Плаксину, вмещающая удивительные воспоминания о легких и теплых, в общем-то, отношениях с коллегами. Девочка в бесцветной, рекомендованной нужными органами школьной форме удерживает ниточки, должно быть, шарики. Кадр вмещает в себя лишь хаотично бредущих взрослых и деток. Корреспондентка тогда еще не курила, голос у нее был звонкий, лишенный потрескиваний граммофонной пластинки. Плаксина тогдашняя спрашивает, вокруг бегают родители, загоняют отпрысков погаными тряпками на праздник первого сентября вовнутрь школы. Плаксина спрашивает: девочка, в этот замечательный день все не может быть радостно, скажи, какой член семьи пугает больше всего тебя? Первоклассница, второклассница, третьеклассница, выше третьеклассницы девочка не поднимется, такова участь простых работяг. Так вот она отвечает: меня пугает дедушкин член. Оператор бьет вожжами по лошадке смеха, однако вовремя прерывает съемку. Плаксина краснеет щеками, словно с ней совершили собачий кайф, который мы, несомненно, отрицаем и не приветствуем. Следующее видео из пяти Женя даже не включила, сама не поняла, как дошла до своего жилища. В прихожей, тычась взглядом в распечатанную фотографию Аллы на двери, употребила некую пилюлю, достав наощупь из рюкзака пачку. Женя прогулялась до съемной квартиры пешком, оказывается, что магазин был расположен в соседнем доме, а таксист что-то напутал. Густо-синий диван в гостиной заскрипел неимоверно, Плаксина достала кожаный шершавый блокнот. Карандаш был специальным, гнущимся, автор застал те времена, наши славные времена шипящих на языке кислинок-конфеток, первых игровых приставок, игра на которых вы с легкостью могли навернуться с лестницы. Ведь картинка была пиксельной, эти пресловутые лесенки так и бросались в глаза. Девушка карандашом убористым почерком написала так называемую Лидию, абзац, встречающий читателей. Нормальных читателей, а не тех, кто читает лишь одни врезь.

«Город Ю встретил корреспондентку Плаксину Евгению неприязненно. Основной вид застройки места назначения, куда редакция отправила Плаксину, относится к прошлому веку. В частности, хрущевские дома преобладают на фоне редких сталинских построек. Город был задуман для нужд властей в сороковые годы. Население преимущественно занималось собственным прокормом само. Богатая, плодородная почва, некогда к ней обращались народы, живущие по соседству в степях. Ныне мы можем наблюдать тотальную безработицу, пьянство, разврат. Однако хотелось бы внести кое-какие корректировки по ситуации с городом Ю. Год назад местом, где раньше находились военные шахты, заинтересовался ряд бизнесменов. Специалисты всевозможных промышленных отраслей, преимущественно добыча газа и нефти, живут здесь и работают на земле методом вахты. Также стоит отметить возникший спрос на художественные принадлежности, вызванный явным интересом населения к живописи. Социолог Аверина связывает данное обстоятельство с похорошевшими жилищными условиями. В связи с сокращением рабочей недели появилось свободное время, оказывается, его можно занять чтением книжек, просмотром кинофильмов, рисованием природы, вопросами личного здоровья. Считает социолог Богомолов. Специальная корреспондентка нашего издания попробовала вступить в отношения с этим страным городом, которого нет даже на карте, но который находится в пяти часах езды от столицы».

В дверь неожиданно позвонили, порой так неожиданно встречаешь бюст Ленина в красном углу в избушке лесничего, в продрогшем нутре избушки раскиданы журнальчики с обнаженными гейшами, початый тюбик вазелина, полоски вяленой конины, бессознательный лесник, на лице которого блуждает блаженная улыбка. Евгения, не успевшая застелить собственным вниманием квартиру чужого человека, поспешила в коридор, коричнево-светлые тапочки в квадратик хлюпали, полчасом ранее Женя принимала душ. Простите великодушно, мы упустили детальное описание водных процедур, насколько нам помнится, оно предоставлено в полном объеме в третьей главе. Описание исполнено эротическими пунктирными линиями, ведущими непосредственно к

зарождению процесса возбуждения. В нашем понимании, на наш скромный взгляд, этот процесс имеет черты таракана с многометровыми усиками, пришедшими в движение. Впрочем, должно быть, это наши проблемы. Журналистка в длинной бирюзовой футболке до колен, футболке с изображением скульптуры, неназванный человек, скрытый под километрами колючей проволоки. Футболка принадлежала тому периоду времени, когда Женя вклинивалась в оппозиционные движухи, ходила на митинги. Пройдя мимо туалета с вонзающим в полусумрак коридора финки НКВД света, девушка подошла к входной двери. С туалетом и финками спешу пояснить. Свет горел только в туалете, и он выступает здесь в роли ножей, этот свет, и вот ножи, значит, коридорную темень протыкают. Мистическое, лавандовое, приглушенное освещение проникало в квартиру чрез бреши безопасности, в щели задувал ветерок. Журналистка посмотрела на свои обнаженные ноги, омываемые сквозняком, провернула ключ в замке, высвободив дух квартиры.

На лестничной клетке была стайка детей, объятых простынями. Четыре призрака, чье присутствие было истолковано как гнусный праздник, на который даже самолеты бьются чаще обычного, не вызвал в Жене никаких противоречивых эмоций. – Конфет нет, простите, детишки, – сказала она, попытавшись закрыть дверь. Однако выставленная нога, скованная шерстяным коричневым чулком, не дала этого сделать. В руках женщины в очках была тарелка с квадратиком шарлотки. – Вы наша новая соседка, не поймите неправильно, у нас очень дружный подъезд, и вот я решила, – припозднившийся голос напоминал голос матери, читающей сказку на ночь. Молодая соседка, нет, она была немолода, но все-таки как-то вот смогла быть нежной уточкой. Почему-то это домашнее ситцевое платье, короткие рыжевато-красные волосы с проседью на висках, еще этот голос, что это такое: «не поймите неправильно»? Плаксина растерялась, в коммуналке, куда пришлось съехать после развода, подобные безгрешные, благостные поступки были не приняты. Там проживали самые большие живые существа на планете, грибки весом шестьсот тонн. А большие медведицы ломали ковши о хребты пьянствующих мужей, растерявших зарплаты. Слезающиеся глаза прихожанки вызвали в девушке приступ симпатии. Она приняла блюдце, увитое синими цветками, от пирога исходил изумительный запах всего хорошего. – Меня Оксана Витальевна зовут, но я не навязываюсь, нет, – соседка продолжала стоять на лестнице, не замечая призраков. Журналистка допустила, что дети Оксаны Витальевны так ее довели, мать попросту не хочет их видеть. Быть может, женщина обрядила отпрысков в простыни, ибо стирать в машинке удобнее будет, чем сотни штанишек и сотни рубашек. – Евгения меня зовут, приехала по заданию редакции, – Женя стала подмерзать, внизу хлопнула дверь, повеяло перегибом. – Да вы что, как интересно, не буду вам наскучивать, если вы не против, могли бы как-нибудь поговорить, я тоже работаю в областной газете, правда, секретарем, – Оксана Витальевна шмыгнула носом, улыбнулась, поклонилась, словно актриса на сцене, заспешила в квартиру напротив. Перед тем как захлопнуть малиновую дверь в свое жилище, она контрольным выстрелом улыбнулась в самое шитое-перешитое сердце Жени.

Плаксина прикрыла глаза, шарлотка воняла семейным уютом и подгоревшей корочкой. Распахнув створки век, створки мидий, обнаружила, что детей нет, лишь едко-зеленые стены, бордовая плитка на полу, не способные иметь детей. Наверное, фригидность подъезда в некотором смысле являлась наследием прекратившейся одномоментно прекрасной империи. Зачесались пунцовые щеки. Женя вернулась в комнату. Блокнот упал на пол, девушка наклонилась. В килограммовом сумраке, вынужденной реальности под скрипучим диваном, где черные трансплантологи, коих видели под Артемовском, по сообщениям ЛНР, потирая маленькие потные ладошки, ожидали новых путников. Плаксина всмотрелась туда, в нее всмотрелись тоже, приглушенно чихнула, в дверь опять позвонили. Евгения залезла на диван с ногами, невзирая на палец, замыкающий на себе электрическую сеть вне пределов квартиры. Ведь звонок это часть сети, не так ли? Стала записывать подводки для будущей статьи. «Как правило, ожоги от солнца мажут сметаной, но что вылечит ожоги ментальные? Могут ли жители данных мест претендовать на психологическую помощь? И что следует из новых постановлений, касающихся отмены общественных бань, чем это обернется для инфраструктуры города?» Чирикание звонка не прекращалось, зудело в

слуховой раковине квартиры. Плаксина бросила блокнот на стол, поспешила открыть, без удовольствия.

На лестничной клетке, где стены, отчего-то переменявшие цвет с едко-зеленого на едко-синий, стояла увесистая, как белорусские рубли, девушка. – Надя меня зовут, не вы ли делаете ремонт прямо сейчас? – спросила барышня высоченного росточка, барышня, чьи руки-жгуты внушали чувство вины, почему же какая-то Надя может прийти в подобные физические кондиции, а Женя, потребляющая таблетки для существования, не может даже отжаться десять раз. Впрочем, суть обращения барышни с лицом Суриковской барыни была понятна. Плаксина, не пресмыкаясь, потому что, как она полагала, ничего ей не страшно, даже безразлично, сказала: Женя, временная соседка, ремонтом не занимаюсь. Семена конкретики проросли пузырьками шампанского, щелкнули по носу. – А то я могу спросонья и убить, хорошо, что это не вы, мне бы не хотелось вас убивать, – Надя развернулась, ушла к себе в квартиру восемнадцать. У подножия лестницы стоял ребенок в костюме скелета, белые кости, нарисованные, должно быть, мелом на непроницаемых цвета оливы трико, кофте, чулке на голове. – За конфетами, подожди тогда, – ребенок всколыхнул в Жене, притихший полусвет материнства. Метнулась, не закрыв дверь, на кухню. Стала шарить по шкафам, висячие шкафы, словно сады Семирамиды. Звякнуло блюдо с красной окружностью по центру, собственно, японский флаг. Ни конфетки, ни аскорбинки. Паутина налипла на лицо, Плаксина часто задышала носом, влажные капли оросили пластиковый светло-серый поднос, исчерканный ножом. Наконец, в духовке газовой плиты «Брест 1457» обнаружился тульский пряник. Синева на этикетке сбилась, кажется, лакомство лишь слегка посуровело, кажется, в пищу годится. Женя вернулась на лестничную клетку, по пути футболку подцепил костлявый незримый палец в неосвещенном коридоре, плоский бледный животик, покрытый белесыми аккуратными шрамами, одинокий мужчина-читатель облизнулся напрасно. Ребенка след простыл, потом выздоровел, приближалась зима, ходите осторожней, ходите, оглядывайтесь. Женя растерянно с этим тульским пряником осмотрелась, нестерпимо захотелось покурить, но бросила. Покурила в уме. Хлопнула усеянной вырезанными журнальными фотографиями Филиппа Киркорова дверью. Отметила мысленно: на входной двери бывший хозяин квартиры повесил коллажи с Кирковым, наверное, шутки ради. Кажется, тут висели совершенно иные фотоснимки.

Она возвратилась сквозь кисель чужой квартиры, только избрала для работы вместо дивана стол. В своем блокноте она обнаружила сразу после вступления, которое наколдowała ранее, нечто, что не писала, точно не писала. Красным карандашиком печатными буквами «ты проснулся, а она нет». В дикорастущих отблесках луны проявились тени костлявых деревьев на стене. На обоях желтоватых с розовыми цветами кто-то совершил пятно, как будто брусничное варенье плеснуло. Евгения склонила голову набок, разглядывая кляксу. Потом возвратилась к блокноту – возвратилась, как осознание, что людей кушать плохо, к диктатору Бокассе, – она возвратилась к написанию собственных впечатлений о событиях вечера. Излишне вдаваться в подробности, конечно, не стоило, Рот Филиппа порицал подобные душевные экстремумы. Для совершенно личных наблюдений существовал Живой журнал. «Заселившись в снятую квартиру, специальный корреспондент Евгения Плаксина стала жертвой гостеприимства соседей. Первые впечатления от встречи с жительницей квартиры напротив, принесшей фрагмент шарлотки, были положительными». Женя отняла свой чудесный, гнущийся карандаш от листа, задумалась. Опустившаяся риторическая ночь на пока еще не выраженный журналисткой в блокноте город засеяла грядки будущего юре. Заторможенные силуэты полупустого граненого стакана на телевизоре, завешанного голубой вязаной салфеткой, керамические фигурки дедов морозов, утомленных службой, растрескавшихся на тумбочке, силуэты элегично ползли в сторону коридора немого.

Окостеневшие мысли, эмоциональная тупость, Женя запуталась в складках приятно загустевшего сознания, она взидала на слипшиеся розоватые вставные челюсти, лежащие в серванте. Сблизившиеся линии наваждений и протокольной реальности срослись в голове Плаксиной единой дорогой на бессознательно-прекрасный поселок подсознания. Чихнув сверчками на имя, которому не суждено встретить лето, Мара, на экране телефона был рисунок особы с белыми

глазами, в черном кокошнике, в руках она держала череп, исчерканный вязью, желтушная канарейка примостилась на левом плече. За спиной у нее стебли сухой травы надрезали небо, сочились кровь из тонких, сжатых губ. Женечку нарисовал бывший супруг, вещи она его выбросила, но рисунок вот нравился. Журналистка иногда возвращалась – и никакая клиника неврозов ей не помогла в этом отношении, не рассказывайте даже, – к той злополучной статье, после которой случился развод и нервный срыв. Состояние рыбки в аквариуме, вне которого снуют упитанные мальчики, девочки, тыча жирными от бутербродов пальцами в стекло, говорят что-то приглушенно, это состояние импонировало Евгении. В нем она пребывала не чаще раза в неделю, медикаменты имели свойство приедаться. Смежные отделы мозга горячечно сообщали друг другу секретки. Как правило, жгучие обнимания кататоников обычно сопровождаются возгласами восторга у случайного зрителя, но крошечное путешествие вовнутрь себя кажется гражданам чем-то постыдным. Как будто даришь флоксы женщине на свидании, однако флоксы пахивают то скипидаром. И пренебрежительные взгляды пассажиров трамвая всегда устремлены на парня с расстройством аутистического спектра, который сам с собой беседует. Для них он поляристик Амундсен, для них он, помноженный на стремление выхода за пределы собственной телесности, додик. Евгения, покачиваясь на стуле, взирала на погасшие звуки машин за окном, бодрый, веселый крик: уважение пацанам из Кашенко!

Женечка переживаниями, касаниями воздуха понарошку, не всерьез, затекла на ворчливый диван. И мы уснем вдвоем на автобусной остановке, и люди будут на нас карабкаться, запоматывая, что мы не автобусы. Плаксина восхитилась впрыснутой в полуприкрытые глаза фразе про автобусы. Женя любила трамваи больше, чем троллейбусы. Трамваи, что же они делают в чулане вдвоем, эти два влюбленных трамвая, соцветия перегибавших тайн не желают плодоносить даже перед небытием. Подобные сюрреалистичные мысли крутились у нее в голове. Дева провалилась в прорубь, клюшка для гольфа телесного цвета с голубыми венками, прожилками, огромная такая, нежно боднула, и девушка закатилась в эту сновиденческую прорубь. Ледяная вода скрутила мышцы в косички, там камбала с очеловеченным личиком во фраке предлагала коктейль-делирий в фужере из толстого малинового стекла. Визионерский опыт в состоянии аффекта нравился журналистке. Она вдохнула ледяную воду, выстудило нутро. Вмерзшие в ледники операторы и не думали консультировать по вопросам беспроцентных кредитов. И вот уже Плаксина идет по лимонно-белесой пустыне, пепел, кружась, летит с войлочного, пронзительно-янтарного неба. А со стороны ларька овощного на самом краешке этой местности стали бежать черные люди в шапках-ушанках, дымя сигаретами как паровозы, вспоминаем плохое, сделала выводы журналистка. Мелькнула еще одна изнаночная мысль, забыла привязать себя к дивану, ладно, не упаду, ладно, не такое видывали, падали, но поднимались. Иногда спящая корреспондентка могла себе навредить, как и все мы.

Приснился Духаст Вячеславович, он был безрамочным человеком. Проспрыгав собственные комплексы, он приблизительно стал понимать психологию простых работяг, вынужденных жертвовать самым ценным, что у них имелось, временем, которое предоставляли все эти почтальоны, гардеробщики, сантехники, мясники, менеджеры выходного дня, санитары и прочие вчерашние, пока еще не завтрашние, однако сегодняшние мужчины. Ходить поужинать сегодняшние мужчины любили в пельменную «Гофман и сыновья». Начиная день с капельницы глюкозы, янтарной кислоты, горстей витаминков. Духаст, немец по матери, козлиная по свидетельствам официанток, трудящихся в питейном заведении на улице Красных партизан. Владелец пельменной, чье лицо напоминало лицо младенца лет сорока. Вообще, приметы времени не сбываются, если скрестить пальцы. Вячеславович пользовался этой хитростью, порой сбитых летчиц находил в кабинете начальства уборщик ранним утром. Прыскал водичкой из пульверизатора, проснись, милая, проснись.

Все они, девчонки с мягкими попками, с одним голодным ребенком дома, с двумя голодными ребятишками дома, с одним сытым ребенком, а вторым голодным, первый все-таки сильнее оказался. Словно жительницы особняка Хефнера, только жительницы пельменной. Девчонки, по

агентурным данным Рта Филиппа, занимались проституцией под началом Духаста Вячеславовича. Тем пожилым летом Евгения Плаксина почти решила стать матерью. Полугодичный брак с Кантемиром-художником, скоропостижный аборт по медицинским показаниям. Рот Филиппа определенно знал о наличии на груди Духаста наколки «не реанимировать». Поэтому Женя, вернувшаяся из медового месяца, планировала посетить пельменную и написать потрясающий триллер-лонгрид о проститутках и озаглавить лаконично «Не реанимировать, или Проступки старого козла». Впрочем, самоуверенность сыграла на баяне минорно. Статья вышла, но люди стали от прочтения сходить с ума. В том числе Плаксина, кстати, не удержала равновесие и брякнулась с велосипеда в детстве, хоть и не относится к делу, а все ж больно коленке, два шва наложили, до сих пор фантомные нитки присутствовали в организме. Филипп добавил материал в архив от греха подальше, в самый уездный архив, где и читать-то не совсем умеют.

Зачинавшееся утро не предвещало, предъявило свой социальный статус порядочного августовского дня, ничем иным не выделялось. Кантемир гладко побрил голову, подровнял свою одуванчиковую бороду опасной бритвой, надел штаны цвета хаки, рубиновую рубашку с тонкими белыми полосками. Крутил ключи от машины на указательном пальце, шел вдоль мольбертов; квартира-студия, где проживал художник с извлеченной из ледяного космоса супругой Евгенией, была пустынна, как покрывало, сплетенное из асбестовых нитей с дремлющим на нем сфинксом-котом. Мятный халат жены облегал ее фигуру, волосы до самых лопаток, наполовину голова была выкрашена белой краской, наполовину черной. Она чистила зубы. – Поторопись, я, кажется, начинаю сам опаздывать, боюсь, не успею тебя подвезти, куда, кстати, тебе надо? – поинтересовался супруг, ощупывая собственные карманы, достал телефон. Водохранилище в раковине было потревожено сталактитом бирюзово-алой слюны, зубная паста перемешку с кровью. Женя ответила, повернувшись: в пельменную, подбросишь, ничего страшного. И была она подобна уверенному в себе дальнбойщику, закованному в доспехи грузовика, шуточные вкладыши в ее голосе раззадорили Кантемира. Мужчина обнял всю журналистику разом, прижавшись междуножием к попе жены. – Кто-то торопился, – Плаксина, прополоскав рот, распелась из объятий. От нее пахло анисом, анисовое дыхание чиркнуло по щеке мужа. Он сказал, кажется, умерив пыл: буду ждать тебя внизу, в машине. И вышел из ванной, из квартиры, из этого фигового листочка ипотечной квартиры, способного прикрыть первичные половые признаки, способного оградить от дышащей огнем улицы. Предикативная связь между супругами, равноправие компонентов, в определенной малолетней доле нервнорвала завистников и завистниц. Поклонники Кантемира писали гадкие комментарии о ней, но мнение Плаксиной на этот счет: хрен с ними. Лимонно-лаймовые овсянки, эти пестрые девки, кружились над успешным абстракционистом стайей, затмевающей белизну неба, пахнущего обожженными химией руками очень красивой уборщицы в кафе «Все свободны».

Девушка неспешно вышла на балкон, дымя гвоздичной сигаретой, помимо гвоздики безволосый котик услышал пряности, чихнул. Большеглазый сфинкс жрал борщ из белой миски. На балконе за панорамным окном безымянные отражения водили хороводы. Легкий дождь помутил рассудок улицы. Туманная шаль накрыла одноэтажную прачечную, чьи стены усеяла виноградная блестящая плитка, магазин, где все товары стоили по девятидесяти девять рублей. Сквозной взгляд, блеснувшие окуляры бинокля выявили на скамеечке наблюдателя в синем трикотажном костюме в обтяжку, любителя раздеваться в общественных местах. Наблюдая за девушкой, он, вне всякого сомнения, менял ее. Гляделки любых уровней интенсивностей, полоснувшие меня, вас и Женю в метро, в социальном учреждении, где угодно, непостижимым образом вычитают из нас уверенность в собственной нормальности, может, усик отклеился, может, неприлично выглядывает лямка бюстгалтера, а может, лента с патронами. Внизу посигналил Кантемир, крикнул на всю округу: Женя, выходи! Плаксина усмехнулась, докурив сигаретку, затушила в хрустальной пепельнице в форме семиугольной звезды. – Женя, выходи, я умру сейчас тебя ждать! – задышался от негодования супруг, закашлялся. В твоей смерти прошу винить Клаву К., подумала барышня не без тени сарказма. И облачилась в джинсовый комбинезон, на груди которого прищипленная

щепотка полевых цветов как будто взывала: одумайся, есть кое-что получше гребаных таблеток, вон, шалфей попей, успокоит. Плаксина образца времен материала о проститутках еще не посещала психиатра. Препаратов не принимала. Принимала бокал вина за обедом. Парочку бокалов за ужином. Наверное, супруги были семьей достатка чуть выше среднего. Ушные палочки всегда стояли в фарфоровом крокодиле. Молочные сосиски, казалось, не заканчивались никогда, длились в своем присутствии. Зубная паста лилась рекой. В общем-то, хватало на все запросы Google.

Липово-зеленые кроссовки ступили на асфальт. Женя, принадлежащая кроссовкам, стоившим столько же, сколько корова (65 тысяч рублей), подошла к медно-графитовой машине, открыла дверцу, плюхнулась на переднее сидение. Кантемир не удостоил взглядом свою госпожу, следил предельно внимательно за дорогой. Выезжал за пределы двора медленно и аккуратно. – Не телись, езжай нормально, раз опаздываешь, – сказала нетерпимо девушка. В Жениных инкубаторах росли плоды отрицания института семьи как примера заостеневших норм поведения. То есть некая модель серьезного сожительства, где муж априори добытчик, которого нельзя критиковать, и открыто высмеивать его недостатки, эта модель подвергалась Плаксиной полнейшему сомнению. – Жень, сейчас из машины выйдешь, пойдешь пешком, – художник не всерьез обиделся, судно покинуло гавань, вошло в насыщенный поток прочих кораблей. Журналистка разместила свои ноги на приборной панели, Кантемир поморщился, но ничего не сказал, в очередной раз госпожа поступком показала, что думает по поводу проявлений своеволия своего мужа. Мужчина включил радио. И «Волшебная флейта» вклинился меж супругами, у Плаксиной была аллергия на классическую музыку, она слушала тяжелейший, словно дыхание кроманьонца, рок. А что если бы Моцарт жил в двадцать первом веке, а что бы он тогда писал, задумалась девушка, лишая приборную панель собственных ножек. Наверное, он бы сочинял музыку к идиотским сериалам или писал аккомпанемент дебильно-веселым певичкам. Или совершил бы, точно Мисима, ритуальное самоубийство, глядя на размер пособия по безработице. – Чего язык высунула, почти приехали уже, – Кантемир, как всегда, не дослушал мысли своей контркультурной жены. На перекрестке стоя утят переходила дорогу по пешеходному переходу, автомобилисты уважительно не давили их, хотя и горел красный свет. Кантемир барабанил нетерпеливо по рулю пальцами. Тонкий молочный шрам, проходящий вдоль указательного перста на правой руке, вызвал в Жене чувство тоски. Муж, когда еще не был мужем, однажды чинил розетку, стоя босиком на влажном полу, и отвертка нарушила целостность пальца, пробежала искра. Девушка погладила по плечу супруга. Стоя перешла дорогу, и корабли лавировали, лавировали дальше.

Пельменная казалась не прирученным зверем, из красных дверей, стилизованных под телефонную будку в Лондоне, вынесли вперед головой мужика, обнаженного по пояс, он кричал что-то жизнеутверждающее, правда, на языке чаек, устремившихся заклевать бедолагу. Четыре девушки, выглядящие как олдскульные стриптизерши. На их сосках значились жемчужные цветки, непонятно на чем держащиеся, не честном ли слове, слове таких знаков зодиака: скорпион, рыбы, девы и близнецы. Белила на щеках, прически Греты Гарбо, Джейн Рассел, Энн Шеридан. Из персиковых торжественных трусиков торчали сторублевые банкноты, и были девы торжественны, потому что подкреплены деньгой. Седые бакенбарды мужика переходили в усы. Он кричал что-то такое: летать, летать и падать! Мимо транспортного средства прогулочным шагом шла девчонка в холщовом платье, ее тетрадки вылились в асфальтовую речушку из открытого рюкзака, зубная пластина выпала тоже. Кантемир сказал супруге, непонятно почему: не парься, все устаканится. Тогда кем станет стакан, подумала грустно Евгения, наверное, блюдцем. Грустно настолько, насколько грустно телефонное сообщение: «Вася, если ты еще жив, аккуратно остановись и затяни болты. А то мы забыли». Огромный белесый животик доставлял немало хлопот работницам пельменной, кажется, они тащили гражданина на задний двор. Тащили медленно, часто останавливались, чтобы перевести дыхание. Переносимый дядечка в красных клетчатых брюках воскликнул: подожди, подожди. Стриптизерши поставили его на ноги, белый как лунь, он разразился потоком цвета мурены, чайки слетелись обедать. – Дамы, – сказал он, вытирая широкой ладонью губы, – надеюсь, никого из вас я не заразил своей желчью.

Плаксива посмотрела на мужа, Кантемир попросил ее, облизав свои мелкие зубы, верхний ряд, если облизывать разом, то часть языка будет откушена: пожалуйста, не заразись ни от кого там желчью. Женя улыбулась, было видно, что она вовсе не хотела улыбаться, то есть плотно сжатые губы поразила случайная улыбка, равная по массе осмысленному смеху на кинопоказе «Зеленого слоника». Супруг, любуясь в зеркале над приборной панелью своей бородой, сказал также: вечером давай закажем пищу, посмотрим чего-нибудь. – Просто приготовь сладкий хлебушек и чай завари, – направила в нужное русло разговор с Кантемиром Женя. Она вышла из автомобиля, а студентка собирала разлетевшиеся тетрадки с конспектами, на листках были ожоги, переменные икс переплетались в любовном танце с цифрами, пламя знаний выхватывало совершенно непонятные в отрыве от контекста следствия, ответы, доказательства теорем, это равнялось тому, а то не тому. Плаксива шагала к входу в заведение. Вспомнилась любимая тележурналистка, Кристин Чаббак, совершившая выстрел из револьвера себе в висок. Тема программы в том семьдесят четвертом году на Флоридском канале была «суицид». Перед эфиром бедняжка, совершившая столь радикальный, порицаемый Мишей Токаревым акт приобретения агентности, или же попытки сделать осознанный выбор, кое-что произнесла. Она сказала тогда, глядя в зрачок телекамеры: «следуя политике телеканала, основанной на максимально насыщенной демонстрации крови и насилия во всех красках, предлагаю вам стать первой публикой, которая увидит попытку самоубийства во время эфира». Женя вспомнила, в одиночестве содержится ровно одна ночь, к чему бы такое вспоминается перед входом в пельменную. Откуда слышно дрожание музыкального центра, песня стара, песня фактурна, словно мышцы лица у глухонемых.

На стенах висели школьные доски, кожа досок напоминала кожу лягушек в обмороке, сероватая. Мелом водила невидимая рука, сорта пива, стаут «Ухмылка беспартийной», темный эль «Тело Жанны», индийский эль, то есть IPA «Дыхание Индиры Ганди». Плаксива не успела прочесть все наименования, мимо прошла дамочка-официантка в аметистовом закрытом купальнике, интересно, мужчины могут ли опознавать своих жен в толпе по талии, подумала Женя. В руках у официантки, на подносе, дымился глиняный горшочек, ловил лучики запотевший кувшин с жидкостью темно-лососевого цвета, лампы в пельменной были тусклы. Занавешенные плотными шторами окна совершенно не впускали дневное великолепие жизни. Немногочисленные посетители, дедушка в терракотеном пиджаке, со слуховым аппаратом, дяденька с кратерами былых подростковых проблем на лице. Столики были стоячие, и если бы вы захотели присесть, пришлось бы усаживаться на пол, в японских традициях. Работница пельменной поставила поднос на столик мужчины. А дедушка стал ей кричать, из-за слухового аппарата у него были трудности с коммуникацией: дочка, когда будет готов кролик? Официантка заткнула уши, чтобы дедок не утруждался, она читала по губам, и в такой же экспрессивной манере стала кричать ему в слуховой аппарат: вас обслужит одноногая Эльза через пять минуточек!

Плаксива достала блокнот, записала: используется труд людей с ограниченными возможностями, узнать подробней. Девушка в своем аметистовом купальнике вероломно заглянула в записи. Когда Женечка спросила ее: может, мне вам трусы показать? Та смутилась или сделала вид, что смутилась: извините, я не нарочно, вы уже выбрали, что хотите поесть? – Минеральную воду негазированную, стандартную порцию пельменей, пожалуйста, – журналистка говорила холодно, хотелось бы, чтобы пельмени были погорячее, чем ее речь, однако настолько развивать свою мысль, проговоренную вслух, она не хотела. Официантка взяла синюю шариковую ручку из уха, то есть за ухом, за счет непосредственно уха шариковая ручка удерживалась, быстренько пометила себе на ладошке детали заказа. На бежевом столике, заметила Плаксива, кто-то нацарапал надпись: «иногда мне хочется спать, но русские не спают». Женя попыталась либо согласиться с тезисом, либо не соглашаться с тезисом. У нее получился скелет рыбы для прелюбопытного социологического исследования. На кухне тем временем, за облицованной голубой плиткой стеной, произошел спор. Слышались женские взволнованные голосочки, которые перекрикивал мужской баритон. Мужской баритон кричал: что, журналистка-крыса в моей пельменной, пустите меня,

пасквили они только и могут сочинять! Стали раздаваться звуки борьбы, упала кастрюля, разбитое нечто стеклянное.

И в зал вбежал Духаст Вячеславович, в руке у него находился револьвер смит-и-вессон с ореховой рукояткой. И был он яростно настроен по отношению к русско-еврейской журналистке, словно правнук Пушкина, граф Георг-Михаэль Александр фон Меренберг, немецкий офицер СС. Хозяин пельменной вопит, тыча оружием в лицо Плаксиной: приятного аппетита, приятно-го аппетита! Капельки слюны попадают на щеку девушки, металлический предмет фаллической формы больно ударяет по губе, которая неминуемо разбивается. – Думаешь, не знаю, зачем ты здесь, знаю! – Духаст жилист, темно-оливковая рубашка расстегнута на две пуговицы, темно-синие нарукавники как будто у счетовода. – Я тебя прикончу, прикончу! – посетители глядели с интересом, револьвер дрожал в руках, пальцы побелели. Вячеславович взвел курок, на кухне вскрикнула дамочка. Немец с тонкими белесыми усиками неудачно шагнул, ствол перестал смотреть в переносицу Плаксиной. Поскользнувшийся мужчина, его ноги в ковбойских остроносых сапогах изумрудного цвета, как будто крокодиловая кожа была задействована в создании данных сапог, его ноги оказались выше уровня тела. Никто из присутствующих, Женечка в том числе, не заметили, как именно произошел выстрел. Раскаленный свинец, словно прыщик, угодил в самый лоб Духаста. Пуля срикошетила, осколок разбившегося графина на соседнем столе прилетел Плаксиной в район грудины. Тоскливо взывала какая-то стриптизерша, журналистка с удивлением посмотрела на собственную грудь, там расплзлось малиновое пятнышко. Дедушка со слуховым аппаратом воскликнул: где мой заказ! Скорая помощь ехала согласно своим нормативам, не более двадцати минут с момента вызова.

Глава 6

Ваше имя занято кем-то другим

На перекрестке ночной регулировщик судорожных движений автомобилей, в ослепительно угольных, облагающих налогом на доход в виде жира брюках и пиджачке, самой лунной из всех возможных походкой, придерживая двумя пальчиками свою шляпу с серебристой ленточкой, но не ковбой, семенит. Прядь волнистых, аделаидовых волос покачивалась, покачивалась. Застывшие в шаге от оглушительного чиха малозащитки грозились поймать припозднившегося прохожего, шагающего из прошлого в грядущее, оставляя за собой лишь примятые кусты амброзии, карантинные сорняки. Ночной регулировщик со своей лунной походкой был хитер, и хитрость его носила характер спонтанной речи соседа с психическими поклонениями. Он тебя забалтывает, забалтывает, а ты, прельщаясь речами этого глубоко потрясенного жизнью человека, не решаешься повернуться к нему спиной, все слушаешь и слушаешь. Не касаясь земли, подобно тому, как, испытывая брезгливость, дети не касаются вопросов политики, парила серебристая «Лада 2114». Из амбразуры приоткрытого тонированного окна просачивался сизый дымок. Играла музыка, играла, басами выделявшая невообразимые вещи. Подобное выполнишь на званом ужине, попросят покинуть помещение, будут морщить носики Мими да Натали. Артистичный регулировщик остановился на опустевшей проезжей части, поклонился. Толстомордый, стерилизованный во благо кошечек в округе, настолько буйно красивым он был, рыжий кот шагал задом наперед, навстречу регулировщику.

Юный гражданин услышал говорение телевизора, там призывали к ответственности некоего успешного господина. – Зачем вы застрелили город, я, как сексолог совершенно этого не понимаю, вы, наверное, что-то имели в виду? – вопрошала тетенька, получившая слово взаймы от ведущего развлекательной программы. Дребезжание металлических языков во ртах старух из массовки заглушило ответ господина. Юный гражданин, предположивший, что время пришло, что время не птица, не синица, не журавль, и надо войти в доверие гостиней, где бабушку накрыло во-

дами глубоководных речей, а спасительницы Малибу вышли на пенсию. Осторожно вошел, приоткрыв научно установленную дверь, звякнул колокольчик. Однако пожилая женщина никоим образом не отреагировала на вторжение. Она сидела в лохматом кресле, подобная шерстистость свойственна лишь тем, кто воспринимает в штыки эпиляцию, неодушевленным предметам. Из широкого, эстетически ориентированного на север носа, шли вязкие тропинки кетчупа. В буфете за стеклом, ровнехонько между глиняным петушком и колодой игральных карт – преферанс, дурак, бридж, русский покер – стоял бюст. Бюст принадлежал, он принадлежал полководцу Кутузову. Усеянное канавками морщин лицо глядело единственно верным глазом на комнату. Сероватый военный как будто спрашивал у тишины о чем-то, но тут, извините за беспорядок и телешоу, законы не соблюдаются.

Неискушенный в вопросах разновидностей психологического воздействия, мальчик увидел некую анаграмму позора. Над пожилой женщиной склонился молодящийся дяденька, несмотря на кислотную толстовку с надписью «провинция», выполненной в стилистике другой надписи, «полиция», седина в бороде выдавала в дяденьке гонщика. Гонщика за прошедшими годами юности. Прическа данного господина была помпадур, выбритые виски, челка нависает застывшей волной. Золотистые брусочки свободной картошки, картошки, освобожденной от длительного пребывания в земле, она была свободна, словно буква «Е» от неволящих точек. Телеведущий погружал ломтик ароматной картофелины в кетчуп, выступивший из носа пожилой женщины. – Бабушка, что с тобой, ты же какая-то не конвенциональная? – маленький гражданин испытал подобие культурного шока, оказывается, обмакивать свободную картошку принято в среде телевизионных работников, оказывается, в нос уважаемых телезрителей. – Теоретически все же мы люди, давайте не будем разводить балаган, – успела пропеть некая заноза в телевизоре перед тем, как ее голос приглушили фанфары, зачем-то питали в студию оркестр.

– Только сегодня, только для вас, Толька, не смей поднимать еду изо рта дяденьки, – надрылся соседский телевизор за стенкой, кажется, шел КВН. Нашего героя звали Толя, или только будут звать? – Толя, ты оторвал кусок штукатурки, ты нарываешься на неприятности, и сам это прекрасно знаешь, – не унимались веселые и находчивые. – И что, что штукатурка похожа на мороженое, Толя, мне вызвать бригаду за тобой, я не пойму, – какой глупый КВН. Нашему же Анатолию, о котором мы непосредственно пишем в данный момент, не хватало кальция ДЗ, сухая кожа, редкие волосы, Д12, бледный до невозможности, беглый осмотр это подтвердил. Сухопарый старик в телевизоре, принадлежащем Анатолию и его бабушке, не смог дотянуться до ротации, его голос заглушила новая волна аплодисментов, раздался гудок, означающий перерыв. Собака у соседей не проформы ради, а для того чтобы утвердить себя в доме, раскатисто залаяла. Надо сходить в туалет, в туалет надо сходить, подумал несвоевременно Анатолий здесь и сейчас. Недавно он лежал в больнице, и в туалете в больнице плохо разрешали пользоваться, соответственно, туалетом. Мнилось медсестрам разное, то синтаксисом пугали, то отмененным Новым годом. Мальчик там постоянно скандалил. Бабушка, навещающая внука, по этому поводу ругалась: ты где грамматику потерял, я ж тебя, дрянь такую, специально нахлобучу, теперь ни сникерсов, ни чипсов. Хотя какая там бабушка, нет, самая настоящая бабушка, или продукт, содержащий не менее восьмидесяти процентов бабушки. Это и так понятно, что прожил мальчик к своим годам всецкое, правда, такие вещи, как плохое отношение медсестер, сложно изжить до конца, не забывается. Еще у нашего Анатолия в раннем детстве была четкая уверенность, что он обладает братом-близнецом, который всерьез увлекается спортом, стокилограммовые блины тягает, гвозди ломает. Потом Толю вылечили от ощущения обладания братом, и к нему пришло понимание, что видения разного толка приходят к нему одному. А соседи меж тем, любители КВН, не планировали исследовать родинки на его теле, соседям бы жилплощадь, они выгадывали, когда бабка откинется, чтоб стремглав направиться в суд и отправить Синицына в ПНД. Парнишка смотрит в перспективу своего выдоха, потом делает горлом: кхы, кхы. Намекая тем самым на, как говорили каторжники, расход. Анатолию даже через носки кажется, что стоит он не на махровом розовом ковре, а в болоте, которое медленно его засасывает. И, кажется, куда будет засасывать его,

встретятся ему скелеты в полуистлевших фламинговых платьях, с белоснежно-скупными улыбками, кикиморы неопишуемые, прочая фауна, пригожая для проживания на юннатских станциях.

Мальчику вспоминалось всякое разное, пока он мялся и не решился зайти к бабушке в комнату. Например, такое: сентябрь, икается солнце в начале осени, не может светить равномерно, высокие скулы кондуктора, наряженного в синюю красивую форму, забежавшего в обеденный перерыв перекусить. Грамматически сложные вещи его тянут к полу, который протирает уборщица зеленой шваброй. Тяжелый труд, словно абберрация света, барометр, вакуум, гамма-распад, более слов мы не знаем, книгу трепала собака в нашем детстве, иной не было книги. Мемориально-пустотная зона пищи быстрого приготовления, закусочная, кашель клоуна, кашель с вязко-тягучей мокротой, слизь приземляется в первый осенний снежок, вышивает узор, распахнуты настежь забегаловки окна. Мы имеем в виду снежок молочного коктейля, он весьма похож. В кафешке товарищ директор предупреждает Анатолия, обряженного в песочный плащ, голубые лосины, на глазах маска супергероя: если еще раз на тебя пожалуются посетители, пеняй на себя. На него пожаловалось через десять минут некое гадливое существо, испещренное атрибутикой тинейджеров. Увольнение проходило в неформальной обстановке, прикинувшийся тридцатилетним школяр с директором плюхнули в себя вишневое пиво в пивнушке, открывшейся на первом этаже дома на улице летчика Бабушкина, директор даже извинился, говорил, что за маленькие продажи комбинированных обедов с ним выполняют гимнастику для взрослых. Не пересекающиеся прямые образовывали окружность, их пересечение грезило попыткой опознать что-то новое во вселенной. Не прозванная скука ночи, Анатолий зевает, кивает директору. Над ухом кричит патлатый мужик, зашедший в питейное заведение, кричит о том, что все присутствующие немедленно должны признать, Макаронный монстр не выдумка, Макаронный монстр чудовищная данность.

Многие ли из вас думали в детстве, сколько денежных средств можно выручить за одного снежного человека, почему-то Толю не отпускала эта мысль целую жизнь. Он сидел в комнате, хрустел сухариками со вкусом камчатского краба, досматривая футбольный матч Южная Корея – Гано, счет составлял два:три. Он глядел матч до того, как в бабушкиной комнате послышалась мистика. Истраченная перспектива взгляда в себя показала, насколько цепко ухватился Анатолий за возможность вырасти в хорошего человека, то есть достичь неопишуемых высот в сфере межличностных отношений с жителями так называемого общества. В последнее время Синицын часто задумывался об этом. И с каждым годом он сомневался, получит ли, никто не молодеет, тем более сам Анатолий. И вот произошел непонятный шум. И парень вошел к бабушке.

Телеведущий, незнакомый, узнаваемый, спросил: мальчик, а тебе чего? Соломку картофелины он успел проглотить. Заиграла тревожная музыка, кажется, белый шум в утробе чьей-то матери, мало у нас матерей, что ли, подготовить, разыскать. Мальчишка, сжав кулаки так, что ногти впились до боли в кожу, прищуренными голубыми глазами-бритвами расцелял телеведущего. Оранжевая толстовка, расстегнутая на груди Анатолия, являла первую, неуверенную шерстку. На обоях, выполненных в стиле кирпичей, висел календарь. Год, объявленный годом борьбы с гнидой внутри себя, изображенный на календаре парень кричал на хулиганов, бьющих бродячего пса, календарь подошел к концу год назад. Хотелось дожить до седин декабря. Хотелось развить собственные опротивевшие поступки, мало ли случается патовых ситуаций у мальчишек, живущих с бабушками, подсевшими на иглу телевидения. И тощая собачка с календаря глядела пронзительно своими фисташковыми глазами, глядела с неким укором. Необходимо было сделать выбор, и мальчик совсем не лилейно ударил в глаз мужчине телеведущего. Костяшки на кулаке за время учебы успели обрасти коркой, приходилось драться за школой с девочками из десятого класса, девочки с детской колонии, которых время от времени привозили для социализации. Хорошая тема для исследования, которое, пожалуй, проведет Александр Робека, наш товарищ из министерства в погонах. Стоит ли вспоминать полдень двадцать первого века, непригодные для хранения машин гаражи, словно окрестности Детройта. В гулкое, промерзшее до нитки помещение улицы, где ребята посмелее курили, разговаривали на неприличные темы, психически

неуравновешенный Анатолий попал по ошибке, и в это помещение улицы попал по ошибке. Азбукой Морзе пригласил грубый в отношениях с учителями парень, которого через полгода спрячут в другой школе, чтобы глаза не пугались, а руки делали домашние задания. А потом произошли существенные перемены. Толя Сеницын заметил эти перемены в учебном заведении, они не прошли мимо. Драки за гаражами стали пунктирами в кабинеты, где занимались с учениками, шагающими к золотым медалям. И даже девочек из детской колонии перестали привозить, и даже вместо «Сеницын, к уездной доске», появилось непривычное: «Анатолий, расскажите о своих переживаниях, а потом решите теорему Пифагора, пожалуйста». Сколько же натикало Анатолию лет, кажется, парень окончил девять классов на расстоянии пяти лет от описываемых событий.

Телеведущий прикрыл ладонью свой глаз, его зрители, наверное, не могли услышать боль, его зрители были слепы к чужим увечьям. Обескураженный, он по-рыбьи раскрывал рот, но пузыри слов совершенно не выдувались. – Ты зачем человека ударил? – спросила голосом педагога бабка. В чем выражалась педагогическое наполнение? – спросите, конечно же, вы.

Понимаете, бабушка в молодости была учительницей химии, и часто как бы кричала, подобно певцу Витасу, на учеников своего непутевого класса, где каждая третья ученица имела ребенка в подоле, а каждый второй ученик увлекался оккультными практиками Джenezиса Пи-Орриджа. Подобным учительским тоном был напоен голос бабушки. Однако подробность о педагогической службе нам известна заранее, но вы просветились нынче. Мужчина, чей помпадур стал куцым бобриком, заплакал, сказал дрогнувшим баритоном: я почетный, вы сядете, молодой человек, сядете, это точно. – Пошел вон, – голос парня был груб. – А ты, – он повернулся к своей бабуле, – в следующий раз окажешься в доме для престарелых. – Толя пригладил свои атлетические усы, о, то были не просто тычинки девственных усиков, но полномасштабное наступление на территорию Леонида Филатова, Вилли Токарева и Никиты Михалкова. Всевозможные красные линии были перейдены, педагоги теперь не будут втыкать циркули в руку за выход в кукурузное поле, теперь Толя будет втыкать сам. – Вы не услышали меня? – Сеницын неожиданно перешел на вы. Должно быть, этот переход напугал непрошеного гостя, он зачастил: да-да-да, конечно, ухажу. Подойдя к телевизору, одетый с иголки господин стал неповоротливо влезать в ящик, вес тела, перенесенный на левую ногу, обутую в красно-сиреневый кроссовок на высокой подошве, помешал. Господин вынул правую ногу из кинескопа, попробовал войти с левой, но все повторилось. Тогда бабуля сказала, задумавшись: кругом, возможно, Бог, и мы должны помогать друг другу. И она поднялась из мохнатого кресла, и она толкнула в спину телеведущего. И он сложился, словно щенки у материнских сосков, влетел в студию, где уже начались новости сегодняшнего дня.

– Толик, я буду готовиться ко сну, – проинформировала бабушка, – но я хочу молочка с медом, я же вправе вскипятить себе молочка с медом? – Вправе, бабуль, только посматривай на снегирей за окном, если они начнут голосить, биться в стекло, сразу же выключай плиту, – внук снял толстовку, потерявший в объеме, он вышел из обители родственницы, звякнул колокольчик. Худосочное тело было настигнуто в расторможенной темноте коридора вечером такого-то дня. Резиновые тапки скрипели, бесшумное высыхание капелек пота на искривленной спине, гусиная рябь, грамматика с заусенцами, последние события с мужиком телеведущим. Сеницын чего-то выматался. Тренькнул телефон в его комнате, кто-то написал в домовом чате. Текстура стены, лишенная кожи обоев, выкрашенная густо-серой краской, текстура напоминала морское дно. Впадины, жемчужины, видимые в приоткрывшихся раковинах, подарили покой и чувство защищенности, парень выдохнул. Бросив толстовку сушиться на батарею, он взял свой портативный IBM. Ему писала некая Ксюша, избравшая в качестве опознавательной фотографии профиля певицу Йоланди, глаза которой скрывали черные линзы, а белые бритые виски, хвостик напоминали покрытые снегами деревья в тайге. Ксения Любимова написала такую вещь: а вы правда гинеколог? Прикрывшийся маской злого гинеколога Сеницын ответил весьма сдержанно, шутить не хотелось: что вас интересует, консультация? Собеседница поторопилась с ответом, слова у нее, наверное, от волнения выходили какие-то с неправильным набором хромосом, но мы напишем правильно: она самая, понимаете, мне почти восемнадцать, и я подозреваю, что, в общем, мои

родители не знают. Анатолий глядел на экран телефона, приподняв нижнюю губу, прикрыв верхнюю губу нижней губой, казалось, парень раздумывает. Ничего не ответив, он присел на вертячий стул, шелкнул кислотной-зеленой мышкой, забурчал компьютер. И Анатолий Синицын перестал быть Анатолием Синицыным. В подростковой комнате, где гирлянды, не снятые с прошлого Нового года, как будто веревки в квартире узника, мерцали синим, розовым и фиолетовым.

Перепошки на пальцах рук натянулись, хрустнули суставы, точно вмерзшая в ледяную синицу в пасти соседского кота. Уже не Анатолий взглянул крайний раз на телефонный чат, ничего не писали. Любимова, наверное, кусала локти, гадая, реальный ли человек злой гинеколог, или вновь она попала в плен бородатых малолетних глупостей. Синтетическая ласка, парень погладил по часовой стрелке механическую мышь. Широкий монитор озарила вспышка за океанской игровой компании, вшумели в пространство комнаты кулеры охлаждения процессора и видеокарты свои краткие тыр-тыр-тыр. Ударил по тапкам из так называемой реальности юноша. Подобное решение было обусловлено желанием нюхнуть пороха. Реальная война дело наживное, война, по мнению бывшего Синицына, необходимость, которую любят сумасшедшие люди. На войне вчерашние пацаны становятся обладателями шрамов и героических наименований. Синицын Анатолий совершил переход в качественно иное состояние. Из высоких колонок, стоящих по левую и правую стороны стола расцветки как будто леопардовой шкуры, доносились гитарные грустные переборы. Теодор стал играть желваками, полубокс на голове припорошило мукой, ранняя седина. Порозовевший шрам над левым глазом рассматривала притаившаяся медсестра в темном углу казармы. Зияния раны удалось избежать, японский осколок был несостоятелен. Возглас осколка, вспыхнув, проговорил на лице вчерашнего студента военного училища, сегодняшнего фронтовика, такой термин, как виктимблейминг. Тео не чувствовал вины за этот шрам, видели бы вы ожоги спины, как будто восточный дракон подышал. Двухъярусные нары были пусты, пахло чесноком, тушенкой, нестираными вещами. – Теодор, может быть, ты подойдешь ко мне и не будешь бояться, как маленький? – чуткий голос медсестрички, приехавшей с Чукотки спасать жизни солдат, колоть инсулин, пришивать ушки, любить, казался средоточием великого человеческого мур-мур-мур.

Теодор Перепелица оказался в числе молодых людей, брошенных на войну. Сокрыв свои пипки в кувшинках ладошек, обнаженные восемнадцатилетние, двадцатилетние, двадцатипятилетние юноши стояли вдоль усыпанной каплями воды стенки, желтоватый, кое-где расколовшийся кафель, казалось, пережил присутствие многих. Из душевых леек сочилось белесое чистящее средство, нагретый ступнями парнишек пол пенился. На чужих телах распускались аленькие бегонии, внимательный оператор шевелил бегунки гормональной радиостанции. Пучки взглядов, измученные и отрешенные, распадалась по всей душевой, словно укроп. Тео был пятым по счету из десяти. Перед ними стоял широкоплечий военный в коричневом сюртуке, глядел своими цвета лиловых гиацинтов глазами. Желваками играл, выигрывал. Исполненное краснотой лицо все же выглядело мужественно. Синие брюки, синяя фуражка набекрень, тонкие белесые усики. – Господа хорошие, – сказал он, почему-то не снимая своего взгляда с Перепелицы, с ушей Теодора, – я не буду вас мучить долгими речами. – По спинам пробежала мурашка, она ловко перепрыгивала на каждую из десяти спин, таким образом посетив организмы грядущих защитников интересов империи. Ротмистр, или капитан, какое звание носил данный мужчина, парни не знали. Он продолжил говорить, за его спиной у распахнутой ореховой двери стояли два офицера в белых кителях, тонкие сабли в пурпурных ножнах, с завитушками усы: ответственность, нависшая над вашими юными головами, безопасность царя, безопасность империи, господа, это испытание, которое не каждому по плечу, но пройти его надо хотя бы для того, чтобы потомки помнили каждое имя присутствующих здесь. Старший чин примолк, подбирая слово, кого присутствующих здесь – детей, парней, утят.

Оставив без должного наименования Теодора и остальных, мальчишек принялись мыть. Специально приглашенный банщик, грузный мужик с носом, напоминающим баклажан, смешливый, как инквизитор. В белом халате, расстегнутом и мятом, он сетовал на то, что баню закрыли

на ремонт. – Зато для вас, ребята, душ изобрели, как в лучших домах Парижа, с подогревом! – сказал он, широко улыбаясь. Толстые пальцы-сардельки ловко извлекли веники, осиновые, березовые, из коричневой сумки, кожаной сумки, с которыми через сто лет будут ходить модники, прочухавшие, что в царской России жили не дураки, а очень даже прогрессивные граждане. На большой потемневший от воды табурет дяденька стал выставлять баночки, скляночки. Длинная клеверная бутылка, когда он откупорил ее, стала источать совершенно поразительные ароматы. Так пахла девушка Клавдия. Она любила кататься на лифте. Теодор как-то подрабатывал лифтером, это были времена учебы, это были времена, напоенные абсентом, оглушенные криками поэтов на площадях, замечательные времена. Клава, как же он изнывал по белокурой красавице, по ее багряным припухлым губам. Окутанная ореолом сладко-яблочной эссенции, укусные нотки совершенно не портили этот лакричный, пряный запах, Клавдия играла с молодым человеком. – Я поцелую тебя в щеку, если ты прокатаешь меня до последнего этажа, – говорила она, слюнявая прядь волос. Платье из плюша, бутыльно-зеленое, не прикрывало колени, вымазанные зеленой, ей было лет семнадцать. И в платье этом она походила на мягкого медведя, желанного мягкого медведя. – Так, ребятки, не стесняемся, ложимся, – дяденька банщик возвратил на грешную землю Перепелицу. Из душевых хлынула горячая вода, паровые лошадки с бешеной скоростью носились вокруг обнаженных тел. Долговязый ребенок прилег на бронзовую от влаги скамью, и его поцеловал веник прямо по спине, по ягодицам. Парень сжал зубы, за процессом изгнания гражданской жизни пристально следил ротмистр, или капитан. Он пробирался вглубь душевой, отталкивая скакунов, подошел к Теодору. В руках Тео была мочалка из китового уса, выданная матерью для таких случаев. Также эта сердобольная женщина вручила мыло «Анютини глазки», обертка с морской пеной, сусальные вензеля, голова девушки глядит из цветка оттенка яиц дрозда, гербовая печать, само собой, присутствуют.

– Призывник Перепелица, давайте побыстрее как-то, – шепнул в самое ухо вышестоящий мужчина, но без панибратства. – А в чем, собственно, кроются причины такой спешки, – Тео волновался, когда он волновался, начинал говорить много, говорить витиевато. Лет через сто ему бы прописали отвар на ромашке для выхода в люди, а тогда прописывали конфетки с морфином, однако юноша их позабыл взять. На фронте, рассудил, будет необходимое, империя своих не бросает. Гражданин, или, вернее, поджарый господин в синей форме снова зашептал: три тщательно, потом сразу на фронт поедешь, я, кстати, поручик Зверев, со мной поедешь в первом эшелоне, ты же на литератора учился, мне писарь нужен, – дошептал вышестоящий чин и скрылся в паровых множествах. Мгlistое вещество разлилось по душевой. Кричал банщик: ребятки, кто следующий, ни шиша не вижу, на голос идите! Перепелица, намыленный по самые уши, стал шоркаться мочалкой интенсивней. Не хотелось попадать в руки дяденьки. По плечу кто-то, не видный в паровых сумерках, хлопнул горячей ладошкой. Теодор потерял равновесие, рухнул на кафельную кожу. Так бы его и забыли, словно имена репрессированных деятелей. Однако имена репрессированных деятелей вовремя облицевали плитками памяти. Перепелица допустил, свои же затопчут, ребята здоровые. Ладони скользили, не удавалось найти опору. Чье-то колено прилетело в голову, зазвенело в ушах. И подобно сельскохозяйственной выставке, юноша явил свой голос на обозрение: остановитесь, господа, остановитесь! Тео ухватили сильные руки, это был банщик, он поставил на ноги паренька. Пришлось отнекиваться: вообще-то у меня диссимилиация наблюдается, когда веником хлещут, вроде и приятно, но все-таки потом аллергия. Туман рассеялся. Сослуживцы смотрели на Перепелицу с подозрением. Жар, исходивший от их томатной кожи, выжигал кислород, создавалось впечатление, что Перепелица подопытный в банке на уроке химии.

«Клавдия, мне нужно тебе кое-что сказать, и это кое-что, оно имеет грандиозное значение в рамках войны, оно больше, чем ты, я, мы». Теодор в льняной песочной гимнастике сидел на бревне недалеко от конюшни. Он сочинял письмо для Клавы, с которой отношения, кажется, заладились. Точно юноша не мог сказать. Поцелуй был. Однако девушка, провожая Перепелицу в своем праздничном канареечном платье, с новой прической боб-каре, не обмолвилась ни о том, что дождется, ни о том, что социальные сети изобретут существенно позже. На всякий случай Тео

писал это дурацкое письмо, не писать не мог. Ему казалось, если там где-то есть Клава, которая может быть, вполне вероятно, почему бы и нет, ждет его, дождется его, то сам он не пропадет. Вопрос выживания, ответ девушки был не столь важен для такого смешного процесса. Отряд во главе с поручиком Зверевым, куда попал и Перепелица, поселили близ города Хайчэн, в шаге от театра боевых действий. Российская армия насчитывала свыше ста двадцати тысяч ребят. Расквартировали защитников интересов царя во Владивостоке, в Приамурье, в разных населенных пунктах. Крепость Порт-Артур на тот момент пала. «Кореец» взорвали, «Варяг» потонул. И время было такое, державы боролись за последние островки не поделенного мира, пухлячок Рузвельт мимикрировал под президента, Штольц искусственно синтезировал адреналин. А компания, подобравшаяся для сухопутных побоищ с японцами, куда Зверев позвал Перепелицу, была угнана на расстояние в двести пятьдесят километров от Порт-Артура для боевого слаживания. Начиная со сборного пункта им твердили: за Японией стоят англосаксы, США, вы не расслабляйтесь, будьте любезны, грядут великие сражения со всеми. Теодор подобному высказыванию очень даже поверил. Хотя были такие бандиты, набранные в прямом смысле с улиц, у которых едко пахли ноги, а вопросы гигиены не слишком их волновали.

Майский полдень. Контрапунктные формы существования голосов призывников. Голоса наполнили постоянный двор. В конюшне пели цыганский романс «И тихо струится слеза». Двухэтажная изба с башенкой, на которой висел длинный белый плакат, исписанный иероглифами. Из дома вышел комендант Владивостокской крепости, приквартированный для каких-то стратегических задач, само собой, личному составу не докладывали, для каких. Тучный мужчина лет пятидесяти, впрочем, не лишенный удалы, в правой руке держит записную книжку. А прибыл он с тем, чтобы сверить мотивацию личного состава с общепринятой в царской империи – мочить врагов народа в сортире, поменьше пятнать честь офицера, мыть руки мылом душистым, вытирать полотенцем пушистым. Личному составу не докладывают, но личный состав имеет уши. Комендант прохаживался вдоль солдатиков, чистящих свои пулеметы Мадсен, винтовки Мосина. Ребята шурились на солнышке, вполголоса переговаривались, о чем-то из гражданской жизни, на каком сроке жена, сколько предстоит воевать, правда ли, что по возвращении выдадут что-нибудь хорошее. Он почесал тайгу на подбородке-параллелепипеде. На нем был мундир холодных синих оттенков, словно кожа зубатых китов, а в галифе гулял сквозняк, сапоги сверкали, начищенные. Он почесал подбородок, оглядел маленькими зелеными глазами с ног до головы Теодора, спросил вкрадчивым голосом: мальчик, а ты часом не умственно неполноценный? – Никак нет! – бодро, как научили за два дня отвечать, ответил Тео, вскочил с бревна, письмо благоразумно спрятал за спиною. – А что, скажи на милость, мы не чистим оружие, – мужчина был на голову выше, поэтому слюни, которые вылетали из его выразительного рта, клевали в макушку Перепелицу. Неожиданно послышался такой диалог: – Глубокоуважаемый есаул, будем ли мы играть в кукушку? – это поинтересовался крепко сбитый усач с наколотой на всю грудь русалкой. Не зная никакой кукушку, Тео шепотом поинтересовался у коменданта: среди нас тут находятся орнитологи? На что дяденька главный закричал, моментально покрывшись укусами комаров, пятнышками: что, что?

Из конюшни на вопли стали выходить солдатики. Поручик Зверев, обряженный в белую майку, поверх которой висел деревянный резной крестик, показался на крыльце дома. В руке помазок, половина лица в белой пене. Прибывший начальник мелко затрясся, рухнул, словно подкошенный косой на рассвете, словно был пшеничным колоском. Неизведанные поля под кожей спины Теодора нестерпимо похолодели, он раньше не видел приступов падучей, лишь в церкви, рассказывала матушка, была такая бабонька, падала часто. Зверев побежал к ним, обтирая на ходу белым носовым платком лицо. Кто-то в толпе стал объяснять, что за игра такая. – «Собираются человек десять в конюшне ли, в сарае большом под покровом ночи. У каждого револьвер заряженный. Ныкаются, кто в бочку залезает, кто за корытом притаится. Перед этим, конечно, тянут жребий, выбирается кукушка. Бедолага произносит “ку-ку”, а все стреляют на звук. Целую ночь напролет куражатся. Данная игра воспитывает в солдатах дух, закаляет, нервы приобретают

стальной оттенок. Иногда, конечно, бывает страшно, но и весело тоже бывает. Комендант, говорят, по пьяной лавочке всю семью расстрелял, потом, конечно, раскаялся, его во Владивосток сослали, а служил в столице, вон, как получается некрасиво».

Сложились ребята меж собою плотно, став титановыми пазлами, правда, нытиков отправили домой. Таких из всей группы нашлось двое, одного мама из реальности позвала, мол, иди ужинать, он всем объявил: пацаны, я покурить. Хотя все слышали, что это позвала именно матушка, именно ужинать. Второй обзывался, хамил, его забанили на сервере. Перебросили Теодора и других ребятишек под Ляоян. На излете августа, венчанного хмелем, когда смуглые азиатские юноши-сатиры с росинками во ртах дремали в тени сакур. А за полновесным туманом угадывался клоч китайской стены. Перепелица пил воду из местной реки. Богатая на минералы, например, такой минерал, как силикат в ней присутствовал, жидкость благотворно влияла на пищеварение солдатиков. Они все порозовели, с аппетитом кушали рис, кукурузу, мучали добродушного отшельника своими шуточками, он, кажется, их понимал. Чай на лекарственных травах с каждым днем, проведенным на чужбине, укрепляли, приводили нервы в порядок после игры в кукушку. Многоместные палатки сливочных оттенков, словно русские артистки балета анны павловы, множились с каждым днем. Это приходила Маньчжурская армия под командованием Куропаткина. Точное количество наших ребят никто не решался озвучивать, Зверев обмолвился разве что, когда ужинал со своей группой в домике отшельника, оккупированном в шутку: тысяч сто сорок. Поручик не спешил входить в контакт непосредственный с главным военным начальником, ему удавалось скрываться в этом импровизированном городке из палаток. И своих он предостерег, чтобы не геройствовали. Как-то раз он раздобыл пять литров саке, собрал подчиненных, раздобыл: господ, господ, или нет, все-таки господа, не суетесь, не шестистим, посмотрим, это у нас тактическое ожидание такое. Теодор ожидал вместе с остальными, ходил на рыбалку. Тунец и лосось буквально сами прыгали в руки, желая быть съеденными. Сочинял Клавдии письма, складывал на дно вещмешка в надежде, что когда-нибудь он их отправит все разом, пронумерованные, чтобы возлюбленная отвечала по порядку и не попадала в неловкое положение. Эх, Клава, Клава, чем ты сейчас занята, и в каком состоянии твое ментальное здоровьице.

В двадцатых числах августа генерал Куропаткин, бородатый военный с близко посаженными глазами, отягощенный медалями, эполетами, смыслом, все-таки смог пленить поручика Зверева. В то время как основная армия рыла траншеи, готовясь к изнурительной обороне, Перепелица с коллегами проказничал. На другом берегу реки находился публичный дом, с низкой социальной ответственностью женщины дразнили рыбацких мальчишек, оголяли филейные места, смеялись, как будто стрекотали кузнечики. Поручик, пребывающий в плохом расположении духа, выстрелил из револьвера над самыми головами своих ребятишек, чем в достаточной степени смутил розовощеких защитников империи. – Отдохнули, теперь рыгь окопы, теперь финита, съездили в отпуск в Японию, пора и честь знать! – сообщил он, скрипя зубами, на посеченном старыми осколками лице выступили вены, они пульсировали. А Теодор понял, вот и пришла пора отважиться, вот и пришла пора повадиться ходить в огород, где подвиги растут на чужих деревьях. Надо быть смелее, зайди, сорви, а лучше, конечно, вырасти свой. Свой плод, он вкусней будет.

Перепелица стоял пятым по счету, хотя мог с легкостью занять любое из десяти имеющихся мест. Ведь еще в раннем детстве бабка-знахарка предлагала родителям выбрать нужные параметры: рост, вес, разрез глаз. Однако батя выбрал что-то другое, что-то не физическое, духовное. Солдатам выдали лопаты, отшлифованное дерево приятно влияло на руки. Генерал, собственно говоря, не сказал ничего толкового, речь его напоминала продукты молекулярной кухни, непонятные, но чрезвычайно питательные. Говорил он про японскую сторону сдержанно, говорил, что маршал у них Ояма по-восточному расчетлив и не спешит наступать. Однако Куропаткин в силу своего военного, а также прочих опытов, предсказывал с их стороны, с японской стороны, наступательные действия в ближайшие несколько суток. По торс обнаженные парни, словно истины обнаженные в Телеме Алистера Кроули, слушали наставления. Когда генерал окончил, солнце оттенка календулы стало прекращать греть японские земли. Собравшиеся на небе тучки

рисковали подпасть под статью 20.2, проведение публичного мероприятия без согласования с вышестоящими органами. Стал накрапывать дождь. Куропаткин, попыхивая коричневой, оттенка шкуры оленя, трубкой, проследовал в свою палатку. А поручик Зверев подскзал Теодору и остальным: не спим, не спим, копаем! И сам трусцой побежал к скрюченным спинам тысяч солдат на горизонте. Потом вернулся к не шелохнувшемуся отряду. Стал кричать, пиная подчиненных по ногам: вы совсем уже, копать, я сказал!

Теодору категорически не понравился тяжелый труд. Земля, поливаемая дождем, превратилась в какую-то кашу. Чавкающие звуки, оркестр тоскливый, центрифуга, в которой бежит с бешеной скоростью скотный двор. Зрение ухудшилось: окружающие господа, нет, в данном случае товарищи, деревья, лопаты стали носить характер аппликации. Вырезанные из блеклого цветного картона детали пейзажа, лихо закрученные усики, траншеи. Несмотря на прохладу, Перепелица и остальные имперские жители не стали надевать на себя одежду, не стали уподобляться капустам. Молодые организмы настолько прогрелись, что пар, поднимающийся от солдатских телес, образовывал особенную мглу, в которой вполне могли скрываться враждебные япошки. Тео крикнул пацанам из своего отряда, – наверное, из своего, просто тысячи смазанных лиц по левую и правую стороны, должно быть, на километры в две линии укреплений, как пластилин сцепились в один комок. Он крикнул: давайте меньше испускать пар, а то не увидим врага! И в окопах начался настоящий кошмар. С перепугу стали стрелять особенно впечатлительные, до которых докатилось лишь: видим врага! Оскотинившийся Зверев бросился с кулаками наперевес на Теодора, пластилиновые солдаты еле оттащили. Поручик прокричал: саботаж, саботаж! Кто-то его стукнул своей лопатой по голове, слетела фуражка, человечек вырубился. Заштопанное небо распоролась маленькая рука со скальпелем, сделало хакарири. И откуда-то стали прилетать снаряды. Свистело над самыми головами, страшненько было всем.

Доведенные до радости маленькие воины не спешили наступать непосредственно сами, они лишь смеялись, и смех, усиленный рупором, пугал. Сначала по позициям Теодора отработали артиллерией. Заглохнув на полуслове, артиллерия стала говорить сдержанной, когда Куропаткин, конечно, не сам, стал, извините меня, отвечать. Численный перевес орудий решил в данной ситуации многое. К примеру, ответ, не предполагающий вопроса, прозвучал весьма убедительно. Японские солдатики не кричали «банзай», их было вообще не видно и не слышно какие-то мгновенья. Тео сжимал чужую Мосинку, словно взгляд Клавдии, когда они прощались, взгляд был экспроприрован, поэтому Клава долгое время не могла покинуть вокзал. В те времена еще не существовало частной военной компании «Вагнер», поэтому императорская армия немного боялась прямых столкновений с противником. В моменты, когда война прирастает к телам, начинается невообразимый бардак, девушки не совсем понимают: новый знакомый хочет подраться, или он так шутит. И если он шутит – когда перестанет душить и выпустит из захвата. Перепелица оцепенел, завидя наступление по правому флангу. Служивцы стреляли, однако мазали, мазали специально, рыжебородый тучный боец, стреляя, зажмурился, винтовку водило из стороны в сторону. Некоторые ребята палили над головами японцев, малый рост был своевременным успехом врагов. Которые наступали, насколько видел Теодор, с мечами и кинжалами. Глаза их были расширены, как у лемунов, иными словами, произошла европеизация. Юноша слышал, им рассказывали на учениях о специальных веществах, будоражащих нервную систему, придающих определенное безумие в бою вражинам. Это оно, безумие вражин, с ужасом отметил Теодор. Он высунулся из траншеи по пояс, принялся стрелять, боясь выстрела, он как бы толкал приклад плечом, из-за этого смертоносные пчелы летели в землю, не причиняя никому повреждений. Я никогда не превращусь в убийцу, мысленно заверил юноша Клавдию, которая владела коллекцией редких бабочек. Ах, какие бабочки, причем здесь бабочки, внутренние вскипел Тео, тут не до бабочек, тут война.

Японцы штурмовали окопы правого фланга. Страшные в своей ярости маленькие люди кромсали сослуживцев, кололи, втаптывали в землю. Перепелица, являясь мальчиком впечатлительным, впечатлялся отчаянно. Вернувшийся в сознание Зверев был оснащен чудовищным рыком,

который применил. По его виску бежала тонкая аленькая струйка, он смотрел прямо Теодору в глаза, их разделяло метров пятнадцать. Вздвигнувшийся поручик побежал к гуттаперчевому мальчику; если бы не травма колена, Перепелица стал бы акробатом, настолько у него хорошо получались пируэты в воздухе. Однако, когда Перепелица работал в цирке, однажды он засмотрелся на Александру Федоровну, посетившую представление. Ее нежно-голубые глаза, птичьи ключицы, – юноша не успел схватить перекладину, он завис в липком воздухе, в двух метрах от настила, потом неминуемо рухнул. Эта краткая встреча с императрицей вспомнилась Перепелице, когда Зверев бежал к нему, отталкивая солдатиков, размахивая кинжалом. Теодор и рад бы сказать Звереву: ваш габитус мне неприятен, я не хочу иметь с вами дел. Но Зверев был явно не в себе, рычал, желал побить. И мальчик бросился наутек, ноги вязли в раскисшей земле, дыхание быстро сбилось, глубокий тыл виднелся вдаль, в шатрах топтались пальцы руководителей операции по карте местности. Уставший голос поручика, запутавшийся в идиотском антропоцентризме, ведь на войне жизнь человека стоит, наверно, меньше, чем хотелось бы. – Остановись, не буду я тебя резать, – прохрипел Зверев, отбрасывая клинок в сторону высоких камышей. Сам он согнулся пополам, пытался отдышаться, гриппозный хрип вспугнул полевую мышь, которая припустила прочь от господина военного. В подвздошной области не было места для маневра, кровообращение нарушилось вообще во всем организме, занемели пальцы. Их разделяли посчитанные шаги, на глаз Тео прикинул, шагов десять. – Я же не специально, – промямлил он, хотя и не совсем понимая, в чем провинился. Поручик добрал до подчиненного, и щелкнул тремя перстами ему по лбу, отчего веки прикрылись сами собою, словно слипшиеся до невозможности отличить коней, людей, орудия.

И вот уже Анатолий Синицын стремительно возвратился в свою квартиру, где какое-то время назад телеведущий попортил бабку. На кухне надрывалась пожарная сигнализация, вкручивая в уши шурупы. Унции звука оттягивали кухонные карманы, гудели швы, могли разойтись. Юноша свернул русско-японский конфликт, должно быть, до лучших времен. Должно быть, русские победят, всегда побеждали, а где, вроде бы, нет, то это вот нет, оно да, не обсуждается даже. Толя выбежал в коридор, в нос ударил запах молока и чего-то пригоревшего к чему-то, все-таки сбежало, как сбегает порой педагог, совершивший невозможное, чтобы совершить невозможное, и привить маленькому психопату любовь к собственным родителям. Анатолий отнесся к данному происшествию весьма скептически, ведь был приверженцем картезианства. – Текёт, – услышал он удивленный голос бабушки, – текёт однако. – В сумрачном коридоре идти было сложно, что-то хлопало под ногами. Рыжие шторы в полоску, щиколотки омывала теплая субстанция, и теплота ее, соразмеримая с пюр, дозволенное грудничку, приятно согревала. Синица, как его называли в ПТУ, подсветил фонариком желтоватый линолеум, тот был усыпан молоком. Сумасшедшее количество молока вызывало беспокойство, неужели бабка подогрела все запасы. Что же им теперь кушать. Коридор все не кончался и не кончался. Продолжительность его внушала трепет пред лицом неопознанных явлений, содержащихся в наших с вами, читатель, квартирах. Как сказали одни граждане в комментариях к видео, где танцует Goddess Bunny: «страшно, очень страшно, мы не знаем, что это такое, если бы мы знали, что это такое, но мы не знаем, что это такое».

В подъезде хлопнула дверь, раздался певческий фальцет, оккупированный грубияном в корыстных целях. Задействовавший головной резонатор, гражданин ругался весьма мелодично, проскакивали совершенно чудовищные высказывания. Гневливый сосед с третьего этажа, терзаемый подселенными бывшей женой сущностями, не находил понимания среди прочих жителей дома двадцать два. А ведь именно Ларион предсказал скорое завершение военных действий в соседней стране, предсказал еще в июне, соответственно, в августе все должно было завершиться в нашу пользу. Сейчас он патрулировал подъезд, Школьник знал, что Ларик будет выявлять наличие пропаганды в головах сограждан. Правда, люди, наученные горьким опытом, категорически не откроют свои двери. А если все-таки кто-нибудь запомнит и распахнет врата пред Ларионом, то неминуемо подвергнется психической атаке. Своим фальцетом начнет мужина выворачивать кишки бедняге. Спрашивать, вжимая неосмотрительного жильца в пол, пьешь ли

фторированную воду, или фильтры стоят. А как мы знаем, фтор добавляют в воду с тем, чтобы мозговая деятельность угнеталась и качество зубов ухудшалось. И заговор этот стоматологов и психиатров, первые тянут деньги за прием, и вторые тянут деньги за прием. К первым приходят, чтобы пломбы ставить, ко вторым за рецептами. Или начинает Ларион душить согражданина на полу, приговаривая: ты знаешь, зачем ты скрываешь, что правительство распыляет вонючие химикаты с помощью самолетов, чтобы влиять на здоровье людей, зачем ты скрываешь правду, конденсационные следы в воздухе не дадут соврать!

Анатолий бредет, словно Делакура к признанию сквозь годы, по коридору. Внезапно уровень молочной данности растёт, данность добралась до бедер. И север без признаков юга коснулся щеки, сквозняк на кухне, окно, что ли, распахнула бабушка, критически думает Анатолий. И начинает двигаться интенсивней, расходятся волны, река травмируется. Гладь молока лечит саму себя. – Ба, что за дела! – кричит возмущенный до глубины души Синицын. Толик чувствовал панику, словно граждане при виде символических часов судного дня. Вы же знаете, что это за часы, вы же знаете, что нынче без пяти секунд полночь? Юноша опять кричит: ты нормально там? Кухонная дверь почти-почти рядом. Но шаги замедлились невообразимо, словно молоко сделалось сливками. Родственница отвечает, ее тон весьма виноватый, ведь это правильно, подчиненный перед лицом начальства должен иметь вид лихой и придурковатый, бабы же разумением своим не смущать. И пусть Анатолий не был директором своей бабушки, порой деменция творит беспредел, и человечек становится совершенно недееспособным. Толя распахивает кухонную дверь, на кухне крошечный бардак. И стоит коровка с чертами лица родственницы. Позолоченный колокольчик на ее дряхлой шее позвякивает едва слышно. Шкура бабушки нетипична, цвета сангрии. Коровка занимает много места, из чернильных глаз ее катятся две слезинки. Изумленный Синицын ощущает, как у него тоже катятся две слезинки, все-таки не чужие существа. Юноша с тоской думает, придется резать, молока она дать не сможет, стара, мяса хватит примерно до следующей работы, на которую получится устроиться.

Глава 7

Здравствуйте, мы по объявлению

Проснулась посреди ночи, лицо все мокрое, как будто лизали собаки. Снился покойный отец. Проговоренная, вернее, показанная во сне фотография с маленькой девочкой звучит в голове у проснувшейся корреспондентки. Юная Плаксина сидит на коленях мужчины в ковбойской шляпе, на шее мужчины крошечный черепок на цепочке, тушканчика, что ли. Девочка в вельветовых брючках, в желтой клетчатой рубашке, на груди ожерелье из разных зубов, тушканчиков, что ли. Ножки разъяренно бежали во сне, это гналась совершенная пышногрудая грусть, правильной даже сказать, вселенская тоска намыливала сознание Жене хозяйственным мылом памяти. – Понимаешь, динозаврик, – говорит мужчина, подбирая слова, большим пальцем своим водит по столу, резко оттолкнувшись ногами, качнувшись до самой земли, возвращается в кресле-качалке взад вместе с ребенком на коленях. Ребенок на коленях радостно вскрикивает. Взад, размышляет будущая взрослая Плаксина, взад, хорошенькое дело. Подвижные буквы-пульки калибра 9 миллиметров длинным ногтем на мизинце двигает на столе. – Она говорила, твоя мать, что прикосновения родителей способны испакостить ребенка, поэтому в основном тебя передвигали громадными палочками, которыми, по обыкновению, едят суши, – голос мужчины как будто потрескивают искры костра в камине, приятный, глубокий. Винтовки М16, пузатые револьверы, автоматы Томпсона, ружья, цинки с патронами, десятка четыре гранат лежали на длинном, темно-русом столе. Отец был превосходным охотником. Маленькая Плаксина моргает, происходит смена картинки. Теперь она видит операционную, скрытую от посторонних глаз двумя короткими стуками, фразой, перевесившей дружбу машины и человека: вы нужны людям, у нас ранены

двое. Научно-спекулятивный организм позволяет войти в осушенную кислотно-фиолетовым светом комнату-операционную, там спасаются жизни.

Это случается новый сон, в нем отца уже нет. Некая механическая птичка, перепелица ли, была поспешна, словно ложная мужская беременность. Стремительно перелетая с губы на губу присутствующих при оказании помощи повстанцу. Сон об отце опрокинулся в фантастическое будущее. То есть цивилизация рухнула как-то вмиг, и пришли роботы. Однако граждане не переставали бороться, и несколько роботов встали на защиту Макдональдса, годовой подписки на сериалы и передачи, ранних абортот. И пролились тысячи, должно быть, галлонов бензина и крови. И пробки длиной с экватор опоясали города и селения. Граждане бежали, не зная куда, предполагая, быть может, пока страх позади, ничто не грозит, главное бежать быстрее него. Велосипедное колесо с трубочками, малым зеленым экраном, приспособление, на котором передвигался вращающийся механический эскулап, хрустело, с него буквально сыпались ржавые недописанные романы о попаданиях и любовные эклектичные дневники малолетних вдовушек. Корпус организма был выполнен из высокопрочных сплавов, закрепленный на голове выдвижной глаз-камера жужжал, сканируя ситуацию в реальной темени. – Скажите, вы его спасете? – нетерпеливо спрашивала тетка в черном берете, в майке с портретом Эрнесто Че. Механизированная туша не имела возможность ответить, как полагается, миллиарды гигабайт, просчитанные ситуации и сценарии не предполагали ответа на такой простой и в то же время сложный вопросик. Была ли перепелица, и люди, которым она садилась на лица?

Женя закашлялась ошметками собственной памяти, проснулась в чужой квартире. Нестерпимо хотелось пить. Засуха прорастала ковылем в горле. Девушка резко села на диване. Тикали часы, фосфорическая стрелка приблизилась к трем после полудни, радиевые девочки, бедняжки. Тяжело дыша, она встала с правой ноги на чуждый ного пол. Топологические инварианты, вговорил в ушко, не успевший оставить спящую Евгению в покое, дух математика, кажется, Романа Михайлова, прошелестел сквозняком, исчез. Инварианты, инварианты, перекачивала солоноватое словечко во рту работница информационного пространства. Симпатичная, как рыжая панда, Плаксина поковыляла в область, где вращал коридор в субтитры квартиры. Желтушный унитаз, покачивается веревочка смыва, желтушный унитаз, журчит ручей. Врозь разбегаются участники трибунала, мокрицы. Евгения приспускает нижнее белье, на нижнем белье изображена мордочка медвежонка, под нижним бельем плашка восемнадцать плюс, замылено. Раскатисто-весело забренчала струйка. Отколовшийся краешек бежевой плитки на полу, не успевшая убежать мокрица упорно ползет в сторону коридора. Завтрашний день иллюзорностью, даже надуманностью, внезапно проснувшимся страхом, стал покалывать кожу. Кожу, хранящую прикосновения отца. Дымка сна почти растаяла, но по-прежнему, надоевшее с ветвей грез молоко шипело на плитке, не выкипев до конца. Плаксина вымолвила свою ночную нужду. Натянула трусики, потянула за веревочку, вода в унитазе забурилась.

Изъеденная холодом постель за время отсутствия не накопила нужное число баллов, и бо- нусное тело в подарок, согревающее перину, не предназначалось. Евгения лежала на спине, глядя в отдаляющееся пятно побеленного потолка. Руки, подложенные под голову, кололи короткие волосы. Вздрыгнувший ночной посетитель в окне, хлопая крыльями, улетел. Дождь из птиц, подумала Плаксина, грустно улыбнувшись. На чердаке кто-то пробежал. Пробежали совсем уж не стесняясь быть услышанными. Узнаваемое ощущение кувырка вовнутрь себя показалось девушке ненужным, лишним в этом, как бы массивном, бауле ночи. То есть бессонное существование категорически не было нужно, тем более утром следующего дня необходимо представлять из себя человека не вареного. Евгения зашарила рукой в рюкзаке, стоявшем подле дивана. Мы сейчас задумались над тем, не является ли пропагандой с нашей стороны столь частое обращение к пи- люлям. Нет, не является, наверное. Чтобы избежать падения дома Ашеро, Плаксина выпила снотворное. Скромный первый снег наметался, наметался куда-то. Завтра журналистка пойдет, пойдет она на продуктовую базу, будет удерживать веточками-словами напряженную тишину, источаемую поначалу гранитными, неповоротливыми героями своего расследования, может, и

поворотливыми. Будет влезать в свинцовую куртку заинтересованности. Будет, вообще-то говоря, работать, возвращаться в профессию после того инцидента. Она прикрыла глаза, проваливаясь в потоку сновидений.

Потуру случился танец опадающих ресниц, на наволочку с прожитыми дырочками, на наволочку с полуистлевшими ирисами, стали сыпаться реснички. Одна, вторая, третья, четвертая, пятая и шестая. Имманентные в своей вере к хозяйской теплой руке, вере в то, что рука насыплет wiskas, дворники скребли хозяйский лежачий пиджак. Должно быть, персиковые дворники были милы. Женя, занимаемая процессом собственного разрушения, не успела выглянуть в окно и не могла утверждать, милы ли были дворники. Запоздавший будильник, словно визгливая секретарша, будил страну огромную, а уже и не нужно. По телу Плаксиной пробежала искра, тихий крик дрели с нижнего этажа порвал пленку утреннего коматоза. Закричали этажом ниже: и кто тут с Заречной улицы девочка-то? Сонмище смыслов, записанных на внешний жесткий диск, Женя выглянула в окно, трактор срезал слои серовато-белого снега, дворники переместились к другому подъезду. На стене котельной сознательный гражданин в каракулевой коричневой шубке написал красной краской из баллончика «Вика, прости за ВИЧ!». Небесный лес шумел. Онемевшие губы Жени поцеловали стекло, трещащее под тяжестью изморози. Затекает крик под шифоньер, девушка отшатывается от окошка, соответственно, вскрикнув. На детской площадке стояли два мальчика, такие мальчики, которые как бы в синих школьных костюмах, Женя застала эту реформу, проучившись полгода в первом классе, слава богу, что отменили эту дрянную колючую одежду. Более ученики не облачались в синтетические пиджаки, брюки, вызывающие рябину на коже. Близнецы из старших классов, как будто законсервированные, из тех девятистых, стояли подле набухшей от пота карапузов, заржавленной тускло-голубой карусели. Белая челка одного брата была зачесана на левую сторону, каштановые волосы близнеца, наоборот, на правую сторону. С ними что-то случилось, никогда-то давно, кажется, несчастливый случай, кажется, перестрелка с бандитами. Оба они разъезжали на старенькой «Волге», девятый класс. А потом отменили эту неудобную форму, а потом школу перекрасили в желтый цвет, и стала она желтым домом, и перестали родители провожать до ворот. Плаксина своим дыханием проявила на стекле круг, на детской площадке теперь в одиночестве дворник тыкался в телефон. Близнецы испарились.

«Там вдали у метро догорали ларьки», «В Кургане пенсионерка переходила дорогу не на тот свет», «Ежики и зайчики, разглядываем редчайших карельских животных». Новостная лента пестрила жемчужностью несусветного абсурда. Отлетевшие тени комментаторов кружились, сплетая своими хвостами, над полыхающей деревней, где рождались все новости. Девушка, порывшись в рюкзаке, достала комбинезон-пижаму единорога, кажется, утром батареи переставали топить. Нет, все-таки грели, Женя, поднесла руку к кремовой отопительной дуре, ощутила жар. Просто собственный организм не успел ускорить процессы, лошадиный табун лейкоцитов набирал обороты, скакал, ставки больше не принимались, кто придет первым, кто придет первым. Евгения Плаксина тридцати полновесных лет, бывшая замужем единожды, специальная корреспондентка издания «Афганская оборона», впрочем, истинное имя издания мы благо разумно сокрыли. Слово скрывает синяки на сгибе локтя, который перетягивают розовые колготки, чья-то взбалмошная мать перед участковым. Выходившие материалы в «Обороне» напоминали социокультурные исследования, читаемые завьюженными гражданами. Такие граждане ранним утром едут на работы, а по телесам их уже разливается истома. Такие граждане зажаты буквами алфавита, ни пикнуть, ни возмутиться не могут, боясь быть исключенными, словно буква ять из общего ряда. В этом издании, где трудилась девушка, писали порой забавную чушь, «Грандиозные наркоманы бронзового века поэзии», «Служба сотворила из меня человека. Работа в морге, увлекательные случаи». Но встречались и поистине важные материалы, «Вред настойки на кротах официально доказан». Конечно, лонгриды Плаксиной о бытовом насилии, социальной несправедливости занимали особое место в журнале. Тут она была вне, в, на конкуренции, с этим проблем не возникало. Врожденное чувство стиля, не иначе.

Напивавшиеся чернотой тупики коридора не казались утром средоточием зла. Пересеченная местность лица ладонью встретила кожный жир. Роботы раздражения зажужжали своими механизмами в голове девы. Холодный пот, футболка насквозь промокла, теперь и пижама насквозь промокла, тело ломило, ранняя менопауза. На кухне Пласина налила из-под крана в кружку воды, вода в этом городе отличалась артезианским характером от воды где-нибудь в Химках. Проглотила, запив, гормоны. Что тут поделаешь, ломаются, как ненормальные милые барышни. Исчерпанность речи нашла способ выразиться, Евгения промычала что-то неодобрительное. Из раковины доносились хлесткие запахи затхлой воды, несвежих продуктов питания. Ежик на голове настигли лучи утреннего солнца, кончики волос искрились, просвечивала молочная кожа. Затарахтел трактор. Засмеялись, должно быть, дворники. Смех какое-то время еще звучал, не зависимый от дворников, словно крапивница от крапивы. Женя налила в чайник с затуманенным стеклом воду, поставила кипятиться. Конкретных персонажей для новой статьи она не имела, девушка надеялась, что продуктовая база подарит ей таковых, трагичных, фактурных. Встреча с директором, наверное, распитие ананасовой настойки, наверное, психологическая игра с заведующим делами торговой вселенной. Пласина поставила сковородку на плиту, плеснула остатки подсолнечного масла, так-то за предыдущим хозяином содержимое холодильника подчистили. Однако масло, сосиски, несколько яиц унести не захотели, решили, наверно, порадовать почившего хозяина, как будто его силуэт в белой простыне появится когда-нибудь. Оставили еще такие, знаете ли, мистические сухофрукты, обнаруженные во время приготовления глазуньи, в стеклянных баночках, стоящих на холодильнике. В одной лежали напоминающие черносливы плоды, пахли розмарином, а также дизентерией. В другой находились плоды сморщенной кураги, напоминающие бабушкины лица. Жене неминуемо представились в длинных балахонах ведьмы, которые водят хороводы вокруг пылающей новогодней елки на утреннике. Пакет с собственными покупками девушка где-то потеряла.

Тяжелый запах, словно пьеса «Мой друг Гитлер», вонзил коготки в Евгению. Гнездившиеся в носу кукушки предложили кошке взять потомством эту нелепую мзду за существование в чужой резиденции. На сковородке благожелательно потрескивали сосиски, чайник, словно приложившись губами к нежному животу детеныша человека, сделал: брррр. Восемь пятнадцать утра, обозначенных на бежевых круглых часах, циферблат включал в себя такие показатели: 1, 2, 3 и так далее. Made in USSR. Они висели совсем под потолком, рядом располагался на темно-коричневой доске скелет рыбы-меч, ее клюв напоминал своего рода пинцет. Ужас какой, отметила Женя, нагнулась под раковину. Распахнула грудную клетку шкафа, колено дрожало, как на танцах старуха дрожит при виде свежего мальчика. Пластмассовые внутренности, нутро разило нестерпимо, рецепторы забились. Женя любила свободу, словно Вячеслав Курилов, сбежавший из советского союза, проплыв сто километров океана. Уживаться с этим затхлым дыханием она была не намерена. Пусть и опаздывала на встречу с директором продуктовой базы, однако дискомфорт решила побороть немедленно, чтобы потом не возвращаться в чрезвычайно вонючую квартиру. Плохая примета возвращаться. Пласина поставила старую кастрюлю с облезшими цветочками на бортах, чтоб вода стекала в судно, бытовавший риск залить соседей существенно нервировал. Девушка предварительно посетила туалет по нужде, где обнаружила запечатанную пару желтых резиновых перчаток в шкафчике, на котором брезжила грудью, слепя глаза случайного наблюдателя, белокурая дамочка с томиком Ахматовой в руках, а на доске за спиной модели был начертан, собственно говоря, профиль Анны. Вчера Женя не заметила этот вульгарный плакат. В шкафу, скрывающем коммуникации, трубы, счетчик, стоял на полочке ящик с инструментами, китайская пластмассовая елочка с отломанной звездочкой, батарея баллонов дихлофоса.

Открутив, не без усилия, нижнюю часть колена, она пошатнулась от ужасающего аромата надсмертной воды. Одинокие, словно воронята, оставленные Эдгаром По, заплесневевшие трусы, окаменевшие носки невинного цвета. Вещи были напиханы в трубу, вещи срослись с трубой, став единым организмом. Пласина, словно ныряльщик без акваланга, задержала дыхание, она светила телефонным фонариком в самую пасть бытового чудовища. Клок седых волос, в кото-

ром угадывались зерна гречки, китайская склизкая лапша, ядрено-зеленое нечто. Воздуха радикально стало не хватать. Пришлось, отшатнувшись, словно от горящего танка, шумно задышать ртом. Поразившись созревшему за сколько-то дней, месяцев, лет вонючему монстру, словно Татьяна Друбич на негритянском острове, поразившаяся своим трагическим оплошностям. Женя попыталась открыть окошко, но пыльная рама не поддавалась на уговоры, трещала, скрипела, но не поддавалась. И тогда Женечка без оглядки на специальную военную операцию в Украине, наплевать западной верхушки на интересы народа, продовольственный кризис в Африке покинула кухню. Проходя мимо комнаты, не той, где она остановилась, запертой на навесной замок, Плаксина услышала едва различимое: «хэй! Вэйк ю даюда, улунгу хафанана, вэйк ю ди, вэйк ю даюда, ула ула навеена». И после такого журналистка, сменившая за свое остросюжетное бытие множество псевдонимов – Марта Восьмова, Горгулья Неаполитанская – на естественную фамилию с именем, решила повременить с прочисткой коммуникаций. Мистическими историями она совершенно не хотела заниматься. Сосиски на кухне по запаху стали уголками, девушка вернулась, задержав дыхание на пороге, слишком поздно задержала. Летучие вещества прекрасного уродства успели проникнуть в Евгению. Она отключила плиту, пикантность добавляли запах носки, как будто сыр с плесенью. Плаксина не любила сыр с плесенью. В срочном порядке, позеленев от недостатка кислорода, она зажарила два яйца, предварительно переложив сосиски в тарелку с черноглазым зайчиком. Отравленный воздух просачивался, капля за каплей в Женю, и была она подобна воздушному шарик, спускающему воздух в этом отношении. Позавтракала у себя в комнате. Собралась, покинула дом. Даже не выщипывала брови, только духами побрызгалась.

Дынное солнце барахталось в рассоле с малахитовыми, огуречными облаками. Октябрьский снег безудержно ложился на землю. Изъятые имена вспоминались с трудом, имена дворников-героев, поверженных осадками. Вы, например, знаете улицу имени дворника Касьянова? Мы, например, не знаем, а значит, недоработка присутствует на местах. Выйдя во двор, Женя стала свидетельницей локальной картины Брейгеля «избиение гобеленов». Жильцы 1976 года рождения, 1977 года рождения и так далее хлопали коврики. Пыльные, они были развешаны на турниках, лежали в снегу. А граждане долбили по ним самозабвенно ракетками для бадминтона, плетками, сачками. Румяные люди, они скользили, заодно перекрикивались, шум стоял пыльно-доброжелательный. Мимоза Васильевна с аметистовыми глазами, в орхидеевой шубе, с лыжной палкой для безопасной ходьбы по льду вышла из-за угла. – А вы откуда такая красивая? – спросила она, выпятив нижнюю губу, словно обижалась за что-то. Упакованная сама в себя Женечка вымолвила, теряясь от прозвучавшего вопроса: из семнадцатой квартиры. – А что вы там забыли? – продолжила множить бесполезные вопросы тетюшка в калошах. Женя сошла с дистанции вопрос-ответ, она засмотрелась на гражданина. Обворожительный мужчина, похожий на Валерия Приёмыхова, скуластое лицо, словно выточенное из деревяшки, пронзительный взгляд голубых глаз, твидовое песчаное пальто, шапка с завязанными сверху ушами, варежки. Скользя, он весело поздоровался: привет, Мимоза, чего кошмаришь людей? Тетка медленно повернула голову, хрустнули шейные позвонки. – Иди, куда шел, психолог по работе с малолетними преступниками, – управдом постаралась уничтожить морально примечательного сеньора. Однако тот ловко адаптировался и сказал ей следующую вещь: вы же не внешне страшенькая, вы внутри такая, склочная. У Плаксиной перехватило дыхание, она видела, как тетка, стоящая вполоборота к Валерию, наверно, Валерию, извлекала из кармана бордовый молоточек, такие обычно висят в автобусах на случай, если понадобится разбить окно для спасения своей не нужной никому на белом свете туши.

– Не при детях же, совушка, отведите меня в подвал, – предположительно Валерий кивнул на тощего мальчика. Мальчик тащил елочку. На нем были кофейный тулуп, шарф оттенка кожи школьного автобуса, валенки до самых колен. Его личико покрывал грим, белила, черные слезки. Голубенькая венка на его руке впадала в еловую ветку, иголки цвета влюбленных жаб впитывали кровь, насыщались. Являясь едой для тамагочи, мальчишка сморщил свое личико, белый грим потускнел, в глазах засверкали всамделишные слезинки. – Какой же несчастный, кто бы варежки

дал, чтобы не кололось, – произнес грустно мужчина, они с управдомом поглядели многозначительно на Плаксину. Подобным образом глядят бабки в метро, когда, по их мнению, молодая кобылка теряет всякий стыд, топчется по ногам, хотя никто из присутствующих больше не видит, что кобылка топчется по ногам. Мимоза прячет свой молоток в карман, говорит, вздыхая, Жене: да, в наше-то время обездоленным помогали вообще без напоминаний, барышня. Ситуация была экзотична, словно кухня Средней Азии. С подобными высвобожденными бессознательными конструктами журналистка не сталкивалась. Поэтому пришлось протянуть мальчишке свои замшевые антрацитовые перчатки. – Спасибо, тетя, храни вас Шива, – поблагодарил малолетний Пьеро, приняв подношение. – Замечательный поступок, семнадцатая квартира может спать спокойно, не буду вас отвлекать, – Страшененькая, вонзая лыжную палку в наледь, заспешила по своим важным делам. Дядька с мальчишкой тоже заспешили, мужчина спросил у него: у тебя есть мечта? Тот переспросил: мечта? – Ну, ты о чем-то мечтаешь? – парочка миновала ледяную скульптуру страшилища непонятого. – Не-а, я не мечтаю, – сказал печально ребенок, – меня вот тамагочи не узнает, деменция у него. – Они повернули за угол дома. Словно два шороха растертых в ладошках города Ю, надежно исчезли.

Пустотные внутри деревья гудели, это ветер играл на них, как на саксофонах. Плаксина в непонятных чувствах стояла посреди двора, ей было тридцать лет, у нее закончился муж, и перчатки тоже закончились. Запила водой без газа фенибут. Потом слышала откладывания звуковых икринок на водоросли спального района, сирена скорой помощи включилась. Вокруг не было самцов, способных поливать икру молоками, поземки напоминали молоку. Приметы времени, желтое объявление на столбе «прием цветмета», алкоголический супермаркет в жилом доме, избывшие себя качели, замершие в положении двенадцать, в положении полдень. Малость исполнская бабка на остановке выронила из пакета луковицы. И они покатились, сбивая прохожих, приминая полые деревья. Самцы мух усыпляли собственных самок после акта соития, чтобы те не вступали в новые связи, чтоб не сливались в новых экстазах. Белые, белые, белые, бе мухи кружились, садились на кожу, таяли на лице. Плаксина поежилась, студёные укусы в шею перетянули внимание журналистки с россыпи грязно-рыжих котов, сидящих на теплотрассе, на медленно едущий троллейбус. Коты напоминали пасхальные куличики, не тронь до Пасхи. А троллейбус напоминал троллейбус, в общем-то, серо-голубой. На пешеходном переходе лежали чьи-то громоздкие тени, оброненные, видимо, случайно. Женечка их перешагнула, дивясь размерам обнявшихся силуэтов. Впрочем, романтического настроения замечено не было, Плаксина по-прежнему шагала к остановке, и ни о чем не думала, кроме соли, которой травились люди, или не соль причина, расследование покажет, будьте покойны.

Бесконечная в своей телесности бабулька направилась в сторону ЖЭКа. Табличка электрических оттенков, то есть голубоватая, голубоватым вспыхивают искры, например, в наполненной ванной, куда падает включенный фен. Почему-то журналистка подумала о том, что бабушка приняла участие в марафоне, очередь в магазине отстояла, с соседями поговорила, идет, наверное, в ЖЭК. Ладошки, помещенные в карманы джинсовой куртки, совершенно не желали отогреться. Натертые ваксой вороны вышагивали вдоль остановки, словно в мундирах военачальники. Вминающая крышу остановки, падали куски льда, неизвестно откуда такие красивые прилетали. Балтазар этой остановки, наверное, отлучился за хлебом, теперь его царство могло разрушиться под натиском осадков, что вполне соответствовало логике многополярного мира. У нефритового мусорного бака, что стоял близ избушки, где продавали разную мелочовку, переменялись с ноги на ногу два мужика в синих спецовках. Внезапно, скрипнув тормозами, остановилась машинка с хищной мордой, ее цвет напоминал полярное сияние, зеленый чай, выплеснутый на капот, мох, поросший вокруг фар. Тонированное стекло опустилось. Женщина в коричневой коже автозагара, с припухлыми губами цвета блошиного брюшка, обвешанная, по мотивам елочки, золотыми украшениями. Она начала покупать папуасов бусинками, она обратилась к двум рабочим: ребятки, выручайте, плитку надо положить, шоссе Энтузиастов, плачу тысячу в час каждому. Мужчины переглянулись, совершенно чудесные лица, как будто высеченные из мрамора, молча сели в

машину, потом один вылез, взял мусорный бак, на заднее сиденье его затащил. Водительница, кажется, не возражала, мужики были все-таки сильнее.

Темно-бирюзовый с элементами серого троллейбус, шелестя усами, подошел к Плаксиной. На дверях, пока они не открывались, висело бежевое объявление, товарищ медик призывал сдавать семенную жидкость в определенный банк. – Предъявите ваш документ, – сказала с порога кондукторша, сделав ударение на У. Евгения поднялась по скользким ступеням, спросила: едет ли до улицы Венгерских коммунаров? Пищевая база там находилась, поэтому вопрос не кажется сейчас каким-то пространным, предельно чист этот вопрос, как ректификат, которым, к счастью, никто не отравится. Кондукторша в тронувшемся троллейбусе решительно сказала: через три остановки, едемте. В нелепой вязаной балаклаве, настолько же нелепой, как самоубийство одной англичанки, та англичанка вела дневник, писала каждый день в нем: сегодня никто не пришел в гости. Лица служительницы троллейбуса было не видно, маска цвета синей сосны, интегрированная в шапку, скрывала лицо. Оранжевый жилет, помнящая царя гороха поясная сумка. Уплатив тридцать два рубля, Женя присела на одиночное сиденье. Девочка в лыжном салатовом комбинезоне лет пятнадцати собирала кубик Рубика, получился автомат АК-47, лишенный приклада, деталей столько не было просто. Она прицелилась, прищулив глаз, проезжали китайский рынок, ширпотреб, пластмассовые игрушки. Много иероглифов. Торговцы поднимали руки, сдавались. Троллейбус набирал ход, зыбкий взгляд хитрющих глаз растворился в мельтешащей улице.

Женя достала телефон, запотевший экран отказывался реагировать на прикосновения. Журналистка подняла голову, светомузыка на неотложке прыскала синевой, краснотой на лицо кондукторши. Сняв маску, она стала, конечно, человечней. Арычные морщины ее оросились, конденсат, по лицу текли ручейки. От самых уголков глаз до подбородка, от ноздрей по губному желобку до подбородка. Тетушка всхлинула, и реки потекли вспать. Безрадостные, словно картины Василия Шульженко, глаза тетеньки, тыквенные, как у тети Сары, следили за поручнем. Тетя Сара употребляла психотропные таблетки, чтобы не бросаться на граждан. Из-за них, этих медикаментов Женина родственница была вечно сонлива, рассеяна. Она кидалась на детей неизвестного происхождения, голоса ей внушали, что чужие отпрыски хотя свести ее с ума. Тетю Сару в спешном порядке увезли в дурдом, действуя на опережение. Вернемся к женщине-кондукторше. Нам кажется важным сказать ей добрые слова, возможно, никто и не говорит ей: доброе утро, ты выглядишь сегодня отпадно. Возможно, в ее глазах раздавалось мурлыканье кошек, ожидающих дома. Как бы то ни было, Евгения разблокировала экран телефона. И стала читать рекомендованную алгоритмами статью. Текст показался ей миленьким. В нем говорилось о последних ужинах, поданных смертникам.

Отечный мужчина Джон Уэйн Гейси, уничтоживший тридцать три молодых человека, заказал жареные креветки, свободную картошку, клубнику и курицу из закусочной KFC. Женечка возжелала курицу из закусочной KFC, проезжали торговый центр. В торговом центре была иная закусочная, «Вкусная точка бытия», чумазый голубь трепал оболочку другого голубя, вдавленного в землю, и сразу расхотелось питаться, расхотелось. Плаксина вернулась к прочтению, и пускай после прочтения необходимо сжигать записки, однако телефон стоил немалых средств, Рот Филиппа сократил размер выплат всем сотрудникам журнала. Адольф Эйхман, статный мужчина с высоким лбом, в квадратных очках, сотрудник гестапо, ответственный за многочисленные казни евреев, попросил перед исключением из состава живых бутылку вина Carmel, а также израильское красное вино. Ах, как Евгении захотелось вина, что-нибудь с берегов Крыма, что-нибудь полусухое, она решила обязательно после сегодняшней встречи с начальником продуктовой базы приобрести такое, выпить такое в одиночестве, слушая любимую песню «Серые стены, мутные окна» любимой российской группы «4 позиции Бруно». Некий Джеймс Смит, застреливший в восьмидесятых годах при попытке ограбления торгового центра человека, попросил в качестве своего последнего ужина, в одном кратком вздохе от смертельной инъекции, попросил горсть земли, якобы для ритуала против тюремщиков, которые в итоге отказали ему в этой маленькой просьбе, выдав ему стаканчик йогурта. – Ваша остановка, остановка ваша! –

закричала как не в себя тетенька-кондуктор. И Плаксина, сунув телефон в карман, засемила к выходу, пол скользил.

Мощный солнечный фонарик, словно на флюорографии, просвечивал насквозь огромную со-
сну, за ребрами пульсировало сердце, ползали червячки в недрах древесных. Женя высадилась, а
вокруг никого, по шоссе едут машины. Ни домов, ничего. Через двухполосную дорогу безымянное
поле, остановка. Высадилась на такой же остановке, исписанной всякими людскими мыслями.
Едва заметная вытоптанная дорожка длится куда-то в сторону очертаний базы. Сверху сыпется
белый песок, как будто голову почесали, мертвая кожа. Девушка сверяется с навигатором, именно
так, нужно идти в ту сторону, где видны намеки на длинные голубино-синие постройки. По пути
обнаруживаются продукты, то есть следы жизнедеятельности граждан, то есть, наверное, набрали
еды больше, чем смогли унести. В намокшем от талого снега картонном контейнере четыре яйца.
Четыре побитых яйца, яичницу иначе не сделать, нужно разбить яйца, кто же сказал подобным
образом, это сказал Робеспьер, казненный с помощью гильотины. А гильотина замечательный
способ обезболить ноющий зуб. Плаксина, пока вышагивала по не особо глубоким сугробам, так
размышляла. Отдаленно-синяя обертка от молочной шоколадки прилетела в лицо, девушка стала
дуть на нее, та полетела дальше. Пачка диетических кукурузных палочек закричала под ногой.
На тощей ветке дерева, в одиночестве растущего тут посреди глубинного Подмоскovie, висел па-
кет-майка, из него высовывали свои любопытные плесневелые головы французские багеты. За-
жрались, мелькнула знакомая обывательская мыслишка в голове контркультурной Жени. Женя,
были времена, не гнушалась заниматься фриганством. Пользовалась продуктами с истекающим
сроком годности, вынесенными на задние дворы магазинов продавцами. Путь, выставленный пи-
щей, привел Евгению к городку, состоящему из ангаров, ангаров, ангаров. По территории снова
граждане, у кого-то из граждан была тележка, у кого-то чемодан на колесах, у кого-то большая
клетчатая сумка. Блондинистые фуры, они стояли длинной шеренгой, Женя, взглянув, отметила
сходство с отопительной батареей в своей коммуналке. Девушка открыла почту на телефоне, Вар-
фоломеев перед поездкой прислал вводные, в ангаре с литерой Ф была расположена приемная
хозяина оптовой базы, приписка жирным шрифтом: не начинать сразу с вопросов про соль, кате-
горически не задавать провокационные вопросы о религии, отношении к спецоперации.

Сморчок в желто-полосатом вязаном колпаке, из ушей которого проросли седые пучки, а
унылый серый плащ был застегнут на все возможные пуговицы, для надежности даже заколот
булавкой в виде пучеглазой мухи, возмущился. Стоило только Плаксиной спросить: вы не под-
скажите, где тут буква Ф? – Что вы делаете, вы ломаете мне весь нарратив, форель сейчас же
всю разберут! – сказал недовольно морщинистый гражданин, хотя времени было что-то близкое
к девяти утра. И голуби, ссадины неба, сонно кружились. Реликтовому старичку Женя сказала:
послушайте, я ничего плохого не имела в виду, просто спросила. Дядька передвинул узкие очки,
дужка которых была перемотана модной синей изолентой, передвинул их с края носа поближе к
глазам. – Допустим, – произнес он дерзко, так же дерзко, как простая истина, без усов ты даже
не человек, – вон там, перед ха-ха. И Плаксина, пихаясь, словно ребенок в пубертатном болоте,
поплыла среди людских тел в сторону нужного строения. Внутри это был не склад, а самый насто-
ящий бухгалтерский дворец, составленный из кабинетов, на второй этаж вела лестница. На вахте
бесплотный охранник, меланхолично жующий жвачку, работающий правой рукой с резиновым
эспандером, подсказал: это вам подняться надо, подняться, да. По пути к директорскому каби-
нету Женя встретилась с проявлением заботы к своей семье, заботу проявлял высокий мужчина
с медовой бородой до пояса, с шелковистыми волосами, сплетенными в косу. Алая ленточка с
индийскими солнышками, повязанная на голове, высокие ковбойские сапоги. Левой рукой он
держал накладные, правой удерживал маятник на тонкой серебряной цепочке. Темноволосый
упитанный дядька торопил: давайте ускоримся, у меня там новые фуры подошли, подписывайте
уже. – Нет, маятник говорит, что тунец принесет вред, не буду я свою общину травить, – подвел
под монастырь несговорчивый покупатель оптового продавца. И оптовый продавец в мятом пид-
жаке цвета бургундского вина, с щетиной на лице стал волноваться: как это, а наши договоренно-

сти, что же вы такое делаете! Проходя мимо, должно быть, старовера, Женя обратила внимание на название позиции в накладной, чудесное название «Морские котики предпочитают тунец».

Фрейлина Пласина подошла к двери предполагаемого директора. Пространство было организовано особым образом. Образ организации был созвучен с Научно-исследовательским институтом чародейства. Те же узкие серые коридоры, переплетенные, как им заблагорассудится. И обескураженный Семен Фарада, завидя девушку, быстрым шагом ушел прочь, размахивая своим чемоданом. Допотопный телевизор, разжалованный до аквариума. В нем плавали экзотические и не очень рыбки. Две персиковые малышки маневрировали меж водорослей, затонувшая подводная лодка обросла моллюсками, в брешь выглядывал ярко-желтый обыкновенный рогатый кузовок из семейства кузовковых, производил пузырьки. Перед тем как войти, Женечка отвлеклась на телефонный чат. Там коллега Дария Запеканка прислала довольно-таки смешную картинку. Заплаканная очеловеченная лягушка сидит в ночи, закутавшись в одеяло. Свет от монитора освещает ее горестное личико. Текст, расположенный сверху, гласит: «резоюме придумали для страданий. Я просто хочу, чтобы темной, дождливой ночью меня, закутанную, как младенца, подбросили под дверь офиса, где меня потом найдет работодатель». Текст внизу тоже гласит: «Меня воспитает стадо секретарей. Мудрая черепаха-бухгалтер откроет тайны серой зарплатой схемы в конвертах. Балагуры Тимон и Пумба помогут влиться в коллектив, и научат первое время питаться червячками и жучками. Шакал из продаж будет моим врагом». Пласина включила диктофон, положила телефон в карман джинсовой куртки, постучала в перламутровую дверь с красной табличкой: директор А.Б. Рождественский. Лишенная ответа, вошла.

За морковным лакированным столом сидела девушка в синей водолазке, вязаной цветастой жилетке. Французская прическа сессон придавала образу некий флер. Хотя на первый взгляд могло показаться, что секретарша гриб. – Где вы ходите, техническое задание принесли? – она разговаривала на довременном наречии, с порога стала хамить. При этом секретарша слушала, что сообщит ей телефонная трубка, многостаночница секретарша. – Что, зачем вы прислали свой прах по скайпу? – спросила барышня. Пласина вклинилась: подскажите, где ваш директор, я журналистка, у меня с ним встреча запланирована? Над работницей продуктовой базы раскинулась душевая лейка, Женя поздно ее заметила. Секретарша заметила припозднившийся взгляд Жени, неестественно засмеялась: ой, это у нас изначально помещение душевое должно было быть, вы еще актовый зал в женском туалете не видели! И продолжила объясняться, все-таки корреспондент у нас в стране полноправный сотрудник власти, поэтому, как рассказывали Евгений коллеги постарше. Они вот ездили командировку на завод, к примеру, или на объект какой-то, и руководство на местах старалось корреспондентам угодить, выпить наливали активно, спаивали. – Алексей Борисович на минус пятом этаже, вы, когда в коридор выйдете, до конца пройдите, там лифт грузовой будет, – секретарша достала из шкафчика коробку птичьего молока, протянула журналистке. Женя помотала отрицательно головой. Тогда секретарша приоткрыла крышку, выжидательно уставилась, трех птичьих молок, молочков, молока не хватало. – Как хотите, а вы про меня напишете, про гостеприимство? – спросила Тургеневская барышня, из ее ноутбука стали доноситься эротические стоны, она начала судорожно искоренять любовные выкрики. А Пласина покинула кабинет и выключила диктофон, встреча была зафиксирована.

Антонимичность двух надписей, которым не суждено встретиться в одном предложении, вызвала усмешку. «ДМБ 20», «Мы любим Фиксиков». Воздух в лифте был напоен кислотной, Женя держалась за холодный поручень; когда касаешься руками, мелочь, или ключи, кожа взаимодействует с металлами, получается такой запах. Кабина дернулась, Женя подумала, когда я успела набрать лишние пять лет, была же стройнее когда-то. Красные кнопки, ниже начертанной от руки синим фломастером единицы, шли минус один, минус два, минус три, минус четыре, пять с минусом. Палец Пласиной не смог должным образом нажать на кнопку, пришлось ударить кулаком, только тогда створки лифта медленно потянулись друг к другу, как жители ГДР и ФРГ в восемьдесят девятом году. Внезапно захотелось раздуть самовар, покушать пончики. Освещение слегка мерцало, гудели жестяные суставы, кабина покачивалась. Беспрецедентно длились минуты, лиф-

товую шахту нельзя было измерить деревянной школьной линейкой, ее можно было измерить лишь жизнью эха. Девушка ехала подозрительно долго, телефонная сеть пропала, время еще не умерло. Спустя минут десять кабина остановилась. Со скрежетом разъехались створки. Вошел коренастый солдатик, хвостик гитары торчал из-за плеча, в одной руке спортивная синяя сумка, во второй складной столик. Он подался телом вперед, и неожиданно лизнул щеку фрейлины. Словно искал север, словно щека была деревом, поросшая мхом. Плаксина закричала: прочь, животное! Отшатнулась к противоположной стене. Уходящий год все больше становился похож на год, который вырежут при монтаже данного психоделического фильма, финальный монтаж это называется. – Вы простите, просто я дембельнулся вот-вот, а вы, извините, женщина, – дембель был жалок, но в то же время его ядовито-зеленые глаза качественно отравили недоверие девушки. – Вы омерзительны, вы покемон, – сказала беззлобно Женечка, – на какой этаж вы нажали? – На минус третий, вы понимаете, тут до минус третьего пять часов ехать, – служивый разложил столик, принялся доставать из сумки курицу в фольге, белый хлебушек, картошку в мундирах. – Вы зачем это, что происходит? – Плаксина озиралась, фантомные скрытые камеры не на шутку испугали ее. – Меня Игорь зовут, позвольте мне сыграть на гитаре? – спросил дембель, они все так после армии прекрасно играют на гитаре.

Несколько песен спустя Евгения начала нервничать всерьез, хотя исполнение ДДТ ей, можно сказать, понравилось. – Берите ножку, не стесняйтесь, – посоветовал Игорь, меж композициями он успел рассказать Жене, что на минус третьем этаже работает его тетка. И вот он после армии, значит, решил ее навестить. Журналистка не назвалась по имени, но из чужого термоса глоток чая с ромашками сделала. Просто в ход пошли дембельские приколы: вы разве хотите меня обидеть, пожалуйста, не делайте этого. Говорил парень, жуя румяную кожу с бедрышка курицы. – Скажите, это в лифте дело, до минус пятого по времени сколько ехать? – спросила девушка, жалея, что бросила курить. Игорь с прической полубокс, подчеркивающей его востренькие уши. – Вы замужем? – как бы между делом спросил он. – Развелась, – прокомментировала Женя. – Не сошлись гранями? – уточнил парень, протягивая сигарету, которую достал из красной пачки с птичками. – Не сошлись, – подтвердила девушка, подставляя сигаретку язычку пламени. Лифт продолжил ехать, молодые люди молча курили, дым вылетал в шахту. Алебастровая гитара не использовалась более. Дембель пошутил, может, конечно, не пошутил, кто их разберет шутников: странное место, эхолокация, помню, ничего не показала, вы приезжая? Частицы элементарного пепла кружились. – По работе приехала, – ответила задумчиво, в самом деле задумалась, на мгновение допустила, что ее не должно здесь наличествовать, Женя.

Меж тем кабина остановилась, и событие это всколыхнуло ветку в груди Плаксиной, на которой сидела синичка вдоха. Предъявляемое пространство за дверьми лифта было наполнено полумглой, зудела электропила, тени в синих передниках проплывали, призраки уборщиц, не переходя в полной мере границу ночи. Вошла тетушка шестидесяти лет. Голубые плавательные очки на белой резинке добавляли женщине привлекательности, седой хвостик волос, как у самой красивой мышки. В пушистой кашемировой грушевой кофточке, груши сорта «просто Мария», просто, да не просто. В брючках розовато-лиловых. Чудо, а не женщина, ведь, помимо впрыснутого описательного аэрозоля в глаза наших читателей, на груди у вошедшей была брошка в виде лошадки в тумане, той самой за авторством Юрия Норштейна. – Минус первый, – озвучил свои мысли дембель. – Минус первый, молодой человек, – чрезвычайно широко улыбнулась тетушка, нажав на кнопку просто первого этажа. – Что ж вы такое делаете, – моментально расстроился Игорь, – нам ведь туда не надо, потом возвращаться сто лет, а девушке вон, вообще, на минус пятый ехать. – Ох, – только и смогла ответить женщина, – ох, простите, – только и смогла ответить женщина. Лифт набирал скорость, Плаксина спросила у сконфуженной тетеньки: а нельзя отменить, комбинацию цифр, может, нажать? – Сделанного не отменишь, к сожалению, голубушка, – почему-то сказала «голубушка» по отношению к журналистке эта замечательная женщина. В этом ее сказанном «голубушка» содержалось столько приязненности, сколько Женя и за год не слышала в свой адрес. – А вы здесь работаете? – Плаксина была профессиональной журналист-

кой машиной, поэтому мысленно приобняла возможную героиню своего лонгрида за плечи, колоритная какая, еще раз отметила Женечка. – Вы знаете, работаю, работаю в цеху, можно сказать, что я мясник, но это только звучит важно, на самом деле, понимаете, все давно автоматизировано, как таковое мясо я не рублю топориком, например, в нужный момент нажимаю на нужные кнопки, – тетушка безоговорочно попала в будущий материал. – Нажимаете с таким же успехом, как на кнопки лифта? – съязвил Игорь, у них в армии вырабатывался юмор висельников, это да.

Отчего-то еще показалось, что имя тетеньки очень свежее, словно хлебушек белый, выдаваемый малоимущим на углу Парткомовский улицы, где была коммуналка Плаксиной. – А как вас зовут? – спросила Женя, ведь как-то же звали, не просто все в мире. Дембель сидел на корточках, чистил яблоко складным ножиком, кожа снималась легко, волнистые желтые полоски падали прямо на зеленый ковер, постеленный в лифте. Зазвонил телефон у парня, на звонке стояла песня, некий речитатив: «на меня напала грусть, но я за Русь». – Алло, у аппарата, – сказал он, потом еще раз это свое «алло», сеть пропадала, Игорь, должно быть, расстроился. – Афина Дмитриевна, – тихо и печально произнесла Афина Дмитриевна, свой рюкзачок, стилизованный под полено, она держала у груди. Хлопок лампочки, лифт погрузился во тьму, наступило время крошечного секунд-хэнда. Именно такую темноту кто-то уже носил до меня, подумала с тоской Женечка. Тут же вспыхнул огонек зажигалки, черный дембель спросил, будут ли дамы возражать, если он прямо сейчас начнет петь очень грустную песню. Тетушка-мясник попросила этого не делать: что вы, право, и так сплошные потемки, вы хотите, чтобы мы тут помешались? Так и запишем, подумала Плаксина, «Афина Дмитриевна, женщина, склонная к рефлексии, попугивалась мысли о сумасшествии». – Вообще-то я не против песен, песенное творчество, бывает, очень даже спасает в трудные минуты, однако у меня от грустного пения распускаются стигматы, – звучала грустенько в темноте новая знакомая, казалась расстроенной. – Ять, – зажигалка нагрелась, обожгла пальцы Игоря, при дамах он сказал ять, как будто оказался на писательских курсах, где учили писать и сокращать. А на крышу лифта что-то приземлилось, запищало. Женя ненавидела крыс, в детстве, когда они жили в Сургуте, еще в таких вагончиках жили первое время, отец был нефтяником, правда, не совсем успешным, то есть вместо вагончика-бытовки могла быть хотя бы однокомнатная квартира. Вследствие хорошей работы, спустя месяца два, семье выдали просторную сталинку. Но воспоминания о проведенных ночах в этом несуразном холодном помещении оставили неизгладимое впечатление. Семья другого нефтяника, проживающая по соседству, они приехали, кажется, из Грузии, где тепло. И в одну из ночей к ним пробрались крысы, отгрызли всем уши. Чудовищный случай, с тех пор Евгения прячет надежно сыр, а сыр с дырочками не покупает вовсе.

Маленькие когтистые лапки скребли толстую металлическую кожу, в которой сидели три гражданина РФ. – Они могут сюда залезть? – спросил обеспокоенно Игорь, он светил зажигалкой по сторонам, она у него беспрестанно гасла, словно любовь к престарелой учительнице. – Не бойтесь, тут совсем не кровожадные крысы, я бы даже сказала, ручные, не бойтесь, – голос Афины внушал некоторое спокойствие, слова ее напоминали букет из полевых цветов, запечатленный в формалине, Плаксина подошла к тетушке, потянулась к ней инстинктивно. – Ой, а это вы, а это я, – сказала Дмитриевна, когда Женя коснулась своим плечом плеча дамочки. Послышался протяжный скрип, и что-то мягко упало на ковер. Две пары красных глаз, тварь пищала на идиолекте, выдуманном самолично, наверное, ни одна другая крыса не поняла бы и фразы, произнесенной созданием. – Это же Жоржик, – воскликнула радостно женщина-мясник, шурша ворсинками ковра, направилась к животному. А Игорь совершенно вышел за рамки собственной мужественности, он кричал бессвязные высказывания, их можно было трактовать как хочешь, могли даже особенно прозорливые углядеть пропаганду. Афина Дмитриевна говорила, при этом, вжавшаяся в угол кабины Плаксина, видела приближающиеся красные бусинки. – Не бойтесь, что вы, я просто прикормила одного, так на моего почившего мужа Жоржика похож, вот, меня провожает иногда. Лампы тренькнули, стали светить очень тускло. – «Я видел крыс в различном виде, в суровом, мерзостном и чистом, одна из них, словно Овидий горестный была», – вымолви-

ла женщина, поднося тварь к Плаксиной, чтобы та получше рассмотрела ее. Красные фасолинки, не моргая, следили за журналисткой. Шубка цвета извести, на голове серое пятнышко. Лифт остановился. – Не хотите, как хотите, голубушка, – сказала тетенька, доставая из сумки-полена целлофановый пакет с черным изюмом для тигра.

На первом этаже бродили граждане покупатели. Покупали. И бродили. Чуткими пальцами щупали бока туш цвета алой губной помады, с прожилками. Туши лежали вповалку в специальных морозильных камерах. – Оленина, я только говядиной занимаюсь, – произнесла важно Дмитриевна. – Вы едете назад, вас ждать? – спросил Игорь, Плаксина вышла вслед за Афиной. Евгения отрицательно помотала головой, к тому же у нее был отрицательный резус-фактор, и это вещи одного порядка. В лифт вошли двое рабочих в синих спецовках, один держал в руках пластиковый оранжевый чемоданчик. Мужчины стали раскладываться, один из них зажег увесистый фонарь. – Это надолго? – спросил у них дембель. – Минут пятнадцать, тут всего лишь проводку подлатать, освещение это ерунда, – выдал рецензию на происходящие события рабочий. Дамы отошли пошептаться о своем девичьем. Афина Дмитриевна была благосклонна к фрейлине Жене. Вокруг сновали голодные люди, проявляли сознательность, беспрестанно вопрошая о сроках годности.

Новая знакомая справляла нужду, и была скрыта, словно глаз веком, была скрыта сиреневой полуоблезшей дверкой. – Вы знаете, даже не представляю, чем я заинтересовала целую журналистку, пожалуй, самое интересное в моей жизни прошло, – сказала она, спуская воду. Плаксина успела ей рассказать о своей работе, успела вписать новую знакомую в качестве главного действующего лица в грядущий лонгрид. – Лгу, я же ученица Дмитрия Александровича Пригова, вообще, я по образованию филолог, даже кандидатскую защитила, – Афина Дмитриевна, кажется, хвасталась. Стоя вполоборота к Жене, она ополаскивала руки. – Филологиня, как говорят сейчас эти стрекозы девы, вы из таких? – спросила что-то странное тетушка. Плаксина не растерялась, посмеялась, в ее голове наметился верный путь, верность которого, как правило, подкрепляется синяками, ссадинами. – Вообще-то, у меня и мать была ученицей Велимира Хлебникова, такие мы потомственные ученицы, – рассмеялась женщина. – Вы, наверное, заинтересованы, сколько же мне лет, – она вытащила бумажное полотенце из такой специальной металлической штучки, которая висела на стене, вытерла руки. – У меня статья про эту самую продуктовую базу, но вы просто какая-то невыразимая и загадочная дама, я хочу написать о вас, а потом, если будет возможность, и о вашей работе, – Евгения перестала быть абсолютной журналисткой машиной, перестала действовать скрытно. В любой кооперативной игре таких сразу ликвидируют, или оставляют сторожить базу. – Так, если про меня, то это надо ехать ко мне в гости, оказывать на вас хорошее впечатление, что я совсем и не против сделать, – тетушка заманивала к себе в квартиру. – Я согласна, – совершенно искренне сказала Плаксина, даже намокли глаза, даже почти заплакала, непонятное что-то, дурацкая сентиментальность. В крепко надушенном кедровым освежителем для воздуха клозете помимо женщин был кто-то еще, в запертой кабинке покашлял Токарев.

Глава 8

Увезите нас, пожалуйста, в Кисловодск

Пологие склоны холмов были скользки, словно лысая голова Чарльза Бронсона, выдающегося английского преступника. Умышленные по своей сути запахи, выхлопки автомобилей, горящие где-то поблизости покрышки, они поразительным образом обрадовали Женю. После часов, проведенных в душном лифте, улица казалась травмированной нужными ароматами. Улица была открыта на все окна, гневный сквозняк гонял пустые коробки, сеточку из-под лука, пакет с кровавыми ошметками. Плаксина шла с Афиной Дмитриевной, чья абрикосовая шубка в определенной степени рифмовалась с пока еще не прелой листвой, пока еще по-осеннему цветастой

листой, пока еще. Женщина сменила очки для купания на овальные очки в черепаховой оправе. Спускаться в чистилище за упавшей салфеткой дело неблагодарное, к чему-то сказала тетушка, наверное, о своей работе. Покинув продуктовую базу, покинув, какое странное слово, как будто вечная мерзлота в кишках бесхозного пса в прихожей зимы. С опалинами на боках грязно-серая собака тащила в зубах берцовую кость в голубой кроссовке. – Поедмте на моей машине, она тут недалеко, – сказала дамочка, поглядывая на обмякшие темные облака, – если, конечно, не боитесь, хотя вам же нужен герой для вашего... – Тетушка осеклась, для вашего чего, расследования, интервью, чего вашего-то. Плаксина сделала вид, что не заметила заминки, спросила: а где вы живете, мне, собственно, интересна ваша работа, как ученица Пригова стала мясником. Женя увидела колонны паломников, они шли в этой зимней осени с овощными пакетами, катили продуктовые тележки, тащили чемоданы с говядиной в сторону автостоянки. Автостоянка была, откровенно говоря, не очень. Смерзшийся пустырь, путаем ли мы осень и зиму, безусловно, путаем. Высокопарные рассуждения на тему погоды в нашем селении оставим специалистам по ядерной безопасности. А судороги всего лишь продолжение тела, подумала с осторожностью Женя, когда ощутила покалывания в правой икроножной мышце. Барышни были вынуждены остановиться. – Что случилось, *ma chérie*, вам плохо? – забеспокоилась уважаемая Афина. Женя ответила, доставая из рюкзака противосудорожные таблетки: случается иногда, ничего страшного. – О, – удивилась тетушка, – я отказалась давненько от нейролептиков, выпейте за мое здоровье.

Плаксина поймала себя за хвостик мысли, к которой тут же прочно прилипла, Афина нравилась ей, как нравится убийце воевать в Ираке, как нравится кошке затекать в емкости. Казалось, никакая оказия не в силах смутить эту замечательную с точки зрения комендантского часа женщину, казалось, она может нарушать любые условности, режимы и посты. Пока они петляли меж тенями предков, разбросавших свои мусорные автографы, смерзшиеся в холмы раздробленные кости рогатого скота, продуктовые обертки, прочее, прочее. Женечка задумалась и о своем начальнике тоже, все-таки материал был об отравлениях солью, наверное, солью. Нет, говорила воображаемому Варфоломееву она, художественный ход, избранный мною в определенной степени для того, чтобы показать не просто портрет странного города или еще что-либо, но через интересного персонажа подарить читателю, хотя не буду ничего дарить этим читателям. Мысль не приспособивалась к жизни, поэтому Женечка накрыла данную мысль подушкой, решив пока придушить. Возле застывшей широкой лужи стоял фургончик. Вмерзшая в лужу полусдвнувшаяся женщина с лимонной кожей, смотрела своим круглым алым ртом на живых барышень. Тупоносый микроавтобус фольксваген цвета кукурузного початка, волнистая радуга тянется по правому борту, цветы, знак пацифистов, куриная лапка в окружности на капоте. Рисунки ромашек покорили Женино сердечко, непроизвольно, словно лопнувший пакет кефира, вылетевший из ладошек человека с эпилепсией в момент приступа. Таким вот непроизвольным образом вспомнились наволочки в школе-интернате, куда мать сдавала ее, потому что много работала и не с кем было оставить. Да, мама уезжала после кончившегося папы на заработки куда-то на север, правда, она не была нефтяником, она стирала и готовила для нефтяников, великая женщина. Плаксина посмотрела на куклу, прядь зеленых волос, и больше никаких волос, что же они с тобой сделали, секс-игрушка.

Афина Дмитриевна села в автомобиль со стороны водителя, показалось, что транспортное средство заурчало на манер кошечки, или все-таки дело было в замке зажигания. На улице заметно стемнело. Там, где была стоянка для машин покупателей, сверкали диким огнем глаза, желтые, зеленые. Женя поспешила присоединиться к приятной тетеньке. Велюровые гранатовые шторы. Филология вытащила из бардачка бутылку оттенков лаврового листа. – Будете? – спросила у журналистки. – Что это? – по-еврейски ушла от ответа Женя. – Биттер, настойка, очень вкусная, когда на смене, исключительно она и спасает меня от скуки, – Афина Дмитриевна открутила крышку, в салоне расцвели запахи приятных, терпких травушек. Плаксина от одного аромата закашлялась. А вот тетушка сделала долгий глоток, не проронив ни капельки, а потом сказала: цветочные нотки преобладают, еще в напитке можно транскрибировать дре-

весные оттенки, я называю подобное сочетание плачущими цветами, скорбящими ивами. – Немного, пожалуй, выпью, – уговорилась Плаксина, приняв из рук женщины бутылку. – Именно так называется в переводе на японский язык «Война и мир», он получился тонюсеньким, переводчик Мори Тай обратил внимание, что в оригинале встречалось много лишнего, и вот он, значит, выкинул ненужное, оставив любовную линию. Афина зажгла светодиодную ленту, она, как на космическом корабле, освещала салон. Вспыхнули фары, за редкими деревьями проносились автомобили по шоссе. Жене было приятно молчать, как будто из молчания выкачали обременительность. Женщина улыбалась кончиками губ, глядя в зеркало над приборной панелью. А в зеркале над приборной панелью отражалась Плаксина, она часто вдыхала и выдыхала, обожглась настойкой. Афина вырулила с парковки, подмерзшая октябрьская земля хрустела. Журналистка увидела в окне электрический баннер на автостраде. Выращенные кибернетиками цифры 404, они пульсировали, кислотные, обжигали сетчатку, были неприятны, словно чужая кожа, забившаяся под ногти.

Тетушка стала говорить, ведь повествование превратилось в личную историю Афины, Плаксина незаметно включила диктофон. – Вот вы, Женечка, удивились, работаю я мясником, и это совершенно напрасно, – новорожденные снежинки залетели в полуоткрытое окно. На большой скорости пронесся грузовик, зачем-то посигналил утробно, для устрашения двух незащищенных барышень, наверное, дальнобойщик-наильник. – Но я же филолог, а филологам что интересно, им интересна жизнь в самых разных направлениях, – женщина раскраснелась, желтоватый пушок на ее щеках умилял. – О, лет пять назад работала в ритуальных услугах, – Дмитриевна беззвучно посмеялась, Женя сняла куртку, в салоне сделалось душновато, радиатор под приборной панелью выдувал струйки теплого воздуха. – Вы нездешняя, поэтому не знаете, у нас в черте города находится военный полигон, а впритык дома, был один случай, – тетушка перестала рассказывать, потому что отвлекаться на дорогу значит спасти кому-нибудь жизнь. В данном случае бежево-коричневый олень с пока еще не созревшими рогами перебежал трассу. Тетушка вовремя затормозила. – Из леса в лес бежит, у нас здесь два лесных заповедника, – сказала она, в стеклышках ее очков полыхало пламя, кто-то развел огонь у обочины. В стеснительном свете костерка виднелась фигура в обсидиановых одеждах. Какие-то лоскутки подхватывал ветерок, они, точно черные змеи, развевались. – Мать-сыра Земля, выходить не будем, знаю, что вы, Женя, подумали о том, чтобы выйти, выходить не будем, – сказала, как показалось Евгении, напряженно Афина Дмитриевна, поехала дальше. Микроавтобус подскочил на кочке. Евгения не сидела ровно на попе, вертелась, но ей так и не удалось рассмотреть паломницу, наверное, паломницу.

Растянувшийся поцелуй асфальта, нет-нет, что-то мы намудрили с этими поцелуями, сейчас подглядели у Анны Глазовой, у нее был растянувшийся поцелуй устья с морем. В нашем конкретном случае шоссе было чрезвычайно беспросветным, лишь желтые пунктирные полосы, освещаемые фарами, бежали впереди автомобиля. – А работала я тогда в ритуальных услугах, куда попала совершенно случайно, представьте себе, – тетушка по-прежнему не глядела на пассажирку, тетушка по-прежнему глядела лишь вдаль. – Возле военной части, значит, жила семидесятилетняя женщина одна, художница, грязный реализм, и все такое прочее, звали ее Аргентина Владимировна. – Плаксину начало клонить в сон. Она обратила внимание на еле слышную песню, не то чтобы тоскливую, просто из магнитолы на странном языке некая дамочка пела. – Вы слышите, кто-то поет? – спросила Женя и захотела в туалет. – Это мои любимые карельские обрядовые песни, правда, красиво? – Афина Дмитриевна поерзала на сиденье, как будто готовилась к чему-то, как будто учуяла интересную тему для разговора. – Элегическая поэзия, вы только вслушайтесь, голубушка, отчасти это самый настоящий плач, однако стилистически, стилистически это полноценная песня по не вернувшемуся с охоты супругу, – женщина-филолог набрала побольше воздуха в легкие, продолжила: – Все-все, возвращаюсь к ритуальным услугам. Плаксина прикрыла свои – цвета любимого чая писательницы Агаты Кристи, которая, стоит заметить, говорила про ложечку заварки на литр кипяченой воды, именно такая доза необходима для описания утонченного убийства – глаза.

– Аргентина, несмотря на свой возраст, имела какое-то невообразимое число поклонников, причем молоденьких парней, там, лет двадцать пять, тридцать, – Афина рассказывала, и Женечка слушала, но с прикрытыми веками, так тоже можно слушать. – Не знаю подробностей, но у художницы случился приступ, а на груди, это я уже сама видела, не поверите, чего я только не глядела в своей жизни, татуировка «не реанимировать». – Плаксина встрепелась, как будто за ворот попал снежок, как будто родители у девушки были Никитины, которые нещадно закаливали своих детей при СССР. – Ближе к сути, приехали мы с ребятами, оформили, суть да дело, стали ямку копать, а местность болотистая, участки, выделенные союзу художников, просто тихий ужас, – Дмитриевна облизала пересохшие губы, достала из бардачка бутылку. Плаксиной пришлось сообщение в общем чате, пришлось выключить диктофон. Дария Запеканка писала: и тысячи Вифлеемских младенцев будут искать своих отцов, призванных в рамках частичной мобилизации. Запеканка была не совсем Запеканкой, она была коржилом, писала небольшие тексты-комментарии к новостям. Зачастую циничные, конкретно про младенцев высказывание относилось к новости: «отсрочка для отцов с двумя детьми приостановлена». – И моим ребятам пришлось копать три метра, представьте себе, копают они, бац, не разорвавшийся фугас, а дело происходит рядом с военным полигоном, там все удобно расположено, – Афина Дмитриевна приложила к бутылке. Проезжали здание, напоминающее цирк в Екатеринбурге. На пустыре одноэтажное, беспризорное строение с плетеным куполом над ним, подсвеченное луной. – Припорошили сверху земелькой, думаем, ладно, сойдет, во время прощания веревка обрывается, Аргентина летит в своем коробе, и раздается чудовищный грохот, – женщина-филолог сворачивает на городскую улочку, шоссее остается позади. – Провожающие, ученики, художники глядят, ни коробка, ни Аргентины, оказывается, – Дмитриевна беззвучно смеется, выглядит это нормально, никого таким не напугаешь смехом. – Оказывается, фугас взорвался, наша тетка подлетела, а рядом военный полигон, там системы ПВО, по ней долбанули, определив как вражескую цель, мы так ничего потом и не нашли, – история видится Евгении Плаксиной веселой, не очень веселой, по-доброму грустной, довольно-таки грустной.

Журналистка с удивлением, хоть и не комиссар Мегрэ, опознает двор, хрущевку, в которой временно проживает. – Это улица Шмидта, дом двадцать два? – спрашивает она, выделяя в пейзаже надпись про Вику. – Мы соседи с вами, получается, только я на первом этаже, – лукаво говорит Афина Дмитриевна, прищурив глаза в своих черепаховых очках. Она выходит из машины, Женечка тоже выходит из машины, телефон пиликает, разрядилась батарея, крона бы не разрядилась. – Вы же зайдете ко мне, я права? – спрашивает ученица Пригова. И Плаксиной не остается ничего другого, как сказать: каждому свое. – Свое, да не свое, в наше время нужно быть постоянно наготове, дай только повод, они будут насмехаться над вами, – говорит что-то не совсем понятное женщина. Женя заметила, как с пятого этажа полетел окурок, точно выкуренная минута тишины, или за сколько обычно сгорает сигарета. – Что же вы не идете, идите, – поторопила новая знакомая, она стояла у подъезда, Плаксина пребывала в нерешительности, думая о чужом окурке. Окурок оброс дополнительными смыслами, которых, наверно, производители сигарет и не закладывали вовсе. Евгения услышала мелодию «в мире животных», и поняла, что многократно усиленная эхом композиция похожа на так называемый унывный dark wave, чрезвычайно популярную музыку в среде депрессивных людей, ничего не добившихся, никуда не стремящихся. Конечно же, это шутки такие, что никуда не стремятся, просто им сложно встроиться в рыночную систему, покинуть дом. В Японии подобных людей зовут хикикомори, отказавшиеся от любой социальной жизни, они добровольно сидят в изоляции, чахнут и зеленеют.

Войдя в квартиру Афины Дмитриевны, Женя почувствовала запах пломбы, ей недавно ставили амальгамную пломбу, свериться было с чем. Пахло, как будто зубная заплатка разгерметизировалась, и лекарственные сущности вымывались слюной квартиры в ротовую прихожую. Это не очень умная мысль, подумала Женя, нельзя же сейчас развернуться и отказаться от гостеприимства. – И голодные философы предпочитают пышнотелых девушек, обремененных маленькими Юнгами, Карлами Густавами, – пошутила тетушка, захлопывая дверь позади. – А чем это

так, – Евгения хотела произнести «воняет», однако «воняет» имеет негативный смысл, а кто-то вообще пьет стеклоочистительную жидкость, и дыхание его раздается более отвратительное, чем пломбы какие-то. – Я проветрю, стала в последнее время интересоваться зубопротезированием, представьте себе, – Дмитриевна включила свет. Планировка была такой же, как в съемной квартире, где остановилась Женечка. Отбрасывая полутени, бродили две лысые кошки, бродили у истока коридора, не решаясь приближаться к хозяйке. Освещение было восковым, как будто свечки горели, как будто не лампочки. Плаксина углядела картину, висящую на стене. Нацистский лидер вылезал из розового пасхального кролика. Разбросанные по лишайной опушке яйца, из них вылезали маленькие чужие, встречающиеся в кинофильме Ридли Скотта «Чужой». – «Гитлер покидает концентрационный лагерь внутри себя» называется картина, – сказала Афина, доставая из тумбочки тапки, – моя подруга, ученица Василия Шульженко, Верочка. – Дмитриевна поставила пшеничные лапти перед Плаксиной. – Нас, таких учениц, откровенно говоря, по стране просто ложкой кушай. Женщина-филолог прошла куда-то вглубь квартиры, при этом болтала, как глазунья. – И мне льстит полагать, даже не полагать, надеяться, что на наших старческих плечиках лежит что-то важное, я, право, хотела сказать культура, но какая культура, смех на палочке. – Вы проходите, пожалуйста, помыть руки можно, даже нужно, – сообщила доверительно хозяйка жилплощади, скрывшись на кухню.

Плаксина подивилась крану в ванной. Подивилась общему оформлению, выполненному в технике ар-брют. Кто же ввел понятие ар-брюта, задумалась Женечка, включая воду, к творчеству душевнобольных журналистка была благосклонно настроена. Интуитивное искусство, визионерское такое. Женечка отставила в сторону мизинчик, словно аристократка, добавляя холодной водички. На кране с патиной была насадка: губы, нос, рот резинового пупса. Иными словами, создавалось впечатление, что из ротовой и носовой полостей безымянного ребенка льется вода. Стены были желтушными в ванной, и красные коровы, как на полотне Карла Хурмы, взбирались на гору. Краска, вполне вероятно, добывалась средневековыми методами, насыщенности не хватало, словно Аллы Пугачевой на голубом огоньке в двадцать третьем году. Коровы, например, могли быть получены из насекомых, живущих в мексиканских кактусах-опунциях. В то время как общая желтушность была обязана моче коров, которых кормили манго, Ван Гог вам подтвердит, если успеет. Евгения понимала в изобразительном искусстве, бывший муж Кантемир в достаточной мере, достаточной для общения с кураторами маргинальных выставок, научил ее различать экспрессиониста Бэкона от не экспрессиониста такого-то. Узкое зеркало над раковиной, полоска шириной сантиметра три, длиной сантиметров тридцать, в ней изображались коричневые глаза Евгении. Цвет получился в результате смешения природного зеленого, настолько же зеленого, как обои, висящие в спальне Бонапарта, пигмент содержал мышьяк, и ученые полагают, обои прикончили Наполеона. Другой цвет, давший глазам Плаксиной новый оттенок, рубиновый, усталость. Евгения мылила руки мылом земляничным. Раковина, деревянное корыто, в нем пенилось, шипело, хорошая водичка все-таки, подумала Женя. Хлорки даже не ощущается, и кожа с костей не сходит.

– Женечка, я здесь, идите на звук, – посоветовала хозяйка. Дверь кухни с толстым стеклом открывалась с усилием. Кухня была перенасыщена предметами. На подоконнике работал пузатый телевизор. Николай Дроздов беззвучно шевелил своими красноречивыми губами, обезьянка, принаряженная в синее платье в горох, сидела у зоолога на коленях, корчила рожи. Афина скрывалась. Интересное освещение кухни: огромная неоновая фиолетовая вывеска «продукты», зависшая над холодильником, полкой с тарелками, стиральной машиной, газовой плиткой. И тут журналистка увидела голову, но благоразумно проглотила крик, голова Дмитриевны парила, лишенная телес над смородиновым диванчиком у противоположной стены. Женщина шестидесяти лет облачилась в облегающий костюмчик, имитирующий покрытие дивана. Кровавые ромбики, черные цветочки, даже надела тонкие матерчатые перчатки с таким же узором. Филолог распустил волосы, филолог. – С ума сойти, – только и сказала Женя. – Поздно, – произнесла Дмитриевна, встала с дивана. – Вчера я приготовила потрясающий морковный пирог, вы, наверное, такой

никогда не пробовали, – сказала она, зажигая конфорку, на которой стоял чайник со свистком. Спичка полетела в раковину, точно такое же корытце, как в ванной, зашипела. Круглый столик на двух персон, белая салфетка с утенком, елово-зеленая бутылка, в ней подсолнух. – Афина Дмитриевна, – сказала Женя, садясь за столик, – у вас такая интересная квартира. – Ой, не смейтесь надо мной, голубушка, хлам один, – женщина достала из холодильника пирог, поставила в микроволновую печь. Приоткрыла форточку. Пока пища согревалась в лучах микроволн, которые очень даже способны повлиять на людской генотип. Сказала: понимаете, привычка, когда работала я в колонии для несовершеннолетних, там парнишка один, ой, был у него пунтик, воровал с целью обмена рубашки соседские прямо с веревки, обменял на блошином рынке у деда какого-то на серебряные сережки-дождик, у кинотеатра пристал к девушке, которая не дождалась своего ухажера, но билетик заранее купила, поменялся на билетик, в кинотеатре умудрился стянуть экран, в дальнейшем он махнулся на велосипед. Афина Дмитриевна перестала разговаривать, в своем излишне диванном наряде она стояла у раковины и о чем-то призадумалась. – А что он обменял на велосипед? – привлекла внимание хозяйки квартиры к своей персоне журналистка. – А, доменялся он до гаражного кооператива в итоге, но был несовершеннолетним, поэтому его быстренько посадили, потому что стал сдавать гаражи бандитам.

Поперхнувшийся сумрак за окном семечкой милицейской мигалки отвлек. Как будто искали местоположение снов, ведь наступала ночь, а ночью принято спать, а вот они ехали на своей машине по району, выискивали, вынюхивали. – Кажется, согрелся, пробуйте, – Дмитриевна обслуживала Евгению, та и не заметила, как перед ней оказался кусочек морковного творчества. В кружке плавала долька лимона, в черном чае не хватало света. Поперхнувшись, Евгения закашлялась, однако пирог в целом ей понравился, поперхнулась она именно чаем, не пирогом. Тикали часы, облачившиеся в китайскую кошку, ее хвостик шагал влево, вправо. – А у меня запеченные лягушачьи лапки есть, что-то я совсем забыла, – сказала внезапно хозяйка квартиры. Она явно намекала на полновесный ужин вдвоем на первом этаже дома на улице Шмидта. – Не стоит, я вот пирогом нормально наемся, – запротестовала Женя, хотя и не являлась демонстрантом на Красной площади в шестьдесят восьмом году. – Ну, как же, вы молодая, вам нужно хорошо питаться, когда я жила во Франции, где преподавала русскую литературу, меня научили сносно готовить лягушачьи лапки. Из интереса Плаксина сказала: пожалуй, можно, я люблю эксперименты. Пожалуй, ей можно, деловая какая. И тогда Афина Дмитриевна обрадовалась: замечательно, сейчас мы с вами поужинаем. И достала из холодильника противень с лапками, подозрительно похожими на куринные крылышки. А потом Женя попробовала. И смогла почувствовать лишь курицу. – Похоже очень на курицу, – поделилась она впечатлениями, хлопая своими карими, мы помним, что зеленый с цветом красным, цветом усталости, подарил Плаксиной карие глаза. И вот она хлопала удивленно ими, приобщаясь к французской кухне. – Самые настоящие лягушки-голиафы, истинно вам говорю, у нас тут ферма лягушачья, такие прекрасные юноши разводят, – женщина разругивалась, сняла свои перчатки, осталась в комбинезоне с диванным узором, хотя с легкостью могла снять и его, мы бы с радостью взглянули. Она пила вместо чая настойку, примерно литра полтора выпила к тому моменту, как Евгения доела свою порцию, баланду, как говорят французы. Впрочем, Женя рассудила, значит, будет словоохотливей, и соблазнилась сама на рюмочку, чтобы словоохотливость Афины могла коррелировать с журналистскими величинами. Во вкусе напитка преобладали цитрусовые и лимонные нотки, что делало выпивку прекрасным освежающим пойлом. Коммунальщики топили батареи, как будто решили сжечь граждан. – Как фашисты топят, – заметила тетушка, икнув. Икнула и прыснула со смеху, обаятельно у нее вышло, конечно. Она походила на Татьяну Пельтцер. То есть Афина, казалось, была знакома с формулами любви к жизни, коих лишены западники со своими склоками, к примеру.

– Я в кондиции, голубушка, можем поговорить и обо мне, по большому счету, конечно, я не очень люблю говорить обо мне, но сейчас я, словно человечья песнь, готова журчать лишь для вас, голубушка. – Дмитриевна, пританцовывая, доходит до порога кухни. – Когда я работала стриптизёршей, у меня получались удивительные па, не поверите, как приходили в исступление

мальчишки-филологи. Женя рассмеялась, стало невообразимо хорошо, просто замечательно. Девушка взглянула в окно, поднимаясь из-за стола, голова закружилась, но в рамках приличия, обмороков избежала. Кривая верхушек деревьев, ЭКГ умирающего дня, сумеречный синтаксис бросал тень на прачечную. Тень напоминала летучую мышь, которую по обыкновению использует Бэтмен. Зрение Плаксиной подверглось изменениям, как будто бы слабая дымка, Андромеды затуманенность. – Идите на звук, я тут, тут, тут, – направляла Дмитриевна, как направляет опытная женщина юнца в постельных делах. В соцветиях электрических лучиков рождалась капля росы, как прямая наследница капитализма, ведь одной капельки явно не хватит на всех, придется что-то решать с искусственным дефицитом. Женя остановилась у запертой белой двери, дверь полнилась красным кругом на манер японского флага, была заперта, не поддавалась. – Не туда, вам совершенно не туда, – сказала весело Афина, ее голова торчала из иной двери, опять-таки лишняя корпус тела. Кровь заскрипела в голове Плаксиной, имея черты металла, кровь время от времени скрипит. Наверное, третья стопка настойки была лишней, осенило журналистку. И она побрела, словно Мераб Мамардашвили к познанию феномена сознания человека, она побрела по коридору к тетушкиной голове. У соседей трансплантировали из области теории в практическую область чудовищные звуки перфоратора. Жене вспомнился изобретатель, лет пять назад, это было первое интервью, которое она брала, лет пять назад один изобретатель использовал вместо дверного звонка перфоратор. И люди оповещали о своем приходе, вжимая красный курок, призывая к жизни безобразные звуки, словно некромант кадавра, звуки ведь могут принимать какую угодно форму.

А потом Женя вошла в удивительный мир спальни Афины, где цвели сумасшедшие ароматы старых вещей, хорошего табака, духов. Тетушка обвела рукой комнату, предоставляя возможность полюбоваться мозаичным панно во всю стену, красные пиксели удачно сложились в космонавта, он летел, глаза его были прикрыты, он увидел Бога, или то яркое солнце из пикселей оранжевых послужило причиной зажмуривания. Быть может, он зажмурился в значении криминала, быть может, он узнал нечто такое, за что прикапывают в лесочке. Темно-синие квадратики, плитка в некоторых местах отвалилась. Другая стена, фотообои лесные, на полу пред ними притихли растения в горшках, насыпана земля на пол, чучело в полный рост оленя, в остекленевшем глазе отражается Афина. Удивленная Плаксина безудержно фотографирует на телефон элементы быта. – Оленя нечаянно сбила, когда с вами ехала в прошлый раз, так на Жоржика моего похож, что решила оставить, – сказала Дмитриевна. – В какой прошлый, мы же один раз с вами ездили? – спросила журналистка. На двуспальной кровати с балдахином сидела женщина, рядом стояли стулья со скользкими пластиковыми сиденьями, на которых бурчали океаны мировые, засушливые пустыни видали миражи, густые леса щекотали веточками шейки лесников. Шесть стульчиков, каждый часть глобуса, куда же присесть, что же избрать, джунгли, Якутию, бандитские фавелы. Женя куда-то присела, не обратила внимания на качество территорий. Афина ничего не ответила, в какой другой раз они виделись, что мелет эта премилейшая женщина. Кровать находилась у окна, завешанного непроницаемыми багровыми шторами. На тумбочке стоял позолоченный подсвечник, пятиместный, горели свечи, стилизованные под зажигалки. Женщина достала из жестяной коробочки с голубой коровкой три фломастера, черный, желтый и белый, сызмальства Женя знала, что вкус у них одинаковый, спиртовой. Афина Дмитриевна сняла колпачки, сказала: смотрите, как имперский флажок, случайно достала, попробуйте лизнуть. Журналистка придвинулась на край стула, обнажила кончик своего цвета глаз куропатки языка, быстро лизнула по очереди жала фломастеров. И с удивлением заметила, желтый на вкус вылитый одуванчик, белый, вот белый, это пролившееся мужское семя, а черный ничем не пах и вкуса не было, ведь отсутствие цвета ничем не пахнет.

– Афина Дмитриевна, раз уж мы с вами соседки, значит, времечко у нас на общение казенное, я так полагаю, – полагала поплывшая от запахов фломастеров Плаксина. – Совершенно верно, но ведь вам, должно быть, интересно что-то, – сказала женщина, пряча коробку в тумбочку, она верно догадалась, Жене было что-то интересно, всем людям что-то интересно. Даже тем, кто думает:

«ага, я в своем познании настолько преисполнился, что я как будто бы уже сто триллионов миллиардов лет проживаю на триллионах и триллионах таких же планет, понимаешь, как эта Земля, мне уже этот мир абсолютно понятен, и я здесь ишу только одного, покоя, умиротворения и вот этой гармонии от слияния с бесконечно-вечным, от созерцания этого великого фрактального подобию». – Если вас не смутит, я бы хотела записать на диктофон вашу замечательную, наверное, замечательную историю рождения, а завтра бы заглянула, или вы пришли ко мне, как решим, и запишем остальное, – Женя начала заговариваться, обморочный день требовал нашатырных паров. – Отчего не записать, запишем, – Афина села по-турецки на кровати. Ступни ног ее были босы, босая, как святая, подумала Евгения. А потом заметила розовый лак на ногтях, фламинговый такой, и решила, что в связи с пагубным пристрастием к алкоголю тетушка выписывается из общества святых. Журналистка кладет свой телефон, от которого тянется пуповина зарядного устройства к миниатюрному переносному аккумулятору, на тумбочку. – Зовут меня Афина Дмитриевна, – сказала Афина Дмитриевна, подавшись телом поближе к телефону. – Сколько вам лет, где вы родились? – задала вопрос неугомонная девушка. – Количество лет не скажу, что вы, право, у курицы не спрашивают, какой категории она несет яйца, – тетушка посмотрела на потолок. Женечка тоже туда взглянула, не желая отставать от коллектива. Там красным фломастером было написано: моя любовь к тебе, Клавдия, будет жить вечно, чего тебе, к сожалению, недоступно. – Как только меня не звали, – многозначительно произнесла Дмитриевна. На кухне включился самопроизвольно кран, и Женя ощутила излишнее давление в мочевом пузыре. Отзвуки капающей воды были вызывающе громкими. – Можно мне в туалет? – спросила Плаклина. – Что же вы спрашиваете, как в школе, идите, вставайте, идите, – настаивала тетенька, словно являлась муфтием.

В коридоре Женечка проходила мимо той самой запертой двери, на этот раз произошли существенные изменения в ее внешнем облике, красный круг стал синим кругом. Как будто дверь перестала дышать. Как будто дверь перестала делать дыхательные упражнения каждый год, задувая свечи на торте, как писал поэт Юн Ритланн. С обратной стороны в нее врезалось нечто. Потом стали доноситься хлопающие звуки. В определенной степени это было даже забавно, словно шорк, шорк, фьють, фьють мальчишки в болоньевых штанах ранним утром по сугробам в школу. Забавно тому, кто безработный на иждивении у государства, случайно проснулся, может спать дальше, слышит вот эти шорк, шорк, фьють, фьють. Плаклина слишком устала для выяснений обстоятельств данного дела. Связана ли эта дверь с той дверью, что находится в квартире, где девушка остановилась. Она шла коридором. Вошла в туалет, в туалете унитаз стоял на расстоянии метров пятидесяти от журналистки. Плечикам было тесно, настолько узкое помещение предстало перед девушкой. Макушкой головы она касалась низкого потолка, низкого и печального, словно массовое заражение детишек вирусом иммунодефицита в Казахстане в конце восьмидесятых. И шла, и шла, и шла, однако не было результата, унитаза, как будто равнозначно удалялся сделанным шажочкам. Минорная лампочка покачивалась на белом шнуре. Через некоторое время комната стала сужаться, словно дом мультипликационного персонажа Неда Фландерса. Холодная темно-красная плитка покалывала своей безразличностью ладони, Женя ползла на четвереньках, но ничего похожего на победу не наблюдалось. Вдруг, откуда ни возьмись, ведь, в сущности, подобные заведения предполагают отсутствие каких-либо лишних животных, хотя кошка может возникнуть, у кошек лоток. Вдруг, откуда ни возьмись, казалось бы, откуда, появился черный кролик. Инертный взгляд алых глазок его показался излишне надуманным, в туалете происходили отнюдь не бытовые вещи, а животное ко всему равнодушно. Потолок сузился, Женя, перебирая локтями, вихля задницей, ползла. И черный кролик с белым хвостиком скакал впереди. Всего лишь одна таблетка делает тебя великаном, всего лишь одна таблетка уменьшит тебя до микроскопических размеров, вспомни те пилюли, что давала тебе мама, они не оказывали на тебя такого действия, вспомнила Плаклина. Ситуация была удручающая, девушке хотелось плакать и кричать. Не хватало беспристрастности, фиксировать события, не используя оптику видного корреспондента Хантера Томпсона, не представлялось возможным. Эти туалетные приключения

необходимо было завершать, только и успела подумать Женечка. Как раздалась вспышка света, смерклось зрение.

И вот Плаклина вновь сидит перед Афиной, тетушка томно курит, перехватив сигарку кончиками среднего и указательного пальцев. Дыма столько, что плохо видна мотивация учиться у студентов искусствоведов. В мире великое множество двоечников, не способных назвать больше пяти картин, и три из них просто разные версии «Моны Лизы», поэтому к чему просиживать штанишки в заведении искусствоведческом, резонней заняться литературой. О, сколько трагедии разлито в мире, очнитесь, граждане, вы же писатели. Тетушка сменила наряд, шерстяное платье с африканскими узорами, горчичный платок на голове, она была похожа на умудренную опытом гусеницу. – Голубушка, что-то вы долго, – сказала она, – вы, надеюсь, не изливали слезы своей геральдической души в клозете? – Плаклина не чувствовала более нагрузки на мочевой пузырь, однако сказать с уверенностью совершенно не могла, удачным ли оказался поход, джинсы были, кажется, сухими. Телефонный аппарат зарядился, диктофон похвально фиксировал перемещения голосов по комнате. – Почему именно такой дизайн спальни, природа, это панно? – у Жени кружилась головушка, как будто не хватало кислорода, к тому же тетушка нещадно курила. Развешенная сигарета, дымные кольца рифмовались с кольцами вырубленного дерева. Дмитриевна не спешила с ответом. Подробный взгляд ее раскладывался на простые числа, казался невероятным, точно дыхания остановка по требованию. Агонизировало где-то электрическое насекомое. Белый искусственный мех, коим был застелен пол, щекотал пяточки, Плаклина ощущала родство с Нидрой Деви, индийской богиней сонных мечтаний. Наконец женщина ответила в свойственной ей манере, с расстановками, сдержанно, как тридцатилетняя война: вы понимаете, я в некотором роде любитель почудачить в своей квартире, к сожалению, я не пришла к единому стилю, но вот, как вы можете видеть, панно дань моему дедушке-космонавту, он как бы позволил забраться к себе на плечи, чтобы я могла видеть несколько больше, чем позволяет собственный рост. Тетушка примолкла, как примолкают пичужки на рассвете, застигнутые взглядом хулигана Васечкина, вышедшего из подъезда. Женечка клевала носом, ей мнились бесполое тени, притаившиеся в углах комнаты, интервью, едва начавшись, начавшись ли, подверглось замерзанию. Никто не горел этим интервью, слякоть одна речевая хрустела под ногами. – Что же касается, голубушка, лесной пантомимы, я повесила эти обои, потому что животное олень, похожее на моего супруга Жоржика, хорошего человека, требовал среду обитания, – Афина Дмитриевна поднялась с кровати. Вышла, словно последний судорожный выдох из легких альпиниста без кислородного баллона на Эвересте, вышла на центр комнаты.

Прикипевшие к сомнительной грусти соседи стали петь про некое Арлекино, звуки расщепляли волокна бетонных стен, бытовали в жилище Афины. Евгения Плаклина, ровесница современной России, сидела на стульчике, на котором были изображены неизвестные территории. За окном в нестерильных шприцах пузырился раствор убывающей осени, оранжево-желтый. И вещи приобретали потертости, необходимые для того, чтобы назвать их живыми. – Я родилась в семье советских интеллигентов, мать моя была женщиной настолько интеллигентной, что боялась выходить из дома пять лет, как бы чего не подумали соседи, куда она, мол, идет, – Дмитриевна рассказывала свою потрясающую историю, словно ребенок в детском саду, гусеница-ребенок в детском саду. Она закурила вновь, была созвучна вулкану, продолжила говорить: – Отец занимал пост главного редактора одного журнала, это в нынешнее время тиражи, что там книг, периодических изданий комичны, но тогда это имело еще какое-то влияние, – женщина приязненно смотрела на Женечку, песнопения соседей стихли. Голова Плаксиной без предварительногоговора группой лиц упала на грудь, порошковая сонливость растворялась в кипящей воде глубинных снов. Конечная фаза. Журналистка прикусила губу, и только благодаря этому фокусу вернулась в спальню тетушки. – Мы можем продолжить завтра, я вам постелю в гостевой комнате, – сказала барышня-филолог, филологиня. – Я в состоянии дойти, мне недалеко, – запротестовала, как хиппи в шестьдесят восьмом году, девушка. Однако что-то пошло не так, следующий кадр, и Дмитриевна ведет фрейлину под руку по коридору. Женечка слабо сопротивляется, гундосит: а какое у

вас было хобби в детстве, я не успела записать? И напоминала в эти моменты пьяной невинности Плаклина тех мадмуазель, которых ведут на сексуальный эшафот студенты старших курсов, все они выпили, все они под мухой. Но над всеми вне зависимости от распушенности, политических предпочтений зависла водородная мухобойка.

Тайная комната, лишенная мальчика-волшебника, надеемся, мальчик-волшебник не очутился в фарше за свою этническую принадлежность, эта запертая комната встретила запахом свежеставленной пломбы. Испитая луна бледно подсвечивала принятую поначалу Женечкой за разнузданный кордебалет отсеченных голов и совершенно не целомудренной серой субстанции, которая ползала по полу, гостевую. Синий баллон, трубочки от него тянутся к стеклянной колбе, бурлит раствор, как будто междометия, пока еще не сформированные до конца слова. Истолкованная как радикальная вакханалия мизансцена заставляет Плаксину закричать. И даже эмоциональная притупленность, свойственная журналистке, освещающей когда-то жизнь семейной пары в крокодиловом притоне, посещавшей подземный город, где старушки своими беззубыми ртами чистят семечки для продажи, не помогла ей справиться с увиденным. Мужчина с высоким лбом, редкой бородкой глядел своими зеленоватыми глазками, затуманенными овальными очками с желтыми стеклами, смущенно улыбался. При иных обстоятельствах девушка неминуемо залюбовалась бы столь чувственной мужской деталью. Иудейский, что там, греческий гордый нос. Проникнутое мужественностью лицо являлось образцом порядочности, данное лицо не могло принадлежать подлецу. Рядом с колбой, где была голова, стояла иная, пустая, Плаксину озарила страшная догадка, для меня, ой. Соответственно, и не придет более весна, занервничала Женя. Капельницы, механизм, схожий с древним компьютером, попискивал, ящик с желтым экраном с шипением выплюнул белую бумажку с кривым графиком. Диванчик, имеющий тигриную расцветку, изрядно выбивался из общего операционного содержимого гостевой комнаты. Спальный инструмент как бы являлся насмешкой над тем, что здесь отрубают гражданам головы, на этом диване как будто спят интерны, поставившие диагноз «грипп». Но голову не воротить, такие дела.

– Дмитрий Александрович, – представился частичный гражданин, моргая глазами, он расплылся в улыбке. Пристегнутое к Женечке дыхание, неприятно сдавило грудную клетку. Прилепленное с рождения имя Евгения совершило обратное действие, отлипло. Голова дяденьки стала разговаривать с Плаксиной: деточка, вы не волнуйтесь так, вон как побледнели, это никуда не годится. Голосом товарища, кажется, была озвучена сказка про кикимору, Женечка ее слушала в детстве на кассете, правда, сама Женечка об этом не вспомнила, зато мы вспомнили. Тем временем ноги журналистки оплели серые липкие стебельки, субстанция напоминала мерзотную дрянь, коей любят забавляться эти маленькие люди в общественном транспорте, неньютоновская жидкость она называется. Евгения дернулась телом в одну сторону, во вторую, однако члены ее никоим образом не сдвинулись с места. – Это так не работает, надо ласково, – сказала мегера Дмитриевна. Она наклонилась, и стала поглаживать запутавшиеся ножки, приговаривая: что ты, это наша гостья, что ты, отпусти. Жижам замурлыкала, словно у нее были косточки в груди, которые вот друг о друга трутся. Мерзость отпускает, стекается в лужу, лужа принимает форму кота, лужа бурлит и мурлычет. Афина Дмитриевна наглаживает пузико луже. Фантомная кошка катается по линолеуму. – Нам придется с вами провести какое-то время вместе, мне крайне известно, что я предстал в таком не целостном виде, но все же, – Дмитрий Александрович походил на мужчину мечты Плаксиной, только у Плаксиной случился ступор, или даже сонный паралич, а так Дмитрий Александрович очень и очень походил на мужчину мечты. – Не пугайте девочку, пусть отдохнет с дороги, – тетушка коснулась плеч журналистки, перламутрово-белые черепа на ее вязаном платье смотрелись устрашающе. Женечке помогли присесть на диван, порой так помогают присесть в лужу плохие советчики с задней парты.

Дмитриевна зажгла торшер, и опыление комнаты стало мятным, приглушенным, как будто глядят на просвет сквозь листик мяты, но он же такой плотный, как же глядят, глядят глазом. И на обратной стороне этого глядящего глаза пока еще не изобрели слово холокост, иными словами,

глаз не замутнен алчностью, похотью, детский такой глазик. Плаксина, засыпая не вовремя, ведь самое интересное в ее окружающем мире за тридцатый класс только начиналось. Мы получили этот пресловутый тридцатый класс путем сложения и вычитания, путем зерна, где сеятель проходит бороздами, а также отец его и дедушка по тем же прошли бороздам, что, в принципе, делает наследственность не такой уж бесполезной штукой. Передает не только алкоголические гены, шизофрению. Нет-нет, дело в возможности присосаться к родовой титке, дело в возможности оставить после себя что-то важное, в конце концов, голод никто не отменял. И поле, вспаханное, твое, прокормит селенье во времена очередного застоя. Женечке Плаксиной стали сниться пощечно-красные сны. Плаксиной лет десять, бабушке и того меньше. Она стоит в своем халате цвета вареной креветки, подверженная переносу, как особенно длинные слова, мы имеем в виду, бабушке жить всего ничего осталось, она чем-то занята в раковине. Маленькая журналистка кушает спагетти с фрикадельками. И это красноватое освещение, как будто через пленку, пожалуй, единственное, что смущает. Фрикадельки со спагетти замечательны, словно вымытый как следует проточной водой фрукт сладковатого страха, например, откинуть копыта от инсульта. Не знаю, откуда такая ассоциация, быть может, личные предпочтения. Материнская матушка поворачивает медленно голову, приоткрывает рот, улыбается, глаза у нее голубые, но были зелеными, в семье Жени у всех зеленые глаза. Она лезет пальцами в глазницу, вынимает один, хотя Женечка точно помнит, что подобной экзотики не было в детстве, она не умела так делать. Девчонка всасывает склизкую макаронину без удовольствия. Бабка беззвучно смеется, и это почему-то пугает чрезвычайно, нервнует, как будто вилкой по тарелке скребут.

Пальцы Плаксиной топчутся по бежевой скатерти с рюшечками, вдруг крошка, должно быть, зачерствевшая хлебная крошка уколола мизинец. Капелька кровушки напитала скатерть. Влияет ли климат на внятность речи, задумалась маленькая Женя, напряженно глядя в пустую глазницу. Бабушка помотала головой, и волосы ломкие и седые убыли с ее лица, и сама она, казалось, сползает в вечность. Бубнила не озаренные светом истины звуки. По-прежнему натянуто улыбаясь, она кинула свой глаз в тарелку Плаксиной. Потом подошла к холодильнику, открыла массивную дверь, как будто люк подводной лодки, стала выкидывать полочки, на шербатый паркет посыпались продукты. Бутылка подсолнечного масла закатилась под стол, пачка сосисок глухо шлепнулась. Консервы с рыбами из Баренцева моря лопнули. Родственница словно узнала животное в самой себе, не себя в животном, а именно животное в себе. Влезла в холодильник, закрылась, отгородилась. Событие показалось Евгению не лишенным фривольности. И тут холодильник принялся трястись, стукаться о стенку, опасно наклоняться вперед, вот-вот упадет. Гудел, трясясь, тряся и гудел. Потом неожиданно успокоился. Плаксина засунула в рот глазик, перепутав с фрикаделькой. Глазик был холодным, Женя катала его во рту. Из холодильника стали доноситься женские стоны, характерные для переживающей катарсис гражданки. Плаксина точно знала, что это уже не бабушка, слишком грубо для бабушки. Если бы ей наждачной бумагой обработали горло изнутри, а потом попрыскали керосином, но на такое никто не решится, пожилой человек все-таки. Маленькая журналистка догадывалась о готовящемся выходе из холодильника не бабушки. Чувствовала Женя себя при этом некомфортно, точно одетой по-зимнему, позирующей обнаженным художникам и художникам. В классе колышутся выступающие части женских и мужских тел, все они сосредоточенно пишат Евгению. Которой невероятно стыдно, ведь у голых людей сплоченность, они коллектив, у них принято расхаживать так, а Женечка вроде белой вороны, в фиолетовом платье до пола, в свитере поверх платья, в тулупе, в каракулевой шапке, в варежках. Дверь холодильника приоткрылась, и тут же захлопнулась, стенания прекратились. Послышались нездоровые хихиканья, так же будет хихикать, или уже хихикала давно Дария Запеканка. – Я погуляла вчера с собакой, – хихикает. – Купила себе новое дилдо, – хихикает. Но смех не бабушки как будто приглашал подойти к холодильнику, заглянуть в него, выяснить мотивы хохотунчика, узнать, что ему надо.

Недоросль Евгения глубоко вздохнула, стеклянный глазик попал в дыхательные пути. Благодаря лишению воздуха получилось переместиться в другой сон, сменить оптику с перспективизма

на субъективизм. В образовавшемся зазоре меж сновидениями Плаксина услышала переговоры мужского и женского голосов. – Бедняжка, вы полагаете, она справится? – спросил М. – Дмитрий Александрович, у меня чуйка, у девочки все получится, к тому же она не рожала, – ответила Ж. – А согласится ли, согласится ли на подобную авантюру, – не унимался М. – Конечно, это не профилакторий в Кисловодске, но мы сделаем все возможное, чтобы и мама и плод получили необходимые питательные микроэлементы и витамины, – задумчиво произнесла Ж.

Глава 9

Анатомический театр

– В четырехлетнем возрасте, за окном, помню, как сейчас, полуфабрикаты. Весна. Желтые краны, котлованы, рабочие пьют кефир вприкуску с булочками. Идет процесс возведения нового района. Наш дом, хоть и послевоенного года рождения, однако пришел в негодность так некстати, так вдруг. Отец занимал хорошую должность, поэтому вопрос о новой квартире был решенным. Вы не представляете, какая тогда замечательная двойная радуга образовалась на небе. Я сижу на подоконнике, мама, которая с самого моего рождения не покидала квартиры, вяжет мне сестричку, я попросила, беспечно с моей стороны, но раз уж сидит без дела, ничего страшного. Мной она мало интересовалась, я не могла подолгу разговаривать о Кьеркегоре, Шопенгауре. Примерно все наши беседы с ней заканчивались одним и тем же. – На какой стадии существования ты сейчас находишься? – спрашивала она. И я четырехлетняя, представляете, тряслась вся от волнения, как бы не ошибиться, ужас просто. – Мамулечка, – отвечаю ей, – на эстетической. – Смешно вспоминать, как же она бледнела, слыша такой ответ, губы поджаты, холодно так мне говорит: гедонистка, понятно. В этом отношении она была честна, не имитировала интерес, которого и нет вовсе. Отец же напротив любопытствовал, чем я дышу, всячески поощрял мои, скажем так, эксперименты. Мы с ним вместе рыбачили на пруду, сел в электричку, полчаса, природа. Мы с ним перепридумывали явления, предметы. Такая словесная игра, буриме, но сложнее. Дети, они же понимают много больше, чем в состоянии рассказать. Мне повезло с отцом, считаю. А как он щекотал своими усами, определенный талант, я считаю. Однажды Ваня Лебедев, юноша пятелетний, одаренный, скажем так, психопатичными наклонностями, сосед, проще говоря, поломал мне все детство. Детством я называю свою коллекцию бабочек, о, что вы, они сформировали меня как субъект. И тутовый шелкопряд, и Мадагаскарская комета, даже Птицекрыл! Отец у кого только не выменивал их, редкие граждане могли выехать за рубеж тогда, вы уже, наверное, и не помните тех времен.

Слушайте дальше, смешно вспоминать, но тогда я, дура дурацкая, организовала в нашем дворе выставку. Вынесла десять вот такенных полотен, застекленных, развесила их на березках. И мне думается, Стендаль был не прав, нет, не прав, когда писал об эгоистичной природе истинной страсти. Не для себя выставку я делала, а прежде всего для сверстников, надо было их образовывать, школы не справлялись. Конечно же, был некий мальчик, его звали Анри, он мне очень нравился. До сих пор помню его фамилию, вы не представляете, какая, на французский манер, Бейль. Знаете, тот период прочно ассоциируется с явлением, даже не знаю, какое слово подобрать. Эпифания, что ли, рождение во мне каких-то совершенно взрезанных смыслов, прозрений. Понимаете, может, конечно, показаться, показаться может, что четырехлетнему ребенку далеко до монографии, скажем. Однако, понимаете, в чем дело, порой сопричастность к тонким как бы мирам проявляется в особенных формах. То есть я хочу сказать что. Впрочем, его звали Анри, мой дебют как лепидоптерофилиста, двор нашего, пока еще деревянного, слегка почерневшего от старости, дома. И побледневший Ваня Лебедев, бросивший сливовую косточку в окошко, стоял, обряженный в матроску, замшевые сандалики, синяк у него под глазом налился цветом асфик-

сии. Стоял он особняком. Я что-то рассказываю, старушки крестятся на всякий случай, но видно, заинтересованы, в новинку им посещать выставки. Любовь всей моей жизни, маленький Павел Флоренский, воронные волосы до плеч, первый стебелек бородки на волевом подбородке. Он активно интересуется моими бабочками, спрашивает, заглядывая мне в глаза, убивала ли я в своей жизни. Вельветовые брюки клеш, тоненькое серебряное колечко на мизинчике, мне нравилось в этом денди абсолютно все, вещественное, телесное, все нравилось. – Анри, – говорю ему, – ты женишься на мне, когда мы вырастем?

Так вот, я сижу на подоконнике, улица после дождя, двойная радуга, красота неопишуемая. Мама довязала голову, вяжет красное сердечко. Папа сегодня вернется пораньше, у него начинается отпуск. Я размышляю, это ничего, что у меня мама биологическая почти не заинтересована во мне как в специалисте-филологе. На свете столько разных мам, мать-природа, кошка Люська, армия, гораздо страшнее не иметь отца. И за размышлениями этими проходит некоторое время, слышу, начинает рыдать, содрогается телом от слез, спицы упали, соответственно, наступает обед. Она плакала по часам, пунктуальнейший человек. Я собираюсь слезать с подоконника, как вдруг вдалеке, ой, как вспомню, гуська по коже. Гаргантюа в штатском. Но я хоть и четырехлетняя, сразу же все поняла, сотрудник КГБ, значит, напал на мой след. А связано это как раз-таки вот с Ваней Лебедевым, выставкой бабочек и любовью всей моей жизни, Анри. Об этом я попозже расскажу. Много важнее обозначить даже не дискурс того времени, но смысловые какие-то вещи, касающиеся лично моего взгляда, раздвоенного, что ли. Потому как возле комбината бытового обслуживания, из-за которого выглядывал сотрудник, были прочие граждане, однако ни один из них не обратил внимания на трехметрового молодчика. Темно-синие индийские джинсы, твидовый коричневый пиджак, на голове клетчатая кепочка. И вы понимаете, я поняла, что другие, вот мальчик с футбольным мячом, дынячка с трехлитровой банкой кваса, они просто не видят, им что-то мешает выделить, облечь в форму сотрудника КГБ в штатском.

Слышу возмущенную мать: что это за формы неявной любви к богу. Я взглянула еще раз в окошко, пропал преследователь. А мне предстояло идти в булочную, покупать хлеб, пирожки с повидлом и ряженку. Просто у матери была такая привычка, значит, эти масляные пирожки кушать и запивать ряженкой примерно после обеда. Обед у нас, как вы понимаете, готовился мною, правда, отец помогал, он был все-таки старшим научным сотрудником в готовке обедов. Я надеваю плащик, резиновые сапоги, мало ли, опять дождь зарядит. – Мама, ушла, – кричу ей из прихожей. Она безмолвствует, стучит по своей пишущей машине, после того, как она выплается, ей становится понятней, как следует работать с романом. Она писала нечто стилистически близкое к болезненной прозе Вирджинии Вулф, но я была не знакома ни с прозой Вулф, ни с прозой матери. В общем, я выхожу в поздневесеннее многообразие жизненных форм. Солнце тотчас начинает припекать макушку, легкая дымка в воздухе. И как будто уже подписан пакт о нападении на меня гормональных монстров, понимаете, мне всего четыре, а я уже засматриваюсь на мужчин, на их усы. Мой взгляд не совсем плотоядный, я мысленно сравниваю их с моим отцом. Неважно. В булочной очередь, я пятая, маленький рост подводит. Опыт медленного прочтения лиц помогает в данной ситуации. Женщина с отечными ногами в песочных колготках позади меня, водянистые глаза ее выражают крайнюю степень усталости. Она как будто кричит: я загнанная лошадь, пристрелите меня. И начинает крениться в мою сторону, я девочка сообразительная. Ставлю в известность окружающих: помогите, у тетеньки приступ! Таким образом, пока люди отвлеклись, я пролезла и купила все, что мне нужно.

После булочной и гастронома шагаю, значит, домой, про товарища в штатском как-то совершенно позабыла. А он стоит прямо в подворотне, головой касаясь свода, интересный такой. И никто его, конечно же, не видит, или не хотят видеть. Начинаю бежать, гражданин бежать не спешит, прогулочным шагом за мною бредет. Я за гаражи, этот за мною. Размерами с крик воробушка там стоит половина ржавой бочки, в ней угли. Присела на корточки за нею. Сама размышляю о судьбе Лидии Чуковской, какой ужас, поседеть в тридцать три года, уму непостижимо. Слышу покашливания, такие деликатные, когда так покашливают, возникает мысль: так, увиде-

ли, как я совершаю непристойность, надо делать ноги. Поднимаю голову, а он стоит надо мной, представляет, и строго так смотрит, нахмурив брови. Настолько высокий, что грозные великаны Эллады кажутся чем-то далеким, эфемерным, когда такой здоровый сотрудник в штатском рядышком. Ладочки промокли, само собой, а мой язык, представляет, упирается в зуб, нижняя челюсть, тридцать четвертый справа. И этот несносный зуб, значит, шатается, молочный. Рука товарища, наверное, как половина меня, четырехлетней, тянется, норовит ухватить. Кричу ему что есть силы: перестаньте заниматься реваншизмом, вы ничего не добьетесь! Я была такой идеалисткой, что вы, всегда отстаивала равноправие детей в нашем садике. Воспитательницы старались не связываться со мной во избежание разбирательств у директора. И бросилась я, как эмигранты Белого движения, наутек.

– И что он с вами сделал? – спросила севшим голосом Плаксина, не открывая глаз. Она лежала в комнате с плотно задернутыми шторами. Из ее руки торчала иголка, в капельнице булькала янтарная жидкость. Журналистка, освобожденная от собственной одежды, вместо нее телесного цвета закрытый купальник, чуждый в значении чужой. – Доброе утро, – сказал Пригов. – Что, а не поймал, я девочка была юркая, – Афина Дмитриевна неуместно посмеялась. И журналистка открыла глаза. Очутившись в гостинной, идентичной натуральной. Механических организмов комната содержала гораздо большее количество, нежели Евгения заметила минувшим вечером. Две серебристые капсулы с человеческий рост высотой у дальней стены. В мутно-голубых окошках чьи-то бледные лица. – Меня будут искать, – на всякий случай предупреждает девушка. – А мы и не возражаем, понимаете, когда всю жизнь проводишь за мытьем посуды и написанием возвышенных стихов, страх становится категорией чуждой, – Дмитрий Александрович был хорош в своих изъяснениях. Евгения прищурила глаза, фокусируясь на голове мужчины чьей-то мечты. – Ваш путь был сопряжен с определенными трудностями, не поймите меня неправильно, я вовсе не хочу вам понравиться, – поэту и не надо было пытаться понравиться, он опционально нравился, и это не обсуждалось. Единственное, что не совсем понимала Плаксина, где же она так согрешила, посмертие – девушке чудилось, это оно, – совсем не пугало, немножечко разочаровывало, но не пугало. – Вы слышали что-то о мальчике, который чистил себе пальчики, а потом оказалось, что мальчик никакой не мальчик, а собака, и вот собака бежит уже за настоящими мальчиками? – Дмитрий Александрович, казалось, играл с Плаксиной. – Какие мальчики, какие пальчики, что в меня сейчас наливается, и что будет потом? – Женечка приобрела черты журналисткой машины. – Давайте я расскажу, давайте я, – взвилась кострами, как дети рабочих, Афина. Она едва не опрокинула поднос, установленный на стульчике с колесиками. На фиалковом подносе стоял апельсиновый сок в стеклянном бокале, в миске было пюре, по виду пюре, не открытая пачка злаковых хлебцев, медовых.

Евгения Плаксина заметила эту знаменитую, не лишенную ума стихограмму на потолке. Ряды, состоящие из двух буковок малого роста «АЯ» сходились в центре в довольно-таки внушительную «АЯ». Голова литератора проследила за взглядом Женечки. – Вы залюбовались объектом, любуйтесь, пожалуйста, траекторией вашего взгляда, он много симпатичней, – сказал Дмитрий Александрович. Женя по-кошачьи заурчала, потом взяла себя в руки. Негодующе воскликнула: вы в своем уме, это же похищение меня при исполнении служебных обязанностей! – Тихе, тихе, мы должны привести, голубушка, ваше тело в порядок, – Афина переставала нравиться журналистке. К тому же Евгения заметила, правая рука и ноги фиксировали резиновые ленты для шейпинга. Завязанные мастерски, они почти не ощущались, поэтому были обнаружены слишком поздно. Когда девушка решила свернуть шею Дмитриевне и бежать без оглядки на электричку. Не пытайтесь покинуть город Ю, горько подумала Женечка. Пришпиленная, словно булавкой в анатомическом театре полоумной филологиней, то есть женщиной-филологом, какая теперь разница, как ни назови, на вкус одинаково. – Цыпочки, послушайте, давайте обойдемся без этих сократических диалогов, пожалуйста, – взволнованно произнес великий поэт. И продолжил произносить: свободу Анджеле Дэвис мы, конечно, не в состоянии обеспечить, однако вы, Евгения, сможете принять решение, участвовать вам в мероприятии, организованном Афиной

Дмитриевой, или не участвовать. Корреспондентка притихла, перестала изображать пациента на вязках, дрыгаться перестала, выкрикивать ругательства тоже перестала. Прекратила, ибо «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Изъясняться сказками Афанасьева без цензуры показалось Женечке неуместным. – Процесс технологической обработки будущего материала, что это я, будущего ребенка, он будет происходить исключительно по согласованности с вами, если вы с нами, конечно, захотите остаться, – сообщила доверительно мужская голова, освобожденная от беспокойных рук, впрочем, Дмитрий Александрович, творчество которого Плаксина проходила на факультете современной литературы. Впрочем, Дмитрий Александрович умел замечательным образом занимать свои не менее талантливые, чем голова, руки, Строганов С.Г. вам подтвердит.

Шепот гостевой комнаты пах формальдегидом. Глубинка снов кибернетика не вызывала в Плаксиной интереса, не имело желания рассматривать конденсаторы, созвучные с неровностями кожи, выступающими на механических организмах. Корреспондентка потянулась правой рукой к бокалу на подносе, вязки позволяли. Они, словно Нобелевский комитет, тянувший с удаиванием награды инструкторского бюро вместе с Королевым Сергеем за вывод искусственного спутника Земли на орбиту, в определенной степени создавали дискомфорт, хотя и не смертельный. Удерживали от полнейшей свободы данные резинки, но давали некоторый простор, так необходимый для захвата апельсинового сока. Дмитриевна незаметно вытянула иголку из Жени, профессионально, чтоб не образовалась гематома, согнула руку журналистки в локте, с вложенной проспиртованной ваткой. – Допустим, вы меня тут чистите, что-то гоните про беременность, допустим, какова, собственно, глобальная цель, в чем месседж? – спросила девушка, выпив залпом blood of an orange. За стеной у соседей слышались приглушенные звуки сексуальной постановки «В ожидании Годо». Своеобразная притча была прослушана Женечкой, Приговым и Афиной Дмитриевой. Женский голос кричал, рыча: Саша, Саша, твою мать, я вся горю! Предположительно Саша тонким голосом отвечал, тоже крича, но, совсем не рыча: Вера, я не могу отвлечься, я тоже горю! – Сгорят же, – предположила тетюшка. Как будто в подтверждение слов ее раздался жутчайший треск, подобным образом трещит падающее дерево, запятнанное огнем. И в довершение постановки соседка крикнула раздраженно: дорога кажется, твою мать, бесконечной, когда идешь по ней один!

Взбивать молоко сюрреализма, чтобы получить масло свехсюрреализма, Евгения, кажется, не хотела, поэтому она легла на спину, утопая головою в пуховой подушке, и принялась меланхолично молчать. Стихограмма как будто изменила структуру свою, буква я поменялась местами с буквой а. – Понимаете, вот в чем дело-то обстоит, социокультурная ситуация, она напрямую зависит от социально-политической, и наоборот, – произнес незабвенный поэт. – Именно, вы, как всегда, правы, – сказала одобрительно Дмитриевна, делая ударение на последний слог в слове правы. – Хорошая моя, сейчас не дискуссия, я пытаюсь что-то объяснить нашей гостье. – Дмитрий Александрович, и в мыслях не было заниматься вашей люстрацией, я просто дополняю, – тетюшка всплеснула руками. Отстиранная от ощущения уюта наволочка была горяча, напивавшись, должно быть, за минувшую ночь Жениным потом. – Команда не была дана окутать прошлое туманом, и мы все-таки не будем, да, Афина Дмитриевна, вдаваться в кибернетические обстоятельства, благодаря которым я вот не завершился окончательно, – сказал обаятельный поэт. – Совершенно верно, лучше и не скажешь, – поддакнула тетенька. Евгения Плаксина прочитывала страдания света в комнате для гостей, как будто на фоне темно-голубого неба раздаются вспышки молний, но вспышки молний не смолкают, но вспышки молний продолжают висеть на фоне темно-голубого неба. Это мерцал электрический шар гадалки, он же светильник. Корреспондентка спросила у присутствующих: у вас не будет сигаретки? И Афина засуетилась: конечно, конечно. Предоставила свою ароматную сигарку, на подносе выросла хрустальная пепельница. – Что ж, скажу с римской прямоотой, в нашей стране активно артикулируется мышление, и это при отсутствии гражданского общества, что художник не в состоянии, не в кондиции, как сказала бы наша замечательная Афина, художник, будто не в состоянии приращивать к существующим

вещам, социальным, политическим новые смыслы, – голова обворожительного поэта подбирала слова. Подобрала, бросила в Женю: экономические преуспевания становятся самоцелью коллег художников, наша замечательная Афина знакомит меня с их творчеством, самая настоящая халтура, извините меня. Девушка, кажется, начала понимать, каким блудом окажется пребывание здесь, однако не подала вида. Память золотой рыбки в пакете в конечном итоге обрастет новыми связями, стоит лишь выплеснуться на пол, память золотой Плаксиной что-то ничем не обростала. Она задумалась на мгновение, что Филипп ее не будет искать, разве подаст объявление в газету, но искать с собаками по лесам не станет. Такой уж главный редактор человек, можно сказать, профессиональный убийца, а можно и не наговаривать на Варфоломеева.

– Интеллектуальная активность стремительно тает, становясь чуждым проявлением работы души, все до банального просто, там, – взвешенный поэт указал глазами на потолок, – совершенно не заинтересованы подавать в руки поэтам, писателям власть над коммунальными службами, пенсионными фондами. – Неожиданно к Плаксиной пришла тройственная богиня. Речевое пятно, фонетически близкое к удивленному вскрику девочки, обнаружившей на своем сарафане первую менструальную кровь, расплзлось по лиловой простыне. – Ничего, ничего, я все уберу, – засуетилась чуткая к чужим оплошностям Афина. Она покинула комнату, быстро вернулась с голубым тазиком воды, новой простыней, прокладками. – Дмитрий Александрович, закрой-те, пожалуйста, глаза, – попросила она, мужчина исполнил ее просьбу, это была коллективная женская просьба, Женечка мысленно тоже попросила. И филолог помогла своими деликатными руками справиться с проявлением растущей луны. – Дмитрий Александрович говорит о том, что самое время появиться мессии, принадлежащего, быть может, неподцензурным писателям, но способным не поборяться взять власть в свои руки, – озвучила Дмитриевна крамольную мысль. – А я, значит, инкубатор для этого мессии, – рассмеялась истерически Женя, – и чей материал мы будем использовать? – Лучезарный поэт грустно вздохнул, сказал: понимаете, на этот вопрос мог ответить Жоржик, муж Афины Дмитриевны, благодаря которому ваш покорный слуга сейчас находится частично в банке. Тетушка подтвердила: к сожалению, мой супруг не возвратит, словно коллаборационисты из-за границы небытия. Плаксина восприняла слова тетушки в штык-ножи СВТ-40: то есть вы хотите сделать из меня инкубатор, а я радостно выношу вам человечка, которого безвозвратно отдам политике? На прозвучавший вопрос никто не решился ответить, чувства матери сложно понять тем, кто не мать. Женя свесилась с дивана тигровой расцветки, вчерашняя липкая и чрезвычайно подвижная лужа исчезла. Девушка спросила с отвращением: а это я так понимаю, был неудачный ребенок, вы проводили свои гнусные эксперименты до меня! И тут уж Афине Дмитриевне пришлось раскошелиться на объяснительную: скажу вам так, мы не собираемся вас неволить, неудачные попытки имеют место быть, однако роженицы живы, как вы можете наблюдать, они в криокамерах, они проходят процесс реабилитации. – Решение принимаете вы, если не хотите, то как хотите, – сказал очень верно подмеченную вещь Дмитрий Александрович.

И Плаксину как будто прошибло разрядом тока, она твердо сказала: не хочу, не буду! И тетушка, погрузившись, была вынуждена распутать неволящие Женю путы. Встав на ноги, корреспондентка подавила в себе желание неминуемо разбить банку с представителем интеллигенции, а потом и разбить голову другому представителю интеллигенции. Она уперла руки в бока, покраснела, вела себя словно разъяренный теленок. Но что это, легкость во всем теле, не осязаемая ранее, кажется, ни один рецептурный препарат, прописанный Плаксиной, не дарил это чувство в такой мере. Евгения склонила голову набок, потом на другой бок, полной грудью вдохнула по-прежнему пахнущий больницей воздух. И спросила: капельницы? И Дмитриевна ответила ей с готовностью: капельницы, малая часть их, впереди вас ожидал полный цикл. Женечка, сама себе не веря, медлила покидать странную квартиру, возможно, полный цикл именно то, что ей нужно, возможно, возможно, возможно. – Мы можем пройти очистку организма, окончательно решите, вынашивать или нет будущего правителя мира потом, – уставшим голосом сказала Афина. – Если ничего не получится, я попаду в холодильник, а дальше что, стану одной из жертв маньяка, пропавших

навсегда? – поинтересовалась проникательная, но поспешная Женя. – Ну, что вы, две девушки позади вас обязательно вернуться, освободившись из-под грамматики, как два первобытных языка, – заметил очаровательный поэт. Дмитриевна, стоявшая в точке, потерявшей свою опору, качнулась, но не упала. – Милочка, с вами все ок, ок или не ок? – спросил галантный поэт. – Что-то голова закружилась, а вы понимаете, это наш последний шанс, биологического материала как раз хватит на один раз, – задумчиво произнесла тетушка. – А вы и медсестрой работали? – вмешалась Женечка. – Голубушка, берите выше, старшей медсестрой отделения в репродуктивном центре, – женщина-филолог была поистине целеустремленной дамой. Творческое сияние пробивалось из-под гобеленовых темно-салатовых штор. – А с улицы люди видят, чем вы занимаетесь? – поинтересовалась настырная корреспондентка, все-таки первый этаж. – Вы не поверите, у нас окно одностороннее, как, знаете, в допросной комнате, – оживилась Афина, казавшаяся до этого оживленной изможденной Кристиной на картине, которую написал Эндрю Уайт.

Интересная, словно рисунки в журнале «Крокодил» за любой год, мысль посетила Плакси-ну. Вульгарная мысль, стоит признать, а почему бы, собственно говоря, не прокапать организм у данных подозрительных граждан. – Ваша заранее подготовленная гармония, которая закреплена именно за вами, в некоторой степени рискует упасть в лужу лицом, – как будто прочитал внутренние сомнения относительно принятия медицинской помощи от людей, имеющих к медицине никакое отношение, Женечки, Дмитрий Александрович. – Скажите, часто ли вы покупаете герань у старушенций, таких, знаете ли, в коричневых пальто, с куцыми воротниками, сторбленных, они еще встречаются возле платформ, в переходах? – спросил кургузый поэт. – Один раз купила, но это вообще непонятное что-то вы спрашиваете, – напряглась Женя. – Отчего же, с каждой проданной геранью одна старушенция может позволить себе купить ватрушку, или не ватрушку, или булочку с маком, следовательно, закреплённая именно за вами гармония не падает ни в какую лужу, – рассудил Дмитрий Александрович. – И сколько мне нужно купить гераней, чтоб так называемая гармония наступила? – флегматичным тоном интересуется корреспондентка. Дмитриевна покидает комнату, не объясняя причину. Аппарат с желтым экраном вновь выплевывает листок с кардиограммой. За окном голосит мальчишка: упрямая слепота мешает вам приблизиться к познанию седьмого уровня «Супер Марио»! Ему возражают: а ты, вообще, о чем трешь, мы хотим построить шалаш, а ты, вообще, уходи, мы тебя не знаем! Тогда первый мальчик, говоривший о видеоигре «Супер Марио», начинает громко плакать, как последний лох. – А по времени сколько вы меня будете приводить в здоровое состояние? – спросила Женя. Вошла Дмитриевна с подносом, на котором дымилась плошка с куриным бульоном, кисель в прозрачной кружке напоминал обойный клей. – А я вам отвечу, сейчас вы отобедаете моим чудесным страусиным супом, а он чудесный, не сомневайтесь, меня превосходно научили его готовить африканские коллеги, когда я посещала племя в целях обмена опытом, – глаза тетушки блеснули азартно. Евгения не заметила, как стала улыбаться столь обескураживающему радушию. Улыбка приклеилась, подобно газетам, к ее лицу и не желала сходить. – Первую фазу вы прошли, вторая фаза очистки начнется после обеда, вы примете перорально некую микстуру, Жоржик знал подробности, я, к сожалению, не знаю, мы располагаем лишь его записями относительно последовательности, – женщина выдала журналистке вафельное бирюзовое полотенце. Девушка использовала его на манер слюнявчика.

Чарующий поэт дремал. Афина Дмитриевна, позвякивая баночками, что-то смешивала на столе, где стояли механизмы, напоминающие изобретения Герберта Уэллса. Похлебка была настолько вкусной, что Женя стала пропускать свои вдохи, из-за чего подавилась, из-за чего закашлялась. – Все мы птицы на один манер, ну, два, ну, что же, милый мой милиционер, – пробудился Пригов. В комнате сделалось жарко, тетушка, снедаемая установками концептуалистов, ведь готовка микстуры это сродни ловле закатных дней сачком. Не сумеешь предугадать, обожжешься ли, не обожжешься. Вот и сейчас у Афины Дмитриевны зашипело и задымилось там, в скляночках. – Ничего страшного, все в моих руках, не пугайтесь, а то заикой станете, Рейган нас кормить не хочет, а я вас очень даже хочу накормить микстурой, – зачастила она. Мокрица бежала по простыне. Плаксиной стало неприятно лежать на простыне. Прозорливый Дмитрий Александрович

сказал: всех прочих мокриц мы на потом оставим, что-то я устал, Афина, занавешивайте, будьте любезны, меня. – Земля крошится уж сейчас, но не мешает приему лекарства, – радостно сказала Дмитриевна, занавешивая непроницаемой черной тканью колбу с головой по принципу клетки с попугаем. Потом она подходит к постели, протягивает Жене пластиковый стаканчик размером с пять наперстков. В нем фиолетовая жидкость с мазутными разводами, непонятная, словно труднодоступная речь карелов. Доверчивая Евгения залпом выпивает и проживает на своем языке вкус лимона. И становится физически настолько маленькой, опять же по ощущениям, что с легкостью помещается на свой непомерно длинный язык. Журналистка прикрывает глаза, лежа на мягком диване. – Тогда я закончу свою историю, если вы не возражаете, вы спать сейчас все равно не будете, разные галлюцинации у вас будут, – сообщила смешливо тетушка.

– Представьте, наш двор, и выставка идет полным ходом. Ваня этот, Лебедев, пожирает глазами, действуя на нервы. Но я не поддаюсь, меня спрашивают, а что это за экземпляр. Говорю, это бабочка аутомерис, видите, характерные глаза на персиковых крылышках. Анри, похожий на Флоренского, кладет свою руку мне на плечо, предлагает посетить лютеранское кладбище в полночь, там, говорит он, необыкновенный воздух и думается хорошо. Мои щеки превращаются в два пылающих яблочка. Иван, это я много позднее поняла, испытывал ко мне явные симпатии, как поговаривали старики в моем детстве, имел интерес. Он прокричал своим хулиганским, травмированным папиросами голосом: за батьку царя, лови фашист гранату! И бросает петарду прямо в нас. Мой отец был заинтересован в моем воспитании, мы часто с ним ездили на стрельбища, ему, как не последнему человеку в редакции, полагалось личное оружие, помню, это был крошечный дамский пистолет. К чему это я, точно, взрывчатка Ивана продолжает лететь, а мое тело рефлекторно падает на землю, уши заткнула. И произошел хлопок. Женщины закричали, милиция, спасите! Воронка в асфальте полметра. И стекла все побились, мои бабочки, кто уцелел, а кого порезало. Анри, бедный Анри, от страха у него случился перекос, и лицо набок, и глаза в кучу.

Вращением своей головы Лебедев распугивал старушек, и слышался возбужденный рев детворы. К нему неслась ватага малолетних преступников. Иван схватил мою тизанию агриппину, единственную целую, видели бы вы ее расцветку, это что-то с чем-то, совиная шкура, не иначе. Она занимала у меня целый лист, тридцать сантиметров размах крыльев, вообразите себе. Он хватает своими цепкими гнусными пальчиками гордость моей коллекции, потом совершенно, просто совершенно, как некий тамбовский волк, бьет картиной о дерево, стекло вдребезги. Ору напропалую, как ненормальная, бабки с лавочек брякаются оземь. Любовь всей моей жизни после взрыва петарды окосела, понять ничего не может, глаза-то к переносице. И я с ужасом осознаю, что Анри мне больше не симпатичен. Хотя и некрасиво из-за какой-то внешности порывать с человеком, а что вы хотите, мне было четыре года. Я не оправдываюсь, но самки волков заводят любовные отношения на всю жизнь, а тут возникает вопрос меркантильного толка, если самец не в состоянии вовремя разглядеть опасность, что тогда делать самке. Быть может, это звучит комично, однако в свои четыре года я прекрасно эти моменты просчитывала. Наверное, у вас возникнут вопросы, не знаю, какие видения вас посещают, надеюсь, моя речь не лишена бульона. – Плаксина, затаятая двумя кусками снов, соскальзывала в повествовательный ров, из которого Афина тележила, ведь это называется тележить, прокатывать телегу с устным народным творчеством. Эдуард Альбертович Срапионов, ныне покойный, занимался подобным всю жизнь.

– Растоптанная выставка, оскорбленная до глубины души я, покалеченный Анри. В моей голове стали рождаться планы, мстить надо было. Целую неделю я ходила, размышляла, словно граф Монте-Кристо. И решилась. В школе, совсем забыла вам сказать, я пошла в школу в четыре года, нонсенс, а что поделаешь, в школе проходила неделя обычаев и традиций мировых культур. Понятное дело, дружественных стран. В октябре, в золотогровом октябре я изъявила желание провести торжество в честь богини Кали. Соответствующий антураж пришлось навести в актовом зале, в этом помогали дети, которых терроризировал Иван. Празднество предполагало, что мы отправим получеловека-полуптицу Гаруду с тем, чтобы он утолил голод Кали, накормив

ее своей кровью. У матери я нашла снотворное, которое немедленно конфисковала, а потом все случилось до банальности просто. Мы подмешали в столовой в чай Лебедеву медикамент, и он незамедлительно уснул, сраженный наповал. Актовый зал мы заранее украсили, нарисовали плакат с многорукой Шивой. Развесили желтые, оранжевые тряпки по периметру. Завели пластинку с мантрами, не помню, кто принес пластинку, наверное, Рита, чья мать посещала баптистскую церковь. Возмущенный звуковыми колебаниями голосов индианок, актовый живот сокращался. Обездвиженный и беспомощный Иван, раздетый к тому времени, был привязан к стулу. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой радикально настроенных маленьких женщин, разодетых в странные платья, с кухонными ножами в руках. Видели бы вы его реакцию, «что происходит», «уроды», «я вас на ремни порежу». Порежет он, смеемся мы. А потом он замолчал резко, посмотрел на свое голое тело и чрезвычайно погрузнел, ведь предстать голеньким при девочках в те времена, да и в нынешние, мне кажется, существует, как бы зашквар. Воин сломался и пустил скую слезу. Конечно, мы не стали втыкать лезвия в него, ибо статья. С тех пор Ваня Лебедев стал заикаться и уронил свой авторитет, по крайней мере, так это воспринималось.

Потом я стремительно росла, и это сопровождалось тотальным ухудшением психического состояния матери, продвижением по службе отца и разными мифическими происшествиями. Они частенько со мной происходили. Не надо было даже залезать в подвалы с подружками, вызывать пиковую даму, препарировать грызунов. Вот, допустим, у отца на даче был мушкет, стоял в шкафу, никогда не доставался оттуда. Лет в пятнадцать я активно интересовалась темой охоты, помнится, пьеса, которую я тогда писала, предполагала, как бы это сказать, фактуру. Достав мушкет, я с удивлением обнаружила, что из дула растет ирис, нежно-фиолетовый такой. То есть каким-то образом он из безжизненной древесины смог появиться. Мать сидела на веранде, я кричу ей: смотри, что произошло, смотри, что произошло! Она выходит из себя, кидает в меня свою печатную машинку, лоб вдребезги. Скорая помощь едет непростительно долго. У меня случается озарение, сопровождающееся галлюцинациями божественного толка. Иными словами, происходит привязка к нижним уровням информации, состояние схожее с белой горячкой. Меня везут в райцентр, какое интересное словечко, не находите? Привезли меня в райцентр, где товарищи медики, что за чудесная была система, вы и не помните, наверное, система Семашко. Медики замечательно меня подлатали, трепанацию провели виртуозно. Пристыженная отцом мать принесла мне поэму, посвященную нашим шершавым отношениям. В тексте присутствовало множество аллюзий на Медею. Я лежала в палате, заматанная в бинты, в этом отношении созвучная человеку-невидимке Уэллса. Мать была молчалива, ее глаза выражали вселенскую грусть, она курила прямо в палате. Которая обросла висцеральным дымом. Наэлектризованная нянечка ее выгнала, металлические пальцы нянечки впились в локоть матери, та предпочла не спорить. Хотя она была весьма своенравна, и могла обидеться. Когда мать обижалась, тогда тушите свет просто. Нянечке я тогда не позавидовала бы. Помните, убийство на станции метро Ждановская, нечто подобное, вполне вероятно, произошло бы. С последующими увольнениями высокопоставленных лиц, расстрелом рядовых сотрудников. Но мать не стала выступать. И вы представляете, после моего боевого ранения видения, моя связь с тонкими мирами, она пропала, как будто слово баженный из обихода.

А потом наступило самое интересное, это институтская пора, случались удивительные знакомства, я страстно увлеклась французским языком, изучала семиотику Лотмана, ходила на поэтические вечера. Однажды меня даже занесло в Южинский кружок, где Юрий Мамлеев падал с табуретов, которые невообразимым образом под ним ломались, когда он читал мистические рассказы собственного сочинения. Окультиная среда, пульсирующая вовне моего организма, казалась детской игрой, творческие люди того времени являли собой половозрелых Питеров Пэнов, отрицающих культ взросления как таковой. На первом курсе, стоит заметить, в моей жизни появился будущий супруг Жорж, это была любовь с первого удара. Он пришел в наше учебное заведение, чтобы встретиться со своим другом, я пыталась выйти после занятий. Тяжелая дуговая дверь поцеловала меня прямо в лоб. Естественно, я упала, словно тестостерон у мужчины

со свинкой. История нашего знакомства и последующей любви носит характер стихотворения Яна Сатуновского, вы помните: «так, ничего определенного; нечто неопределенное; нечто туманное; млечно-серое на сумеречном фоне». И, несмотря на отобранные у меня звание пифии, мне удавалось наслаждаться восьмидесятью, бархатными, как голос Федора Шаляпина. Наша безалкогольная комсомольская свадьба обернулась месячным туристическим походом по местам передвижений группы Дятлова. Вы и представить не можете, сколь мудры граждане в деревнях, уральский фольклор покорила меня своей обезоруживающей простотой, которая при должном анализе, нет, при должном рассмотрении оказывается весьма к месту, ко времени. К примеру, из того, что я помню по сей день: «сколь народу, сколь народу. Сколь народу мучится! А у наших у хозяев с жиру брюхо пучится!»

Женечкино самосознание сгустилось, словно стуженка. Она совершенно точно решила не идти на поводу интеллигентов и не рождать будущего мессию. Что же это за постироничное месиво, понятно, что ничего не понятно. Афина Дмитриевна продолжала рассказывать о выдохах и вдохах, которые считает с самого детства, и к концу своей жизни посчитанные выдохи и вдохи завещает ребеночку, рожденному Евгенией Михайловной Плаксиной в одну из грядущих суббот. В северной оконечности головного поля девушки подтаял сугроб, содержащий некий электрический импульс, он запустил ряд сожалений. Почему-то гаснущему сознанию Жени было важно вспомнить о некормленных кошках у них в коммуналке. Старушенции ежедневно, словно подношения богам, ташили сухой корм в целлофановых пакетах, заветренную колбаску, рыбные потроха. Кошек развелось в подвале какое-то дикое количество. Они время от времени образовывали огромное мурлыкающее божество, бусые, рыжие, черно-белые тела, получался совершеннейший теплый Сварог. Плаксина и сама не заметила, как подселла на кошачью религию, исправно приходила к шестому подъезду под вечер, отчего-то замурованному подъезду. Возможно, хотели сделать пожарный выход, возможно, оплошали. И когда журналистка приходила, кошечки висели на ветках деревьев, ходили на задних лапах в смешных гофрированных юбочках, радовали глаза и душу, радовали. Не успела, с тоской подумала девушка. Еще возникали разные откровения в меркнувшем сознании. Почему, например, стены в подъездах хрущевок были покрашены ровно до половины. А очень простое объяснение здесь существует. Каждый квадратный метр, он рассчитывался с учетом потребностей жильцов. Ширина лестничной площадки едва позволяла разминуться гражданам. Чтобы приглушить ощущение замкнутости, избавились от однотонности. Конечно, краска еще стоила денег, а экономика должна быть экономной. Афина, кажется, рассказывала личное: моя фамилия Вифлеемская, вы понимаете, что это значит, а значит это только одно, молочка, мне нужно собирать русские земли, нумерология, эзотерика, все об этом.

Плаксина подверглась страсти к поражению. И поразившись чужестранной Дмитриевне, умчалась на оливковом военном студебеккере в Рио-де-Жанейро детских воспоминаний. Белая блузка, темно-синий джемпер, детский садик. Вот-вот придет Вячеслав Полушин, мальчишек и девчонок в связи с этим знаменательным событием согнали в актовом зале. Женечка сидит на стульчике во втором ряду, на сцене висят сангиновые шторы, на шторах шарики, белые ошибочные буквы: мы вы и бем жизнь. Малолетняя корреспондентка расшатывает языком зуб, имеющих молочные корни. Клоуна все нет и нет. Воспитательница, имплантированная в организм детского садика, с завитыми пергидрольными волосами, призвала сконцентрировать внимание на ней. Она широко развела руки, как будто хотела обнять всех присутствующих. Рядом с Женей сидел умник Вячеслав пяти лет с непропорционально развитой головой, он весьма остроумно заметил: чем шире объятия, тем легче распать. Женщина в болотной водолазке, с жемчужным ожерельем на шее, говорит, в сущности, правдивые вещи, обращаясь непосредственно к Плаксиной: Полушин опаздывает, и вы успеваете родить ребенка, иначе Асисяй, а вместе с ним и планета не выстоят перед силами антихриста. Женечка из детства спрашивает: а как вы познакомились с Дмитрием Александровичем? И воспитательница голосом Афины ей отвечает: ох, так вы в кондиции, голубушка, спите же скорей, я завтра вам все расскажу, ничего не утаю.

Глава 10

Профилакторий

– Все началось с электрофореза. Быть может, наше знакомство с Дмитрием Александровичем явилось следствием вот этой совершенно невообразимой умственной работы профессора Страхова у нас в России в девятнадцатом веке. Мы вторглись в пределы профилактория «Дубинушка» на исходе лета. Какой же это был год, год, наверное, восемьдесят восьмой. Бассейн, лечебная грязь, водный массаж, минеральные ванны. Вы и представить себе не можете, сколь немного требуется атману для счастья. Я тогда, помнится, только готовилась к защите диссертации, а Дмитрий Александрович вовсю нападал на интеллектуалов того времени. Моя подруга, валютная проститутка Изабелла, тоже выпускница филфака, спуталась по работе с одним немцем-издателем, который был влюблен в творчество Пригова. Мало того, влюблен, он ревностно следовал за поэтом, кланчил бестактно: ты есть лучший литература, мы есть с тобой немцы, мы должны помогать! Но Пригов, разумеется, был исключительно нашим достоянием, вот так мы ловко его себе присвоили. От моей подруги, которая, между прочим, считала, что она на острие жизни, а в итоге, по моим впечатлениям, и по впечатлениям состоявшегося судебного заседания, она была на острие заточенной тюремной ложки, кажется, из-за клофелина. От нее мною была получена информация, Ганс проговорился, Дмитрий Александрович направлялся в «Дубинушку». А я, вы понимаете, после тех несчастных встреч на семинарах, на его публичных выступлениях, почувствовала, что между нами самая настоящая духовная связь. В ночь с 30 апреля на 1 мая случилось у меня видение мифологического толка. Жоржик уехал на конференцию, его отпустили власти, на Кубу.

Обезумевшие от жары коты, у нас их двое было, грызут кубики льда. Вечно открытая форточка, москитная сетка. Я любила спать голенькой, и по дому передвигаться голенькой. Улеглась, значит, и снится мне район Беляево в летней дисперсной системе. Где тела химически никоим образом не реагируют друг на друга. Мужчины после завода дуют пиво, на лавочках хиппи целуются. Постовой регулирует на перекрестке. И время какое-то не мое, прошлое, лет как будто от конца восьмидесятых пятнадцать назад. Шагаю себе, в сарафанчике, мороженку даже купила, таксисты сигналият, как будто бегемоты во время брачных игр. И тут я осознаю, что пребываю во сне, все по Кастанеде прямо. На столбе объявление, однако, я, будучи девочкой сообразительной, отдаю себе отчет: нахождение в сновидениях дело сугубо созерцательное, тексты там не считаешь. И что бы вы думали, без особых надежд взглянула, представляете, и смысл поняла. На машинке набранное приглашение, выставка по адресу: конец Профсоюзной улицы до пересечения с улицей Островитянова. Мероприятие на открытом воздухе, класс, думаю. И только подумала подобным образом, ко мне подошел гражданин в презентабельном костюме, смотрит на меня оленьими глазами бездонными, рога у него красивые, честно говоря, засмотрелась. А он и говорит человеческим голосом: ну, что посмотрела, теперь лови осень. Раздался гром, а я стою уже на пустыре, вокруг люди какие-то возбужденные. Дождик мелкий хлещет по щекам. Художники полотна свои вытаскивают из сумок спортивных. А с другой стороны муниципальная техника с саженцами, рабочие хмурые. Гражданин с оленьей головой в громкоговоритель предупреждает: предупреждаю, товарищи художники, вы срываете нам субботник. А я понять не могу, если субботник, тогда мне переодеться же нужно, а если выставка, пожалуй, не переодеваться. Я кричу человеку, хоть и не сторонница антропоморфизма: послушайте, олень, немедленно объяснитесь, почему вы не предупредили художников заранее, что у вас тут субботник! Тут гражданка с головой лисицы в коричневой юбке до колен, коричневом же пиджаке, меня за локоть берет. Небо посерело еще больше, превратилось в пюре какое-то из институтской столовой. И я совершенно отчетливо понимаю, данная лисица сотрудник в штатском, хочет меня стреножить. – Соблюдайте субординацию, милочка! – кричу ей прямо в ее лисью мордочку. – Не надо колебать лужу, из которой пьете, захлебнетесь, – прошипела она злобно, знаете, клацнула своими зубками, как

будто подчеркнула серьезность ситуации. А я все прекрасно понимаю, антисоветские деятели, партия, туда-сюда. Тракторы эти завелись, рыкают, струя из пожарного шланга уж с ног сбита кого-то. И тут все смолкло, по толпе пронесли восторженные возгласы: Пригов, это же Пригов! На ослике-доходяге Дмитрий Александрович в махровом белом халате. Животное идет неохотно, вообще, шагает благодаря смекалке поэта, морковку, привязанную на веревочку к палке, он перед мордочкой ослика держит. Гражданин с оленьей головой по рации передает: готовность, готовность, цель в поле зрения. Солнечный блик попадает мне в глаз, я гляжу – на парикмахерской снайпер с винтовкой. И, знаете, так во сне страшно за Пригова стало, и пришло понимание, я должна заниматься вопросом бессмертия Дмитрия Александровича.

А потом я проснулась, исход этой истории с покушением форменным образом забыла уже – прикрыла от пули, не прикрыла. Примерно в то же время мой супруг работал над созданием питательной среды, способной, как бы несчетное количество раз воспроизводить процесс омоложения клеток. И что самое важное, субстанция могла заменить работы целого ряда систем организма, симбиоз с отсеченной головой крысы уже проводился, наши кубинские друзья в этом поспособствовали. Вернемся к Изабелле, это был восемьдесят восьмой год, моя подруга-куртизанка прознала о местонахождении невольника чести. Впервые за долгие годы случился отпуск, мне предлагали на кафедре выдать направление в профилакторий «Зорюшка», однако я категорически отрицала всяких «Зорюшек», умоляя отправить меня в «Дубинушку». И руководитель сдался, он у нас был человеком добрым, даже тараканов не позволял выселять с педагогической кухни, говорил, живут временно, как и все мы живем временно. Стала я собирать чемодан, впрочем, не знаю, интересны ли вам сборы. Предположим, что интересны, все-таки в данный момент вы в состоянии лишь слушать, какая же я нехорошая, допустим, вам что-то не в кайф, а сказать, например: Афина Дмитриевна, такое мне не в кайф, ты лучше про другое расскажи, – вы не можете. Чемодан был желтым, выполненным из кожи, с металлическими планками на углах. Мой отец с целью упрощения жизни приделал к нему такую, знаете, подставку с колесиками, очень удобно, между прочим. Телескопическая ручка, взял, покатил, красота. Матушка к тому времени жила в Париже, эмигрировала по программе лояльности к писателям-женщинам-истеричкам. Отец был старше на двадцать лет, и дозрел он до пенсии, проживал на даче, занимался написанием мемуаров. Речь не об этом, собственно, чемодан. Вы бы знали, с каким трепетом я собирала его. Фруктовые брюки, брюки-бананы, они оканчивались пышной оборкой, футболки всевозможные, купальник. О, я положила туда пару номенклатурных гиацинтовых лодочек. Однажды мы ездили от института в деревню, собирать фольклор. И эти лодочки всецело завладели моим вниманием, проблема была в том, что их носила председательница колхоза. Какая же я преступница, за обедом она их сняла. Представьте, мы, студенты, местные жители, поляна, как говорят в народе, накрыта. И тут я совершаю абсолютно изящный маневр, ой, ложка упала. Под столом быстренько хватаю лодочки. Потом на рейсовый автобус, и срочным образом домой, домой, пока не поймали. Голубушка, надеюсь, вы прочитываете связь кое с кем, связь тут наличествует. Что же еще я взяла с собою в «Дубинушку». «Историю хазар» Артамонова взяла, «Этику» Аристотеля, мне хотелось говорить с Дмитрием Александровичем на одном языке.

В своем лучшем перламутровом пиджаке с такими, знаете, огромными плечами, в стрекозьих очках с желтыми окулярами, качу чемоданчик. Вокруг бурлит этот прекрасный, яростный совершенно мир. Фисташковая электричка, перрон, воздух чистый парафин, леса горят. Звоню из телефона автомата своему научному руководителю Мальцеву, чтобы не волновался, в нем прослеживались черты Арбенина из «Маскарада». По слухам, он даже отравил свою предыдущую жену, полагая, должно быть, что все мы живем временно, все мы в гостях. Но я не допускала интрижек, у меня был супруг, обмануть его значило перечеркнуть все имеющиеся договоренности, будь то соглашение о ликвидации ракет средней и малой дальностей, либо не переходить на красный свет. Он томно дышал в трубку, говорил что-то похожее на: крошка, я скучаю, крошка. Я ответила ему весьма сдержанно: Александр Васильевич, я сажусь на электричку, все хорошо, до свидания. И положила, собственно, трубку. В последние числа августа погода была на удивление душевной,

возможно, пожары, возможно, распыление химикатов. В буфете не было хереса, однако нашлось беже, голубушка, сталкиваясь с отсутствием беже, вы неизменно стерженеете, что там херес, детский лепет. Времена тогда стояли большие и прочные, хотя и не берусь рассуждать за времена, всегда найдутся недовольные. К сожалению, правду нам сообщают в последний момент и матом. Я решительно не понимала, как мне вести себя с Приговым наедине, то есть, сидя в буфете тогда, в голову приходили типично девичьи мысли, что я тогда понимала в отношениях. Он зародил предчувствие любви в мою душу, любви к концептуализму. Такая цитата из Фаулза приходит мне на ум, как же она, мы все пишем вот какие-то стихи, но поэты пишут их словами. Замечательная фраза, она многое объясняет, в том числе порой странные формы, будь то в изобразительном или в песенном творчестве. На выходе из буфета я нелепешим образом вляпалась в какую-то суспензию, вышла на перрон. И ощутила, как бы выразиться понятней, мучительное разрастание собственного тела в нарицательном платье обыденности. Иными словами, нестерпимо захотелось плакать, в молодости я была крайне сентиментальна. Могла наплакать целые туфли, принадлежащие какой-нибудь однокласснице, в раздевалке.

Вообразите себе, сижу и реву в электричке, которая несется на всех парах в санаторий. В неподвижности взгляда бледной девчушки напротив меня угадывается интерес. По небу плывут скудные облака, лесополоса суетится за окном. Прямо-таки Радищевское путешествие. У девочки две длинные черные косы, нездоровые круги под глазами, хотя могут ли они быть здоровыми, угольное платье с белым воротничком. На коленях попутчица держит, знаете, такой ридикюль с позолоченным замком-змеей. Поезд набирает ход, я вполне успокоилась. А потом опять разволновалась, слабое здоровье, как первопричина, так сказать, жизни девочки напротив меня не на шутку встревожило. И внимание мое переключилось всецело на данную особу. Ясное дело, что рождены все мы в недуге и вскормлены тленом, однако барышне уж совсем не к лицу подобные повреждения, тут же и мочеполовая система страдает от бессонницы, женское здоровье, как демократия, постоянно приходится проверять. Она была не словоохотлива, она не была, скажем, бравым солдатом Швейком. Продолжая терроризировать меня своим скорбным взглядом, пассажирка играла в очень опасную игру. Граждане и сейчас нервные, а тогда были вообще дики-ми. Приближалось то, что приближалось, доценты, младшие научные сотрудники, литераторы, должно быть, чувствовали соединение Сатурна с Плутоном. Вообще, транзит Сатурна по знаку Скорпиона весьма болезненно переносится творческими людьми. Впрочем, поверхностный атеизм стал слетать с лиц моих сограждан, и мне это чрезвычайно импонировало. – Не вынуждайте меня пороть вас как сидорову козу, – предупредила я свою попутчицу. В вагон вошла дородная женщина с пирожками, мясной добрый дух заструился по электричке, я соблазнилась, девять копеек вручаю продавщице, она мне пирожок. Вдруг девчонка спрашивает, подавшись ко мне: хотите посмотреть, что у меня в сумке? – Девочка, – говорю, – сиди молча, не порти мне аппетит. – И вы представляете, только укусила пирог, внутри ноготь человеческий, красный и женский. Я, как глубоко оскорбленная дама, кинулась было за продавщицей, но она скрылась в другом вагоне. Рыбак на соседних местах ехал, увидел мое негодование, удочку свою покрепче взял, неодобрительно так сказал: пойдемте пришьем эту сумку.

Пасмурная юная попутчица подала вновь голос, на этот раз, как мне показалось, учтиво: нет, вы должны посмотреть, что у меня в сумке. – Ладно, давай свою сумку, – не сдержалась я, открываю ридикюль. А там, ни за что не догадаетесь, человечья рука, кисть, если быть точной в определениях. Кисть весьма и весьма подвижна, пальцами показывает знак победы, Викторию, если быть точной в определениях. Что тут началось, мама дорогая, за окном электрички, которая остановилась около полустанка, все стало каким-то размытым и нечетким, как будто нырнул в речку и смотришь на оставленный позади причал, друзей, деревья. Наблюдается и своеобразное мерцание обстановки в вагоне, световое оформление стремится к проявочной комнате. Когда у меня случаются старческие мигрени сейчас, то перед глазами начинают мельтешить мошки в таком красном киселе. Смотрю на рыбака, вызвавшегося пришить торговку пирожками, а у него тело исчезло, лишь парит одежда, жилетка, сапоги, удочка. Становится голове настолько тяжело,

как Аввакуму прям, когда он над житием трудился в земляной тюрьме за Полярным кругом. Но самое, конечно, поразительное, это прикосновение руки, пальцы лодыжку мою обхватили, видно, приглянулась ей моя лодыжка. – Девочка, убери сейчас же своего питомца! – вызываю к совести дерзнувшей расти в Эмму Бовари с ее мизантропией и прочими радостями испорченной натуры пассажирки. – Он вас отпустит, когда вы приедете в профилакторий, что вы, как маленькая, право, – ответила логичная юная леди, подобная в этом отношении ответу на загадку: два отца и два сына нашли три апельсина, разделили, и каждому досталось по одному апельсину, как они это сделали?

Безлюдная станция, как будто технический этаж в жилом доме. Я вылетела из электрички, словно ведмочка на метле, я была ошеломлена, я была неприятно удивлена, дали волю руке, понимаешь. Неслыханная жара стояла вокруг, мельтешение в моих глазах прошло, вереницы плотных, как сжатый исходный код управляющей программы Аполлон-11, облаков низко плыли. Я достигла края платформы, и меня сшибла с ног женщина, похожая на Чарльза Буковски. Откуда она взялась там, должно быть, из-за кассовой будки. Вся такая большая, в мужской синей рубашке с коротким рукавом, жирные волосы с проседью, ободок. Она ела чебурек. Женщина, которая была убийцей чебурека, но холестерин был убийцей женщины, как ни посмотри, замкнутый треугольник, равнобедренность которого доказывают по сей день. – Вы не знаете, как мне попасть в «Дубинушку», – пролепетала я, поднимаясь на ноги. Из широченных ноздрей ее сочились два прозрачных ручейка, она смотрела на меня, жевала. Тяжеленная белая женщина, словно тысяча километров медицинской ваты. Несмелая попытка пройти мимо, моя надзирательница отрицательно мотает головой. И тут, вы не представляете, слышится радостный крик Дмитрия Александровича, он кричит вот это свое знаменитое: «Наша жизнь кончается вон у того столба, а ваша где кончается? Ах, ваша не кончается! Ах, ваша навсегда! Поздравляем с вашей жизнью, как прекрасна ваша жизнь! А как прекрасна – мы не знаем, поскольку наша кончилась уже». Со стороны подлеска выходит, вскарабкивается на платформу, говорит великанше: Оленька, это свои, это практикантка моя, Людмилочка, познакомься. – Никакая не Людмилочка, Афина, – подсказала я, хотя и понимала внутренне, что поэт безобразным образом перепутал меня с кем-то. Массивная челюсть Оленьки, вмонтированная госпожой природой в череп, продолжала жевать.

– Афина, какое замечательное имя, это даже лучше, чем Людмила, вы не находите? – сказал Пригов, он флиртовал, и я охотно поддалась, я была той еще самкой, падкой на лесть, однако без лишнего телодвижений, у меня был любимый супруг. – Сударь, где наша лошадь по имени Ренессанс? – спросила его. Дмитрий Александрович рассмеялся, сказал: практикантки ни в одном глазу, представляете, что ж, раз уж мы с вами коллеги, позвольте проводить. С его пронизательностью, ох, с его пронизательностью, коллеги, с его пронизательностью играть в русскую рулетку и выигрывать. – Ольга, поприветствуйте Афины, будьте добры, – произнес литератор. Оленька с чертами лица пожухлой Инессы Арманд внезапно заключила в объятья. Ее руки были настолько же длинны, как эскалатор на станции метро Смоленская. Я даже пикнуть не успела, представляете. К тому же дамочка насильно выдала мне поцелуй, ее жирные от чебурека губы были горячими, словно лоб моей соседки в общежитии, бывшая соседка Жанна была человек-магнит, до десяти ложек липли к ее лбу, и лоб становился невообразимо горяч. – А вы в «Дубинушку» поправить здоровье? – спросил Пригов. Мы шли втроем по лесочку, фаянсовое солнце как будто разбилось на десятки черепков, и они, в свою очередь, как будто даже светили. Дятел на ветке в черной кожанке, браток из девяностых, стучал клювом по дереву-ларьку, вытряхивал наличность-червячков. Дмитрий был обходителен и, конечно, блистателен в своей неподражаемой манере вести себя с дамами. Ольга мычала нечто радостное, когда поэт говорил ей: Оленька, как вы думаете, вы комедийный персонаж, мне кажется, самый что ни на есть? – Скажете тоже, чебуреки, ко всему прочему, я сама люблю готовить, – утверждала большая женщина. – А вы, Афина, как смотрите на то, чтобы стать моей практиканткой? – спросил меня Дмитрий Александрович, мы миновали подлесок, перед нами предстала территория профилактория. С десяток корпусов, застекленное двухэтажное здание в центре, наверное, столовая, подумала я. С пригорка виделись граждане,

снующие туда-сюда. Одной стороной территория этого учреждения примыкала к лесу, с той стороны, где мы вышли, там вот пригорок, тропинка. – С радостью стану вашей практиканткой, – отвечаю радостно я и проваливаюсь под землю, как падала.

Голубушка, понимаете, лежу я на дне ямы и вспоминаю что-то такое, о падших, однако не лгуших, не лицемерящих, а ведь кто-то только падает и жлет. Удачное приземление свершилось благодаря вороху тряпья, листьев, организованная кем-то ловушка выполнила свою задачу на сто процентов. В метрах двух надо мной стоял Пригов и Оленька, которая продолжала жевать. – Что вы жуете, Оленька? – еле слышно спросила я. – Жвачку морозную, – радостно сказала особа. – Что ж вы так, лежите, лежите, я сейчас вас вытащу, – засуетился ласковый, любезный, деликатный, учтивый литератор. А меня разобрал смех, ситуация просто настолько нелепая, что караул какой-то. То краткое освещение, доносящееся до меня, позволило осмотреться, череп с отверстием во лбу, чудовищно грязная каска с двумя молниями, прах, перебившая десять раз листа. Тут уж даже у меня, выдавшей разное, затряслись поджилки. Дмитрий Александрович неведь где раздобыл хворую почерневшую лесенку, стал меня высвобождать. – Батюшки, – сказал он, увидев обстановку на дне ямы, – фашизм, пакостный и липкий. – Ольга, взгляните на эхо войны, – призвал этот выдающийся, как Симеон Полоцкий, поэт присоединиться к процессу моего вызволения обжору. – Тю, мерзость какая, – сказала Оленька, всматриваясь в останки паразита. Я возмутилась: подождите, почему вы так уверены в правильности своих суждений, быть может, это другой человек, не фашист, просто так получилось. – И что же, вы полагаете, что птенец, для которого яйцо это мир, должен разрушить этот самый мир? – спросил Дмитрий Александрович, топчась со мною в той яме. – Понимаете, – ответствовала я, – все мы немного Германы Гессе, однако даже достаточное количество улик не делает человека преступником. И продолжаю с ним дискутировать: фашист, разрушивший скорлупу, не есть чудовище априори, нужно иметь в виду множество факторов, зомбирование посредством пропаганды, например.

Впрочем, блестящий в редких лучах августовских солнц, поэт предложил выбирать из ловушки, предложил не быть волчком, отгрызшим собственную лапу, чтоб покинуть неволяющий его капкан. – Тю, диалектика сплошная, – прокомментировала наши забавы Ольга, когда мы, чумазы, поравнялись с ее грудью, какая все-таки высоченная барышня, отметила в очередной раз я. – После такого потрясения, ужасного потрясения, вам просто необходимо посетить процедуры, электрофорез, в-первую очередь, там и встретимся, – доверительно сообщил Пригов. – Всенепременно, – сказала ему, а сама думаю, в бассейн, еще в бассейн хочется. Страсть как их любила в молодости. Плавала, кажется, во всех городских и областных. Представьте, могла по вкусу определить, какое содержание хлорки на литр воды. Наша троица достигла КПП меж тем. Дмитрий Александрович сказал Ольге: Оленька, проводите Афины до стойки регистрации. А сам уверенно пошел по дорожке, высланной белыми мраморными квадратами, размахивая потрепанным портфелем, в оранжевой рубашке с пальмами, с коротким рукавом. Справа и слева от дорожки росли карликовые пихты, некая полноватая дама в фиолетовом халате с веером сидела в кустах клевера, что-то высматривала. – Европа самое дорогое в мире кладбище, – заметила неожиданно моя провожатая. – Вы полагаете, что свет придет с Востока? – спросила наивно я. Однако великанша не удосужилась ответить, устремилась в сторону каштанового двухэтажного строения. Еле за ней поспевая, спросила о практикантке Людмиле, спросила, как быть с ней. – Не наши проблемы, Дмитрий Александрович избрал вас в качестве практикантки, это честь, – разложила по полочкам большая белая женщина. Я, кажется, размышляла тогда о том, сколько лет мне понадобится на полное прочтение «В поисках утраченного времени», еще какие-то глупости роились в моей голове. Помню, как врзалась в широкую, словно взлетная полоса, спину Оленьки, барышня даже не вздрогнула, я вот упала. В который раз. Голубушка, вы знаете, вся моя жизнь состояла из взлетов и падений, у всех она состоит из взлетов и падений, конечно, но мои конкретные падения по направлению к Свану, как правило, сопровождалась травмами головы.

Я вошла в здание, Оленька направилась в столовую. Я вошла в здание, за стойкой регистрации стоял вылитый Вернер Херцог времен съемок фильма «Фицкарральдо». Правда, усы выгоре-

ли от никотина, но мужчина был видный, в темно-малиновой рубашке, широкие скулы, темные пышные волосы. За его спиной висели ключи от номеров. По белому телефону он с кем-то беседовал: Алексея Герасимова не трогайте, он поселился законно, вы лучше подвиньте... Сотрудник санатория не договорил, заметив меня. Потом все же договорил: я перезвоню. И грохнул своей трубкой. Воздух был напоен рыбной безбрежностью. Я была ребенком страны советов, поэтому превосходно помнила, у каждого дела запах особый. Допустим, в булочной запах ватрушек и сдобы, в то время как в столярной пахнет стружкой, доской, а уж маляр чем пахнет, тут уж, что называется, скипидаром и краской, и ничем иным. – Добрый день, – сказала я доброжелательно товарищу. Не моргая своими водянистыми, тускло-голубыми глазами, он смолчал. Пусть я была и не Наташей, и за меня некому было заступиться, но мать, сама того не желая, подарила мне чудесные психические приступы, наступавшие в периоды угнетения. А мужчина за стойкой явно меня угнетал своим хромоногим молчанием. Ступая медленно по паркету цвета желания охотника, я приблизилась на расстояние плевка к гражданину. Толстая книга в кожаном переплете, должно быть, содержала в себе имена постояльцев. Моя рука непроизвольно потянулась к ней, на нее тут же легла ладонь служащего, пригвоздила, можно сказать. Она была холодна и потлива, она была липка, словно анекдот про Джона Стейнбека, посетившего Москву, напившегося в Москве. Во время задержания он отрекомендовывается: я американский писатель. И милиционер взял под козырек и отвечает: здравия желаю, товарищ Хемингуэй.

– Я Афина Дмитриевна, вы слышите меня, мне нужна комната, она точно есть! – закричала я, мне чрезвычайно не хотелось возвращаться к гонкам на лафетах. Гражданин, по моему мнению, готов был завалиться тут же, где стоит, малахольный. Он склонил голову набок, и на нее я заметила жабры. Весьма подивившись данному недоразумению, попыталась высвободить свою руку из-под его руки. Мужчина позволил это сделать. – Номер двадцать два, – сказал он сквозь зубы, и выдал мне злополучный ключ с красной картонной биркой. Я нуждалась в живительном соке реальности, поэтому списала наличие жабр на особенности погоды. Знаете, духота, падение в яму, не добавляют адекватности. Взяв ключ, я заметила: у гражданина на его шее висел, ко всему прочему, медальон с пятиконечной звездой, небольшой медальон, размером с пятирублевую монету. – С мертвыми нельзя говорить, – произнес туманно служащий. – Простите, что вы хотите этим сказать? – вознамерилась я положить конец издевательствам со стороны гражданина. – Говорю, в номере не курить, – прояснил ситуацию дядька-амфибия. Чувствуя себя каким-то посторонним человеком, поднималась по лестнице с прищипоренным к ней рубиновым ковром. Я гадала по ступенькам, приговаривая: слово живое, слово мертвое, слово живое, и так далее. Оказалось, живое. Подойдя к своей двадцать второй комнате, вставила ключ в замок, он вошел неохотно, с усилием. Что-то я, голубушка, впрыскиваю небывалое количество подробностей, наверное, и не следует столько впрыскивать, а то вы ненароком подавитесь этими ворсинками памяти. Ведь мне видится процесс этого вспоминания схожим с поглаживанием некоего волосатого тела памяти. Впрочем, в сторону красоты. Стены в номере были до половины деревянными, кофейные вставки; выше половины, соответственно, шершавые белые обои. На столике у окна лежала книга, с порога я опознала, чей перевод, Норы Галь, на обложке три черные сферы, кремовый кудрявый мальчик с красной розой стремительно несется в так называемом космосе. Синий плавник акулы-подушки на застеленной покрывалом с цветочками кровати.

Вопреки пожеланиям гражданина на стойке регистрации, я не без труда открыла скрипучую раму окна, да и закурила. В двух этажах от меня Дмитрий Александрович в закрытом бирюзовом купальнике с длинным полотенцем шагал, Марк Пальма в горшке на подоконнике пощекотала мою щеку. Я кричу Пригову: Дмитрий Александрович! Гражданин со своей гражданкой посмотрели на меня как на писателя-троцкиста в шестидесятых годах. Они прогуливались по аллее. Алея щеками, я села на корточки, спрятавшись от их взоров. – Афина Дмитриевна, не прячьтесь, вы замечены! – прокричал игриво литератор. И мне не оставалось ничего иного, как возвратиться. – На электрофорез? – спрашиваю, а самой так весело стало, Пригов так смотрит озорно. С окладистой бородой мужчина в желтой рубашке с пираньями и его спутница, в кремовом сарафане

долговязая мадмуазель, смотрят иначе, смотрят как на лейбницевскую монаду. Вот она какая, электрофорезом интересуется, правда, курит и орет. – На электрофорез, на родимый, и вы, – говорит, – туда же идите, со мною! – Бесплодная, как смоковница, ведь совершенно ничего не поела, как вы помните, пирожок в электричке оказался вражеской диверсией, я выпорхнула из комнаты, полной канцеляризов, бюрократии.

– Литература это то, что между буквами, – весомо сказал мне поэт, когда мы шли к корпусу физиотерапии. – А мне бы хотелось посетить грязевые ванны, – сказала робко я. Высоко, на ветке дуба сидела птица Гамаюн. С телом совы, головою Клавдии Шульженко. Еле слышно пела, у меня участилось сердцебиение. Дмитрий Александрович удержал меня от падения. Скифские украшения висели на фасаде бассейна. Золотой олень бежит по горе, из-под копыт вылетают алмазы. Мозаичное полотно действует на меня успокоительно, к тому же глазами я нашариваю тотемных оленя и лисицу. Они стоят пред котельной, такие деревянные, такие детализированные. Сон, мой удивительный сон идет в руку. – Дмитрий Александрович, мне приснилось кое-что, связанное с вами, – говорю я искренне, как пятидесятники на исповеди. – Себя я просто вычел из природы, и вот она отдельная стоит, – задумчиво произнес мой спутник. Наступавшая цифровая реальность запугивала постояльцев «Дубинушки», цифры были повсюду. На окне столовой висело написанное от руки объявление: после 7-ми не обслуживаем. Солнце светило доброжелательно, как в сочельник. Я чувствовала себя странно, идя рука об руку с Приговым. Настолько же странно, пожалуй, как жить в семье Ивановых, в которой нет ни одного Иванова, а еще в этой семье дети старше родителей. Ветер принес обрывки фраз гуляющих предпенсионеров, они стайкой там, у рукотворного пруда паслись. Дмитрий Александрович сказал мне, чтобы я не переживала, сны это телопортация к нашим настоящим телам, заключенным сейчас в капсулах. – Капсулах? – переспросила я. – В капсулах, – подтвердил Дмитрий Александрович. И он открыл тяжеленную дверь, и он был, помимо того что невероятно эрудирован, весьма силен, словно поэт-боксер, племянник Оскара Уайльда, Артюра Краван. Я так удивилась, подобные двери, точно бормашина, пугали меня, и я удивилась, что в этот раз мне не расшибли лоб.

Отчетливо вспоминается кабинет, куда мы вошли с поэтом. В отличие от винтовки, которая не в силах породить власть, приспособления для электросудорожной терапии внедрили в мою грудь ежика. Его иголки закололи мне легкие, сердце; точно заяц, я задрожала там, представляете. – Наталья Ивановна, разве сегодня не очередь электрофореза? – удивленно воскликнул Дмитрий Александрович. Позже дамочка, камни в сережках цвета абсента, полиаморный взгляд холодных голубых глаз. Я помню, она взглянула и на Дмитрия Александровича с теплотой, и на меня с теплотой. Прямо какой-то Теплый стан, понимаешь. Из-под белой медицинской шапочки выбились желтые волосы. Две кушетки, аппараты, шкафчик со стеклянной дверкой, в шкафчике вазелин, пробирки, вата. – Именно так, именно так, – ответствовала тетушка. Я запротестовала, смалодушничала, мол, не хочу, чтобы меня током били. Но быстро взяла себя в руки, не хотелось позориться перед Приговым. К тому же, как следует из моего сновидения, вопрос бессмертия, коим я должна буду заниматься, не предполагал истерики. Работница санатория казалась женщиной необычной, казалось, ее жизнь не подчинена трем «к», детям, кухне, церкви. Предположительный автор этой цитаты немец Отто фон Бисмарк, и по-немецки это звучит: Kinder, Küche, Kirche. Подтянутое лицо, совсем немного косметики. Я невольно залюбовалась, хотела одобрить, сделать комплимент. Однако женщина перехватила инициативу, сказав: да, мне шестьдесят, а все благодаря пивкам. – А что, и мумия ведь была когда-то молодая, обладая мягким, обольстительным мясом, – разрядил обстановку Дмитрий Александрович. И все стало каким-то смешным, все мои переживания, знаете ли, электрошок, нерассказанный сон. Пока нас готовили к процедуре, я все рассказала поэту, и что теперь ответственна за его вечную жизнь, и что с Людмилой, прошлой практиканткой, как-то не очень красиво вышло.

Наталья Ивановна выдала нам по стаканчику кислородного коктейля. Я сидела на кушетке, болтала ногами, потягивала из соломинки этот коктейль, земляничный, с ума сойти, как вкусно было. Пригова первого подключили, стали жалить, стимулировать определенные зоны головного

мозга. Минут пять стимулировали. Я спрашиваю его после этого трансгрессивного шоу: Дмитрий Александрович, хочу познать вас и Жоржа, моего мужика. Литератор был взвинчен, можно даже описать его в тот момент строчками: «я устал уже на строчке первого четверостишья, вот дотащился до третьей строчки, а вот до четвертой дотащился». Щеки набрякли красной смородиной, волосы на голове дыбом стоят, но взгляд осмысленный. – А чем известен ваш мужик? – спрашивает у меня, улыбается хитренько. В кабинете пахнет разреженным воздухом, пряными духами врача. Я говорю: считаю необходимым не распространяться о роде деятельности своего мужика раньше времени. Дмитрий Александрович спрашивает: и что же, мы прямо продлим эту самую мою? – Очень на это надеюсь, – начинаю неистово размышлять я, ведь совершенно ничего не понимаю в биологии. А потом, голубушка, Наталья Ивановна добирается до меня своими крепкими пальчиками. Принялась она выпиливать лобзиком из древа моей головы табурет. Казалось, лампочка-сердце в груди вот-вот перегорит. Дневные световые отростики, что проникали через окно в кабинет, приобрели оттенки чернил. Меня как будто поместили в прокрустово ложе, стоит заметить, что рост был у меня метр шестьдесят восемь, а прокрустово ложе подразумевает рост значительно выше. Иными словами, Наталья Ивановна растянула меня, мама не горюй. Психика просто не желала подстраиваться под сексуальный радикализм, приключившийся с моими мозгами. То есть подобного, голубушка, я не испытывала ни до, ни после. На мгновение я потеряла свою национальную идентичность, сделалась точно византийка, со скорбью глядящая на летящий в лоб топор варвара.

Плаксина резко открыла глаза, дом ходил ходуном. Девушку подкидывало на кровати, словно была она запрещенной литературой, подкинутой в советское время неугодным гражданам. Банка с Дмитрием Александровичем поехала по столу, он что-то воскликнул, однако шум съел его восклицание. Что-то схожее с бомбардировкой Нагасаки происходило вокруг. Женщина-филолог бегала по комнате, причитала: что же это за элегия на рентгеновский снимок моего черепа, что же теперь! Журналистка ощущает себя изрядно похудевшей, ощущает, что весит мегабайт пятьдесят. С потолка сыпется побелка, горшок с фиолетовой пассифлорой падает с подоконника, разбивается. Цвета слоновой кости с красноватым отливом ваза тоже рухнула, тоже разбилась. Как будто бы черный бухгалтер с выдержкой дрессированного пса рассчитывал причитающиеся жителям хрущевки зарплаты. Евгению немало позабавили полные беспомощности крики Афины Дмитриевны, она напоминала полуголого акциониста Александра Бренера, который посреди зимы перед Кремлем кричит, вызывая Ельцина на боксерский поединок. Кажется, дом складывался по швам, кажется, Бренер приурочил свою акцию к вводу наших войск в Чечню. Но это были лишь несмелые предположения корреспондентки, а потом ей стало стыдно, все-таки женщина-филолог не заслуживала лишения полагающейся по закону жилплощади. И мчалась горящая карета, запряженная лошадью, и пассажир был ни жив ни мертв, а кучер кричал отчаянно, даже матами кричал. Тело Афины Дмитриевны – карета, лошадь – эмоции тетушки, ум это кучер, а пораженная воля – пассажир. Быть может, не в этой последовательности, быть может, Афина Дмитриевна имела склонности к атопии. Это когда испытываешь аллергические реакции на, казалось бы, безобидные вещи, на которые иные граждане не испытывают аллергических реакций. То есть крушение хрущевки воспринималось женщиной-филологом чрезмерно близко к сердцу. Женя ощутила жар, приливы, она забыла предупредить Дмитрия Александровича и свою новую знакомую, что менопауза с ней приключилась. Впрочем, теперь поздно, с усмешкой подумала девушка.

В прихожей послышался мужской крик, этот крик неведомым образом востроился меж оглушительным треском и оглушительным треском, этот крик смог попасть в паузу, когда дом, словно Подмосковная усадьба князей Мещерских, еще не сломался окончательно, но стремился к этому. – Женя, это я, ты где? – спрашивал незнакомец. Смелое предположение, может быть, я перестала быть Женей, допустила Женя. Запахло сероводородом, расплавленной пластмассой, возможно, газом. Афины Дмитриевны придавило шкафом, из которого посыпались толстые папки, черно-белые фотографии, она прогундосила нечто жалостливое. А потом в комнату ворвался Аркадий, некогда приглянувшийся Евгении, вы помните, он показался ей на автозаправке достойным вни-

мания? Большой, словно Рождественский собор в Суздале, нож в руках молодого человека казался романтическим атрибутом, Женечка отметила, какой рискованный мальчик. В подъезде что-то рухнуло, зашипело. Слышались отдаленные обеспокоенные голоса жильцов, вскрики. На улице потемки разрезали сирены пожарных машин. – Евгения, вы станете моей ж, женой? – спросил Крохотка, перелезая через упавший шкаф. Журналистка прочитала этот вопрос по губам, было жутко громко и запредельно близко. Плаксина подумала, как трогательно, что этот хулиган жертвует своей жизнью ради нее. И какой бы она ни была мизантропкой, и как бы ни доверяла мальчикам, что-то в груди ёкнуло. И пятилетние, и девятистолетние девочки любят романтику, любят, когда их спасают. Женя хватается за юношескую руку, и они следуют к выходу. Ведь на каждого Энди Уорхола приходится одна Валери Соланас.

Глава 11

Мужчина честной судьбы

Металлические гаражные щеки гудели от не совершенных шагов мыганов, или же простых, от слова подростки, ребят. Черепушка вороны, припорошенная рыже-лимонными листиками, начинает обрастать пунцово-мясными основаниями для жизни, сухожилиями, наливаются глаз, как жидкий металл, распускаются перья. Птица нелепо вылезает из листьев, прыгает, разводит крылья в прыжке, устремляется ввысь. Парень с томно лавандовым родимым пятном в форме острова Адамс на половину лица, водивший над птичкой ладошками, смотрит с горечью на гаражи, смотрит, как остальным весело бегать. Из подъезда хрущевки выходит Аркадий Крохотка. И он знает, что он Аркадий Крохотка, и все, наверное, в их провинциальном городе об этом догадываются. Он крутит на пальце ключи, таблетка для домофона рифмуется с кровавым тельцем, в иссиня-черной олимпийке, зауженных книзу джинсах цвета васильков, с поясной сумкой, с цепочкой на шее. Малиновый рубчик на ткани небесного пиджака длится до самого леса, потом как бы надламывается, падает вниз. Молодой человек проходит кинотеатр. Шахматный автомат, в котором сидит лилипут-гроссмейстер, никогда не проигрывал. Автомат стоит в вестибюле, к нему тянется очередь пожилых граждан, на крыльце обсуждают и курят, обсуждают, крепко увязанного механическими нитками автомата лилипута. Вот, например, в бежевом плаще мужчина с носом баклажанного цвета предлагает пожаловаться в шахматную федерацию. Ему возражает гражданин, усредненный седидами, в точно таком же плаще, они все в очереди не парились касательно верхней надежды. Надежды на то что советское время возвратится, главное, конечно же, подумал Крохотка, чтоб не тридцать седьмой, хотя бы восьмидесятые. О, Аркадий, встречаемый по одежке, хотя надо бы знакомиться по уму, ведь парень двадцати четырех лет не чурался вникать в литературные протоколы. И был своего рода интеллигент. Так вот компаньон мужика с фиолетовой морковкой вместо носа, с кабачковой старческой икрой у глаз, возразил ему: а смысл какой, на его место придет кто похуже, например, женщина.

Крохотка, проходя мимо разъятого черепа бежевой Лады, кивает приветственно головой, короткие рыжеватые волосы не шелохнутся, они недвижимы, их рост подобен росту либидо мужика-гинеколога. Отец Аркаши, например, был мужиком-гинекологом. Гражданин в четырех понедельниках от зимы, широкоплечий, в синем, расстегнутом пуховике, с белым продольным шрамом на подбородке, тоже кивает приветственно, иначе нельзя, ибо расценивается как неуважение к братанам. Кивнув, он возвращается к трепанации своей ласточки, своей девочки, своей металлической лошади. Аркадий перепрыгивает лужу, отставляя изящно, как Майя Плисецкая, ногу назад. Захлебывается звуками Кольской сверхглубокой скважины музыкальный центр. Два пацана занимаются танцем контемпорари у подъезда, где живет Галина Цветомузыка, бывшая подружка Крохотки, но не в значении летательного исхода, просто больше не встречаются. И с первого и со второго взгляда может показаться, что парни в синих спортивных костюмах, остро-

носых туфлях танцуют совсем не контемпорари, а вот эти абстрактные электрические мухи, жужжащие в динамиках это самая настоящая группа «Лесоповал». Однако внутренне Володя и Сережа, ученики ПТУ хореографического направления и заядлые любители футбола, очень ра-нимые и трогательные внаутры. Аркадий кричит им: здоровья, бандиты! Кареглазый Владимир, имеющий в распоряжении сломанные уши, выключает шкатулку, его фамилия Паустовский, он живет в аварийном жилище. И Сергей по прозвищу Париж, которое он приобрел вследствие любовных преследований учительницы французского языка и судебного запрета приближаться на два километра, говорит своими потрескавшимися губами, сделав глоток пивного напитка из полторашки: здорово, дядь.

Аркадия Крохотку переполняют масштабные ожидания. В его неглупой голове вызревали гусеницы предстоящих полетов. Он шел на встречу с телеведущей и оператором, чтобы сняться в документальном фильме о преступной группировке из их города. Группировке по прозвищу Раскольничков, уничтожившей многих бабушек. Несмотря на внешний вид такого как бы гошника, Аркадий Крохотка был сложно организованным романтиком. И это лишний раз подчеркивает, что судимые по внешнему виду граждане в конечном итоге реабилитируются и напишут «Матренин двор». Впрочем, молодой человек, приученный с детства к горшку и хорошей литературе, в связи с матерью преподавательницей античной философии. Впрочем, молодой человек не выпендривался. И не занимался разбоем. А мечтал стать актером, проводил дома читки, о, как самозабвенно Аркаша произносил речи Лисистраты. Пораженные родители синели, они совершенным образом забывали, как дышать. Тысячи соседских ушей, поднесенных к стенам, внемлют. Крохотка окончил автослесарную академию, но планировал оканчивать не совсем автослесарную, конечно. Затем наступил на мозоль армейский день, и пролетел, запомнившись смешными анекдотами, благодарными слушателями, ценителями театрального творчества. Как-то раз на пятом месяце вынашивания служебного ребенка Аркадий разыграл целое представление, были задействованы все имеющиеся духи, даже кое-кто из дедушек соблазнился и тоже поучаствовал. Сшили невероятную одежду афинского типа. Свечи горели, расставленные по периметру казармы. Тренкала гитара вместо арфы. И Крохотка явил грустную историю про двух афинян, организовавших собственный город с птицами меж небом и землей. Всем очень понравилось, никого на гауптвахту не направили.

Аркадий минует заправочную станцию, где трудится автомехаником. Аркадий готов изложить на камеру свою версию событий, произошедших сразу после армейки. Поравнявшись с витринами ателье, где работает примечательная герла Лиза, юноша даже не обратил свой взор, демонстративно не смотрел туда, на пластиковые женские тулова, насаженные на штыри. Отчего-то всегда они вызывали в Аркаше безапелляционную тоску, даже если были наряжены модно. Лизавета, недаром швея, шила любовный кокон с Василием Островом в данный момент, однако была по своей натуре девушкой – оторви, да брось. Крохотка шел по проспекту, стал моросить дождик, парень подумал о том, что рассказывать под дождем про свои подвиги телевидению не очень комфортно. Раскольничковы действовали осторожно, Аркадий только вернулся из армии, и бабушки пропадали вместе с квартирами, потом невозможно было даже зайти в жилище такое-то на улице такой-то. Оно просто испарялось, словно душевное здоровье граждан, чьи окна выходят на вышку 5G. Крохотка вызвался помочь бабке донести продукты, обычное дело в среде неплохих людей, однако дома ее уже поджидали. Женщина в медицинской униформе, мужчина, якобы наместник бога из жилищно-коммунального государства, они сидели в квартире несчастной бабки. Профанная медсестра вызвалась измерить давление, на ее шее висело смешное ожерелье в виде серебряного топора. Аркадий спросил: вы знаете этих товарищей? Бабулька возмутилась своему незнанию этих товарищей. Мужик в черном бомбере, куртке, которые носили, насколько помнил Крохотка, английские скинхеды, крикнул, как могло показаться бессмыслицу, но Аркадию так не показалось, ведь он был мальчиком, прошедшим разные образовательные институты. И крик этого бритого, с пятнышком кетчупа на голубых джинсах, гражданина: – ситуация код ноль, ситуация код ноль! – вызвала нешуточную злость, мы бы даже сказали, ярость. И только этот пончик,

с щеками французского бульдога по силе обаяния, выкрикнул свою нецелесообразную лабуду, в комнату забежали два молодчика в черных масках.

Гомерический хохот проходит мимо Аркадия Крохотки, у гомерического хохота есть носитель, носителю чуть за пятьдесят, на нем лосины, шуба цвета фламинго. Носитель хохота катит велосипед «Урал». Парень случайно встретился лицом с лицом чудака, лица поздоровались, протянув друг другу руки. Впрочем, гражданин являлся городской достопримечательностью, он круглый год катался в экстравагантных нарядах по провинциям и селам, хихикал себе под нос, а потом внезапно перевел рукопись Войнич, коллекционера, нашедшего странную книгу на неизвестном языке, датированную 1666 годом. Виднеется грязно-голубая вывеска кафе «Все свободны», возле него стоит темно-молочный фургон. Рядом с автомобилем приседает, разминается господин в рыболовной жилетке, козырек желтой кепки смотрит назад. Громоздкая камера на штативе, созвучная некому механическому розарию. Аркаша перебежал по зебре. Из кафе вышла девушка-телеведущая с картонным стаканчиком. Желтая кожаная курточка, аленький платочек на шее, пышные волосы бордовые. А какая у нее была задница, что вы. Должно быть, небеса не падали на землю благодаря ее заднице. Аркаша засмотрелся, подобно тому, как засматриваются на жемчужные бусы ныряльщики с декомпрессионной болезнью, лишенные возможности погружаться глубже наполненной хлорированной водой ванны. – Парень, парень, ау! – кричал оператор, возможно, он что-то говорил до этого, но совершенно взнесенная задница голубоглазой девчонки – сама барышня была тоже симпатна, как причастие, то есть ребенок глагола и прилагательного – всецело завладела вниманием юноши. Белые зубки корреспондентки были стеснены железными стоматологическими латами, она сказала доброжелательно: Аркадий, я вас так и представляла себе. И руку ему протягивает, пальчики как сардельки, парень эти сардельки пожал. – А я могу вас попросить сейчас встать напротив кафе, мне для картины так лучше? – спросил оператор, снимая телекамеру со штатива, словно спасатель, снимающий котенка с дерева, бережно. – Давайте тогда, как просит Иосиф, туда переместимся, – девушка расстегнула свою курточку, под ней обнаружилась футболка с надписью «choose life». Отчего-то Аркаше стало грустно, словно он переехал жить в Норильск.

– Я скажу, когда будет запись, вы пока можете просто поговорить, мне для звука надо, – сказал телевизионный работник, нацеливая свой револьвер системы Нагана на ребят. – Иосиф, ты совсем дурак, убери пистолет! – начинает суетиться корреспондентка в контактных линзах, вместо зрачков черные звездочки. Мужчина убирает оружие. – Так мы поговорим немного про тот случай, когда вы в одиночку порезали целую банду преступников, – дамочка неуместно улыбалась, ее глаза нездорово блестели, как будто ей доставляло удовольствие смакование той резни, очевидцем которой ей не посчастливилось стать. Стало пригревать солнце, беглое безмолвие обернулось статичным говорением. Девушка спросила его: а ваш нож, который тогда оказался при себе, он сейчас при себе? – Зачем вам это? – переспросил Аркадий. Нож всегда был при нем, всегда острый, словно шутки Джорджа Карлина, произведенный в Арканзасе лично Джеймсом Боуи тесак, на обухе которого, у острия, имеется скол. И хищная форма данного холодного оружия одним лишь своим видом порой остужает пыл гопников. Корреспондентка спросила про наличие, а зачем, спрашивается, спросила, в поясной кобуре Крохотки этот малыш проживал. – А вы когда-нибудь встречали ежика, который спрашивал у вас про наличие ножика за спиной? – спросила дурацкая, красивая девчонка. – Послушайте, как вас зовут, нож у меня с собой, могу показать, – Аркаше ситуация казалась до безобразия нелепой. – Можем начинать, Лида, начинайте, – оператор шумно высморкался на шерба́тый асфальт, глазом подлез в объектив. Объектив напоминал дверной глазок, пожалуй, это звучит хорошо, отметил Аркадий про себя.

– Итак, Аркадий Крохотка, человек, чьей мужественности позавидует Джеймс Бонд, в одиночку ему удалось прекратить деятельность так называемой банды Раскольниковых, Аркадий, расскажите, – корреспондентка спрашивала эфемерные вещи, вопросы Крохотке по почте пришли совершенно другие. Ладно, подумал юноша, ответу, и ответил: постараюсь лаконично, без лишнего пафоса, я подносил сумки одной старушке, а там были они. – Прекрасный ответ, вы ни-

когда не хотели стать тем же, чем Лобачевский был в геометрии? – девчонка с ним играла, камера по-прежнему снимала, нужно было отвечать. – Знаете, с детства я хотел стать актером, но что значит стать актером, и кто наделяет полномочиями актера, мне кажется, соответствующая бумажка с печатью не является основанием, ведь собственное нутро не обманешь, порой у нас происходит подобное несоответствие, когда инженер по документам, в душе балетмейстер, – Аркаша взял паузу. Лидия не дала ему положить паузу на место: как интересно, Аркадий Крохотка, всесторонне развитый человек, чьей креативности позавидует Циолковский, давайте вернемся к вашей, не побоюсь этого слова, битве с преступниками, расскажите, – корреспондентка прямо светилась вся от восторга. – Понимаете, – сказал юноша, – возвращаться, хоть и мысленно к тем событиям, значит проживать их заново, мне бы не хотелось. – Но как же так, вам удалось нанести пять колото-резаных ранений главарю банды и более сотни порезов остальным участникам банды, чтобы повернуть такое, нужна внутренняя сила, – девушка ждала сенсаций. Аркадий поджал губы, сделалось неловко, парень взглянул на оператора, тот был занят камерой, показывал большой палец. – Кстати, вы не могли бы вспомнить свои эмоции, когда вам вручали медаль и грамоту, кстати, если вам не сложно, покажите нож, думаю, нашим зрителям будет это интересно, – журналистка обратилась к оператору: – Иосиф, потом это вырежем, где я «кстати» два раза сказала. – Когда я получал награды, безусловно, я был взволнован, поступок, совершенный мною, являлся актом самопожертвования, – Аркадий Крохотка ломал комедию. – Наш герой проговорил сейчас очень важную мысль, патриотизм это сила, которой нужно распоряжаться с умом, – Лидия, кажется, изменила слова юноши. – И напоследок вопрос, который интересует многих жителей нашей страны, что вы думаете о создавшейся ситуации со спецоперацией? – спросила журналистка. Аркаша, глядя в камеру ответил совершенно четко и доходчиво: мы сейчас находимся в точке бифуркации, и любое принятое нами решение изменит будущее, пойдет другой сценарий, неизменно одно, социальный лифт будет всегда заперт.

Камера выключилась. Порыв ветра, как будто призрачная рука самого большого человека в мире, Роберт Уодлоу, 272 сантиметра, подхватывает пакет-майку, несет его прямо в лицо корреспондентки. Та кричит, словно подраненная кошка, кричит, чтобы убрали эту гадость, убрали. Человек за киноаппаратом несется к ней, роняя свой инструмент вместе со штативом. – Ять, – ругается он, бежит к упавшей камере. А девушка продолжает голосить, пытается сорвать с лица липкий пакет, как будто пропитанный маслом или клеем. Аркадий Крохотка беззвучно что-то говорит, наверное, смешную брань, идет помогать Лидии. Анри Картье-Брессон причитает: за что мне это, за что, оптику разбили, а кто платит, так Иосиф заплатит, Иосифу мало четверых детей и жены-шопоголика. Аркаша отдирает пакет, лицо девушки становится созвучным личику Джульетты Мазины в клоунском гриме. Яичная скорлупа на бровях, губы вымазаны желтой субстанцией, рыбный хвостик на волосах. Лида выглядит весьма непрезентабельно, словно гражданин, узнавший, что расстрелявший его дедушку человек еще жив, и они встречаются на улице, и каждый все понимает. Аркадий говорит ей: откровенно говоря, вы меня расстроили, плохое поведение у вас. Телевизионщиков Крохотка покидает с неприятным осадком. Юноша многое прошел на цыпочках, армию, ПТУ, драки район на район, однако теперь, он чувствовал, необходимо было расти к другому потолку, всю свою жизнь актерское ремесло по-настоящему занимало голову Аркаши. Если все режиссеры и творческие люди, с которыми его сведет судьба после учебы в театральной училище, куда он, несомненно, поступил следующим летом, будут подобными картонками, то Аркаша даже не знает, наверное, придется служить в каком-нибудь провинциальном театре, где в художественном руководителе человечности не в пример больше, нежели в столичных журналистах и режиссерах. Впрочем, Аркадий не претендовал на объективность, может быть, и в столице нормальные режиссеры и журналисты. Бабочка внутри скафандра тела юноши порой говорила, живи, мол, по сердцу, а не по разуму.

Вымидали редкие виды животных, вымидали редкие виды чувств. Над потребительской корзиной разговорилось октябрьское солнышко. Из липового сквера доносилась не вполне трезвая ругань. Крохотка, оставляя позади Лидию и мужика, идет на рынок. До ночной смены есть вре-

мя, как сказали бы в рекламе «есть время, есть Meller». Аркадию нужна зимняя куртка, поэтому, собственно говоря, он и вышел поздней осенью в мастерке, а не потому, что закалялся. Инфицированный пустыми надеждами гражданин воздух пах выпечкой и бензином. Аркадий поздоровался с бородатым крепышом в пальто, Якобом с огромным носом, в сиреневых брючках, с букетом сушеной воблы и двухлитровой банкой в авоське. Потом обошел садик, за сетчатым забором выгуливалась детвора в пестрых одеждах, чтобы легче заметить, а то они маленькие и любят теряться. Поодаль стояла трансформаторная подстанция, тоже была обнесена заборчиком. И даже исправительно-трудовая колония в черте города могла похвастаться трехметровым, выполненным из бетона, забором. Крохотка встречал забор в чистом поле, некая повернутость сограждан на ограждениях вызывала опасения. Однако Аркаша не мог с уверенностью сказать, что у них страна заборов, ибо в иных странах юноша не был. В лесопосадке тут и там лежал снежок, напоминающий пенные шапки на бокалах с пивом. Не успевший схватиться ручеек журчал. Аркадий вышел на площадь, на площади стоял памятник Дзержинскому, высоколобый, с бородкой, в пальто, Дзержинский следил за базаром. А базар радовал глаз политика синими, красными, полосатыми шатрами. Которые, словно прыщики у подростка-боксера, взошедшие за ночь, образовывали рынок, лицевой рынок. Крохотка входит в зеленые, пожеванные ржавчиной ворота. Муслим держит простыню, прикрывая габаритную тетку, которая переодевается. Муслим продает женские кофточки, шубки, специализируется сугубо на барышнях. Продавщица школьных костюмов из темно-синей палатки расхваливает кроссовки для физкультуры: пригожие, Ниночка, Петька, вставай на картонку, мерять будем! Петр являл собой архетип воина, стремящегося к победе, победе над матерью. Этот лопухий патлач с подведенными черной тушью глазами, в косухе, не желал примерять зеленые, как миля, черноватые, как обелиск, голубые, как восемь дорожек, кроссовки. – Мама, я Гарольд! – сказал Петр. Гражданка родственница, как будто сражалась сейчас при Ватерлоо, а не покупала сыночку обувь, гаркнула: я тебе устрою Гарольда, сейчас же примеряй!

Крохотка не узнал, чем кончилось дело с Петром и его мамашей. Молодой человек прошел вглубь заповедных территорий. Где клетчатый баул в преддверии брачных игрищ дудел, привлекая самку, а из пасти его вылетали вещи-птицы. Прошел туда, где манекены прильнули бесчувственными губами к шеям зазевавшихся гражданок. Где юркие, словоохотливые продавцы, соблазняя скидками степенных ланей, переговаривались меж собою на экзотическом языке. Аркаша слышал краткие, словно лай собак, команды детям и подросткам «стой ровно», «если ты не будешь есть, то ты перестанешь быть», «не вертись, вертихвостка», «сколько мучений, чтоб померить одну блузку». Юноша направлялся к шатру, где торговала бывшая одноклассница Лена, Елена, похожая на тюленя, за ней, помнится, ухаживал грек, потом она с ним переехала в Турцию, но вскоре вернулась, утомленная жарким климатом и горячим нравом супруга. – Ленка, здорово, – по-деловому сказал Аркаша. Девушка в длинном стеганом пуховике цвета канталупы, в шапке с жар-птицей, произнесла своими этими большими коралловыми губами: женить тебя пора, на мне женишься однажды? В ее руках дымился высокий металлический стакан, две ниточки с логотипом зеленого чая покачивались. – Мне бы куртку пока что, там посмотрим, – поделился ображениями Крохотка. – А свитер не надо, вон какие хорошие есть, крупная вязь, будешь у себя там самым красивым, ты и так ничего, но будешь чего, – посоветовала бывшая одноклассница, протягивая плечики с кофтой. Аркаша растегнул олимпийку. – Поверх одевай, – сказала Лена. Аркадий так и поступил, так оно правильной, когда поверх. Свитер совершенно не колол, вопрос колкости свитера стоит остро не только перед детьми, но и родителями этих детей, малолетки, испытывая неприятные ощущения в области горла, предплечий, поясницы, порою сходят с ума, разрисовывают стены, бросаются в людей мебелью. – А вот и курточка, – у Ленки присутствовал вкус, она достала из-под прилавка запакованную в целлофановый кокон персиково-бежевую куртку с мехом на капюшоне. Крохотка, придирчиво осматривая себя в зеркале, спросил: не слишком по-пижонски? – По-моему, в самый раз, – сказала, поглаживая по голове юношу, девушка. – Зайдешь ко мне, я до шести работаю? – спросила Елена. – От твоих предложений у меня мозоли на мыслях, Ленка, я работаю, сегодня в ночь надо, – ответил смущенно Аркаша. Девушка разо-

чарованно молвила: жаль, тогда с тебя девять пятьсот. – А это в подарок, чтобы мозги не мерзли, – одноклассница вручает шапку «хоккей». И лезет обниматься, парень ловко минует объятия.

И вот Аркадий Крохотка стоит в компании корешей, из его указательного и среднего пальцев произрастает сигарета. Заправочная станция освещена сотнями синих огоньков, светодиодная лента оплетает даже колонки. Ребята как будто пребывают на сцене, и вот-вот появится Боб Фосс, и полюбощенные девчонки будут обворожительно дрыгать своими ножками в этом среднероссийском кабаре, воровать. Аркаша и двое напарников, Алик и Гриша, подпирают спинами фургон цвета мокрого асфальта. На сто первом году одиночества Альфред, широкоскулый выходец из физико-математического лица, на что-то решился. Ответы электрической подсветки причудливо преломлялись в его квадратных очках без оправы, волосы цвета луковой кожуры были зачесаны назад, серый джемпер с вышитыми черными детьми, которые некогда довели Бонифация до суицидальных мыслей. – Думаю, записаться добровольцем на фронт, – говорит физик. Коллеги ничего не говорят, хотя Гриша мог бы, на его глазах кошка недавно сожрала своих котят, поэтому относительно насилия Григорий был уведомлен. Он вскрыл золотистую баночку пива, им не возбранялось такое совершать перед сменами, директор автосервиса, Фридрих Валерьевич, был человеком, принимающим бытовой алкоголизм за особенности характера. Гриша производит долгий глоток, его посеребренный щетиной кадык двигается, напоминая кедровую шишку. Потом он задумчиво говорит: когда я служил, у нас был прапорщик один, такой душка, начинал утешать провинившихся солдатиков со слов «ваше дело дрянь», вспоминал постоянно убийство Фердинанда, мол, его прадед в нем даже участвовал. Аркадий, словно Самуил Яковлевич Маршак, рассказал интересную историю про своего прапорщика. – А вот у нас прапорщик был, на полном серьезе верил, что он Кирилл и Мефодий, и всех убедил, поэтому на обеде двойную порцию ему выдавали. – А как вообще дела? – спрашивает Григорий, мужчина пятидесяти лет, увлекающийся лыжами, больше о нем ничего не знали коллеги. – Мария вот родила, – ответил радостно Алик.

К заправке медленно подъехала желтая аккуратная машинка на двух персон, из ее салона доносились песни группировки «Блестящие». Вышла кудрявая тетенька в коричневой кожаной куртке, серых брюках с повязанным платком на шее, на платке были изображены персонажи утиных историй, Зигзаг, Скрудж Макдак, Дональд Дак. Дамочка стала заправлять свое транспортное средство, словно транспортное средство являлось карликовым верблюдом, верблюдом, пьющим бензин. Никулин, мальчишка тринадцати лет, удивительно пародирующий президентов. Он тянулся к Аркадию, Крохотка однажды спас парнишку от пьяного отчима с топором. Аркадий вообще многих спас от топора. Мальчишка вальяжно подошел к работягам, вскинул приветственно руку, получился римский салют. Птица, поскользнувшаяся в полете, с характерным шлепком приземлилась на капот малолитражки. Рыжеволосая кудряшка возмутилась: интересное кино. Никулин голосом Путина воспроизвел цитату из кинофильма Чапаев: тихо, граждане, Чапай думать будет. Барышня брезгливо сказала: думаешь, самый умный, у нашего президента вообще-то другой фильм любимый. Подросток почесал вихрастую голову, веснушки на его лице напоминали брызги крови апельсина. – Сколько стоит помыться у вас? – спросила дева с раскосыми глазами, кивнув на транспортное средство. Аркадий оглядел машинку, ответил: пятьсот. Клиентка поспорила: сто пятьдесят. Григорий потопал в своих кирпичных сапожках с заправленными в них синими школьными брюками в автосалон. По пути он допивает пиво, сплюсчивает банку руками. Дети макарон, соответственно, вермишель на голове клиентки были красивы, Гриша начинает подглядывать в приоткрытую дверь на волосы дамы с желтой машиной, ему хотелось намотать их на свой кулак, а потом резко дернуть на себя. Гриша увлекался лыжами, это все, что знали о нем коллеги. Низко пролетел самолет, едва не сбив с ног другую барышню, не клиентку. Она шла в джинсовой куртке с рюкзаком за плечами. И была подобна летучему голландцу, такой же призрачной и поэтичной натурой. Крохотка ее таковой выдумал, как только увидел. Юноша сказал Никулину, пожалуй, одноразовому персонажу этого текста: фить, братишка, не в службу, но в дружбу, позови, пожалуйста, вон ту даму. В бричке клиентки заело песнь агента иного: хочешь, я убью соседей? Эта фраза сконфузила присутствующих. Прекрасная незнакомка остановилась

у ларька. – Ты хочешь, чтоб как у Юрия Живого, который румын, вышло? – спросил Крохотку Алик. – Я же не домогаюсь, я просто познакомиться хочу, – парирует Аркадий. Юрия Живого за приставания к асфальтоукладчице Катерине приговорили к общественным работам, впрочем, Юра уехал в Тифлис и не стал работать, ведь принадлежал к числу абсолютных тунеядцев.

Бело-голубые кроссовки Никулина заскрипели, он пошел звать прохожую. Пятнышко света, фонарь, ларек, девушка с телефоном. Меж осветленной заправкой и осветленной девушкой пролегал темный коридор. Можно было предположить, что световой блин заправки равен световому блину ларька, девушки с телефоном. И когда мальчишка потопал по грифу, скрывшись из виду, он, подобно неумелому штангисту, решил убрать с одной стороны вес, чтобы стало полегче, однако культуриста неминуемо потянуло к земле. – Отгоните машину вон в то помещение, я помою, – сказал Альфред клиентке. – Ну-ну, – ответила она, села в машину, наконец, заглушила радио. Никулин активно жестикулировал руками, он уговаривал барышню пойти с ним. Девушка поддалась на талантливые, словно Попов, который изобрел в 1895 году радио, уговоры. – Я не до конца заправила, давайте я до конца заправлю, – проснулась клиентка с желтой машинкой, опять завозила с топливораздаточным краном. Незнакомку и подростка проглатывает лиминальное пространство, это пространство, как бы переходное, оно внушает одним лишь своим видом беспокойство, к примеру, что мы можем отнести к подобным местам, пустынный бассейн, дорожки которого, как будто спокойны. Вы стоите, не решаетесь нырять, на улице ночь, а вы не решаетесь нырять, ведете себя куцо, и не решаетесь нырять. Гнетущее какое-то чувство, еще бы, вы заперты в бассейне страшеньким сторожем, который перестал отличать знак от символа. Мерцают ртутные лампы, а вы не решаетесь нырять. Аркадий видит, как влекомая сомнительным знакомством дева подходит к нему. Никулин ехидно улыбается у нее за спиной. А ведь мальчишка воспринимал старшего товарища как Серапионова брата, равнялся на него. От подобной мысли глаза Крохотки намокли, он как будто бы понял то, что не могли понять граждане ранее, разобравшиеся в черных дырах, квантовой механике, но не разумеющие, почему другой человек сморкается иначе.

Лицо гражданки было уставшим. Как будто лес Аокигахара, японский лес самоубийц. Внезапно Аркаша подумал, какой формы пупок у этой девушки, входит ли она в десять процентов обладателей выпуклого. Никулин, похожий на Воробьева из республики ШКИД, тоже стрелявший из рогатки в директора гастронома Францева. Никулин робко сказал голосом Сталина: голубки. Потом развернулся и покинул территорию АЗС. Альфред открыл себе банку пива, в его бездонных карманах наличествовало многое, письма дочери, конфискованной бывшей женой Марией, набор отверток. Изумрудные глаза пристально смотрели, ландыш серебристый, на него, Аркадий даже позабыл, что представляет собой структурная сетка нетривиального знакомства. Как правильно проговорить фразу, которая заинтересует столь прекрасную девушку. Парень достал грильяж с белочкой, одноклассница Ленка так и не оставила надежды пленить узами брака, положила в карманы новой куртки конфетки. Незнакомка отрицательно помотала головой. – Аркадий, – представился, кашлянув, юноша. А потом подумал нервно, какой Аркадий, надо было Аркадий Павлович. Дальнейшая речь гражданки очень смутила Крохотку. Ведь с журналистами у него был разговор короткий, он им не доверял. Однако на Женю хотел уже переписать родительскую квартиру, стоило ей только появиться на улицах родного города. Расследование какое-то у нее, в нем она как в Аркадии Павловиче заинтересована, или все-таки заинтересована как в простом Аркадии. Крохотка упустил этот момент. Евгения стремительно распорочалась, ушла в опасную, как Николай Джумагалиев, ночь. – Что это было такое, никак любовь с первого взгляда, – предположил Алик. Клиентка долбила по клаксону, сидя в своей желтой машинке, она вся побагровела, ей категорически не нравилось обслуживание на заправке, она попросила помочь транспортное средство, а тут происходит херня. – Вы нормальные или нет, сейчас же помогите меня! – кричала она. – Идите знаете, куда, а я на фронт, – спокойно произнес Альфред и ушел в закусочную для дальнбойщиков, наверное, кушать перед тяжелой дорогой. За взбесившейся клиенткой из-за двери следил Григорий. Он подумал, как хорошо дамочка будет смотреться обнаженной, привязанной к его кровати. Григорий увлекался лыжами, больше коллеги о нем ничего не знали.

С Аркадием случилось что-то весьма и весьма страшное, он влюбился. И первое желание у него возникло, как только незнакомка ушла в ночь, броситься вослед. Крохотка ощущал себя неким паломником, который приходит поклониться великому Китежу, на дно ушедшему. Прильнув ко льду, он слышит колокольный звон, доносящийся из самых глубин озера. Евгения-Китеж заняла мысли молодого человека, Евгений-Китежем захотелось обладать. Он даже подумал, подключать ли методы дедукции, проверять каждый дом в округе на предмет наличия журналистики. Или ограничиться редукцией, но где взять частное, как прийти к общему. Зажглись редкие фонари, заправка опустела, Крохотка явственно ощущал, что с Женей они теперь пара, что ходит он теперь с Тamarой, ведь мы с Тamarой санитары. Из автосервиса вышел начальник Фридрих Валерьевич, его рыжая борода напоминала факел, морщинки в уголках глаз напоминали размежеванный земельный участок. Он подошел в своей шотландской юбке килте, сказал: мальчик мой, прошу прощения, что стал свидетелем рождающегося чувства, сегодня у тебя отгул, купи хороших чернил и беги за своей вертихвосткой, будь счастливым, держи нос по ветру, и так далее и тому подобное! – Почему вы думаете, что моя будущая жена пьет чернила, мне кажется, она пьет как минимум Кагор, – заметил Крохотка. Фридрих Валерьевич, пенсионер, страдающий лишним весом, проворчал что-то невнятное, пожалуй, он походил на моржа. – И завтра у тебя отгул, а потом свадьба, – сказал он безотлагательно. И направился к себе в кабинет походкой Клинта Иствуда. Иногда начальник был хорошим, иногда плохим.

Рука Крохотки, словно влюбленный идиот, под покровом ночи крадется к отверстию купюроприемника автомата с шоколадками и газировкой. Опасная наледь, словно горловое пение в неопытном горле, едва не лишила Аркашу здоровья. Он покупает два сникерса, два марса. Держит их в руках, и размышляет, если Евгения не взяла грильяж, достойны ли сникерсы, марсы ее. На всякий случай юноша кормит автомат еще раз, однако тот не выдает обещанных конфетки с кокосовой стружкой. Молодой человек поместил руку в отсек, где выдавались продукты питания. Он приговаривает: отдай мне конфеты в кокосовой стружке. – Что это за поминки по Финнегану, – раздался за спиной голос капитана Журова, участкового. Аркадий от неожиданности прокричал: мама! – Чего ты орешь, – пробурчал сотрудник правопорядка. Длинный, словно нестриженные ногти Жиль Делеза, козырек заправки бросал тень на половину лица Журова. На нем был черный пуховик, из-под которого выглядывала синяя форменная рубашка, тонкие торфяные усики над губой напоминали гравюру Альбрехта Дюрера «Меланхолия», где на морском берегу сидит крылатая женщина, подперев голову рукой, она о чем-то глубоко задумалась. Черные волосы участкового были уложены на правую сторону, глаза цвета полного затмения глядели на Крохотку, Журов чуть склонил голову набок. У молодого человека и милиционера сложились добрые отношения, одно время Аркаша подрабатывал в органах. Правда, выше стажера не поднялся на турнике. Октябрин Алексеевич был хорошим мужиком, разговоры с ним казались Крохотке намного доверительней, чем с биологическим отцом. Дочка Журова, Алевтина, после армии молодой человек с ней встречался, потом расстался. Октябрин Алексеевич как-то сказал: если хочешь узнать, какой, значит, будет в старости девушка, посмотри на ее мать, старик. Аркаша посмотрел на жену Журова и прекратил любовные сношения. – Ну, родной, что расскажешь? – спросил участковый. И Аркадий Крохотка, подобно Шахерезаде, рассказал старшему товарищу своему о том, что поэзия после Освенцима может существовать, ведь есть такая девушка, Евгения Пласина. Но, к сожалению, поник юноша, где остановилась данная особа, не знает. – Ну, родной, нашел из-за чего сопли по москве размазывать, – успокоил Аркашу Журов. Похолодало. Рейсовый автобус приехал на техобслуживание. Участковый пообещал разузнать. И выступить в данном случае неким Григорием Остером, выдумавшим школьный предмет папамалогия. Только милиционер обещал ничего не выдумывать, а сообщить Крохотке достоверную информацию, где живет корреспондентка. С тем и расстались.

А на следующий вечер Аркадий сидел в служебном автомобиле с Журовым. Пасли подъезд, что называется. – Твоя на пятом этаже, сейчас ее нет на месте, – сказал участковый, выпуская сизую струйку дыма в полуоткрытое окно. Над приборной панелью висела иконка, Николай чу-

дотворец. Шел мелкий косой дождь. – И чем тебя так покорила эта Диана де Пуатье, она же тебя старше на шесть лет, – засомневался в адекватности выбора жены милиционер. – Кто? – пере-спросил парень, хрустя пальцами. – Фаворитка Генриха Второго на двадцать лет его старше была, – невозмутимо разъянил Журов, щелчком отправляя окурков в полет. – Октябрин Алексеевич, вон, как вы заговорили, как Чарльз Диккенс, – подколов юноша. – А что Чарльз Диккенс? – не понял сотрудник правопорядка. А Чарльз Диккенс писал лучше всех о рождестве, то есть являлся сказочником знатным, Аркадий не успел это сказать. Во двор въехал микроавтобус, раскрашен-ный, как хиппи. Вышла пожилая женщина, следом за ней вышла интересная, как подростковое фэнтези, Женя. – Моя, – застолбил девушку Крохотка. – Как бы не прогадал, – засомневался Жу-ров, щуя глаза. – Я пойду, – решил Аркаша. – Сиди, посмотрим, что будет, женщины не любят светлых, не нравится мне спутница твоей будущей жены, – участковый, словно бомбардировка Дрездена в сорок пятом, был чудовищно пронизателен. Парень доверял ему, поэтому предпочел скрываться, словно Сомерсет Мозм за профессией литератора, хотя был он шпион, парень пред-почел скрываться и дальше. Дамы о чем-то беседуют, Плаксина прекрасна, словно революцион-ная опера, поставленная Ким Чен Иром в семьдесят первом году. Она называлась «Море крови», сюжет прост, однако не совсем. Корейская семья, мама, папа, дочь и два сына живут под натиском японских оккупантов, а потом присоединяются к коммунистической революции, борются в горах Пэкту и побеждают. Наконец Евгения и тетушка входят во второй подъезд. – Ждем, если потре-буется, ночь будем сидеть, – говорит Журов. – Зачем же ночь, – не понимает Аркадий, а потом как понимает, и перестает задавать дурацкие вопросы.

Ночью было спокойно. Ни гопник не проскочил, ни одного гугенота не пришибли. Участко-вый поставил кассету с песнями Джо Дассена. В автомобиле неожиданно появились картонные стаканы с кофе и коробка с пончиками. Бессмысленное, как Венгерское восстание, ожидание пе-реросло в греко-римскую борьбу. Они перекусили. Участковый предложил размяться. И в свете фар автомобиля мальчишки порезвились. Потом все-таки наступило утро, а точнее, вечер, и Журов поделился соображениями: – Возможно, криминал, Аркаша, твоя журналистка вошла не в свою квартиру, и до сих пор оттуда не вышла. – Крохотка стал складывать два и два, вопреки царствующему вокруг модернизму, получилось четыре. – Я пойду туда, – сказал он смело, словно портняж-ка, доставая из кобуры свой огромный нож Боуи. Дальновидный, словно программа заместитель-ной терапии для наркоманов, участковый предостерег поспешного юношу: цинковый этот самый для тебя не хотелось бы мне искать, ты же мне как сын, я всегда хотел сына. Милиционер излишне растрогался, были видны его переживания невооруженным глазом. – Октябрин Алексеевич, я все понимаю, – сказал Аркадий, открывая дверцу автомобиля, – надеюсь, свидимся. – Пригнувшись, словно представлял из себя Александра Второго, на которого покушались одиннадцать раз, по-топал к подъезду. Далеко в небе слышался гул неизвестного происхождения. Гул приближался, словно стрелки на Бостонских часах судного дня к полуночи, гул приближался.

Крохотка дернул с силой дверь на себя, некоторые двери с домофонами так открываются, если вы забыли ключ, если по ту сторону вас никто не ждет. Парень без труда определил нужную квартиру, за время ночного дежурства Журов преподавал урок слежки, пофамильный перечень жи-телей дома имелся в распоряжении. А потом дом вздрогнул, словно кадкы Николая Некрасова, который срезался на вступительном экзамене, кажется, из-за закона божия, и в связи с этим не-медленно выпил половину ведра водки. Молодой человек увидел, как по ступеням бежит мало-летний гражданин, такой же рыжий, как он сам. Мальчишка кричал о невозможности выжить в этой смертной любви. Захлопали дверьми люди, проживающие тут. Аркадий Крохотка с ножом наперевес вторгся в незапертое жилище, где, предположительно, была заточена его принцесса. Дым застилал глаза несвежим покрывалом, впитавшим в себя следы сотен владельцев. Аркаша упал на четвереньки, пополз, попутно призывая девушку ответить ему, появился дым. В запер-той комнате рухнуло что-то тяжелое, послышались стоны. Крохотка задержал дыхание, встал в полный рост, высадил плечом дверь в комнату, почувствовал, что возлюбленная там, поэтому и высадил дверь. Внутри все было перевернуто. Какая-то пожилая гражданка стонала под шкафом,

напоминала бабочку, у которой оторвали крылья школьники. Банка с мужской головой катается по столу, хрущёвка сотрясается, лицо товарища в банке удивлено. Отчего-то Крохотка сразу понял, что этот частично незнакомый гражданин любит, как никто другой, людей, животных, насекомых, птиц, рыб, микробов, клетки, гены, ДНК, РНК, китов, тюленей, собак, кур, бекон, вырезку, закуску, сладкое, морс, абстракционизм, реализм, альпинизм, Пушкина, Лермонтова и так далее и тому подобное. Возлюбленная подала руку, однако Аркадий захотел взять с собой в светлое будущее эту странную голову.

В подъезде обвалилась четверть подъезда, щека Евгении прислонилась к щеке Крохотки, обе щеки, мужская и женская, пылали, словно носители щек испытывали бессознательный страх опозориться перед приемной комиссией в университете. Полыхающее здание навевало печальные мысли, например, совсем уж подростковое «меня никто не понимает». Парень проорал в ухо Плаксиной: а голова, давай заберем голову! Евгения не согласилась и на просьбу прокричала следующее: мы сейчас сгорим, идиот! Пламя забежало в комнату, ножки пламени были коротки, однако острые, то есть могли заколоть зазевавшихся граждан, точно гопники в пятницу вечером в районе станции Лианозово. Журналистка задыхается, не в силах справиться с чувствами, к тому же, гарь, протиснувшись в ее легкие, угнетает, коптит альвеолы. Аркадий, имеющий со школы прозвище Северный за способность мыслить холодно, кричит на будущую жену: я попробую снять решетку на окне! Аркаша безуспешно дергает решетку, раз, другой, а потом благополучно теряет сознание, падает на пол. Тогда журналистка, несомненно, восхитилась молодым человеком еще больше. Несомненная самоотверженность, сомнительный подвиг. На шкаф, придавивший Афину, упал чей-то пол, таким образом, образовалась наклонная плоскость. В воздух поднялся столп известки, пепла. Таким образом, попытка перейти в чужую квартиру, а из чужой квартиры выйти в на четверть разрушенный подъезд, а потом и на улицу, показалась Плаксиной хорошей попыткой продлить жизнь насекомых, коими они все тут выглядели. Ведь впереди столько увлекательных депрессий, столько невообразимых разочарований, столько. Она поцеловала в губы Аркадия, и поцелуй был созвучен искусственному дыханию, шепот, легкое дыхание, своего рода. Крохотка открыл глаза. Вокруг все трещало, шипело, падало. Как будто пекли блины в inferнальной кофегарке. Крохотка вспомнил, как на прошлую масленицу в их городе одна женщина померла, подавившись блином, это был конкурс, кто больше съест. Молодой человек лизнул нос Женечки, бессознательно показав, что готов стать ее верным псом. Было жарко, было довольно-таки жарко. Девушка подала звонкую пощечину юноше, девушка была равнозначна княгиням Трубецкой и Волконской. Она не желала размениваться на сантименты, она желала совершить подвиг, подобно названным ранее княгиням. – Кто последний, тот мертвец! – звонко крикнула она, угарный газ сделал свое дело, но, в отличие от мавра, совершенно не удалился.

Ребята, словно лирический герой в стихотворении Пидоренко В.П., посвященном карлику, который взбирался на очевидно огромную для него женщину. Данный вымышленный поэт говорит на этот счет следующее: «я стал бы бешено карабкаться по ней, взбираться на ее громадные колени; когда же в жалящей истоме летних дней она ложилась бы в полях под властью лени». Ребята поднимались по крошащейся прямо под ногами наклонной плоскости, поднимались как будто по вафле, вафля была теплой; когда бабушка у Аркадия жила еще на свете, то в этой чудовищной, с двумя металлическими окружностями, рифленной вафельнице получались очень достойные вафли. Крохотка стал пускать слюну, стал отставать от своей спутницы, Женечка тянула здорового лба из последних сил. – Давай останемся, – промямлил юноша. – А ты вот, знаешь, что она шла босиком вдоль ночных дорог, не жалея ног, например, а ты не можешь, – девушка взывала к совести. Аркаша в ее глазах превратился в человека, который любит смотреть, как растут деревья, и больше ничего не любит. Просто сидит и смотрит, как растут деревья, а вокруг меняется политический строй, заканчиваются акции в сетевом магазине у дома, поднимается возраст согласия в Японии. Не хотелось идти, путь был невкусным, как если бы вы залпом выпили кружку касторки. Плаксина и сама допускала, не в этот раз, подруга, кажется, это конец. И когда уже полуживые Аркадий и Женя лежали в обнимку в чужой квартире, разморенные рукотворным

Рио-де-Жанейро, появились спасатели. Свет мощного фонаря потоптался на лице журналистки, крепкие руки наших отечественных мужчин-богатырей подхватили два бездыханных организма. Кто-то заботливо прижал дыхательную маску, и Женечка смогла открыть глаза и сделать полноценный вдох.

Глава 12

А Пригов выйдет гулять?

Инкорпорированные календулы сукровицы в летное поле лица гражданина щипали. Пена для бритья с неоднозначным названием «лед-10» размазывалась помазком равномерно. Помазок напоминал башню из черного дерева, резная ручка, созвучная шахматной фигуре. Барсучья щетина, мягкая и пушистая для чувствительной кожи. Лицо гражданина явлено в овальном зеркале. Короткий, точно хайку, нос, густо-подсолнечная сновиденческая грязь в уголках чесночно-луковых глаз. Ярко выраженный волевой подбородок. Прическа какая-то милитаристская истерика, или же пьеса «Лысая певица». Широкая, словно Каширское шоссе, грудь. Сложносоставные пальцы, мозолистые от штанги, турника, нежные от прикосновений к жене, держат бритвенный металлический станок. И раз, и два, и три, мужчина степенно выбривает лицо. Вот он натягивает кожу на левой щеке, а вот не натягивает, натянул и побрил. Натягивает кожу на правой щеке, подмигивает отражению в зеркале, бреет. И когда он бреет именно правую щеку, мы обнаруживаем на левом предплечье цветную татуировку, барашка. Как будто ребенок-татуировщик изобразил данного барашка. Ребенок изобразил, дочка. Гражданин моет лицо специальным лосьоном для умывания, с огуречным духом, хлопает себя по щекам. Берет со змеевика полотенце, светло-голубое с крокодилом, надписью Ка-52. – Антон, ты скоро? – спрашивает жена из кухни, она въедливая женщина, конечно, словно сигаретный запах. Любит своего мужа вертолетчика отчаянно, как будто банановая республика состоятельного туриста.

Бодрый Антон, словно вампир в весеннем лесу, впившийся клыками в березу, шагает к своей жене-японке. Он женился на ней на спор, ее отец, Миядзакки Петрович, конструктор, однажды посетил аэродром. И почувствовал, что его дочь и Антон два гомологических организма, которым суждено быть вместе. – Спорим, – сказал он, – вы хорошо подойдете для моей Морики. – Холостой мужчина тридцати лет сперва и не понял, на какое море зовет его столь немолодой господин. А потом они пили русский компот в столовой, и будущий зять сетовал, что Антон какой-то Афоня, у них в Японии так не принято совершенно, там ценится работа в коллективе. А женитьба процесс коллективный. Вертолетчик выслушал его речь, потом одобрил, сказал, что речь блестящая, будем работать с тем, что имеем. Морики переквалифицировалась в Марину. Они связали себя узами брака, родили дочь Ксению. Опылив цветок сакуры на древе Морики, гражданин ощутил невероятную степень родства с этой маленькой женщиной, с этим гомополимерным обществом потребления. Бытовые радости в виде субботних походов с женой в кино, выбором подузников и погремушек тоже с женой, они приносили удовольствие, пред которым меркла холостяцкая жизнь. Хотя в холостяцкой жизни присутствовали другие радости, однако радость существования в семейном коллективе была интересней и приносила некий душевный покой. Бодрый Антон шагает на кухню. В зеленом детском кресле сидит трехлетняя Ксюша, кушает манную кашу с ягодками голубики. Шкафчики цвета морской волны, молочная плитка на стенах, красная микроволновка. Деревянные тапочки на Марине называются гэта, пятисантиметровые колодки, малиновое, цветастое кимоно. Японская модница, помещенная в среднероссийский пейзаж, выглядела экзотично. Она сидела на высоком стуле без спинки, смотрела что-то в планшете, беспроводные наушники, словно два жука-скарабея, два навозных жука. Антон поцеловал сдержанно, а потом не сдержанно, множество раз, дочку, та засмеялась, залопотала, словно осина в «Царь-рыбе» Астафьева.

Военный летчик второго класса сел за обеденный стол, выполненный в форме кленового листа с прожилками. – Папа, умер Дед Мороз? – спросила неожиданно Ксюшенька, ее рот был перемазан ягодой и кашей, она напоминала пальмовое масло, такое же вредное, но и любимое в то же время. Антон поглядел с упреком на свою жену, страдающую синдромом Мюнхгаузена. Морику придумывала дочери аллергии, простуды, лечила ее постоянно, в садик не пускала. Гиперопека волновала мужчину, он полагал, японка сможет акклиматизироваться, но вот за три года не сумела. И новое место жительства внушало ей определенные страхи. Зачастую нелепые, зачастую она звонила в истерике отцу, который отчалил на родину, и призывала его срочно эвакуировать семью, включая Антона. Как-то цыганка у магазина сообщила Марине о причинах своего грязноватого вида, она сообщила, что горячую воду отключили в их лагере, и у вас тоже отключат ее на четырнадцать дней. – Вы, судя по вашему внешнему виду, найдете выход из ситуации, а у меня дети малые, – сказала цыганка, намекая на то, чтобы ей подали деньги. Японская жена русского мужа в слезах отдала свою банковскую карточку. Хорошо, не успела сообщить пин-код. Несостоявшаяся гейша, Миядзаки Петрович хотел отдать свою дочку в гейши, конечно, до того, как встретил Антона. Несостоявшаяся гейша показывала Ксюше странные фильмы о смерти. А иногда даже доказывала на приеме у педиатра, что дочка страдает астмой, хотя дочка не страдала астмой. – Ты опять ей некрореализм ставила? – спросил гражданин, делая краткий глоток своего кофе, в плоской синей тарелке находилось два поджаренных яйца и листик салата. Желушке нравилось наше депрессивное кино, Сокуров, Герман, Юфит. Она любила вглядываться в черные фигуры бухгалтеров, бредущих по лесу. Она любила вглядываться в усатое лицо импозантного мужика, на голове которого стакан, а мужик едет на поезде в нехорошие места. Она любила вглядываться в лицо зеленого Ленина. И дочку трехлетнюю к этому приучила.

– Ничего я не показывала, – сказала торопливо Марина, Марина звиздела. Она не желала отвлекаться от своего планшета, пялилась в него весьма строптиво. Она отошла от японских традиций, она окунулась в реку равноправия. – Пап, сегодня Хэллоуин, мы будем расчленять тывку? – спросила милая девочка с пятном зеленки на подбородке. – Ты опять с ней говорила про этот сатанинский праздник? – повысил голос гражданин, кусая бутерброд с голубым тунцом. – Ничего я не говорила, – сказала неправду Марина, нервно, как будто была она диспетчером аэропорта. Морику глядела на видеохостинге зашифрованные послания. Антон не ведал, что супруга была завербована ЦРУ, они вышли на связь совсем недавно, девушка даже не знала своего куратора. В блогах, на которые японка была подписана, стали мелькать странные сообщения. Королева помойки, например, англичанка, построившая империю на сдаче бутылок, в одном из выпусков своего шоу замерла перед камерой с открытым ртом, а картинка подернулась рябью. Произошел так называемый Вайомингский инцидент. Как в штате Вайоминг в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Когда во время показа телесериала «Доктор Кто» в одиннадцать часов пятнадцать минут эфир прервался. И зрителям показали шестиминутное видео. На 0:08 секунде серый экран. На 0:19 играет задом наперед замедленная музыка из заставки американского канала WGBH Pbs. 0:29 секунда появляется текст, естественно, английский, но мы переведем: «вы увидите такие красивые вещи». 0:50 возникает рябящее женское лицо, растянутое на весь экран, лицо улыбается, слышен высокочастотный звук «пи». Впрочем, не знаю, интересна ли вам полная расшифровка, все-таки шесть минут триста шестьдесят секунд? Пожалуй, стоит отметить, на фоне странной звуковой игры и пугающих лиц возникающие предложения пугали телезрителей больше всего. Например, такое послание там было: «Почему ты ненавидишь?». Или «Мы хотим помочь тебе». Или «Мы за твоей дверью».

Королева помойки замерла, одного резца у нее не хватало, там зияла брешь. Круглое, как монетка, что нашел шестнадцатилетний казак Темрюкской станицы, Алексей Тараненко, ему приснился вот сон в 1819 году, в этом сне некая девушка требовала, чтобы он шел в турецкую крепость в городе Тамани. Потом сон повторился, дева указывала конкретное место, где следует копать. Круглое лицо. Неестественно-желтые, подернутые сальной пеленой, волосы. Кубометры

тонального крема. Розовое платье в блестках, на шее ожерелье из мятых кока-кольных банок. Алый потрескавшийся лак на коротких, обкусанных ногтях напоминал закат Европы. Помечная принцесса, как ее ласково называли подписчики, стала рябить. Морики смотрела во все свои азиатские глаза. Муж тогда дежурил на своем полигоне, дочь тогда, посасывая свою лапку в меде, спала. Речь любимого блогера о проблемах собственной идентичности прервалась. С приоткрытым ртом, помада красное дерево, подмигнула домохозяйке по ту сторону Тулы и по ту сторону экрана. Мария недоверчиво посмотрела по сторонам, справа дочка храпела на кровати, слева швейная машинка не шелохнулась. Секунд через десять принцесса отмерла и произнесла фразу: аригато, сестра Морики, время пришло. Жена Антона как будто вспомнила что-то, как будто проснулась, хотя и не спала. Протокол запустился. На следующий день, когда японка пошла за покупками, начались первые физические контакты. Девушка заметила у помойки кирпич с надписью «философский камень». И поняла, что кирпич оставили для нее. В дальнейшем артефакты подобного толка стали частыми явлениями в жизни домохозяйки. Пожалуй, самую радикальную посылку передала кондукторша в трамвае. Это была сыворотка правды, смесь препаратов барбитуратной группы. Сыворотка предназначалась для супруга, в состоянии сумеречного сознания тот рассказывал о строении своего вертолета. Хитрая Морики старательно записывала полученные сведения. Бережно хранила с тем, чтобы однажды поделиться ими с куратором. Но куратор все не шел и не шел на встречу.

Начинающиеся странности в поведении супруги Антон списывал на тоску по родине. Однажды японка поставила круглый аквариум с двумя золотыми рыбками на включенную плитку, тосковала по родине. Однажды она пела «полюшко, широкое поле, девушкам сегодня грустно, милый надолго уехал». При этом Марина была обнажена, словно речь домашнего тирана, выпимшиго, тиран в униформе для домашнего насилия, майке-алкоголичке, синих трико с пузырями на коленках. Марина была обнажена и водила по своей руке длинными металлическими ножницами. Наверное, тоскует по родине, подумал тогда Антон. И отобрал ножницы, чтобы ребенок не видел холодное оружие. Гражданин вертолетчик доедает свой завтрак, Ксюша обнимает его сзади, малый рост не позволяет дотянуться до плеч. Марина спрашивает, не отрываясь от планшета: ты сегодня на своем «Аллигаторе» летишь куда-то? И муж искренне отвечает, ведь хлебнул целую кружку кофе со специальным препаратом: плановый облет, дорогая, ничего серьезного. На улице щебечут птицы, светит ярко солнце, облетает листва. Голова Ксюши упирается в поясницу, девочка невнятно шепчет, хотя посещает логопеда, просто дочка настолько талантливая, что выдумывать языки у нее выходит с особенной легкостью. Супруга фыркает, видно, ей не нравится явленное в планшете. Черный пятикилограммовый кот со странным пятном на лбу в виде полумесяца, то есть шерсть, из которой состоял полумесяц, она была желтой. Кот заурчал, стал бодать ногу Антона Васильевича. – Я же с вами, девочки, опоздаю совсем, – спохватился он, деланно хлопнув себя по лбу, покинул кухню.

Приближалась зима, мужчина не любил зиму, не верил тем, кто говорит, что любит ее. Зима ему представлялась свекровью, плаксивой такой, престарелой. Антон в черной куртке из кожи питона, подаренной зятем, в синих джинсах, надушенный одеколоном, направлялся на работу. Аромат напоминал насыщенное гнилье дыхание безродного пса. Исклизившие запахи были приняты гражданином за симптомы скорой простуды. Зеленый горный велосипед был сложен в управлении, словно опытная хозяйка борделя для молоденького шерифа. Руль не слушался. Обезьяная зарывшегося в листву оранжевого дворника, что притаился у мусорных баков, Васильевич пал. Пал он по аналогии с юнцом, покурившим сигарету, и в связи с этим павшим в глазах своих некурящих родителей. А дворник, дворник выжидал, пока упитанная мышка пересечет невидимую красную линию, после которой коммунальщик сможет ее словить. Россыпь воробьев на бесхозном шкафу с отломанной дверцей изучала других воробьев, тех, что низко летели. И первые воробьи-орнитологи, наверное, были предпочтительней для дворника, усатого, полосатого, рыжего дворника, чем грызун. Однако стоило ему себя обнаружить, воробьи-орнитологи перестали быть орнитологами, взмыли. Антон пал в неглубокую лужу, подернутую ледяной коркой. Правая

ладонь саднила, бусинки крови, пульсация боли. К гражданину бросился на выручку, и был созвучен, конечно, с половым воспитанием, необходимым современным подросткам, широкий дворник. – Вот дурашка, ты как, цел вообще? – спросил озабоченно коммунальщик, помогая встать Антону. Вертолетчик принялся интенсивно моргать своими чесночно-луковыми глазами. Голова кружилась, ситуация была неприятной, воздух звенел тишиной. Васильевич предположил, что оглох. По-рыбьи раскрывая рот, как будто пытаясь выдуть букву о, мужчина испугал дворника. Тот предположил: я предполагаю, ты упал с велосипеда не просто так. – Вы ошибаетесь, просто так я упал, – поспорил пилот, глядя в прищуренные глаза с вертикальными зрачками. А потом, преодолевая внезапно наступившее сумеречное сознание, пошел прочь.

Жить было куда, на полигоне коллеги обеспокоились неналичием Антона, они звонили ему настырно. Командир воздушного судна катил свой велосипед вдоль обочины. Телефон вибрировал во внутреннем кармане куртки, вибрация волнами накатывала на затвердевшую скалу соска, Васильевич пребывал в прострации. Шпионка Марина тем утром выплеснула в кофе супруга целую солонку со спецсредством, и теперь мозг Антона плавал в так называемой банке с рассолом, задевая пруттики укропа, задевая надкусанный огурец. Шпионка Марина всерьез насолела супругу. Загроможденная статичными прохожими улица путала. Антон Васильевич на мгновение забылся, куда же он идет, куда же. Мальчик с головой окуная обхватил губами указательный палец на левой руке. – Отпусти, мальчик-рыба, отпусти, пожалуйста, – попросил вежливо мужчина. Пилот ухватился за спинной плавник, потянул в сторону, но мальчик в рыжем дутом пуховике и зеленых брюках был силен и не поддавался. Тогда мужчина ткнул указательным пальцем правой руки в желтый глаз, чем вызвал приступ злых причитаний мальчика-рыбы, он соизволил упомянуть Дагона. И Антон тотчас определил, что парнишка живет в междуречье. А потом ускорил шаг, отбросив мешающий двигаться велосипед. Впереди плелась тетушка в розовом пальто, тянула за веревочку розовые санки, на которых лежала свиная едко-желтая голова с голубым штампом на лбу. Васильевич прикусил от безысходности губу, окружение нравилось ему все меньше и меньше. Подул освежающий ветерок, принес с собой запах ладана. Пространство вокруг стало, как будто пульсировать. Возникло желание очутиться под одеялом дома, в Спинозе покалявало, суставы выкручивало мокрым бельем в руках дородной крестьянки. Мимо пролетела чья-то кассационная жалоба, называемая еще красивым словом касатка. Возле телеграфного столба, надтреснутого, каштанового, долгоязыый парень кричал на белокурую девушку, маленькую, она глядела ему в пупок: это не корректно, некорректно это, только попробуй пожаловаться! Вертолетчик вмешался, ему не нравилось, когда так с дамами разговаривают. – Позвольте, – сказал он. И получил в лицо кулаком, и упал на стылую землю.

– Антон Васильевич, вы чего, – беспокойно сказала Шурочка, запасной пилот, полагающийся каждому первому пилоту. Мужчина сидел за штурвалом вертолета, далеко внизу перемещались огни машин, свет из окон домов не перемещался никуда. Вертолет был вплетен в вечерний сумрак, напоминающий черный маргарин, тогда не вплетен, тогда вмазан. В кабине стало душно. Мужчина не вязал лыка, он хотел что-то ответить внятное своей коллеге, но выходили какие-то воркующие звуки. Как будто теперь гражданин мог изъясняться на одном из языков, разработанных писателем Толкином. Эльфийский диалект. Они летели в какое-то призрачное Комарово, два человеческих тела, заключенных в жестяную стрекозу. В глазах Антона приборное оборудование расплывалось, и девушка рядом расплывалась. Диспетчер кричал в рацию: что происходит, ответьте! В заболоченном сознании Васильевича квакнуло озарение, жена Морики не та, кем кажется, а казалась она японкой. Летчик решил озвучить свои опасения касательно супруги, но Александра, напарница, светло-голубое пятно, в которое она превратилась, в ужасе воскликнуло: прекратите, вы меня пугаете! Она предприняла несмелые попытки завладеть штурвалом, но летательное средство уже сбилось с курса. Кабину трясет, нога гражданина заклинилась на педали. И вся филармония кричающих, пищущих механизмов уже вне надобности. – Парашют, Антон, парашют! – вопит отчаянно Шура. Над улицей Шмидта, над жилым домом двести два. Вертолет, бешено вращаясь на манер спятившего волчка, приближается. И две темные фигуры под купо-

лами оранжевых парашютов, еле касаясь смерти, лениво пикируют на остроконечные силуэты деревьев вдаль.

Выжили, кажется, все, а не только любовники. Чета Гофманов стояла в полном составе возле чудовищной деревянной скульптуры медведя с деформированным черепом. Они безмолвствовали, двенадцать глаз, сокрытых очками, с грустью следили за тем, как тушат останки их жилища. Двор утопал в отзвуках красных, синих мигалок. Толик Синицын поглаживал голову своей бабушки-коровы, лицо его было задумчивым, ресницы и брови сгорели. Чумазы дети с интересом глядели на красную коровку, не решались погладить. Граждане в синих куртках с крестами на спинах закатали рукав Анатолия, что-то вкололи. Школьник сидел на шербатой скамейке, держа на руках спящую сестру. С ним о чем-то разговаривал мужчина в милицейской форме, записывал в блокнот ответы, сотрудник органов морщился, кажется, ответы были подчистую слизаны из сборника готовых домашних заданий. Кто-то из совсем незнакомых жильцов робко предполагал, что теперь им должны новые квартиры выдать. Аркадий и Плаксина, укрытые одеялом из тонкой фольгированной пленки, которое выдали спасатели, прижались друг к другу. Они восседали на капоте автомобиля Журова, тот крепко спал, опершись на руль. Хрущевка почти растаяла. Журчала огненная вода в остатках дома. Ослабевшие языки пламени плясали на лицах молодых людей. Красные брикеты пожарных машин внушали некое спокойствие. Скорая помощь тоже внушала, но в меньшей степени, хотя вот в Европе услуги врачей оплачиваются гражданами из своего кармана, дикари. – Мы встретились в странный период моей жизни, – сказал задумчиво Крохотка. – Паланик отстой, – хрипло засмеялась Женечка, закашлявшись. Ночь была обширна, как будто у нее случились проблемы с пищеварением. Прочие граждане, не относящиеся к дому двадцать два, влекомые светом, слетались узнать, в чем, собственно, дело. А два влюбленных человека на капоте были изъятые из всеобщего желудочно-кишечного тракта, а два влюбленных человека и не совсем, может быть, понимали степень своей влюбленности. Но влюбленных человека два уподобились Данте и Беатриче, Гриневу и Мироновой, Тому и Джерри, Пугачевой и Галкину, наконец.

В значительном удалении от коммунального бедствия, в иссудавших кустах рябины стояла черная служебная Волга. В ней сидел Миша Токарев, у Токарева не было усов. А это значило, что роман был дописан. Каждый раз, когда он приступал к написанию крупного текста, он отращивал усы. Нынче же усов не наблюдалось, лишь синева над верхней губой, словно землю планеты Нептун припорошило. За рулем сидел товарищ Токарева из министерства усатых дел, Александр Робека. Молодые люди глядели на то, как Плаксина и Аркадий глядят на догорающий дом. Миша был не совсем уверен, напечатает ли его новую литературу редактор Анна Сафронова, удивительная женщина, удивляющаяся женщина. Или все-таки у него в этот раз вышло не слишком-то примечательно. Голубь с красными глазами-камерами, начиненный аппаратурой, сидел на ветке березы и фиксировал находящихся в черной служебной «Волге» ребят, работало ЦРУ. Это был 2007 год, и где-то в оккупированном арт-группой «Война» вагоне кольцевой линии московского метрополитена стояли пластиковые столы в ряд. На столах была выпивка, закуски, столы были с белыми скатертями. Поминали Дмитрия Александровича Пригова. Робека спросил, могут ли они теперь ехать, а то чего же стоять просто так. Токарев подтвердил, что стоять просто так ни к чему, потянулся на пассажирском кресле, хрустнул позвоночник сюжета. Александр завел мотор, вырулил на трассу. И автомобиль, не превышая скорость, поехал в сторону Москвы. «И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь, ибо дальняя дорога пред тобою».

Дарья МЕЗЕНЦЕВА

На дне

поэт и всадник бедный
куда теперь ездок
ты уберменш последний
ты первый андердог

ложись среди безумных
держись за пустоту
и мякиш для беззубых
прикладывай ко рту

в порыве дух открытий
и всякой чудесы
барбитурат и литий
проглатывай не ссы

не ссы товарищ это
вот-вот взойдет она
и с ней не надо света
и в ней не видно дна

2065

tu me quo possis perdere fulmen habes

публий овидий шаламов
федор михалыч назон
сеятель угольных шламов
лысых равнятель газон

где ты страдалец сульмонец
где твои письма с понтá
кости болят от бессонниц
рыбы торчат изо льда

пробуй покуда в сознании
каторжный холод облечь
в речь своего наказания
в нашу колымскую речь

Дарья Мезенцева родилась в 1994 году в Красноярске. Поэт, переводчик, преподаватель древних языков. Окончила кафедру классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Публиковалась в журналах «Кварта», «Новый мир». Живет в Санкт-Петербурге.

слово изгнания трогай
черным свинцом языка
имя зачеркивай пробуй
новый когномен зэка

пробуй ворованный ветер
варварский воздух вдыхай
все позволяет юпитер
общих небес вертухай

My Iron Lung

барельефная модель строение легких
это ваше дыхание на стеклышках херувимы
невимы ктувимы шираширимы хеверимы
невинны незримы взвешены неизмеримы

красные деревья в бугристом окне
горячие прожилки шарики альвеолки
перистый вдох оседает на самом дне
булькает выталкивает из двустволки

дробь летящим
скорбь живущим
горбь несущим
в гробь кладущим
подвывающим
хрипящим
выдыхающим
пропадающим

это ваша кровь на снегу?

Мимнерм

авлеточка нано
тростиночка нана
мы выпили вино
и кончилось вина

и кончился обед
и длился страшный сон
нам восемьдесят лет
как завещал солон

чего-то там биос
чего-то там хрюсэс

венки из диких роз
порвался и облез

коричневый сухой
к нам ходит тот же гость
стучит во тьме глухой
его глухая трость

а челюсти его
вгрызаются в стакан
в стакане ничего
анахронизм стакан

и с ним немеет пир
и с ним играет гимн
ты этого любил
всю жизнь свою о кирн

но кирн ведь это я
ведь это мы сафо
фиалкокудрая
всё будет хорофо

всё будет или не
успеем день сорвём
состаримся во сне
проснёмся заживём

Станция Айреник

*твои знания ничтожны, чувства притуплены.
откуда же ты знаешь, что твоё злодеяние велико?*

вспененные верхушки первых вишен
брюхатая кошка стригущая лишай
вошёл подполье подвалье вышел
не разглашай

весна в горах с холодным опозданием
лазурной глиной стекает в разломах рек
слушай соловья любуйся своим страданием
плоскостной человек

растерянно хромая
из платья вынимая
трехсложную дорогу в айреник
вы плачете ивлита
что песня позабыта

а музыка зашита
под обложки книг

рельсы рельсы
шпалы шпалы
буквы главы и капиталы
берег новый
берег старый
мы ленивы
мы неправы

слово дальше не идет
попадает в переплет

а там

близорукое танго
отправляется детский поезд
распускаются чистые страницы

Тане

дон жуан был многожен
дон жуан был многорук
дон жуан был многоног
дон жуан был одинок

лепорелло был таким
лепорелло был сяким
лепорелло был паяц
лепорелло был заяц

донна анна не была
донны анны не было
донне анне повезло
донна анна умерла

командор был на часах
командор был паркинсон
командор был стар и хвор
был альцгеймер командор

пионерский наш отряд
марширует прямо в ад
на земле обетованной
проживает донна ванна
и спасает поросят

Вербное воскрешение

а петух косой подавился колбасой

по ту сторону тулы
пряничный король
по ту сторону тулы
госнаркоконтроль
по ту сторону тулы
кожвендиспансеры
все бабы дуры
все кошки серы

по ту сторону песни
другие песни
по ту сторону песни
истории болезни
по ту сторону песни
хвала отчизне
и хоть ты тресни
возьми воскресни

по ту сторону рая
святой лазарь
по ту сторону рая
за вербой лазил
восьмое немая
курица хромая
целая неделя
никто не умирая

Аннетт принимает зачёт по физике на перемене после шестого урока литературы (и плохо себя чувствует)

изо рта вылетает кукушка
падает в тазик с водой
живой поворачивает катушку
ученик молодой

плачет ярославна по телеграфу
чему господине девятнадцать тел
точка точка катастрофа
чёрточка пробел

коммутатор отбивает

*буй тур
буй тур
буй тур*

кнопка звонок перегруз перегиб
сепаратор прием реле
двадцать один человек погиб
ефросинья блюет в санузле

буй тур
буй тур
буй тур

плачет глебовна в телеграме
из рукавов кровавые сыны
передайте своей маме
привет с войны
помашите ручкой

буй тур
буй тур
буй тур

на темном берегу днепра
мать ростислава тоже плачет
на могучем бычьем те
черточки точки
ничего не значат
в пустоте
значит только
буй тур
буй тур
буй тур

двадцать три человека

28.04.23

Нарцисс у Мелиховского озера

это не кикнос но ансер ансер
свет мой зеркало answer answer
голубая зеленая wasser
где ты взгляни на меня

всякий влюбленный так одинок
всякий влюбленный лишается ног
и крыл и чего там ещё иногда
лишаются помнишь
да

и я лишусь если будешь смотреть
ты обречен разливаться темнеть
это вода облеченная в смерть
это влечение к смерти

к отражению к жизни к себе
к двойному сердцу двойной судьбе
и к чему там еще иногда
ко мне понимаешь
да

гуси лебеди холодная гладь
озера где мне тебя искать
нет это мне где искать тебя
зеркало дышит искрясь и рябя

лебеди гуси несите нас
туда где двойная молчит вода
и что там еще молчит всегда
и ты за мной успеваешь
- -

ну же
скажи мне хоть что-нибудь

Нарцисс из Мелиховского озера

не вижу а ты
где я по ту сторону
гуси лебеди
га га га

на изнанке воды
разделите поровну
и разденете
до на га

посмотрите сами

вот жил бы как все со всеми ладил
как все обыватель чтец и жнец
прав был двупольный прорицатель
увидишь себя – конец

будто в воду глядел

ведь нужно только быть красивым
всего-то просто быть красивым

а ты в кого себя превратил
невместимо невыносимо
из-под ногтей кровавый ил
в рваных струпьях мрамор тела
руки ноги синяки
увидишь себя – большое дело
пустяки

*ведь это же я
и это я*

кто любил меня таким а
кто хотя бы делал вид
что любил недопустимо
невместимо говорит

ведь нужно только быть всего-то
просто нужно быть а ты
этот кто там
это кто-то
свет мой шпигель
изнанка воды

предречён и отеканен
в отражении дрожу
выбери самый тяжёлый камень
можно я тебе покажу

как исчезает зеркало

New Wave

там где наша не пропадала
вовсе не наша а чья попало
пропадала там другая
всемогущая всеблагая

вот её-то и замочили
изобличили исключили
из всеблагих и всемогущих
из слывущих и живущих

вот её-то прижали к стенке
вот её-то поставили в угол
и оградили сигнальной лентой
и никуда не выпускают

теперь сидит одна
не видит из окна
всхлипы света золотого
пятна неба голубого
а видит из окна
как выглядит она
вот были времена
а стали имена

много есть имён на -ист
du bist wer und wer dumm ist
много есть имён на -ент
друг мой this is not the end
профили френдленты
все иноагенты

и это наша новая старая волна
и это наша страшная прекрасная она
и это наша не наша пропавшая она
и это наша чья попало странная она

Уйди-уйди

*если поэт не солгал и взаправду над нами играет
музыка – флейту припрядь. шкуру свою береги*

изъеденная молью
тоска по новизне
разъеденная солью
бессмыслица во сне

набитая согласным
и гласным потрохом
отчёркивает красным
нам путь в краю глухом

мы здесь на новом месте
мы снимся где-нибудь
в отдельности и вместе
мы помним этот путь

а если мы забудем
что снится на пути
по очереди будем
дудеть в уйди-уйди

так древнего тритона
в ракушечку трубит
с невидимого склона
бездомный эолид

так сатирова кожа
свисая с потолка
шевелится тревожно
от песни тростника

так эллину играет
известно красота
так звуки пропадают
неведомо куда

в пучок морщин у губ
скукоживаются
в промежности у труб
отлёживаются

так помня что случилось
в тоске во сне в пути
мы что бы ни приснилось
дудим в уйди-уйди

Пётр АБРАМЕНКО

СКРИП

Повесть

*И нет ничего, чтобы просто уснуть.
Саша, который выпал из окна.*

I

Помню, первое, что там увидел – как медработники толкают голых подростков в душевую, из которой идёт пар. Мама плакала, её вывели. Меня повели по коридору, я обернулся: папа ещё стоял у дверей и смотрел мне вслед. Так это и произошло: попав через приёмный покой в двадцать четвёртое отделение, я – мальчик семнадцати лет, весом сорок килограмм и ростом сто шестьдесят пять сантиметров – ощутил некоторое сомнительное родство с Бродским, Цоем, Высоцким, Томом Крузом и Стивеном Тайлером – теперь в моей биографии тоже будет написано: «Лежал в психиатрической больнице».

Я уже переоделся в истёртую, обвисшую и криво сшитую пижаму в бело-голубую полоску. Не уверен, что у Тома Круза была именно такая. Медсестра отвела меня в четвёртую, последнюю палату.

В четвёртой на тот момент никого не было. Три койки были застелены, чьи хозяева, видимо, просто вышли; а четвёртая, с голым матрасом, терпеливо ждала нового, свеженького пациента – меня. Что касается её убранства, то в ней не было ничего, кроме четырёх коек, одной тумбочки и лампочки, свисающей с потолка. Двери и занавески отсутствовали – только широкий проход в стене. Матрас мой был весь в старых пятнах. Стены облезлые, как кожа больного старика. Медсестра дала мне в руки постельное бельё и сказала застелить.

– Не умею, – сообщил я даже с некоторой гордостью. Мол, это вы, жалкие людишки, нуждаетесь в застилании постели, а я, будущий великий композитор и поэт, не трачу времени на такие пустые занятия.

В палату зашёл один из пациентов, которому она сказала: «Заправь ему постель» и ушла.

– Привет, – сказал я.

– Прив...йет, – ответил он мне и занялся постелью. Дикция у него была нечёткая, как у глухого.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Лйоша. А тебя?

– Паша.

Телосложение у него было коренастое, но рост даже для коренастого человека был низок: его будто сплющили. Лицо какое-то странное, большое, искажённое улыбкой и двумя ассиметричными впадинками для чёрных глаз; пижама особенно истрёпанная, даже немного порванная на груди. И, как я позже ни вслушивался в его голос, не мог найти никакой системы в его искажённых звуках: глухие согласные он иногда озвончал, а звонкие иногда оглушал, безударные гласные порой произносил, переусердствовав в артикуляции, а ударные временами выговаривал недостаточно чётко.

Пётр Абраменко родился в Челябинске в 2001 году. Учится в Южно-Уральском государственном университете (кафедра лингвистики и перевода). В «Волге» публикуется впервые.

Он показал мне, куда и как это постельное бельё совать, но я ничего не понял и смиренно (прямо как учили меня православные родители) принял этот факт. Я наконец-то сел на кровать, и она ужасно, надрывно и мерзопакостно скрипнула, уподобляясь первым попыткам человека создать скрипку.

– Ты в какой палате? – спросил я Лёшу.

– Ввв этой.

Я был рад такому ответу, потому что изначально почувствовал к нему симпатию. Он был похож на такого наивного ребёнка, который ничего особенного не делает, но светится каким-то божьим сиянием.

Зашли ещё два пациента:

– Сегодня хотя бы суп был, а не вода с овощами, – сказал тощий мальчик с короткими чёрными волосами.

– О! Новенький? Никита, – протягивая мне руку, сказал другой, уже покрупнее, с пепельными волосами и в прямоугольных очках.

Я пожал её и представился. Познакомился и с тощим – его звали Серёжей. Все улеглись на кровати с таким же скрипом, а я продолжил сидеть.

– Ты здесь с чем? – спросил Никита.

– Я думаю, что с депрессией.

– Ты думаешь?

– Ну, я же не врач, – я не стал говорить о том, что у меня также подозревают шизофрению, поскольку точно знал, что у меня её нет.

– Странно, не встречал ещё здесь человека, попавшего сюда *только* из-за депрессии.

– А что ты хочешь, чтобы он вскрылся, и *пока*? – возразил Серёжа.

– Да... верно, – ответил тот.

– А ты с чем? – я бы не решился спрашивать так сразу и напрямик, но раз он спросил, мне следовало поинтересоваться в ответ.

– У меня мачеха долбанутая. Вот она меня сюда и засунула, – мне подумалось почему-то, что он врёт, то ли глаза у него как-то забегали, то ли ещё что, но, в сущности, для меня это не имело никакого значения.

– Как? – спросил я.

– А вот так, дружок, вот так.

– Не могут же человека засунуть сюда просто так.

– Ещё как, – усмехнулся он и подытожил: – Две недели уже тут торчу. Серый подтвердит, мы с ним в один день поступили.

– Серёжа, а ты здесь как оказался? – теперь мне для приличия следовало спросить и у других, чтобы не показалось, что мне не интересно. Но ответа не последовало. Он лежал как лежал, предельно спокойный, и, сосредоточенный, уже читал какую-то книжку.

– Серёжа... – снова сказал я, подумав, что он не услышал.

– Он тебе не ответит, – сказал Никита.

– Почему?

– Ну, не ответит и всё. Мне тоже не отвечает.

Я понял, что спрашивать о причинах госпитализации у каждого здесь не стоит, но в палате неспрошенным оставался один Лёша, и я решил догнать линию, чтобы он не почувствовал себя обделённым:

– Лёша, а ты чего тут?

– Я тут эта... йа... – он серьёзно задумался, подбирая нужные слова, – йа это... я туд... я по своим делам...

– И он тоже ничего не скажет, – встрял Никита, – не пытай, бесполезно.

Я замолк и со скрипом прилёг. Через несколько минут зашла медсестра:

– Огаренко, пошли.

Я, следовательно, пошёл. Мы пошли через весь коридор в кабинет с лекарствами, и я мельком заглядывал в каждую палату. Вот третья – вроде примерно такая же, как моя, четвёртая. Только коек с людьми побольше. Вот вторая. Уже как-то тесновато в ней. А вот первая – примерно двадцать коек, как в фильмах про армию. В лица пациентов всмотреться не успел. Да и не сильно хотелось.

В кабинете мне дали две таблетки. Я взял.

– Пей, – говорит мне она.

Я выпил.

– Открой рот.

Я открыл. Она посмотрела в него.

– Я – Мария Геннадьевна. Старшая медсестра. Со всеми вопросами ко мне, – сказала она, тут же села и начала торопливо заполнять какую-то кипу бумажек.

Я закрыл рот и спросил:

– Вы мне что дали?

– Рисперидон и Феварин.

– Это что?

– Нейролептик и антидепрессант, – отвечала она будто робот, и вообще больше внимания уделяла заполнению бумаг.

Я тогда ещё толком не знал, что такое нейролептик, но антидепрессанту обрадовался. Я думал, что мне станет хорошо и, будто накуренный опиумом, буду лежать тут, сколько душе угодно.

– А когда антидепрессант подействует?

– Через две недели.

– Ааа... как же я буду жить эти две недели?

– А чего бы тебе не жить?

– Меня девушка бросила. Да ненадолго, скоро вернётся. У нас это уже много раз было. И всё-таки неприятно.

– И что, всё?

– Да.

– Много кого девушки бросают, но к нам не попадают. Если ты здесь, видимо, неспроста.

– И всё же, как мне жить?

– Идти в палату.

– А через две недели мне станет хорошо?

– Станет.

Я пошёл назад и замедлил шаг у первой палаты. Смотрел на лица лежащих: на каких-то виднелась тревога, но не открытая, а припрятанная, на каких-то была скука, на других безразличие – не обычное, а пугающее, – но по всем лицам я мог точно сказать: была в них какая-то загнанность – дубовая, поросшая, даже древняя, если так можно сказать; загнанность, идущая из некой первобытной глубины.

По другую сторону коридора располагались окна. Вид выходил на заснеженную больничную территорию; снега было немного. Белела парковка с тремя разрозненно стоящими, грязными машинами; за ней была дорога с едва наезженной, но уже серой колеёй; за дорогой – бетонный забор, и за ним начинались обглоданные зимой, труднопроходимые заросли. На улице было нормально, – то есть тихо, спокойно, всё там застыло, словно собираясь так и существовать до конца жизни нашей вселенной, а происходящее совершенно нормально и ничего такого не происходит. Будто я нахожусь не в медицинском учреждении закрытого типа, а в гостях у милых, гостеприимных родственников, которые, может, и несколько страдают гиперопекой, но всё же милые и гостеприимные. Это был декабрь; если не ошибаюсь, десятое число.

Я вернулся в палату, не теряя надежды на какое-то лекарственное облегчение, и помню, даже немного улыбался. Может, тот нейролептик уже помогает, подумал я.

– Ну что? – спросил Никита.

- Дали лекарства.
- А что дали?
- Какой-то респандон и ещё чего-то, забыл уже. Какой-то антидепрессант.
- Респандон... Рисперидон?
- Да!
- Ууу...
- А что?
- Я его пью.
- И как?
- А вот жди, увидишь.

Я лёг и стал ждать. Прележал так минут пятнадцать. Никита с Серёжей играли в шашки. Серёжа проиграл. Потом Никита предложил сыграть мне. Доска представляла из себя какую-то клеёнку, размеченную под шахматную доску, и была расположена на тумбочке рядом с его койкой. Я сел на пол. И тоже проиграл.

– Я играю в шашки с самого детства, – довольно сказал Никита. – Хочешь узнать, как нужно играть?

– Ну, да (мне вообще было по барабану).

Он начал мне что-то объяснять. Мол, надо ходить сначала вот так, открывая путь таким-то шашкам. Потом нужно продвигать другую шашку вот так. Я пытался запомнить, что он говорит, сам не понимая зачем.

– Давай ещё раз, – сказал он, и мы расставили всё назад.

Я сделал ход. И что-то почувствовал. Будто я отделился от самого себя. Он сделал ход и басом сказал что-то вроде: «тахат», то есть я не понял, что он сказал, – звуки стали приглушёнными. Смутно помню, но вроде какой-то странной пантомимой я дал понять, что мне лучше прилечь.

– Оооо, пошло... – расслышал я повеселевший голос Никиты, потом он говорил что-то ещё, но я не разобрал.

Я еле как поднялся и направился к кровати. Лёша быстро встал со своей и помог мне доковылять. Меня начала одолевать настоящая паника. При всей своей нервной болезненности, я никогда не испытывал такой острой и подавляющей паники. Я сел с ногами на постель, но не ложился, – был на взводе. Какая-то невидимая, но будто абсолютно реальная опасность нависла надо мной. Мне было страшно ложиться, сердце колотилось, я ничего не понимал, но постепенно слух вернулся. Меня трясло.

– Какого хрена? – эти слова я адресовал Никите.

– У меня так же было.

– И долго?

– Ну, весь день.

– Твою мать. И что делать?

– Ничего. Ждать. Лёша, ты пойдёшь в шашки?

Тот, наверное, мотнул головой, в общем, молча отказался. Я хотел пойти к медсестре и попросить помощи, но я не мог встать на пол, я боялся чего-то, – не могу объяснить, чего. Я боялся самой жизни, самого воздуха, – я боялся им дышать, боялся пола, стен, всего.

– Приляжь, приляжь, – сказал Никита. Может он и сказал «приляг», но я запомнил «приляжь».

Я доверился этому «приляжь» и лёг. Прележал так какое-то время и отключился.

Меня разбудил Лёша:

– И есть пора. Но сначала ната рук-ки помыть.

За окнами уже потемнело, в палате и коридоре был включен свет. «Заглушки», прежде закрывавшие уши, как бы спали, я вновь почувствовал руки и ноги, но тревога не проходила. И ещё я понял, что меня одолевает жуткая тошнота.

– Где тут туалет? – спросил я.

– А мы туда и идём, – сказал Никита, – руки надо помыть.

Я выбежал в коридор и тут же понял, что, помимо прочего, у меня нарушилась аккомодация, – и я практически не различаю контуров предметов, лишь только мутные облики. Но я увидел, как все вроде как выстроились куда-то, и очередь заходила за угол, – что-то вроде какой-то жирной и размазанной в пространстве змеи. Я побежал туда, завернул, растолкал всех и оказался в умывальной.

– Где туалет? – спросил я кого-то.

– Дальше, – послышался чей-то голос.

Я вернулся назад, снова всех расталкивая, и зашёл в следующую дверь. Наконец, увидев заветные белоснежные сиденья, блеванул в одно из них. Ближнее зрение вполне сохранилось, так что я увидел засаленный и полужёлтый, покрытый лобковыми волосами унитаз.

Расстраивали меня не сами лобковые волосы, а осознание того, что все они были мужскими (я лежал в мужском отделении). Будь это женские лобковые волосы, было бы не так гадко; догадываться об их происхождении было легче.

В следующее мгновение пришло ещё одно осознание: в соседнее белоснежное сиденье кто-то мочится, а поскольку перегородок нет, то я испытал некоторую неловкость (я не привык находиться в непосредственной близости со ссушим незнакомым человеком, да и со знакомым тоже, и мне представлялось это чем-то постыдным и позорным).

Умыв лицо и руки в раковине в туалете, напротив я увидел небольшую столовую, что я нашёл символичным. Начал подходить то к одному столу, то к другому. Пока ходил, понял, – меня сверлит мысль о том, что, когда при блевании рвота ударилась о несмытую мочу в белоснежном сидении, брызги лежащей в нём субстанции попали мне на лицо. На самом деле вряд ли оно было так, но меня даже вероятность этого очень тревожила. При этом руки, которыми я дотрагивался до сиденья, меня совсем не беспокоили. А вот лицо, – лицо стало obses-сией. Да, я его умыл, но ведь там вполне могли остаться микроскопические капельки субстанции, как бы тщательно я не пытался их смыть.

Наконец каким-то чудом разглядел Никиту и подсел к нему. Тарелки с котлетами и паршивеньким картофельным пюре уже стояли на столах. Мария Геннадьевна и какая-то младшая медсестра, стоя в разных концах столовой, оглядывали всех как бы для порядка.

– Запомни про еду... – сказал мне Никита, – надо быстро есть, они не любят, когда медлишь.

– А им-то какое дело?

– Они обязаны смотреть за нами, а им лень, наверное.

Я съел остывшее пюре и вышел из-за стола.

– Почему котлеты не съел? – спросила младшая медсестра, которая была ко мне ближе Марии Геннадьевны.

– Я не ем мясо, – ответил я.

– Это почему?

– Не хочу.

– Здесь будешь есть.

– Нет.

Она угрожающе посмотрела и спустя несколько секунд сказала:

– Тут сиди, пока все не закончат, – затем отвела взгляд.

После ужина все разошлись по своим палатам. Я прилёг на койку в надежде на некоторое удовлетворение, – всё-таки все эти передвижения в ходе данной операции стоили немалых усилий (в моём-то состоянии). Но удовлетворения не последовало. Страх и паника никуда не собирались уходить. Кроме того, моё лицо всё ещё «было» в микроскопических капельках мочи из белоснежного сиденья.

Спустя какое-то время в коридоре на столе для двух дежурных медсестёр зазвонил дисковый телефон советских времён, – единственное разрешенное техническое устройство. Медсестра громко выкрикнула имя какого-то, очевидно, пациента, дала ему телефонную трубку примерно

на две минуты, затем, судя по всему, отобрала, положила трубку назад; сразу же раздался ещё звонок, и, ответив, она закричала новое имя. Тогда я и припомнил, как при оформлении бумаг что-то моим родителям говорили про звонки в определённое время вечера, и я понял, что звонили родственники пациентов. Я умолял вселенную, чтобы меня позвали как можно позже, или вообще бы не позвали.

Но меня, разумеется, позвали. Я не помню, каким образом дошёл до телефона. Говорил папа. Он спрашивал какие-то обычные стандартные вопросы вроде «как дела». «А ты как думаешь?» – отвечал я. Вскоре телефон у меня отобрали и положили на место. Я не помню, опять же, как дошёл до палаты. Но я дошёл и снова, скрипнув панцирной сеткой под матрасом, лёг.

Так, конечно, испытания мои кончиться не могли. После звонков через минут тридцать послышался голос медсестры: «Первая палата, в туалет!»

Я не знал, как это расценивать. Должна ли была данная фраза быть вежливым приглашением посетить уборную комнату?

– Что это значит? – перебил я Никиту, который всё это время что-то рассказывал непонятно кому (возможно даже и мне) о каких-то бандюганах, которые лежали где-то в нашем отделении на судебной экспертизе. Они грабанули «Магнит», но не надели масок, так их загребли, – с помощью камер. И как оказалось, у них была какая-то хоть и дебильная, но своя логика. Они специально не надели масок, чтобы в случае их поимки им предъявили не запланированное ограбление, а обычное, за которое дают меньший срок.

– Все пациенты по очереди идут в туалет, – ответил Никита.

– Зачем?

– Чтобы потом, когда им дадут таблетки, не просились туда.

– А что в этом такого?

– Чтoб не выбрасывали спрятанные во рту лекарства. Так что, когда назовут нашу палату, пойдём в туалет.

Я, разумеется, ничего не понял. Но когда медсестра прокричала: «Четвёртая палата», мы дружной мужской компанией пошли в уборную. Я постоял у раковины, думая о том, что если кто-то не захочет пить таблетки, есть масса способов избежать данной участи и без санитарного узла. Например, просто выплюнуть их куда-нибудь. Или положить под матрас. Или забросить в угол палаты. Параллельно я тревожился о микроскопических каплях мочи, умылся ещё раз, но без толку.

Мы снова разбрелись по своим законным местам. Медсестра крикнула: «Первая палата! Лекарства!». В коридоре послышалось оживление, а чуть позже к нам зашёл незнакомый мне пациент, очень высокий и мускулистый. Он начал говорить с Сергеем и Никитой, но я не вслушивался разговор, который оказался довольно продолжительным. И хоть они своим разговором, похожим на жужжание, немного выводили меня из себя, почему-то мне показалось, что стало чуть-чуть полечче. Потом зашла медсестра, Мария Геннадьевна: «А ты какого чёрта тут?!» – закричала она. И я понял, что в чужих палатах находиться нельзя. Он ушёл. «Идите таблетки пить», – сказала Мария Геннадьевна.

– Этот парень, который к нам заходил, – сказал мне Никита по пути к кабинету старшей медсестры, – изнасиловал десятилетнего пацана. Он тут на судебной экспертизе.

Мы выпили таблетки. Вернулись в палату.

– А сколько времени? – спросил я всех.

– Не знаю. Часы в коридоре, около поста, – сообщил Серёжа.

– Хорошо.

Я вышел в коридор, но, не увидев ни времени, ни, собственно, часов, потому что зрение всё ещё оставляло желать лучшего, подошёл прямо к посту и увидел на стене часы. Было около девяти часов вечера.

– Ты почему вышел? – с раздражением спросила медсестра, презрительно глядевшая на меня во время ужина.

– Время посмотреть.

– По коридорам ходить нельзя. Только если срочно нужно к медперсоналу. Если в туалет, то нужно спрашивать разрешения.

Прошло минут пятнадцать. Новый приступ паники, – почти с той же силой, что и после игры в шашки, – застал меня в койке.

Выключили свет. Во всех палатах затихло, кроме нашей. В темноте Никита рассказывал о том, что с пятнадцати лет копил деньги, чтобы через лет десять купить квартиру и съехать от родителей. А Серёжа объяснял про инфляцию, намекая на сомнительность его предприятия. Потом к нам зашла Мария Геннадьевна и снова включила свет.

– Здравствуйте, ребята, – тихо и спокойно сказала она.

Мы поздоровались в ответ.

– Кто у нас завтра будет? – спросил Сергей.

Она назвала какое-то имя.

– А я ухожу в отпуск на неделю.

– Блииин, – протянул Никита, – мы будем по вам скучать.

– Лучше расскажите, как у вас дела, – поинтересовалась она.

Они говорили, говорили, говорили, но из-за паники я не мог ни слушать, ни особо поддерживать с ними разговор.

Лёша подарил Марии Геннадьевне небольшого снеговичка из бумаги, а я задумался, где он мог его взять.

Ещё я понял, что на удивление Мария Геннадьевна довольно милый и приятный человек, о чём я и сказал всем, когда она ушла, погасив за собой свет.

– Да, она хорошая. Тут это редкость. Вот завтра будут те ещё мымыры, – сказал Никита.

– Ты-то откуда знаешь?

– Ты где был? Мария Геннадьевна сказала, что завтра смена Антонины Валерьевны. А она мымыра. А если главная медсестра мымыра, то все тоже мымыры. Такой принцип.

Я особо не расстроился, потому что сил расстраиваться не было. И даже о микроскопических капельках мочи из-за усталости уже не думал.

Как и можно было предположить, Лёша занимался оригами. И все дружно в нашей палате начали делать заготовки для будущих поделок. Лёша предложил мне тоже. Оказалось, у него были небольшие кусочки листочков, он дал мне целую кучу таких с подоконника и показал, как их сворачивать. «Потом... из заготовок я... делаю оригам-ми».

Я начал сворачивать листочки как он показал и пытался ни о чём не думать, насколько было возможно. И мне снова смутно показалось, что стало лучше. Было в таком времяпровождении что-то приятное, – сидеть так на койке и выполнять монотонные действия, в палате еле освещённой светом из коридора, где сидели медсёстры и медбрат и о чём-то временами тихо переговаривались. По крайней мере, я был рад, что в течение ночи меня уже вряд ли потащат к телефону, в туалет или ещё куда.

Мы делали заготовки на протяжении полутора-двух часов. Потом мне, наконец, захотелось спать, я отдал Лёше сделанное и укутался в одеяло.

– Кстати, – сказал мне Никита, – а чего ты мясо не ешь?

– Я вегетарианец. Хотя и не люблю привязывать себя к какой-либо субкультуре, но это выражение, наверное, самое простое для объяснения.

– Почему?

– Что почему?

– Почему вегетарианец?

– Животных жалко.

– Всё равно сейчас настоящего мяса не делают. Только в Белоруссии делают, там Батька за этим следит.

– А в остальном мире не следят?

- Остальной мир хочет нас затравить.
- А наше, российское мясо?
- А все наши фермы принадлежат американцам.
- Тогда чего же мы их не закроем?
- Ты думаешь, так просто всё позакрывать? Надо доказать ещё, что они яд подмешивают. И вообще, если их всех позакрывать, что людям есть останется?
- Белорусское мясо.
- Баткиного на всех не хватит.

II

Ночью, когда я недопросыпался, в полусне слышал, как двери служебных помещений в коридоре периодически открываются и закрываются, поскрипывая, как в игре S.T.A.L.K.E.R.

Я снова провалился в сон, а потом (по ощущениям, рано утром) меня разбудила Мария Геннадьевна и сказала, что нужно сдать анализы. Она дала мне баночку для мочи и отправила в санузел. У меня ничего не получилось, о чём я ей и сказал. «Ну, ладно», – ответила она.

Поймал себя на мысли, что за ночь респеридоновская паника прошла, и осталась только привычная, выедающая мозг тоска и тревога.

Потом в палату зашла та злая медсестра, сверлившая меня взглядом в столовой, и кинув на пол швабру, сказала Лёше: «Мой», и ушла. Он протер полы в нашей палате, потом пошёл в коридор.

- А чего-то это Лёша полы моет? – спросил я.
- Он тут уже два года лежит.
- Два... пиздец. Ладно, и что?
- Он тут уже прижился, поэтому на него скидывают подобную работу.

Я принялся спать дальше и снова где-то заскрипели двери, то ли во сне, то ли наяву.

Проснулся внезапно: к нам забежала уже другая, новая медсестра и что-то стала кричать, из её слов я понял, что скоро придёт проверка или вроде того. Она начала осматривать палату. Сначала забрала листочки с подоконника, из которых мы делали заготовки. Затем посмотрела тумбочку Никиты, а потом сказала нам показать, что под простынями (почему-то тумбочка во всей палате была только у Никиты). Она увидела у Лёши под постелью заготовки для оригами и стала собирать их, чертыхаясь.

– Что вы... сдесь... Антонина Валерьевна... что вы... – мямлил он, чем вызвал истеричный шквал ругани в свой адрес.

Потом стала шарить под матрасами, и под моим она обнаружила биографию композиторов эпохи романтизма, которую я взял с собой из дома, и «конфисковала» её, хотя врач разрешил мне читать эту книгу. Я её и не прятал, просто так было удобнее держать её под рукой. Серёжиного «Шерлока Холмса» она тоже забрала. После этого проверявшие прошли мимо палаты и даже на нас не взглянули.

После того как проверка ушла, нас повели умываться. Когда я набрасывал на лицо воду из ладоней, ко мне подошёл какой-то чел и спросил:

- Ты с какого района?
- С Ленинского.
- Тогда почему у тебя волосы длинные?

Я не ответил, только промыл глаза и пошёл в палату, вытираясь рукавом.

После завтрака нас погнали в туалет. Я не пошёл, потому что не хотел. Когда все вернулись из туалета, Антонина Валерьевна решила пройти по палатам и проверить, все ли сходили. Дойдя до нашей палаты, она задала соответствующий вопрос:

- Сходили?
- Да.

- Да.
- Да.
- Нет, – ответил я.
- Почему?

Я начал ей объяснять, что не хочу, но это её не интересовало. Она погнала меня по коридору, завела в туалет, сама вышла и стала смотреть на меня через круглое окошечко в двери.

Я достал член, потербонькал его, помыл руки да пошёл назад.

- Ты почему в туалет не сходил?
- Не хочу.
- Пошел назад в палату! – крикнула она и толкнула меня в нужном направлении.

Я лежал до самого обеда и, хоть и был дико раздражён, вместе с тем радовался, что меня не трогают.

Возникла проблема – у меня жутко закладывало нос (наверное, из-за лекарств), и я жадно глотал протухший воздух ртом, но кислорода всё равно не хватало. Я долго терпел, но, наконец, собрался, пошёл к Антонине Валерьевне и объяснил ей, что дышу еле-еле и мне не хватает кислорода.

- Капли должен выписать врач.
- Так позовите врача.
- Ты видишь, я занята? – она заполняла бумаги.
- Но я не могу дышать.
- Я пойду ко врачу через час.
- Вы спросите у него по поводу капель?
- Если не забуду.
- Пожалуйста, не забудьте, ладно?
- Посмотрим.

– Может, вы хотя бы откроете окно? – самостоятельно открыть окно было невозможно, потому что отсутствовала ручка.

– Чтобы вас там простудило? Мы открываем окна строго на развлекательную паузу, когда все собираются в общем зале.

Конечно, я бы сам зашёл к врачу и попросил назначить мне капли, но к нему так просто зайти было нельзя: вход в его кабинет находился в отдельной комнатке, дверь в которую отворялась специальным ключом.

На обратном пути донёсся некий свист, и я посмотрел туда, откуда шёл звук, направо, на окно. За окном бушевали метель и пурга, и видно было не так много, я даже не видел, что там за парковкой. Деревья клонило влево, какой-то мужик вышел из здания и побежал к одной из машин, а потом пропал из виду в снежной буре.

Я ждал развлекательной паузы, как крестьянин в период средневековья – второго пришествия. Мы пообедали, традиционно посетили уборную и приняли лекарства. Рisperидон снова дал по башке, но уже не так сильно. Скорее, остались только физические реакции: я был в полусознании, зрение опять упало, слуховое восприятие снизилось, но такой паники как раньше уже не наблюдалось.

Наконец развлекательная пауза наступила. Пришла какая-то другая медсестра с оконной ручкой, вставила её в окно и открыла его для проветривания, нас же повела в зал. К этому времени туда уже всех согнали. На стене работал телевизор. Звук дешевого сериала забил по вискам и отдавался в длинных коридорах мозга. Я попросился назад в палату. Не пустили. Попросился выйти хотя бы в коридор. «По коридорам просто так ходить нельзя».

- Посмотри с нами телевизор, – сказал Никита.
- Там шла какая-то мелодрама. На фоне слезливая фортепианная мелодия.
- Я люблю тебя!
- Ты меня ударил...

– Я не хотел... но ведь ты сама виновата!..

Пока сидел, пытаясь не слушать данное произведение искусства, увидел на подоконнике не-большие origami Лёши, а в левом дальнем углу стояли две большие поделки почти метр в высоту: снеговик и какое-то деревце. Все работы были сделаны из многочисленных маленьких заготовок, какие мы делали вечером. Мне казалось, они каким-то чудом держались вместе, – не понимал, как они соединены.

Потом стал поглядывать на остальных пациентов. С удивлением я обнаружил, что глаза их обращены к телевизору, и они действительно следят за происходящим на экране. Рты у многих были приоткрыты, потому что, видимо, лекарства расслабляют мускулы лица. Затем я понял, что у меня рот так же приоткрыт. Меня трясло от того, что мне не дают отсюда выйти, я почувствовал себя этаким Макмёрфи из «Пролетая над гнездом кукушки», особенно когда представил, что устраиваю бунт и ухожу в свою палату дышать нормальным чистым зимним воздухом, сидя на подоконнике. Но ничего такого не произошло. Я просто сидел тихо, продолжая всматриваться в лица. Я ожидал увидеть в них страдания, боль и красоту. Но по большей части там сидели либо овощи, либо какие-то, судя по их виду и манере держаться, – начинающие криминалы.

Один из таких откуда-то выкрикнул:

– Переключите уже канал!

Кто-то, у кого был пульт, повинувшись, так и сделал. На другом канале шли новости. Дикторша вещала: «Челябинское литературное объединение “Студенческий Парнас” при Южно-Уральском государственном университете признано самым...»

– Переключите!

На следующем канале шёл какой-то боевик. Перестрелка и взрывы ещё сильнее начали давить на сознание. Какой-то другой, опять же, судя по виду, криминал, закричал:

– Верните назад, на «Цветок любви»!

– Нет! – говорил тот, первый.

– Да! Я смотрю этот сериал уже две недели, и мне надо узнать, бросит ли она его наконец!

– Ты что, баба, блять, что ли?

– А НУ ЗАТКНУЛИСЬ ВСЕ! – заорала Антонина Валерьевна, но её просто проигнорировали.

– Ты кого бабой назвал, сучоныйш жирный?

Началась драка. Медбрат быстро подскочил к ним и разнял, а потом уложил первого криминала животом вниз и приказал ему лежать, а второму сказал, чтобы далеко не уходил. С первого он приспустил штаны, и младшая медсестра уже подроспела с двумя шприцами.

– Аминазин, – тихо сказал мне Никита.

Говорить особо не хотелось, возможно, из-за страха вызвать у них недовольство, поэтому я вопросительно свёл брови.

– Нейролептик, они колют звериные дозы, и от него очень фигово. И весь день лежишь овощем, – ни двигаться особо не можешь, ни даже сказать что-то.

Он говорил вполне спокойно, так что я тоже перестал так напрягаться и, хоть и шёпотом, но сказал:

– Если бы медбрата не было, они бы с этим гопником не справились...

– Поэтому медбрат есть всегда.

Потом аминазин вкололи и второму.

После нам разрешили вернуться в свои палаты с уже закрытыми окнами. Лёша выпросил чистые листы и начал аккуратно их разрывать, чтобы потом делать заготовки (о том, чтобы ему, как и любому из нас, дали ножницы, не могло быть и речи).

Новая волна отвратных мыслей, вызывающих острое нервное возбуждение, атаковала меня в двести третий раз за последнюю неделю. Что она там делает? Ебётся со своим новым хахалем? Подобная фигня лезла ко мне в голову часа два, и настолько настойчиво, что я забыл про капли. Уже начало смеркаться. Я решил, что нужно попытаться отвлечься. Сережа снова читал.

– Тебе назад отдали книжку?

– Да.

Я пошёл к Антонине Валерьевне, которая с ухмылкой разговаривала с другой медсестрой:

– Антонина Валерьевна, не могли бы вы дать мне почитать мою книжку?

– У нас запрещено иметь личные вещи, в том числе книги.

– Но врач разрешил мне.

– Я об этом ничего не знаю.

– Так спросите у него.

– Я занята. Какая у тебя палата?

– Четвёртая.

– Ну, четвёртой, я думаю... можно.

Она достала с медицинского шкафа мою книжку и отдала мне.

– А что по поводу капель?

– Я забыла спросить. Иди назад в палату.

Я пришёл и сказал всем:

– Твари ебанные.

– Да, – спокойно подтвердил Никита.

– Что случилось? – спросил Лёша.

– Мне нужны капли для носа. Я не могу дышать, – пожаловавшись, я повторно констатировал принадлежность медперсонала к братьям меньшим.

– То же самое. Уроды, – согласился Серёжа.

– Паша, не сердись. О-о...ни ведь люди, понимаешь? – Я, кажется, онемел тогда от его слов. А он продолжил: – Хочишь, я пойду и попрошу их, чтобы они тебя больше не обижали?

Конечно, я запретил ему.

– А у нас что, какая-то особенная палата? – спросил я. – Она, прежде чем отдать книжку, спросила, какая палата.

– Да. У нас тут лежат самые адекватные. Чем меньше номер палаты, тем более тяжёлые случаи. Первую некоторые вообще именуют «Зверинцем». Так что нам разрешают немного больше, – пояснил Сережа.

– А завтра у нас кто будет? – спросил я.

– Татьяна Александровна, – ответил Никита.

– Тоже тварь, но не такая агрессивная, – подхватил Серёжа.

...

Лёша снова делал заготовки.

– Паша, а чем ты занимаешься, кроме учёбы? – спросил Никита, отвлекая меня от биографии Шопена.

– Пишу музыку и иногда стишки, – в этот момент зашёл медбрат, выключил свет и ушёл.

– А! У меня мачеха тоже что-то пишет, состоит в... как его, ну в этом... Союзе...

– Союзе писателей?

– Да!

– Ясно.

– А мама моя была архитектором. И, хоть и получила хорошее образование, был с ней один примечательный случай, который мне рассказывал папа.

– А можно мне поспать, – спокойно запротестовал Серёжа.

– Да ладно тебе, пусть расскажет, – сказал я, будто семейный медиатор.

В общем, он начал свой рассказ:

«Села она в такси, а там у водителя вся приборная доска в иконках, крест, лики везде висят.

И он начал ей что-то говорить про религию, как вера очищает, а она его перебила и говорит:

– Ой, не надо мне это всё, я в это не верю. Я антихрист.

– Вы заявляете, что вы – дьявол?

– Ну почему сразу дьявол! Если человек антихрист, не обязательно же он сразу дьявол...

– Так может вам в церковь сходить?.. Помолиться...

– Мне туда нельзя – я же антихрист. Да что там делать? Вот пришёл бандит, убил кого-то, а помолится и будто бы всё, чистая душа. И он так раз в неделю. Ну для чего это? Это всё мне не близко, не интересно.

Моя мама была тогда очень ухоженной женщиной в годах, с причёской, красивой одеждой. И говорила всем, что антихрист. Водитель, бедный, наверное, перепугался.

Он ещё немного протестовал, но вскоре замолчал, и так до конца поездки, поглядывая на маму.

Подружка потом часа три объясняла ей разницу между антихристом и атеистом, и почему она всё же второе».

– А что случилось с мамой? – спросил я.

– Она на такси разбилась.

– На том самом?

– Ты что! Там же иконки были. На другом.

III

Наутро Никита меня разбудил и сказал, что скоро завтрак (приехала машина с едой, и было слышно, как она тархтит). Уже пришла новая смена медсестёр и медбрата.

Еду разгружали как-то долго, поэтому завтракать мы пошли через минут двадцать. Еда, как и во все прошлые разы, была почти непереносимая, но хотя бы без мяса, которое мне бы пришлось отделять.

Потом дали лекарства.

Потом пришла психологиня для беседы со мной. Нас отвели в служебную комнату рядом с палатой, а Лёша опять домывал полы напротив и, кажется, даже был рад быть полезным. Психологиня была тоненькой и худой женщиной лет тридцати.

– Что у тебя произошло? – спросила она.

– Так хотите знать?

– Для того я и здесь.

Я начал свой рассказ, который, кажется, репетировал много раз, а может и не репетировал никогда.

«Я помню, как сказал ей, чтобы она бросила меня, потому что я урод, психический урод, изломанный и задушенный. Потому что я не смогу сделать её счастливой. Потому что я говно, а не человек. Она начала расспрашивать, “что случилось” и всё такое. Мы пошли в ванную, чтобы включить воду, – звук воды меня успокаивает.

Я включил свет и зашёл первым. Она остановилась перед входом и сказала:

– Сейчас, подожди секунду.

– Ладно, – ответил я, включил воду и сел на пол. Она ушла в коридор, где лежал её портфель, и вернулась, держа в руке какой-то предмет. Она выключила свет и закрыла дверь, так что стало совершенно темно.

Я спрашиваю: “Что ты делаешь?”

Она потрясла что-то, и это что-то загорелось тёплым светом, – маленькая электрическая лампочка в кубе ледяного цвета, имитирующая свечку; верхней грани не было, так что можно было достать эту лампочку, чтобы, наверное, поменять батарейки.

– Мой ночник, – сказала она, ставя его на пол. – Он у меня с самого детства. Я привезла его, чтобы он был у тебя всегда и ты вспоминал обо мне.

– Брось меня, пока не поздно.

– Слушай меня, дурачок, – её тон из заботливого стал вполне серьезным, – я тебя никогда не брошу. Я люблю тебя и никогда, никогда в жизни я тебя не брошу и никому не отдам.

– Что бы я ни сделал?

– Что бы ты ни сделал.

– Ты обещаешь?

– Да. Даже если ты будешь изменять мне каждую неделю, я всегда буду прощать тебя.

Я заплакал ещё сильнее. Свет ночника расплывался в моих слезах в какие-то причудливые формы и не освещал почти ничего: во всей темноте существовали лишь ночник, несколько сантиметров кафеля, и только я, и только она. Мы сидели там ещё какое-то время в тишине, и моя голова лежала на её плече. Когда я встал, её футболка была мокрой от моих слёз.

Где ночник – я уже точно не помню. То ли я отдал его ей назад, то ли выбросил в порыве ярости. Скорее всего последнее».

А психологиня начала говорить что-то совершенно другое, будто и не слушала меня:

– Вижу у тебя на запястьях порезы.

– Они старые.

– Вот ты пытался себя убить, а если бы убил, что бы твоя мама сделала?

Я слабо пожал плечами.

– Наверное, она бы пошла в магазин, купила печенья, потом попила дома чаю, да?

– Наверное, нет.

– Я работаю в (место работы). Беру не всех, но тебя возьму. Можешь приходить, когда выйдешь отсюда.

– А когда я выйду?

– Не знаю.

Зашёл врач, которого я не видел с самого поступления, и начал искать в шкафу какие-то бумаги. Она говорила ещё что-то, но я уже падал в обморок.

Мириады маленьких треугольников, квадратов, прямых и изогнутых линий, проявлявшихся в строгой симметрии, сверкали в голове. Вдалеке кто-то закричал: «Спротивляйся, сопротивляйся!» Как я потом узнал, кричал врач, давивший на мой затылок. Я, сам того не осознавая, подчинился и начал выпрямлять голову вопреки его давлению. Кровь вернулась к мозгу, я вынырнул из закоулков сознания.

Я уже лежал на своей кровати, когда младшая медсестра, принёсшая мне вату, пропитанную нашатырным спиртом, сказала: «Будешь есть мясо, иначе будешь постоянно падать». Посмотрим, посмотрим. Так я и сказал, но она видимо, даже не разобрала слов, но добавила, чтобы я привыкал, потому что раньше чем через полгода я отсюда не выйду. Её слова, конечно, меня взволновали (я не собирался проводить тут полгода), но всё-таки я не придал им какого-то особого значения, потому что мне уже приходилось сталкиваться с мелкими тиранами, несущими что попало, причём выходящее за рамки их компетенций.

Когда немного очухался, но всё ещё лежал обессиленный, ко мне подошла другая медсестра, и почему-то мне показалось, что она и есть Татьяна Александровна, о которой говорили Серёжа и Никита. Потому что выглядела как Татьяна, к тому же как Александровна. Она спросила: «А ты случайно не слышишь голос бога?» Я ответил, что не слышу. Она ушла. До сих пор так и не понял, что это было.

Снова отправившись в сказочно-прекрасную страну под названием «небытие», проснулся только после обеда.

– Тебе там еду оставили, – сказал Сергей, продолжавший читать «Шерлока Холмса».

– Какой раз ты уже своего дедуктивщика перечитываешь? – спросил Никита Серёжу.

– Пятый.

– Зачем? – спросил я.

– Так читать больше нечего.

– А чего тебе родители не привезут?

– Они в Париже живут, и у них даже машины нет. Как они мне привезут?

– В Париже?! – ужасу моему не было предела.

– Ты давай людей в заблуждение не вводи, рассказывай до конца, парижанин, – сказал Никита.

– Я не ввожу. Живём мы в Париже, село такое есть на краю Челябинской области. За триста километров отсюда. Названо в честь взятия Парижа в 1814-м.

– И что там, в Париже? – спросил я.

– Париж. И Эйфелева башня. Только маленькая. Вышка сотовой связи такая.

– А если у вас машины нет, как ты досюда доехал?

– Знакомые отвезли до Магнитогорска, потом на поезде.

– А там нет больницы?

– Мест не было.

– Я вообще три дня провалялся в наркологии в Златоусте, пока они мне здесь место не нашли, – похвастался Никита.

Мне стало жалко бедного «парижанина»:

– Ну, возьми хотя бы мою книжку. Не знаю, интересно ли тебе будет? Биография композиторов эпохи романтизма.

– Нет, спасибо.

Ну и хер с тобой, подумал я.

– Да он уже зависим от этой книжки. Её надо запретить.

– Это ещё зачем? – возмутился Серёжа.

– Там главный герой – наркоман. А если эту книжку ребёнок прочтает?

– Запрети себе говорить с двенадцати ночи до нуля ноль-ноль, – ответил Серёжа.

Я пошёл в столовую и обнаружил там оставленный мне остывший суп. Окно в столовой было такое же большое и довольно приподнятое от пола, как окна в палатах, поэтому со своего третьего этажа я не видел особо, что там было на земле, но видел оголённые ветки дерева, напоминавшие нервные окончания. За окном медленно-медленно шёл снег, но он далеко меня не успокаивал, нет. В нём была какая-то тоска, и падал он так медленно будто именно от осознания того, что обречён закончиться и в конце концов растаять. Я чудом съел мерзкий суп и вздохнул.

Вернувшись, снова ощутил тоску, – едкую, горькую, суицидальную. Нет, не из-за таблеток. Пришла моя привычная, родная тоска, но почему-то особенно жестокая ко мне. Кровать по привычке скрипнула, когда я сел на краюшек и положил склонённую голову на руки.

– Что... плохо? – промямлил Лёша.

– Да.

– Что случилось?

– Я всё просрал. Я не умею любить, не умею быть любимым.

– Проблемы с... девушкой?

– Ага.

Я заревел и пошёл к посту медсестры.

– Что? – спросила она.

– Дайте мне что-нибудь. Немедленно. Дайте мне что-нибудь. Я сейчас сдохну.

– Мы даём тебе лекарства.

– Они не помогают.

– Должны помогать.

– Не помогают.

– Я не могу ничего дать тебе без разрешения врача.

– Позовите врача.

– Он сейчас занят. Иди в палату и успокойся.

Трясаясь, я забился в угол кровати, а она всё скрипела и скрипела от каждого моего движения, и я старался не двигаться.

...

Меня повели к другому психологу в другой корпус. В подсобке дали валенки на пару размеров больше чем надо, и какую-то бомжатскую дублёнку или куртку. Я в одежде не разбираюсь, не знаю, блин. Свежий зимний воздух немного взбодрил меня. Холодно тогда не было, хотя обычно стояли холодные дни и даже в палате я иногда замерзал. Психолог уже работал с кем-то другим, поэтому я ждал в коридоре со своей медсестрой и медсестрой того пациента. Когда он – маленький мальчик с умершими глазками – вышел, завели меня.

Сначала были тесты на память. Потом дали рассортировать картинки. Потом опять что-то на память или ассоциации. Потом надо было по порядку называть цифры на листе, расположенные вразброс. В конце он выдал несколько опросников и сказал заполнить их в палате.

В палате я обнаружил, что в некоторых опросниках больше двухсот вопросов. На их заполнение ушло часа два, если не больше.

Вопросы, а точнее утверждения, с которыми нужно было согласиться или не согласиться в определённой степени, были такого типа:

Я предпочитаю быть дома вместо того, чтобы проводить время в шумной компании (абсолютно верно). Иногда среди людей у меня появляются боли в животе (абсолютно верно). Я в целом жизнерадостный человек (абсолютно неверно). Я люблю проводить время со своими родными (скорее неверно). Я часто чувствую усталость, ещё не приступив к работе (абсолютно верно). Я люблю гулять один на природе (затрудняюсь ответить). И так далее.

...

Не помню, да и не хочу помнить, как прошёл оставшийся день.

Но помню, поздним вечером Никита завел какую-то странную шарманку:

– А вы знаете, что я придумал вечный двигатель?

– Нет, дай поспать, – устало попросил Серёжа.

– Хорошо, хорошо, только дайте мне рассказать.

– Тогда рассказывай уже быстрее, – пробурчал Серёжа.

– Знаете, как из крана падает капля? Когда она типа тянется к поверхности.

...

– Знаете?

– Ну.

– Так вот, эту энергию можно перерабатывать, например, в электричество.

– Ага.

– Как? – спросил Лёша.

– Ну, блин, зачем ты спросил-то? – досадно сказал Серёжа.

– Изфини.

– Не знаю как. Вообще, ты задал вопрос третьестепенной важности. Главное, что источник нескончаемой энергии наконец-то найден.

Серёжа издал негромкий смешок.

– Смейся, смейся, – говорит Никита, – над Эйнштейном тоже смеялись.

– Да никто над ним не смеялся.

– Смеялся.

– Нет.

– Почитай его биографию, если не знаешь.

– Хорошо, я обязательно прочитаю. А теперь дай поспать.

IV

У нас снова была смена Антонины Валерьевны. После завтрака я вспомнил, что родители обещали приехать в этот день, потому что это был приёмный день, когда в приёмной комнатке (именно в той, через которую можно пройти к врачу) родственники встречались с пациентами и передавали им разрешённую еду вроде конфет, вафель и всего такого, и которую потом медсёстры выдавали во время ужина.

Меня опять обули в огромные валенки, снова дали дублёнку/куртку и повели на ЭЭГ. Была очередь: передо мной привели несколько человек из другого отделения. Затем мои и без того сальные, похожие на прутья волосы обмазали специальным гелем, присоединили датчики, а на стене напротив замигал свет разными ритмами.

Я вернулся в отделение, время тянулось мучительно долго, но, к счастью, мне удалось задремать.

Незадолго до обеда я проснулся и услышал женский голос, доносящийся откуда-то из коридора:

– Александр Невский воевал и с монголо-татарами, и со шведами. Вести две войны сразу было крайне сложно, поэтому он заключил мир с одной из сторон. Как вы думаете, с какой?

Несколько голосов сразу начали что-то отвечать. И несмотря на то, что им, видимо из-за побочек, было тяжело говорить, в них слышалась даже некоторая заинтересованность.

– Он заключил мир с монголо-татарами. А знаете почему?

Голоса снова что-то забуркали.

– Потому что шведы хотели навязать нам католичество, а монголо-татары не вмешивались в религиозные дела захваченных территорий. А Русь была православной, и вера для неё была самым важным. Запомните: Русь – это православие!

– Господи...

– Что? – спросил Никита, как всегда готовый ответить на любой мой вопрос.

– Чего там происходит?

– Урок истории.

– Истории?

– Да, для тех, кто лежит тут очень долго и не может посещать школу.

Наконец, после обеда, начались приёмные часы, и пациентов стали водить в комнатку по двое. Когда дошла очередь до меня, и я, наконец, увидел родителей, то холодно с ними поздоровался, хотя не так отстранённо, как обычно.

– Привет, – поздоровался папа.

– Привет, сынок, – сказала мама.

– Да... Заберите меня отсюда как можно скорее.

– Хорошо, – так просто, будто это совершенно никакая не проблема, сказал папа.

– И ещё мне нужно, чтобы врач назначил капли и разрешил мне не смотреть телевизор.

– Пойдем, скажешь ему обо всём, что нужно, – его голос был так спокоен, что мне тоже стало немножко спокойнее.

Он постучал и открыл дверь:

– Андрей Альбертович, здравствуйте. Можно?

– Да, заходите.

– Павла беспокоят некоторые вещи.

– Да. Пусть рассказывает.

Папа вошёл, я за ним. Мы сели на небольшую скамейку.

Кабинет Андрея Альбертовича состоял из двух не очень больших комнат. В конце первой комнаты было окно, рядом стоял его основной стол, за которым он работал, сидя спиной к окну. Рядом со входом, слева стоял ещё один стол для приходящих врачей из других отделений, на данный момент пустующий. Справа у стены была мягкая скамейка, на которую мы и сели. Далее по правой стороне находился вход во вторую комнату. В ней я заметил компьютер и окно.

Сам же Андрей Альбертович был полностью седой, но не такой уж старый. Может, лет шестьдесят. Высокий, худощавый, с хорошей осанкой. Глаза не то чтобы безучастные, но и не слишком заинтересованные.

– Ну?

– У меня очень закладывает нос, но капли мне не дают.

– Хорошо, я внесу капли в перечень твоих лекарств. Только у нас обычный аквалор, но, – сказал он, обращаясь уже к папе, – вы можете купить ему что-нибудь получше и привезти нам.

– Купим.

– И можно мне не смотреть телевизор?

– А что ты тогда будешь делать?

– В коридоре погуляю.

– Ладно.

Я выдохнул.

– И ещё... медсёстры хотят, чтобы я ел мясо, – продолжил я.

– Я же им сказал... чёрт... Хорошо, я поговорю с ними; по-другому, – он сделал акцент на «по-другому». – Кстати, твои длинные волосы надо обрезать.

Папа полушутя выкатил глаза и посмотрел на меня с некоторым ужасом. Хоть он и не любил мою причёску, а точнее полное отсутствие какой-либо причёски, он, видимо, уже не мог помыслить меня без длинных волос.

– Зачем? – спросил он, переводя взгляд на врача.

– Чтобы вши не завелись.

– А можно не надо? – сказал я.

– Хм... – он задумался, будто я поставил перед ним неразрешимую задачу. – Ладно, – вдруг очень просто и легко сказал он, – может быть в этом и нет острой необходимости, но тогда тебе нужно будет помыться.

– Я-то не против, но ведь мыться можно только по понедельникам.

– Я скажу, чтобы тебе разрешили.

– А когда Павлу можно будет ехать домой? Может мы могли бы лечиться на дому?

– Вообще, ему надо где-то месяц полежать.

(Месяц?! Дед, ты с дуба рухнул?)

– Мне здесь тяжело, – сказал я.

– Мы могли бы приезжать сюда столько, сколько нужно, хоть каждый день, – предложил папа.

– В любом случае, сначала надо дождаться результатов обследования. Если у него шизофрения, как заявил ваш первый психиатр, то исключено. Если её нет, тогда можно будет подумать.

– Когда результаты обследований будут готовы? – спросил папа.

– Завтра утром я их посмотрю.

Я попросил папу оставить нас с врачом наедине. После того, как дверь скрипнула дважды, – сначала когда папа открывал её, затем когда закрывал, я сказал Андрею Альбертовичу, что мне фигово, пытаюсь расписывать в самых живых красках, впрочем, как это и было на самом деле.

– Ну... ну... давай повысим тебе до сотки.

– Чего до сотки?

– Феварин. Антидепрессант. А спишь хорошо?

– Не очень.

– Странно. Он должен оказывать противотревожное и снотворное действие.

– А не могли бы Вы назначить мне транквилизаторы?

– Нет.

– Почему?

– Они вызывают зависимость.

– Но ведь только если пить очень много.

– Мы не выписываем такие препараты, – сказал он, и я потерял надежду на оказание мне нормальной помощи.

– Тогда отпустите меня домой поскорее.

– Я же сказал, посмотрим.

Потом он пошёл со мной к посту медсестёр, написал что-то в какой-то бумажке, и мне дали закапать капли, которые почти не помогли.

Во время развлекательной паузы я ходил в полном одиночестве по коридору из стороны в сторону и думал. Обо всём том, что произошло. Меня бесило, что я не могу позвонить ей. И в то же время где-то в глубине души я был благодарен сложившимся обстоятельствам, потому что хотел её вычеркнуть, забыть. Что было невозможно, – понимал я тогда. Снова, в тысячный раз. Я не видел иного выхода, кроме как суициднуться, поэтому я ждал, когда меня отпустят, и я смогу выпилиться, пока родители будут в храме, магазине или ещё где. Поэтому молился (да, молился), чтобы меня выпустили поскорее.

И почти незаметно я улыбнулся сам себе: какой я был идиот, что лёг сюда по своему желанию! А как был рад, что мамина однокурсница – психиатр – выписала мне направление, заподозрив у меня шизофрению, после чего моя мама на неё как бы обиделась. Я думал, что мне помогут, а здесь никто никому не нужен, как и там, «на свободе».

Солнце, приглушённое тучами, глядело пустым и рассеянным взглядом сквозь решетку и стекло (хоть и третий этаж, но решетку ставили, чтобы никто не выпрыгнул). И мне казалось, что оно готово было взорваться, лишь бы что-то уже произошло, лишь бы звёздный ветер колыхнул космическую пыль. Так скучно там этой звезде. Смотрел на него, радовался, что тучи его заволокли, и не хотел соглашаться с общепринятым мнением: мол, Солнце – это круто. Да, оно даёт нам тепло и витамин D, и мы вроде как должны быть ему благодарны, но можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны. В значительной степени именно оно повинно в формировании жизни на Земле, а значит оно у нас в неоплатном долгу за все те несчастья, которые мы переносим. И вообще, немного философии: когда эта тупая звезда восходит, человек обычно просыпается и начинают его страдания; когда заходит, становится сразу и спокойнее, и проще жить. Именно поэтому дома я предпочитал спать утром и днём, а жить вечером и ночью. Если бы не школа, а в данный момент дурка, – перешёл бы на такой график полностью. Даже медсёстры, по моим скромным наблюдениям, становятся спокойнее вечером, – это что-нибудь да значит. В конце концов, вот вам неоспоримый факт: Солнце толстое, даже жирное, и даже противное.

Внезапно в зале что-то произошло.

– Зачем?! Зачем?! Кто это сделал? Кто?! – я пошёл посмотреть, что там происходит.

– ТИХО, УСПОКОЙСЯ! – кричала медсестра на Лёшу, который метался по залу.

Он был в ужасе. Его пытались успокоить, а телевизор всё гремел:

– Я не выйду за тебя! Я сделаю аборт!

– Ты убьёшь нашего мальчика?!

– ААААА (он её бьёт)...

Все сидели и смотрели на него, а он бегал из стороны в сторону. Сначала я не совсем понял, что происходит. Я подошёл поближе и увидел, что часть снеговика сломана, – примерно из груди были как бы вырваны заготовки.

– Зачем вы так сделали?! – кричал он на сидящих, а его дикция от гнева стала намного лучше, почти нормальная, правда ненадолго.

Мимо меня прошёл медбрат, держащий в руке шприц. Он заломил Лёшу в лежачее положение и вколол аминазин. Лёшу повели в палату.

– Всё, хватит с вас развлечений, – сказала Антонина Валерьевна и выключила телевизор.

Все медленно начали расходиться. С характерным скрипом они ложились на свои койки, а я стоял и смотрел на Лёшу. Лёша лежал, еле шевелясь. Его рука очень медленно ползла по покрывалу, при этом будто пытаясь ухватить что-то ускользающее от него. Из его рта на покрывало медленно выливалась слюна (лежал он на самом краю подушки).

– Капец какой-то, – сказал я, но никто больше ничего не сказал. Серёжа продолжил читать «Шерлока Холмса».

Лёша в тот день больше не вставал.

Вечером ко мне подошла Антонина Валерьевна:

– Врач сказал, что тебе нужно помыться. Тебе сейчас было бы удобно?

Я немного встал ступор от её внезапной вежливости.

– Да, конечно.

– Тогда пойдем, я открою тебе душевую.

Называли комнату душевой, а я, к удивлению, увидел две обычные ванны. Очень не хотел мыться (расценивал данное занятие бессмысленным), но выхода особо не было. С волосами я расставаться не хотел, потому что они ей нравились. Помылся остатками какого-то шампуня и мылом. Потом пошёл к Антонине Валерьевне, чтобы сообщить ей, что закончил.

– Не хочешь воспользоваться ушными палочками? – спросила она без какой-либо иронии.

– Нет, спасибо, – сказал я хоть и понимая причины её вежливости, но всё ещё удивляясь ей, и мысленно поправил: не «ушными палочками», а «ватными».

...

За ужином я съел выданные конфеты, которые привезли мне родители. Точнее, меня на всё не хватило, поэтому я поделился с Серёжей, Никитой и ещё какими-то пацанами, которые сидели с нами.

Ночью Никита, не давая нам уснуть, несколько часов рассказывал, что на нашу вселенную надвигается огромная звезда, – гигантский пылающий шар. Есть лишь один способ выжить: построить сверхбыстрые космические корабли, чтобы покинуть вселенную. Их двигатели непременно должны работать на специальном, пока малоизученном топливе, источники которого недавно обнаружены под пирамидой Хеопса. У этого топлива нет еще даже названия, и факт его существования пока скрывается от общественности. Если двигатели будут работать на другом топливе, то нужную скорость развить не удастся, и нас всех настигнет разрывающий пространство огонь.

V

Потом, когда я смог уснуть, просыпаясь ночью понял, что уже привыкаю к снадающей тишине, перемежаемой скрипами каких-то дверей и источающей нечто психотическое и даже безумное, похожее на душевный, если я могу позволить себе такую вольность подбора лексической единицы, сумрак. Привыкаю к облегчению, когда понимаешь, что всё ещё ночь и трогать тебя не будут. Привыкаю к досаде от того, что наступит следующее утро и нужно будет опять есть, идти в туалет и принимать лекарства, и даже привыкаю к тому, что придётся слушать болтовню Никиты.

Проснувшись, увидел, как полуживой Лёша помыл полы и пошёл к своей койке. В этот момент Никита вставал с кровати, и из-под его постели выпала заготовка для оригами. Лёша оставался, тупо смотря в неё (именно в неё, а не на неё, не нужно меня поправлять). Потом он подошёл и поднял покрывало, где и увидел кучу этих бумажек. Никита стоял, как вкопанный.

– Зачем ты... эта?.. – спросил Лёша.

– Я хотел тоже что-то сделать. Что-то своё, – сказал Никита, который пытался скрыть свой стыд (мол, ничего такого не сделал), но совершенно неудачно, поскольку голос его дрогнул.

– Мог бы сказать мне, я бы тебе памох... сделать, – без какого-либо яда в голосе и почти без обиды сказал Лёша, а произнёс он именно «памох» не из-за какого-то диалекта, а из-за общей аминазиновой слабости.

Он лёг на свою кровать. Серёжа, который сначала отвлёкся на них, продолжил читать, сохраняя безучастный вид. Никита снова лёг и смотрел в потолок. Все мы пребывали в странном, гнетущем молчании.

...

Это была пятница, то есть обходной день (врач выходил к пациентам только раз в неделю). Андрей Альбертович начал обход с нашей палаты, потому что она была к нему ближе всего. Сначала подошёл к Никите:

- Есть жалобы?
- Да, выпустите меня уже.
- Нет. Ты что дома у себя устроил? Забыл?
- Ну, сломал я пару вещей, и что?
- Мама твоя мне по-другому всё обрисовала.
- Она не мама.
- Ну, ладно, ладно. Понаблюдаю ещё тебя. Если будешь спокойно вести себя – выйдешь быстрее.

– Я и так спокойно себя веду.

– Побочки всё ещё есть?

– Уже прошли.

Потом он тоже задал какие-то стандартные вопросы Серёже.

– Андрей Аль... Альбертович... а... а вы меня отпустите на Нофый год? – спросил Лёша, когда врач подошёл к нему.

– Да, мы с твоими родителями уже всё обговорили.

– Спасибо! А долго мне ещё здесь лежать?

– Думаю, месяц-полтора, не больше. Хватит с тебя. Как дела?

– Нармольна.

– Самочувствие?

– Нормольно.

Потом наступила моя очередь.

– Ну что?

– Плохо, – апатично ответил я.

– Всё о барышне думаешь?

– Да.

– Собирайся. В обед приедут родители и тебя заберут. Будешь приезжать сюда периодически, пока тебя не выпишем.

И во мне всё перевернулось, вспыхнуло и разгорелось. Я снова мог жить. Да, жить, как моральный, психический урод, доставать её своими бесконечными претензиями, вспышками гнева и апатии; да, жить, убегая от себя самого, от страха и собственной ничтожности; но всё-таки жить. Конечно, жить я и не собирался, но сама возможность жизни, обрётённая так внезапно, согревала меня. Только вот не знаю, зачем Андрей Альбертович сказал «собирайся». Собирать-то мне было нечего.

...

– Пока, – сказал я всем в палате, пытаясь оглядеть их максимально дружелюбным и теплым взглядом, даже Никиту.

– Подожди, – промямлил Лёша и полез куда-то за кровать. – Это тебе, – и он протянул мне совсем небольшой ночник из бумаги, удивительно схожий с тем, что дарила мне она. – Изфини, я случайно услышал твой рассказ психологу.

– Спасибо... Правда. Спасибо, – я сдерживал слёзы.

Он улыбнулся. Вопреки всему он сохранил способность улыбаться. Вопреки издёвкам, вопреки двум годам нахождения в этом дерьме. Да, он улыбнулся, казалось бы – пустяки. Но ведь мы, обычные, рационально мыслящие люди подобных пустяков в жизни совершить никак не можем. Мы улыбаемся, только когда нам хорошо. А зря.

Кто бы мог подумать, что среди облезлой штукатурки, в запахе больничных растворов, среди насильников, садистов, и прочих полоумных, может находиться такой бесконечно наивный ре-

бёнок, да – именно совсем ребёнок. Расположение добра в самом сердце безразличия и холода вызывает в моём сознании что-то вроде температурного контраста, как это случается в слоях воздуха и называется бурей. Такой человек важнее для мира, чем Тесла, Кант и Бах, хоть о нем никто и не знает. Другие этого не видят, не понимают, а я знаю, что если есть такой человек, то, может, мир не так уж обречен.

Родители привезли мне мою одежду, я переоделся в комнате для свиданий.

Мы зашли к Андрею Альбертовичу.

– Какой Ваш предварительный диагноз? – спросил папа.

– Я бы поставил ему психопатию, – сказал он, – но так как ему ещё только семнадцать, я не могу этого сделать. Буду думать, что ему в итоге поставить.

– Долбаный придурок, – сказал я уже в машине, – назвал меня грёбаным психопатом. А то что я реву в подушку каждую вторую ночь – плевать.

– Да он не смыслит ни хрена в подростковых случаях, – сказал папа, поворачивая на улицу Доватора. – Я с ним разговаривал, он всю жизнь проработал со взрослыми, с алкоголиками и прошёл небольшой курс, чтобы получить это место. Так что забудь, что он сказал. Мы найдём тебе нормальную больницу. Если надо, поедem за границу, – случайно зарифмовал он.

(Если доживу, подумал я.)

Приехав домой, бросился к телефону и увидел несколько пропущенных звонков от неё. Перезвонил. Она ответила.

– Привет. На работе?

– Да, но говорить могу.

– Ты звонила.

– Да. Никита сказал, что ты болеешь, в школу не ходишь.

Никитой звали её хахаля и по совместительству моего одноклассника, которого я был бы не против убить, в связи с чем очень полюбил песню «Порвали мечту» Агаты Кристи (кто-то сказал, что имена персонажей не должны начинаться на одну и ту же букву, чтобы читатель не путался (а тут одно и то же имя), но мне плевать). На самом деле они, конечно, подумали, что я выпилился. И правильно подумали, потому что я бы так и поступил, если бы дома не было мамы на постоянной основе (почему-то именно в те дни и ночи моей тоски она совершенно не выходила из дома, даже за продуктами, – они как-то не заканчивались).

– Я в больнице лежал.

– Что?! Что случилось? – её голос сразу стал резким и взволнованным, что было очень приятно.

– В психиатрической. У меня подозревали шизофрению. Но она не подтвердилась, – я не стал ей говорить, что лёг только из-за неё, это было бы за гранью.

– Я уже хотела сказать: «Добро пожаловать в клуб», – у неё была шизофрения, по крайней мере, она так считала в связи с тем, что нередко испытывала слуховые и зрительные галлюцинации.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Молчание. Я всё ещё не привык к этому молчанию.

– Давай вечером после работы встретимся? – сказал я.

– Зачем?

– Я заберу у тебя свои вещи.

– Ладно.

– Как у тебя дела?

– Я недавно посчитала, сколько денег я потратила на алкоголь за последние три месяца.

– И?

– Сорок тысяч.

– Понятно.

- Мне пора идти работать, – работала она, кстати, как ни иронично, в МАВТе.
- Хорошо. Пока. Я люблю тебя.
- Пока.

Я лежал, потому что сил сидеть не было. И всё же, когда папа зашёл и спросил, не нужно ли мне чего-нибудь, я попросил его отвезти меня в музыкалку, потому что у меня как раз скоро начиналось занятие.

С трудом поднявшись на второй этаж, я постучался в кабинет и зашёл. Преподаватель уже отчитывала свою ученицу за лень и ставила ей двойку в дневник. Когда она ушла, мы завели разговор, и я рассказал всё, что случилось, и сообщил, что в будущем меня не ждёт ничего хорошего, намекая на то, что пора со всем кончать; она молча выслушала меня и сказала:

– Ты излишне предусмотрителен и совершенно не готов быть счастливым, ты готов быть несчастным.

Ей было лет 75, но сохранилась она хорошо. Она была бойким, чутким и добрейшим человеком.

Мы ещё долго разговаривали. Я поплакал. Она тоже поплакала, рассказывая какую-то грустную историю о своей дочери, которую я забыл.

– Ладно, хватит, – сказала она после недолгого молчания. – Сыграй мне разок напоследок, перед каникулами.

Я достал из футляра скрипку и начал играть малоизвестное произведение, которое мы разбирали (благо она разрешала мне самому выбирать, что играть), – Sequenza VIII Лучано Беріо. Вообще, в этом цикле я больше ценил Sequenza III для сопрано, а что касается его остального творчества, то я всегда любил его эксперименты с электронными инструментами. Я играл около пяти минут, прежде чем она меня остановила и закричала:

- Гад ты эдакий! Гад!
- Что такое? – спросил я даже несколько растерявшись.
- Какого... Чуть плохое слово не сказала. Какого лешего ты меня весь месяц терроризировал своими скрипом?! А ведь можешь!
- Да я даже не тренировался.
- Не верю.
- Я ведь в больнице лежал.
- Значит, там тренировался.
- Это же тюрьма, а не курорт.
- Ладно уж... – добродушно подытожила она, – но ты опять торопишься на пятой странице, вот тут (она показала мне пассаж, который идёт перед тем разделом, где темп меняется на 144). Давай ещё раз. Теперь идеально.
- Хорошо.

...

Я проснулся в салоне маршрутки на сиденье у окна. Стекло разрисовал мороз. Я рванул к двери, хотел выйти, но дверь была закрыта. За окнами стояла заправка, и гастарбайтер шёл от кассы к маршрутке. Сев на водительское место он спросил:

- Уснул, что ли?
- Мы где?
- Какую остановку надо было?
- Конечную.
- В ту сторону, – показывая назад, сказал он и открыл раздвижную дверь.
- И сколько до неё?
- Три минуты.

Я пошёл в указанном направлении, а он поехал дальше.

Уже стемнело, был поздний вечер. Падал медленный снег. У меня был пропущенный от папы, но я не спешил перезванивать. И так и сяду гадать, что я ушёл куда-то «ночью» (любой вечер он называл ночью) и не возвращаюсь целых полчаса. Он меня совсем под замок хотел посадить, мол, и поблещишь, и врача подставляешь, который по доброте душевной отпустил тебя, хотя ты и числишься в больнице. Но я позвонил Андрею Альбертовичу, и он сказал, что всё нормально и я могу идти на все четыре стороны. В голову полезли мысли вроде «как ты собираешься возвращаться домой, если маршрутки либо скоро перестанут ходить, либо уже не ходят», но я их прогнал, хотя избавляться от негативных мыслей – точно не мой конёк.

Потом вышел на заснеженный пустырь и огляделся. Рядом с пустырём начали стройку ещё какого-то дома близ недавних построек. Вспомнил, как в одну из наших первых встреч с ней мы гуляли здесь же, и тут строили ещё первые дома этого комплекса. Она сказала, что один из огней на стройке особенно красивый. А теперь она снимала здесь квартиру.

Время ещё оставалось, я медленно прогулялся по окрестностям, сходил к мусорке и выбросил ночник, подаренный Лёшей и успевший измяться в моей сумке. Прогулялся ещё, затем увидел её. Она попросила сфотографировать её для ВК, ей нужна была нормальная фотка, потому что она хотела устроиться в тату-салон, а там требовалась приличная страница в ВК для работы с клиентами.

– Ты знала, что у нас в области есть Париж?

– Конечно.

Мы нашли место во дворе, где свет падал на неё более или менее удачно. Она была в пальто, шапки на ней, как всегда, не было; красная помада не сильно, а именно в нужной степени выделялась в тёплом свете фонаря. Я, кажется, никогда ещё не видел её такой красивой. Сделал несколько кадров, отправил их ей и сразу удалил из своей «галереи». Это были очень хорошие фотографии. Мы сели, и она заплакала. Я склонил её голову себе на плечо и стал гладить её волосы.

Потом мы пошли до её подъезда и обнялись.

– Послушай... – пробормотал я, отойдя от неё на пару небольших шагов, и не знал, как продолжить, что сказать; должны же быть какие-то слова, которые бы всё исправили, вернули всё на свои места? Я должен был их найти.

– Паша, – сказала она, прежде чем уйти, – не будет больше ничего.

– Чего больше не будет? Хочу услышать список. Весь.

– Ни встреч утром, ни разговоров по телефону перед сном, ни фильмов (то есть фильмы будут, но не вместе с нами), ни твоих побегов из дома, ни обсуждения грандиозных планов на будущее...

– И всё?

– Остальное подумаешь сам. Может, когда будешь писать об этом.

– Я не хочу, чтобы всё так кончалось... я не смогу.

– Мы уже говорили на эту тему. Не раз. Не десять раз... Гораздо больше, чем хотелось бы.

– Мне кажется, меня разъедает радиация. Знаешь... когда человек...

– Перестань.

– Когда человек облучается, и на него набрасывается эта смертоносная штука, а он и не чувствует поначалу. И вот я чувствую. Уже какое-то время.

– Перестань.

– Тебе нет до этого дела, да?

– Я не знаю. Наверное, нет. Твоя радиация... она пройдёт.

– Когда ты решила, что всё должно закончиться?

– Ты сам за меня всё решил. Своими действиями.

Я хотел сказать что-нибудь другое, что отвлекло бы нас от этого, но я не мог ничего придумать и задыхался. Хотел уже просто сказать «блять», но не сказал и «блять», и просто смотрел куда-то сквозь неё, потом на неё, потом снова сквозь, и так много раз. Она продолжила:

– Два года мы мучили друг друга... Мне казалось, что намного дольше. Хватит.

– Я не хочу, чтобы ты уходила.

– Но я уйду.

– Почему? – спросил я, просто чтобы задержаться и ещё посмотреть на неё (и сквозь неё).

– Всё это было ненормально. И если я не уйду, ненормальность эта будет проникать в нас дальше. Как метастазы. Я не хочу больше ни твоих криков, ни... всего остального.

– Прости.

– Я знаю, ты тоже хотел, чтоб мы были счастливы. Всего лишь быть счастливыми людьми, – когда-то мне казалось это чем-то пустяковым и почти совершённым... – она вздохнула от усталости и немного от злости. – Меня переполняла радость, когда я видела тебя, как... какой-нибудь заключённый видит Солнце в своём решетчатом окошке; но с ней же, с радостью, на меня находил страх. Боязнь очередной ссоры из-за тупого пустяка; боязнь того, что ты снова обидишься на что-то, скорее всего, просто выдуманное твоей больной головой; или что снова тебе не понравится кто-то, с кем я общаюсь. И начнётся опять всё *это*. И как я не пыталась с ним, со страхом, как-то справиться, закрыть на эту хрень глаза – не получалось. Я (так, на всякий случай) тоже – человек.

– Нет... Ты лучший из людей.

– Даже если и представить, что так и есть, это не значит, что я могла терпеть вечно.

– Прости.

– Я простила нас за всё и, надеюсь, ты тоже сможешь, – сказала она, снова вздохнула, но теперь уже только от усталости. – Я не знаю точно, что там творится в твоей душе, как ты справляешься, если вообще справляешься. Но лучше бы тебе справиться. Потому что, если ты просто выпилишься, это будет совсем жалкое зрелище. Спустись-ка, гениальный композитор, на землю, – «гениальный композитор» она произнесла как бы в кавычках.

Я не знал, что ответить. Знал только, что падает снег и что она стоит прямо передо мной.

Лёгкий мороз не давал забыть в мыслях, вытрезвлял каждый рецептор в мозгу, и, будто вырванные на поверхность кожи, нервы ощущали это мгновение, ощущали даже её дыхание, хотя стояла она не близко – где-то в метре от меня. Они почувствовали, как она уходила.

Она было зашла в подъезд, но остановилась в дверях, обернулась и добавила:

– И, пожалуйста, не выпрашивай у жизни счастья. Не выторговывай.

– А что с ним делают?

– Берут.

– Бейрут?

– Что?

– Я там не был. Но брат ездил туда на научную конференцию.

– Да ну тебя, – она ушла, и больше я её не видел.

Я соврал, не ездил никогда мой брат в Бейрут; что ему там делать, в этой дыре?

Дверь закрывалась медленно, и, наконец, замагнитилась.

Обошёл дом с другой стороны и сел на скамейку почти напротив её балкона и окна на первом этаже; подумал с улыбкой о том, что про вещи мои так никто из нас и не вспомнил. Я бросил взгляд внутрь её комнаты. Там загорелся свет. Я достал последнюю сигарету, повертел её в руках, несколько раз понюхал. Потом вставил в рот и поджёг. Лёгкие затянули в себя мягкий дым, я выдохнул. Большое облако дыма полетело вверх.

Перевёл взгляд под ноги, на чистый, недавно выпавший снег. Из головы исчезли все мысли. Я лишь знал, что сел здесь, оказавшись под фонарём, светившим ледяным пронизывающим светом, потому что если мне и следовало где-то сейчас быть, то именно здесь. Потому что лишь за этими шторами, напротив, меня любили так честно, так странно и завершенно. Потому что не было другого места, куда можно было бы идти, не было ничего, не было совершенно ничего, только эта скамейка, это окно и этот балкон.

Я вдруг осознал, как тихо вокруг. Только иногда небольшая сосновая роща неподалёку, где-то за спиной, колыхалась от слабого ветра. Я посидел немного, сделал последнюю затяжку, выбросил в урну сигарету и выдохнул. Снова поднялось облачко дыма. Я следил за ним, секунд через пятнадцать оно рассеялось.

Сергей ПОПОВ

ДАЛЬНИЙ РАЙОН

Гудит – не смолкает упрямая медь
по фильмам, где стоит ли тётю иметь,
вопрос понимается прямо.
И в камере строит Леонов козу,
и Буба глазееет на горы внизу,
где зреет воздушная яма.

И непоправимый плывёт звукоряд,
где титры под занавес дико горят,
но свет не включается в зале.
И переполняет стрельба темноту,
и прочь от шерифа летит Виннету,
чтоб вскрости не повязали.

Мелодия тьмы и разрывы кругом
во времени сосуществуют другом,
и парятся парки другие,
чтоб не прекращало слепое кино
накручивать нитку на веретено
раскрученной драматургии.

Там были большими деревья вокруг,
где ветки вовсю отбивались от рук –
и нынче не видно массива.
Но музыка этих невидимых сфер
сама по себе укрупняет размер
того, что смотрелось красиво.

И родина – это лишь зреньё и слух,
покуда земля превращается в пух
во славу экранного чуда,
где старые титры горят как вода,
а стало быть, не уплывут никуда
от радости из ниоткуда.

Сергей Попов родился в 1962 году. Окончил Воронежский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Живет в Воронеже. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Арион», «Новая Юность», «Новый берег», «Воздух» и др. Автор многих книг стихов и прозы, в том числе «Крылья над крышами. Избранная проза» (Воронеж, 2021), «Вся печаль. Книга стихов» (М., 2021). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2011, № 11-12). Живет в Воронеже.

Свет, разделённый на капли,
в тёмном сыром ивняке.
Гордая выправка цапли,
птичьи над лесом пирке.

Здорово кануть без спросу,
сладко размять вопреки
на берегу папиросу
с Летою схожей реки.

Дождь на летейские воды
сеется, скуп и упрям.
Завоевание свободы –
донные каверзы ям.

И по теченью незнамо
где ожидать виража.
Новая жизнь или яма?
Пауза или межа?

Время дымится как детский карбид –
от выгорающих заживо звёзд
не остаётся ни бед, ни обид –
только заоблачный пепел внахлест.

Только полуночный свет в никуда –
яркая россыпь на чёрном стекле,
где выкипает живая вода
землеустройства в небесной золе.

По чертежам и лекалам огня
мёртво устроена здешняя ночь,
где очевиднее день ото дня,
что возгоранье не в силах помочь.

Пишется *дом*, а читается *дым* –
если в начале прописан финал,
нечего делать в огне молодым –
Хронос не эту войну начинал.

Если стекло беспощадно поёт
и запекается кровь темноты –
значит, рассветный невидимый йод
нового неба выводит черты.

Точно античной трагедии тьму
можно разрушить раскладом светил...
Кровь наказуема – и потому
так и никто её не защитил.

Дыханьем опалён,
под пагубу заточен,
шарахается клён
от дождевых пощёчин.

Кипящая листва
небесною водою
одною и жива
над блажью молодою.

Под кроною двоим
спасительное место,
ведь выпавшее им
покамест неизвестно.

Определений гнёт,
безумия обновления...
И двигаться вперёд
нельзя без остановки,

пока свои грехи
вынынчивают дети,
пленительно легки
на выстуженном свете

у призрачных дорог
и к лаврам, и к оливам,
чтоб выделенный срок
мерещился счастливым,

ведь присно клекотать
намерена вдогонку
слепая благодать
кромешному ребёнку,

где вся господня речь –
удары ветровые,
когда потоп оплечь,
но родственны впервые

и чёрная кора,
и чуткие корни,
и страшные ветра
иного измерения,

и от разрядов ночь
ни дольше, ни короче,
но сын её и дочь –
опровержение ночи.

Время идёт по верхам и вбок,
кроны режут навзрыд.
Всё образуется, видит бог,
с пением аонид,
с опровержением немоты,
с опережением тьмы.
Прикорневые дрожат кроты,
трудят свои умы.
Что за умение – вкривь да вкось –
а по-иному – нет?
Всё, что горит, оторви да брось
в жерло ушедших лет.
Там, где подземный гудит костёр
и от слезы рябит,
страх меж корнями распростёр
нити своих орбит.
Что за несносный на небе рёв –
будто бы, озверев,
время заполнило до краёв
всю высоту дерев.
И притаясь в языках огня,
всё низвело дотла,
чтоб наблюдатель, золу храня,
правил свои дела.
«Всё образуется, – говорил,
точно слепец какой. –
Слову не надобно стрел и крыл,
будет ему покой.
Жизнь – это лава, а не слова –
в том она вся и есть,
что на разрыв голосит листва.
Это благая весть».

И в Петергоф, и в Павловск заносила,
гнала в галоп сквозь парки и дворцы
сплошная блажь, нечаянная сила
глазной чумы и шалой зеленцы.

Лукавый пламень спутницы забытой
по перекрёсткам горя от ума
сквозной любовью, яростной обидой
ложился на картины и тома.

Чай-чифирёк, омлеты за копейки,
гостиниц полуночные ветра.
Свинцом безумья налитые веки
и дурнота под ложечкой с утра.

И сыпались из памяти ночлеги,
когда мелькали Зимний и Нева
в экскурсионном бешеном разбеге,
где пятки в кровь и кругом голова.

И вся в крови, история престола
грудину жгла и выжимала пот,
хотя и проще было бы простого
от лишних отбояриться забот.

Но жизнь вприпрыжку – жуткая отравка:
сезон сознаньем беден и бедов –
катиться влево, пляться направо –
повсюду свет у кромки холодов.

И всё видны сквозь выходки нахалки
в гостеприимном мире без границ
пакет вина, бутылка минералки
и упаковка павловских яиц.

День искрит, сгорает – и был таков.
Подступает всеночный стыд и срам.
И Сергей Иванович Маклаков
а ресторане «Парус» берёт сто грамм.

Он блажит в буфете, уходит в зал,
на эстраду плячется неспроста.
Он завязывал, только не завязал –
нет на вечном деятеле креста.

Он «Жемчужным» делает знак рукой,
и подходит у столику Николай
при кресте и гоноре весь такой –
и огнём она вся печаль пылай.

Воскресает мёртвый цветок любви,
корамыслом дым ушибает в ноль –
так не плачь, как водится, не зови
и у бога не вопрошай – доколь...

Музыканты зыблются на волне,
и смывает прожитое волна.
«Так давай по новой за тех, кто не...
Но потом отплакал своё сполна».

Невской грязи отблески хороши,
У Тучкова сумрачны облака.
И кругом вдоль берега – ни души,
и душа стремительна и легка.

«Так давай запишем – уедет влёт –
уши есть развесить у нас кому...
А иначе вскорости масть пройдёт,
и на нищем будешь лабать корму».

И утюжат Ждановскую ветра –
до квартирных студий рукой подать...
От больного зрения во вчера
эта не укроется благодать.

Там Аркадий блещет срамной слезой,
и строчит остроты проныра Фукс,
И хозяин хаты, с утра косой,
громоздит заслуженный перекус.

И началом определив начал
круговое самозабвенье всласть,
квасят прожигатели по ночам,
чтобы песня пепельная сбылась.

Эти сумерки больные, эта каша,
этой жизни полувывертая нить...
Этот бедный полуспившийся Аркаша,
что сюда приехал вас развеселить.

Он, конечно, будет много побогаче
истых плакальщиков – этих или тех –
речь всего-то лишь о песне – не о плаче,
но слезами умывается успех.

Эта лёгкая развязная походка,
папироски-сигаретки без границ,
эта каша в голове у самородка,
непрописанного жителя столиц.

Он запустит баритончик под бобину,
а потом переберётся на верхи –
и слабает лишь едва ль наполовину,
а печали сразу славны и легки.

Охраняет этот песенный осадок
до кости осатанелое нутро...
И назло всем шайкам-лейкам неполадок
сивый бес всюду вселяется в ребро.

Портвешок ли, веры муть ему награда –
не вернуть теперь невинных тех забав...
Рвать оставшиеся волосы не надо –
чем силён был бесквартирный, тем и слаб.

Дым и пепел, там где кровью сладких ягод
крематорские динамики полны...
Без огня здесь тонкокожие не лягут –
слишком холодно в объятиях страны.

День на день не приходится больше.
Ночь за ночью не спится сполна.
Переводчица родом из Польши.
Пикировка на все времена.

Речи про посполитские войны,
плеч шляхетская лепка вблизи...
Пани Мнительность, будьте спокойны –
всё с контекстом у нас на мази.

Этой книги сквозная интрига
точно бранного поля трава –
по краям чужеземного ига
без разбору бушуют слова.

И под утро – не конны, а пеши –
стынут тени на стенах времён.
Из издательства злые депеши
добираются в дальний район.

Но покуда запястье гордячки
цепенеет в кацапской горсти,
ни в цветочной, ни в белой горячке
и дыханья не перевести.

Несмышлёных, ослепительных подданных
расставание не в силах отменить,
и для Клио, переклинненной на датах,
равноправна и оборванная нить –
задрожала, перетёрлась, отлетела
в мир, что май себе не мыслит без труда,
а идея. как физическое тело,
до последнего дыхания тверда –

шелопутных, уморительных, нездешних,
колготую приближающих распад,
где в хрущёвских упоительных скворешнях
выясняли, кто на деле виноват –

это детство, это свинство, это ярость,
бесконечная тоска по волшебству
и уверенность, что Хронос – это Янус,
лица прячущий в июньскую листву –

а в безумье – это вроде как при деле,
чтоб играло и не видело дитя
то, как звёзды беззастенчиво редели
и проваливались в прошлое шутя –

выцветали, забывались, исчезали,
чтоб слепые созерцатели светил
вдруг оказывались будто на вокзале,
где никто за расписанием не следил –

торопились, переругивались, пёрли,
направления меняли на ура
без пустого перехватыванья в горле
от немыслимо красивого вчера –

бестолковились, метались, попрекали
допотопным неумением поймать

птицу ненависти голыми руками,
кроя выпавшее в бога душу мать –

глупой парки беспорядочную пряжу,
«Нашей марки» несусветный никотин,
правоты необъяснимую пропажу,
запредельное усердие седин –

и протянутые в будущее руки
умывали заржавевшую водой,
и оправдывали ржавчину разлуки
сокрушительною божьей правотой.

Silentium

За маму, за папу, за деда пихто
пить пятничный воздух, напялив пальто,
тупить, пустоту принимая –
дорога прямая.

Под пасмурным, позднефевральским, стальным
на зависть воронам и всем остальным
для звука немеренно пищи
в его безразмерном жилище.

И если внезапное прянет ау,
то проще простого уйти наяву
в словарное краткое эхо,
как в изморось – вежа.

За брата по голосу и за сестру
стареть до субботы, курить на ветру,
верстая к воскресной надежде
умолкшее прежде.

Коль во сне зацапаешь егозу,
главную на голубом глазу –
потускнеют чёрные небеса,
чтоб наглей сверкали её глаза.
Чтоб швырялись жёлтым огнём зрачки,
грудь ходила часто и горячо,
а кометы чуть ли не у щеки
перемахивали через плечо.
Сколь по жизни сдуру не егози,
а светила – как ни крути – вблизи.
Это злая девочка подтвердит,

маякуя мёртвым своим глазком –
перевёртыш, оборотень, троглодит
с кровожадным приторным языком.
Тьма слюны рассеяна между звёзд,
напряжений призрачных ягодиц.
Кто ловил судьбу за кометный хвост –
ни краёв не знал, ни земных границ...
Растворялся, то есть пускался в пляс
по крошечным весам, нестрашным снам –
никакой проблемы, что свет погас –
о вселенских ваттах вопрос не к нам.
Пусть горят, сверкают, играют вне
поля зрения, мимо нейронных дуг –
в световом поту, в теневой волне,
не умея выбрать одно из двух.

Выходит, что будто бы крайний в ряду,
что больше сюда никогда не приду –
к объятиям вслед за дешёвым вином,
к забвению филологическим сном –
всё было в бреду.

И если написано так на роду,
что преображенье важнее потерь,
сочту отошедшее за ерунду –
чего уж теперь.

Вовсю забавляя окрестных ворон,
где психике невосполнимый урон
забавной судьбой нанесён,
шагаю по линии странных огней.
И если вся эта история – сон,
то что же за ней?

Всё очарованье осенней поры
срывается похода в тартарары –
и это ничуть не беда,
когда зарекаешься от мишуры
и от возвращенья сюда.

Когда ни любви не в масть, ни ряды,
и лишь отголоски былой ерунды
стреляют в крови,
тесны посиделки, напрасны труды –
хоть пей, хоть реви.

Прошедшее предполагает объём,
но страсти себя обнаруживать в нём
лишь только начни уступать –
и артериальная метким огнём
всё выжжет опять.

Слова не влекут, времена не текут,
и определённо, что гитлер капут,
а мир – это труд или май.
И лишь систолический грозен толчок
и узок от будничных вспышек зрачок,
глаз не поднимай –

смотреть, как ряды и любви горят,
судьбу загоняя в один звукоряд,
где звук – и забава, и дрожь,
страшнее, чем слушать разрывы вдали
и связывать их с воспитаньем земли,
в которой любви ни на грош.

Евгений СТРЕЛКОВ

Тонкие белые линии вдоль обрыва –
пряжа, смотанная с веретена.
Береговая стена
испещрена
меловыми слоями.
Чайка в полёте курсирует от слоя к слою –
над речными полями –
сшивая древние времена
живую иглою.

Разговор по-чувашски во Введенском соборе
Торопливый шёпот –
две молодые чувашки в платочках –
явно прислужницы в храме или они – в хоре?
И лики с фресок барочных –
им вылитая родня.
И даже отрубленная голова
– страсти апостола Павла – явно
принадлежала чувашу.
И один другого краше
два плетёных коврика на стульях потёртых
напротив алтарной стены,
у столпа со Святым Христофором.
тесьмою пёстрой как речью шустрой
в общую ткань вплетены –
еле слышимым разговором.

Евгений Стрелков родился на Урале в 1963 году, окончил радиофизический факультет университета в Нижнем Новгороде. Художник, литератор, редактор альманаха «Дирижабль». Публикации в журналах, «Неприкосновенный запас», «Звезда», «Урал», «If» (Марсель), «Missives» (Париж), «Дружба народов», «Октябрь», «Новый мир». Автор нескольких книг стихов; книги эссе «Фигуры разума» (2015), соавтор (вместе с Эдуардом Абубакировым и Вадимом Филипповым) книги краеведческих этюдов «Ниже Нижнего» (2014). Живёт в Нижнем Новгороде. В «Волге» публикуется с 2009 года.

Лаишево

Устье Камы – плоский простор
мелководье, поросшее осокой,
с бакенами и каменными грядами
с островами, затонами.
Так перепутаны здесь
влага и суша, что белые ярусы
речного буксира принимаешь за церковь на берегу,
а баржу в затоне – за деревенские крыши.

И гряда камней с полосатым столбиком на вершине
и подошвой своей в воде.
В борозде волны кильватерной
вьётся речная трава.
Покрова Пресвятой Богородицы церковь
на склоне среди покрова
уже подлинно травяного.

И варвары говорили нам:
нет тут ни воды, ни суши,
ни моря, ни неба,
а одно общее огромное лёгкое коровье.
И запах травы, что ходит
волнами над лугом-рекой,
травы местами свежей – местами сухой.

И чайки сидят на песчаных косах,
как галки на проводах и столбах=укосах.

Испытатели мух

А. Мушинная почта

Заброшен сначала тайфуном истории на Урал,
где, казалось бы, совсем не его ареал,
Четвериков отправлен в точку слияния Волги с Окой –
где на время обрёл покой.
По облику – Жак Паганель из знаменитой книжки,
Таков же и по научной страсти –
несмотря на напасти –
48-й год, сессия ВАСХНИЛ –
всё-таки сохранил
учеников. Вот Тимофеев-Ресовский его не забыл,
переписка их длится многие годы.
Один – в бессрочной университетской вакации.
Другой, получив наконец глоток свободы,

изучает мутации
облученных солью урана трепетных дрозофил –
исчезновение с их испещрённых прожилками крыл
той или иной формации.

Пишут друг другу бисерным почерком,
чтоб мушиная почта доставила письма в миг –
фасеточный глаз мухи привык
к цифрам почтового кода.
Обременены болезнями, отчасти слепы,
год от года
оба смакуют познания нектар –
как две плодовые мухи.
Приближая торжество комплементарных пар –
несмотря на все муки.

Б. Двойная нить

Он.
Гудящий как целый хор –
недаром Четвериков назвал их семинар СООР –
совместное ование о дрозофиле.
подсчёт на крылышках тонких жил –
дотошный сей труд наложил
судьбы роковую печать.
Пришлось отвечать
на допрос с пристрастием. Итог – ГУЛАГ.
Барак для дистрофиков. Как же так
всё вышло? Но испытатель мух
исчислен, взвешен – и нужен – едва потух
рукотворный вулкан Хиросимы.
Он как бы воскрес в том пепле, попал в Миасс,
в секретный барак, где как раз сейчас
не щадя зрачков, у микроскопа затих,
исчисляя мух, улиток, рачков – словом, малых сих.

Она.
Страшно ему нужна.
Так было всегда, но сейчас особо:
стало трудно ему различать
в микроскопе печать
тайн природы. Лагерная слепота
даёт о себе знать, но спасает та,
что судьбой назначена
как Орфею, едва не сгнувшему в аду,
лучезарная Эвридика.
Гуанин, тимин, аденин –

с нею, с Лелькой, он не один.
Игра в четыре руки,
под микроскопом – мухи.
И как мушиные крылья легки
и проворны их руки.

В. Радийное золото

Словно промывка золота –
вода течёт из верхней ванны в нижнюю,
но не драгметалла пробы – изотопы
урана, лучевые стропы
невидимых парашютов радиации,
что накрыли эти пруды.
И их труды – выявление мутации.
ведь у каждой твари – по паре
нитей, сшитых в двойную вязь.
и где связь
между растворенной в талой воде
или в усталом дожде
радиоактивной солью
– и болью
твоей души?
Измеряй, вычисляй, пиши.
В нагрудных карманах – дозиметры,
в обиходе – «карандаши».

Г. Озёрные люди

Летняя школа на озере Миассово,
катакомбное знание
как у первых пустыльников-христиан
окопавшихся на берегах Синая.
Здесь природа иная,
предгорья Урала: озёра, реки, леса.
Негромкие голоса:
учитель и ученики – на каникулах, из столичных вузов
поистине – из уст в уста.
Там, снаружи бесплодна, пуста
«мичуринская» наука.
Здесь обильна, полна и густа.

На границе зрения, на пределе слуха,
Тимофеев-Ресовский тянет тончайшую нить,
промытую от зла и фальши.
Сшить, что разорвано, генетику восстановить

в правах – и на всех парах
плыть дальше.

Д. Школа мух

Генетик-малOVER,
в продолговатой линзе,
ты различаешь мир чудовищных химер –
рентгена луч пробил
брешь в дээнка-структуре,
смешал рисунок жил
на крылышках, в текстуре
прибавил чёрточек,
и в кузов пуза уложил
премного новых сил
и вер.
У мух – мутаций пух,
и дух новаций – бремя.
Влетает бабочка – и отменяет время.

ОТРЯД КОСМОНАВТОВ

Рассказ

*Вот у Коли, например,
Мама – милиционер!
С. Михалков*

Должен сказать, что я не родился сразу сыном милиционера. До трех лет я был сыном учителя литературы, потом какое-то время жил ребенком воспитателя детского сада, потом работника исполкома и только к пяти или шести годам стал сыном лейтенанта милиции. Сыном милиционера я стал совершенно случайно, после того как моя мама стала работать в милиции. Когда она в конце пятидесятих годов приехала, окончив пединститут, в Серпухов, места в школе ей не нашлось, поскольку она приехала не по распределению, а за папой, который приехал по распределению на военный завод, принадлежащий министерству морского флота. Папа был инженером-сварщиком и закончил Львовский политехнический институт. Он хорошо учился, и у него была возможно выбрать куда ехать. Папа был человеком основательным, перед распределением взял карту и нашел на ней город Серпухов. Город стоял на реке Оке. У папы с логическими построениями было все хорошо – он сразу догадался, что в Серпухове строить могут только торпедные катера, поскольку ни крейсера, ни подводные лодки по Оке не пойдут, а катера легко. Из Оки в Волгу, а из Волги куда угодно. Когда он приехал в Серпухов, завод оказался радиотехническим, а вовсе не судостроительным, и делали на нем... и сейчас делают, а потому мы эту тему оставим, а вернемся к маме, для которой работы в обычной общеобразовательной школе не нашлось, и пришлось ей работать и в детском садике, и в школе для умственно отсталых детей, и в исполкоме. В исполкоме она не прижилась, потому, что не любила работать с бумагами. В конце концов маме предложили поработать в детской комнате милиции. Так тогда называлась инспекция по делам несовершеннолетних. Дали ей лейтенантскую форму с погонами, свисток, и стала она воспитывать малолетних преступников. Некоторых, правда, нужно было сначала поймать, а уж потом воспитывать.

Однажды в одном из детских садов нашего микрорайона украли ящик или даже два ящика тушенки. По каким-то там оперативным данным выяснилось, что украли несовершеннолетние. Обычно в таких случаях, когда в деле были замешаны подростки, вызывали инспектора по делам несовершеннолетних и отправляли его на поиски преступников. Инспектором была мама. Ее вызвали и сказали – «твои» украли тушенку. Ей так всегда говорили – «твои украли», «твои избили», «твои изнасиловали» – и отправляли на поиски. Мама была тогда очень молода, и как найти тех, кто крал, еще не очень понимала, но старшие товарищи ей помогали советами. Мамин начальник отправил ее в общежитие рабочих папиного завода. Микрорайон у нас был небольшой, и почти все его жители, кроме работников почты, коммунальных служб, школ и милиции

Михаил Бару родился в 1958 году в Киеве. Окончил Российский химико-технологический университет в Москве. Химик и инженер, кандидат технических наук. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 1999 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Составитель первой российской антологии хайку и трехстиший «Сквозь тишину» (2006). Живет в Москве.

работали на военном заводе. Поэтому поначалу, когда мама была участковым инспектором по делам несовершеннолетних, ее подопечные, как правило, были детьми работников завода или сами начинали на нем работать.

Общежитие, в которое пришла мама, было построено еще до семнадцатого года для рабочих текстильной фабрики купцом Рябовым, но и через полвека использовалось по назначению. Кажется, и сейчас используется. Велено маме было найти женщину по прозвищу Колодка, которая знала все, что происходит в округе. Колодка работала в общежитии представительницей самой древней в мире профессии, но к своим обязанностям относилась, видимо, спустя рукава и на работе не горела, а потому ее клиенты дали ей обидную кличку Колодка. Начальник так и сказал маме: «Ты ничего не бойся – поймашь там кого-нибудь и спросишь, где Колодка, а уж она тебе все расскажет». Мама все же побаивалась, поскольку не привыкла еще к такого рода прозвищам, и попыталась выяснить имя этой женщины, но начальник его не знал и даже сказал, что у Колодки... Мы здесь не будем повторять то, что сказал начальник. Не всякая бумага может стерпеть слова капитана милиции.

Так или иначе, а мама пошла в общежитие и у первой попавшейся ей не очень трезвой женщины, одетой в засаленный байковый халат, спросила, как найти Колодку. Женщина посмотрела на маму, уперла руки в боки и сказала: «Это кто тут, (...), Колодка? Я тебе сейчас такую Колодку покажу...». Мама сразу поняла, что задание она провалила. Может, и не сразу поняла, но мгновенно ретировалась и уже во дворе общежития спросила какую-то старушку, мирно дремавшую на солнце: «Тут у вас на кухне так вкусно тушеной пахнет. Суп вы там, что ли, варите? Я бы купила банок пять. Не подскажите у кого? Если, конечно, не очень дорого». Ровно через пять минут к ней вразвалку подошел подросток лет пятнадцати, а еще через пару часов подросток раскаивался в содеянном и давал чистосердечные показания в опорном пункте милиции.

Впрочем, все это могло случиться только в самом начале маминой службы. Через несколько лет работы в детской комнате милиции нашего микрорайона имени Ногина ее уже знала каждая собака. Ходить с ней по улице было невозможно. Ее постоянно кто-то узнавал или она кого-то узнавала. Мама останавливалась поговорить со всеми – со взрослыми потому, что у них были непослушные дети, а детям (иногда это были дети очень большого роста) она всегда задавала множество вопросов – почему прогуливают школу, почему не работают, почему устроили драку улица на улицу, и невзначай спрашивала, куда сбыли украденные лобовые стекла от «Жигулей». Мама никогда не спрашивала «крал или не крал», «бил или не бил», «пил или не пил». Она всегда спрашивала «кому продал», «сколько раз ударил и куда», «портвейн пил или водку». Я это запомнил очень хорошо, потому, что мама и мне, и моей сестре задавала точно такие же вопросы, но не про украл, ударил или выпил, а про то, где был, почему так поздно ушел от своей девушки, хотя я и не собирался к ней даже приходить, и почему от меня пахнет женскими духами «Опиум»? На пять или на десять лет твоя девушка старше тебя?

Кстати, о допросах. В начале семидесятых, когда мама уже заведовала городской инспекцией по делам несовершеннолетних, у нее под началом служил один капитан – большой любитель радиотехники. Он из остатков лампового радиоприемника соорудил детектор лжи и с его помощью допрашивал своих подопечных. Не надо думать, что это был настоящий детектор. Никаких датчиков никто ни на кого не приклеивал, и самописец ничего не регистрировал. Это были просто остатки радиоприемника, но лампы светились, что-то в этих остатках потрескивало, пахло теплой пылью, а капитан сидел в наушниках, крутил ручки настройки и задавал строгим голосом вопросы типа: «кто с тобой пошел вместе бить стекла в пивном ларьке» или «кому вы продали украденный мотоцикл с коляской». Такие допросы всегда проводились один на один, а инспекторы, сидевшие в этой же комнате, уходили, чтобы не мешать, а вернее, не смеяться в самых ответственных моментах допроса.

Однажды мы с мамой пошли в продуктовый магазин в соседнем доме. Минут сорок мы в него шли со всеми остановками и уже почти пришли, но тут мама встретила свою бывшую подопеч-

ную, вставшую, благодаря маминым уговорам, на путь исправления. Это была девушка по имени Лена. Мне тогда было уже лет десять или двенадцать, и я уже мог отличить просто красивую девушку от настоящей красавицы. Лена была просто красавица. Мама стала спрашивать ее о новой жизни, о работе, о муже, который был каким-то начальником в местной жилконторе и считался человеком очень обеспеченным. Правда, не очень молодым. У Лениного мужа был небольшой физический недостаток – он ходил, ставя носки внутрь и как бы загребал ногами, за что его жители нашего микрорайона прозвали «снегоочистителем». Они, вообще его не любили потому, что добиться от него какого-нибудь ремонта крыши или плановой замены батарей было практически невозможно – то фондов не было, то фонды были, но в них не было батарей, то сварщик, который должен был срезать старые батареи и приваривать новые, запил, то батареи завезли, а сантехник, который должен вместе со сварщиком...

Я стоял рядом с мамой и Леной и от нечего делать болтал пустым молочным бидоном. Мама спросила Лену: «Ну как новый муж? Ничего?» На что Лена кратко отвечала: «Ничего, Ларисми-хална, ничего...». Потом помолчала немного, покусала губы и добавила: «Но... без ничего». Тут мама велела мне быстро идти в магазин и становиться в очередь за молоком. Я и пошел, но уже уходя услышал, как Лена шумно вздохнула и сказала... Нет, и через полвека я, пожалуй, не решусь повторить то, что она сказала о своем муже.

Надо сказать, что Лена была девушкой с непростой судьбой. Воровать она начала лет с четырнадцати. Ходила Лена по дворам и предлагала детям записываться в отряд космонавтов. Тогда дети еще хотели стать космонавтами. Подойдет к ребенку с висящим ключом на шее и предложит ему записаться в отряд космонавтов. Еще и спросит – с кем бы он хотел полететь – с Гагариным или с Титовым? Все хотели с Гагариным, а потому к нему всегда очередь была. Понятное дело, что записаться в отряд по-настоящему можно было только со свидетельством о рождении, которое лежало дома в шкафу, в серванте или в тумбочке под телевизором. Родителей, которые были на работе, ждать было некогда – надо было срочно записаться до отлета ракеты с Гагариным. Ребенок вел Лену домой и доставал из серванта свидетельство о рождении. Пока он его доставал Лена доставала деньги, кольца, серьги и прочие ювелирные украшения.

Вычислила Лену мама довольно быстро. Лена была из состоятельной семьи и ни в чем не нуждалась, но любила красиво пожить. И воровать любила. Нравился ей процесс. Воспитывали малолетку, воспитывали... Проводили работу с родителями. Подросла малолетка. Стала ездить в столицу нашей родины. Знакомилась там с иностранцами и... Ну, как это обычно бывает обычно с иностранцами. Однажды договорилась Лена с тремя сирийцами, или ливанцами, или египтянами культурно провести время... Или это уже была не Лена... а Рая...

Нужно сказать, что мама, несмотря на то что подполковник милиции, совершенно не умеет рассказывать. Ее истории всегда перетекают, точнее сказать, перескакивают, одна в другую, а поскольку этих историй у нее множество, то к концу пятой или шестой истории мама напрочь забывает, с чего начала. Они с папой, когда папа был жив, всегда по этому поводу спорили. Даже когда мама рассказывала папе о своей работе, чтобы попросить совета, папа говорил:

– Ты не умеешь рассказывать. Дай я расскажу вместо тебя.

И он рассказывал маме о ее работе. Впрочем, когда папа рассказывал маме о своей работе, мама говорила ему то же самое. Попросить их рассказать вдвоем было невозможно, потому что... Ну, хватит об этом. Переход к другой истории, хоть и не плавный, но сделан.

Сирийцы, с которыми договорилась Рая, обучались в каком-то из наших московских военных училищ или даже академий. Позвала их в Серпухов. Там, сказала, у нее есть как раз две красивых подружки, которые спят и видят... Даже и не спят еще, а легли и ждут не дождутся. Самой собой, она взяла задаток для подготовки встречи и с тем задатком отбыла домой.

В условленное время готовые к разврату ливанцы прибыли в город Серпухов и... не обнаружили в условленном месте ни Раю, ни ее готовых ко всему подружек. И тогда египтяне пошли в милицию. И пришли в нее и стали требовать, чтобы милиция нашла мошенницу и вернула за-

даток. Или нашла Раю как-нибудь потом, но сейчас вернула бы им задаток из государственных средств. Из тех, которые в советском плановом хозяйстве как раз отводятся для таких случаев, когда советские граждане обманывают доверчивых иностранцев.

Милиционеры в дежурной части сразу поняли – эту историю они смогут рассказывать в любой компании, как говорится, на бис. Поэтому они, сделав каменное лицо, сказали сирийцам, что вот у них лично денег нет, но сейчас они позвонят человеку, который как раз работает с представителями древнейшей... с подобными девушками и всегда имеет при себе деньги на случай вот таких неприятностей. И позвонили.

– Михална, – сказали, милиционеры – тут твои... мать их... таких делов натворили... Натурально международный скандал. Приезжай срочно.

И быстро бросили трубку, чтобы не расхотаться. Мама приехала и увидела, что театр уж полон, ложи блещут, партер и кресла заняты офицерами дежурной части, а в амфитеатре находятся сержанты, старшины и рядовые дяди степы. Когда мама сказала сослуживцам все, что о них думает, она села за стол и строгим голосом приказала дежурному офицеру принести ей телефонный справочник Москвы. Справочник ей мгновенно был подан. Мама хорошо запомнила, что это была дефицитная тогда «Анжелика в Новом Свете», которую читал дежурный лейтенант. К счастью, книга была обернута в газету. Теперь трудно себе представить и дефицитные книги, и обложки, сложенные из старых газет, но именно так оно и было, поверьте. Мама раскрыла книгу, перевернула несколько страниц и тем же строгим голосом спросила сирийцев, ливанцев и египтян, куда ей лучше позвонить – в военное училище, курсантами которого они были, или в посольство? Пока они думали, мама предложила дежурному, чтобы не выгонять иностранных граждан в ночь на улицу в незнакомой стране, посадить их от греха подальше до утра в обезьянник. Ну, а завтра приедут посольские или из училища... Она еще и договорить не успела, а трех курсантов вместе с их требованиями уже и след простыл.

На этом месте придется сделать еще один переход к следующему мамину рассказу. Время от времени мы с мамой говорим о Чехове. Если с мамой не говорить о Чехове, то придется говорить о лекарствах, болезнях, непослушных детях, непочтительных внуках, о соседях сверху, не умеющих играть на пианино, но играющих, об их собаке, которая ходит по потолку как слон, гавкает как слон, воеет как слон, когда они уходят на работу, и о том, что прежние времена были нехороши, а как посмотришь на нынешние, так и прежние покажутся не таким уж плохими. Поэтому лучше о Чехове, тем более что мама сама с ним обо всем разговаривает. С ним можно и о лекарствах, и о болезнях, поскольку он был врач, можно и о соседской собаке, о соседях сверху, которые мало чем от нее отличаются – и топают точно так же, как она, и гавкают, когда ругаются. Собака хотя бы не играет на пианино в четыре руки из рук вон плохо. Если бы Антон Павлович, как мама, жил под ними, то уж он-то бы их так описал, что даже собака сгорела бы от стыда. Ко всем грехам соседей они еще и учат детей музыке. Чему они, спрашивается, могут научить детей и чему вообще нынешние учителя могут научить нынешних детей в нынешних школах, в то время как во времена Чехова, в гимназиях... И тут, чтобы хоть как-то отвлечь маму от соседей и проблем нынешнего народного образования, я вспомнил про Беликова, учителя греческого языка, который чуть было не женился, но вовремя умер. Мама на секунду задумалась и вдруг сказала:

– Лет пятьдесят назад знавала я семью Беликовых. Семья была многодетной: то ли четверо, то ли шестеро детей, непутевая мать и отец, которого никто никогда и не видел, поскольку он постоянно отбывал то один, то другой срок. Все дети, как только подросли, встали ко мне на учет в милицию, а их мамашу я лишила родительских прав. Я бы и отца лишила, но поди дождись его из тюрьмы. Впрочем, сколько их было, этих отцов, не знала и сама Нинка.

Жило семейство Беликовых в большой трехкомнатной квартире, в доме, который среди местных жителей назывался «Ха-Ха». С незапамятных времен в одном из подъездов этого, еще до революционной постройки, дома поселилось несколько цыганских семей. Промышляли они в основном самогоноварением, хотя, конечно, не обходилось и без гадания, торговлей дефицитной тогда польской косметикой, а случалось, и проституцией, но последнее больше в нетрезвом виде,

а не корысти ради. Правду говоря, нетрезвый вид случался у них регулярно, и потому все думали... и даже не сомневались.

За самогоном к цыганам сползались окрестные мужики, приезжали за полночь таксисты за бутылкой для своих седоков, а перед праздниками на стакан-другой захаживал и участковый. Ни фамилии, ни имени его история не сохранила. Сохранила прозвище «вещмешок» за некоторые особенности его фигуры, а точнее, за обширный живот, напоминавший не столько вещмешок, сколько висящий не с той стороны огромный туристический рюкзак, с запасом тушенки, круп, копченой колбасы, хлеба, гороховых супов в брикетах, водки, соли и спичек на месяц пути по глухой тайге. Впрочем, в животе участкового все это и присутствовало, кроме, пожалуй, спичек.

Участковый и рассказал моей маме о том, что в семействе Беликовых все, мягко выражаясь, смешалось. Сама Беликова нигде не работала и детьми заниматься не думала. Жила, а точнее сказать, пила она на детские пособия. Вечно голодные дети питались в основном отходами, которыми жильцы дома прикармливали дворовых собак и кошек.

Поскольку речь шла о многодетной мамаше, немедленно на место событий мамой был прислан участковый инспектор по делам несовершеннолетних. От визита инспектора толку, однако, оказалось мало, поскольку пьяная Нинка наотрез отказалась его пускать на порог. Через приоткрытую дверь она предложила инспектору на выбор такое разнообразие интимных отношений, о котором недавняя выпускница тульского пединститута и помыслить не могла в свои двадцать с небольшим лет.

Кое-как успокоив участкового инспектора, с визитом к Беликовым отправилась мама, прихватив с собой наряд милиции. Беседовать через дверь мама не любила, поэтому сразу предложила Нинке ее выломать, чтобы поговорить с глазу на глаз. Та совсем немного подумала и открыла. Краткая беседа прошла в холодной и недружественной обстановке, поскольку даже и сесть гостям было не на что. Из мебели присутствовала только одна кровать, на которой спала хозяйка вместе с каким-то мужчиной. Дети спали на полу. На вопрос мамы, отчего дети спят на полу, а мать на кровати, Нинка отвечала, что у детей вся жизнь впереди и они еще успеют навалиться на кровати, а вот ей, видимо, не так много осталось, да и вообще лежит она на кровати не столько ради удовольствия, сколько по делу. Лежащий рядом с ней мужчина был сантехник, вызванный для починки унитаза, который починить оказалось невозможно по причине отсутствия самого унитаза, но оставить человека без платы за ложный вызов было бы просто неприлично, а поскольку денег у Нинки не было, пришлось...

Через неделю, после того как были собраны свидетельские показания соседей, дело было подготовлено для передачи в суд на предмет лишения Беликовой родительских прав. Суд состоялся, но сначала маму вызвали к городскому прокурору вместе с Беликовой и ее младшими детьми, поскольку из двух старших один уже сидел в детской колонии, а второй был в бегах.

Прокурор, который только что был переведен на эту должность с должности заведующего отделом агитации и пропаганды горкома партии, решил, что мама недостаточно агитирует и пропагандирует своих подопечных и потому они себя так асоциально ведут. Он решил дать маме в некотором роде мастер-класс этой самой агитации и пропаганды. Во время мастер-класса Нинка вела себя тихо и даже дремала, поскольку была не очень трезва, а вот маленькие дети прокурора не слушали, залезали под стулья, столы и в ответ на прокурорские просьбы немедленно вылезли и сидеть смирно хохотали, совершенно не по-детски ругали прокурора последними словами и даже предложили ему покинуть кабинет и уйти далеко – в те места, откуда не видно даже самого здания городской прокуратуры. Через полчаса или даже раньше прокурор сдался.

Лишение родительских прав в далекие шестидесятые годы проходило принародно, в здании какого-нибудь клуба или дома культуры. Приглашались все желающие, а нерадивых родителей, уже попавших в поле зрения милиции, специально приглашали повестками. Зал всегда был полон. Присутствующие соседи, сослуживцы и просто незнакомые люди живо и непосредственно реагировали на происходящее возгласами, которые мы не будем здесь приводить, поскольку они

далеко не всегда были цензурными. Из присутствующих маме запомнился папаша, у дочери которого после фестиваля молодежи и студентов родился совершенно черный сын. Папаша требовал от властей этого дела так не оставлять и отправить своего внука к отцу в Африку. Он писал по этому поводу заявления в милицию, в прокуратуру и, наверное, в «Спортлото». Ни милиция, ни прокуратура, ни даже «Спортлото», которое обязано было откликнуться, не отзывались. Правду говоря, он и приходил на подобные мероприятия только для того, чтобы публично озвучить свои требования.

Родительских прав Нинку лишили. Потом прошел год. Потом еще десять и еще десять или пятнадцать. Дети Беликовой выросли. Почти все они, каждый в свое время, состояли у мамы на учете. Одна из девочек, кажется, ее звали Таня, после того как стала совершеннолетней, попала в колонию за кражу, писала маме оттуда письма, потом освободилась, взялась за ум, стала работать и даже вышла замуж за инженера.

Следы двух ее братьев потерялись – уехали на Север, на заработки и пропали из виду. Еще один стал театральным администратором. Танина сестра Люда никуда не поехала, осталась в Серпухове и в середине восьмидесятых или в начале девяностых годов работала продавцом в палатке, где торговала печеньем и конфетами. Тогда из кондитерских изделий в продаже были только дырки от бубликов, а у Люды для мамы всегда были соевые батончики – те, которые при советской власти успешно притворялись конфетами. Маме они нравятся. Шоколадных конфет она не ест. Говорит, что от них у нее болит печень. Я так думаю, что от этих батончиков может заболеть все что угодно, но спорить с подполковником милиции, пусть и в отставке, у меня нет никакого желания.

Перехода к эпилогу я делать не буду, а просто скажу, что маму многие из ее подопечных любили. Особенно родители этих подопечных. Иногда приходили к нам домой благодарить за то, что мама уберегла их ребенка от тюрьмы. Приносили подарки. Мама не брала даже цветов. Родители обижались. Иногда очень. Одна бабушка принесла со своим внуком, которого растила одна, мешок картошки за то, что мама отбила внука от плохой компании и не позволила отчислить его из техникума. Мама вышла из берегов, и тогда бабушка встала перед ней на колени. Мама открыла рот... Тут в коридор вышел папа и тоже открыл рот. Бабушку подняли с колен, их с внуком напоили чаем и отправили домой вместе с мешком. Через какое-то время нам в дверь позвонила соседка и сказала, что возле нашей двери стоит мешок с картошкой. Хорошо бы его забрать, а то народ у нас такой – сейчас мешок стоит, а через минуту его и нет.

После ухода в отставку мама проработала еще семнадцать лет психологом в колледже и в семьдесят семь лет окончательно ушла на пенсию. Из трудных детей, которых она могла бы воспитывать, остались только мы с сестрой. Что вам сказать...

Анна ТАРАСОВА

Ящери

1.

...где гулкое эхо бездны, как в гроте,
множество отголосков сирен

ярко-лазурная плитка, зеркало
бусины платья светодиодины перья

толпы на лестнице, воздух спирается от
слов, коллективная медитация

2.

город разбит рекой
мы дети здесь
в каменном доме

с двух берегов
непомерно огромные люди
пытаются уничтожить
то, что давно уже мёртво

3.

удерживает в приветствии
за предплечье, и нечто
как легкий поцелуй в лоб
see you later
кажется, ни один человек здесь
не желает мне смерти

как если бы некто
мистический
невозможный

Анна Тарасова родилась в Барнауле в 1999 году. Училась в Литературном институте им. Горького. Публиковалась в журнале «Флаги». Живёт в Долгопрудном.

4.

позаброшенный город
жидкая сумеречная мгла
или перед рассветом, прозрачное

тело глубоководной луны
подсвечены все заусенцы
пыль паутина корм
воздух проносится мимо,
и внутрь дыхания
попадает один лишь
шорох смещения,
дерево покосилось

то, что до крови, плазма,
кошачий глаз, из него
прорастают блики на озере,
то, что в остатках ночи
сквозит, спеленьвая
немое, уносит
к ладоням проруби

в прорези неба
место за городом
кукурузное поле

5.

в маленьком доме
среди побегов
в рост человека
плечо его матери
далеко в поле
у ног его матери
перемолоты зерна в муку, и от листьев
очищены половицы

он – голос из радиоприемника
помешанный, то есть
собранный из помех
зеркало, кружевная салфетка

ящерицы на плечах друг у друга уснут
на рассвете, после работы
под голос из радиоприемника

пыльный огонь, рукой
расталкивая побеги

в человеческий рост,
возвращается
медленно опуститься на пол
выпустить струйку дыма

Речь идет о цветах

подойди к окну, посмотри. что с ними делать?
можно посыпать песком.
или пеплом...
да, пеплом.

положить для тебя на полочки несколько мотков пряжи?
несколько мотков пряжи самых разных цветов.

все слова от дождя

посреди хаоса стройки движения сообщения

засыпает, глядя в глаза оживающей нейросети
вдоль бесконечной поверхности отражений
уже плывущим, не до конца
собранным взглядом
и перекрещены руки
в слабом узле

из прозрачного куба с водой
куда с черных яблок стекают слезы
достаёт фосфорные пластинки
которые должна есть чтобы выжить

и все смотрят
не оторваться

Моя кровь вскапывает себе каналы
Чтобы пройти там, где дыхание только что сорвалось.
Ноги увязли в илистом, мы пытались
Бинтовать им шеи изнанками рукавов,
Но воздух стал дорогим, и одно утешение – вдох,
краешек простыни.

Моя кровь становится бесконечной
Утопает в самой себе, и прозрачный шар
Мерно качается. Сон на твоём лице
Наконец проступает через озноб и жар.

«Прости меня, моя кровь, если можешь» –
крик с той стороны.

С той стороны зимы, где она сочится, питает грунт
И вьётся цветами розовой алычи.
По ночам все птицы слетаются к ней, поют,

Но моя кровь сквозь камни испарывает ключи.
Пока безликие жернова начиняют мешки мукой,
Она бьётся в слепом искании вен,
Чтобы пролечь по всему маршруту ночи земной
И зрение получить взамен.

От головы

1.

Что-то холодное, белое приложить ко лбу
Прополоскать им кровь
Не упасть с обрыва тяжелой тенью
Лоб → земля → земляничный сок

Вдруг не хватает оси
Чтобы ухватиться

2.

Дерево стало спиралью
ступни ушли в песок, или это
руки со шприцем за белой ширмой
катают по трубкам шарики цвета
возьмётся с мышью
бросают в яму и ждут

ждут

3.

Осталась в зелёном доме
прощаться с морем календулы

Шесть неудачных попыток покончить с собой,
отравиться золотом

День проплывал по тёмной поверхности озера
и хотелось выпить его отражение
чтобы рассеяться:

голос и плеск
...только подушечки пальцев
бегут по небу

Пробуждение на обломке

все, что я помню –
семиминутное восхождение
в горло симфонической музыки

/

или наоборот:
твое тело нашли на обломке улицы
ты говорил, что видел себя в ловушке
солнца, растаявшим от возможности

обладать

пластикой циркового артиста
нежностью орхидеи
светом и холодом пробуждения

ты что-то пытался сказать, но не смог,
и, оставшись без сил, перешёл на язык камней
(разумеется, публике стало ещё сложнее).

...она ответила:
знаешь, будет концерт
где на самой высокой ноте на сцене
я умру от разрыва сердца

после показа
выпьём по чашке кофе?

//

или наоборот:
твое тело нашли на обломке улицы, ветер,
зрачки еще неподвижны, будто бы под наркозом,
пальцы застыли в моменте видения, вспышка

ты не мог назвать своё имя
это передалось стрекозам,
искавшим нечто поблизости

ты перевел глаза на кого-то в толпе,
беспомощный в каждой попытке выразиться точнее...

горько кивая во время ходьбы –
инерция –
все утекли.

ты остался один посреди равнины,
в центре вселенной
в коконе сна
нота возникла
и облака пришли подышать с тобой

это ещё конец, это уже начало –
шелковой ленты след тянется в сад

молча идёшь за ленточкой ужаса
жажды жизни
сотни ночей подряд

1.

На ступенях сада
проступают чёрные слёзы нефти.
Первая рана открылась, за ней потекли ковром
остальные.
Кожа твоя
рассыпалась искрами бронзы вокруг меня.

Следуй за нею:
Яд уплотняет мышцы,
Нефть заливает небо,
Раны растут, чтобы говорить.

В поры плеснуть водой, хотя бы солёной –
этого хватит на пару слов. Аллея
видит себя в окне уже полусонной.
Падает снег. Фонари, краснея,
Провожают эпоху.

2.

Изнутри летят лепестки
Эта легкость, возникшая вдруг под бетонной плитой.
Город с опущенной головой.

...И видно уже
На крышах его теснятся толпы самоубийц
Не решаясь украсить собою улицы первого снега

Где учились читать мы по вывескам
«осторожно»
наблюдали мимику боли,
что сегодня в меню у юной богини войны.

Мы глядели на розовые ракеты,
разорванные пакеты,
шестивия пропускали вверх.

Но прожекторы, явленные из самого центра неба,
Повелевают падать.

И теперь уже винограды сыпятся гроздьями с крыш
Превращаясь в багровый, болезненный поцелуй
на белой спине зимы.

3.

Но сегодня такой туман...
Ты забери с собою что-то на память.
Что-нибудь новое, вместо локона, наподобие ластика
или заколки!
О, выцветающий город...
Я гляжу на него, словно окунь
из голубого пластика –
А он по спине распорот.

КАНУН

Рассказ

*Твой Новый год по темно-синей
волне средь моря городского
плывет в тоске необъяснимой...*

И. Бродский

В сентябре 2021 года я заподозрил жену в измене. Задержки после работы она объясняла эксплуатацией, возросшей после незначительного повышения. Спала – плохо, пила – залпом, перестала кончать. Случались непонятные звонки на телефон и нервные ответы на сообщения ночью. «Тук-тук-тук», – стучала она нервно ноготками по треснутому экрану.

Я вёл оперативно-розыскные мероприятия, собирал доказательства, опрашивал свидетелей, ставил следственные эксперименты, осуществлял сбор образцов для сравнительного исследования (под кухонной лампой вращал паутинку трусиков в надежде отыскать какие-то следы). Опер Алёхин.

Нарастало трагическое ощущение. Рухнув до критической точки, мое настроение стабилизировалось на уровне степенного уныния. Я механически работал, спал, ел и пил. Даже в день платы по кредитам не ощущал остревенения. Из узкого шкафа выбирал одну и ту же одежду: серые джинсы и черный свитер. Остальные шмотки пылились без дела, будто я из них вырос, а выбросить жалко. В Италии в новогоднюю ночь выбрасывают из окон старье. Как прекрасна должна быть эта страна!

Как-то опер Алёхин, в оранжево-зеленый день октября (ещё теплый ветер, но уже стылая земля), предпринял крайнюю меру – наблюдение. Моя Катя написала, что её опять задерживают. В третий раз за две недели.

Свалив из офиса, в котором работал никем, опер Алехин подкараулил жену-бухгалтера у офиса строительной фирмы. Жена там получала стыдную, но надежную зарплату.

В шесть из здания хлынули: тетки в плащах, дядьки в кожанках и уборщица в дутой голубиной куртке. Наконец и Катя в своем антрацитовом плаще выпорхнула из-за тяжелой двери, сбежала с облупленных ступеней и прыгнула в такси.

Началось преследование. Опер Алехин был осторожен, но не отставал.

Вены города опухли – давление нарастало – душно до головокружения. Красиво раскачивались клёны и тополя. Дремали в небе пухлые облака-младенцы.

Такси везло Катю в сторону железнодорожного вокзала, где, кажется, не мог жить ни один богатый самец нашей провинции. Обидно, когда тебе – дворняге – изменяют с такой же дворнягой. По любви, значит. Поделом тебе, по заслугам, по совести, по участи твоей.

На перекрестке, где справа кладбище, а слева парк, замешкавшись из-за какого-то мудака на китайской рухляди, я отстал от такси. Нагнал его скоро, но Кати в нем уже не было. Старый таксист курил в окошко. Справа какое-то серое здание с елями и флагами. Слева троица хрущевок сотней облупленных глаз.

Алексей Колесников родился в 1993 году в Белгороде. окончил юридический факультет НИУ «БелГУ». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Новый берег», «Нева», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «На рынке» (2020, № 5-6).

Где-то в одной из хрущевок моя Катя стаскивала с длинной ножки сапог, прилаживала к вешалке плащ с оторванной петелькой, отпускала на пол (пусть падает!) с бёдер юбку. Расстёгивала шёлковую блузку, хихикая, не стесняясь натруженного за клавиатурой пота, садилась сверху на мужичка, который всегда готов, как Кремль к смене власти. Дышала, отбросила назад голову, постанывала требовательно. Что-то может ещё. Любовник знает женщину лучше мужа. Чувствует мучительнее.

У неё грудь чуть больше яблока. На правой отметина: нестрашный рак выскабливали года два назад, когда мы только познакомились. Шрам был мясистым сначала, а теперь побелел.

Опер Алёхин провалил задание. Объект слежки скрылся. Где-то тут она, рядышком, но не найдешь.

Я уехал домой, закупившись по дороге вином и сыром. Слушал в машине «Гражданскую обшону» и предвкушал стыдливый онанизм.

Когда Катя вернулась, часа через два, я сразу раздел её и обнюхал. Имитировал страсть: целовал ладони, плечи, уши. Бедра снаружи и особенно внутри. И далее, далее, далее. Прямо на кухне. Упираясь задом в холодильник, я мямл жену как тесто на кухонном столе.

– Крошки царапают, – жаловалась Катя, опираясь на локотки.

Везде пахло только Катей. Ровно как до замужества: страхом, страстью и капроном колгот. Перевернув чашку, она лежала на столе и грызла салфетку. Шурилась и посапывала, а я копошился между ее лапок, как дореволюционный фотограф со своим аппаратом.

– Сейчас вылетит птичка, – соврал я.

Катя хихикнула, коснулась моих ушей, сказала что-то, а потом умолкла и сосредоточилась. Я терпеливо работал над ее оргазмом. Наконец она задрожала, нагрелась – и почему-то тем самым убедила меня в своей верности.

После, грызя один на двоих помидор, опер Алёхин попросил:

– Расскажи, что происходит. Только не ври.

Она рассматривала черный педикюр, прислонившись спиной к холодильнику. Спустилась на пол со стола.

– Ты верна мне?

Оскорблённый взгляд.

– Да или нет?

– Да! Конечно, да! – прорычала она.

Чуть позже она сказала:

– Если получится, может, съездить куда-нибудь перед новогодними? Или сразу после?! Попробуем скопить. В любое место. Хоть в соседний город. На три дня. Давай! Я не могу уже видеть одно и то же. Этого соседа утром с сигаретой и его срущую на клумбу собаку. Слушай! – Катя улыбнулась: – На Эквадоре в полночь, пока бьют куранты, бегают вокруг дома с чемоданами. Это такая примета, чтобы были путешествия в наступающем году. Впрочем, – добавила она, подумав, – у них напряженка с путешествиями. Билеты страшно дорогие.

– Куда тебя возило сегодня такси? – спросил я.

Катя, хлопнула в ладоши, поклонилась, как маэстро, и ушла за халатом. Нервно сунула в него руки, запахнулась и уселась на диван. Обнаженная женщина не способна на скандал.

– В жопу труда! – прикрикнула она наконец, а потом добавила: – Рвать провода.

Больше мы не разговаривали. К счастью, я очень хотел спать.

Утром мы разбежались по работам.

Обеденный перерыв я любил проводить в парке, сидя на скамейке вблизи колеса обозрения, которое остановилось из-за ковида. Воистину уснувшие аттракционы – это предвестник апокалипсиса.

Вот и в тот день я размышлял там, обхватив себя обеими руками. Осень явно шла к завершению. Ветер со льдом, листья выгорели, заветрел чернозем. И все же, осень прекрасна. В этот период мне всегда тревожно и совестно, как подростку.

Катя прислала сообщение. Про тюрьму.

«В общем, плохие новости. Скорее всего, меня посадят. А может и нет. Но следователь и адвокат говорят, что скорее да. А еще я буду всю оставшуюся жизнь должна. Наложат арест на карты. Зарплату заберут.

Это из-за повышения. Только учти: я согласилась добровольно. Не давили. Я – номинальный директор в обществе с ограниченной ответственностью, которое входит в группу компаний, занимающихся строительством многоквартирных домов. Помнишь, я рассказывала?»

Катя подробно описывала специфику финансовых операций, которые происходили в рамках группы компаний. Оказывается, что в совокупности они были полузаконными. Суть её преступления заключалось в недоплате налога на прибыль. Обычно Катин шеф – бенефициар всей группы – решал подобные вопросы стандартным способом. И речь о не коррупции, а о системе полулегального, проверенного годами, рассчитанного на авось, способа ухода от налогов. Коррупция – это потом. Если засекут. Все так работают – это почти фундаментальное правило осуществления коммерческой деятельности, иначе заработка не увидишь.

Теперь Катиного шефа арестовали, из нашего приграничного городка отвезли в далекую Москву, заморозили все счета, наложили запрет на регистрационные действия в отношении имущества и вменили мошенничество в особо крупном размере. Его юристы суетились, пытаясь не допустить гибели бизнеса, но факт возбуждения в отношении теперь и Кати уголовки (тоже мошенничество, но по первой части) указывал на исполнение серьезного заказ конкурентов. Смысл Катиного ареста сводилась к сигналу: «тебе край, мужик!».

«Похоже, – писала Катя, – что даже если он отдаст всё – один фиг – не останут».

Кате наняли адвоката, но он ничего не обещал, потому что ему законодательно запрещено давать обещания. Распространить бы действие этого правила на всех повсеместно и распинать на площади всякого, кто ослушается.

«В общем, подумай, нужно оно тебе или нет. Я серьезно. Два года для брака – не срок.

Прости, что не посоветовалась. Прости, что со мной одни несчастья. Я тебя люблю. Как и прежде и даже сильнее. И не от страха люблю, а просто так».

Вдогонку она слала сообщения с ненужными разъяснениями, а опер Алёхин все сидел неподвижно и пялился на ржавеющее колесо обозрения.

Вечером я тянул из Кати жилы подробностей. Она распухла от плача. Я ругал её и впервые хотел ударить.

– Может, родить? Не посадят же беременную, – прошептала она и вдруг уронила кружку с чаем. – На счастье, – сказала она, хотя кружка не разбилась. – В Дании на Новый год бьют посуду. Чем больше осколков – тем больше будет гостей.

Её отец прилагательное – военный. Настоящий, не ряженный, с боевыми наградами. Обе чеченские невойны выволоч. Ранения были: надорвано ухо и легкая контузия. Сейчас посменно охраняет супермаркет. Голосует за Путина, уважает – Сталина.

Мать – рыжая, очень рыжая. Волосы – цвета намокшей ржавчины. Кожа – белая, с синевой. Пахнет цветочно-медовыми духами и курит крепкие российские сигареты. Тоже бухгалтер. Согласно легенде, сопровождала банкротства и ликвидации крупнейших предприятий нашего города в годы формирования капиталов. Заработала на этом панельную двушку на левом берегу и мерседес восьмидесятого года. Кажется, еще ездила в Анталию до замужества. Последние десять лет обслуживает сеть магазинов «Фейерверки». Шутит: «Работа не фонтан, а фейерверк». Впрочем, частенько к полудню она уже дома. Старается поддерживать форму, поэтому три раза в неделю бегает на йогу и по четвергам голодает. Только воду с липовым мёдом пьет.

Катя на детских фотографиях пучеглазая испуганная лягушка. В пубертатный период – черноглазая, с большим изогнутым ртом, некрасивая. Плечики птичьи, кудри жирнятся, тело длинное, а ноги короткие; безгрудая, щекастая и угрюмая.

Чудо произошло лет в семнадцать: вытянулись ноги (цыганские иголки), набухла грудь (курносая), дошли черты лица и глаза ожили. Ей подходили любые наряды, прическа и цвет волос. Девочка в костюме стеклянной куклы.

Моя Катя чуть не вышла замуж лет в двадцать. Её парень работал графическим дизайнером и (я проверял) талантливо рисовал.

Как-то вечером к ним пристали на улице «я-русские», отмечавшие проводы в армию своего соплеменника. Они были клубные охранники или что-то вроде того.

Дизайнера избивали, пока Катя металась по тополиному темному парку в поисках подмоги. Напоследок ему прыгнули на голову разом двумя ногами, как на сугроб – череп открылся.

Сутки его спасали в третьей городской. Находясь в сознании, он просил наушники. Катю не пускали. Ночью он впал в кому и умер через пару часов.

Она трепетно оберегла меня от его тени. Я притворялся, что не замечаю её – темно-серую. А все же, в первый наш год он бродил вокруг книжного шкафа, завтракал с нами, ложился в постель. А потом исчез. Махнул как-то с нами в Ялту и не вернулся.

Катя теперь не ходила на работу. У нее появилась мера пресечения: подписка о невыезде. Нам и без неё ехать было некуда. Да и куда деться осенью? А вот после Нового года мы планировали посмотреть соседний Воронеж.

Пожалуй, так бедно я жил только в первые студенческие годы, когда съехал от родителей. Мы с Катей проявляли настоящий талант, чтобы выжить на мою зарплату. Помнили, где продается бюджетная курица, освоили все возможные блюда из гречки, полюбили морковь и капусту. Пил я теперь исключительно водку. Закусывал поджаренным хлебом с чесноком и печёной картошкой. Кажется, впервые Катя вымылась мылом за неимением шампуня и выстирала трусики руками. Сказала:

– Нужно привыкать.

А оптимист Алёхин ответил:

– Ага. Зимой, когда за неуплату перекроют воду, будем топить снег. Жалко, камина нет. В Нидерландах на Новый год гости приносят спички и бросают в камин. На удачу. Понимаешь? У них у всех там есть камин! И никто, значит, не платит за отопление.

В последний раз мы голодали в ковидные времена. В нашем городе карантин никто не соблюдал – преимущество провинции. Такими забавными нам казались рассказы о том ментовско-медицинском режиме, который установился в Москве и Питере. Недовольный писк – дубинкой по лбу. Друзья, уехавшие за счастьем в большие города, очень жаловались. И заметно спивались на удаленке.

А мы ходили на работу, гуляли. Кажется, даже ели руками шашлык в парке на День города. Только вот когда заболели, оказались вдруг без денег, поэтому заказывали продукты раз в неделю и не принимали половину назначенных лекарств.

Теперь, как в те карантинные недели, Катя от безделья занималась уборкой квартиры. У нас совершенно перевелась пыль. Я боялся, что она начнет выбрасывать мебель, чтобы было еще чище.

Дни, как голодные собаки, огрызались и громоздились вокруг нас, а мы вертелись, пытаясь им угодить, да только всё без толку.

Адвокат говорил, что есть шансы на улучшение ситуации к Новому году. Катя радовалась этому, как выигрышу в лотерее. Составляла список салатов к празднику, в интернет-магазинах выбирала платье и требовала, чтобы я купил со следующей зарплаты пластмассовую елку.

Иногда философ Алехин не доверял своим суждениям о реальности. Попросту не верил в случившееся. Какая Кате тюрьма, если она даже мух боится? Когда летом отключают на профилактику горячую воду, я поливаю её из ковшика теплой водой. Занозу из ее пальца мы достаем весь день, потому что «это адски больно».

В начале декабря, чтобы сэкономить, я заранее купил елку, и как-то стало спокойнее. Допросов не случилось, обещанный обыск так и не провели, а Катя начала подыскивать работу. Мой пятнадцатилетний оливковый «Авенсис» мы продали и положили деньги под пять процентов «на черный день». Можно было частично погасить ипотеку, сократив тем самым срок ее выплаты на целых два года, но все равно бы оставалось еще десять лет. Все это казалось абсурдной комедией.

Последние краски затянувшейся осени догорали. Казалось, вот умрет сейчас природа, великолепно ярко погибнет, а потом наступит бесслзёная, надменная зима. Морозами придушит ковид, любую другую заразу и все человеческие несчастья. А потом весна-игрушечка. Девчонка, еще не видевшая ни одного печального сна. «Привет, – скажет. – Давай целоваться, и в прятки играть».

– Никогда я так не ждала Нового года, – говорила Катя. – С утра начнем отмечать. С меня вкусный завтрак! Потом к родителям. К ним сначала обещался папин сослуживец с семьей, но что-то у них отменилось. Вызвали на учения, что ли. Какие в Новый год учения, да? В общем, родители будут вдвоем. Подарим маме те прикольные шарики, кирпичного цвета, которые ты купил вместе с елкой. А папе комплект термобелья цвета хаки. Купим в военторге. У нас ведь осталось немножко денег? Потом вернемся домой и начнем пить вино. Когда стемнеет, можно погулять на районе. А потом встречать! Посмотрим какое-нибудь кино, потом президента, а потом шампанское и музыка. И так до утра! Я не дам тебе спать до рассвета. А спать будем так, как спят только счастливые люди. Ну а на следующий день позовем кого-нибудь в гости. Согласен? Жалко, дедушку нельзя поздравить. С возрастом хочется чаще быть с семьей, но в нашей огромной стране это трудно. И жилье дорогое. Во Вьетнаме старики – обязательные гости за новогодним столом, но там же тоже жизнь дорогая. Так что? Ты согласен?

– Согласен последнее за такой сценарий отдать, – ответил внезапно растроганный Алёхин.

До Нового года оставалась одна неделя. Это случилось очень по Сартру.

В последнюю ночь Катя уснула на диване под облучением телевизора, а я, как старик, с книжкой в кресле задремал минут на десять. Потом проснулся и с трудом себя успокоил. Невротик Алёхину почему-то уснуть – это как уронить штаны в общественном транспорте.

За окном гудел ветер и кто-то, захлёбываясь, кашлял. Катя спала, разинув рот, как птенец кукушки. Я устроился рядом. Она заерзала, но не проснулась.

Спалось тесно, но правильно.

Утром я ушел на работу, а вечером, не заходя домой, пошёл к другу Мише. Катя попросила не задерживаться до ночи и захватить чего-нибудь спиртного. Такие просьбы участились – это настораживало.

Где-то на середине алкогольного марша пьяница Алёхин попытался все рассказать Мише, но тот разродился не разрешаемым политическим вопросом. Мы слегка поспорили, а потом долго задумчиво молчали.

Мы курили среди Мишиных картин. Со стен минималистичной кухни на нас пялились кислотного цвета уродцы: лысые, большеглазые, большеносые, с вялыми гениталиями, скрюченные. Формально, как художник, Миша занимался цветом. Уродцы – отвечали за социальный пафос произведения. Типичная Мишина картина: трое обнаженных парней, похожих на нечисть из советского «Вия», играют в карты за треугольным столом. Стол ярко-желтый, парни – салатовые, голубоглазые, потолок – синий, карты черные. Один пускает слюни, другой мочу. У края стола баночка кока-колы. Так Миша изображал властителей мира.

В этой квартире с Мишей я сильнее себя обычного. Но рассказать о Кате все же не решился. Совестно и сложно.

Мы не сильно напились, но речь замедлилась и движения стали кукольными. Миша проводил меня до подъезда, дал на дорожку сигарету и насвистывая «Неба утреннего стяг» ушёл.

В магазине я купил бутылку рябиновой настойки, сунул ее во внутренний карман пуховика и решил пойти пешком. На такси мы экономили, а в душный автобус лезть не хотелось.

Мы жили в новом районе. На весь путь путешественник Алехин планировал потратить минут двадцать, о чем сообщил Кате в сообщении.

«Не пей пока идёшь. Посидим», – попросила она.

На выходе из магазина меня окликнули менты. Их, как всегда, было трое: двое сопляков и один мой ровесник.

– Выпивали сегодня? С бутылкой? Нет паспорта? Где проживаете? Телефон есть? Давайте пробьем? Много выпивали?

Сдержанно, вежливо, расторопно я отвечал, но потом устал и спросил:

– Может, я пойду?

– Нет, – с некоторой даже досадой возразил взрослый мент. – Нужно личность установить. Паспорта же у тебя нет.

– Дистанционно давайте, – попросил терпеливый Алёхин.

– Не получится сегодня. Поедем в отделение.

– Я же не пьяный. С другом одну бутылку коньяку выпили – всего-то.

Лет в двадцать я бы побежал со всех ног в сквер и исчез бы там в шевелюре спящего дерева; подслушивал бы оттуда сбившиеся дыхания этих псов и маты; втайне я был бы счастлив – не поймали, скоты!

Бывало, что и ловили. Я тогда или жалобно просил отпустить, не везти в клетку, или совал им в карманы мятые деньги. Последние, мамины. Они хихикали, как целки, и брали. Ни разу я до клетки так и не доехал потому, что всегда было не все равно. А теперь у меня жена под следствием. Хоть в жопу меня засуньте, бездельники.

– Скажу честно, – начал врать взрослый мент. – У нас сейчас проверки. Мы даже соседей обязаны доставлять, если без паспорта.

– И родственников, – добавил молодой.

– Вы сумасшедшие? – поинтересовался я.

Взрослый мент глянул на одного из молодых с автоматом и, поймав мой локоть, сказал:

– Прокатимся до отделения, проверим данные, и свободен, окей? Коль, вызывай танку.

– А назад как? – спросил я, вызвав у них улыбки.

Меня привезли в отделение, пробили паспорт и отправили в пустую клетку. Там было почти что уютно. Только воняло кислым.

На мои вопросы не отвечали. Послушно водили в туалет и воды приносили. Утром, часов в пять, выпустили и вручили штраф за «появление в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте». Настойку не вернули, деньги не взяли.

Менты неспособны говорить правду. Они врут постоянно даже собственным матерям.

Шагая сквозь предрассветную улицу через сквер к автобусной остановке, чуть вздрагивая от омерзения, похмелья и ненависти, я безответно звонил Кате. Если бы в то утро анархист Алёхин обнаружил у себя в кармане гранату, то он знал бы, куда ее швырнуть. Стало полегче, когда трико-лоры остались далеко за спиной. Они вздрагивали от ветра и казались не флагами, а платочками.

Дома я обнаружил кавардак: вещи разбросаны, ящики вынуты, в ванной отколупнуты пару плиток. Собирая машинально тряпки, я не нашел Катиного теплого свитера под горло. И сразу всё понял: обыск и арест. Государство похитило жену.

Теперь я один и совершенно без оружия.

Одному жить выгоднее – денег остаётся больше. Еды теперь доставало, спать было просторнее, больше находилось времени для размышлений. Снова можно было гулять, рассматривая чужие лица, ноги, автомобили. Можно было не заботиться о постороннем на себя взгляде.

Жить без Кати было проще, но незачем.

Дня за два до Нового года умер сосед от ковида. Я наблюдал в глазок, как его тело увозили врачи в защитных костюмах. В Чили, кажется, в новогоднюю ночь ходят на кладбище, чтобы встретить праздник с почившими родственниками. У нас сугробы, поэтому не прийти.

Выпал снег. Помню ночь, в которую алкаш Алёхин бродил по городу с коньяком в кармане. Тишь частного сектора, лай собак, смех старшеклассниц и гул поезда, напоминающий первые страницы «Доктора Живаго». И мороз лезет за шиворот – ах, как я помню эту ночь!

С Катей связи не было. Через адвоката я передал яблок. Он уверял, что арест – это нормально. Все как у всех.

Тридцатого декабря меня уволили. Но не из-за халатного отношения к работе, а просто потому, что сократили штат на пять человек.

– Ваши должности, ребята, съел коронавирус. – Так объяснился наш директор – робкий, вежливый, не признающий никакие рубашки, кроме голубых, сорокалетний культурист.

Безработному Алехину выплатили пособие, и он, в честь этого, накопил Кате громадный пакет вкусностей, намереваясь их передать третьего января. Катина мама привезла теплый свитер, почему-то с российским хищным гербом. Катин отец прекратил общение с зятем в день, когда все узнал.

Я был растерян. Нужно было как-то встретить Новый год. Оказалось, что этот праздник немислимо отметить в одиночестве. В гости ждать было некого. Миша уехал. В Ирландии в Новый год открывают дверь нараспашку, чтобы каждый желающий мог зайти на рюмочку. Веселый народ эти ирландцы. Нам так нельзя.

Я нарядил елку, купил шампанского и что-то приготовил. За всю эту неделю ни разу, ни на одну секунду я ничему не обрадовался. Собственное бессилие раздражало. Тоска, как тошнота, мешала привычным жизненным процессам. Даже запор начался.

Полночь я отмечал, сидя на полу. Слушал Джо Дассена. Ему следует дать Нобелевскую премию мира посмертно или что-то вроде того. Кажется, когда он поёт, что в мире не существует маньяков, педофилов, тиранов, смертей, войны и тюрем, а есть лишь теплый ветер, спокойная совесть и здоровый дух. Хотя и грустно немного.

Шампанское я так и не открыл. Осушил бутылку водки и отпил немного из пыльной бутылки домашнего вина. Катина мама летом угощала. Что говорил и что обещал президент, не помню. Нормальный русский Новый год.

Барахтаясь на ковре, я подавлял тошноту. Молился кому-то о переменах. Пусть все будет иначе в новом году. Чтобы нынешняя жизнь не повторилась. Чтобы всколыхнулось наше вязкое полумёртвое существование. Чтобы Катеньку мою не изнасиловала какая-нибудь старая лесбиянка с липкой вагиной, чтобы Катин шеф нашел деньги и заплатил всем, кому нужно, чтобы все это прекратилось. И, наконец, чтобы все мы: весь район, город, страна, мир – были немедленно счастливы. С января! С февраля на крайний случай.

И наступил 2022 год, и взметал к небу салют, и было трепетно и таинственно.

2022 год наступил, но никто не знал, особенно в нашем приграничном городе, что наступил он каждому на горло, на запястья, на животы и гениталии.

Праздник, знал мудрец Алехин, всегда оборачивается похмельем, поэтому следует пораньше улежеть спать, чтобы утром воскресать было легче.

Свернувшись калачиком, одиночка Алёхин уснул прямо на полу, чтобы проявить солидарность с Катюшей, жавшейся в ту ночь на узких нарах поближе к стенке. Чтобы не было перед ней стыдно, когда все закончится. Чтобы простудиться и бросить пить. Чтобы тот, которому я молился, поверил: Алёхин готов пострадать во имя грядущего счастья.

Бог это Розенкранц и Гильденстерн

1.

Цветку снится, что он бог раздумывающий
: кто меня создал
Центризм вытекает из бетономешалки, ткётся
Демонтаж вещей-как-пауз: детство вещей
не помнит о крещении
Каменное, возвышенное, соль-дизельное
больше скорлупы и скрипки
воздуха

2.

В этом городе пространство патетично
Ради социальной абстракции
Даже сейчас не замкнулось
Шансы и последствия замкнутости – so so
Лодочки госплана качаются, перекачиваются
Тонкая прибрежная гряда
Обнажение
Умолчания замкнутости
Соль камней
Прибой воды
Прибор сна
Проба вед
Утончение дня

<Каждое слово – процесс разрешения или запрета полёта>
Тело образа во рту
Домашняя, доменная каша
Кашель
Воцерковление
<Щедрость к орде>
Ил
Пресс политического
Постель из живого сердолика
Шторм карты

Олег Шатыбелко родился в 1968 году в Переделкино. Окончил Московскую государственную академию лёгкой промышленности. Публиковался в журналах «Новый мир», «Ното legends», сетевых изданиях. Автор нескольких стихотворных сборников. Под гетеронимом Гала Пушкаренко печатался с 2018 года. Предыдущая публикация в «Волге» – Олег Шатыбелко: Стихи Галы Пушкаренко (2020, № 11-12).

Война образов разрезает образы, пересобирая
Она у них священная – они на щите,
на поверхности щита, перед щитом
Серебро гóспода как фон, театральный задник
Занавес
И это лучший миг
Акме
Бог это Розенкранц и Гильденстерн
, любящие друг друга, но не знающие об этом...

Идеальный шторм, замыкающий собой луч маяка

3.

И мы преломили с ним снег
Но в этой точке мышление закрывается
Но в этой точке мышление закрывается

Снимок

Став полностью телом, я иду выложенная в зрение
Вложенная в разрезы (в зерно)
(мысль всегда разрывает мгновение)
в стены, в кирпичики между ног

Шельф грозы; угрозы

Но в этой точке мышление раскрывается –

Мы: внеистины,
восходящие госы,
ищущие свободы
(потом) Внутри огня

дождинки тьмы
толчки времени
потрескивание тишины
ниточки, искры: я – и воровка, и именинница воскрешения

4.

В автомашине есть точка спокойствия

(от внешней суеты)
; свобода равной среди равных
; ты, наконец-то, можешь не быть телом: быть собой;
здесь-релевантной

В дороге есть точка отстранённости

Черта оседлости
(рубикон)
В которой ты не виновата: ты – только гость

Тавтологичность зрения
Зеркало Разрез зерна
<Трудно быть богом>

В слове молока есть и тело, и пост-тело, и цвет
Но нет встречного
Оно не сентиментально
Оно вообще абсолютно не ты
Но в нём есть тень ничто-войны

И когда ты ешь его без вины, руками:
все точки равновесия вещей, образов и слов
(все точки света, всё электричество),
собираются в кровеносное
И кормятся цветобоязнью: открытой, разрезанной:
увидеть себя изнутри причины <забыть Трои>
, как встречного так похожего на отца, но без
правой половины лица стёртой соцреализмом
И вот это разделение: место где ты сама мама и сразу смерть

5.

<в метафоре прячется разница>, минусовка
В её природе есть время остановиться
Аквамариновые <танцовщицы> Дега
всегда вызывали в ней шарнирчики, лабиринты, масочки,
провалившийся в себя грим

Боль – чтобы слышать речь
видеть КАК мы говорим
Уловив волю
Её пастельные приглушённые, приглашённые тона
Волк к болеутолённости
Но чувства не обладают потенциальностью
Они развиваются исподволь

Выворачивая операцию наизнанку
Слово нарастает, бесится
Морфологическое мужеложество
Что за дождь сад-нарцисса построил вчера! –
Искусство же таранит вычитает себя
Ищет избыток-слов утерянный при изречении ничто-войной

6.

... а о чём читать?
О том, что мы не можем высказать?
Что мы молча ждём окончания?..
Мотивчики
Томительность жеста

Межниточки фиксации

.....

Потребность чего ощущал первый написавший стихотворение?
Уловивший мелодию
Каких звуков, звучаний ему не хватало?

Вот это желание касаться натянутого это что –

Бегство стоя на месте : пересахаренное
Прелюдия желания
Эскиз
Рисовать и рисовать
карту свечи – самой становясь конструкцией, мехвалом

Рисковать литанией: замочками изломами реваншизма

.....

стихотворение – это не вызвать приращение смысла (хотя и это конечно тоже) но опередить форму формой найдя собрав машину для производства смыслов узнавание ИНТОНАЦИЮ линию мелодию тело вернуться в тело которого тебе не хватало которое ты искала вынудив из него новый циничный иностранный язык расположив зрение и руки внутри резонирующих пустот

закрыв глаза, увидеть слепок отчуждения
: каскады арок построенные тобой вокруг света –
вот это отделение себя от себя отрицается отрицается
отрицающий прирождён коверкотовым

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-20

В русском жанре-80

I

*Чего только не читали
мои глаза – и вернулись
к вам, чеховские рассказы.*
Михаил Бару

...

В очередной раз обчитавшись Чехова, или, скажем лучше, Чеховым, вдруг мгновенно остро понял, что только он при чтении оказывается столь близко и с невероятно полным чувством жизни никогда не советует, не поучает и даже не сочувствует, а предлагает разделить его убеждение в том, что весь смысл жизни лишь в её неостановимости и его не следует *искать*, на что истрачено столько этих жизней. А до него был только Пушкин, потом же никто.

...

Сидя в очередной раз за Чеховым, обнаружил, что в его прозе до 1888 года, до повести «Степь», почти всё описываемое – время года, погодные приметы, вообще место действия – всё взято из того, что сейчас, за окном. Он избегает того, что было, а всегда берёт то, что сейчас, вблизи. Я не поленился сопоставлять рассказ за рассказом с точными датами первых публикаций, они месяц за месяцем совпадали, что естественно: он и жил и писал сразу, буквально глядя в окно: снег так снег, дождь так дождь, солнце так солнце, что как будто противоречит его словам «Я умею писать только по воспоминаниям...»

Но это из письма Ф.Д. Батюшкову 15 декабря 1897 года, год публикации повести «Мужики», и далее важное уточнение «...и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично». И – прошу обратить внимание на мою отметку: «до 1888 года, до повести “Степь”». Для периода же Чехонте моё наблюдение точно буквально, что можно проверить.

...

Как-то я заметил, что мир Чехова как нельзя ближе именно царствованию Александра III, когда власти нет дела до ежедневного существования человека, а ему до неё. Она где-то далеко, и думать-то о ней не хочется, да и не думают обычные люди – фиг с ней, а это для нас, выращенных советским режимом и надолго прищемлённых автократией, лишь завидная фантазия. Конечно, власть бывала беспощадна, но лишь в политическом контексте.

Рассказ 1886 года «В Париж!» был отзвуком на первые опыты лечения от бешенства по методу Луи Пастера, вызвавшие многочисленные публикации. Есть в рассказе и вторая злободневная тема – обсуждение мер по реформе русского правописания, предложенных в 1885 году академиком Я.К. Гротом, в частности упразднения буквы «ять».

Секретарь земской управы и учитель уездного училища возвращаются, пошатываясь, с именин полицейского надзирателя. По пути «легко воспламеняющийся» секретарь ввязывается в «маленькое недоразумение», где «дюжины две обывательских собак» обливают дворянскую, которая успевает тяпнуть его за палец.

Вскоре к ним («педагог за 7 руб. в месяц жил и столовался у секретаря») «неожиданно явился уездный врач» с тревожным известием: «Говорят, что собака бешеная». И закручивается уездная история, в которой живейшее участие принимает даже предводитель дворянства: *«Вы поедете к Пастеру... Конечно, это немножко дорого будет стоить, – но что же делать? Здоровье дороже... И вы успокойтесь, да и мы будем покойны... Я сейчас говорил с председателем Иваном Алексеичем. Он думает, что управа даст вам на дорогу... Со своей стороны моя жена даст вам двести рублей... Что же вам еще нужно? Собирайтесь! А пачпорты я вам быстро выхлопочу...»*

Педагог рад, а укушенный нет: «Чего я там не видел? Ну его!» И уже на станции пьяный «не вынес и разревелся...

– Не поеду! – рванул он от вагона. – Пусть я лучше сбежусь, чем к пастору ехать!»

Через четыре дня сестры секретаря «сидя у окошка и тоскуя, увидели вдруг идущего домой» пьяного педагога, который рассказал им, как в Курске «в трактире Вася рюмку за рюмкой... “Ты, кричит, на погибель меня везёшь!” Шуметь начал... А как после водки херес стал пить, то... протокол составили. Дальше – больше, и... всё до копейки! Еле на дорогу осталось...

– Где же Вася? – встревожились девицы.

– В Ку... Курске... Просил, что б вы ему скорей денег на дорогу выслали...

Педагог мотнул головой, утёр лицо и добавил:

– А Курск хороший город! Очень хороший. С удовольствием там день прожил...»

Нашлось в рассказе место и рассуждениям педагога о языковой реформе, и живущим с секретарем тётке, свояченице и четырьмя сестрам, всего там одиннадцать действующих лиц, и названы ещё четверо местных жителей, и у всех указан род занятий: кроме служащих в земской управе и училище, в полиции, уездный врач, предводитель дворянства и хозяин трактира.

Есть сцена, где секретарь сидит «на самой верхушке высокого тополя и привязывает там скворечню», а педагог внизу под деревом «держит молоток и верёвочки», а собачья драка прямо-таки отдельный рассказ. И всё это на нескольких страницах!

И – к тому, с чего начал: всё – и скорые заграничные «пачпорты», и то, что Васю в участке полицейские не станут избивать и подбрасывать наркотики, а деньги в Курск почтой быстро дойдут, и прочее, всё это было вполне реально в России конца XIX века, в царствование Александра Мироворца.

...

Дуся – так обращалась в разговоре самая лживая из чеховских героинь Ариадна.

И это обращение он сделал главным с единственной женой.

II

...

Не раз я писал о плотоядности прозы Алексея Н. Толстого, но лишь недавно обратил внимание на то, как именно деревянный мальчик обозвал петуха, вцепившись в которого удирал от Карабаса с Дуремаром:

«– Это ты меня предал, старый котлетный фарш! – свирепо вытянув нос, сказал ему Буратино. – Ну, теперь лупи что есть духу...»

А ведь смышленный герой учится у хозяина харчевни:

«– Пошло прочь, старое бульонное мясо! – крикнул на петуха хозяин...»

Юмор-то юмор, только чересчур кровожадно-гастрономический.

...

С. Чупринин в книге «Оттепель: действующие лица» представляет Вениамина Каверина как редкого везунчика:

«Литературная биография К. безупречна: в ней нет ни строк, ни поступков, которых он мог бы стыдиться. И, надо сказать, его современников это даже смущало: “Бог, – завистливо говорит Е. Шварц, – послал ему ровную, на редкость счастливую судьбу, похожую на шоссе на дороге, по которой катится не телега его жизни, а ее легковой автомобиль”».

Прочитав, я задумался: почему этот писатель интересовал меня меньше других достойных его коллег, даже Федина, романский метод которого так славно определила моя филфаковская наставница Гера Макаровская: *«Сто раз палочкой потычет во все стороны – можно ли ступить...?»*

Когда-то, старшекласником, прочитал почти все шесть томов его собрания (1963-66)¹. Почти, потому что не одолел там совхозных очерков, документальной книги об Осипе Сенковском и пьес. Да, у Каверина есть всё. Есть и повесть² «Семь пар нечистых» о политзеках на судне в войну (публ. 1962 – самый антикультовский год), есть комедия с американскими инженерами в СССР «Укрощение мистера Робинзона» (1933) – похоже на Эренбурга, но преснее, есть даже и сказки. И хорошо помню, что разочарование началось с повести «Конец хазы» (1924), с агентами угрозыска, проститутками, с уголовниками, изъясняющимися на фене, и... скучно, господа, тем более что в то самое время я читал «Гиперболюид инженера Гарина». Правда, несколько увлѣк филологический роман «Скандалист или Вечера на Васильевском острове» (1928) с изображениями Виктора Шкловского, Павла Щѣголева и Алексея Толстого, о чем спустя годы я написал статью: «Пастухов, Бондаревский, Путятин»³, где сравнивал три карикатуры на Ал.Толстого у Каверина, у Федина в трилогии, Булгакова в «Театральном романе», и не в пользу Каверина даже с Федамины. Сопоставления с условно равными писателями Каверин всегда проигрывает, но как-то негромко, ведь не было у него не то что заимствований, но как бы и зависимости от кого-то, разве что от английского романа в сюжетных ходах. Лидия Гинзбург исчерпывающе припечатала: *«Каверин – человек с талантом безответственной выдумки. Он лишен фантазии. Фантазия (Гофман, Свифт, Сервантес) работает ассоциациями; между тем Каверин выдумывает не ряды вещей, а вещи, из которых каждую последующую можно было бы выдумать, не выдумав предыдущей»*⁴. Как сюжетную завязку с утонувшим почтальоном в «Двух капитанах».

Был он человек независимый, а его произведения удивительным образом приходились режиму ко двору. Вот Николай Антонович из романа «Два капитана». В нём писатель без опасе-

¹ Издание это на редкость удачно оформлено, только вопреки всем издательским правилам нигде не указана фамилия художника, что могло быть только в случае большой его провинности – скорее всего эмиграции. Между прочим, в те же годы вышел и столь же необычного для гослитовских собраний формата девятитомник Эренбурга в не менее превосходном оформлении знаменитого Феликса Збарского. Вообще в позднюю Оттепель был и небывалый расцвет книжной графики.

² Книжная аннотация: «Действие повести происходит в первые дни Отечественной войны на Северном Флоте. Молодой лейтенант Сбоев откомандирован на борт старенького парохода “Онега”, чтобы сопровождать груз с оружием. Помимо этого пароход принимает на борт группу заключенных, которых везут на строительство военного аэродрома. Во время следования до места назначения часть заключенных планирует захватить судно и бежать в Норвегию»... короче, политзеки становятся героями ВОВ.

³ Волга. 1982. №2.

⁴ Лидия Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2002. С.395.

ния преувеличить собрал из густого, чрезмерного, словно у Диккенса, как он любил, негатива законченного негодя, а получилось, что в годы публикации тот сделался образцовым примером неразоблаченного врага Советской власти из русских интеллигентов.

Говоря о романе «Два капитана» не будем забывать, что 1-я книга печаталась в 1938–1940 гг., а потом он взялся за благополучное завершение судеб героев и написал 2-ю книгу (1940), где слабости умозрительного реализма писателя уже возобладают. Слабость 2-й книги была сразу подмечена.

«Обилие деталей, может быть, верных и трогательных самих по себе, но увиденных не Саней Григорьевым, а Кавериним, вернее даже не увиденных, а собранных заботливо из того, что увидено другими, похожих и на засушенные цветы, сушит книгу, мелчит и центральный образ, и его автора. <...> Нам жаль, что Каверин написал вторую книгу “Двух капитанов”», – писала Вера Смирнова. Западный приём продолжения повествования чередованием рассказа двух главных героев сильно подвёл писателя: речь Сани и Кати ничем не отлична, и равно бесцветна.

И вот кое-кем статья Смирновой преподносится как донос наверх с целью не допустить при-суждение роману Сталинской премии. Сын писателя отозвался так: *«...была резкая критическая статья Веры Смирновой. Я не помню, за что именно она критиковала роман. Возможно, за то, что там не отражена роль Партии и Комсомола, практически нигде не упоминается Сталин».* Но ничего подобного у Смирновой нет.

В оценках творчества Каверина на первое место как правило выходит его безукоризненная общественно-политическая репутация. Я даже грешным делом думаю, что создавая или хотя бы ощущая малокровие своей музы, он стал эту вялость компенсировать противовластной гражданской активностью. Вернёмся к отзыву Чупринина.

«Особенно жесткими, до нетерпимости, становятся каверинские интонации, когда он обращается к тем, с кем разошлись общие некогда пути-дороги: уличает в “недоверности” и “нравственной фальши” книгу В. Катаева “Алмазный мой венец”, одергивает – “Тень, знай свое место!” – Н. Мандельштам, срамит К. Федина за предательство идеалов их юности. Смолоду эстет и артист, мастер интеллектуальных и художественных провокаций, К., как это и случается обыкновенно в русской литературе, ближе к склону лет становится моралистом, и – особенно когда дело касается былого – моралистом атакующим».

”

Аналогично воспринимаю и Константина Паустовского: не люблю книг, но подобно большинству уважаю независимость.

Большинство-то большинство, но не все:

«Рекламисты. Паустовский в 1956 году хрипел в ЦДЛ, когда обсуждался роман Дудинцева:

“У меня рак горла, мне недолго осталось жить, я должен говорить правду”.

В 1966 году в Тарусе Паустовский хрипел по поводу Синявского: “Не знаю, какова литературная ценность романа, но обнародование романа безвредно”».

(Варлам Шаламов, из записной книжки.)

Пушкинская формула о гении и злодействе, как и возможность соединения преданности власти с несомненным литературным талантом, в его век не могла иметь столь прикладного смысла, как при советском режиме, когда, по замечанию Давида Самойлова, «в нашей литературе поведение стоит произведения».

”

Как-то я посожалел о том, что Всеволод Иванов находится вне внимания современной либеральной критики, которая сильно прополоскала многих советских классиков. Причина, думаю,

была в непререкаемом авторитете его сына Вячеслава, лингвистического гуру либерального лагеря, вот папу и не трогали.

А трогать конечно было за что.

В 1932 году преуспевающий писатель и якобы любимец Сталина¹, Всеволод Иванов взялся утопить новую пьесу Николая Эрдмана «Самоубийца». Вот внутренняя рецензия для альманаха «Год шестнадцатый», который вскоре будет запрещен за публикацию басен Эрдмана и Массы.

«Пьеса Н. Эрдмана “Самоубийца” очень хлесткий, хотя и устаревший фельетон.

Так как сценическая часть оной пьесы нас мало интересует, а больше литературная, то в пьесе несомненно, с одной стороны, огромное влияние стиля Сухово-Кобылина, с другой же, жаргонной прозы, к которой примыкает Зоженко.

Пьеса, по-моему, среднего качества, но т. к. вокруг нее создалась легенда и очень много людей искусства считает, что непоявление ее на сцене или в печати есть факт затирания гения, то я полагаю, оную пьесу стоит напечатать с тем, чтобы разоблачить мифическую гениальность.

Выпады, вроде реплик писателя и т. п., стоит вычистить, ибо они представляют малую художественную ценность и вряд ли ее улучшат, хотя именно эти-то выпады и придадут известный “перец” пьесе, без них она вряд ли представляла бы какой-либо интерес».

Вс. Иванов».

Сам же в те годы публикует несколько новых пьес, а в 1936-м примется и за булгаковского «Мольера» во МХАТе.

А Михаил Афанасьевич оставался верен своему бесстрашию.

«Иосифу Виссарионовичу Сталину от драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне обратиться к Вам с просьбой, касающейся драматурга Николая Робертовича Эрдмана, отбывшего полностью трехлетний срок своей ссылки в городах Енисейске и Томске и в настоящее время проживающего в г. Калинин.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем отечестве, и зная в то же время, что литератор Н. Эрдман теперь лишен возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выражение в прес-се, я позволяю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу.

Находясь в надежде, что участь литератора Н. Эрдмана будет смягчена, если Вы найдете нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо прошу о том, чтобы Н. Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения.

М. Булгаков.

Москва, 4 февраля 1938 года».

...

«31 мая 1971 г. Пока Л.М. Леонов за плотно зашторенными окнами “кодирует” тексты своих книг, написанных “эзоповым языком”, народ в трамваях и пивных, ничего не боясь, трехэтажным матом озвучивает свои мысли, солидарные с текстами классика».

(В. Десятников. Дневник.)

Надо заметить, что художник Десятников был не просто поклонником, но фанатом писателя, и всё же, наслушавшись в электричке гласа народного, не удержался сопоставить.

¹ Не верю достоверности его слов, что якобы отказал вождю, когда тот захотел написать предисловие к его книге, и не столько из сомнения в его храбрости, сколько в явной несклонности Сталина к подобному жанру.

””

Когда-то, в блаженные брежневские дни, в редакции журнала «Волга» заместитель главного редактора Котов любил зачитывать молодым стихотворцам в качестве образцово-показательных строки нижегородца Александра Люкина:

*Крестьянский сын,
Воспитанник завода,
И. волею судьбы
Интеллигент.*

Тогда главными саратовскими поэтами были Исай Тобольский и Николай Палькин, оба прожили до старости, но для надгробия строк не оставили, как бывший до них главным Борис Озёрный (Дурнов), в сорок семь лет раздавленный поездом, на чьей могиле написано: *«Только поэт умирает как лебедь, роняя перо...»*

””

Однажды нам домой пришло письмо с обратным адресом Леонида Леонова (Москва, ул. Герцена, 37, кв. 10) – и отец так взволновался, что, вопросительно задумавшись, долго не открывал конверта. Увы, писал писал ему не сам классик, а знакомый отца по работе в 1952 году в аппарате Союза писателей литератор Николай Стор. Причиной письма была публикация в журнале «Волга» переводного детектива, который желала прочитать супруга Леонида Максимовича, чьим секретарём служил Стор. Помню трагикомическую гримасу отца, прочитавшего просьбу найти и выслать необходимый номер «Волги».

2023

Сергей КОСТЫРКО

ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ ИИСУС

12.10.2015

Солнце за овальным окошком самолета, на стекле снаружи блестят кристаллы изморози.

Внизу облака и небесная синева под ними. Она точно такая же, как и синева сверху, над нашим самолетом. Нет, я, конечно, знаю, что подо мной море. Но самого моря не вижу. Я – в небе.

На коленях моих ноутбук с записями для текста, к которому я никак не могу подступиться. И очень похоже, что вот эта, девятая для меня, поездка в Израиль – акт капитуляции.

Про свои израильские впечатления я написал уже много, даже книгу издал. Но есть мотив, который не отпускает. Который начался со странного переживания – с преображения для меня здесь, в Израиле, образа Иисуса Христа. Переживания неожиданного и острого, но я ничего не записывал – не моя тема. И пропустил, из чего именно начинал выстраиваться для меня этот «мотив преображения». То есть описать ощущения могу, изобразить – нет. Вот, собственно, за впечатлениями, точнее, за старыми своими переживаниями я и лечу. При этом хорошо знаю, что ничего не повторится. И потому дело мое – безнадежное. Но – лечу.

Предполагавшийся сюжет

Библия для меня всегда состояла из двух книг – Старого Завета и Нового. Иисус был из Нового Завета как воплощение любви к ближнему и всепрощения. Ну а главным персонажем Ветхого Завета был Бог, творец всего сущего, Создатель – милостивый, но и грозный, всеограждающий: Всемирный потоп, Вавилонская башня, Исход; Авраам, Моисей, Соломон и так далее до книги Иисуса Навина. И соответственно книги эти воспринимались мною как разные, а может, в каком-то смысле и противостоящие. И, думаю, не только для меня. Не буду ссылаться на Иоанна Златоуста или на упёртого христианина из XII века папу Римского Иннокентия III, первого официального инквизитора и, соответственно, борца с иудейскими ересями (Торой). Достаточно просто сравнить эмоциональное наполнение библейских сюжетов из Старого и Нового Заветов в мировой живописи, на которой мы все росли. Но вот здесь, в Израиле, отличия этих книг вдруг стали для меня стираться, а облик Иисуса, светивший умиротворением с полотен европейских мастеров, усложняться. Я вдруг ощутил, что Иисус Христос гораздо ближе к духу Старого Завета, чем мне казалось. И что никакого противостояния Старого и Нового Завета нет. Вот сюжет, к которому я пытался приступить: соединение для меня двух Заветов в один. Сюжет, как я достаточно быстро осознал, для меня непосильный. Я не библиист, не христолог, не историк, не философ. Я среднестатистический обыватель с гуманитарным образованием (сомнительным по нынешним временам). И я пытаюсь здесь описать, что может происходить с человеком, читающим Библию в Израиле.

Вполне представляю себе реакцию действительно образованных людей или «истинно верующих» на подобный текст. К тому же существует уже огромная, тщательно проработанная литература на эту тему. Тогда – зачем? Единственное оправдание: писание вот этого текста – это мое сугубо личное дело, на какой-либо вклад в библиистику уж никак не претендующее.

Вечер в день прилета

Иерусалим. Предвечерний косой солнечный свет. Я иду от остановки трамвая «Дамасские ворота» к Старому городу. Стены его светят желтым камнем сквозь редкий частокол молодых пальм. При этом все вокруг меня как-то уж очень буднично: плитка под ногами, слегка замусоренный асфальт, утопленные в него рельсы трамвая, тархтеные мотороллера, рюкзаки на спинах идущих впереди, произвольное ускорение моего шага, – загорелся зеленый на переходе, и я тороплюсь успеть, и одновременно – ощущение невероятного: Я – Иду – По – Иерусалиму – Я – У – Ворот – Старого – Города.

В теле моем неостывший гул самолета, левый ботинок еще не просох после лужи у гигантской стеклянной гусеницы Домодедовского аэропорта – во мне, как в подвисшем компьютере, наполовину загрузившаяся картина просвечивает еще той, с чернотой ночного леса за окном такси и наплывающими огнями аэропорта, типа я еще наполовину дома, но вот он я уже вечерний, спускаюсь по каменным ступеням, амфитеатром охватывающим площадку перед входом в Дамасские ворота.

Нет, на Святую Землю нужно ехать так, как ехал рабби Нахман в конце XVIII века – четыре месяца наблюдать из повозки, как сменяются пейзажи украинского Полесья на степи южной России, плыть на корабле из Одессы в Стамбул, а потом из Стамбула в Яффо, где рабби не выйдут на берег и нужно будет плыть дальше из Яффо в Хайфу, откуда путь его потом протянется к Цфату, к пещерам у горы Мирон, где две тысячи лет назад рабби Шимон надиктовывал ученикам «Зоар» – изначальный текст Каббалы. Вот тогда расстояние, которое разделяет тебя со Святой Землей, ты проживешь телом, – многомесячным усилием его ты соединишь себя «полесского» с «палестинским».

Или нет? Или все правильно? XX век изменил жизнь нашего тела. Как минимум, упразднил для него расстояния (и, соответственно, отношения со временем). Иерусалим – рядом. Ночью я сел в такси возле своего московского дома на Шипиловской улице, а вечером вхожу в ворота Старого Города в Иерусалиме.

После узкой – по сравнению с монументальностью всего сооружения – щели Шхемских (Дамасских) ворот, я спускаюсь на небольшую торговую площадь. Толпа вокруг состоит из арабов с редким вкраплением туристов из Европы, а также харедимных евреев в высоких черных шляпах и шапках, редких, но – тем не менее. Упёртые ребята – это ведь арабские кварталы. Поневоле зауважаешь. Далее по улице Эль Вад – к перекрестку Эль Вад с Виа Долороза с крохотной площадью и выставленными на нее столиками тамошней кофейни. И как специально для меня – свободный столик. Я заказываю кофе и прошу принести пепельницу – нет, это не пижонство, а как бы легитимизация моего намерения устроиться надолго. Передо мной часовня, построенная поляками на том месте, где Иисус, выйдя из каменной щели Виа Долороза, первый раз упал под тяжестью креста, а потом здесь же его увидела мать. Под часовой группка израильских полицейских, обвешанных вполне серьезным оружием, – здесь сливаются потоки туристов и паломников с арабами, идущими на Храмовую гору. Я легко определяю в толпе русских, вон того, например, молодого батюшку со светлой редкой бородой, чуть растерянно оглядывающегося и заглядывающего в карту. Он один, он не в группе. Мне нравится вид православных батюшек из России, когда они ходят здесь в одиночестве. То есть не по служебной надобности, а по какой-то своей внутренней потребности. Парень встречается со мной взглядом, произвольно улыбается, что тоже необычно для русского за границей, я, например, научился улыбаться незнакомым людям на улице не сразу.

По соседству со мной английская речь. И польская.

Ну и что я здесь делаю? Вспоминаю. Потому как сюжет преображения Иисуса для меня начался именно здесь.

Я сидел на этом перекрестке несколько лет назад, смотрел снизу на каменные его стены, ощущая себя «древесным червем», только не в дереве, а в камне – в теле древнего города. Нет, я читал, что нынешний Иерусалим по библейским меркам молод, перестроен турками в XVI веке. Но даже если отбросить метафизику, что здесь трудно, то – вопрос, а из чего строили этот город турки? Вполне можно предположить, что вряд ли римляне, а потом последующие завоеватели, разрушая Иерусалим, тратили силы еще и на раздробление тех камней, что остались от его зданий. И скорее всего на строительство нынешнего Иерусалима в XVI веке пошли те же самые камни. И естественно, строился он с произвольным сохранением пространственного и архитектурного кода изначального Иерусалима. Вот это ощущение каменного тела города, сквозь который паломники проложили Крестный Путь Иисуса – Виа Долороза, неожиданно навело на мысль, что Библию нужно читать не с «конца», коим является Новый Завет, а с начала. На прогулки свои в Старый город я обычно брал с собой ее карманное издание с тончайшими страницами и, сидя тогда в этой кофейне, открыл книгу, – а может, мне ее так открыли – на пророке Исае. То есть, как сразу выяснилось, в том самом месте, которое здесь и надо читать. И странно, по ходу чтения голос пророка начал казаться мне знакомым. Почти рефлексивно я перелистнул книгу ближе к концу, к Нагорной проповеди: «...вы слышали, что древним было сказано: “не приноси ложной клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои”. Я же говорю вам: не клянись вовсе...». Вот когда я впервые почувствовал, что Нагорная проповедь перестает быть для меня «медоточивой», а образ Иисуса благодным и умиротворяющим. Речь его выстраивала конструкция: «вас учили... а Я говорю, этого мало»:

«...сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду»;

«...сказано древним: “не прелюбодействуй”. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Это не увещания, это – требование. Я вдруг ощутил в Нагорной проповеди ветхозаветный напор пророка. То есть я читал все того же пророка Исайю, которого неожиданно для меня продолжил Иисус. И ничего в нем не было от кроткого Христа с европейских икон, это уже тот Иисус, который мог сказать «Не мир пришел Я принести, но меч».

Иерусалим как он есть

Сегодня в Старый Город после гуляния по Масличной (Елеонской) горе я входил не через Яффские или Дамасские ворота, а через Львиные. Я прошел под сводами ворот и еще метров двести к Виа Долороза, и слева от меня образовалась узкая улица, точнее – каменная щель под арками, чередовавшимися в этом проходе пятна света и тени. И там, в глубине ее, что-то происходило, вроде как шествие какое-то. Оно приближалось. Впереди шли три подростка. Каждый нес зеленую пальмовую ветвь. Шли быстро. А сзади на них накатывала толпа. Я поднял свой «Кэнон», нажал на спуск, и пока ждал несколько секунд, когда снимок запишется, идущие поравнялись со мной. Толпа мужчин – исключительно мужчин – в светло-серых джалаби, и они скорее бежали, чем шли. Я увидел на уровне плеч плывущий над толпой ящик. Плоский. Длинный. Открытый. Обтянутый зеленой тканью. Я увидел то, или, точнее, того, кто лежал в ящике, накрытого тканью. Ткань белая, прохладная для глаза. Лежащему под этой тканью в ящике просторно. Гроб пронесли мимо меня, вжавшегося в каменную стену. Человек тридцать-сорок. Не больше. Шествие беззвучное. Только шорох шагов. Вытянутую узким проходом толпу завершали трое стариков, вот эти шли тяжело, напряженно дыша, очень старались, чтобы не отстать. Шествие выплыло на Виа Долороза. И я, как те три старика из конца процессии, поспешил за ними. Но даже этих стариков догнать мне не удалось – оказавшись на улице, на свету, я увидел только, как змея этой толпы уже заворачивает направо в другую улицу-щель. Моя камера успевала ухватить только край зеленого

гроба, скользящего в проход. Когда я оказался – через несколько секунд – у этого поворота, то увидел в конце узкой улочки только хвост утекающей процессии. А на Виа Долороза ничего не омрачилось. Та же истомная пластика гуляющих по ней туристов, то же сияние солнца на отшлифованных подошвами камней мостовой и медной посуде на прилавках арабов. Абсолютно – ничего не осталось. Так, сквознячком слегка протянуло. Оттуда. И воздух снова неподвижен. Только один араб лет сорока остался стоять, так же как и я, у поворота. Похоже, только мы двое и успели это увидеть.

Иными словами, при моем входе в Старый город мимо меня пронесли мертвого человека. Нет-нет, никакой символики. Просто для иерархии здешних понятий, чтоб не казался мир Старого города сувенирной декорацией в натуральную величину, о чем изо всех сил пекутся живущие здесь и работающие на туристов люди. То есть вокруг меня не декорации каменные, а жизнь и смерть. Вполне реально. Почти буднично.

Как читать Евангелие

При чтении Евангелий меня смущали поставленные евангелистами на поток чудеса, которые совершал Иисус, – «слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают». Чтение таких мест в Евангелии отсылало меня к давним шепоткам на автобусной остановке у нас в Чурикове на окраине Малоярославца: «Да не слушай ты врачей. Им бы сразу человека под нож. А ты лучше сходи к Степановне. Сходи! Она руки наложит, пошепчет, и все как рукой снимет». Много позже, в начале 90-х, чуриковскую «Степановну» сменил Кашпировский из телевизора, а потом разные «Сударыни Марфы», одну я слушал – барышня неимоверной благостности, но уж очень пылкая: вместо умственного для нее «космическая энергия» выскочило у нее родное «косметическая». Нормально.

Сочетание Христа и «кашпировских» в Евангелиях оскорбляло меня эстетически.

И только на старости лет я обнаружил, что сначала Ветхий Завет надо было читать, то есть осваивать язык той культуры, которая родила Евангелия. И тогда способ буквального прочтения текстов Евангелия отпал бы сам собой. Потому как и язык Иисуса, и язык евангелистов, и вообще язык Библии – язык метафоры.

Какие чудеса творил Иисус?

Слепых делал зрячими. То есть глаза у человека были, и человек смотрел этими глазами, но – не видел. А Иисус «открывал ему глаза». Но ведь этой же языковой конструкцией мы пользуемся и сейчас.

Иисус изгонял из человека бесов, то есть помогал человеку, утерявшему естественную связь с окружающим его миром, связь эту восстановить. Сейчас этим занимается психотерапевт.

Или, самое невероятное, – оживление мертвых, сама идея этого действия: слишком многие из нас, рожденные для жизни, по сути, так и не живут. А Иисус делал их живыми.

Ну и так далее.

Понимаю, как наивно все это звучит. Но я отношусь к породе людей, как выражался мой отец, «незамысловатых». Мне всегда было интересно, как совмещается духовная высота христианского учения с тем уровнем религиозной практики, который сделал ее необходимой для большинства «верующих». Тех «верующих», которым необходимо чудо. А их абсолютное большинство. Предельно огрубляя, Христос для них, по сути, тот Кашпировский.

Гармония мира, которой, собственно, и явлен для нас Бог, ощущается «верующими» как рутина. Бытовуха. Потому им и нужны «чудеса», то есть нарушения законов данного нам Создателем мира, – все эти плачущие иконы, благодатный огонь и так далее. То есть им нужны постоянные доказательства существования бога.

Ну и как я могу называть это верой?

И еще про «истинно верующих»

Пафос прочитанной мною книги Льва Толстого «Царство божие внутри вас» – пафос абсолютно чуждый для меня, который я могу объяснить только тем, что Толстому не довелось пережить XX русский век, – неожиданно помог мне сформулировать для себя определение разницы между мною и «верующим», то бишь воцерковленным, – разница здесь в самом способе постижения истины. Воцерковленный уверен, что постигает истину особым, только ему (им) доступным способом – неким откровением, мистическим прозрением. Но не путем мысли. И отсюда уверенность воцерковленного в своем праве смотреть на меня, непосвященного в его «озарения», сверху вниз. А для Толстого Христос – это свет именно знания, то есть мысли. И уже поэтому перед Христом равны все.

Нет-нет, спорить с «верующими» я не собираюсь. Да ради бога! Я не Мухаммед и не апостол Павел. Мир пытаюсь постигать умом (уж какой есть) или, что будет точнее, своим жизненным опытом, а также – уж извините, – своим «религиозным чувством». «Религиозное чувство» есть у каждого нормального человека, то есть каждый наделен ощущением своей принадлежности к чему-то неизмеримо большему, чем ты; у каждого врожденное знание, что он живет по законам не им и подобным ему определенным. И наука, взявшаяся нам объяснить, что такое мир и как он устроен, тут бессильна по определению. Наука – это сфера деятельности людей, находящихся внутри жизни. Ученые – это люди с завязанными глазами, которые ощупывают слона, не имея возможности увидеть его сразу всего, целиком. Которые пытаются из разрозненных частных построить целое. Но перед самым феноменом жизни наука бессильна изначально. Сделать неживое живым она неспособна.

И что касается моего «религиозного чувства», то оно может присутствовать (и неизбежно присутствует) в качестве неких интуиций, выстраивающих мое размышление. Но не больше. И еще – природа «религиозного чувства» очень близка к эстетическому чувству, а может, это два проявления одного чувства. Эстетика для меня – это еще один доступный нам способ ощутить жизнь целиком, разом; размышление в сфере эстетики это путь от общего к частностям, а не наоборот.

Богомолка

Я увидел ее в группе русских экскурсантов на улице Виа Долороза.

Лет сорока-сорока пяти. Высокая, статная, с просветленным (скажем так) взглядом и задумчивым поворотом головы при словах экскурсовода «а теперь посмотрите...». Очень она старалась выделиться своей одухотворенностью среди прочих экскурсантов.

Я присоединился к этой группе экскурсантов, услышав интеллигентную речь ее русскоговорящего гида – невысокой женщины с короткой стрижкой и загорелым лицом израильтянки. То, что она говорила, не было воспроизведением типового набора фраз, чувствовалось, что ей самой интересно было то, о чем она рассказывала. Ну, скажем, про суд Пилата, который спросил у народа, кого отпустить, Иисуса или Варавву, и народ сказал, Варавву:

«Так мы читаем в Евангелии. Но мы должны помнить, что здесь при переводах букву “б” в арамейских именах обычно заменяли на “в”. То есть Пилат спросил, кого отпустить, Иисуса или Бар-Аббу, а по-арамейски “бар-абба” означает “сын отца”, то есть Пилат назвал известное толпе имя. И толпа естественно потребовала отпустить сына известного ей человека, то есть как своего».

Ну да, может и так. Если, разумеется, этот эпизод вообще мог быть в действительности, в чем историки сильно сомневаются. Про обычай отпускать на Пасху одного приговоренного к смерти

ничего не известно. Откуда он взялся в евангелиях? Скорее всего, это уже элемент трансформации истории Иисуса для Европы, первые попытки отбить Иисуса от евреев и от Ветхого Завета.

Но я здесь – об увиденной в группе женщине. Длинная темно-синяя юбка, голубая с прорезами рубашка-блузка и таких же оттенков платок на голове, то есть в отличие от прочих экскурсантов с непокрытыми головами она жестом богомолницы покрыла голову. И при этом цепляли взгляд – две расстегнутые сверху пуговицы блузки, чуть приоткрывающие верх груди, жест отнюдь не богомольный, но там, в разрезе, был выставлен крест. И какой! Огромный, деревянный, с блестящими камешками. Вряд ли дорогими, но и не стекляшками.

Как потом выяснится, не один я заинтересовался. На проходе от одной «станции» к другой идущая рядом с богомолкой женщина спросила: «Какой у вас удивительный крест! Здесь покупа-ли?» – «Да-да, в Вифлееме. В ювелирном бутике. Дорого конечно, но такое, как вы, наверно, понимаете, раз в жизни бывает. В Вифлееме уже ездили? Как? Да что вы! Обязательно, обязательно! Святое место». Но тут же, как бы устыдившись своей словоохотливости, она замолкает, и на лицо ее возвращается выражение отчужденности и погруженности в себя.

У каждой «станции» она, сделав маленький шагок назад, крестилась с поясным почти поклоном. При этом глаза ее быстро пробегали по товарам, выложенным в арабской лавке по соседству.

Остальные шли молча. Иногда переговариваясь тихо. Она же держалась подчеркнуто сама по себе.

Ну и чего ты к ней прицепился? Чем выбранная тобой поза отличается от ее. Ну да, типа писатель, остро чувствующий, а потом глубоко размышляющий – чашечка кофе, записная книжка, полуритуальная сигаретка и задняя мысль, а хватит ли денег на такси, потому как иерусалимский общественный транспорт по такой жаре – испытание. Ну и плюс раздражение вот от этой «богомолки». Да, конечно, смешна, претенциозна. И что? Она вполне могла бы лежать сейчас на пляже в Эйлате, попивать в теничке местное вино, флиртовать с мужиками, смотреть в интернете фильмы с Гошей Куценко. Но – стоит в каменных сводах Старого города, смотрит на его намоленные камни, как может приноравливается, к здешнему пространству – к «духовному» приноравливается. Отсюда крест на груди и старательно удерживаемое на лице выражение просветленности, своей причастности к «высшему», хотя бы через покупку еще одной иконки в «святом месте», то бишь русском магазине под названием «Магазин Гроба Господня», где никто не лезет без очереди, где все такие вежливые, такие «одухотворенные» – не гречку покупают и не стиральный порошок, – святое покупают. И где еще ты постоишь в очереди рядом с батюшками?

Так что разница между вами только в экипировке. Не более. Ты, по сути, в зеркало смотришь-ся. И нехрена морщиться.

Псалом 21

Читая Евангелия, я немного удивлялся постоянству евангелистов, воспроизводивших – у всех четверых – вот такую подробность в описании казни Иисуса:

«Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий» (от Матфея).

«Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять» (от Марка).

«Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять» (от Луки).

«Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, – да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий. Так поступили воины» (от Иоанна).

Господи, ну что там делить? Можно себе представить, чем была эта одежда: хитон, скорее всего грязный, потный, возможно окровавленный – хитон человека, над которым измывались, которого истязали (бичевали) – это тебе не заячий тулупчик. Но обойти эту подробность казни ни один евангелист почему-то не мог.

Почему так? Да потому, что вот эта подробность казни Иисуса уже тысячу лет присутствовала в тексте Ветхого Завета. Я обнаружил это два года назад, вот здесь же, в Старом городе, читая псалмы царя Давида: «...делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» – Псалом 21. Со стыдом признаюсь, что этого псалма я не читал раньше, то есть читал, наверно, но так сказать неосознанно.

Что представляет этот псалом? Монолог (вопл), в котором вопиющий сообщает, что делят его одежды, а это значит, что одежды ему больше ему не понадобятся. Почему? Об этом другие слова: «пронзили руки мои и ноги мои». Так что это? Это казнь. Распятие.

Мы слышим голос человека, которого распинают. Это самый пронзительный текст из Псалмов Давида. В нем не только хроника происходящего, как в текстах Евангелия, но проживание казнимым того, что с ним делают: «Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильнул к гортели моей, и Ты свел меня к персти смертной».

И начинается псалом фразой «Боже мой! Боже мой! [внемли мне] для чего Ты оставил меня?». То есть начинается он фразой, которую выстонал Иисус на кресте, «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Евангелие от Матфея, глава 27, 46). Читая этот псалом, мы из наблюдателей за казнью, соблюдавших установленную евангелистами дистанцию с описываемым, входим внутрь происходящего – мы становимся тем, кого казнят, и невозможно избавиться от чувства, что это Иисус. «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои» «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: “он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему”», «...а они смотрят и делают из меня зрелище...».

Иными словами изображение казни и предсмертного страдания Иисуса присутствовали в Ветхом Завете уже за тысячу лет до написания Евангелий.

Сознаю, что это «мое открытие» стыдное – достаточно было воспользоваться сноской «Пс 21» в тексте Евангелия, чтобы найти соответствующую строку из этого вот псалма. Открытием оно было только для меня. Но, собственно, об этом и мой текст.

От пророков

Тель-Авив. На улице Аленби, неподалеку от рынка меня обогнала – я катил груженую за купленным на рынке харчем тележку в тень под деревьями фикусов – меня обогнала молодая негритянка бомжеватого вида. Неимоверно худая и высокая. Маленькая головка, вытянутая шея, короткие всклокоченные волосы, стоящие дыбом. Грязное темно-коричневое платье вдоль длинного тела. Походка неврастеничная, как будто качает ее. Лет двадцати или тридцати – не понять. Мотнулась за угол и пропала.

Я увидел ее снова минут через двадцать, расположившись в уличном кафе. Сидел я, имея в поле зрения трех барышень за соседним столиком в открытых, скажем так, платьях, то есть нужно было делать специальное усилие, чтобы отвести взгляд от обнаженных плеч их, рук и глубоких, стекающих под платьях ложбинок меж грудей. Сзади меня – двое парней, говоривших по-русски.

Она вышла откуда-то сзади. Стремительная, как на ходулях, походка. Прошла мимо меня, мимо девиц и вдруг остановилась, развернулась перед столиком моих соседок и замерла, упер-

шишь в них взглядом. Лицо ее искажилось. И она начала говорить, что-то резкое – слово за словом, фразу за фразой, как будто стихи читала, все повышая и повышая голос. Девицы застыли. Ярость ее все нарастала, она взмахнула своей длинной худой рукой, и рука ее смела со стола бутылки с водой и чашку с кофе. Девицы коротко взвизгнули. Задребезжало стекло по каменному полу улицы. Из кофейни выскочил бармен: «Тварь, ты что делаешь?!» – тут мне и переводчик не понадобился. Негритянка, не обращая на него внимания, наклонилась над онемевшими от ужаса девками и хрипло, с тем же накалом, отделяя слово от слова и сопровождая каждое движением руки с вытянутым вверх пальцем, произнесла еще несколько фраз. И замолчала, распрямилась горделиво, начала переходить улочку и только в этот момент, видимо, услышала крики бармена, остановилась, крикнула что-то коротко, как плюнула, крик ее закончился неожиданным движением – она пнула ногой велосипед, прикованный к столбу цепочкой. Велосипед, как несчастное животное, крутанулся вокруг столба, полетели на асфальт пакеты из коробки на багажнике, покатались по асфальту баночки с пивом. Из-за столика за мной с рычанием вскочил парень и кинулся к велосипеду – не сказать чтобы так уж решительно – собирать свое хозяйство. Затормозили две машины. Негритянка торжествующе закивала головой, ткнула пальцем в небо, повернулась и скрылась за домом.

– Вот ведь сука, – бормотал парень, поднимая с асфальта раскатившиеся баночки.

Девицы за столиком поспешно укладывали сумочки. К девицам спешила официантка. Ну а я спросил у вернувшегося парня:

– Чего она кричала этим девушкам?

– Да бред какой-то! Бред! Вы заставляете солнце светить на ваши блядские плечи и титьки. Вы оскверняете своими губами воду. Ваше дыхание делает воздух отравой. И будут тела ваши смердеть, волосы повылазят с ваших голов и вместо пояса будет веревка. Ну и напоследок выдавала: огонь с неба поразит вас. Будете гореть как солома.

– Короче, прокляла она нас, – усмехнулся приятель пострадавшего.

Усмешка получилась кривоватая.

Который из них Иисус?

При чтении Евангелия я всегда был вынужден выбирать себе Христа, или толстовского, который говорит, «возлюби ближнего своего», или того, который – «не мир я принес вам, но меч», который так напутствует своих учеников: «а если кто не примет вас и не послушает слов ваших» «отраднее будет земле Содомской или Гоморрской в день суда, нежели городу тому». А ведь не то чтобы зло какое причинят несущим христово учение жители этих городов, но просто – проявят равнодушие. Ну и где здесь «если кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему другую»?

Встреченная им хананейка просит помочь больной дочери – ответ: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Нет, дочери несчастной женщины он помог, так сказать, «бросил хлеб», но все-таки – как особи из семейства «псов», а не равному себе человеку.

То есть был упертым воинствующим националистом. Ну а про то, что для Бога «несть ни эллина, ни иудея», так это, извините, не Иисус, это уже – апостол Павел.

Ну и которого я должен выбирать?

И вот читая Евангелие здесь, я вдруг почувствовал, что проблема вот этого выбора исчезает сама по себе. Что нет противоречия между Иисусом, который «меч», и Иисусом Нагорной проповеди с его «Возлюби ближнего как самого себя». Он везде один и тот же, везде один и тот же яростный напор: «сказано вам... а Я говорю». И клотание в горле не увещающего, а приказывающего, и это не клотание Иисуса из Назарета, а Того, кто избрал его для произнесения этих слов. Сила, которая шла через ветхозаветных пророков, а теперь идет через Иисуса.

Простой вроде вопрос: а ветхозаветный Бог добр? К своему избранному народу вроде как да. Ну а к остальным, которых сам же и создал, «по образу и подобию своему», которых наделил каким-никаким разумом и привязанностью к жизни? Зачем тогда был Ему нужен всемирный потоп, о котором вспоминает Иисус: люди на земле «ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (от Матфея, глава 24, 38). И кстати, вспоминает об этом эпизоде Иисус с внутренним принятием этого действия, добавляя: «...Так будет и пришествие Сына Человеческого» (то есть его, Иисуса).

Ветхий Завет переполнен жертвами Создателя, взять тот же Иерихон – жили люди себе и жили, никому не мешали, Ему, думаю, тоже, но решил Он на это место других людей поселить, и потому этим другим было поручено уничтожить жителей этого города. «И предали заклятию всё, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом» (Книга Иисуса Навина, глава 6, 20), с чувством божьего благословения истребили.

Ну и так далее.

Ну а если поднять глаза от Книги, если оглядеться сегодня – в чем был божий промысел с цунами в Индийском океане 2004 года, унесшим в океан и умертвившим на берегу под завалами пляжных строений, магазинчиков, модулей отелей сотни тысяч человек? Или землетрясение в Турции 2023 года? Или тысячи и тысячи убитых и покалеченных в Украине, посреди обустроенной для жизни сверхцивилизованной Европы XXI века?

Нет, тут должны быть какие-то другие мерки – Бог не измеряется «добром» и «злом». Он воплощает то, что лежит в основании мировой гармонии. А в основании этой гармонии лежит – и никуда от этого не денешься – обязательное присутствие не только добра, но и зла. Гармония жизни – это, похоже, совсем не то, чем мы привыкли ее считать. Это нечто, на самом деле, страшное, неподъемное для нашего разума и чувства, и уж никак не похожее на образы торжественной ночной тишины над горами со свечением снежных вершин и миганием звезд. С подлинной гармонией плохо сочетается пиитический восторг философов – «Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас наполняют ум все новым и возрастающим восхищением и трепетом, тем больше, чем чаще и упорнее мы над этим размышляем».

Или еще один вопрос, чем так разгневал Создателя им же избранный народ, что он допустил Холокост? Не пожалейте двух часов из своего двухнедельного отпуска в Израиле на обход музея на Яд Вашем, чтобы этот вопрос был сформулирован и вами.

Тут что-то другое. Зачем-то нужно, чтобы все мы вместили в свое представление о даре жизни, которым одарил нас «Всеблагий», и ЭТО. Я не знаю, зачем. Я только знаю, что когда мы думаем об этом, мы непроизвольно шуримся.

Да нет, я тоже шурюсь.

Ну а Иисус был голосом все того же Ветхозаветного Бога.

Про «историческое время»

На Галилею я смотрю сейчас из окна автобуса, приподнятый над землей полотном шоссе и колесами автобуса, смотрю сквозь ажурные металлические конструкции опор высоковольтных линий электропередач, сквозь мелькание рекламных щитов, строения автозаправочных станций, заборы и летящие назад деревья, и вдруг слева в просвете между остановившимися перед светофором машинами я вижу зеленый дорожный щит с надписью «Назарет»...

На самом деле не надо напрягаться и воображать что-то такое исключительно архаичное. И при Иисусе было так же – толкотня на узких улицах городков и поселений, оклики людей, смех, верблюд с поклажей, загородивший проход, каменные слипшиеся друг с другом низенькие дома и здание синагоги «до неба вознесшегося» Капернаума, смотревшееся когда-то громадой нынешнего торгового центра Тверии над старой городской застройкой. Там была та же жизнь – хло-

потливая, насыщенная, с похожими межнациональными, межрелигиозными напряжениями, только отодвинутая на 2000 лет назад.

Галилейское море

Скудность пейзажных деталей в Евангелиях заставляют предположить такую же скудность, аскетичность пейзажа Галилеи. И потому роскошь того, на что сейчас смотрю, поражает. Я сижу на берегу Кинерета (Генисаретского озера, Галилейского моря, Тивериадского моря). Озеро неподвижно. «Неподвижно» здесь слово бессмысленное, но ощущение этого озера рядом почему-то требует именно его. Под ногами у меня мелкий щебень, дальше прозрачная вода с выступающими из нее замшелыми верхушками камней, и еще какое-то пространство остается для моего глаза воды, ну а дальше гладь ее как будто растворяется в воздухе, и озеро, все, с невысокими горами на горизонте с той стороны, становится лежащим передо мной небом – с нежнейшими переливами цвета от голубого вверх и сизого вниз.

Большая лодка плывет где-то в километре от берега, не дальше, нарисована она вполне отчетливо, я вижу невысокую мачту, вижу белый тент, натянутый над палубой. Но лодка эта как бы висит в светящемся мареве, в непонятной глазу субстанции.

Цапля, колыша тяжелыми распахнутыми крыльями, проплывает низко над водой и опускается на камень у берега, складывает крылья и превращается в силуэт: длинный клюв, головка, изгиб и вертикально идущая вниз линия длинной шеи, которая расширяется в стекающую каплю ее тела над длинными ногами. Здесь нужен китайский график и каллиграф, потому как силуэт цапли, ставший вытянутым сверху вниз иероглифом, представляет собой изыск письменной графики.

Порыв ветра, и озеро где-то посередине разделяется серой полосой ряби.

Пейзаж, написанный светом.

Понятие времени, которым мы заговариваем жизнь, имеет отношение далеко не ко всему, к чему мы его прикладываем. Поднимите глаза к небу, к текущим по нему облакам, к текущему по озеру свету и скажите, в каком вы времени, в каком году? Чтобы ответить на этот вопрос, вам нужно посмотреть на дизайн машин, припаркованных на автостоянке Капернаума, на марки фотоаппаратов проходящих мимо туристов. Ну а если протянуть взгляд над поверхностью озера, или погрузить глаз в листья растущей неподалеку сикоморы (смоковницы)? В каком вы веке?

Как осознал я уже в сильно зрелом возрасте, понятия пространства и времени всегда были для меня понятиями еще и религиозными. Я помню тот холод в теле, ужас почти, когда подростком я пытался представить, что такое бесконечность космоса. То же самое со временем. Оно ведь тоже бесконечное, ну а что это значит? Откуда оно взялось и куда денется, ведь по идее все имеет начало и конец. А у пространства и у времени нет начала и нет конца. По определению. Вот это смятение, холодок от недоступности этого понятия и есть, может быть, единственное доступное нам переживание присутствия Бога.

Ну а Бог, который в Библии, создавался людьми. Это Бог одомашненный. Тут все как у нас, скажем, рай и ад, как специально обустроенные пространства для праведников и для грешников. И Страшный суд, то бишь небесное судопроизводство, обустроено по нашим же земным представлениям о справедливости. Ну и все происходящее на небе с Богом, ангелами и архангелами, с Сатаной и падшими ангелами строятся для нас по законам романного сюжетостроения. От Ветхого Завета до, скажем, современного массового кино (посмотрите, если не видели, замечательный фильм Агустина Яниса «Нет вестей от бога» с Пенелопой Крус). Бог в Библии может явиться к людям, он разговаривает с Моисеем через неопалимую купину, он приходит в гости к Аврааму. Бог может ссориться с людьми, Иаков, например, вообще вступил в телесную схватку с Богом, и тот потом одаривает Иакова за упорство именем Израиль.

Ну а самая пронзительная версия Бога для нас – это Евангелия.

К Евангелиям относятся по-разному. Василий Розанов, например, упрекал евангелистов в узости взгляда, в том, что там нет, в отличие от Ветхого Завета, подлинной религиозной космологии (я имею в виду так называемый «космологический аргумент» в защиту существования Бога, выдвинутый еще Аристотелем), что все слишком камерно, замкнуто в человеческих понятиях. Как будто мало ему «космологии» в Ветхом Завете. Но у Евангелий изначально другой сюжет с максимально приближенным к человеку «образом бога»: Евангелия – о непосредственной, интимной почти связи человеческого и божественного. Великий миф о сыне человеческом (пишу с маленькой буквы, чтобы приблизить самоназвание Иисуса «Сын Человеческий» к первоисточнику), ставшим богом.

Ну а уж коль я упомянул про «космологический аргумент» в защиту существования Бога, выдвинутый когда-то Аристотелем и развитый потом христианами и исламскими теологами, то – небольшое отступление. «Аргумент» звучит так: «Всё должно иметь причину. Цепочка причин не может быть бесконечной, должна быть самая первая причина». «Вселенная как состоящая из вещей, имеющих свою причину вне себя, сама должна иметь свою причину вне себя» – «этой вот первопричиной Вселенной является Бог». Формулировка выглядит завершенной, почти как математическая формула. Для меня она выглядит убедительно. Но не по причине безупречности ее логики, а наоборот – по причине ее логической – для меня – беспомощности. Здесь используется слово «первопричина», употребление этого слова заставляет предположить, что существовала точка во времени и в пространстве (пусть и «нематериальном»), в которой появился Бог. И здесь соответственно – детский вопрос, а кто и когда создал Бога? Что это была за сила? И – в свою очередь – что за сила, создавшая силу, создавшую Бога? И так далее, и так далее, и так далее. И здесь мы снова упираемся в то, что нашим разумом не пронять. По определению не понять, как невозможно поднять себя за волосы. Мы только чувствуем холодок мысли о присутствии все той же бесконечности пространства и времени, которое для нас и есть догадка о существовании Бога.

Храм Гроба Господня

Что такое этот храм? Говоря сегодняшним языком, – перформанс. Все сразу и все в одном месте, просто переходишь из зала в зал, из одного придела храма в другой: при входе в храм вы поворачиваетесь направо и поднимаетесь по деревянной лестнице наверх, на Голгофу. И вы на том самом месте, где распинали Иисуса. Место казни оформлено как алтарь. Справа в стене окно, за стеклом которого вы видите камень Голгофы, и абсолютная чернота плоти Лобного места не может не завораживать. Вы погружаете взгляд в неимоверно далекое прошлое, которое сейчас перед вами. Слава богу устроителям храмовой «Голгофы» хватило ума сделать изображение распинаемого не скульптурным изображением и не картиной маслом, а достаточно условным силуэтом. Постояв перед ним, вы спускаетесь по второй лестнице и оказываетесь у каменной плиты, на которой Иисус лежал уже мертвым. Здесь его обмывали. Ну а далее – еще десяток или два десятка шагов – огромное пространство центрального придела храма, на дне которого кувуклия – надгробная часовня над пещерой-гробом Иисуса. Здесь можно свечу поставить, а можно, отстояв длинную очередь, и в гроб Иисуса зайти (меня на это не хватало). Далее просторные темные коридоры с росписями на стенах и входами в другие помещения, а также лестница вниз, спустившись по которой, вы увидите просторную пещеру с могилой Адама в углу, причем эта могила, как утверждают экскурсоводы, как раз под тем местом на Голгофе, где был распят Иисус, и откуда кровь его капала вот на эту вот могилу Адама. Ну и так далее. Все тут компактно, все удобно для

осмотра. Вы, переходящие из придела в придел, начинаете чувствовать себя на сложно устроенной многоуровневой театральной сцене, двигаясь по которой, вы воскрешаете для себя великий миф. Воскрешаете Иисуса Христа. Продолжаете работу евангелистов.

В зеркалах

Должен оговориться: написанное выше в интонации приподнятой, если ни выпренной, отнюдь не отменяет для меня текста, который накапливался у меня в блокноте – записей за русскими туристами. Вот несколько:

Фотографирование у кувуклии в Храме Гроба Господня: «Коля повернись. Вот так. Губы, губы-то подбери! Сделай лицо. Вспомни, в каком месте находишься!.. Теперь – меня. И чтобы дверь в гроб была видна».

На Виа Долороза:

я слышу интеллигентную речь женщины-экскурсовода. В данном случае, персонального экскурсовода, она сопровождает маленькое семейство нового русского: сорокалетнего «пацана», с тяжелой золотой цепью на шее, его тридцатилетнюю красотку-жену и их восьми-девятилетнего сына, который, не обращая внимания на предостережения экскурсовода, лез за все ограждающие экспонаты шнуры, чтобы руками все потрогать, ну а родители этого сопляка, уже точно знающего, что он – хозяин жизни, не останавливали.

В паузах между объяснения экскурсовода жена нового русского пытается поддерживать соответствующую моменту интеллигентную беседу:

- А вот этот храм кто строил?
- Ватикан
- Като-о-олики? – недоуменно морщится женщина. – А этим-то здесь вообще что нужно?

Из рассказов Любы из Текоа, работавшей экскурсоводом:

- «– Скажите, а к мощам его чудотворным можно будет подойти.
- Каким мощам? Простите, но ведь он вознесся!
- И что, ничего не осталось? Совсем?!
- Вы знаете, нет. Не осталось.
- Ой как жаль!»

«Вопрос русского экскурсанта:

– Так это что? Вы что, действительно хотите сказать, что Иисус Христос был евреем? Я вас правильно понял?!»

«Одна из русских после завершения экскурсии:

- Вы такая умная, такая образованная. Вам обязательно надо креститься. И читать правильные книги, а не эти ваши, бесовские
- Почему это они бесовские
- Ой, бросьте! Все же знают, что в ваших книгах».

«Я подвожу группу русских, которую сопровождает батюшка, к Стене Плача, рассказываю про Храмовую гору и строительства Второго Храма царем Иродом.

– Царь Ирод, – встревает батюшка, обращаясь к паломникам, – это тот, который убивал православных младенцев

– Помилуйте, батюшка, но Ирод умер до рождения Христа. А православия тогда вообще не было.

– Это неверие в тебе говорит. Неверие! Креститься тебе надо».

Ну а на последней записи за Любой я бы хотел остановиться чуть подробнее – это был рассказ про русскую паломницу, которая забыла взять с собой на экскурсию в Вифлеем загранпаспорт, и арабские пограничники на границе с Палестинской автономией, в которой Вифлеем и Храм Рождества Христова расположен, отсекли эту женщину, велев дожидаться свою группу в автобусе, в котором приехала из Иерусалима. Остальные пересели в уже палестинский автобус и уехали. А она вместе с Любой и шофером осталась на границе. Вид у этой женщины, рассказывала Люба, был поначалу какой-то испуганный, подавленный. Она забилась на последнее сидение в автобусе и затихла. Потом Люба услышала тихий плач, потом рыдания. Люба подошла утешить, сказать, что возьмет ее завтра на эту же экскурсию с другой группой, но та как будто вообще не слышала ее.

Люба погладила ее по плечу, и женщину затрясло, она вдруг скинула туфли и начала ими бить по стеклу автобуса. Прибежал шофер, схватил ее за руки, удерживать ее Любе было не под силу. Женщина выкрикивала:

– Я к вам сюда ехала... я хотел увидеть... для меня это было... а вы, жида проклятые, вы нашу землю отобрали!!!

– Как это вашу? Почему эта земля ваша?

– А потому что по ней ходил наш Христос

И мне вдруг представилась эта женщина, приехавшая в Израиль, со своим Христом. Представил ее шок от самой этой страны с ее жарой, толчеей на улицах, громогласными торговцами на рынках: для нее все тут казалось диким: все черноволосые, черноглазые, как у понаехавших в Россию, и все у них навыворот – буквы на афишах, даже не английские, а не пойми какие, и газеты свои они читают справа налево, не как все люди. После дня в ихнем городе не заснуть, голова гудит. Как болезнь какая-то. И что? Это и есть страна Иисуса, как ей каждый день пытаются впарить экскурсоводы? А Иисус с крестом на Голгофу шел через их арабский рынок?! Но ведь этого быть не может! Это Христос ненастоящий. Настоящий остался у нее в родительском доме, в иконостасике с лампадкой, перед которым по вечерам тихо молилась бабушка. Иисус это тот, который на иконах в их церкви и про которого рассказывал отец Тихон, такой же тихий, такой же благостный, как Он. Когда она по вечерам, оставив пьяного мужа спящим на кровати, одетым, только сапоги с него сдирала, уже бесчувственного, когда она по морозу пробираясь между сугробов на слабый огонек из их церкви на окраину села, вот тогда она шла к Христу. В полупустой церкви пахло угольным дымком из печки, которую растапливает матушка, и было тихо, покойно, и можно было помолиться у иконы Божьей Матери, свечку поставит за бабушку, за мать и отца, отпетыми в этой же церкви. Она оглядывалась на редкие звуки открываемой и закрываемой двери – входили ее подруги и единственный на все село прихожанин Сергей Никодимыч, а потом – придурковатый Родька, затихавший в углу, и в открывшейся на несколько секунд двери она видела сугробы и черное небо со звездами, и еще дальние огоньки машин на шоссе. И как же хотелось ей самой пройти по земле, по которой ходил Христос. Три года она откладывала деньги, немного дала в долг подруга, и даже племянник, пусть и посмеиваясь, типа, блажит тетка, возил ее сначала в город, в милицию, оформлять паспорт для поездки за границу, а потом отвез ее в Кольцово, в аэропорт и дал на дорогу сто долларов. Но она благодарна ему была безмерно. И что, все зря? Нет здесь ее Христа, что бы ей не говорили. Да ее даже к храму над пещеркой, в которой он родился, не подпускают! Или это знак свыше? Жида проклятые, ну не жида, арабы, да какая разница!

Да, действительно, не надо было ей приезжать в Израиль.

Для всех нас, воспитанных европейской культурой, Старый и Новый Завет в известной степени отдельные книги: Ветхий Завет – это книга про «их», евреев, историю, а Новый Завет – про нашего бога Иисуса Христа. То есть Ветхий Завет – для них, евреев, а Новый – для нас. О христианстве как форме европейского антисемитизма, закрепленного в этом качестве уже полтора тысячелетия самой церковью (Иоанн Златоуст и последователи), естественным образом включающим и противопоставление Ветхого и Нового Завета – об этом писать не буду по причине безбрежности темы.

Нет, я могу предположить, что могло вот так, парадоксальным образом, питать юдофобство религиозных европейцев. Ну, скажем, спрятанная где-то очень далеко, в глубине национального самосознания психологическая травма: отказ от своих богов – Зевса, Посейдона, Тора, Одина, Велеса, Дажьбога и других (над последними, кстати, еще и надругались, сбросив их идолов в реку). Но как-то они уговорили себя не помнить. Мне, например, всегда было интересно, как воспаленный антисемит Достоевский, убеждавший себя в своей неимоверной любви к Христу, вплоть до «если истина не в Христе, я все равно останусь с Христом», ходил к причастию, как «приобщался Телу и Крови Иисуса Христа», то есть брал в рот кровь человека, рожденного жидовкой. Но ум литератора изворотлив, как-то для него все это уравнивалось, как и для остальной массы «истинных христиан»-антисемитов.

Тем не менее, записи мои имеют определенное отношение к теме христианского антисемитизма, поскольку я как раз и начал разбираться для себя о соотношении двух Заветов.

Распятие

Чем бы я закончил этот сюжет, если бы хватило сил? Сценой распятия.

Точку в сюжете ветхозаветного Иисуса поставила для меня последняя фраза из Моления о чаше: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». Центральная для меня фраза в Евангелии.

Свою смерть на кресте Иисус выбрал сам.

Какая это смерть? «Продолжительность казни составляла от нескольких часов до нескольких дней, в зависимости от метода, состояния здоровья казнимого и условий окружающей среды. В обзоре научной литературы отмечаются следующие возможные причины смерти при распятии: инфаркт, остановка сердца, гиповолемический шок, ацидоз, асфиксия, аритмия, и эмболия лёгких. Смерть может наступить от любого из этих факторов или от комбинации нескольких из них, а также по другим причинам, включая сепсис вследствие инфекции ран от гвоздей, либо ран, полученных при бичевании, которое часто предшествовало распятию, от обезвоживания организма либо от хищных животных».

Приблизиться к происходившему лично мне, например, помогает кино при всей его условности, ну скажем, «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе, снятое по мотивам романа Казандзакиса и Евангелий. Именно по мотивам, но с попыткой приблизиться к самой плоти того действа, которую воссоздает Скорсезе. Иисус в первых кадрах фильма – плотник, выстругивающий перекладки для крестов, на которых будут распинать. И здесь с самого начала важна именно плоть происходящего, которую создает на экране Скорсезе. Перекладину для кресте выстругивает у него не рубанок или шлифовальный какой инструмент, делающие поверхность абсолютно ровной, нет, на экране шербятый, неровно обтесанный скребком брусок, в поверхности которого как бы остается присутствие рук человека, это рукодельная перекладина, хранящая тепло ладоней плотника, и потому вбивание такого же рукодельного четырехгранного гвоздя в

ладонь приговоренного к распятию в фильме, крик распинаемого, рядом с которым находится Иисус, переживаются зрителем на уровне почти физиологическом, я бы употребил словосочетание как «интимно близкое».

И кстати, Скорсезе точен в фильме – приговоренный к распятию нес к месту казни не крест, как принято изображать на иконах и картинах, он нес вот эту перекладину, положив на плечи и уподобившись кресту. Потом перекладину эту с прорезью посередине клали на землю, вставляли в прорезь перекладины штырь на конце столба, закрепляли, и уже потом на это деревянное ложе клали человека. У Скорсезе все это происходит, повторяю, совсем близко от плотника Иисуса, и он не может не смотреть, как входит кованный гвоздь в ладонь, не может не слышать крик казни-мого. И уж кто-то, а этот Иисус знал, на что идет, соглашаясь на распятие.

Я понимаю сомнительность написанного выше, но почему Скорсезе и Казандзакису нельзя делать то, что делали великие художники, да и, простите, составители Евангелий, писавших по мотивам устных преданиям. Первое из Евангелий – от Марка – написано через сорок лет после смерти Иисуса.

И не надо смотреть на лакированные, коричневого дерева кресты в арабских лавках из Старого города, ставшего базаром при Виа Долороза, на картины европейских художников, на которых уж очень как-то «гармонично», успокоенно расположен на кресте Иисус, ну скажем, на исключительно красивеньком «Распятии» Виктора Васнецова в росписях Владимирского собора в Киеве с композицией из лебединых крыльев ангелов, окруживших умиротворенный лик Иисуса на кресте. В русской живописи к теме этой ближе всех подошел Николай Ге в картине «Распятие» 1892 года, где Иисус на кресте – это, прежде всего, образ непереносимого страдания. Вот реплика Толстого по поводу снятия этой картины из экспозиции очередной выставки Передвижников 1894 года как картины, оскорбляющей чувства верующих: «бойня какая-то» – «Слова эти всё говорят, – написал он Ге, – надо, чтобы была представлена казнь, та самая казнь, которая теперь производится, так, чтобы на нее было так же приятно смотреть, как на цветочки. Удивительная судьба христианства! Его сделали домашним, карманным, обезвредили его и в таком виде люди приняли его, и мало того, что приняли его, привыкли к нему, на нем устроились и успокоились... Снятие с выставки – ваше торжество. Когда я в первый раз увидел, я был уверен, что ее снимут, и теперь, когда живо представил себе обычную выставку с их величествами и высочествами, с дамами и пейзажами и *nature morte*’ами, мне даже смешно подумать, чтобы она стояла».

«Господи, зачем ты оставил меня» – это жалоба брошенного сына. Сына к отцу, который всегда был его опорой. И что отец, отдавший сына своего на такое на такое смертное, без надежд, отчаяние? Каково ему было смотреть, как распинают его сына? Не мог Он не любить своего сына.

Воскресение тут уже значения не имеет. Иисус Христос вначале был Иисусом Назарянином, когда ходил по земле, когда жил в Галилее, когда проповедовал в Капернауме и на берегах Кинерета. После смерти он стал Иисусом Христом, стал ипостасью Бога. А Иисуса Назарянина не стало. Он умер на кресте. И эта смерть, действительно, – смерть.

В Гефсиманском саду стоят уже не те оливы, возможно, при Иисусе там были молодые деревья, а не вот эти древние, с корявыми свехкрязистыми столами, каждый из которых величиной чуть ли не превышающей зеленую крону дерева над собой. Там был сад, а не мемориал. Под одной из этих олив молился Иисус Назарянин. Я не могу сказать, что так было. Но и не могу сказать, не было.

И ночь стояла, как ей и полагается, темная и холодная. На пасху в Иерусалиме среднегодовые температуры ночью 13–15 градусов. Пожалуй, только в хитоне было холодно. Возможно, стоял туман. И озноб, который бил его, был не только от холода. В тот момент он остался в полном одиночестве. Даже ученики покинули его. Они спали. Он был один на один с тем решением, которое должен был принять. Он знал, что за ним придут и что будет дальше, и мог уйти. Спрятаться.

Исчезнуть. Просто жить. Наделенному евангелистами нечеловеческой силой ходить по водам, превращать воду в вино, то есть много раз нарушать законы природы, такое было бы несложно. И он знал, что такое «распятие» – многочасовая, если ни многодневная агония, с ощущением рвущихся под тяжестью тела рук, прибитых к куску грубо обработанного дерева, с обмороками от нестерпимого зноя, с капающей и засыхающей кровью на голой коже, в которую впиваются кровососущие насекомые, с собаками подпрыгивающими, чтобы куснуть еще живое мясо ног. «Крест» – это когда человек весь состоит из нестерпимой боли. Нестерпимого отчаяния. И какая в этот момент разница, несколько часов у него впереди, или дней, или столетий, – интенсивность этого ужаса снимает вопрос продолжительности, она делает муку вечной. Хотя бы потому, что впереди ничего не будет.

И в эту ночь он обратился к отцу: «Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня». И тут же, в этом молении, искусу остаться живым Иисус противопоставляет свое, именно свое, ветхозаветное: «Но не как Я хочу, но как Ты».

Вот фраза в Евангелиях, соединившая для меня Ветхий и Новый завет.

К Стене Плача я подошел 27 октября 2007 года, на следующий день моего первого приезда в Израиль. Со страхом подошел, зная по опыту, что годами взращиваемый образ почти всегда уничтожается реальностью. Нет, разочарования не было. Напротив. Стена, то есть место (опять же для меня) соединения нашего мира и библейского, спускалась передо мной с неба, стояла твердо и вечно, покрытая изморозью белых записок в щелях между каменными плитами.

2015 – 2019, 2023

Алексей ГОЛИЦЫН

ГЕРХАРД ЗАВАЦКИЙ, НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КЛАССИК
ИЗ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

В 2020 году в Германии вышел роман «Мы сами»¹ Герхарда Завацкого – по словам критиков, «возможно, самое значительное произведение о немцах Поволжья»². Автор создавал масштабное историческое полотно в 1930-х годах, однако до настоящего времени публиковались лишь его фрагменты³.

Биография автора, погибшего в советском лагере в 1944 году, была известна только в общих чертах. При этом Gerhard Sawatzky – прозаик, поэт, переводчик, педагог, делегат I съезда советских писателей, заместитель редактора литературного журнала «Der Kämpfer» («Боец») в Энгельсе – был одним из самых заметных общественных деятелей Республики немцев Поволжья.

Впервые расшифрованное уголовное дело⁴ позволяет понять причины ареста писателя и расширить представления об общественно-политической жизни немецкой автономии в последние годы ее существования.

Герхард Генрихович Завацкий (сам он подписывался Гергард) родился в декабре 1901 г. в селе Никольское Славгородского округа Алтайского края в крестьянской семье.

«Я вырос в затхлой реакционной и фанатически религиозной меннонитской среде, где все было пропитано враждебным отношением ко всему новому, ко всему, что принесла победа пролетарской революции, за исключением того факта, что крестьяне (в том числе и меннониты) получили Землю. Весь быт моего родного села и вся жизнь в отцовском доме были пронизаны враждебностью к другим национальностям», – писал Завацкий в тюрьме сразу после ареста в ноябре 1938 г. Позже он откажется от этих показаний, но очевидно, что такая точка зрения для бывшего кандидата в члены партии была вполне органичной.

В 1919 г. юноша был мобилизован и с июля по ноябрь служил в армии Колчака санитаром. После занятия Омска Красной армией прослужил в ней еще три месяца – также санитаром.

В 1922 г. поехал учиться в Москву в Немецкий педагогический техникум. «Из глухой деревушки, состоящей из 36 крестьянских дворов и расположенной в 55-60 километрах от железнодорожной станции, я попал в Москву», – напишет Завацкий в беллетризованных не по собственной воле тюремных показаниях.

Осенью 1925 г. техникум был переведен в Ленинград, туда же переехал и Герхард, и там же окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена. Осенью 1928 г. Завацкий поехал в город Бальцер (ныне – Красноармейск Саратовской области), где стал преподавать в школе-девятилетке и в текстильном техникуме. Там же Завацкий начал активно печататься в немецкоязычной прессе, и летом 1931 г. решением обкома ВКП/б/ был переведен в Энгельс на должность ответственного секретаря ассоциации пролетарских писателей АССР немцев Поволжья. Тогда же начал редактировать литературные страницы газеты «Nachrichten» («Известия») ⁵.

¹ Sawatzky, Gerhard. Wir selbst. Published by Galiani, Verlag (2020).

² <https://p.dw.com/p/3ZJyO>

³ <https://wolgadeutsche.net/library/item/200>

⁴ Здесь и далее цитируется с сохранением особенностей оригинала архивное прекращенное уголовное дело ОФ-16717, хранящееся в Управлении ФСБ РФ по Саратовской области.

⁵ <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/212>

Карьера Завацкого-писателя шла вверх. После роспуска Ассоциации, в мае 1932 г. он вошел в «Оргкомитет Союза советских писателей Немреспублики», 15 июня 1933 г. был одним из организаторов 1-й конференции Союза советских писателей АССР НП, в тот же год был приглашен на конференцию немецких писателей в Москве. В конце 1933 г. был участником краевой конференции писателей в Сталинграде.

Вершиной карьеры стало участие в I съезде писателей СССР в 1934 г., куда Завацкого пригласили делегатом с правом решающего голоса. От АССР НП на съезде также присутствовали Андреас Закс (1903–1983) – тогдашний уполномоченный отделения Союза советских писателей по Немреспублике, Иоганнес Бехер (1891–1958) – будущий министр культуры ГДР, Франц Бах (1885–1942) – входил в правление Союза писателей СССР, был репрессирован и умер в заключении. Также к немецким писателям были приписаны венгр Александр Барта (1897–1938, расстрелян) и австриец Рудольф Рабич (1894–1937, расстрелян).

Судя по материалам уголовного дела, Герхард Завацкий близко общался только с Андреасом Заксом, который постоянно перехватывал у старшего товарища номенклатурные посты, вероятно в силу пролетарского происхождения (Завацкий, напомним, был из крестьян).

В показаниях Завацкого, с поправкой на тюремные обстоятельства, их отношения не похожи на дружбу ровесников: «В редакции “Нахрихтен” я в 1931 г. познакомился с начинающим поэтом и драматургом Андреасом Адамовичем Заксом. Вскоре я заметил в его литературном творчестве – в его мертвых стихах и очерках – националистические тенденции; Закс с большой охотой применял диалект, распространенный в его родном кантоне на нагорной стороне Немреспублики». (Нужно пояснить, что владение диалектом следователи 1930-х трактовали как чуть ли не главное проявление национализма и фашизма.)

И далее: «Самым подходящим объектом для обработки и вербовки в дальнейшем я считал А. Закса. Как уже сказано выше, Закс охотно пользовался диалектом; поддерживал своим литературным творчеством реакционные элементы в развитии языка, в культуре. Со временем я заметил в его творчестве еще одну особенность, которая могла стать полезной для нашей вражеской организации: Закс охотнее всего обрабатывал деревенские предания, шутки и разные истории, не обращая при этом особого внимания на их содержание, лишь бы они были смешными».

Между тем в октябре 1935 г. Завацкий не прошел на должность председателя правления отделения Союза советских писателей по Немреспублике. Обком назначил вместо него Андреаса Закса. Однако в 1937-м Закса исключают из партии за связь с врагами народа, в том числе с сотрудником газеты «Нахрихтен», где работал также и Завацкий, но последнего репрессии почему-то не коснулись.

27 октября 1938 г. по решению Обкома Немреспублики было проведено организационное собрание местных писателей. В президиум был избран Завацкий, который, вероятно, претендовал на роль лидера писательского союза. Но неожиданно и Завацкого, в свою очередь, обвинили в связи с врагами народа, и уполномоченным Союза советских писателей по Немреспублике стал Закс.

В ноябре 1938 г. Завацкий на допросе оговорил и Закса, и себя: «Я продолжал обрабатывать Закса, и уже в 1937 г., когда Закс был исключен из партии... а потом восстановлен со строгим выговором, я рассказывал ему, что в Немреспублике существует контрреволюционная фашистская организация и какие цели она себе ставит. Поработав своей литературной деятельностью уже в пользу этой организации, он согласился стать ее членом».

Несмотря на то, что в материалах дела Андреас Закс обозначен как «участник к-р. фашистской организации», он не был допрошен даже в качестве свидетеля.

На момент ареста Герхард Завацкий жил с женой и двумя сыновьями в Энгельсе на ул. Ленина, 148. Одноэтажный каменный дом сохранился до наших дней, нынешним его обитателям имя Завацкого ничего не говорит.

3 ноября 1938 г. оперуполномоченный 3 отдела НКВД АССР НП Белоусов направил республиканскому прокурору справку, в которой говорилось, что Завацкий «является активным участ-

ником фашистской, шпионско-террористической организации, по заданию которой с другими участниками, арестованными органами НКВД, участвовал в подготовке террористического акта против тов. МОЛОТОВА во время его отдыха в Крыму». Нарком внутренних дел АССР Немцев Поволжья Илья Рессин утвердил постановление об аресте, и 4 ноября Завацкий был арестован. При обыске была изъята, в том числе, групповая фотография Завацкого с бывшими руководителями Немреспублики. Примечательно, что жена писателя София Густавовна дала органам расписку в том, что обязуется «держат в полной сохранности находящуюся у меня пишущую машинку с немецким шрифтом и фотоаппарат». С начала и до конца следствия Завацкий содержался в тюрьме НКВД №1 города Энгельса.

С 5 по 13 ноября 1938 года Завацкий собственноручно записывал свои «показания» и называл себя «кулацким националистом, не сумевшим преодолеть разлагающее действие того яда, который я впитывал в родной семье, а потом в “литературном кружке” и в немецких клубах в Ленинграде». Завацкий писал, что летом 1934 г. якобы был завербован в фашистскую организацию народным комиссаром просвещения АССР Немцев Поволжья Александром Вебером¹. Вымышленной подпольной организацией, по словам Завацкого, руководили Адам Вельш² и Евгений Фрешер³, которые ставили цель «путем разжигания национальной вражды бороться против советской культурной революции, а в дальнейшем, при возникновении <...> войны, интервенции или другого события, ввергающее советскую страну в затруднения, способствовать свержению советской власти».

Чем же конкретно вредили советской власти немецкие писатели-«фашисты»? В протоколе допроса Завацкого читаем:

«Мистическое стихотворение Давида Шелленберга⁴ “Кролик”, которое представляло не что иное, как гладкостью своей формы подкупающее подражание такого же мистического стихотворения “Тигр” германского национал-фашистского поэта Рильке. Защиту “преимуществ” стихотворения “Кролик” со стороны самого автора и со стороны литературоведа Корнелиуса Мартенса⁵... я понял как призыв ориентироваться на национал-фашистских писателей Германии».

В свою очередь, поэт Давид Шелленберг на допросе в январе 1936 г. говорил (разумеется, в пересказе чекистов) о том же:

«Под влиянием Райнер Мария Рильке – немецкого декадента, я напечатал свое произведение “Кролики”, являющееся произведением мистического характера, рисующее отношение человека к природе в идеалистическом духе. Находясь под влиянием Райнер Мария Рильке, я считал, что силе его лирического формального мастерства надо учиться нам, современным писателям, и сам у Райнер учился. Это заблуждение привело меня к отходу от проблем строительства национальной культуры Советского немецкого села к “бегству в прошлое”, к превалированию в моей практике формы и языка над содержанием. Внимание форме и языку я мотивировал отсталостью языка советских немецких писателей от языка революционной литературы Германии. Стихотворение “Кролики”, как и редакторская моя практика, также свидетельствуют о том, что влияние на меня декадентской литературы привело меня к фашизму».

¹ Александр Яковлевич Вебер (1906–1968), преподаватель, в 1932–1936 нарком просвещения АССР Немцев Поволжья.

² Адам Андреевич Вельш (1893–1937) – первый секретарь обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья, председатель ЦИК и СНК АССР Немцев Поволжья. Входил в состав особой тройки НКВД СССР. Расстрелян в Саратове.

³ Евгений Эдуардович Фрешер (1890–1938), первый секретарь обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья, председатель Саратовского крайисполкома. Расстрелян в Саратове.

⁴ Давид Шелленберг (1903–1954) – поэт, прозаик, публицист, переводчик, критик, редактор. Автор повестей «Жаждающая земля» (1930), «Бедняки-меннониты» (1932), поэмы «Фантазии в Гальбштадском округе» (1933) и книги «Разветвленные рассказы» (1932). Репрессирован.

⁵ Корнелиус Корнелиусович Мартенс (1880–1937) – религиозный и общественный деятель, писатель. На допросах Завацкий называл его своим двоюродным братом. Расстрелян.

Однако не идейная отсталость литературных произведений стала главной причиной ареста Завацкого. Два года подряд писатель брал отпуск и ездил в Крым. И эти незначительные факты оказали влияние на последующие события.

Осенью 1935 г. двоюродный брат Герхарда Завацкого школьный учитель Генрих Классен пригласил его погостить к себе в Крым, в село Спат. Вместе они ездили в Севастополь, Балаклаву, Ялту, Алушту и Симферополь. А в 1936 г. Завацкий купил путевку и провел отпуск в Ливадии. Во время этих поездок писатель знакомился с приятелями своего брата – по большей части такими же работниками сельских школ.

Однако арестованные в Крыму Генрих Классен, Корней Винс, Борис Валл, Эмиль Фишер и Роберт Нефф признались, что были членами фашистской организации и готовили теракты против отдыхающих на южном берегу Крыма руководителей советского государства. Если не знать о трагических судьбах обвиняемых, то выбитые из них абсурдные показания звучали бы издевательски.

Так, например, учитель химии Эпп должен был «подготовить через свои связи в аптекоуправлении Симферополя необходимые средства для химической борьбы с Советской властью, т.е. яды для отравления скота и колодцев по пути следования красноармейских частей». Он же должен был «подготовить для выполнения террористических актов кадры химиков, состоявших из учащихся старших классов, детей репрессированных». Деревенские педагоги-террористы даже якобы «сосредоточили в хатах-лабораториях химические отравляющие вещества, но их попытка оказалась неудачной, так как лаборатория эта была по производственным соображениям правлением колхоза закрыта».

Кроме того, «согласно выработанного плана, намечался разбор железно-дорожного пути у мостика между станциями Сарабуз и Китай», в результате чего должен был пострадать народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. Диверсию якобы готовил агент немецкой разведки, организатор штурмовых отрядов, глубоко законспирированный завхоз поселковой школы некий Нусс. А о времени прохождения поезда, в котором должен был ехать Молотов, должен был сообщить из Симферополя сотрудник НКВД немец Давид Винс.

Завацкий же, по версии крымских следователей, – троцкист, входивший в группу фашистских писателей – должен был приехать из Поволжья в Крым, чтобы объехать южный берег и выяснить, где расположена правительственная дача.

Однако диверсия на железной дороге не состоялась, как отмечалось в протоколе, «видимо, из-за неприезда Молотова».

Летом 1939 г. в Крыму были передпрошены участники мифической подпольной организации, и все они подтвердили свои признания годичной давности, в том числе и против Завацкого. При этом сам писатель признал себя виновным только в том, что был участником контрреволюционной фашистской организации и проводил антисоветскую пропаганду. Обвинения в шпионаже и терроризме он отвергал.

«Мне не ясно, какой именно эпизод из этой поездки Классен мог обозначить попыткой к собиранию шпионских сведений. Помню, по пути из Симферополя в Севастополь было вот что: когда поезд подъезжал к Севастополю, проводник прошел по вагону и закрывал окна. На вопрос одного из пассажиров, зачем он это делает, проводник ответил: “Пограничная зона, разве не знаете?” Шпионско-террористической работой я не занимался», – утверждал Завацкий.

Тем не менее, 1 июня 1939 г. было составлено обвинительное заключение. Герхард Завацкий обвинялся по следующим пунктам:

в 1926 г., находясь на учебе в Ленинградском Непедтехникуме, входил в состав контрреволюционной группы, действовавшей под вывеской «литературного кружка»,

летом 1934 г. был завербован в фашистскую организацию на территории Немреспублики,

занимался вербовкой лиц в состав фашистской организации и проводил контрреволюционную работу среди писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические

взгляды, и вызывал в них стремление своими произведениями воспитывать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе,

осенью 1935 г. специально выезжал в Крым для налаживания связи по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации,

выезжал в пограничные города для сбора шпионских материалов о расположении береговых батарей,

собирал шпионские сведения о расположении воинских частей на территории Немреспублики, готовил террористические акты против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства, для чего приезжал в Ливадию и изучал маршруты их поездок.

Следователь Горбонос¹ отправил дело Завацкого в военную прокуратуру, где обвиняемого должны были судить, но неожиданно получил отказ. Помощник военного прокурора Олейников отметил, что дело Завацкого было расследовано с массой нарушений, и 31 августа 1939 г. постановил вернуть его наркомку внутренним дел АССР НП для доследования. Срок окончания нового следствия был обозначен 20 сентября 1939 г., прокурор предупредил, что «дополнительно он продлен не будет». Отметим, что к этому моменту Завацкий уже 10 месяцев сидел в энгельсской тюрьме. Однако впереди был новый этап «расследования», не менее продолжительный.

В деле «террориста» Завацкого, вероятно по настоянию военной прокуратуры, сменился следователь. Сержант Иван Ожерельев в свете новых послаблений в отношении врагов народа стал фиксировать не только время начала и окончания допросов, но и крамольные признания Завацкого. Последний заявил, что все его предыдущие показания «являются вымышленными и даны были мною в результате оскорблений и угроз со стороны следователя <Горбоноса>. И под влиянием того факта, что мой двоюродный брат Классен оклеветал меня».

Завацкий осмелился признаться, что свои допросы «писал собственноручно и делал так, чтобы они по возможности соответствовали действительности», и при этом «меры физического воздействия в процессе следствия ко мне не применялись». Подследственный уточнял: «собственноручные показания были даны под влиянием угроз и оскорблений следователя Горбонос, который угрожал мне, что он со мной пока разговаривает по-человечески, а если я не буду признавать себя виновным, он устроит надо мной расправу, оскорблял меня нецензурными словами и т.д.».

Завацкий по-прежнему категорически отрицал показания своих крымских приятелей, повторял, что «никакой контрреволюционной деятельностью никогда не занимался, никогда не намерен совершать террористические акты и заниматься шпионажем». Также писатель просил провести очные ставки с Классеном, Винсом, Валлом и Неффом, что «снять с себя это позорное пятно».

Однако очные ставки никто устраивать не спешил, и следователь ограничился допросом энгельсских коллег Завацкого.

Сотрудник студии кинохроники Георгий Николаев сообщил, что ему ничего не известно об антисоветских и националистических проявлениях Завацкого, который «приглашался на все официальные приемы в обком, ВЦИК и совнаркоме».

У допрошенной Нины Николаевой «создалось впечатление, что Завацкий любит русскую литературу, русских классиков и, в частности, ко мне как к русской с его стороны пренебрежительного или высокомерного отношения я не наблюдала».

Сотрудница немецкого госиздательства Ирма Дикк сообщила, что ей «лично пришлось производить литературную обработку его романа “Мы сами”, и в этом произведении, как и в других известных мне его статьях и рассказах, я не замечала фактов, прямо или косвенно говорящих о контрреволюционных или националистических взглядах их автора».

Как выяснилось впоследствии, Завацкому зачитывали реабилитирующие показания коллег, и у него могла возникнуть надежда на освобождение. Но следователь решил допросить партorga

¹ Матвей Исаевич Горбонос (Горбанос, Гарбонос) (1903–?). В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД служил с 1930 г. В начале 1944 г. – капитан госбезопасности, начальник приемного пункта военнопленных 37 армии. Награжден медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

редакции газеты «Нахрихтен» Марию Брестер, которая не оставила писателю шансов. До ареста Завацкого коммунистка называла его «примерным членом парторганизации, торопила с подачей заявления о переводе из кандидатов в члены ВКП/б/, напечатала отрывок из романа “Мы сами” в своей газете». А теперь с ее стороны сыпались обвинения: «Журнал, редактируемый Завацким, выходил нерегулярно, материалы, печатаемые на его страницах, носили скучный характер... Сам Завацкий в погоне за гонораром стремился печатать свои статьи интересного содержания в других газетах».

Но главное, Брестер обвинила Завацкого в вопиющих случаях потери политического чутья. Во-первых, Завацкий, будучи редактором, напечатал статью журналиста Гассельбаха, герой которой был разоблачен как враг народа... уже после выхода материала. А во-вторых, в редакции «Der Kämpfer» работала машинистка Элли Шульц, которая, по словам парторга, «имела связь со своими родителями, впоследствии репрессированными органами НКВД». Т.е. редактор, по мнению Марии Брестер, должен был предвидеть грядущие аресты незнакомых ему людей, а Завацкий вместо этого долго сопротивлялся увольнению Шульц, потом, после ареста ее родителей, все же вынужден был ее уволить, но тут же снова взял машинистку на работу.

В результате ровно через год после первого обвинительного заключения, 3 июня 1940 было изготовлен новый документ. В котором, несмотря на изменившуюся политическую ситуацию – за массовые пытки и фальсификации чекистов снимали с работы, сажали и даже расстреливали, – дословно повторялись те же обвинения.

Новый следователь опять перечислял, что Завацкий «еще будучи студентом вступил в контрреволюционную националистическую молодежную группу, действовавшую под видом “литературного кружка”, принадлежал к фашистской организации, проводил контрреволюционную работу среди начинающих писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические взгляды и стремление воспитать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе». И главное – «по заданию антисоветского подполья выезжал в Крым для установления связей по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации на территории Крымской АССР».

В результате 28 сентября 1940 г. особое совещание постановило заключить Завацкого как социально-опасный элемент в исправительно-трудовой лагерь на пять лет.

Напомним, писатель был арестован 3 ноября 1938 г., провел в тюрьме почти два года и должен был выйти из лагеря в 1943 году. Однако по условиям военного времени освобождения не последовало, и 1 декабря 1944 г. заключенный Усольлага (Соликамск) Герхард Завацкий умер. Место захоронения писателя в лагерных документах не зафиксировано.

В уголовном деле содержатся две машинописные рецензии на роман «Мы сами». Отзывы Е.М. Герр¹ и Корнелиуса Мартенса предназначались, вероятно, для публикации романа в Немгосиздате в 1938 году, но до сих пор, как и ряд других документов, недоступны для исследователей.

Герхард Завацкий писал в заявлении военному прокурору 9 июня 1940 г.: «Отрывок из моего романа “Мы сами”... прошел оценку по меньшей мере нескольких тысяч советских читателей, но все же никто из них нигде не заявил, что я пишу и публикую контрреволюционную вещь. Нет, неправда, моя книга не антисоветское произведение, а наоборот. Я работал над ней с большим патристическим подъемом и любовью, и мне чрезвычайно горько думать о том, что плоды моего честного труда пропадают только потому, что ничтожная кучка клеветников ополчилась против меня».

В переводе на русский язык произведения Герхарда Завацкого, за редкими исключениями, не публиковались.

¹ Евгения Моисеевна Герр (1901–1969) – с сентября 1937 до октября 1938 была главным редактором газеты «Nachrichten». Ее рецензия датирована 20 апреля 1938 г.

Д. ОФ-16717. Л.д. 10.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия	Завацкий
2. Имя и отчество	Гергард Генрихович
3. Дата рождения	XII 1901
4. Место рождения	с. Никольское Славгородского округа Алтайского края
5. Местожительство	г. Энгельс, ул. Ленина 148
6. Профессия и специальность	педагог-обществовед
7. Место службы и должность или род занятий	заместитель ответственного редактора литературного журнала «Дер Кемпфер»
8. Паспорт	ИАН № 512104, выдан 19/VI-36 г. II отд. РКМ г. Энгельс.
9. Социальное происхождение	из крестьян середняков
10. Социальное положение	
а) до революции	
	жил при отце занимался сельским хозяйством
б) после революции	учился, служащий с 1921 г.
11. Образование	высшее педагогическое
12. Партийность	быв. кандидат ВКП/б/
13. Национальность и гражданство	немец, гражданин СССР.
14. Категория воинского учета-запаса	в Энгельсском горвоенкомате, рядовой
15. Служба в белых и др. к-р. армиях	Служил в армии Колчака с июля 1919 г. по ноябрь 1919 г.
16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти	Не судим
17. Состав семьи	жена – Завацкая София Густавовна, прож. в г. Энгельсе, учительница, сыновья – Эрнст 12 лет и Эрик 4 л. братья – Генрих Завацкий, прож. в с. Александровке Славгородского округа, колхозник, Завацкий Карнелиус, прож. в с. Никольское Славгородского округа, колхозник
Подпись арестованного	Г. Завацкий
1. Особые внешние примеры	
2. Кем и когда арестован	НКВД АССР Немцев Поволжья 4 ^{го} ноября
3. Где содержится под стражей	в тюрьме г. Энгельс
4. Особые замечания	
Подпись сотрудника, заполнившего анкету	Гор<бонос>

5 ноября 1938

Л.д. 13–34.

Показ<ан>ия Завацкого Гергарда Генриховича
от 5 по 13 ноября 1938 года.

Мое прошлое – мерзкое, грязное и преступное. Я пал так низко, что стал подлым преступником перед партией и советск. власти, перед великим советским народом и нашей родиной. Это чудовищно; ибо все, что у меня было: образование, интересная работа и радостная, полноценная жизнь, все у меня было благодаря Великой Октябрьской революции. Я здесь прямо и правдиво хочу рассказать о своих преступлениях, чтобы этим – насколько это вообще возможно – умалить свою вину перед советским народом.

Я вырос в затхлой реакционной и фанатически религиозной меннонитской среде, где все было пропитанно враждебным отношением ко всему новому, ко всему, что принесла победа пролетарской революции, за исключением того факта, что крестьяне (в том числе и меннониты) получили Землю. Весь быт моего родного села и вся жизнь в отцовском доме были пронизаны враждебностью к другим национальностям; кроме родного немецкого языка (диалект) ни один другой язык не был в почете. Если парень-меннонит женился на девушке не-меннонитке, особенно на русской, что часто имело место во время империалистической войны, то он в среде меннонитов считался чужаком.

Я впитывал эту заразу, этот яд с детства, и впоследствии, несмотря на все прекрасные возможности, которые мне предоставила советская власть, не сумел преодолеть их вредное и губительное действие. В результате я стал врагом советского народа, загубил себя и запачкал свою семью, своих двух сыновей, у которых вся жизнь впереди.

В 1922 г. органы советской власти послали меня на учебу. Из глухой деревушки, состоящей из 36 крестьянских дворов и расположенной в 55-60 километрах от железнодорожной станции, я попал в Москву. Тысячи молодых граждан, которые в отличие от меня завоевали себе активным участием в революционном перевороте право попасть в первую очередь в советск. учебное заведение, на моем месте сделали бы все, чтобы здесь в Москве стать полноценными строителями социализма. Я же не сумел вылезть из узкой, грязной скорлупы мелкособственнического эгоизма. Я мало думал об общих делах, разрешением которых были заняты миллионы, я думал и заботился о себе, о своем личном благополучии, да воображал еще, что я лучше большинства окружавших меня товарищей. Вместо того, чтобы впитывать в себя только все то положительное, что Москва так щедро предоставляла всей учащейся советск. молодежи, а сейчас благодаря грандиозным победам на фронте социалистического строительства предоставляет в еще большей мере, я прислушивался к разговорам и суждениям производивших из зажиточных, из богатых и мелкобуржуазно-интеллигентных семейств. Наибольшее влияние на меня из них имел Давид Генрихович Шелленберг. Я ему завидовал; он имел подготовку в объеме ком<м>ерческого училища и я на него смотрел как на интеллигента «довоенного производства». Его преимущество задевало мое болезненное самолюбие и я, пом<н>я слова отца: Друзей выбирай себе из людей, которые умнее тебя», сблизился с ним. Шелленберг уже тогда был настроен националистически и, следовательно, антисоветски. Однако, его вредное влияние на меня в полной мере сказалось лишь в Ленинграде. С переводом Немпедтехникума, в котором я учился, из Москвы в Ленинград (осень 1925 г.) менялся и преподавательский состав. между прочим преподавателями Немпедтехникума вскоре стали работать проф. проф. Вульфius и Клейненберг. На сколько мне известно, оба они выходцы из старой петербургской буржуазной интеллигенции. В конце 1925 и в начале 1926 г. они являлись заправилами «Немецкого Клуба». Подробности из деятельности этого клуба мне неизвестны, но что он по своему духу был антисоветским, контрреволюционным, это можно было заключить из того, что его члены с презрением и отвращением смотрели на всякое проявление нового, советского в нашей жизни. Вульфius всячески старался вовлечь студентов Немпедтехникума в этот клуб. Большого успеха он в этом не имел, было всего несколько групповых посещений организуемых в клубе вечеров, а потом туда ходили уже только девочки.

Часть студентов Немпедтехникума однако подпала под вредное влияние Вульфiusа. Они его считали человеком в высшей степени культурным, человеком, к голосу которого во всех отношениях и во всяком случае надо прислушиваться внимательнее, чем напр. к голосу комсомольцев. К этим приверженцам проф. Вульфiusа принадлежал и Д. Шелленберг. Его (Шелленберга) антисоветские настроения (а в дальнейшем и действия), которые проявлялись в язвительных замечаниях о якобы чрезвычайно низком теоретическом уровне всего процесса преподавания в техникуме, я объясняю не только и не столько тем, что Шелленберг в свое время учился в Гальштадтском ком<м>ерческом училище (на Украине), где как правило учились лишь сынки богатых немецких помещиков, фабрикантов, купцов и кулацкой верхушки, сколько влиянием Вульфiusа. Этому вредному влиянию подвергался и я. Произошло это следующим образом. Вульфiusа я видел

лишь редко и то только мимоходом, так как я с начала 1926 г. учился в Ленинградском Госуд. Пед. Институте имени А.И. Герцена. Но я жил в общежитии Немпедтехникума, при котором Д.Г. Шелленберг в 1926 г. (во II половине) организовал «литературный кружок». Уже саму необходимость организовать этот кружок Шелленберг мотивировал националистическими соображениями провокационного характера. Он тогда сказал: «Чорт возми, латыши имеют такой кружок, так почему же нам немцам не иметь такого?» Этот «литературный» кружок работал всего месяца 2-3, но его вражеская деятельность не осталась без последствий. Дело в том, что вывеска «литературный кружок» была лишь ширмой; это был националистический, антисоветский кружок. Конечно, этот кружок занимался и литературой. Сильнейшим участником, а поэтому и руководителем этого кружка был Шелленберг. Членами были я, Ив. Ив. Вильмс, работавший после 1926 года на юге Советск. Союза, сперва вблизи Ейска, а потом в Запорожьи, и Исаак Фризен. О Фризене я знаю, что он впоследствии работал в Немреспублике. Его я давно потерял из виду. Кроме названных лиц в этом кружке еще состоял некто Герстенбергер, но он скоро уехал и о нем я впоследствии ничего больше не слышал. По заданию Шелленберга члены этого «литературного» кружка вели националистическую-шовинистическую, т.е. антисоветскую агитацию среди студентов Немпедтехникума. Они всеми силами дискредитировали молодых преподавателей. Закончившие свое образование уже при советск. власти, поносили якобы из рук вон плохо поставленн. педагогический процесс в техникуме и сеяли рознь между студентами. Члены «литературного» кружка с этой целью издевались над студентами, происходившие из Немреспублики, которые говорили хуже по-немецки и лучше по-русски чем студенты из других областей, напр. из Украины, с Сев. Кавказа, из Закавказья и т.д. Хотя в данном случае и идет речь об отношении одной группы немцев к другой, все же эти издевательства носили явно националистический характер, так как это были злостные нападки такой группы немцев (меннонитов), на чье развитие которых окружающая русская среда в силу целого ряда причин оказала меньше влияния, на группу немцев (немцы Поволжья), на все развитие которых окружающая русская среда повлияла больше. Особенно показательным для отношения членов националистического кружка к студентам из Немреспублики было слово «поволжский негр», которым первые обозначали последних. Оно по содержанию перекликается со словом «негр с Конго», особенно в немецком языке: «Wolganeger» – «Kongoneger».

Непосредственным руководителем «литературного» кружка, как я уже сказал, был Д. Шелленберг, но почти такое же влияние как он оказали на членов кружка уже упомянутый «Немецкий Клуб» и «Немецкий Рабочий Клуб». В «Немецком Клубе» я был всего один раз. Там в этот вечер силами членов клуба, т.е. непрофессиональных артистов, а любителей ставилась драма «Фауст» Гете. Я полностью присоединился к мнению Шелленберга, что постановка очень хороша, и что этот язык (язык артистов, их выговор, дикция, интонация и т.д.) для нас прямо-таки образец.

Таким же, т.е. националистическим, антисоветским, было и то влияние, которое на всех студентов оказывал «Немецкий Рабочий Клуб» (За точность названия я сейчас ручаться не могу). Этот клуб был организован германскими эмигрантами, проживавшими в Ленинграде и пользовался (на сколько мне известно, на договорных началах) большим залом и сценой Немпедтехникума. В этом клубе часто устраивались популярные лекции, которые сопровождались так называемым «уютным часом в кругу» (я тут перевел трудно переводимое немецкое выражение: «Gemütliches Beisammensein») с пивом и танцами. На этих вечеринках от эмигрантов частенько слышались такие примерно слова: «Что сдесь! Посмотрели бы в Германии, там все лучше». «Там рабочие одеваются лучше чем здесь интеллегенция. Вот у ней (т.е. у Германии) вам бы учиться культуре» или «Русский народ не любит порядка и работы» и т.д. Шовинистические нашествия Шелленберга и эта гнусная антисоветская агитация членов «Немецкого Рабочего Клуба» довели меня до того, что белый воротничок и аккуратн завязанный галстук мне в конце концов показались чуть ли не первыми и важнейшими признаками культуры. Отравляющее действие этой агитации помешало мне, по настоящему подружиться с товарищами-однокурсниками в институте. А среди них было не мало очень развитых и действительно культурных людей, как напр.

Дубов, Рождественский и др. Хотя я уже 10 лет никого из них не видел и ничего о них не слышал, я не знаю, что с ними стало, но это были честные советские люди и я сейчас глубоко уверен, что дружба с этими русскими товарищами-однокурсниками наверное способствовала бы тому, чтобы я еще тогда сошел с губительного пути, на который меня привели националистические, шовинистические настроения. Я искренно сожалею сейчас о том, что такой настоящей дружбы с ними у меня не было, а было лишь поверхностное знакомство.

Д. Шелленберг, Ив. Вильмс еще в 1926 г. покинули Немпедтехникум и уехали, так что «литературный кружок» распался. Д. Шелленберг уехал в Москву, где он стал работать в литературном отделе «Немецкой Центральной Газеты» («DZZ»).

Осенью 1928 г. после окончания института им. Герцена я поехал в АССР Немцев Поволжья, в город Бальцер, где я поступал на работу в школу девятилетку и в Текстильный Техникум. Зав. техникумом был некий Карл Васильевич Штрек, его заместителем и завуч – Энгельбрехт. Штрек с 1933 или с 1934 г. работал преподавателем рабфака при Немпединституте в Энгельсе, а Энгельбрехт из Бальцера тоже куда-то уехал и я его потерял его из виду. Они оба были маститые буржуазно-кулацкие националисты. Различные затруднения при приобретении учебников, учебных пособий и различных материалов для химической лаборатории и для механической мастерской они почти всегда объясняли тем, что этим делом ведают не немцы, а русские. Точно так же они объясняли и неполадки и ненормальности с учебными программами, а не тем обстоятельством, что в Наркомпросе сидели враги народа, сознательно и намеренно дезорганизующие дело народного просвещения образования. Энгельбрехт при каждом случае старался «доказать», что немцы якобы вообще умнее и способнее русских. На такого рода антисоветскую агитацию Штрека и Энгельбрехта я возражал лишь очень редко и то только очень неубедительно. Вместо того, чтобы бороться против этой контрреволюционной агитации или организовать студентов на решительную борьбу против нее или хотя бы сообщить в местную партийную организацию о положении в техникуме, я молча мирился с этой контрреволюционной деятельностью двух преподавателей техникума, т.е. об<ъ>ективно стал соучастником этого позорного злодеяния против советского народа. Я это считаю тяжким преступлением. После распада «литературного кружка» в Ленинграде к концу 1926 г. я за все время моей педагогической деятельности в Бальцере и первые годы своей работы в Энгельсе не был связан с какой-нибудь контрреволюционной организацией. Но тем не менее вышеизложенный факт говорит о том, что я и в эти годы остался кулацким националистом, что я не сумел преодолеть разлагающее действие того яда, который я впитывал в родной семье, а потом в «литературном кружке» Шелленберга и в немецких клубах в Ленинграде.

Летом 1931 г. я по решению бюро ОК ВКП/б/ был переведен в Энгельс на должность ответственного секретаря Ассоциации Пролетарск<их> Писателей АССР Немцев Поволжья, которая была организована в начале 1931 года. В качестве секретаря Ассоциации П.П. АССР НП я редактировал литературные страницы газеты «Нахрихтен», которых в 1931 и 1932 г. вышло примерно 22. Здесь в редакции «Нахрихтен» я в 1931 г. познакомился с начинающим поэтом и драматургом Андреасом Адамовичем Заксом. Вскоре я заметил в его литературном творчестве – в его мертвых стихах и очерках – националистические тенденции; Закс с большой охотой применял диалект, распространенный в его родном кантоне на нагорной стороне Немреспублики. По существу эта его склонность перекликалась с теми антисоветскими взглядами и делами, которые порождались в «литературном кружке» Шелленберга. На этой констатации одной особенности литературного творчества Закса между ним и мной наверное и кончилось бы без дальнейших последствий, если бы не произошло мое роковое знакомство с Вебером. С бывшим народным комиссаром просвещения АССР Немцев Поволжья, Ал. Вебером я познакомился в 1933 г. Летом 1934 г. Вебер завербовал меня в подпольную контрреволюционную фашистскую организацию, орудовавшая в Немреспублике. Он дал мне знать, что эта организация ставит себе задачей, путем возбуждения и развития шовинистических кулацко-националистических чувств у немецкого населения АССР-НП и разжигания национальной вражды бороться против советской культурной революции, а в дальнейшем, при возникновении соответствия обстоятельств: войны, интервенции или другого

события, ввергающее советскую страну в затруднения, способствовать свержению советской власти. Чтобы рассеять мой страх и мои сомнения, Вебер мне называл руководителями этой организации Вельша и Фрешера. Из членов организации он называл только своего друга Вормсбехера (работавшего в Коммузе), но он меня с ним не связывал. Я понял, что большое знакомство члена подпольной контрреволюционной организации с другими ее членами не желательно.

Вебер мне дал задание, осторожно, но упорно прививать писателям Немреспублики кулацко-националистические взгляды и вызвать в них стремление, своими произведениями воспитать читательские массы в национально-шовинистическом, контрреволюционном духе. Дальше я от Вебера получил задание, после соответствующей подготовки завербовать из среды интеллигенции людей в нашу организацию, соблюдая при этом необходимую осторожность и осмотрительность.

Самым подходящим объектом для обработки и вербовке в дальнейшем я считал А. Закса. Как уже сказано выше, Закс охотно пользовался диалектом; поддерживал своим литературным творчеством реакционные элементы в развитии языка, в культуре. Со временем я заметил в его творчестве еще одну особенность, которая могла стать полезной для нашей вражеской организации: Закс охотнее всего обрабатывал деревенские предания, шутки и разные истории, не обращая при этом особого внимания на их содержание, лишь бы они были смешными. Следствием этого очень часто было то, что он своей проблематикой и относительно художественным уровнем своего произведения не выбрался из деревенской ограниченности, т.е. не способствовал культурному росту читателей. Я его неоднократно упрекал как за применение диалекта, так и за выбор тематики. Но это была лживая, показная «критика»; одновременно я ему говорил и о том, каким хорошим литературным средством может быть диалект, если пользоваться им умело. Тоже самое я ему говорил о его излюбленной тематике. Этим я преследовал двоякую цель: я хотел, чтобы он сохранил те качества, которые были на руку контрреволюционной организации, и чтобы он не скомпрометировался перед читательской массой.

О ходе этой моей контрреволюционной работы я информировал Вебера при наших встречах в его квартире или в других местах. В время одной из таких встреч я рассказывал Веберу, что было с Д. Шелленбергом на конференции немецких писателей в Москве в 1933 г. Там на конференции я видел Шелленберга впервые после нашего расставания в 1925 г. Он в это время уже работал в Харькове, в редакции немецкого литературного журнала «Дер Штурмшритт». О ленинградском «литературном кружке» нам говорить не приходилось, но из выступления Шелленберга я понял, что он остался тем же, и что он пошел еще дальше. Шелленберг на этой конференции прочел мистическое стихотворение «Кролик», которое представляло не что иное, как гладкостью своей формы подкупающее подражание такого же мистического стихотворения «Тигр» германского национал-фашистского поэта Рильке. Защиту «преимуществ» стихотворения «Кролик» со стороны самого автора и со стороны литературоведа Корнелиуса Мартенса, моего двоюродного брата (проживает в Москве, Неглиная ул. 14, кв. 15, комната 19) я понял как призыв, ориентироваться на национал-фашистских писателей Германии. Вебер знал стихотворение «Кролик» из журнала «Дер Штурмшритт». Он выразил свое довольство моим сообщением и одобрил ориентацию на фашистских писателей, но практических заданий не давал.

Я продолжал обрабатывать Закса, и уже в 1937 г., когда Закс был исключен из партии за связь с разоблаченными врагами народа (бывшим сотрудником газеты «Нахрихтен» Вокунным и своим другом Кернером – бывш. работником ОК ВКП/б/), а потом восстановлен со строгим выговором, я рассказывал ему, что в Немреспублике существует контрреволюционная, фашистская организация и какие цели она себе ставит. Поработав своей литературной деятельностью уже в пользу этой организации, он согласился стать ее членом, т.е. продолжать свою литературную работу в прежнем духе и при возможности завербовать новых членов. После ареста Вельша и Фрешера, которых я называл ему как руководителей подпольной фашистской организации, как мне в свое время сообщил Вебер, и что он, как теперь оказалось, уже знал со слов Кернера, мы о делах контрреволюционной организации говорили лишь очень редко и то лишь намеками, так как мы поте-

ряли всякую связь и боялись последствий нашей контрреволюционной работы. Также еще в 1937 г. я начал обрабатывать молодого поэта Герберта Генке, чтобы завербовать его. Как я заключал из известных мне литературных произведений Генке, он был националистически настроен. Я ему льстил, указывал ему при каждом удобном случае на образцы германской националистической поэзии, в частности на стихотворение «Тигр» упомянутого Рильке и на высокое литературное мастерство Шелленберга. Дальше я поощрял Генке в его хотя и не особенно резко выраженную, но все же явно заметную неприязнь к русской классической поэзии. Это я делал с предельной осторожностью и в туманной форме. Генке лишь очень туго поддавался моим вражеским, контрреволюционным внушениям, и так как я его знал как скрытного человека, я опасался стать слишком откровенным и в конце концов отстал от своего намерения завербовать его. Этому исходу начатой мной контрреволюционной затеи способствовали два обстоятельства: 1.) моя растерянность и моя боязнь после ареста Вельша и Фрешера и 2.) крайняя непопулярность этих лиц, которые по распространившимся после их ареста слухам пали до того, что даже воровали: устраивали себе за счет народных средств роскошную, барскую жизнь. Судя по мне и по Заксу, члены подпольной фашистской организации в Немреспублике после ареста Вебера, и особенно Вельша и Фрешера совершенно потеряли голову. Я одно время, вскоре после ареста Вельша и Фрешера попытался связаться с Ив. Ник. Беллендиром, работавшем в свое время преподавателем Немпединститута, которого я, судя по его мнению о Вебере и по случайным и неясным замечаниям Вебера о нем мог считать членом подпольной контрреволюционной организации. Однако я не мог решиться сказать Беллендиру, что я член этой организации, а с ним дело, очевидно, обстояло так же. Он мне лишь жаловался на то, что он якобы невинно страдает за лиц, арестованных в Немпединституте; Беллендир одно время работал парторгом в институте, а потом был исключен из партии. Я ему также жаловался; за связь с Вебером я имел строгий выговор от первичной парторганизации «Нахрихтен». После этого я уже не предпринимал каких-либо попыток к восстановлению связи с членами подпольной фашистской организации; я превратился в жалкого человека, пребывавшего в вечном страхе.

Для изложения другой части своей подпольной контрреволюционной деятельности я должен опять вернуться к 1934-1935 г.

В 1931 г. для учебы в Немпединституте в Энгельс приехал мой двоюродный брат, Генрих Иванович Классен. В течении 1931 и 1932 гг. я встречал его очень редко, так как он помимо своей учебы работал еще диктором Энгельсского радиотрансляционного узла, переводчиком в газете «Нахрихтен» и, если не ошибаюсь, одно время также сотрудником аппарата Наркомпроса. В 1933, особенно 1934 г. он был свободнее и мы встречались чаще. Я знал Классена как кулацкого националиста до мозга костей, но помню указания Вебера о необходимой осторожности, я не решался говорить Классену о подпольной контрреволюционной организации, в которую я был завербован в 1934 г. О Вебере я с ним говорил неоднократно, я старался дать ему понять, что я Вебера знаю не только в качестве наркома. Классен в свою очередь отзывался о Вебере очень лестно, но знает ли он настоящей роли Вебера или нет, я в 1934 г. установить не мог.

В 1935 г. осенью, когда я собирался в очередной отпуск, Классен пригласил меня в одном письме к себе в Крым, село Спат (возле ж/д. станции Сарабуз), где он работал учителем средней школы. О моем намерении, поехать туда узнал Вебер. Он мне сказал, что Классен «наш человек» и дал мне задание, рассказать ему, как работает подпольная контрреволюционная организация в Немреспублике и узнать, что Классен там делает. О себе я Классену рассказал, как я обрабатываю Закса для поставки кулацко-националистической литературной продукции и чего я в этом отношении достиг. В связи с этим Классен мне сказал, что в его школе есть два «литературно одаренных» ученика. Он просил меня помочь ему завербовать их в подпольную контррев. организацию, так как это для меня будет легче и менее опасно чем для него. С одним из этих учеников я потом имел непродолжительную беседу по поводу его стихов. Я старался, найти в этих стихах как можно больше достоинств, чтобы польстить молодому автору; я думал обрабатывать его таким же образом как я обрабатывал Закса. Я хотел привлечь его для сотрудничества в литературном журнале

«Дер Кемпфер», а в дальнейшем завербовать его в контрреволюционную организацию. Из этого однако ничего не вышло; мы больше не виделись и этот ученик мне никогда не писал.

О Вебере я Классену рассказал, что он как нарком просвещения Немесублики в школах форсирует изучение немецкого языка в ущерб изучения русского языка. При этом (это было до разговора о Заксе и о возможной завербовке двух учеников Классена) Классен мне говорил, что он тоже член подпольной контрреволюционной организации, что он Вебера считает своим руководителем и в своей школе ведет контрреволюционную работу по его (Вебера) примеру. Тогда же Классен мне сказал, что Корней Корнеевич Винс, заведующий Спатской средней школы, видный член подпольной контрреволюционной организации, который в школе работает так же как и он сам. Третьим членом подпольной немецкой контрреволюционной организации в Крыму Классен называл бывшего учителя, а в то время студента Симферопольского Педагогического института, Якова Дридигера. Дридигера я в Спате видел лишь один раз и то мельком. О контрреволюционной организации я с ним не говорил.

По возвращении в Энгельс я Веберу передал содержание моих разговоров с Классеном.

Классен показывает, что я его снабжал шпионскими материалами. По этому поводу я заявляю, что разговора о необходимости собирать и кому-то передать сведения шпионского характера у меня никогда не было, ни с Классеном, ни с Вебером или Заксом. Очевидно соответствующее показание Классена основано на следующем. В 1932 г. весной я по командировке редакции «Нахрихтен» на один день поехал в лагерь Энгельсского полка вблизи станции Татищево. Этот лагерь тогда еще только оборудовался. Я там был в клубе (палатка), где я помогал переписывать материал для красноармейской стенной газеты, был в кухне (под навесом), куда меня сопровождал завклубом. Отсюда я вместе с знакомым командиром, Гергардом Краном (мой односельчанин) в лесок, где красноармейцы вверенного ему подразделения как раз выкорчевывали пни из вновьпроектированной дороги, по краям которой стояло уже несколько палаток и где собирались разбить их еще несколько. Отсюда Кран пошел со мной к командиру-кавалеристу, Сапаловичу (если мне не изменяет память). Этот командир показал нам свою лошадь, отличившуюся на состязаниях, и пирамиду с недавно чищенными шашками; люди его были где-то заняты.

Когда Кран, Сапалович и я отсюда пошли в близлежащую деревушку, где находилась столовая командного состава, я видел несколько небольших групп красноармейцев с винтовками. Они возвращались с занятий. Я ночевал в палатке командира Крана, вместе с ним и одним из его помощников. На другой день я вернулся в Энгельс. Здесь я написал очерк о красноармейцах, устроившихся на лето. Этот очерк был напечатан в газете. О виденном мной в лагере я рассказывал сотрудникам редакции, рассказывал я об этом и Классену. Но мне не понятно, почему Классен квалифицирует этот факт как сообщение ему шпионских материалов; я в лагере не интересовался такими данными, которые могли бы быть полезны какой-нибудь контрразведке, и не собирал такие данные.

В конце 1933 или в начале 1934 г. я вместе с умершим поэтом Иоганнесом Шауфлером и Александром Дельвой (художник, до последнего времени проживал в Маркштадте) поехал в Сталинград на краевую конференцию писателей. Среди сталинградских делегатов этой конференции был один из ответственных работников (зам. редактора, или отв. секретарь) многотиражки сталинградского тракторного завода, Цыбин или Цыбен. Он пригласил нас на экскурсию в завод и достал нам пропуска. Прийдя на завод, мы сперва пошли в помещение редакции. Здесь мы встретили Вилли Ставского, эмигранта из Берлина, друга Шауфлера и Дельвы. До этого Ставский работал в Энгельсе в редакции газеты «Нахрихтен», а в то время, о котором идет речь, он работал в редакции многотиражки С.Т.З. в качестве переводчика с русского на английский язык; газета обслуживала и американских рабочих, работавшие в это время на заводе. Вместе с Цыбиным и Ставским мы прошли по следующим цехам завода: сборочный – большой и малый конвеер, кузнечный, формовой и инструментальный. Когда мы вышли из последнего цеха и прошли через двор к выходу, Ставский указал на неоконченные еще корпуса в стороне и сказал: «В эти цеха никого не пускают. Очевидно они имеют оборонное значение; здесь наверное будут делать танки».

О нашей экскурсии в С.Т.З. я как-то рассказал Классену, сказал я ему и об этом замечании Ставского, но разговора о том, что это шпионские сведения, не было. Такого разговора у меня вообще ни с кем не было, я никогда не получал и не выполнял такие задания и никогда не подозревал, что Классен такими материалами интересуется.

Будучи в 1935 году в Крыму, я однажды утром поехал в Евпаторию. По дороге туда я из окна вагона далеко в море увидел 3 или 4 больших судна. Я их принял за военные суда, но были ли они на самом деле таковыми, я и сейчас утвердить не могу; эти суда были видны лишь очень неясно и видел я их может быть в течении одной, двух минут. Это было в районе курорта Сакки, который расположен на порядочном рас<с>тоянии от ж/д. линии. В Евпатории я был на пляже и увидел у причала один маленький грузовой катер, который меня не интересовал. Вечером того же дня я опять был в Спате. Я рассказал о виденном мной, сказал так-же, что я принял упомянутые 3 или 4 суда за военные суда, но мне и в голову не приходило, что я этим сообщением могу услужить или удивить кого-нибудь. О шпионаже и здесь не было даже намека.

К концу моего пребывания в Крыму Классен, еще один учитель из Спатской школы, кажется Ваал, и я в выходной день поехали в Симферополь Севастополь. Мы договорились, посмотреть «Панораму Севастопольской обороны», раскопки древнего города Херсонеса или Балаклавскую бухту. «Панораму» мы посмотрели. По пути туда мы в Севастопольской бухте, в близи вокзала уви<де>ли 2 подводных лодки. Но разговора о них было не больше, чем замечание, что это по всей вероятности есть подводные лодки; мы их видели на довольно большом рас<с>тоянии. После осмотра «Панорамы» мы узнали, что добраться до раскопок Херсонеса не так легко, а в Балаклаву можно поехать трамваем. Предложение поехать туда, сделал Классен или Ваал, указывая на живописный вид скалистого берега моря у входа в бухту, мы поехали. По дороге туда мы в трамвае познакомились с летчиком, находившемся в отпуску, так что мы по Балаклаве ходили в четвером. Первым делом мы поднялись на «утесы» – на береговые скалы у входа в бухту. На этих скалах стоят развалины старинной генуэзской крепости. Я помню, мы говорили здесь о роли этой крепости и бухты в давно прошедшие времена для торговых судов, ищущие убежища от пиратов. Дальше разговор перешел к якобы утонувшему здесь во время «Севастопольской обороны» «Черном принце», английскому пароходу, который вез жалованье английским солдатам. На обратном пути мы искупались в бухте, зашли на базар а оттуда в столовую, где мы все вместе выпили 2 бутылки вина и пообедали. После обеда мы поехали обратно в Севастополь. Вечером мы гуляли по главным улицам города, а ночевать пошли к учителю-татарину, школьному товарищу Ваала. Если не ошибаюсь, этот учитель по специальности был или физик, или математик, но его коньком был вопрос о причинах землетрясений и мерах борьбы с ними. Он показывал нам целые коллекции фотографий, показывающие изображающие различного вида разрушения, произведенные землетрясениями в Крыму. В этих разговорах прошел вечер. Утром Классен и Ваал вернулись в Спат, а я автобусом поехал по южному берегу до Ялты. В Ялте я переночевал в общежитии «Турист». Утром я на катере поехал в Алушту, а оттуда автобусом обратно в Симферополь, и дальше поездом до ст. Сарабуз, в село Спат. Так прошла это поездка. Мне не ясно, какой именно эпизод из этой поездки Классен мог обозначить попыткой к собиранию шпионских сведений. Помню, по пути из Симферополя в Севастополь было вот что: когда поезд под<ъ>езжал к Севастополю, проводник прошел по вагону и закрывал окна. На вопрос одного из пассажиров, зачем он это делает, проводник ответил: «Пограничная зона, разве не знаете?» Ваал или Классен, не помню, кто из них, после этого сказал мне: «Сейчас начнутся тун<н>ели».

Г. Завацкий

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбез<опасност>и Горбанос

Л.д. 35.

Давид Генрихович Шелленберг происходил из семьи сельского учителя. Этого я, однако, достоверно не знаю. По моему он поступил в Немпедтехникум в 1924 г. Приехал он из Молочан-

ска (Гальбштадт). В 1926 году он бросил Немпедтехникум и уехал из Ленинграда в Москву, где он работал в литературном отделе Немецкой Центральной Газеты («DZZ»). Приблизительно с 1929 года он работал в Харькове в редакции редактором немецкого литературного журнала «Дер Штурмшритт». С этой работы он был снят в 1933 году. После этого он одно время жил в Москве как писатель-профессионал. В 1935 г. я услышал, что он арестован в Харькове.

С Шелленбергом я встречался в 1926 г. Потом в 1933 году на конференции немецких писателей в Москве, осенью 1934 во время I Всесоюзного Съезда сов. писателей, тоже в Москве и в начале 1935 или в конце 1934 г. здесь в Энгельсе; он приезжал в Немгосиздат с рукописью романа. <приписка:> для заключения договора об издании своего романа.

Г. Завацкий.

13/XI-1938 г.

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 36-41.

О Ленинградском Немецком Клубе («Deutscher Kulturverein = Немецкое Культурное Общество»)

Когда Немпедтехникум осенью 1925 г. был переведен из Москвы в Ленинград, менялся и его преподавательский состав; преподаватели набирались из научных сил Ленинграда. Среди этих новых преподавателей самыми «видными» были проф. Вульфius и проф. Клейненберг. В техникуме Вульфius в обращении со студентами проявлял какой-то показной «демократизм», какое-то подписывающее панебратство; слово «товарищ» его тут не шокировало, он «мило» шутил, бывал иногда на студенческих вечерах и изображал польщенного кавалера, если какая-нибудь из студенток приглашала его на вальс, он даже рассказывал анекдоты и всячески старался доказать, что ему среди советской молодежи очень весело.

Почти с первых же дней он стал приглашать студентов техникума в «Немецкий Клуб» («Deutscher Kulturverein»). Студенты ходили туда группами. Здесь в «Немецком Клубе» Вульфius был совершенно другим; здесь он держался как «человек высшего общества», между ним и студентами, с которыми он так любезничал в техникуме, здесь сразу появилась какая-то «стеклянная стена». Члены «Немецкого Клуба» так и льнула к нему; его появление вызывало неистовый восторг, кругом только и слышалось «Ах, профессор Вульфius <...> выступает господин проф. Вульфius <...> шать его!» и т.д. в этом роде. <...> Вульфius официальным руководителем «Немецкого Клуба», но что он был фактическим его руководителем, его душой, это сразу понял каждый, кто хоть один раз побывал в этом клубе.

Вся обстановка в Клубе, его атмосфера, удручающе действовала на лучшую часть студенчества. Слово «товарищ» в этом клубе не только избегалось, но с подчеркнутым отвращением отвергалось. То и дело здесь слышалось обращение «господин», «мадам» и «фрейлейн». «Дам», ходивших в Клуб, нельзя было представить себе без лорнета. Появление комсомолок из техникума, особенно если они пришли в красной косынке, их очень шокировало; они их в упор рассматривали через свои лорнеты, отворачивались с большим отвращением и делали оскорбляющие замечания по адресу «этих простолудинок», при чем они это делали так, чтобы девушки из техникума это услышали.

Из всей этой обстановки и из того, что наши студенты говорили, я уже тогда понял, что этот «Клуб» не какое-нибудь культурное учреждение, а место сборища старой контрреволюционной буржуазной интеллигенции. Насколько я знаю, члены этого клуба были профессора, доценты, инженеры, врачи и т.д. Я этого не хочу доказать, но судя по всему среди них было не мало предателей расплывшейся по «щелям» буржуазии. Г. Завацкий

13/XI 38 г.

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 38.

О «Немецком Рабочем Клубе» в Ленинграде.

О контрреволюционной деятельности этого клуба мне известно следующее: германские эмигранты, составляющие основную массу его членов, всячески вбивали студентам в голову, что Советской России очень далеко до «культурной и благоустроенной Германии». На вечерах, на которых все студенты общались с эмигрантами, за бутылкой пива очень часто слышались из уст эмигрантов такие выражения: «Вы бы посмотрели на образцовый порядок в Германии!» «Берлин, да, вот это город!» «Вы бы посмотрели на германскую культуру. Та рабочие одеваются лучше чем ваши преподаватели» или «У нас в Германии когда работают, так уж действительно работают! А тут у вас что? Русский народ не любит работу и не привык к порядку и чистоте» и т.д. О пролетарской революции большинство араторов обычно говорило в таком тоне, якобы она по существу и еще не началась. По моему это делалось с той целью, чтобы умалять великие победы Октябрьской революции в глазах студентов.

Помимо этого эмигранты своим поведением и своей агитацией старались разлагать и в бытовом отношении; они не редко пьянствовали в клубе. На одном новогоднем вечере, на котором присутствовало много матросов с иностранных пароходов, был такой случай. Поздно, когда все участники уже изрядно выпили, кто-то сообщил, что пароход, с которого еще накануне группа матросов на вечере, утонул в Финском Заливе. После этого один из эмигрантов с бутылкой в руках встал на стул и кричал: «Такова наша жизнь; сегодня мы живем, а завтра умрем. так давайте же пить и веселиться!»

Г. Завацкий.

13/XI-38 г.

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 39-41.

Вебер завербовал меня в подпольную контрреволюционную организацию в Немреспублике в 1934 г., весной. Я знал Вебера как преподавателя Немпединститута, а потом как наркома просвещения, но ближе я с ним познакомился уже позже, примерно во II^{ой} половине 1933 года. Вебер наверное замечал мои кулацко-националистические настроения в <и> взгляды, и при всяком удобном случае он затеял разговоры, в которых мы высказывать свои взгляды и развивать и укрепить мои взгляды в желательном для него направлении. Излюбленной темой этих разговоров была литература, немецкий язык и в час<т>ности диалекты немецкого языка. Он с большим восторгом говорил о старой поэме некоего Куфельда «Песня о кюстере Дейсе» («Das Lied vom K ster Deis»), в которой автор в националистически-шовинистическом духе повествует о прошлом немецких колонистов Поволжья. Немцы колонисты в этом произведении изображаются как мирные и трудолюбивые люди, а их соседи, казахи – как дикие, кровожадные звери, которые нападали на колонистов, убивали их, или продовали их в рабство. Кюстер Дейс показан как мудрый и добродетельный глава колонистов, у которых якобы не было никаких различий в положении и в интересах. Дальше мы говорили о достоинствах немецкого языка, о его богатом разнообразии, о диалектах немецкого языка. На эту тему Вебер мог говорить часами. Диалекты он рассматривал как доказательство живучести национальной культуры немцев, как проявление их самобытности. Вебер неоднократно высказывал сожаление о том, что диалекты под воздействием культурной революции все больше стушываются и радовался, когда диалект применялся в произведениях писателей Немреспублики. Я понимал, что Вебер цепляется за отмирающие элементы кулацкой, националистической культуры, искусственное оживление которых в определенной мере может помешать культурному росту немцев Поволжья, может помешать их приближению к социали-

стическому культурному строительству и о<т>чуждать их от русского народа, должно развивать в них националистические, шовинистические чувства и стремления. На этой почве я все больше сближился с Вебером. Чтобы подготовить меня окончательно к завербовке, Вебер пускал в ход и более примитивные приемы. Он льстил мне, хваля мои первые литературные произведения, и выставляя на показ свою дружбу со мной. Особенно заметно он это сделал летом 1934 г. во время республиканской ученической олимпиады, которая проводилась в летнем театре. В летнем театре тогда выступала труппа московского детского театра, руководимого артис<т>кой Наталией Сац. Руководитель В жюри олимпиады выбиралась художественная руководительница этой труппы, фамилии которой я не помню. И вот Вебер перед всей массой учеников и перед московскими гостями выдвигал в жюри и мою кандидатуру, отрекомендовав меня как писателя Немреспублики. Мне это было очень лестно. Во время выступлений участников олимпиады он обратил особое внимание на народные песни и танцы, ярче других отражающие национальную сторону культуры немцев Поволжья. При этом он в каждом случае спрашивал и моего мнения. Я ему поддакивал. Во время перерывов мы вместе гуляли по парку, на виду у ученической массы.

После окончания олимпиады мы вместе пошли домой; я жил на ул. им. Персидского, он на бывшей Новоузенской. Это было под вечер. На улицах было мало людей. Мы говорили об олимпиаде, а потом о культуре немцев Поволжья вообще. Вебер говорил о том, что постарается подготовить следующую олимпиаду еще лучше, чтобы показать Немреспублику так сказать во всем блеске своей национальной самобытности. Я сказал ему, что это было бы очень желательно. И вот тогда он стал говорить со мной откровенно. Он сказал, что в Немреспублике существует подпольная контрреволюционная организация, которая ставит себе задачей вести националистическую пропаганду, развивать и укреплять национальную буржуазную националистическую культуру немцев Поволжья и разжигать у населения шовинистические настроения и стремления. В дальнейшем эта организация по его словам при возникновении благоприятного положения, т.е. при возникновении войны, или интервенции, или другого бедствия, ввергающего нашу страну в затруднение, собирается содействовать свержению Советской власти, которая мешает расцвету культуры немцев Поволжья. Это заявление меня ошарашило, и когда я высказывал свои сомнения и опасения, Вебер сказал мне, что руководителями этой организации являются такие люди как Вельш и Фрешер. Тогда я согласился работать по его указаниям, т.е. стать членом этой контрреволюционной организации. Из членов этой организации Вебер называл себя и своего друга Вормсбехера, преподавателя КомВУЗа. Тут же он дал мне понять, что большое знакомство члена этой организации с другими ее членами в целях конспирации нежелательно. Вебер дал мне задание, вести кулацко-националистическую пропаганду среди писателей Немреспублики, т.е. повлиять на них так, чтобы они своими произведениями воздействовали в этом именно духе на читательские массы. Одновременно он мне рекомендовал крайнюю осторожность и осмотрительность. Вебер мне так же поручил, по возможности завербовать новых <...> из среды писателей, но вести <...> подготовку, чтобы итти наверняка <...>

Я согласился выполнить <...>

13/XI-38 г.

Собственноручные показания обв. Завацкого

Принял Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 42-67.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1938 г. Ноября 14^{го} дня. Я, Вр. пом. нач. 3 отд УГБ НКВД АССРНП мл лейт. госбез. Горбанос допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия	<i>Завацкий</i>
2. Имя и отчество	<i>Гергард Генрихович</i>
3. Дата рождения	<i>1901 г.</i>
4. Место рождения	<i>с. Никольское, Славгородского окр. Алтайского края</i>
5. Местожительство	<i>г. Энгельс, ул. Ленина 148</i>
6. Нац. и гражд.	<i>немец, гражданин СССР</i>
7. Паспорт	
8. Род занятий	<i>заместитель ответственного редактора литературного журнала «Дер Кемпфер»</i>
9. Социальное происхождение	<i>из крестьян середняков</i>
10. Социальное положение	
а) до революции	<i>жил при отце, занимался сельским хозяйством</i>
б) после революции	<i>учился, служащий с 1921 г.</i>
11. Состав семьи	<i>жена – Завацкая София Густавовна, прожив. в г. Энгельсе, учительница, сыновья: Эрнст 12 лет и Эрик 4 г. братья – Генрих прож. в с. Александровке Славгородского округа, работает в колхозе, Карнелиус, прож. в с. Никольское, Славгородского округа, работает в колхозе, Иван работал трактористом в Подсосновской МТС арестован, Франц прож. в с. Никольское, Давид, учится в Славгороде в техникуме.</i>
12. Образование	<i>высшее педагогическое</i>
13. Партийность	<i>быв. канд. ВКП/б/</i>
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др.	
а) до революции	<i>нет</i>
б) после революции	<i>нет</i>
15. Какие имеет награды	<i>не имеет</i>
16. Категория воинского учета-запаса	<i>рядовой, в военном столе горсовета, г. Энгельс</i>
17. Служба в Красной Армии	<i>С ноября 1919 по февраль 1920 г. санитаром</i>
18. Служба в белых и др. к-р. армиях	<i>В армии Колчака с Июля 1919 г. по Ноябрь 1919 г.</i>
19. Участие в бандах	<i>не участвовал</i>
20. Сведения об общественно-политической деятельности	<i>до ареста пропагандист</i>

Вопрос. Вы арестованы, как один из активных участников контрреволюционной фашистской организации, существовавшей в Немреспублике. Требую от вас по этому вопросу правдивых и исчерпывающих показаний.

Ответ. Поняв всю бесцельность моей борьбы с Советской властью, я решил, на первом же допросе, правдиво рассказать о своей антисоветской деятельности, которую проводил на протяжении ряда лет, чтобы этим, хотя бы несколько умалить свою вину перед Советским народом. Прежде чем приступить к изложению моей практической организованной контрреволюционной работы, проводившейся мной, как участник антисоветского фашистского подполья, я хочу остановиться на некоторых фактах предшествовавших этому.

Я вырос и воспитывался в затхлой, реакционной и фанатически-религиозной меннонитской среде, где все было пропитано враждебным отношением ко всему новому, ко всему, что принесла победа пролетарской революции. Весь быт моего родного села и вся жизнь в отцовском доме были пронизаны враждебностью к другим национальностям; кроме родного немецкого языка, ни один другой язык не был в почете. Этот яд я впитывал с детства и, впоследствии, несмотря на

окружающую меня советскую действительность, не сумел преодолеть его вредное действие. В результате я очутился в контрреволюционном фашистском лагере и стал врагом советского народа.

В 1922 г. органы советской власти послали меня на учебу, из глухой деревушки состоящей из 36 крестьянских дворов, в Москву. Вместо того, чтобы впитывать в себя только все то положительное, что Москва так щедро предоставляла всей учащейся советской молодежи, я прислушивался к разговорам и суждениям студентов, педагогов выходцев из мелко-буржуазных семей. Я мало думал об общих делах, разрешением которых были заняты миллионы и заботился только о себе, о своем личном благополучии. Наибольшее влияние на меня, из них, имел Шелленберг Давид Генрихович, имевший подготовку в объеме коммерческого училища с которым я сблизился и рассматривал его, как интеллигента «Довоенного производства».

Вопрос. Кто такой Шелленберг?

Ответ. Шелленберг Д.Г. урож. с. Молочанска Днепропетровской области, происходит из семьи сельского учителя. В 1926 году он бросил учебу в Ленинградском немпедтехникум и выехал в Москву, где работал в литературном отделе немецкой центральной газеты «Дойче централ цейтунг». С 1929 г. он работал в Харькове редактором немецкого литературного журнала «Дер Штурмшритт». С этой работы он был снят в 1933 г. за то что пропустил в печать политически невыдержанное, кулацкое стихотворение. После этого Шелленберг жил в Москве и в 1935 году якобы был арестован в Харькове.

Вопрос. Продолжайте свои показания.

Ответ. Шелленберг уже тогда был контрреволюционно настроен. Однако его влияние на меня в полной мере сказалось в 1925 году, в Ленинграде, куда был переведен Московский немпедтехникум. Вскоре Шелленбергом была организована контрреволюционная группа, действовавшая под вывеской «литературного кружка». В состав этой группы входили:

1. Я – Завацкий Гергард Генрихович

2. Вильмс Иван Иванович – студент немпедтехникума, в 1920-21 году работал учителем в с. Никольское Славгородского Округа Алтайского края. После педтехникума работал в Ейске и Запорожье.

3. Фризен Исаак (отчество не помню) студент немпедтехникума, урож. немецких колоний Оренбургской обл. В 1929-30 г. работал педагогом в Немреспублике.

С Фризенем я встречался в 1937 г. в г. Энгельсе в кабинете директора немгосиздата. Приехал он тогда из Оренбурга с тем, чтобы сделать заказ на учебники. В этой же контрреволюционной группе состоял студент Герстенбергер. Имя и отчество не помню, но он скоро уехал и о нем ничего больше не слышал. Участники названной группы проводили контрреволюционную националистическую пропаганду среди студентов, дискредитировали комсомольцев и молодых преподавателей, закончивших свое образование при Соввласти, восхваляли буржуазную немецкую культуру и руководителей существовавшего тогда «немецкого клуба» – Вульфуса и Клейненберга.

Вопрос. Остановитесь более подробно на деятельности этого клуба.

Ответ. О деятельности «немецкого клуба» я осведомлен чрезвычайно мало. В нем я был всего один раз. Активную роль в этом клубе играл профессор Вульфус, проводивший большую работу по вовлечению студентов немпедтехникума в «немецкий клуб», являвшийся местом сборищ буржуазной интеллигенции г. Ленинграда. Слово «товарищ» в этом клубе не только избегалось, но с подчеркнутым отвращением отвергалось. Слышалось обращение «господин», «мадам» и «фрейлейн». Довольно часто я посещал «Рабочий Клуб». Основную массу его членов составляли германские эмигранты, обрабатывавшие в контрреволюционном духе студентов немпедтехникума. Они восхваляли германскую культуру и всячески вбивали студентам в голову, что Советской России очень далеко до «культурной и благоустроенной Германии». Это все, что мне известно о деятельности немецкого и рабочего клубов существовавших в г. Ленинграде.

Вопрос. Расскажите о своей последующей антисоветской работе.

Ответ. Осенью 1928 г. после окончания института им. Герцена я поехал в АССР немцев Поволжья, в г. Бальцер, где поступил на работу в школу десятилетку и в текстильный техникум. За

время моей педагогической деятельности в Бальцере и первые годы своей работы в г. Энгельсе я в каких-либо контрреволюционных формированиях участия не принимал. Но тем не менее я был антисоветски настроен и не освободился от националистических убеждений, которые привились во мне в «Литературном кружке» Шелленберга и в немецких клубах в Ленинграде.

Летом 1931 года, решением бюро обкома ВКП/б/ я был переведен в Энгельс на должность ответственного секретаря ассоциации пролетарских писателей АССР немцев Поволжья. В качестве секретаря ассоциации пролетарских писателей АССРНП я редактировал литературные страницы газеты «Нахрихтен». Здесь, в редакции «Нахрихтен», я в 1931 году, познакомился с начинающим поэтом и драматургом – Заксом Андреасом Адамовичем, работающим в настоящее время литературным консультантом в немгостеатре в г. Энгельсе. Вскоре я заметил в его литературном творчестве – в его первых стихах и очерках, националистические тенденции. Закс с большой охотой применял диалект, распространенный в его родном кантоне на нагорной стороне Немреспублики. По существу склонность Закса переключалась с теми антисоветскими делами, которые проводил я и другие участники контрреволюционной группы существовавшей в немпедтехникуме в г. Ленинграде и действовавшей под видом «литературного кружка». На этой констатации литературного «творчества» Закса между ним и мной наверное кончилось бы, без дальнейших последствий, если бы не произошло мое роковое знакомство с быв. народным комиссаром просвещения АССРНП – Вебером Александром Яковлевичем, который завербовал меня в контрреволюционную фашистскую организацию орудовавшую в Немреспублике.

Вопрос. Когда и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в контрреволюционное фашистское подполье Вебером?

Ответ. Вебера я знал, как преподавателя немпединститута, а потом, как наркома просвещения, но ближе я с ним познакомился во 2^{ой} половине 1933 года. Вебер видимо замечал мои кулацко-националистические настроения и при всяком удобном случае вел со мной беседы в которых высказывал свои националистические убеждения и развивал и укреплял мои взгляды в желательном для него направлении. Излюбленной темой этих разговоров была литература, немецкий язык, и в частности диалекты немецкого языка. Он с большим восторгом говорил о старой поэме некоего Куфельда «Песня о кюстере Дейсе», в которой автор в шовинистическом духе повествует о прошлом немецких колонистов Поволжья. Вебер неоднократно высказывал сожаление о том, что диалекты немецкого языка под воздействием культурной революции все больше ступовываются и радовался, когда он применялся в произведениях писателей Немреспублики. Я понимал, что Вебер цепляется за отмирающие элементы националистической культуры, искусственное оживление которых в определенной мере может помешать культурному росту немцев Поволжья и очуждать их от русского народа. В этих беседах я всегда поддерживал Вебера и разделял его контрреволюционные взгляды и на этой почве я с ним близился. Чтобы подготовить меня окончательно к вербовке в контрреволюционную организацию, Вебер пускал в ход и более примитивные приемы. Он льстил мне, хваля мои первые литературные произведения и выставлял на показ свою дружбу со мной.

Особенно заметно Вебер это сделал летом 1934 года во время республиканской ученической олимпиады проводившейся в летнем театре в г. Энгельсе, где выступала труппа московского детского театра. Вебер, тогда, перед учениками и московскими гостями выдвигал в жюри и мою кандидатуру, отрекомендовав меня, как писателя Немреспублики. После окончания олимпиады мы вместе пошли домой. Вебер пригласил меня к себе на квартиру и тогда же, рассказал мне о том, что в Немреспублике существует контрреволюционная фашистская организация и предложил мне примкнуть к ее деятельности.

В начале я высказал свое опасение, но после того, как Вебер назвал мне руководителей этой контрреволюционной организации, – быв. председателя ЦИКа АССРНП – Вельша и быв. секретаря обкома ВКП(б) – Фрешера я, на предложение Вебера, ответил согласием.

Вопрос. Какие задачи ставила перед собой ваша контрреволюционная организация?

Ответ. Как одну из основных и главных задач наша контрреволюционная фашистская орга-

низация ставила себе целью, – свержение советской власти и восстановление буржуазного строя. Этого, сказал Вебер, мы должны достичь путем проведения контрреволюционной пропаганды среди немецкого населения и разжигания национальной вражды, создания контрреволюционных кадров, которые должны будут в военное время организовать и возглавить антисоветские выступления и оказать действенную помощь интервентам в свержении Советской власти.

Вопрос. Назовите известных вам участников контрреволюционной организации.

Ответ. О составе нашей антисоветской фашистской организации я осведомлен очень мало, так как в разговоре с Вебером, по этому вопросу, он дал мне понять, что большое знакомство участники этой организации с другими ее членами, в целях конспирации нежелательно. Как я показал уже выше, Вебер назвал мне, как руководителей нашей контрреволюционной организации, Вельша и Фрешера. Несколько позже Вебер мне сказал, что участником этой организации является его друг Вормсбехер (имя и отчество не знаю) работавший преподавателем в комвузе (арестован).

Вопрос. С кем из перечисленных вами лиц вы были связаны по контрреволюционной работе?

Ответ. По контрреволюционной работе я был связан только с Вебером, под руководством которого протекала вся моя антисоветская деятельность.

Вопрос. В чем конкретно выражалась ваша контрреволюционная деятельность.

Ответ. В соответствии с указаниями Вебера я прививал писателям Немреспублики (Заксу, Генке и др.) буржуазно-националистические взгляды и вызывал в них стремление своими произведениями воспитывать читательские массы в шовинистическом контрреволюционном духе. Кроме того, Вебер дал мне задание, после соответствующей обработки, вербовать из среды интеллигенции людей в нашу организацию, соблюдая при этом необходимую осторожность и осмотрительность.

Вопрос. Что вами было выполнено по этому вопросу?

Ответ. Самым подходящим объектом для вербовки в нашу контрреволюционную фашистскую организацию я считал Закса Андреаса Адамовича. Как я показал выше Закс своим литературным творчеством поддерживал реакционные элементы в развитии языка, в культуре. В 1937 году Закс был исключен из рядов ВКП/б/ за связь с разоблаченными врагами народа – быв. сотрудником газеты «Нахрихтен» Вокуным и быв. работником обкома ВКП/б/ Немреспублики Кернером. Впоследствии Закс был восстановлен в партии со строгим выговором. В связи с исключением его из партии Закс, в беседе со мной, высказывал свое недовольство. Воспользовавшись этим я, летом 1937 года, в одной из бесед, происходившей в редакции, в моем рабочем кабинете, прямо поставил вопрос перед Заксом о том, что политика коммунистической партии и Советского правительства направлена на ущемление интересов немецкого населения и, что в связи с этим необходимо вести работу направленную к свержению существующего в СССР государственного строя.

Тогда же я рассказал Заксу о том, что в Немреспублике существует контрреволюционная фашистская организация и предложил ему принять участие в ее деятельности. Проинформировав Закса о задачах нашей организации я сказал ему, что он своей литературной деятельностью уже принес ей большую пользу. Получив от Закса согласие на участие в нашей контрреволюционной фашистской организации, я предложил ему проводить своим литературным творчеством антисоветскую националистическую пропаганду и по возможности расширять состав нашей организации за счет вербовки новых лиц.

Вопрос. Кого Закс знает, как участников организации и с кем из них он был связан по контрреволюционной работе?

Ответ. При вербовке я назвал Заксу, как руководителей нашей фашистской организации Вельша и Фрешера, но с ними он не был связан.

Вопрос. Вы показали выше, что Заксу вы дали задание вербовать людей в контрреволюционную организацию. Что практически было им сделано в этой области.

Ответ. О его вербовочной деятельности мне ничего не известно.

Вопрос. Кого, кроме Закса, вы завербовали в контрреволюционную организацию?

Ответ. В начале 1937 года я начал обрабатывать молодого поэта Генке Герберта (отчество не помню) работающего в настоящее время в редакции литературного журнала «Дэр Кемпфер». Как я заключил из известных мне литературных произведений Генке, он был националистически настроен. Я льстил Генке, указывал ему при каждом удобном случае на образцы германской националистической поэзии, в частности на стихотворение «Тигр» и на высокое литературное мастерство Шелленберга. Дальше я поощрял Генке в его хотя и не особенно резко выраженную, но все же явно заметную неприязнь к русской классической поэзии. Это я делал с предельной осторожностью и в туманной форме. Генке очень туго поддавался моим контрреволюционным внушениям, поэтому я опасался стать слишком откровенным и в конце концов отстал от своего намерения завербовать его. Этому исходу начатой мной контрреволюционной затеи способствовало моя растерянность и боязнь после ареста Вельша и Фрешера.

Вопрос. Расскажите с кем Вы, кроме Вебера были связаны по контрреволюционной работе?

Ответ. В 1931 году в немпединституте в г. Энгельсе учился мой двоюродный брат Классен Генрих Иванович. Помимо своей учебы он работал еще диктором Энгельсского радиотрансляционного узла, переводчиком в газете «Нахрихтен» и, если не ошибаюсь, Классен одно время являлся сотрудником наркомпроса. Классена я знал, как буржуазного националиста до мозга костей и в беседе со мной, в 1934 г. он очень лестно отзывался о Вебере. О принадлежности Классена к контрреволюционному фашистскому подполью и его связи по антисоветской работе с Вебером, мне до 1935 года не было известно. В 1935 году, осенью, когда я собирался в очередной отпуск, Классен, в одном письме, пригласил меня к себе в Крым, село Спат (вблизи ж-д станции Сарабуз) где он работал учителем средней школы. О моем намерении поехать в Крым к Классену узнал Вебер. В разговоре со мной по вопросу моей предстоящей поездки в Крым, Вебер предложил мне сказал, что Классен «наш человек» и предложил мне связаться с ним, как одним из руководителей контрреволюционной фашистской организации существующей в Крыму, проинформировать его о деятельности нашей организации в Немреспублике и узнать какую контрреволюционную работу ведет Классен и другие участники организации. С этими контрреволюционными заданиями я, осенью 1935 года, поехал в Крым.

При встрече с Классеном я ему передал суть моего разговора с Вебером и рассказал ему о деятельности нашей антисоветской фашистской организации в Немреспублике, что Вебер, пользуясь своим служебным положением в школах форсирует изучение немецкого языка в ущерб русского, что в Немреспублике создаются контрреволюционные кадры для активной борьбы с Советской властью. Классен мне сказал, что он по примеру Вебера ведет аналогичную антисоветскую работу в Крыму. Как активных участников контрреволюционного фашистского подполья существующего в Крыму, Классен мне назвал следующих лиц:

1. Винса Корнея Корнеевича – заведующего спатской средней школы.
2. Дридегера Якова (отчество не знаю) быв. студента Симферопольского пединститута.

В Крыму, в селе Спат, я прожил 3 недели, после чего возвратился в Энгельс.

Вопрос. Вы ничего не рассказали о своей шпионской и террористической деятельности. Требую от вас по этому вопросу правдивых показаний.

Ответ. Шпионско-террористической работой я не занимался.

Вопрос. Неправда! Вы скрываете от следствия свою шпионскую и террористическую деятельность. По этим вопросам вы будете дополнительно допрошены. <...>

Допросил В. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп. *Гарбонос*

Л.д. 69-72.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 29^{го} ноября 1938 года

На допросе 14^{го} ноября 1938 г. вы скрыли от следствия свою шпионскую и террористическую деятельность. Требуем от вас по этому вопросу правдивых показаний.

Ответ. В своих показаниях от 14/ХІ-с/г. я подробно и честно рассказал о своей контрреволюционной работе, которую проводил на протяжении ряда лет до дня моего ареста.

Я рассказал о соевй связи по антисоветской деятельности с одним из руководителей контрреволюционной фашистской организации существовавшей в Немреспублике Вебером по заданию которого я в 1935 году установил связь по контрреволюционной работе с руководителем фашистского подполья Классеном в Крыму. Вместе с тем я должен заявить, что шпионской террористической деятельностью я не занимался.

Вопрос. Вы в Балаклаву ездили?

Ответ. Да.

Вопрос. С кем?

Ответ. С Классеном и Валл.

Вопрос. С какой целью вы в 1935 г. вместе с Классеном и Валл ездили в Балаклаву

Ответ. Посмотреть Бухту.

Вопрос. Неправда. Следствием установлено, что поездка в Балаклаву была связана со сбором шпионских материалов. Вы это подтверждаете?

Ответ. Нет.

Вопрос. Зачитываю вам показания Классена Генриха Ивановича от 29^{го} июля 1938 года, где говорится: «Основной целью моей совместной поездки с Завацким в Балаклаву было, под видом экскурсий установить месторасположение берегового укрепленного района» Подтверждаете ли вы показания Классена Генриха Ивановича

Ответ. Нет, не подтверждаю. <...>

Зам. нач. 3 отд. УНКВД серж. госбезоп *подпись*

Допросили: Врид. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбез. *Гарбонос*

Пом. прокурора АССРНП *подпись*

Л.д. 73-74.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергардта Генриховича
от 13^{го} декабря 1938 года

Вопрос. Вам предъявлено обвинение по ст.ст. 58⁶ и 58⁸ УК РСФСР. Признаете себя в этом виновным?

Ответ. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как шпионской и террористической деятельностью я не занимался. Я признал себя виновным только в том, что я являлся участником контрреволюционной фашистской организации существовавшей в немреспублике и по заданиям ее руководителей занимался вербовкой лиц в названную выше организацию, вел националистическую фашистскую работу и устанавливал связь по контрреволюционной работе с руководителями антисоветской фашистской организации существовавшей в Крыму. <...>

Допросил Вр. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбезоп. *подпись* /Гарбонос/

Л.д. 75-82.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергардта Генриховича
от 14^{го} декабря 1938 года

Вопрос. В каком году вы установили связь по контрреволюционной работе с Классеном Генрихом Ивановичем?

Ответ. С Классеном Г.И. я установил связь по антисоветской деятельности осенью 1935 года, по заданию Вебера являвшихся одним из руководителей нашей контрреволюционной организации существовавшей в немреспублике. До осени 1935 года я с Классеном по контрреволюционной работе не был связан.

Вопрос. Неправда. Следствием установлено, что с Классеном вы были связаны по антисоветской деятельности с 1931 г. Почему вы это скрываете?

Ответ. Я ничего не намерен скрыть от следствия. О всей моей преступной деятельности я дал правдивые показания на предыдущих допросах. Я еще раз заявляю, что <с> Классеном, до 1935 года, по контрреволюционной работе не был связан.

Вопрос. Зачитываю вам показания обвиняемого Классена Генриха Ивановича от 29 июля 1938 года, где говорится: «...В 1931 году я выехал на учебу в государственный нем. педтехникум г. Энгельса... За время моего пребывания в г. Энгельсе я продолжал сообщать Эппу в Канаду шпионские сведения... Особенно помню меня снабжал шпионскими сведениями мой двоюродный брат Завацкий Гергардт... Завацкий систематически снабжал меня важными шпионскими данными, в частности о расположении воинских частей на территории Немреспублики, их род оружия»... Что вы можете сказать по этому вопросу.

Ответ. Это неверно. Классену я никаких шпионских материалов не давал и с ним по этому вопросу никогда не беседовал.

Вопрос. Валл Борис Корнеевич вам известен?

Ответ. Да. С ним меня познакомил в 1935 году Классен Г.И. во время моего пребывания в Крыму.

Вопрос. Следствию известно, что вы были связаны по шпионской деятельности с Вал<л> Б.К. Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Нет.

Вопрос. Зачитываю вам показания обвиняемого Валл Бориса Корнеевича от 19^{го} августа 1938 года, где говорится: «...Во время приезда Завацкого я, Классен и Завацкий выезжали в Севастополь разведать Севастопольский укрепленный район. Этими сведениями очень интересовался также Завацкий». Подтверждаете ли вы показания Валл Бориса Корнеевича?

Ответ. Во время моего пребывания в Крыму, осенью 1935 года, я, Валл и Классен сделали прогулку в Севастополь и Балаклаву, где мы ознакомились с городом, Севастопольской панорамой и балаклавской бухтой. Сбором шпионских материалов мы не занимались и поэтому вопросу я, Классен и Валл никаких разговоров не вели.

Вопрос. Вы знакомы с Нефф?

Ответ. Нефф (имя и отчество не знаю) мне известен. С ним меня познакомил Классен в 1935 году.

Вопрос. Какие контрреволюционные беседы вы вели с Нефф?

Ответ. С Нефф, я никаких антисоветских разговоров не вел.

Вопрос. С кем из участников контрреволюционной фашистской организации прож. в Крыму вы поддерживали письменную связь.

Ответ. В 1936 году я поддерживал письменную связь с руководителем фашистской организации существовавшей в Крыму, – Классеном Генрихом Ивановичем. В своих письмах к Классену я указывал, что я предполагаю использовать свой отпуск в 1936 году на южном берегу Крыма. В начале 1937 года я написал Классену письмо, в котором я просил его узнать мнение Мартенса Корнелиуса о моей книге.

Вопрос. Следствию известно, что ваша письменная связь с Классеном носит контрреволюционный характер. Вы это подтверждаете?

Ответ. Нет. В своих письмах к Классену я ничего контрреволюционного не излагал.

Вопрос. Когда и где вы использовали свой «отпуск» в 1936 году.

Ответ. Свой отпуск в 1936 году в октябре или ноябре м-це я использовал в Ливадии.

Вопрос. Следствием установлено, что в 1936 году вы под видом отдыха приезжали в Ливадию с террористическими заданиями. Требую от вас по этому вопросу правдивых показаний.

Ответ. Террористической деятельностью я не занимался. В Ливадии я, в 1936 году, отдыхал и никакой контрреволюционной работы не вел.

Вопрос. Зачитываю вам показания Валл Б.К. от 2/IX-1938 года где говорится: «...Нефф сообщил нам, что он договорился с председателем Союза писателей Республики немцев Поволжья – Завацким об изучении мест, где отдыхают руководители партии и Советского правительства. С этой целью Завацкий, по словам Нефф должен приехать в Крым под видом лечения. Действительно летом 1936 года Завацкий под видом отдыха приезжал в Ливадию, где тщательно изучал маршруты поездок товарища Молотова и дачи, где он отдыхал на Южном берегу Крыма. Позже Нефф получил от Завацкого, через члена организации Классена сообщения о маршрутах поездок тов. Молотова»... Дайте по этому вопросу правдивые показания.

Ответ. Никаких материалов о подготовке террористического акта против товарища Молотова я Классену не передавал и никогда террористической деятельностью я не занимался. <...>

Допросил Вр. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбезоп. *Гарбонос*

Л.д. 83-84.

Протокол дополнительного допроса
обв. Завацкого Гергарда Генриховича
от 27 декабря 1938 года

Вопрос. Сего числа вам предъявлено обвинение по ст.ст. 58⁶, 19-58⁸, 58¹⁰ и 58¹¹ УК РСФСР. Признаете себя в этом виновным.

Ответ. Я признаю себя виновным в том, что я являлся участником контрреволюционной фашистской организации и в проведении антисоветской пропаганды т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 58¹⁰ и 58¹¹ УК РСФСР. В предъявленном мне обвинении по ст.ст. 58⁶, 19-58⁸ УК РСФСР виновным себя я не признаю, так как шпионской и террористической деятельностью я не занимался. <...>

Допросил Вр. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбезоп. *подпись /Гарбонос/*

Л.д. 85-89.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 30^{го} декабря 1938 года

Вопрос. Вы назвали всех известных вам участников контрреволюционной фашистской организации существовавшей на территории Немреспублики?

Ответ. На предыдущих допросах я показал, что по антисоветской деятельности я был связан только с Вебером Александром Яковлевичем являвшимся одним из руководителей нашей фашистской организации. Со слов Вебера А.Я. мне известно, что руководителями нашей фашистской организации являлись также быв. секретарь обкома ВКП/б/ АССРНП – Фрешер и быв. председатель ЦИК'а АССР Немцев Поволжья – Вельш, но с ними я по контрреволюционной работе не был связан. Других участников нашей фашистской организации существовавшей в Немреспублике я не знаю.

Вопрос. Знаете ли вы Шпана, Роора Александра и Гейценредера Адольфа?

Ответ. Да. Шпан, Роор и Гейценредер мне известны. Шпан (имя и отчество не знаю) в 1932 или 1933 году прибыл из Германии, как политэмигрант и до 1936 года работал преподавателем Немпединститута в г. Энгельсе. В 1936 году Шпан выехал в Москву и последнее местожительство его мне не известно.

Роор Александр, насколько мне известно, происходит из г. Мариентала того же Кантона АС-СРНП, с 1931 по 1935 год учился в Немпединституте в г. Энгельсе. После окончания пединститута Роор работал в редакции газеты «Роте Югент» в г. Энгельсе и в 1936 году он был арестован органами НКВД.

Гейценредер (имя и отчество не знаю) с 1931 по 1935 год учился в Немпединституте в г. Энгельсе. После окончания института Гейценредер работал инструктором наркомпроса и в начале 1938 года он был арестован органами НКВД.

Вопрос. Что вам известно о взаимоотношениях Классена Генриха Ивановича с Роор, Шпан и Гейценредер?

Ответ. Классен Г.И. с 1931 по 1935 г. учился в Немпединституте в г. Энгельсе, где преподавателем работал Шпан. Классен в беседе со мной отзывался о Шпане, как о хорошем знатоке Английского и немецкого языков. Роор и Гейценредер являлись однокурсниками Классена по немпединституту.

Вопрос. Следствию известно, что вы были связаны по контрреволюционной работе с Роор, Гейценредер и Шпан. Требую от вас по этому вопросу правдивые показания.

Ответ. С Роор, Шпан и Гейценредер я никакой связи по контрреволюционной работе не имел и об антисоветской деятельности перечисленных выше лиц мне ничего не известно.

Вопрос. Неправда. Роор, Шпан и Гейценредер вы знали, как участников вашей фашистской организации существовавшей на территории Немреспублики. Почему вы это скрываете?

Ответ. Я говорил правду. О принадлежности Роор, Шпан и Гейценредер к фашистской организации мне не известно.

Вопрос. Зачитываю вам показания Классена Генриха Ивановича от 29 июля 1938, где говорится: «...Мне известно со слов Завацкого только несколько человек организации, как то: Вебер быв. в то время Нарком просвещения, Шпан германско-поддан<н>ый, иноспециалист, преподававший в немпединституте английский язык, Александр Роор и Адольф Гейценредер – оба студенты пединститута»... Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Шпан, Роор и Гейценредер, как участников нашей фашистской организации я не знаю и по этому вопросу с Классеном я никогда не говорил. О принадлежности Классена к контрреволюционному фашистскому подполью мне стало известно только в 1935 году со слов Вебера, перед моей поездкой в Крым. Таким образом Классен знал Вебера, как участника фашистской организации еще тогда, когда он работал в Энгельсе. По заданию Вебера я, в 1935 году, ездил к Классену в Крым для установления связи по контрреволюционной работе. <...>

Допросил: Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбез. *Горбонос*

Л.д. 98.

Показания свидетеля Генке Герберта Густавовича 21 декабря 1938 г. <...>

Вопрос. Знакомы ли вы с Завацким Гергардом Генриховичем

Ответ. С Завацким Г.Г. я знаком по совместной работе в редакции журнала «Дер Кемпфер»

Вопрос. Что вам известно об антисоветской деятельности Завацкого Гергарда Генриховича?

Ответ. С Завацким я встречался исключительно в служебное время и в беседе со мной он, никогда, антисоветских убеждений не высказывал. В 1935 году я написал рассказ «Смерть Юры» который был помещен в газете «Путь Ленина» Бальцерского кантона. Этот рассказ по своему содержанию носил националистический характер и по этому поводу работник газеты «Нахрихтен» Лехтгофн написал свою рецензию. Я с мнением Лехтгофн не был согласен и по вопросу написанию мной рассказа говорил с Завацким. Завацкий тогда мне заявил, что написанный мной рассказ политически выдержан и никаких замечаний мне не сделал. Позже я понял, что в моем рассказе были допущены некоторые политические ошибки. Завацкий работал редактором журнала «Дэр Кемпфер» <...>

Допросил: Вр. пом. нач. 3 отд. мл. лейт. госбез. *Гарбонос*

Л.д. 107–116.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого НЕФФ Роберта Георгиевича

НЕФФ Роберт Георгиевич, 1896 г. рождения, урож. с. Тетанай, Колайского района, немец, гр-н СССР, б/п., образование незаконченное высшее, до ареста работал Зав. учебной частью и преподавателем физики Спатской средней школы, проживал в дер. Спат.

28 августа 1938 года.

ВОПРОС: Вы скрыли от следствия свою террористическую деятельность и диверсионно-террористическую деятельность организации в целом. Намерены ли Вы дать показания по этому вопросу?

ОТВЕТ: Да, намерен. Я должен признать, что действительно скрыл от следствия диверсионно-террористическую деятельность нашей фашистско-шпионской организации и сделал это сознательно, так как все мы были предупреждены членом центра нашей организации – ВИНСОМ Давидом, чтобы в случае ареста в коем случае не говорили о своей террористической деятельности.

Вопрос о терроре был поднят в организации еще в 1936 г. в связи со следующими обстоятельствами: во-первых, при встречах ШТЭПА настойчиво требовал активизировать нашу контрреволюционную и шпионско-террористическую деятельность. Об этом же постоянно напоминал и ВИНС Давид. Во-вторых, процесс над троцкистами, где террор являлся основной мерой борьбы с Советской властью – показал нам, что это самый реальный способ борьбы с Советской властью.

Обсуждая террористическую деятельность троцкистов, вникая в их методы борьбы с Советской властью, наша контрреволюционная группа, в составе – меня – НЕФФА, ВИНСА Корнея, ВАЛЛА Б.К., РЕДЕКОПА В.Н., ЭППА Г.Я., КЛАССЕНА Г.И., НУССА Г.Ф. – одобряла террористические методы борьбы и тогда же мною было внесено предложение включить этот вид борьбы с Советской властью в нашу практическую программу действий. Это предложение получило одобрение со стороны всех членов нашей группы, но решили этот вопрос согласовать в Симферополе с ВИНСОМ Давидом и это было поручено сделать ВИНСУ Корнею. ВИНС Корней сообщил нам, что ВИНС Давид полностью одобряет наше решение и предложил нам разработать конкретные планы нашей террористической работы, указав также, что террористические акты необходимо – в первую очередь направить против членов Правительства, что в условиях Крыма легко выполнимо, так как на Южном берегу отдыхают многие члены Правительства. ВИНС Давид также передал, что террористические акты могут быть произведены путем диверсии на жел. дороге.

ВОПРОС: Какие были приняты практические меры к совершению террористических актов?

ОТВЕТ: Обсудив предложение о терроре, наша группа решила ознакомиться ближе с возможностями совершения террористических актов на Южном берегу Крыма и для этого использовали прибывшего в Спат родственника КЛАССЕНА, писателя из города Энгельса – ЗАВАЦКОГО Гергарда. КЛАССЕН сообщил нам, что ЗАВАЦКИЙ – троцкист, входит в группу фашистских писателей и что он сумеет выполнить наше поручение. ЗАВАЦКИЙ обещал объехать Южный берег, выяснить – где расположена правительственная дача и какие имеются возможности к совершению там террористического акта. Все эти сведения он обещал сообщить нам при обратном переезде через Спат.

ВОПРОС: ЗАВАЦКИЙ Ваши поручения выполнил?

ОТВЕТ: Да, выполнил, но в Спат к нам обратно не заезжал, а вызвал к себе в Ливадию КЛАССЕНА, которому сообщил все добытые им сведения. ЗАВАЦКИЙ передал, что на Южном берегу ежегодно отдыхает МОЛОТОВ, что совершение террористического акта там довольно затруднительно, но доступ на территорию расположения дачи возможен под видом организации экскурсии.

ВОПРОС: Каковы были Ваши дальнейшие решения по этому поводу?

ОТВЕТ: Получив эти сведения, было решено поручить ВАЛЛИУ и КЛАССЕНУ разработать конкретный план совершения террористического акта на Южном берегу Крыма, используя знание местности ЭППОМ и сведения ЗАВАЦКОГО и формировать из участников нашей фашистской организации «экскурсию учащихся» и это будет использовано для совершения террористического акта. Мне и ВИНСУ было поручено проработать другой вариант плана.

ВОПРОС: Какой именно?

ОТВЕТ: Мы считали, что совершение террористического акта на Южном берегу Крыма чрезвычайно затруднительно и поэтому решили одновременно проработать вариант совершения террористического акта по железной дороге.

ВОПРОС: В чем заключались эти планы?

ОТВЕТ: Нами были разработаны два варианта совершения террористического акта над МОЛОТОВЫМ. Один вариант – на Южном берегу, другой – по железной дороге. Оба эти варианта были нами обсуждены на месте, а потом через ВИНСА Корнея – доведены до сведения ВИНСА Давида. ВИНС Давид отклонил первый вариант совершения террористического акта на Южном берегу и одобрил второй – по той причине, что это технически для нас легче выполнимо и в этом будет его личное руководство. Для практического осуществления террористического акта было решено использовать террористическую группу ЗЕМАНА Карла в дер. Карача-Кангил, так как она была близко расположена к железной дороге – к отводной ветке с севера на Евпаторию, где намечалось произвести диверсионный акт с поездом, в котором будет проезжать МОЛОТОВ. ЗЕМАН Карл являлся активным участником нашей организации и руководил диверсионной группой.

Я хочу отметить, что одним из мотивов перехода к террористической деятельности нашей организации – это ответ на репрессии по отношению к немцам.

ВОПРОС: ЗЕМАН К. принял на себя исполнение террористического акта.

ОТВЕТ: Да, принял. Переговорить с ЗЕМАНОМ было поручено мне и я его вызвал к себе на квартиру. Я изложил ему план наших групп и сообщил ему мотивированное решение организации, с чем ЗЕМАН согласился и обещал подготовить необходимые мероприятия для совершения диверсии. В помощь ЗЕМАНУ был выделен НУСС, агент немецкой разведки, участник нашей организации, организатор штурмовых отрядов, работал завхозом Спатской школы, с которым он должен был уже детализировать самый план совершения диверсии.

ВОПРОС: к какому периоду времени это относится?

ОТВЕТ: Это относится к периоду весны 1937 года.

ВОПРОС: Каким образом Вы намерены были совершить диверсионный и акт с поездом главы Советского Правительства СССР тов. МОЛОТОВЫМ?

ОТВЕТ: Согласно выработанного плана, намечался разбор железнодорожного пути у стыка жел. дор. ветки на Евпаторию, а также у мостика между станциями Сарабуз и Китай. В случае, если бы не удалась диверсия, в этих пунктах был предусмотрен третий пункт – это в полутора километрах от ст. Симферополь, где имеется большой спуск и кривизна, что дало бы возможность легко совершить диверсию в этом пункте.

ВОПРОС: Кто должен был совершить диверсионный акт у стыка ветки на Евпаторию и у мостика станции Сарабуз?

ОТВЕТ: Для обеспечения совершения диверсионных актов, на этих двух ветках была привлечена целиком диверсионная группа ЗЕМАНА, но так как это оказалось недостаточным, то решили выделить в помощь ЗЕМАНУ 4-х человек из диверсионно-террористической группы – ПЕТЕРСА А., являющегося руководителем диверсионной группы в дер. Спат и некоторый необходимый инструмент, как лом и железнодорожные ключи. Все это намечалось перебросить через участника нашей организации – шофера КЛАССЕНА Ивана в Карача-Кангил к ЗЕМАНУ, а тот должен был это зарыть вблизи полотна жел. дороги, чтобы иметь их в нужный момент. Все это было выполнено.

ВОПРОС: Кто должен был осуществить диверсионный акт возле станции Симферополь?

ОТВЕТ: Диверсионный акт возле станции Симферополь должен был совершить активный участник фашистской организации учитель ВАЛЛ со своей диверсионной группой, для каковой цели он специально устроился на работу на жел. дор. станцию Симферополь.

ВОПРОС: Каким образом Вы должны были получить сведения о времени прохождения поезда с тов. МОЛОТОВЫМ?

ОТВЕТ: О времени прохождения поезда, в котором должен был следовать МОЛОТОВ, должен был сообщить из Симферополя сотрудник НКВД ВИНС Давид. Сообщение он должен был передать по телефону в село Спат возле станции Сарабуз в школу к своему брату – ВИНСУ Корнею условной фразой: «Меня можешь встретить на станции Сарабуз ровно в ... часов, тогда-то», что означало, что в это время и час должен пройти поезд с Молотовым. В случае, если бы ВИНС Корней отсутствовал, сообщение должно было быть передано мне.

По получении этого извещения – ВИНС Корней должен был немедленно поставить в известность меня, а я уже ЗЕМАНА Карла. Одновременно ВИНС Корней должен был ставить в известность ПЕТЕРСА А. для переброски людей в помощь ЗЕМАНУ.

ВОПРОС: Каким образом должна была быть извещена группа ВАЛЛА для совершения диверсионного акта в районе ст. Симферополь?

ОТВЕТ: Извещение ВАЛЛА было значительно легче, так как он находился на ст. Симферополь и это легко мог сделать ВИНС Давид. Но перед ВАЛЛИОМ при его устройстве на жел. дорогу были поставлены значительно большие задачи – ему поручено было на станции Симферополь организовать диверсионно-террористическую группу, вовлечь в группу дежурного по станции Симферополь и через него узнавать подробности о прохождении поездов с членами Правительства.

ВАЛЛУ было также поручено совершить диверсионный акт – взорвать железно-дорожное депо ст. Симферополь в момент начала военных действий.

ВОПРОС: Создал ли ВАЛЛ диверсионно-террористическую группу на станции Симферополь?

ОТВЕТ: Да, создал. ВАЛЛ лично мне сообщил, что диверсионно-террористическая группа им создана, что им заведено знакомство среди дежурных по ст. Симферополь, что план диверсии жел. дор. депо детально разработан, но для выполнения ему потребуются люди. Людей я обещал в нужный момент перебросить из Спата и их должен был направить участник организации, агент немецкой разведки – учитель села Спат – РЕДЕКОП, который поддерживал с ним связь.

ВОПРОС: Как шла дальнейшая подготовка к совершению диверсионно-террористических актов?

ОТВЕТ: Намеченная нами диверсия на жел. дороге, с целью совершения террористического акта не состоялась, видимо из-за неприезда МОЛОТОВА. Однако, ВИНС Давид предложил нам сохранить план совершения террористического акта на железной дороге, так как, безусловно представится более удобный случай, если не с МОЛОТОВЫМ, то с другим членом Правительства Союза ССР.

ВОПРОС: Вы показали, что ВИНС Давид лично принимал участие в подготовке террористического акта над тов. МОЛОТОВЫМ. В чем выразилось его участие и по чьим директивам он действовал в этом направлении?

ОТВЕТ: ВИНС Давид лично принимал участие в подготовке диверсионно-террористического акта против МОЛОТОВА. От него мы получили указания и советы, кои исходили от участников центра фашистско-шпионской организации – ШТЭПА и ФИШЕРА, действовавших по прямым заданиям германской разведки.

ВОПРОС: Откуда Вам это известно?

ОТВЕТ: Я уже неоднократно показывал, что в шпионско-диверсионной организации я занимал руководящее положение и поэтому все установки и методы деятельности нашей организации мне были своевременно известны. В начале 1937 года – ФИШЕР, будучи в Симферополе, поста-

вил меня в известность, что германская разведка поставила перед всеми фашистскими группами и нашей организацией задачу – совершать террористические акты против членов Правительства СССР и, в частности, против МОЛОТОВА и уже приняты конкретные меры в этом направлении, уже проработаны планы их.

ВОПРОС: Кто принимал участие в обсуждении и практической выработке плана террористических и диверсионных актов?

ОТВЕТ: В обсуждении и практической выработке плана террористических и диверсионных актов в нашей группе принимали участие следующие участники организации: я – НЕФФ, ВИНС К., ВАЛЛ Б., РЕДЕКОП В., ЭПП Г., КЛАССЕН Г., НУСС Г., ЗАВАЦКИЙ Г., ЗЕМАН К., ПЕТЕРС А. Руководящие указания мы получали от ШТЭПА И ВИНСА Давида.

ВОПРОС: Какие другие методы борьбы вы намечали, кроме диверсионно-террористических?

ОТВЕТ: Мы намечали, кроме диверсионно-террористических методов – использовать и химические способы, для этой цели мы предложили члену организации ЭППУ, как химику, подготовить через свои связи в Аптекоуправлении гор. Симферополя необходимые средства для химической борьбы с Советской властью, т.е. яды для отравления скота и колодцев по пути следования красноармейских частей, а также подготовить кадры химиков для выполнения террористических актов. Эти кадры, главным образом, состояли из учащихся старших классов, детей репрессированных. Нами даже была сделана попытка сосредоточить в колхозах в хатах-лабораториях, в частности, в колхозе им. ЭНГЕЛЬСА, химические отравляющие вещества, но наша попытка оказалась неудачной, так как лаборатория эта была по производственным соображениям Правлением колхоза закрыта.

ВОПРОС: Из Ваших показаний видно, что террористические акты подготавливались не только Вашей группой?

ОТВЕТ: Конечно, нет. Мне известно, что подготов<кой> и террористических актов занималась также и Карасанская группа, руководимая учителем КАМЕРЕРОМ, который лично мне говорил, что у них по линии вдоль железной дороги имеются специально созданные диверсионные группы, в частности, в дер. Боронгар, которые готовы к совершению диверсионных и террористических актов по первому требованию фашистской организации.

ВОПРОС: Какие вам известны другие диверсионные группы, имеющие террористические задания?

ОТВЕТ: Других я не знаю. <...>

ДОПРОСИЛ: СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (АЗАРОВ)

Л.д. 139-140.

Протокол допроса
обвиняемого Вина Корнея Корнеевича
от 9 мая 1939 года

Вопрос: Изложите все что Вам известно о принадлежности к немецкой шпионской организации Завадского Гергарда и в чем конкретно выражалась его контрреволюционная деятельность?

Ответ: Завадский Гергард был в Спатской школе осенью 1935 года. Я знал от участника нашей организации Классена Г.И., что Завадский Г. являлся участником немецкой шпионской организации в гор. Энгельсе и поэтому мы с ним быстро связались. Завадский мне говорил о наличии фашистской организации в НКПресе А.С.С.Р.Н.П. и в пед<агогическом> институте, с которой он связан, а также об фаш<истской> организации в средней школе. Завадский мне называл фамилий участников, но я их не помню. Завадский Г. имел широкие связи в среде так называемых политэмигрантов как в Энгельсе, так и в Москве и в Ленинграде.

Завадский был делегатом I съезда писателей, и в беседе с ним об этом съезде он восторгался

докладам и установкам докладчиков Бухарина и Радека, целиком воспринимая их. Как известно, Бухарин обрушивался на сов<етскую> поэзию, в частности на Д. Бедного; Радек К. оклеветал немецкую антифашистскую литературу. Особенно Завадский возмущался выступлением Вилли Бределя (коммунист-писатель, друг Тельмана, в 1937-38 г. комиссар Тельманского батальона в Испании), который выступил с резкой критикой Радека от имени ряда немецких писателей-коммунистов.

Завадский – поэт и писатель, произведения которого прорабатывались в немецких школах Советского Союза. Как поэт я его не знаю. В Спатской школе он читал выдержки своего романа, лейтмотив которого, якобы слова Сталина: «сын за отца не отвечает». В действительности же роман проводит идею: во чтобы то ни стало необходимо немецкой молодежи пробраться в ряды партии и комсомола, не взирая на происхождение и убеждение. Мы проводили чтение выдержек с целью фашистской пропаганды.

Будучи в Спате, Завадский мне говорил, что ему необходимо побывать по поручению некоторых лиц, коих он мне не называл, в Севастополе, Балаклаве и Ялте. В Севастополь и Балаклаву он ездил вместе с Валлом и Классеном – в Ялту ездил сам. Классен мне говорил, а также и Завадский, что он Завадский выполняет задания шпионской организации гор. Энгельса.

В 1936 г. Завадский был вторично в Крыму, но в Спат тогда не заезжал. Отдыхал в Ливадии. В то время у нас в фаш<истской> организации были разговоры о подготовке терракта на южном берегу над Молотовым, но после поездки Неффа Р.Г. с экскурсией учителей по Ю.Б. Крыма вопрос этот отпал, т.к. по сообщению Неффа пробраться на территорию правительственных санаториев невозможно. Классен ездил к Завадскому и имел с ним разговор по этому же вопросу. Завадский, по словам Классена, в 1936 г. имел задание своей шпионской организации, прозондировать возможность терракта на Ю.Б. Крыма над Молотовым. Результаты его работы мне неизвестны.

Вопрос: Какие Вы лично имели разговоры с Завадским о его шпионской работе и о подготовке террористического акта над Молотовым?

Ответ: Завадский мне говорил, что он является агентом Гестапо и по заданию Гестапо и своей шпионской организации приехал в Крым для установления связи с крымской фашистской организацией, о которой ему писал Классен, и также по специальному шпионскому заданию, с которым была связана его поездка в Севастополь, Балаклаву и Ялту. О характере этого задания мне он не говорил, так что сообщить о нем не могу. Лично с Завадским о подготовке терракта над Молотовым у меня не было разговора. Приехал он по заданию своей организации в 1936 году, а я его тогда не видел. В 1935 году я ему говорил, что крымская фашистская организация ставит своей задачей совершение террактов над членами правительства. Завадский мне говорил, что шпионские организации республики немцев Поволжья ставят себе аналогичные цели, т.е. совершение террористических актов над членами Советского правительства и подготовка диверс<ионных> актов. Ответы на вопросы мною записаны собственноручно. К. Винс

Допросил: Нач I отд ЭКО НКВД Крыма сержант Гос. Безоп. *подпись* (Московенко) –

Л.д. 156–163.

Протокол дополнительного допроса
обв. Завацкого Гергарда Генриховича
от 1/VI–1939 года.

Вопрос. На предыдущих допросах вы пытались скрыть от следствия свою террористическую деятельность.

Требую от вас по этому вопросу правдивых и исчерпывающих показаний.

Ответ. Я террористической деятельностью никогда не занимался.

Вопрос. В каком месте вы использовали свой отпуск в 1936 году?

Ответ. В санатории Ливадии – Южный берег Крыма.

Вопрос. С кем вы встречались, в 1936 г., во время вашего пребывания в Крыму?

Ответ. В 1936 году, когда я отдыхал в санатории – Ливадии, ко мне приехал из села Спат мой родственник Классен Генрих Иванович.

Вопрос. По какому поводу к вам приезжал Классен Г.И. в санатории – Ливадия.

Ответ. Он приехал повидаться со мной, как с родственником.

Вопрос. Откуда Классену было известно, что вы отдыхаете в Ливадии?

Ответ. Я сообщил ему открыткой, что я отдыхаю в Ливадии и пригласил его приехать повидаться со мной.

Вопрос. До вашего выезда в Крым, в 1936 г. Классену было известно о том, что вы намерены использовать свой отпуск в Ливадии?

Ответ. Мне кажется, что я писал Классену из Энгельса, что я собираюсь отдыхать в 1936 г. на Южном берегу Крыма. Кроме того в 1935 году, когда я был в Спате я ему говорил о том, что в 1936 г. попытаюсь провести свой отпуск в каком-нибудь санаторий на Южном берегу Крыма.

Вопрос. С кем еще, кроме Классена, вы встречались в Крыму в 1936 г.

Ответ. Кроме Классена я в Крыму в 1936 г. ни с кем не встречался.

Вопрос. Следствием установлено, что ваше пребывание в Ливадии было связано с подготовкой террористических актов над членами Советского правительства.

Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Нет. Мое пребывание в Ливадии в 1936 г. не имеет никакого отношения к террористической деятельности против руководителей Советской власти.

Вопрос. Неправда. Привожу вам выдержку из показаний Классена Г.И. от 14/XI-1938 г., где говорится: «...Осенью 1936 года я узнал из письма Завацкого, что он в ноябре м-це этого же года прибудет в Крым на отдых в санаторий – Ливадия. Нефф Роберт узнав от меня о приезде Завацкого предложил использовать его для того чтобы он, будучи в Крыму (южный берег) выяснил бы, где расположены правительственные дома отдыха и какие имеются возможности проникнуть в эти дома отдыха для совершения террористического акта...»

Завацкий перед отъездом в Ливадию заехал ко мне в Спат, где в моем присутствии лично Нефф Роберт дал поручение ему о выяснении возможностей подготовки и исполнения террористического акта на Южном берегу».

Вы это подтверждаете?

Ответ. Нет. Это ложь. Я никакого контрреволюционного задания ни от Классена, ни от Неффа не получал. Я даже не заезжал в Спат.

Вопрос. Вы показали выше, что в 1936 году к вам, в санаторий – Ливадия, приезжал Классен повидаться с вами, как с родственником. Между тем следствием установлено, что ваша встреча с Классеном в Ливадии, в 1936 г., была связана с проверкой выполнения задания полученного вами от Неффа по подготовке террористического акта над руководителями коммунистической партии и Советского правительства.

Ответ. Классен приезжал ко мне в 1936 г. в Ливадию повидаться со мной, как с родственником и в процессе нашей встречи он – Классен никаких контрреволюционных разговоров со мной не вел.

Вопрос. Неправда. Привожу вам выдержку из показаний Классена Г.И. от 14 ноября 1938 года, где говорится: «...Недели через две Нефф Роберт и Винс Корней Корнеевич предложили мне выехать в Ялту, повидаться с Завацким и выяснить, что им выполнено из данного ему поручения...

В средних числах ноября 1936 г. я выезжал в Ялту, связался с Завацким, который мне передал, что на Южном берегу ежегодно отдыхает Молотов, но доступ к нему крайне затруднителен, причем Завацкий рекомендовал использовать экскурсию учащихся для проникновения на территорию дома отдыха. Этот ответ Завацкого я передал Неффу Роберту». Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Показания Классена я не подтверждаю, потому, что они ложные.

Вопрос. О том, что Классен встречался с вами на Южном берегу Крыма по террористической работе, подтверждается также показаниями других свидетелей: Так, Нефф Роберт Г. на допросе 28^{го} августа 1938 г. показал: «...Завацкий передал Классену, что на Южном берегу ежегодно отдыхает Молотов, что совершение террористического акта там довольно затруднительно, но доступ, на территорию расположения дачи возможен под видом организации экскурсии»... О вашей террористической деятельности Нефф подтвердил также на допросе 9^{го} мая 1993 года. Прекратите упорствовать и дайте по этому вопросу исчерпывающие показания.

Ответ. Я террористической деятельностью не занимался.

Вопрос. По вопросу вашей террористической деятельности Винс Корней Корнеевич, на допросе 9 мая 1939 г. показал: «...Завацкий, по словам Классена, в 1936 году имел задание прозондировать возможность террористического акта на Южном берегу Крыма над Молотовым». Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Нет не подтверждаю. От своих показаний данных мною на допросе 14^{го} ноября 1938 г. о моей принадлежности к фашистской организации существовавшей на территории Немреспублики и о моей связи с участниками контрреволюционной организации – Классеном, Винсом, Неффом и Валлом в Крыму я отказываюсь, так как они мною вымышлены.

Вопрос. Почему вы дали вымышленные показания о своей принадлежности к фашистскому подполью?

Ответ. Я дал вымышленные показания о своей контрреволюционной работе под моральным воздействием следователя выражавшемся в полном недоверии к моим показаниям; в оскорблении и в Квалификации моего нежелания дать показания соответствующие показаниям Классена, как стремление продолжать свою антисоветскую борьбу уже будучи арестованными и мое положение, как арестованный.

Вопрос. Если вы дали «вымышленные» показания о своей принадлежности к фашистской организации якобы под моральным воздействием следователя, то почему же вы в своих собственноручных показаниях и на допросе 14^{го} ноября 1938 года сознавшись в том, что являлись участником контрреволюционной организации вместе с тем отрицали свою шпионскую и террористическую деятельность?

Ответ. Я не хотел взять на себя такие тяжкие обвинения. <...>

Допросил. Вр. Нач. 2 отд. НКВД мл. лейт. госбез. *подпись* (Горбонос)

Л.д. 165–167.

«УТВЕРЖДАЮ» ЗАМ. НАРКОМЕНУДЕЛ АССРНП

Лейтенант Госуд. Безоп: *подпись* (ШУСТЕР)

«1» ИЮНЯ 1939 г. <...>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению гр-на ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича по ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п. 11 УК РСФСР.

НКВД АССР немцев Поволжья располагал материалами о том, что проживающий в г. Энгельсе ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович проводит организованную контрреволюционную работу, направленную к свержению существующего в СССР государственного строя.

На основании этих данных ЗАВАЦКИЙ Г.Г. 4 Ноября 1938 г. был арестован.

Произведенным следствием установлено, что обвиняемый ЗАВАЦКИЙ в 1926 году находясь на учебе в Ленинградском Непмтехникуме входил в состав контрреволюционной группы действовавшей под вывеской «литературного кружка», участники которой проводили националистическую работу среди студентов. <...>

Допрошенный по данному делу обвин. ЗАВАЦКИЙ показал, что летом 1934 г. он был завербован в фашистскую организацию существовавшую на территории Немреспублики, одним из ее руководителей – ВЕБЕРОМ А.Я. (осужден). <...>

По заданию ВЕБЕРА обвин. Завацкий занимался вербовкой лиц в состав фашистской организации и проводил контрреволюционную работу среди писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические взгляды и вызывая в них стремление своими произведениями воспитывать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе. <...>

Как установлено следствием обвин. ЗАВАЦКИЙ осенью 1935 года по заданию ВЕБЕРА специально выезжал в Крым для налаживания связи по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации существовавшей на территории Крымской АССР. <...>

Находясь в Крыму обвин. ЗАВАЦКИЙ вместе с другими участниками контрреволюционной организации выезжал в пограничные города для сбора шпионских материалов о расположении береговых ботарей. Кроме того собирал шпионские сведения о расположении воинских частей на территории Немреспублики. <...>

Следствием также установлено, что участники фашистской организации готовили террористические акты против руководителей ВКП/б/ и Советского Правительства. <...> Для этой цели обвиняемый ЗАВАЦКИЙ в 1936 году приезжал в Ливадию и изучал маршруты поездок руководителей советского правительства отдыхавших на южном берегу Крыма. <...>

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович, <...> В ТОМ, ЧТО:

а) Являлся участником фашистской организации;
б) занимался вербовочной деятельностью и вел антисоветскую националистическую работу среди писателей Немреспублики.

в) Проводил шпионскую работу и готовил террористические акты против руководителей ВКП/б/ и Советского Правительства, т.е. в преступлении предусмотренном ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п. 10, 58 п. 11 УК РСФСР.

Признал себя виновным в принадлежности к фашистской организации.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР –

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело № 5262 по обвинению ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича по ст. ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п. 10, 58 п. 11 – направить военному прокурору 108 Военной Прокуратуры – гор. Саратов, для предания обвиняемого суду.

ВРИД. НАЧ. 2 ОТД. ЭКУ НКВД АССРНП мл. лейтенант Госуд. Безопасности: (ГОРБОНОС)
подпись

Составлено 1 Июня 1939 года.

СПРАВКА: 1. Обвин. ЗАВАЦКИЙ Г.Г. содержится под стражей в тюрьме г. Энгельса.

2. Личные документы обвин. ЗАВАЦКОГО хранятся при деле в отдельном пакете.

3. Вещественных доказательств по делу нет.

СПИСОК

лиц подлежащих вызову в суд.

1. Обвиняемый: ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович – тюрьма г. Энгельса

1. Свидетель: ГЕНКЕ Герберт Густавович – проживает в г. Энгельсе ул. Веселая дом № 3.

ВРИД. НАЧ. 2 ОТД. ЭКУ НКВД АССРНП мл. лейтенант госуд. безопасн: *подпись* (ГОРБОНОС)

Л.д. 171-172.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ШЕЛЕНБЕРГА Давида Генриховича,
от 16 января 1936 года.

ВОПРОС: Располагая точными данными о Вашей контрреволюционной фашистской деятельности на протяжении ряда лет, следствие требует от Вас по существу откровенных, с исчерпывающей полнотой показаний?

ОТВЕТ: В моей деятельности в качестве редактора журнала «Штурм Шрит» с августа 1932 г. по январь 1934 г. я допустил ряд веских ошибок сводящихся к следующему: Я напечатал стихотворение ЯНЦЕНА «Пробный поезд», которое является кулацкой контрабандой и клеветой на советское немецкое село – в духе фашизма потому, что автор, маскируясь под советского активиста, бичующего недостатки и борящегося против вредителей, на деле иронизирует над советской действительностью и рисует мрачную картину советского немецкого села 1933 г., клеветца на колхозников и МТС.

Для разоблачений интервенционистских устремлений Германского фашизма, я напечатал песню, в сатирическом отделе журнала «Штурм Шрит», в которой содержится призыв к походу на Москву. Эта песня могла быть использована для контрреволюционной агитации. Роман-фрагмент Эриха МЮЛЛЕРА из времен Германской оккупации на Украине идеализирует ее, обходя молчанием зверства оккупантов. Как вредную вещь я ее охарактеризовал в конце 1933 года и написал статью в журнале «Штурм Шрит». В статье на писанной для литературной энциклопедии (в 7 томе, о немецкой советской литературе) и напечатанной предварительно в «Штурм Шрите», по моей вине писатель ЯНЦЕН характеризуется, как преодолевший свое кулацкое прошлое. О ШТРЕММЕ пишется, что он отказался от своей нацистской теории развития «Советско-немецкого языка», в то время, как первый оставался кулацким писателем, а теория второго не была еще окончательно разоблачена и разбита. Этими промахами, не характеризующими линию редактируемого мною журнала, я нанес вред делу партии, социалистическому строительству советского немецкого села, ибо они были на руку фашистской агентуре и могли быть использованы для контрреволюционной агитации. <...>

ДОПРОСИЛ: НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ ОО УГБ ХОУ НКВД и ХВО – /ТЫШКОВСКИЙ/

Л.д. 173–176.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ШЕЛЕНБЕРГА Д.Г.
от 19-20/І-1936 года.

ВОПРОС: Какую роль сыграл журнал «Штурм Шрит», Вами редактируемый, в той контрреволюционной и фашистской деятельности, которая проводилась членами к-р фашистской организации Украинамен Госиздата?

ОТВЕТ: Журнал «Штурм Шрит» под моим руководством с 1923 по 1934 год, явился трибуной протаскивания в массу советских немцев националистических произведений. Этим самым он действовал фашистской агентуре и играл роль идеологического подготовителя интервенции германского фашизма. Журнал «Штурм Шрит» не только явился поставщиком националистической идеологии, но своей пассивностью по отношению к теории ШТРЕММА, своим отказом от борьбы против Плужанского наследия играл на руку группе контрреволюционеров, действовавшей в области Советской немецкой литературы и печати. С рядом лиц этой группы я соприкасался в своей работе, был в определенных деловых отношениях, о которых я показывал ранее в своих протоколах, и которые не мог не использовать журнал «Штурм Шрит», как орудие борьбы своей

контрреволюционной организации. Об организационном оформлении этой группы лиц в контрреволюционную фашистскую организацию мне ничего не известно. Независимо же от того, знал ли я или нет о существовании к-р фашистской организации, журнал «Штурм Шрит» последней был использован, как трибуна для своих к-р фашистских целей. В «Штурм Шрит» не могло найти своего развития действительно советское творчество как новые подрастающие, так и здоровые элементы старых авторов. Этим самым я способствовал задержанию роста культуры советских немцев и проводил деятельность по вреду достойную и члена контрреволюционной фашистской организации.

ВОПРОС: Какая контрреволюционная фашистская деятельность Вами лично проводилась?

ОТВЕТ: Моя контрреволюционная фашистская деятельность проводилась по линии литературы и заключается в печатании ряда своих и других авторов, произведений контрреволюционного фашистского характера. Наиболее характерными из этих моих произведений являются: «Первый день» – напечатано в журнале «Штурм Шрит» за 1930 год. В этом произведении я характеризую коллективизацию, как принудительное вхождение середняцкой массы в колхоз, в силу проводимой Соввластью и партией политики и провожу агитацию за пребывание кулака в колхозе.

В 1931 году мной был напечатан роман «Жаждающая земля», ч. II. В этом произведении в лице (персонажа) фабриканта я развиваю фашистскую теорию о единой немецкой нации с общей религией и отсутствии классовых противоречий. Не противопоставляя и не разоблачив этого «теоретика» на протяжении всего произведения, я по существу явился пропагандистом теории фашизма, проводимой в настоящее время в Германии. Это произведение было издано в 1931 году Украинизмиздатом, ответственным редактором коего был ШВАРЦ.

В 3-й части этого же романа, напечатанной в 1933 году в отрывке «Гергарий с перочинным ножом», я описываю кулака, мечтающего о создании «Великой Германии» от Дона до Рейна. Этот кулак и его фашистские мечтания мною не разоблачаются, как враждебные рабочему классу и трудовому крестьянству – стремлений фашизма Германии и тем самым я опубликованием этого отрывка являюсь пропагандистом фашизма и совершаю контрреволюционный фашистский акт.

В том же 1933 году, я под влиянием РАЙНЕР МАРИЯ РЫЛЬКЕ – немецкого декадента, напечатал свое произведение «Кролики», являющееся произведением мистического характера, рисующее отношение человека и природы в идеалистическом духе. Находясь под влиянием Райнер Мария Рылке, я считал, что силе его лирического формального мастерства надо учиться нам, современным писателям, и сам у Райнер учился. Это заблуждение привело меня к отходу от проблем строительства национальной культуры Советского немецкого села к «бегству в прошлое» к превалированию в моей практике формы и языка над содержанием. Внимание форме и языку я мотивировал отсталость языка советских немецких писателей от языка революционной литературы Германии. Стихотворение «Кролики», как и редакторская моя практика, также свидетельствуют о том, что влияние на меня декадентской литературы привело меня к фашизму.

Кроме указанных выше произведений, мною также напечатан ряд стихотворений, как: «Зов молодых», «Следы» и др. восстановить их я в памяти сейчас не могу, в которых я неправильно оцениваю коллективизацию («Зов молодых»). Имеется много символизма, формалистического подхода и отвлеченности, а в стихотворении «Говорит ПОСТЫШЕВ» и клевета на партию.

Будучи редактором журнала «Штурм Шрит», я печатал произведения контрреволюционеров МИЛЛЕРА Эриха «Антон просыпается», роман-фрагмент «Прощание с Россией» ЯНЦЕНА, «Учитель на селе» – ЛАХТОФЕНА, «Холостой ход» – БАЙЗЕРА-БАРСКОГО, «3 бочки сыра» – МИКВИЦА и др.

Все эти произведения по своему содержанию являются фашистскими и контрреволюционными. Изложенное выше необходимо дополнить моей практикой в области работы с молодыми советскими писателями.

Работа с молодыми немецкими писателями отсутствовала. Вся работа свелась к конкурсу на лучшее стихотворение. В процессе конкурса выявился ряд способных новых сил, но сам журнал в

моем лице явился преградой для дальнейшего развития поскольку отсутствовало теоретическое руководство ими, а публикуемые произведения, на которых они могли бы учиться, являлись зачастую по содержанию контрреволюционными. <...>

Допросил: ОПЕР УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО – РЕЗНИКОВ.

Л.д. 185-187.

Протокол допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 15 ноября 1939 года
Допрос начат в 22 часа 50 мин.

Вопрос: Свои показания от 14 ноября 1938 года Вы подтверждаете?

Ответ: Нет, не подтверждаю. Эти показания являются вымышленными и даны были мною в результате оскорблений и угроз со стороны следователя. И под влиянием того факта, что мой двоюродный брат Классен оклеветал меня в своих показаниях после его ареста.

Вопрос: Меры физического воздействия со стороны следственных органов к вам в то время применялись?

Ответ: Нет, меры физического воздействия в процессе следствия ко мне не применялись.

Вопрос: Ваши показания от 14 ноября 1938 года отвечают действительности так как все лица, указанные в них как участники организации арестованы и действительно таковыми являлись?

Ответ: Я еще раз заявляю, что мои показания являются вымышленными, но я тем не менее я их писал собственноручно и делал так, чтобы они по возможности соответствовали действительности, т.е. писал не то, что было на самом деле, а то, что могло бы быть, чтобы они показались правдоподобными.

Вопрос: Как участника контрреволюционной организации Вас изобличают ряд близких Вам людей, которые проживали в Крыму. Чем же объяснить, что их показания совпадают с Вашими?

Ответ: Показания Классена, Винса, Валла и Неффа, которые мне зачитывали на допросах, о моей принадлежности к контрреволюционной организации являются также, как и мои вымышленными. Должен сказать, что с Классеном и Винсом я был знаком еще до моего первого приезда в Крым в 1935 году. В Спат я приехал по приглашению Классена осенью 1935 года и пробыл там около 20 дней. Классен в то время познакомил меня с Валлом и Неффом. Винс работал директором Спатской школы, остальные же трое были преподавателями упомянутой школы. Осенью 1936 года я поехал отдыхать в Ливадию.

Вопрос: Где Вы получали путевку в Ливадию?

Ответ: Путевка в Ливадию мною была куплена в областном союзе работников просвещения кажется за 750 рублей.

Вопрос: За время пребывания в Ливадии в 1936 году с кем из упомянутых выше лиц Вы встречались?

Ответ: В Ливадию ко мне приезжал только Классен недели через две спустя после моего приезда. Классен пробыл у меня около суток и снова выехал в Спат. От Спата до Ливадии примерно 5 часов езды.

Допрос прерван в 2 часа 00 мин. *Г. Завацкий <...>*

Допросил: Ст. следователь следчасти НКВД АССРНП сержант Госбезопасности /Ожерельев/
подпись

Л.д. 196–199.

Протокол допроса обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 16 декабря 1939 года
Допрос начат 14 часов 25 минут.

Вопрос: На допросах 14 и 29 ноября 1938 года Вы признали свою принадлежность к к-р фашистской организации существовавший <в> Немреспублики, признаете, т.е. подтверждаете Вы эти свои показания?

Ответ: 14 и 29 ноября 1938 года я действительно давал показания, где указывал о том, что я принадлежал, т.е. состоял в к-р фашистской организации, сейчас эти показания не подтверждаю, т.к. они ~~ложны~~ не отвечают действительности. В к-р организации я никогда не состоял и о существовании таковой узнал только на допросе от следователя. Показания эти мной даны, как и собственноручные показания под влиянием угроз и напугив. и оскорблений, (~~которые были допущены~~) следователя Горбонос, который угрожал мне, что он со мной пока разговаривает по-человечески, а если буду я не признавать себя виновным он устроит надо мной расправу, оскорблял меня нецензурными словами и т.д., но другие незаконные действия со стороны следователя ко мне не применялись.

Вопрос: Вы говорите, что показания о принадлежности Вас к к-р. организации Вами даны под давлением следователя, однако для следствия непонятно почему Вы на этих же допросах отрицали свою шпионскую и террористическую деятельности, не боясь даже угроз. Что скажете Вы на это?

Ответ: Эти сведения, т.е. показания следователь от меня настойчиво не требовал и по этим пунктам обвинения давления я не встречал.

Вопрос: Показаниями арестованных Классена, Винса и других Вы ~~уличаетесь~~ изобличены в шпионаже в пользу Германии и в попытке совершить террористический акт против т. Молотова. Вы подтверждаете это?

Ответ: Шпионажем и террористической деятельностью я никогда не занимался и это категорически отрицаю.

Вопрос: Вам зачитываются выдержки из показаний Классена, где говорится «В 1931 году я выехал на учебу <в> государственный нем. педтехникум г. Энгельс Немреспублики, где проучился до 1935 года. За время пребывания в г. Энгельс я продолжал сообщать Эппу Конату шпионские сведения, всесторонно освещая экономическое и политическое состояние Немреспублики особенно помню меня снабжал шпионскими сведениями мой двоюродный брат Завацкий Гергард являющийся писателем и благодаря этому имевший доступ и возможность разъезжать по республике, посещать заводы и воинские части». Что скажете теперь?

Ответ: Классен показывает ложь и я его никогда, никакими сведениями не снабжал, между прочим он от меня никогда не требовал эти сведения и даже на эту тему у нас с ним не было разговоров.

Вопрос: Показаниями арестованных Классена, Валл и Фишера Вы изобличены в том, что в 1938 году будучи в Крым на курорте намеревались совершить террористический акт против т. Молотова отдыхавшего в то время в Крыму. Вы и теперь намереваетесь отрицать это?

Ответ: Эти показания Классена, Валл и Фишер являются ложными и я их категорически отрицаю. Повторяю, что я никакой к-р деятельностью и никогда не занимался, никогда ни намерен совершать террористические акты и заниматься шпионажем. Прошу произвести мне с Классеном, Винсом, с Валлом и Неф<ф>ом очные ставки, где я могу с себя снять это позорное пятно. <...>

Допросил: Пом. Военного Прокурора 529 Воен. Прокуратуры К. Петров<?>

Присутствовал ст. следователь НКВД АССРНП Ожерельев

Л.д. 204-205.

Показания свидетеля *Брестер Марии Михайловны от 21 января 1940 г.* <...>

Вопрос: Завацкого Гергардта Генриховича Вы давно знаете?

Ответ: С Завацким я знакома примерно с ноября месяца 1936 года. Он работал заместителем редактора журнала «Der Kämpfer» и будучи кандидатом ВКП/б/ состоял на учете вместе со мною в одной парторганизации при редакции газеты «Nachrichten».

Вопрос: Что Вам известно об антисоветской деятельности Завацкого?

Ответ: Фактов антисоветской деятельности Завацкого я привести не могу. Что же касается его характеристики, то по этому вопросу должна сообщить следующее:

Журнал, редактируемый Завацким выходил нерегулярно, материалы, печатаемые на его страницах носили скучный характер. За все это областные организации и читатели заслуженно критиковали редакцию. Сам Завацкий в погоне за гонораром стремился печатать свои статьи интересного содержания в других газетах в частности в «Nachrichten», «Rote Jugend», «Deutsche Zentral-Zeitung» и «Junger Stürmer».

Припоминаю на одном из партийных собраний ставили вопрос о Завацком за то, что он на страницах «Der Kämpfer» напечатал статью некоего Гасельбаха, повествовавшего в этой статье об одном из ныне разоблаченных врагов народа, фамилию которого я припомнить затрудняюсь. Насколько мне помнится Завацкий в свое оправдание выдвигал то обстоятельство, что человек о котором писал в своей статье Гасельбах, еще не был разоблачен до момента помещения статьи.

Помимо того в редакции «Der Kämpfer» работала Шульц Элли Оскаровна, имевшая связь со своими родителями, впоследствии репрессированными органами НКВД. Я как секретарь партийного комитета редакции ставила перед Завацким вопрос об увольнении Шульц из редакции поскольку журнал являлся органом Обком КП/б/ и Шульц будучи сотрудницей редакции естественно имела доступ к секретной переписке. Завацкий по каким-то причинам не хотел увольнять ее с работы. В качестве мотива он выдвигал то обстоятельство, что Шульц сама мол не является врагом народа, а если ее родители репрессированы, то это решающего значения или повода для лишения ее занимаемой должности, не имеет. Правда, несколько позже Завацкий уволил Шульц из редакции, но затем снова принял ее на ту же работу. <...>

Допросил: Следователь следчасти НКВД АССРНП сержант г.б. (Ожерельев) *подпись*

Л. д. 220–223.

«УТВЕРЖДАЮ» ЗАМ. НАРКОМА ВНУДЕЛ АССРНП Ст. Лейтенант Гос. Безопасн. *подпись* /
ВЕЛИКАНОВ/
3 Июня 1940 года. <...>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<...> НКВД АССР Немцев Поволжья располагало данными, свидетельствовавшими о том, что житель г. Энгельс ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович ведет организованную контрреволюционную деятельность среди населения, направленную на подрыв существующего в СССР социалистического строя.

На основании этих данных ЗАВАЦКИЙ был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Произведенным расследованием установлено, что ЗАВАЦКИЙ еще в 1936 году, будучи студентом Ленинградского немпедтехникума вступил в контрреволюционную националистическую молодежную группу, действовавшую под видом «Литературного кружка». <...>

Обвиняемый ЗАВАЦКИЙ в процессе следствия дал показания о своей принадлежности к контрреволюционной фашистской организации, существовавшей на территории Немреспублики в которую был завербован одним из ее руководителей бывшим наркомом просвещения АССРНП ВЕБЕРОМ. <...>

По заданию ВЕБЕРА, ЗАВАЦКИЙ проводил контрреволюционную работу среди начинающих писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические взгляды и стремление воспитать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе. <...>

Осенью 1935 года по заданию антисоветского подполья ЗАВАЦКИЙ выезжал в Крым для установления связей по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации, существовавшей на территории Крымской АССР. <...>

В бытность свою в Крыму ЗАВАЦКИЙ вместе с другими участниками контрреволюционной организации выезжал в приморские города и собирал шпионские материалы о расположении береговых укреплений на Черноморском побережье.

Помимо того из имеющихся в деле материалов явствует, что ЗАВАЦКИЙ собирал шпионские сведения о расположении воинских частей на территории Немреспублики и передавал эти сведения КЛАССЕНУ. <...>

Следствием также установлено, что участники фашистского подполья готовили террористические акты против руководителей ВКП(б) и Совправительства. <...>

Для осуществления своих преступных контрреволюционных замыслов ЗАВАЦКИЙ в 1936 году приезжал в Ливадию, где изучал маршруты поездок руководителей партии и правительства на южном берегу Крыма. <...>

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ: ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович, <...> В ТОМ, ЧТО:

а) являлся участником контрреволюционной фашистской организации;

б) По заданию антисоветского подполья проводил к/р националистическую работу среди писателей Немреспублики;

в) Собирал шпионские сведения и готовил теракты против руководителей ВКП(б) и Совправительства, т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п.п. 10 ч. 1 и 11 УК РСФСР.

В принадлежности к контрреволюционной фашистской организации виновным себя признал, а впоследствии от своих показаний отказался. В антисоветской деятельности изобличается показаниями обвиняемых: ВАЛЛА, НЕФФА, КЛАССЕНА, ВИНСА, последние от своих показаний отказались, дело отношении их Крым АССР как на социально-опасных направляется в особое совещание НКВД СССР, и свидетеля ГЕНКЕ.

На основании вышеизложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело на обвиняемого ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича направить на рассмотрение Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел Союза ССР

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД РНП Сержант Государствен. Безопасности: *подпись* /ОЖЕРЕЛЬЕВ/.

СОГЛАСЕН: НАЧ. СЛЕДЧАСТИ НКВД АССРНП Ст. Лейтенант Гос. Безопасн. *подпись* /БАРАННИКОВ/.

Обвинительное заключение составлено 17 мая 1940 г. в г. Энгельсе. <...>

Л.д. 226.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 121.

Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР

От 28 сентября 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
258. Дело № 5265/НКВД АССР Немцев-Поволжья по обв. ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича, 1901 г.р., ур. с. Никольское Словгородского окр. Алатйского края, немец, гр-н СССР, канд. в чл. ВКП/б/, исключен в связи с арестом.	ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича, как социально-опасный элемент – заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 3-го ноября 1938 года. НКВД Нем.-Поволжья 5/Х 40 г. № 9/13-31179 Унжлаг.

Л.д. 229–231.

г. Саратов, Военному прокурору.

от с./з. Завацкого
Гергарда Генриховича.

Заявление.

15 мая т.г. мне было предъявлено окончание следствия по моему делу. Следователь мне говорил, что дело направляется к Вам. Поэтому я обращаюсь к Вам с некоторыми фактическими справками из моей биографии и с некоторыми возражениями и замечаниями по поводу клеветнических показаний арестованных Г.И. Классена, К.К. Винса, Ваала и Неффа.

1.) Да, мои родители принадлежали к религиозной секте меннонитов, но я сам к этой секте никогда не принадлежал, так как я в 1920 г. отказался принять крещение; меннониты крестят взрослых.

2.) Да, в конце 1919 г. (с июля, или августа до середины ноября) я служил в белой армии Колчака. Служил я по мобилизации, санитаром <в> I. Военн<ом> Госпитале, в котором я и после занятия города Омска Красной Армией прослужил – также санитаром – еще около 3 м-цев.

3.) О своем происхождении и о своей службе в белой армии я написал в своей автобиографии как при вступлении в комсомол в 1924 г., так и при вступлении в ряды ВКП/б/ в конце 1930 г.

Теперь относительно показаний Классена, Винса, Ваала и Неффа. Эти показания сплошной вымысел и злостная клевета, что совершенно ясно видно уже из их противоречивости и неконкретности. Я никогда не был антисоветским человеком, или даже шпионом и террористом, каким они меня изображают. Лучшим доказательством этого может послужить вся моя трудовая жизнь.

Классен показывает, что я якобы снабжал его шпионскими сведениями, но он ни слова не говорит о том, в пользу какого, враждебного нашей стране государства и за какое возмездие я якобы вел эту, им самим придуманную работу, столь же опасную, как и преступную. Классен просто врет. Немыслимо же, чтобы я, будучи обязан Советской Власти своим образованием, интересной работой, хорошим заработком – вообще всей своей культурной и счастливой жизнью, так преступно и глупо рисковал бы счастьем моих детей, моей жены и моим просто так. Там, где речь идет о моем якобы участии в подготовке террористического акта против председателя СНК СССР, В.М. Молотова, один Классен утверждает, что я якобы и в 1936 г. приезжал в село Спат. Это тоже ложь, и по моему убеждению Классен дал это показание с расчетом на возможность опровергать его впоследствии. Правда, я в 1936 г. отдыхал на южном побережье Крыма, в санатории «Ливадия», куда Классен приезжал повидаться со мной, как с родственником, но никаких антисоветских, или контрреволюционных разговоров мы не вели. С Неффом же, от которого я по показаниям Классена в его присутствии в селе Спат получал контррев<олюционное> задание, я в 1936 г. вовсе не виделся, как и не виделся с Винсом и Ваалом. Вообще показания моих лжесвидетелей, касающиеся этого мифического контрревол. задания, очень путанный и противоречивый; один относит это якобы имевшее место событие к 1935 г., другой к 1936., по словам Классена я это задание получил от Неффа, а по словам Неффа он о даче этого задания услышал от Классена и Винса; кажется Нефф в одном и том же протоколе допроса два раза перечисляет круг лиц, участвовавших в выработке плана террорист. акта. Один раз я не вхожу в этот круг, а другой раз вхожу и т.д. Кажется так, хотя я всю эту вздорную путаницу и очевидную ложь так крепко не мог запомнить, а материалов следствия я под руками не имею. Словом, в этой части показания Классена, Винса, Неффа и Ваала особенно противоречивы. Но за их лживость говорит и то обстоятельство, что я 1.) с Винсом был лишь очень поверхностно знаком с 1923, или с 1924 г. и увидел его теперь, т.е. в 1935 г., вторично спустя целых одиннадцать лет, а Неффа я вообще не знал до 1935 г. С последним я разговаривал всего несколько раз в присутствии других людей и то не больше, чем требуют об-

щепринятая вежливость; 2.) я в Крыму был первый раз в жизни, не знал ни людей, ни местности. Разве мыслимо, чтобы я, или вообще кто-либо, при таких обстоятельствах мог бы принять такое задание? Здравый смысл говорит против этого.

Винс показывает, будто я ему говорил, что я агент гестапо. Это неправда. Я еще раз категорически заявляю, что я ни с Винсом, ни с кем-либо другим не имел антисоветского или контрреволюционного разговора. Кроме того я отмечаю, что Винс дал это показание лишь в мае м-це 1939 г., кажется 9 числа, т.е. спустя много м-цев после его ареста, и мне это обвинение было предъявлено тоже лишь в мае того же 1939 года.

Винс дальше показывает, что я якобы с целью антисоветской пропаганды читал отрывок из своего романа «Мы сами». Это показание особенно убедительно изобличает Винса в злом намерении, во что бы то не стало очернить меня, компрометировать меня политически, хотя бы ценой явной нелепости. В самом деле: я читал взрослым людям – учителям и ученикам старших классов Спасской средней школы. Одно из двух: или «антисоветское» в упомянутом отрывке так искусно завуалировано, что никто из присутствовавших, кроме Винса, его не заметил, т.е. его там просто нет, или же надо допустить абсолютно недопустимое, а именно, что все мои слушатели, в том числе и человек восемь комсомольцев, были врагами советского строя.

Дальше: упомянутый отрывок уже порядочное время до этого был напечатан, так что он к моменту читки прошел уже оценку по меньшей мере нескольких тысяч советских читателей, но все же никто из них нигде не заявил, что я пишу и публикую контрреволюционную вещь. Мои официальные критики – литредактор Немгосиздата, рецензенты и ответственный редактор этого тоже не говорят, а держатся противоположного мнения, как видно из приложенных к делу показаний гр-ки Ирины Петровны Дик и двух рецензий, а также из вызы: «Разрешается к печати» отв. редактора К.К. Кремера на оттиске с I тома, который лежит в Немгосиздате. Нет, неправда, моя книга не антисоветское произведение, а наоборот. Я работал над ней с большим патриотическим подъемом и любовью, и мне чрезвычайно горько думать о том, что плоды моего честного труда пропадают только потому, что ничтожная кучка клеветников ополчилась против меня. – Показания Классена и Ваала о том, что я якобы с шпионской целью поехал с ними в Севастополь и Балаклаву, такие же лживые, как все остальные их показания, порочащие меня. Но об этом сказано в протоколах допроса, и я здесь не могу остановиться на них из-за недостатка места. –

Несколько замечаний по поводу показаний свидетелей Николаева, Георгия Ник^олаевича и Марии Брестер. Г.Н. Николаев прав, Немобком ВКП/б/ и ЦИК АССРНП меня часто привлекали для выполнения их различного рода работ по редактированию и переводам, – но в одном он ошибается – приглашениями по торжественным случаям: слеты, встречи и т.п. меня отнюдь не баловали; я был всего на одной единственной встрече в здании ЦИКа АССРНП, на вечере в честь немецкого пролетарского поэта Эриха Вейнерта. Там Г.Н. Николаев меня должно быть и видел. Гр-ка Мария Брестер – в то время парторг объединенной редакции «Нахрихтен» – мне в конце октября 1938 года на закрытом собрании парторганизации, где стоял вопрос обо мне, дала характеристику, диаметрально противоположную той, которую она мне дает в своих показаниях. Из протокола того собрания это должно быть видно очень ясно. Там она называла меня постоянным членом парторганизации, торопила меня с подачей заявления о переводе из кандидатов в члены ВКП/б/, просила отрывка из романа для «своей» газеты, напечатала его, а теперь все наоборот. Очевидно по ее мнению об арестованном сказать чего-нибудь положительного никак нельзя, и поэтому она искажает факты, чего она делает и в вопросе об увольнении Э.О. Шульц и напечатании рассказа Гассельбаха. –

Гражданин прокурор, 3 июня с.г. следователь ознакомил меня с постановлением о том, что мое ходатайство о предоставлении мне очной ставки с клеветавшими меня Классеном, Винсом, Ваалом и Неффом отклоняется. Мотивировка: недостаток времени... А я прошу этой очной ставки уже в продолжении 19 месяцев. Ваше требование о том, чтобы Классен, Винс, Ваал и Нефф были еще раз допрошены, тоже не выполнено, по крайней мере ответа на соответствующий запрос при окончании следствия еще не было. Прошу Вашего содействия, чтобы я не был лишен права

на защиту, последней возможности доказать мою невиновность. Помогите мне, чтобы мое дело наконец было решено в строгом соответствии с Советскими законами! Ведь я теперь уже двадцатый м-ц сижу в строгой изоляции, не совершив никакого преступления. По своим политическим убеждениям и по своему мировоззрению я был и остался коммунистом. –

Убедительно прошу Вас, приложить то заявление к моему делу!

Энгельс
Тюрьма НКВД №1
9 июня 1940 г.
Следствен. заключенный: *Г. Завацкий*

Л.д. 227.

Секретно.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Об убытии заключенного из лагеря

1. Фамилия *Завацкий*
2. Имя и отчество *Гергард Генрихович*
он же
3. Год рожд. *1901* 4. Место рожд. с. *Никольское Славгородск. Округа*
5. Арестован *3/XI 1938* г. 6. Кем *НКВД г. Энгельса*
7. Осужден *28/IX 1940* г. 8. Кем *Особ. Совещ. НКВД СССР* ст.ст. УК СОЭ срок *5 лет*
9. Переведен
10. Освобожден
11. Выбыл
12. Умер *1/XII 1944* г. 13. Извещение о смерти послано
14. Совершил побег
15. Извещение составлено Усольлагом НКВД СССР.

Составил *Киеба?*
Начальник 2го отдела

28/XII 1944 г.

Петр КАЗАРНОВСКИЙНАБЛЮДЕНИЯ НАД «ПОЖИЗНЕННЫМ» ЦИКЛОМ
С. В. ПЕТРОВА «MIR ZUR FEIER»¹

*Сколько раз я писал, как Рильке,
самому себе в день рождения
«Mir zur Feier»,
стихи нерифмованные...*

С.В. Петров, 1983

Посвящается Ю.Б. Орлицкому – по случаю его юбилея

В одной из немногочисленных заметок о поэзии Сергея Владимировича Петрова мимоходом сказано: «...кроме новых и устоявшихся поэтических форм есть у него и бесформенный верлибр, которым писал почти каждый год стихотворения, посвященные собственному дню рождения, случившемуся на Благовещение. Если собрать их вместе, то получится своеобразный “рождественский” цикл на собственное рождество»². Такое обозначение стиха, как «бесформенный верлибр», не только спорно и читательски неглубоко, но и несправедливо применительно к продуманной авторской стратегии, которая, хотя и выросла, похоже, из случайного опыта, но со временем достигла той степени отрефлексированной определенности, когда форма определяет поэтическую (и философскую / метафизическую) мысль. Именно к этому аспекту – диктату формы (но ни в коем случае не бесформенности!) стихов «себе на праздник» над содержанием – я и хочу обратиться в своем небольшом исследовании.

В интернете выложен «альбом», состоящий из всех текстов, написанных почти за полвека – с 1934 по 1983, с пропусками, так что всего их 31. Составители сборника, обозначившие себя инициалами «Б. М.» и «А. Г.» (Белла Магид и Алексей Голицын), так определили свойство этих «днерожденных» стихов – «канва, по которой можно проследить важнейшие вехи жизни автора». Правда, в этой книге текстов 32, так как к ним добавлен «Благовещенский псалом», датированный днем рождения автора – 7 апреля (по старому стилю 25 марта), праздником Благовещения. Близко знавший поэта Б.Ф. Егоров свидетельствует: «И дату, и христианский праздник С.В. очень чтил, и почти ежегодно, около полувека, в этот день писал в стихах как бы краткий отчет за год, и озаглавливал каждое такое стихотворение “Mir zur Feier” (“Мне к празднику”), взяв фразу у раннего Рильке»³. Действительно, идея заимствована из ранней поэзии Рильке, во второй половине 1890-х предпринявшего попытку сказать в строгой классической афористичной форме о противоречиях жизни и смерти (книга под таким названием вышла в 1899 и переработана в 1909 – книга известна под названием «Ранние стихотворения»). Но такие стихи и не «краткий отчет», иначе мы должны будем признать начётничество в подходе к поэтическим текстам.

¹ Все тексты С.В. Петрова приводятся по изданиям: Петров Сергей. Собрание стихотворений. В двух книгах. М.: Водолей Publishers, 2008 (с указанием тома – I или II); и Петров Сергей. Собрание стихотворений. Неизданное. М.: Водолей Publishers, 2011 (с указанием тома – III). Тексты под заглавием «Mir zur Feier» даются с указанием года создания, без указания страниц (в двухтомнике 2008 года они следуют единым рядом в алфавитном указателе произведений).

² Тина Гай. Сергей Петров. Осколки Серебряного века. <http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/>

³ Егоров Б.Ф. О жизни и творчестве С.В. Петрова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 5 (17). С. 1–14.

Тонкий мастер рифмы, Петров в подавляющем большинстве оригинальных стихов следует строгой строфике, даже в тех случаях, когда отказывается от деления текста на упорядоченные рифмой группы строк. Предпринятый поэтом отказ от рифмы во всех текстах цикла «Mir zur Feier» производит пересмотр, главным образом, в строфике и синтаксисе. Если в 30-е годы строфика этих стихотворений определяется синтаксисом, – так что можно говорить о следующей устойчивости: четверостишья в основном включают в себя одно предложение, а восьмистишья – два; в остальные строфоиды – в 3, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 16, 17 и т. д. стихов – организуется различное количество предложений, – то позже, уже начиная с «Псалма» (1944; I, 361-362), разница в длине строк становится всё ощутимей, а синтаксическое целое оказывается более гибким и даже колким, способным раскалываться на небольшие синтагмы, между членами которых устанавливается звуковое родство (приведу несколько примеров: «и горя, и грязи», «тошно и муторно», «укоротили меня, да не укоротили»). И одно слово вполне может стоять в строке, как и служебное сочетание или восклицание. Вообще, в организации свободного поэтического стиха Петров использует большой арсенал устойчивых выражений (фольклорных, в частности), подвергая их перекombинациям, как, например, в этих случаях:

...тявкаю понемножку,
чавкаю потихоньку.
А в общем зверь я предобрый,
куда добрее людей звериных
(1959; I, 476)

или

...день слагался
ни по моему,
ни по шучьему,
а черт знает по чьему веленью
(1957; I, 447)

С 1971 г. Петров вовсе отказывается от членения текста на строфы и не прерывает такой практики до конца (в 1953, 1958 и 1965 такие рецидивы уже были, но они отличаются от более поздней формы), исключительно перейдя к расслоению предложений на минимальные части, всегда, правда, морфологически цельные. Начав с 13-стишной строфы в 1971 г. (заметим, что такое количество строк повторяется как минимум трижды; к этому можно прибавить и такие числа, которые кратны 13, – 26, например), он доводит строфоидное образование до 67 и даже 71 стиха (о смысле этого формального приема будет сказано чуть позже). Но во всех стихотворениях, начиная с первого, родство окончаний строк устанавливается в обход рифмы, и глаз ищет подтверждений этого родства в составе слов, в грамматических формах, в намеке на параллелизм (даже приводимые в статье примеры могут дать материал для самостоятельных наблюдений).

Все 32 стихотворения С. Петрова, включая и «Благовещенский псалом» (1944), начинаются стихом «Я родился в Благовещенье». Поэт на протяжении долгой жизни разгадывает загадку своего рождения и проникает в до-существование. Противопоставляя жизнь небытию, Петров упрямо ведет следствие по делу о своем рождении в Благовещенье. Кроме того, все эти «праздничные» стихотворения, за исключением двух – за 1977 и 1980 да еще трехчастного стихотворения 1943, закольцованы и завершаются теми же словами, только включенными в состав сложной конструкции в качестве придаточной части с союзами «что», «ибо», «если»... Применительно к строфической организации текста стоит добавить, что в ряде случаев Петров отделяет первую или последнюю, или обе строки (так происходит в тексте 1955 г.) от остального образования. Нельзя исключить, что, прибегая к такому повтору, автор подстергает неожиданность: в по-

вторенной строке он использует потенциальность скользящего ударения в слове «родился» – от нормативного в первом употреблении к простонародно-поэтическому в последнем, что мотивируется разбегом как строки, увеличенной наличием союза, который скрадывает ударение, так и всем ходом речи.

Вот пример из текста 1936 г.:

Я роди́лся в Благовещенье.
Летела последняя ночь, мотаясь в оглоблях,
и серое утро в мокром снегу
ходило уже по дворам.
<...>
Четверть века! Это латинское слово,
это дата моей истории,
но я, летописец, помню,
что я роди́лся в Благовещенье.
(I, 183-184)

Пример из текста 1941 г.:

Я роди́лся в Благовещенье,
в тот праздник, когда и птица
гнезда не свивает.
<...>
Полечу и снесу яичко,
как лицо уродца, рябое,
положу его потихоньку,
чтобы никто не заметил.
Пусть лежит до поры до времени!
Авось кто-нибудь и станет
им христосоваться с другими,
и тогда мне опять припомнится,
что я роди́лся в Благовещенье.
(I, 285-286)

Еще один пример – текст 1971 года:

Я роди́лся в Благовещенье,
отстучал шестьдесят годов.
А на что мне в жизни пожаловаться?
На то, что кому-то горчил
и сам огорчился?
Вот, подумаешь, горе!
Ведь жизнь – она вроде иксятины,
да к тому же и с игрецинкой.
Так не лучше ли,
отряхая пепел с сигары,
потихонечку уверяться,
что дуракам на потеху
роди́лся я в Благовещенье?
(II, 136)

Инверсия здесь мотивирована вопросительностью предложения, тогда как в 1955 вопрос подавался иначе: «Да родился ли я в Благовещенье?» (I, 417) – так что сам факт происхождения на свет подвергается сомнению (или «сумнению», как называл это чувство автор).

То же кольцо и в начале и конце стихотворения 1983 г., последнего в этом «пожизненном» цикле, но им я закончу свое эссе.

Наряду с колебанием ударения в словоформах «родился / родился», во всем корпусе днерожденных стихотворений находятся еще несколько случаев, когда поэт как будто провоцирует недоумение читателя: как произнести слово верно? Так, еще в первом тексте, датированном 1934 г., есть такие строки: «В этот день прилетающие птицы, / огромные как южные звезды, / гнезда себе не свивали, / а громко молились и пели / о моей одинокой жизни» (I, 76). Через семь лет этот образ – не свивающей себе гнезда птицы – вновь возникает: «Я родился в Благовещенье, / в тот праздник, когда и птица / гнезда не свивает» (I, 285); там же этот фольклорный мотив становится фактом автохарактеристики: «Погнало меня по дорогам, / по беспутным и немощным, / и нигде гнезда не свиваю» (там же). В 1943 г. в трехчастном тексте «Mir zur Feier» в самом начале сказано: «В этот день отчего-то птицы / гнезда себе не свивают» (I, 342); а в 1974 – «В сей день птица гнезда не вьет» (II, 300). В зафиксированном Михельсоном варианте поговорки фигурирует только единственное число: «Птица гнезда не вьет...», как и в запаралелленном ему конце: «девица косы не заплетает»; но Петров в приведенных примерах употребляет в качестве подлежащего как существительное единственного числа, что подразумевает таковое же в прямом дополнении, так и существительное множественного, что предполагает вариативность, выражающуюся в скольжении ударения: «гнезда не свиваю», «птица гнезда не свивает, не вьет» – но «птицы гнезда себе не свивали, не свивают». Такие колебания свидетельствуют об усилении «возможностей ритмико-синтаксических соотношений» (по Бухштабу), попросту расшатывают ритмику. Действительно, во всем верлибрическом корпусе Петрова прослеживается синтаксический сдвиг: положение слова в строке диктует его звуковую фактуру, а в чем-то этой звуковой фактурой и определяется.

Вот что происходит в тексте 1957 г. Поэт говорит о не вполне удачно проведенном дне рождения:

Нерадостно было мне нынче:
с утра до вечера
погода хмурилась,
день слался
ни по моему,
ни по шучьему,
а черт знает по чьему веленью.
И торчала в уме, как шест,
цифра 46.
Даже и пожилому трудно тут
удержать равновесие.
Но недаром я в детстве научился жонглировать.
Шест торчал,
качался,
но не упал.
Вот что значит эквилибристика!
<...>
А вечер слался
ни по моему, ни по шучьему,
а черт знает по чьему веленью,
и торчал и качался шест...
И часы

приближались к полночи.
 Переждал я все помехи,
 из людей добродушных слагавшиеся.
 А когда исчезли слагаемые,
 сел к столу,
 удержав равновесие,
 и пустился выкидывать фокусы
 над самим собой
 новорожденным.
 Я недаром учился жонглировать.
 Вот что значит эквилибристика,
 если я родился в Благовещенье.
 (I, 447-448)

Благодаря окказиональному ударению в слове «новорождённый» (недаром же оно вынесено в отдельную строку), последние четыре строки получают клаузулы, имитирующие дактилические окончания, а за ними выстраивается неровным строем и весь текст – от конца к началу, требуя повторного прочтения.

Повторы нанизываемых друг на друга мотивов с небольшими изменениями названы прямо – «жонглированием», или «жонглерством», то есть занятием, совершаемым жонглерами, бродячими певцами, сродни немецким шпильманам и русским скоморохам. Отсюда у Петрова не только ощущение странничества, вообще характерное для русской литературы, а в его случае подкрепленное тяжелым жизненным путем: родился в Казани, учился в Ленинграде, после первого ареста был выслан в Красноярский край, затем три года в Ачинской тюрьме, жизнь в Сибири, потом в Тверской области, после смерти Сталина – Новгород, с начала 70-х – Ленинград... Так, обыгрывая свое 55-летие – Петров вообще любит и ценит счет, число за его небуквальную соотнесенность с буквой («Я сам – стечение числ») – он говорит:

Поставлены мне судьбою
 две пятерки.
 Одна пятерка – вполвека –
 за то, что я – и стиснутый,
 и трепанный,
 и мотанный –
 сжался в себе самом
 и не растерялся по годам и дорогам,
 за то, что сам с собою
 был неподкупен и честен.

Числа возраста обыгрываются так же, как даты и как количество уже написанных стихов «себе к празднику»: недаром единственный текст, названный не «Mir zur Feier», а «Благовещенский псалом», создан на свое 33-е рождение – в возрасте Христа. Думается, поэт после 1983 г. намеренно не продолжал этот цикл: во-первых, 1984 г. был юбилейным пятидесятым с момента такого начинания; а во-вторых, будь написан он в том 1984 или в последующие годы, он стал бы 33-м, то есть всё равно ко многому обязывающим¹. Наверняка намеренно в 1978 г., себе на 67-летие, поэт создает строфоид в 67 строк, тогда как в 1983 г., последний раз текстом отмечая день своего рождения, останавливает строфическое образование на 71 строке (это самое длинное

¹ Не знаю, следует ли принимать за простое совпадение такой курьез, что 7 и 25 в сумме дают 32 (7 апреля – это то же самое, что и 25 марта по старому стилю, – праздник Благовещения и день рождения С.В. Петрова). Не исключено, что отказ написать 33-й текст был вызван его кратностью 11 (вспомним, что родился Петров в 1911 г.).

из днерожденных стихотворений). Таким образом, остановившись на пороге и 50-летия начала этого цикла, и количества отмеченных текстами годов (32), Петров, согласно предлагаемой интерпретации, и само Благовещение поэтически представлял предвосхищением, великим преддверием – чем-то предворяющим важное свершение. (К слову сказать, подобный расчет, если его предположить за авторской стратегией, способен отвести от Петрова упреки в графомании¹.) Таким образом, цикл, выраставший с самого начала «без плана» и даже в неведении автора по поводу следующей даты, вырастает во что-то принципиально незавершенное, разомкнутое в будущее.

В 1976 г. поэт выскажется почти по-шаламовски, хотя и с присущей самоиронией:

Я родился в Благовещенье,
когда благовестили
воробы
про распутицу
и чирикали,
мне-де не будет пути.
Вздор воробыный!
Лишь у безногих
пути не бывает.
А я по своей дорожке
Бог весть к какому Богу
и на руках доплзу,
ибо я родился в Благовещенье.
(I, 417)

Если самоирония и всегда горька, то у Петрова она доводится до серьезной формы забавы, шутовства, балагурства, даже моментами юродства.

Как нищий,
бредущий от всенощной,
бормочу суетливо
псалом восторженный:
«Я родился в Благовещенье»
(1956; I, 433)

Такие слова, заставляющие усомниться в искренности признания о «равенстве самому себе»:

...всегда бывал кем-то чужим, нежеланным
и новым,
оставаясь равным
самому себе
(1955; I, 417),

¹ Белла Магид в своей страстной апологии пишет: «Знаменитый прозаик Фёдор Абрамов, послушав однажды стихи С.В., сказал ему с обезоруживающей откровенностью: “Если бы я не знал, С.В., что Вы – замечательный переводчик, то подумал бы, что Вы – графоман”. Эту фразу С.В. частенько цитировал своим слушателям или читателям, а они прекрасно сознавали: того, кто недоступен пониманию по причине очень высокого полёта, проще всего объявить графоманом (в клиническом значении этого слова). Ну а если клинкой тут не пахнет, то настоящий писатель и должен быть графоманом: он не может не писать, и в этом его призвание» (Магид Белла. Сергей Петров в ожидании Благовещенья // Волга, 2013. № 1;

<https://magazines.gorky.media/volga/2013/1/sergej-petrov-v-ozhidanii-blagoveshheniya.html>)

– соседствуют с желанием разгадать тайну своего рождения, проникнуть в собственное существование – ни до и ни после, дать голос всем поселенцам в своем существе:

Вокруг меня намотано существо.
Я всунут, как в трещину, в особицу,
сам себе особ-статья,
персона,
личность,
индивидуум,
да еще вообще человек

(II, 10-11)¹,

– признается он в 1967 г. Совершаемое поэтом в день рождения погружение в себя словно укачивает на имперсональную природу лирики: говоря о себе, он свидетельствует о каждом, независимо от индивидуальной воли и доли. Как знать, может быть, теоретик литературы по этому поводу выскажет соображение об очередном преобразении лирики в эпос, в котором личностное, индивидуальное будет потеснено неким новым общим – человеческим, гуманным, поэтическим...

Через год, в 1968, словно подхватывая прежнюю мысль о необходимости и невозможности собственного осуществления, сетует о своем «многолюдстве»:

Где другая моя половина?
Умерла или не родилась?
Где она, Я, которое – Ты?
Которое было бы Мы,
пусть горемычное,
пусть замызанное до боли мыслями,
но лупящее кулаками
по одиночеству!

И живу от себя в особице,
без вины ополовиненный,
сам себе – как чертова чара
или просто загулявшая чарка.
И допить ли горькую стопку
или сказать: «Стоп!» –
да об стол ее и вдребезги?

Но авось, авось уцелею!
Но авось, авось стану целым
и увижу себя как Меня,
как Тебя и как Нас со Всеми,
ибо я родился в Благовещенье.
(II, 42)

Эти существа могут представлять и в птичьем обличи:

¹ А после этого перечисления всех своих ипостасей, за которыми встает фигура некоего «Everyman'a», поэт раздражается раешным двустийем:

Потаскай-ка их всех на одном горбу –
порастрясешь и себя, и судьбу... (II, 11)

Раешным стихом написано себе на рождение стихотворение 1975 г. (привожу его в Приложении).

Что же я за птица такая?
Каковы у меня приметы?
До сих пор себе не отвечу.
Но сдастся, ей-богу, право,
что не важная пава, не попка,
не индюк, краснозобый чиновник,
не щебечущая канарейка,
не орел-стервятник, не коршун
и не серенькая пичужка,
не воробышек никудышный,
не кукушка-вещунья, не чижик,
не очкастый ученый филин
и не сокол удалый я.

(1943; I, 342)

В том же стихотворении он просит своего доброго бога, «старого сказочника, чуть насмешливого древнего Андерсена», чтобы тот создал сказку, в которой он будет «пичужкой многоголосой, / соловьем, побеждающим смерть» (I, 343).

«Многоголосье» (то же, что и «многолюдство» в одном лице) – нагнетание самости в день своего рождения не только с целью победить смерть, но и для того, чтобы представить свое как чужое и войти с ним в диалог. Не об этом ли он сказал в афористическом четверостишии «Буддическое»:

Убей себя в себе и стань никем,
покуда ты в ничто не превратился

(1966-67; III, 78)

Не отсюда ли и происхождение поэтического жанра фуги: автор их записывал семью разными цветами шариковых ручек, чтобы подчеркнуть особое интонирование, сообразно семи нотам, – такую полифонию, предполагающую мыслимый переход от визуального-колористического к звуковому-тембральному. Кажется, первая fuga была создана в 1967 г. и называлась она «Распутье» – вновь осмысление пути или недоумения перед выбором пути, «сумнения», недаром это сравнительно небольшое стихотворение закольцовано мотивом сомнения:

Я усумняюсь. – Или мне ни жизни, ни житья...
<...>

Я даже умирая умудрюсь
не гневаться, а только сомневаться.

(II, 24-25)

Мотив жизни как постоянного сомнения – один из устойчивых у Петрова, оттого в середине 60-х, развивая декартово «cogito, ergo...», он заявляет:

Я мыслю, стало быть, я – путаник, бродяга,
скиталец, задушевный баламут...

(1965; I, 574)

Пожалуй, к жанру фуги как предельно диалогического жанра лирики Петрова можно отнести и стихотворение «Мне отпраздновать» 1974 г., целиком построенное как выяснение с кем-то причин своего праздника и праздничного настроения:

Так давай раскачивать
 языками железными
 по всей пустоте
 о том,
 что родился я в Благовещенье.
 (II, 300)

Но, помимо угадываемого лирического «я», кто участвует в этом допросе? И кому принадлежит последний призыв, приводимый здесь? Вскользь заметим: здесь вновь в последней строке дает о себе знать инверсия «родился я», на сей раз мотивированная не вопросом, а только ритмом. Продолжая читать последнюю строку с заявленным в начале своего размышления не-нормативным ударением, я пускаюсь, вслед за поэтом, в поиски равновесия. Колеблясь между верлибром и различными переходными формами, включающими различимую метрику, Петров создает ситуацию недоумения перед тем жизненным пространством, за которое его «выталкивала из вшаей» (1965; I, 539).

Стараясь адекватно отзывчиво откликнуться на это поэтическое открытие сути «сумнения» – благое и блажное, следует сказать, что стихотворческое жонглирование, эквилибристика у Петрова принимает вид поиска равновесия между звуками, словами, смыслами, перекликающимися и находящими друг с другом то родство, то взаимное отрицание. Оттого-то омонимия и паронимия, вплоть до тотальной аттракции, позволяют включать в пространство текста столь разные и несводимые образы и темы.

Неудовлетворенность от одиночества одного своего «я» и недоумение от нераспознанной доли, удела находят яркое выражение в довольно длинных перечислениях, вообще – рядах слов, объединяемых общим звучанием, тут и омонимия, и паронимия. По Петрову, поэт состоит из слов, как соловей – из голосов. Поиск множества себя в «семейной коробочке» с гаданием «на темной научной гуще» о смерти, когда она должна произойти: «в Рождество ли? / В Покров ли?» (1963; I, 514), «В Успенье / или в день / усекновения Главы / Иоанна Предтечи?» (1975; II, 355) – есть поиск единственного сочетания, которое может ритмически проявиться на разных пространствах текста, даже на пространстве в целую жизнь; и тогда «жизнь <...> посмертно повторится» (из стихотворения 1983 г. «Бессмертие»; II, 570). В тенденции, в становлении своего «пожизненного» цикла Петров словно испытывает невозможность зафиксировать последнее словесное сочетание – ему суждено остаться произнесенным, незафиксированным. Вспомним у Батюшкова: «И смерть ему едва ли скажет...». Такой отсыл не есть прихоть исследователя: «...жду, / что смерть / и та мне скажет, / что я родился / в Благовещенье» (II, 178), – говорится в тексте 1972 г.

Смерть не оказывается последним словом и у Петрова, до нее начинается бессмертие, а после нее – искусство («Искусство – это бытие за гробом...», – говорится в стихотворении 1973 г. «Некому поэту»; II, 271). Если на что поэт, а вместе с ним и его «многолюдный» лирический персонаж, уповает, так это – русский авось. Недаром с 1941 г. мотив гадательности и обыгрывание этой национальной надежды на удачу, ничем не обоснованной, становится всё слышнее, настойчивее, даже навязчивее – как заклинание, даже как молитва. Авось становится у Петрова каким-то божком, сопоставимым с Мусagetом (1964; I, 517), воплощается в развеселого, неунывающего мальчика Авоську.

И только в стихотворении, завершающем «пожизненный» цикл, сказано весьма определенно:

И сегодня, когда мне стукнуло
 семьдесят два,
 я повторяю упрямо,
 что я как поэт бессмертен,
 ибо я родился в Благовещенье
 (1983; II, 569-570)

Кажется, возвращение к самому себе (до себя и после себя) совершилось и Авось не подвел – превратился в Аполлона, привел своего служителя к тому памятнику, который тот себе и строил.

Вибрации обращения к неведомому у Петрова превращается в псалом, евангелие, благую весть, даже благую вещь, или овечье стадо, или благо и блажь – когда он сам движется навстречу своей единственности и уникальности, но одновременно растворяется во всеобщем. Так поэт и слова испытывает на их единственность, уникальность в звучании, смысле и возможности связей – и, одновременно, на их способности выражать иное, не словарем обозначенное, даже противоположное самим себе. Каждый раз повторенные в начале и конце текста, слова о рождении в Благовещенье получают новое звучание и значение. Они неисчерпаемы в колебаниях, которым их предоставил поэт.

Приложение

Mir zur Feier

Я родился в Благовещенье.
 А когда умру?
 В Успенье
 или в день
 усекновения Главы
 Иоанна Предтечи?
 Сам Господь сказал мне,
 что мироздание –
 на темной научной гуще
 гадание.
 И как хорошо, что я к старости
 не ведаю ничегошеньки.
 Шестьдесят четыре года
 мне начислила природа,
 и от этих лет я сед,
 самому себе сосед.
 И напрасно Большая Медведица
 к нам пытается присуседиться.
 Не сидится ей и не едется.
 Вся вселенная – гололедица.
 И живет полноценными сутками
 пейзажик с болотцем и с утками.
 Староватый такой пейзажик!
 А годы это пейзажево
 пожирают мерно и заживо.
 Год по году я отломал,
 а сам еще подло мал,
 сам себе поперечная трещина.
 А между прочим,
 я родился в Благовещенье.

7 апреля 1975

Александр МАРКОВ

ПЕРЕВОРОТ МОТИВОВ

Елена Костылева. *Cosmopolitan* / предисловие Д. Бреслера. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 160 с. – (Серия «Новая поэзия»)

Новая книга Елены Костылевой отличается от предыдущих ее книг, таких как «Лидия» (2009) и «День» (2019), ровно настолько, чтобы казаться их достойным продолжением. В предыдущих книгах поражала полемичность, доказательство того, что прежние способы эмансипации уже не работают, и необходимо совсем иначе повести себя в различных бытовых и речевых ситуациях. Новая книга не стала «примиренческой» в банальном смысле, она не менее бескомпромиссна, но в ней ноты прошлых эмансипаций звучат иначе.

Если в современной поэзии и есть понятие о почтении к прошлому, о поколениях и об уроках прожитых лет, то это понятие подходит Костылевой. Парадоксальная почтительность к предшественницам стоит и за самыми яростными стихами: совсем не музейная и строго *аналитическая*. Для счета литературных поколений требуется, самое меньшее, *две* смены, и Костылева пишет так, что Елена Фанайлова для нее уже не просто «классика», а предшествует прежнему поколению, в том числе и прежним ее книгам, что в опыте нулевых содержится формообразующая мудрость сразу для многих групп поэтов:

это фанайловщина
 банальщина
 маниловщина
 обломовщина
 с поэтическим субъектом Костылевой за отчетный
 период ничего не произошло
 [ну потому что он и так значительно опережал то, еще
 жидкое, время] (с. 79)

В этих строках – не вторжение чужого языка, чужого упрека, а прямое указание на то, что точкой отсчета для этой поэзии может быть и «Лена и люди» Фанайловой, но могут и бывшие мечтатели русской литературы. В обоих названных мирах работает сходный принцип – слишком готовой речи, которая оставляет героев, даже самых незаметных, наедине с собой, с сильными необузданными чувствами, с невозможностью их приручить. В обоих мирах дает о себе знать бедность самой русской литературы на повороты изысканной речи, на салонное остроумие, на эффектные обороты, на всё, что считалось пустословием. В таком положении (*полифонии*, по Бахтину) различные стилистические регистры, от церковного и канцелярского до простонародного, действуют на героев и через героев сильнее, чем возможность развернуть речь во времени, превратив ее в хитрую ловушку чужих намерений. В русской литературе приходится говорить искренне, – просто потому что запас стиля можно истратить за несколько приемов, и не надо тратить его понапрасну, иначе дальше останется только развивать наблюдательность. Но Костылева пытается остановить эту растрату различными способами, потому что просто последняя недопустима для современной женщины, не желающей быть предметом хищной наблюдательности.

Самый простой способ остановки – джазовая импровизация, позволяющая говорить как о милости о явлениях, которые в прежней штампованной «литературной», скудной и стилистически окрашенной речи не кажутся милостивыми. Так в реквиеме (по) Антону Носику («Антону Н. в духе Фанайловой») образ милосердной римлянки Перо, известной по картине Рубенса и

полутайной картине в картине «Урок музыки» Вермеера, *Caritas Romana* сливается с образом дарования аккаунтов как молока слов. Подразумевается, что аккаунт и позволит каждому говорить в своем стиле и не представлять заложником прежних стилистических ограничений:

как римлянка кормила грудью отца
большого пожилого дядю
за неимением передач
и ни на что решительно не глядя
не взирая –
ты окормлял аккаунтом своим всех нас
и каждому давал себя в пропорциях внезапных
и делал то, что надо (с. 132)

Джазовой импровизацией мы назвали этот стих потому, что сама по себе импровизация не подразумевает никаких критериев классического стиля, чтобы состояться как явление искусства и социальный факт, более того, факт огромного социального интереса. Говард Беккер, писавший об «аутсайдерах» джазовых клубов, показал это со всей ученостью. Но Костылева в большинстве стихов книги идет дальше и глубже джаза, который всегда ситуативен и не может до конца служить целям телесной эмансипации. Она изображает тело, сдавшееся болезни, уставшее от той самой речевой скудости, длящейся до бесконечности:

благословен ты, псих,
говорящий до дна, до
дня
дней, до
самого покоя души,
чтобы мне было легче тебя отпустить,
зная, что ты действительно любил меня (с. 89)

Это вовсе не сетование, не жалоба, не упрек, не ругань – но то, что можно назвать «признанием в усталости», как бывают признания в любви и дружбе. Усталость сообщает, что покой возможен, даже счастье возможно, – но только если другой человек возьмет на себя ответственность за любовь. Лирическая речь Костылевой – не соревнование за слово, но, напротив, ожидание того, кто учредит соревнования.

Чтобы соревнования были учреждены, Костылева превращает серьезность и другие настроения в категориальные акты, разборчивые обозначения способа действия, внутри которого собеседнику надлежит сделать выбор. Из фильтров видения, из краски лирического мотива они необратимо делаются способом членения опыта; причем не внутреннего, а, напротив, обобщенного и принадлежащего потенциально нескольким или многим:

бросай меня пока никто не видит
пока таких историй не бывает
бросай меня особо изощренно
запись в той комнате и молча лампу жги (с. 56)

Казалось бы, цветаевская ярость. Но на самом деле это превращение обиды из настроения в *категориальный акт* различения между бывалым и небывалым, вероятным и невероятным, допустимым и недопустимым. Адресат, попав в эту сетку различений, должен сделать вывод уже вне стихотворения, нравственный вывод, подвергнув критике не только это поведение, но и мотивы этого поведения.

Или другой пример такой сетки, требующей действия, а не новых уточняющих и уводящих сравнений:

бей в бубен любви брат
вытряхни душу из этой любви – она где-то там
внутри (с. 85)

Такое бойкое слово могло бы быть в начальном приближении призывом к решительности, к боевому настрою. Но этот настрой превращается в категориальный акт, проводящий границы между внутренней жизнью и поступком, между внутренним чувством и уместным поведением, между внутренним разумом и разумным признанием силы любви. Герой, попав в сетку границ, вынужден будет признать, что нельзя удержать любовь только «внутри» ситуативных чувств, оставив эгоизм снаружи, что любовь вообще не бывает на потребу чему-то.

Такие категориальные сетки можно найти в любом стихотворении Костылевой в этой книге, и они ловят в себя собеседника-адресата:

Он плакал по ночам и узнавал
Себя в кошмарах пост-Шахерезады
Наполовину все-таки из ада
Он нам свои рецензии писал (с. 108)

Прозвучала саркастическая эпиграмма на писателя, – но этот сарказм тоже превращается в категориальный акт различения между замыслом и исполнением, между самообманом и обманчивостью перспектив, между тем, чтобы обмануться в себе и чтобы обмануть других. И изнутри этой сетки и придется адресату выяснить, бываешь ли ты в этом плаче искренним хоть иногда, или нет.

Даже безудержные метафоры тоже превращаются в категориальную сетку новых понятий:

Как будто кто-то разорвал бумагу
И окунул в чернила край –
Синай!
О море, выпившее влагу
Земли
Расчистившие небо
Ветра (с. 145)

Динамический пейзаж превращает сам жест в такую понятную сетку, различая между названием и вниманием, заклинанием и воспоминанием, удивлением и умением удивлять других. Изнутри этого адресату надлежит определиться, когда именно ты оказался честен, когда увидел такой пейзаж, или когда изложил его именно такими словами, чтобы показать, что не только ты себе интересен. Так и метафорический пейзаж оспаривает чужой эгоизм, примерно как в картинах Вермеера мы видим целые мелодраматические любовные сюжеты, но замечаем их только благодаря разрывам видения, узнавая картины в картине, жесты героев внутри жестов художника. Тогда оказывается, что что-то из переданного Вермеером нам – не просто искусство, но умение считаться с другим и пересчитать свои ресурсы речи, чтобы отдать их другому.

Ожидание ответственности от другого выражается и в грамматике: Костылева обращается на ты не к знакомому, не к ближайшему, а к тому, кто сам уже явно обратился к ней и к читателю на ты, находя ближайших. Кажется, «ты» – самое частое личное местоимение в этой книге:

Милый мой Ванечка, я тебя покидаю, но если
Ты прочтешь эти песни и тебя вставит
знай

я тебя никогда не смогу покинуть.
 Что сказал бы Петрарка, услышав
 группу Кровосток? мы так и не решили.
 И почему ты сказал, что я гегельянец
 может, еще пару раз объяснить (с. 61)

Это не просто «ты» собеседника, а «ты», способное искать других «ты», находить гегелевскую диалектику господина и раба и соглашаться на новое объяснение – которое и поменяет роли и приведет к свободе. Как раз здесь лирическое развитие сюжета, с недомолвками и намеками – это не способ говорить от своего лица, но только от лица другого, заставляя его не только признать ошибки после опыта сетки категорий, но и извлечь уроки из повторений. Различные шаржи и автошаржи, иронические разговоры, аналитические заметки – лишь способ хотя бы кого-то подвести к этим урокам.

Варвара Недеогло. Русские девочки кончают свободной землёй / предисловие А. Бренера – Краснодар: Асебия, 2023. – 192 с.

Варвару Недеогло знают как поэта, расширившего алфавит многократно. Она ввела причудливые знаки с диакритикой из уникод-канона, в которых узнается русский язык и не узнается. Эти буквы должны нас приблизить к родине как никогда, показывая, сколь были непохожи на родину прежние представления о ней.

Это приближение – не ряд картин и впечатлений, но отказ от заклинания, от лирически напряженного однообразия, которое должно заморозить реальность. Заклинание не работает, потому что вещи претерпевают поспешные метаморфозы, а пророков, способных нравственной силой остановить метаморфозы, не послушали:

стань земля мясом
 стань земля
 ибо никто из вас не знает и знать не может,
 что такое настоящая жизнь
 любовь и смерть и страх и радость и ненависть
 никто из вас не понимает
 чем же пахнет земля
 бери шинель пойдем домой поет окуджава
 пока не поздно пошел с ума прочь поет летов (с. 64)

Все стихи этого сборника – свод попыток использовать разные яркие стилистические регистры, которые никто до конца не помнит, как правильно употреблять в авторской поэзии, панихиду, или оду, или гимн. Всегда поэт, пишущий оду или панихиду, или даже реквием, рискует оказаться «учеником чародея», не способным остановить заклинания вовремя. Варвара Недеогло – сама чародей, а не ученик, просто потому что она эти регистры подчиняет сложному чувству радости и скорби одновременно, и радость и скорбь тела сильнее любого стиля:

когда я скажу слово родина
 с моих губ посыпятся соцветия черемши
 и русская земля (с. 62)

С чужих губ это не посыпется, и тогда «я», приняв скорбь, скорее примет и радость, образует вектор радости, единственное чародейство этих стихов. В этих стихах ничего не обещается, что

обещала бы ода или лирическое признание, – но оспаривается поспешное присвоение себе чужого опыта.

Но кроме этой границы между своим и чужим есть в этой поэзии новое отношение к жанровым границам. Она имеет в виду не только заклинания или сакральные тексты, но и вполне привычные *классические жанры*, однако понятые иначе, чем мы привыкли. Мы обычно думаем, что любой лирический жанр позволяет сказать о многом, правда, через определенную субъективную призму, – таково обыденное представление о поэзии. Варвара Недеогло показывает, что действие жанра ограничено – он создаст *только одну* реальность. Например, пушкинские стансы создадут политику, а пушкинская элегия – эротику. Поэтому нужно найти самый милостивый жанр, им может оказаться в мире этой поэзии даже брань, как близкая к телу. Часто Варвара Недеогло перебирает полупушкинские или полупастернаковские цитаты, чтобы показать, что жанр создает не многообразные миры, а только какую-то одну субстанцию, например, «плесень» быта, и надо выяснить только, насколько он милостив и есть ли более милостивые жанры:

клянусь твоей опасной бритвой
клянусь красы своей звездой
клянусь всенощною молитвой
во всю жизнь свою почитала я народ за ядро и корень,
а высшие сословия за плесень или плесень по делу
глядя
мама
мы вырастили столько плесени
но милость бога
прет земель
из всех щелей (с. 140)

В этих строках – опыт одиночества, опыт пережитого насилия не как сюжета, а как жанра. А новый жанр песни против насилия собирается в этой книге тем, что в один ряд ставится цитата и прямой призыв, *повторение и неповторимость*:

я сбрасываю слова
я сбрасываю платье
вылезаю из языка
(...)
отче в руки твои предаю
поликистозную душу мою
благослови каждую травму
которая меня усложнила (с. 155)

Это не «темы» повторения и неповторимости. Это *сами действия*, которые могут быть язвляющими, могут доводить до слёз, до крика, но в этой поэзии должны стоять рядом.

Такой ряд – необходимая предпосылка химического опыта, где самые жгучие и злые вещества поставлены рядом в пробирках. Каков итог этого опыта? Самый добрый: разложение агрессивности на самые мелкие составляющие, на жест, знак, черту, разные частные векторы и проявления агрессии. Варвара Недеогло всякий раз замедляет и ослабляет движение агрессии. Например, удар затронет не всё тело, а только руку:

но этой стране было нужно нечто большее
чем мой бесплатный звонок
чем моя неполоманная спина

чем мой бодавший позвонок
вот так
я поранилась
и пишу теперь
левой рукой
потому что правая сломалась первая (с. 115)

Агрессия замедлена благодаря агрегатным состояниям – произошло распадение на ртутные жемчужины. В поэзии Недеогло часто рядом ставятся метафоры по внешнему сходству (ртуть-жемчужина) и по субстанциальному сходству (ртуть-жидкость). Этот химический опыт смешения или соположения *внешнего и субстанциального* и позволяет если не обратить необратимую агрессию, то хотя бы спасти от нее тело.

Варвара Недеогло, перебирая библеизмы, «и были многие и многия» (с. 111), каталоги, отзываются быть каталогами, и истории, отрекающиеся от того, чтобы быть историями, «и была сожженная зима и опаленное упавшее лето» – ищет спасительную оговорку, когда уже эвфемизмы и благородные слова не работают, но только случайные оговорки, описки, осколки частностей вдруг сработают и остановят вектор насилия. Надо найти оговорку, позволяющую говорить не только о смертях и катастрофах, не только об опаленном и растраченном. Нужно не говорить словами, не оговаривать словами, а *оговориться* словами, – чтобы всех соотечественников, слышащих непривычное, подвести к этим урокам.

Ростислав Ярцев. Свалка: стихотворения и поэмы / предисловие В. Шубинского, послесловие О. Балла – М.: Формаслов, 2023. – 122 с.

Предыдущая книга Ростислава Ярцева, «Нерасторопный праздник» (2021), должна была показать со всей убедительностью, в сколь сложных отношениях со временем оказался современный человек. Дело не в том, что времени может остаться мало или вдруг образуется его избыток, – но в том, что это отношение не подчиняется какой-то одной мере. Во времени можно заблудиться, но одновременно можно осознать в нем свое заблуждение, можно сосредоточиться на чём-то на время, а можно сосредоточиться на мысли о времени. Время оказывалось *трикстером*, который никогда до конца не показывает своего лица, тогда как душевных сил от людей требует многих – и только общее желание праздника, осознания себя в особом торжественном времени, создавало вектор движения к истине.

Новая книга «Свалка» может быть понята в своем названии по-разному, включая (быть может) анаграмму уменьшительного имени автора Славка. Но из всех смыслов существеннее этимологический – когда что-то долго наваливают, то не только количество переходит в качество и несколько предметов – в кучу. Меняется сам способ отношения к происходящему: что мы теряем перед этой кучей – существеннее того, как мы эту кучу называем.

Техника Ярцева в этой книге – техника такого *растерянного предвосхищения*. Если мы видим эпиграф, то можем узнать, что расшифровка его не столько в этом стихотворении, сколько в нескольких предыдущих, его готовящих. Если мы видим стихотворение «Грех» (с. 20) с эпиграфом из предсмертного самоувекования императора Адриана («Animula...»), то эта бедная душа будет неназванным героем предыдущего стихотворения:

ты вышел в мир полшутя.
как защитить тебя, дитя?
не хищной лаской воровской,
не птицей под водой морской.
лухой и подлюю порою

тебе я колокол построю –
весёлый, лёгкий и живой.
конька с румяной головой
я от себя в тоске зарюю.
там будет пестовать дитя
простая песенка житья
под спудом смертного конвоя. (с. 19)

Это и пересказ стихотворной импровизации римского государя, особенно последняя строка, но также и загадывание неназванного слова «душа» – например, «колокол» тела указывает на смертный колокол, звонящий по всем; труп показывает и указывает, что душа отлетела, – а телу и положено быть веселым, легким и живым. А вот жизнь души можно обозначить как «простую песенку», которая поется спокойно вместе с ходом времени, столь же незатейливым и однообразным, до самой человеческой смерти. Ценители темной поэзии разгадают не только эти две, но и другие сложные метафоры приведенного стихотворения; но существенно то, что ритм души, загаданной в этих строках, ритм живых ассоциаций позволяет быстрее разгадать эти загадки не только таким ценителям.

Или, например, перед стихотворением с эпиграфом из Елены Шварц о «прекрасной помойке» идет целая галерея таких отвратительных образов, но со своей историей отношения души и тела:

всё всё сдохни вместе с тобой
если было место твоё
станет оно гнилью землёй
кровяною
невестою (с. 74)

Опять сложная метафора: земля как тело, гниение как тепло и кровь («и близко торфяная кровь земли» О. Седаковой), теплое почти как душ. Даже если всё сдохнет, то есть всё ненадёжно, душа остаётся «невестой», иначе говоря, может быть предметом выбора, а не предметом всеобщего закона смертности. Этот выбор делает разум, но что он выбирает? Здесь мы подошли к сквозному мотиву книги.

Единственное новое искусство в этой книге Ростислава Ярцева – искусство умолкания. Оно всем своим существом требует не просто умолкнуть вслед за вещами, а найти правильную, подходящую форму этого умолкания:

ходили в лес и слышали Конец.
всё обратится в шёпот хвои.
биение застенчивых сердец
отслужит ужасу с тоскою.
там, на заре обманутого сна,
нас ждут легко и терпеливо.
не говори, что жизнь грустна!
готовься умереть красиво. (с. 43)

Замолкающий лес, взаимопонимание не с полуслова, а даже до слов, до ужаса – всё это было и в давней русской и советской поэзии. Но что появляется здесь – выбор формы молчания: подготовка к смерти, а не, скажем, пифагорейское молчание или старческая суровость. Почти на грани фривольного отношения к смертности, но неожиданно взрывающее к финалу стихотворение, оно так звучит потому, что в нём не *указывается* на слабость, а *сделан сильный выбор*. Выбрана бесповоротно по сути даже не просто философская школа, а большее: новая действительность души и тела, новый режим отношения тела и души.

Или другой выбор в стихотворении вроде бы на ту же тему, но с почти аронзоновским восторгом:

Умру от радости за всех,
кого любовь дарила.
Они услышат нежный смех,
взойдут неповторимо.
Как ласковы мои цветы
на мёртвом мраморе плиты!
Прекрасна ты, прекрасен ты!
Вы до смерти красивы! (с. 101)

Здесь вроде бы те же связки, например, неповторимость любви, которую можно сравнить только с неповторимостью пробуждения чувств, отождествление новизны и ласки, потому что и то и другое трогает как ничто другое, все эти сложные образы изысканной поэтики. Но выбор тут сделан: это выбор предпочтения всего, когда все цветы прекрасны, когда все люди могут быть ласковы. Это вовсе не снисходительное или безответственное «пусть растут все цветы», но другое: выбираю, чтобы все цветы были, и были везде. Этот выбор Терезы Малой – иной, чем сознательная подготовка к смерти, это принятие всего прекрасного, – но выбор не менее решительный.

Выбор этот может делать собеседник, лирический адресат, но о нём (выборе) никогда нельзя сказать прямо, только с помощью какого-то из искусств, например, птичьего кода:

Над горькими полями удушье детских слёз,
лежит в колючей яме уклончивый вопрос:
мой добрый и весёлый, как Облако, тяжёлый,
зачем так редко снишься, не попишешь и не злишься?
Никто не ответится. Ты вымотан и зол.
А может, ты Синица. А может, ты Щегол. (с. 65)

Из этих образов, то ли Мандельштама, то ли Донны Тартт, мы делаем вывод только о том, что лирический адресат всегда прямо отвечает на вопросы, даже на уклончивые, – но именно что научило его отвечать прямо, мы не знаем. Лирическое усилие у Ярцева и состоит всегда в том, чтобы *выпрямлять уклончивые вопросы*, превращать намеки в прямой разговор о произошедшем давно и произошедшем недавно; причем эти два плана происшествий положено излагать сжато:

отойди оставь рытвины непокоя
я слышу слышу как ты умирал
я вижу вижу как ты выбирал
яблоко золотое (с. 70)

Давний непокой и недавний как раз решительный выбор *сливаются* в образе золотого яблока, то есть всего, что счастливо суждено. Это счастливо назначенное и позволяет засвидетельствовать, что лирический адресат не был уклончив даже в рытвинах, то есть в самых больших уклонах своей судьбы.

Прежние лирические средства такой неуклончивости, такие как стилистический эксперимент, уже не работают. А вот схлопывание двух планов, наподобие того, как в контрольной уложено содержание целого большого курса, в поэзии Ярцева в этой книге только и работает.

Можно назвать эту книгу не «этюдами», потому что этюд не подразумевает окончательного выбора, это всегда не последняя попытка, а «преподаваниями» – преподавателю приходится показывать свою состоятельность всякий раз при встрече со студентами, чтобы вести за собой и чтобы подвести к этим урокам.

Юлия ПОДЛУБНОВА

РАЙ ДЛЯ ВСЕХ

О творчестве Евгении Некрасовой от «Калечины-Малечины» до «Золотинки»

Евгения Некрасова – фигура из блистательной когорты тридцатилетних, имеющая определенное символическое значение, и главным образом за счет глубинного трюкстерства и осознанного медиаторства, позволяющих сводить воедино то, что не очень поддается сведению. Мы, к примеру, думали, что мир Калечины – фольклорный универсум, адаптированный писательницей под условия современной жизни? Думали, может быть, и правильно, но к этому стоить добавить авторское зеркало с двумя створками, в одной из которых мы видим юную героиню, которую унижают в семье и злостно буллит в школе, а в другой – полукомический инфернум, выявляющий самое болезненное, что есть в захудалой жизни провинциального города, и то, что готов проговорить далеко не каждый писатель. Так вот, зеркало это отражает две ипостаси одной авторки, которая, к тому же, пользуется не только им, но целой причудливо организованной системой отражений и ракурсов, и очень непрямой высвечивает множество идентичностей и смыслов, странным образом уживающихся друг с другом. Но при том, вопреки логике новейшей литературы, так и не пускается во все тяжкие автофикшена и, кажется, больше всего опасается громкого голоса «я», с его свойством радикально перенастраивать художественное сознание на травмоговорение.

Так что же с чем сводит Евгения Некрасова?

Детское со взрослым (выросших и невыросших) – отправляю к двойной возрастной адресации «Калечины-Малечины».

Затем – архаическое, аранжированное напярженным любопытством к народной культуре, – с суперсовременным, идущим под знаком феминизма и деколониальной оптики. И вот уже в эссе об Отессе Мошфег Некрасова как бы проговаривается: «Ни в одном из интервью

Мошфег, которые я прочла или услышала, она не называет себя феминисткой – но она пишет очень феминистский фикшен»¹. А потом и вообще признается: «Фемлитературой я занимаюсь с самого начала, хотя изначально себя не называла феминисткой. Во всех моих произведениях женщина – всегда главная героиня, и ее мир не завязан на романтических историях, ее жизнь может существовать вне материнства, замужества и роли трофея для мужика. Мои героини попадают в разные истории, они думают, мыслят»².

Что еще? Фольклорность, любовь к ладам и орнаментам, посконным завиткам – с продуманным западничеством, потому как ту же Мошфег Некрасова читала на языке оригинала. И не только ее. «Знание английского позволяет любому человеку, независимо от поколения, быть частью одной огромной бездонной разнобразной культуры. Все слова новой этики и актуальной социальности – абьюз, менсплейнинг, слатшейминг и прочие – перекочевали к нам из английского. <...> Английский сегодня – язык эмпатии и доверия»³.

Некрасова сводит прозу с поэзией и театром, плотно работая со сценой (точнее, сцена – с ее текстами), а еще пытается мыслить поэтически (хотя на выходе все равно получается эпос и квазифольклорные тексты).

Ну и, конечно, любовь к наследию высокого модерна, игровые принципы постмодерна с неизбежным тяготением к новейшей искренности в диапазоне от Янагихары и Салли Руни до Оксаны Васякиной и далее везде.

¹ Профессорка одиночества. Евгения Некрасова об Отессе Мошфег // Афиша.Daily. 2021. 20 мая. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/19718-professorka-odinchestva-evgeniya-nekrasova-ob-otesse-moshfeg>.

² Абьюз, травма, история семьи: как устроена фем-литература // Forbes Woman. 2023. 24 июня. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/495138-ab-uz-travma-istoria-sem-i-kak-ustroena-fem-literatura>.

³ Миллениалы всех стран, соединяйтесь! Евгения Некрасова про Салли Руни // Афиша.Daily. 2020. 27 марта. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/14791-millennialy-vseh-stran-soedinyaytes-evgeniya-nekrasova-pro-salli-runi>.

Перечислять некрасовские оксюмороны можно долго, но, пожалуй, главное заговоренное, заглаженное ею противоречие ни много ни мало сводится к разному внутри культурной логики позднего капитализма, если пользоваться терминологией Джеймисона. Глобальная или глобалистская повестка современности ткется из неустанной борьбы новых левых, настаивающих на модернизации общественного сознания и вкачивающих в него смыслы деколонизальности, феминизма, экоактивизма, постгуманизма и т.д., и новых консерваторов, рвущихся в архаику, ссылающихся на традиции, которые подчас ими же и конструируются и конституируются¹. В России борьба глобалистских трендов, столь напоминающая ставший национальным спортом спор западников и славянофилов, породила очередной консервативный поворот и катастрофу 2022-2023 годов. В творчестве же Евгении Некрасовой оказалось возможным мирное сосуществование всех со всеми. Левое здесь не боится традиций и вопиющего физиологизма народного тела. Народное, в свою очередь, не костенеет в пространстве некогда порожденных для него «самобытности и духовности».

Со этим багажом обезвреженных противоречий Евгения Некрасова вписалась в ландшафты современной прозы и современного театра. Ее дебют и вертикальный взлет в литературе (не буду перебирать премиальные листы, с ними можно ознакомиться в биографических справках) пришелся на конец 2010-х. Некрасова прочно обосновалась в кругу молодых и модных авторов, пишущих о современности и социальности, то есть пишущих современность, мыслящих ее в категориях, далеких от национального ресентимента и консервативных интенций эпохи авторитарной диктатуры. В заветный писательский круг попали Алексей Поляринов, Алла Горбунова, Вера Богданова, Оксана Васякина, Ксения Букша (в итерации конца 2010-х годов), Ислам Ханипаев, Екатерина Манойло, Анастасия Володина, Илья Мамаев-Найлз – дальше перечислять

не буду, назову только не совсем молодого, но принявшего на себя функции тотального репрезентатора Алексея Сальникова. Предъявляя художественные установки и практики этих авторов, критика (в том числе самоописательная, то есть когда авторы говорят о себе) принципиально выделяет новое, чего якобы не было в литературе ранее, например, парадигматику метамодерна, но фактически важна дерзновенная попытка отстроиться и от канона, и от консерватизма, историзма и ретроутопизма старших поколений авторов.

Физиологические сказочки

Алексей Юрчак в предисловии к книге Романа Осминкина и Анастасии Вепревой «Коммуналка на Петроградке» замечает: «Этнограф не должен скрывать свое истинное лицо и намерения». Писатель Роман Осминкин и художница Анастасия Вепрева – те самые новые левые, которые, в качестве типичного прекариата без перспектив скорейшего улучшения жилищных условий, были вынуждены поселиться в коммунальной квартире, вовсе не похожей на богемный сквот. Им, не мыслящим себя без рефлексии, пришлось занять позицию включенных наблюдателей (Юрчак говорит об участвующем наблюдении) и вести своего рода этнографический дневник, летопись соседских коммуникаций и интеракций. Как ни удивительно подобное сближения, но ситуация эта довольно некрасовская, потому как ее проза на проверку более чем вовлеченно этнографична. Ее герои – самые обыкновенные маленькие люди, разных полов и возрастов, разных семейных ролей и социальных статусов – чем меньше статус, тем, кажется, больше интереса и участия со стороны авторки, – все по классике физиологической литературы: от Некрасова – хотелось бы написать до Некрасовой, но напишу до Петрушевской и далее.

В (ново)некрасовском фокусе – все эти сугубо бытовые тетьки и дядьки, хамоватые бабы и агрессивные мужики, прибабахнутые девочки – каждая, разумеется, по-своему, иначе чего ж их выписывать отдельно, четкие пацанчики на понтах... «Или, например, вот эта старушка-дачница. Бережно волочит свою тележку с саженцами, будто многодетная мать с

¹ Производство архаики внутри современной культуры (что в принципе приложимо к современности) описано в книге Ирины Шевеленко «Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России» (2017).

коляской. Не может оторвать глаз от будущих огурцов – каждый зеленый кустик завернут в собственную газетную люльку. А навстречу ничего не ведающей пенсионерке мчится “хаммер”, за рулем которого – хам, равнодушный ко всему, кроме денег и молодой женщины, пищащей ему из мобильного. На дорогу ни дачница, ни хам не смотрят – у каждого свой опекаемый, а посему – столкновение неизбежно». Как тут не вспомнить и не перевернуть лозунг новой левой молодежи «Вы нас даже не представляете», ведь «глубинный народ» в своей массе также непредставим. Да, с одной стороны, он состоит из клише и штампов, типажей, которые не единожды фиксировала та же женская проза: хоть Петрушевская, хоть Улицкая, хоть Букша, а до них немало кто еще, но, с другой – жизнь коллективного тела, сколько бы ее ни описывали с помощью разнообразных инструментов и оптик, по-прежнему остается некоторыми существенными своими частями в зонах умолчаний. То ли она настолько бытовая и «голая», что ее невозможно вербализировать, ухватить за жабры, то ли, действительно, есть в этой жизни второе дно, для проявления и артикуляции которого нужны изобретательность и труд – все равно что мыть по крупичам золото и копить золотишки.

Евгении Некрасовой мало просто быта и физиологии (которых в ее текстах много). Холодный платоновский язык (больше позднего Платона, чем мрачно-тупиковского времен «Котлована») и пристальный взгляд этнографа (отказавшегося для чистоты эксперимента от включенности в происходящее, но не от участия в нем, ибо все происходящее принадлежит ему) ей не кажутся достаточными для решаемых задач. Начиная с «Несчастливой Москвы» (повесть можно прочитать в «Волге», 2017, № 5–6), как бы заранее опровергающей Платонова, – хотя, скорее, она вступает в диалог, предполагающий сотворческое согласие, – писательница подбирает к исследуемому ею народному дому дополнительные отмычки. То примеряет к нему фантастическое допущение – и так вплоть до хоррора – почему бы, к примеру, не измучить москвичей разными напастьми, и кто сказал, что за МКАДом счастья нет? То внезапно ткнет миф – хотите про молодильные яблоки или про Лакшми? То

пускается в оголтелый фольклор, устраивая веселящую свистопляску из медведей, кикимор, домовых и прочей мелкой лиминальной живности. У Некрасовой легко может случиться так, что у жертвы семейного насилия вырастает несколько пар рук и она дает сдачи насильнику («Лакшми») или безработная беременная рождает деньги, иначе никак в Москве не выжить и не почувствовать себя счастливой во времена ковида («Банкомать»). Можно еще выйти замуж за медведя и родить медведицу Машу – будет работать в цирке и угадывать поэтов по нескольким зачитанным строчкам («Медведица»).

С некрасовскими отмычками и бездны уже не бездны, а психологические поломки, и «кривое горе» коллективных травм – не онтологическая данность, но некоторое условие для сюжетных поворотов. Тут самое время вспоминать постмодерн и даже Пепперштейна, которого иногда любят ставить в связку с Некрасовой, но точнее будет говорить про фотографическую оптику, оснащенную выполненной реальностью. И кстати, есть своя непрямая логика в том, что место писателя номер один в поколении тридцатилетних Некрасова раз и навсегда готова уступить предельно физиологической Оксане Васякиной, которая от бездн и травм не отказывается, наоборот, делает их отправной точкой для своего повествования.

Но вообще-то Некрасова – сказочница. Это, конечно, известный факт: недавно вышедший сборник «Золотинка. Рассказы и поэмы о женщинах, медведях и магических существах» (а после «Калечина-Малечины» писательница мыслит преимущественно сборниками) так и маркирован: «Новые сказки Евгении Некрасовой». Открывающий «Золотинку» рассказ «Медведица» и вовсе оснащен постуведомлением о том, что создан по мотивам сказки из репертуара исполнительницы из Пермского края. Так что, пожалуй, есть смысл перекалибровать сказочницу в сказительницу. Да и кто еще она, Евгения Некрасова, в любимых ею ярких, воистину трикстерских одеждах, подчас не лишенных этнографичности, с юродивой прической – одновременно косичкой и выбритым виском (догадываюсь, что косичка про традиции, висок – про феминизм), как не

подбирательница сюжетов и составительница заговоров?

Ее то и дело бросает от Платонова к Ремизову, от этнографического наблюдения к магическому преobraжению действительности. И обратно. Заговоры, присухи, заклинания в мире Некрасовой полны внутренней энергии и заряжены действием. «Катя катится-колошматится» – это не просто поговорка, но кредо и заклинание двойной героини «Калечины-Малечины», созданное фактически по ремизовской модели.

Язык для Некрасовой – больше чем средство описания и контейнер смыслов. Он инструмент магии и ткань мифа. «Тан-тан, тан-тан, тан-тан, тан-тан, кр-кр, кр-кр, кр-кр, кр-кр, кр-кр, кр-кр, ннннэээээ, тан-тан, тан-тан, тан-тан, кр-кр, кр-кр, кр-кр, ллллээээ, тан-тан, тан-тан... Так слышали люди, оказывающиеся рядом с БИМом. Тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк. Так расслышивали другие», – кто не понял, это звукоподражательное начало рассказа «Сила мечты». Некрасову ведет именно язык – вплоть до моделирования сюжета, что называется, к слову пришлось, слово за слово зацепилось. Отсюда и настоячивые попытки мыслить поэтически, дающие на выходе эпос, фольклор – в общем, что угодно, но однозначно далекое от путей развития современной поэзии.

Д-любовь и нормал пипл

Итак, семейные поломки, экзистенциальные аномалии, онтологические провалы... – с первых рассказов, вошедших затем в сборник «Сестромам» (2019), через «Калечину-Малечину» (2018) и «Кожу» (2021) до «Домовой любви» (2021) и «Золотинки» (2023) – почти десять лет писательница словно бы ищет то, что не может (не) существовать: рай для всех. Он то проявляется в виде отдаленных намеков, то напрямую вмешивается в сюжет – в прозе Некрасовой, например, из-за ошибки паспортника восьмидесятилетняя старуха легко молодеет в тридцатилетнюю хипстершу – а почему бы нет? Рай есть чудо на земле.

В «Домовой любви» рай в силу биографических причин – а про некрасовский совершен-

но не прямой автобиографизм я уже говорила – трансформируется в квартиру: абсолютно безопасное и контролируемое пространство тихого счастья. Кто бы мог подумать, что пресловутый мешанский матрас станет непременным условием для саморазвития осваивающих и присваивающих Москву героинь? Но ведь и сама Некрасова именно такая, да и «Домовая любовь», и «Золотинка» уже полны хипстершами и хипстерами, кажется, не очень выламывающимися из рутины повседневности, ткущейся из унылого следования ритуалам и традициям. Наверное, самый сорокинский рассказ Некрасовой «Кика» именно про то, что постирания и постпамять в некоторых условиях легко трансформируются в свирепую серьезность почвы и крови. А квартирай, в логике Некрасовой, – то, что защитит в любом случае: и от разрушительных случайностей, и от порядка предписаний, и от неодомашенных версий себя самой.

Пусть квартирный вопрос – тема литературно избитая, как избита сама ситуация провинциала/провинциалки в Москве, важнее у Некрасовой оказывается то, как за утопией дома-для-себя мерцает утопия иная, настоящая на философии заботы и этике сестринства. Сюда укладываются не только феминистские высказывания писательницы (а начиная с «Домовой любви» и «Кожи» их стало существенно больше), но и, например, осознанная экопроза (см. рассказ «Кумуткан»), проблематизация семейного насилия, фэтшейминга (рассказы «Весы», «92 кг») и ксенофобий («Мордовский крест»). Показательны и проекты, которые курирует «Школа современных литературных практик», одной из основательниц и ведущих преподавательниц которой является Евгения Некрасова: антологии «Одной цепью» – переосмысление семейных отношений, «Срок годности» – материалы лаборатории экотипсма, «Бу!» – сказки про буллинг и т.д. В общем, темы актуальные, сводимые вместе в контекстах леволиберальной глобалистской повестки и феминистских утопий (которые, надо сказать, особенно хорошо принимаются в молодежных средах, живущих в стилистике «нормал пипл»), и постулирующие необходимость бережности в отношении другого.

Некрасовские героини, сознавая порочное несовершенство мира, пытаются уберечь, спасти если не других, то самих себя. В сказке с элементами боди-хоррора «Складки» героиня прячет возлюбленного от мобилизации в складках своего каскадного тела, в «Социалке-Лешихе» защищает лес от вырубki под строительство ЖК, а в «Золотинке» вернувшаяся с войны, но похороненная по ошибке в миру героиня пытается спасти себя и своего ребенка от забвения, ибо истинная участь героя – забвение его человеческих качеств и человеческой жизни. Один из самых иронических рассказов Некрасовой называется «Супергерой» (он стал первой толстожурнальной публикацией писательницы): спасающий мужчина – это китч, кринж, комический апофеоз самоутверждающегося эго. Настоящей спасительницей в прозе Некрасовой всегда выступает женщина. В ней то открывается лик богини, то пробуждаются способности сестрамама, то героиня просто отказывается свободнее и мудрее всех тех, кто ее окружает, причастнее к раю.

Собственно, так, из сочетания этики сестринства, физиологии народного быта, элементов сказки и платоновского языка, рождается некрасовская «Кожа» – роман о том, что свобода лучше несвободы. Деколониальные смыслы романа, в котором чернокожая рабыня и русская крепостная меняются кожами-судьбами, отчетливо разложила по полочкам Егана Джаббарова¹, не буду останавливаться на них. Замечу лишь, что в этом тексте Некрасовой они очень на поверхности, как на поверхности эмансипаторная установка самой писательницы: феминизм не спрячешь под искусственной кожей, а настоящая на то и настоящая, чтобы ничего не скрывать. К неудовольствию некоторых критиков роман выглядит как манифест, читается как манифест, да и является манифестом, что-то вроде откровенно профеминистского «Что делать?», только глубоко-народнее и демократичнее. «У всех моих предков – белая русская и мордовская кожа, крепостная кожа. Я пишу этот текст и о себе»². Но подчас

некоторые вещи в творчестве тех или иных авторов ценны именно большей степенью прямоговорения, именно они позволяют подобрать набор ключей ко всему творчеству или к какой-то его части.

Ну и к слову о трикстерстве. Традиции не живут сами по себе, их нужно оживлять, доставать из сундуков, закачивать в них свежую кровь и актуальные смыслы. Всякая традиция жива, когда есть нечто новое, оттеняющее и высвечивающее старое. Трикстерам это удается, а млеющим от неизменности порядка вещей традиционалистам – нет. Так что нет никаких оснований сомневаться, насколько важную работу играючи делает Евгения Некрасова. Слышен, слышен треск канонов.

Борис КУТЕНКОВ

УСЕРДНЫМ СЕРДЦЕМ ПОСРЕДИ

Ростислав Ярцев. Свалка: стихотворения и поэмы / Предисловие В. Шубинского, послесловие О. Балла. – М.: Формаслов, 2023. – 122 с.

Вторая книга стихотворений Ростислава Ярцева³ вышла в сопровождении множества отзывов. Мария Степанова пишет о «спасительности этих стихов» во времена, «когда писать почти невозможно», Лев Оборин определяет название сборника как «защитную маскировку», Ольга Балла отмечает «крушение изначальных гармоний» и то, как «реальность предстаёт его (поэта. – Б. К.) упрямому взгляду во всей своей сырой грубости...». Но вот, кажется, важное высказывание, которое может остаться незамеченным. В предисловии⁴ Валерий Шубинский говорит в том числе и о «“наивном” лексическом гиперболизме» как об одном из средств выражения «хрупкости, и открытости удару, и огромности угрожающего, и сильнейшей воли жить вопреки ему».

¹ Джаббарова Е. Юг хрустит на зубах. Роман Евгении Некрасовой «Кожа» как акт деколонизации // Горький. 2023. 28 авг. URL: <https://gorky.media/reviews/yug-hrustit-na-zubah>.

² Некрасова Е. Кожа. М.: Popcorn Books, 2022. С. 6.

³ <https://formasloff.ru/2023/07/03/rostislav-jarcev-svalka/>

⁴ Предисловие это претендует на роль серьёзного осмысления поэзии последних лет – и, конечно, места Ростислава Ярцева в этом контексте.

Соппротивление и правда становится ключевым сюжетом книги – и верно подмечено, что автор, представший перед нами, сознательный гиперболист. Когда-то, говоря о другом поэте, мне уже приходилось приводить в пример слова Михаила Гаспарова со ссылкой на Фёдора Петровского о «хлестаковской» гиперболе у Цветаевой: «40 000 курьеров на каждой странице, особенно заметны в прозе («русские песни – все! – поют о винограде...»)». Но высказывание Ярцева более чем далеко от хлестаковщины – и не чуждается при этом цветаевского горестного максимализма; это свет отчаяния и надежды, надежды и отчаяния, то сплавленных, то оставляющих перед нами одно отчаяние. Сегодня этот голос – один из самых пронзительных голосов *авторского всеведения* в современной поэзии.

всё обрубили, но надо быть:
думать весть вместо смерти:
на берегу той реки,
наверху того неба,
в конце любви.

Тексты Ярцева с их этическим максимализмом и широтой обобщений опровергают представления и о коллективном «мы», и о привычном нам лирическом субъекте – в диапазоне от «лирического оно» (точка инобытия, по Михаилу Эпштейну) до различных типов прямого высказывания. Это новый для поэзии герой. Высокий строй его речи претендует на истинность, но остаётся далёким от дидактики, – и всё-таки сквозь него порой проступают следы категоричных философских этюдов Виталия Пуханова. Этот герой – соглядатай и свидетель, обобщающий в бормочущей мудрости (в чём не обошлось без влияния Пригова, о «народном любомудрии» которого так верно писал тот же Эпштейн), но избегающий скользких философем. Окончателность истины здесь – уверенность в правоте, предписанная Бродским, а не перечёркивание права иных на правды иные.

Если же сравнивать «Свалку» с первой книгой Ярцева «Нерасторопный праздник»¹

(М.: ЛитГОСТ, 2021), – то, кажется, ещё более усилилось важное для поэта ощущение: минимизации лирического «я» в пользу эстетической плодотворности. Появилось движение в сторону голоса полифонического, всемогущего в своей стихийности, не скованного биографическим контекстом². И это верная эволюция. Индивидуальные жалобы и слёзы претворяются в простор хоровой стихии. Полифонизм даёт новую силу и широту этому голосу, говорящему теперь *за всех – против всех*. А внезапное, по-мандельштамовски, вкрапление «я» с характерной взволнованной эмоцией – становится убедительным и волнующим контрапунктом:

хочешь опомниться – будет удар копья,
сто штабелей расшатанного огня.
волосы вырвут осколки его шитья –
вдень и меня.

Перед нами речь живая, тревожная и тревожащая – и в прямоте социального высказывания, и в суггестивном наплыве голосов. «Книга выходит спустя всего год после первой и в радикально другую историческую эпоху», – пишет в послесловии Ольга Балла, и это существенное наблюдение; отсюда безутешность интонации – то, что отличает многие стихи «Свалки». Мы как бы по умолчанию считаем, что не стоит сгущать черноту; ирония, оптимизм, сопутствующая им завыченность – то, чего мы ждём от стихов. Ярцев и тут нарушает ожидания, но его интонация – не уныние, не нагнетание горя, а просветляющий плач. Нужна особая сонастройка слуха, чтобы отличить одно от другого и увидеть движение поэта в сторону, противоположную читательским ожиданиям; расслышать, наконец, силу плача, не замкнувшись в стереотипном требовании маскулинности. (Один из критиков, прочитавший «Нерасторопный праздник», отказался от рецензирования, заметив, что «Ярцев слишком часто плачет». Высказывание это, по моим наблюдениям, тогда понравилось самому поэту,

² Нельзя, однако, сказать, что «Нерасторопный праздник» лишён полифоничности: та дебютная книга Ярцева – зрелая, с уже найденной точкой опоры, с закладыванием основ для того, что нашло в «Свалке» полноценное воплощение.

¹ <https://formasloff.ru/wp-content/uploads/2020/12/jarcev-nerastoropnyj-prazdnik.pdf>

– но неизбежная эволюция ведёт к тому, что плачешь уже не по себе самому или не только по себе.) Плач этот порой доведён до последнего предела:

Речь раскурочена, и ключев не собрать.
Но по клочкам читает память,
ума осатанелого собрат:
«Не возвратятся. Не исправят».

Где мне вручат отчаянье судьбы?
Окончена печаль, и я отчаялю.
Торчат неисчислимы столбы.
Молчит печать. И плачу, как в начале.

Ярцев возвращает нас к уже отжившему, казалось бы, образу лирика, для которого «... вдвойне / невыносимее уборка пыли», реальность которого – «жуть неоплаченных квитанций» («гвоздь у меня в сапоге кошмарнее, чем фантазия у Гёте», можно было бы припомнить слова другого поэтического гиперболиста). Слова «нежный», «умру», «ужас, отчаянье, тьма» (последние – именно так, через запятую) присутствуют в этой поэзии не как замшелые признаки архаического словаря, а как приметы обновления речи, как возможное в невозможном.

Но возвышенность романтика и его растерянность перед бытом здесь аранжированы тревогой об эпохе. С ней появляется и другое – новое на фоне «Нерасторопного праздника» – человечески бессильное и художественно продуктивное чувство: плодотворности катастрофы, её своеобразной прагматики. И именно в этих моментах на место сентиментальности приходит особая сила звучания.

Из позвоночника мысли
вырастут сваи божественной поэмы.

Здесь недвусмысленна аллюзия на «разбитый позвоночник» из стихотворения Мандельштама (там, как мы помним, говорилось о *жестокости, жалком веке*, – что, думается, вполне сочетается с тематикой социально аранжированной книги Ярцева). Слова «позвоночник» и «сваи» семантически близки и одновременно противопоставлены друг другу, выступая как причина и страшное, неизбежное следствие. А

эпитет «божественная», предпосланный «поэме», усиливает образный ряд, как бы оправдывая жутковатую трансформацию: искусство, растущее из ужаса перелома.

Вот другой образец поэтического «прагматизма»:

кровь, рвущаяся из груди, –
будь величава и здорова.
сама, сама себя веди.
усердным сердцем посреди
всего отчаянья цвети.
расти из сумрака, Голгофа.

В последней строке заметна амбивалентность смысла, – там, где ожидаемо цветение или любая другая метафора превосходства, противопоставленная сумраку, появляется Голгофа: образ одновременно и наказания, и несправедливого суда, но и внятности среди сумрака. Мы уже сказали о силе звучания в такие моменты – но добавим и о разнообразии интонаций, а стало быть, о несводимости книги *только* к плачу или безутешности.

В ином примере конструктивной замены – «возле зрячей сосны / мне на весть указали» – «весть», кажется, становится и эвфемизмом чего-то страшного, и семантически значимым образом в ореоле просветления. Контекстуальная антитеза, создание продуктивных противоположностей – «найти теряя» – выступает в книге как один из существенных приёмов.

Отметим в последних примерах и *усердное* сердце, и *зрячую* сосну: Ярцев – поэт сильного, индивидуально выделенного эпитета. *Поганный* звукоряд, *чудовищный* мозг – всё это звучит с детской категоричностью. И детский голос, возвышенный над всем с безоглядной смелостью выговаривать страшное, – то, что способно безмерно тронуть при чтении книги. Интонация детского горя, не оставляющего просветлению ни пади, ни иллюзии, ни отступа, порой сочетается с традицией русского юродства (вспомним знаменитое высказывание из легенды в адрес Ивана Грозного: «а ты пошто человеческое мясо ешь?»). Неслучайна – вновь – аллюзия на Мандельштама, теперь на его знаменитую антисталинскую эпиграмму:

ни памяти, ни правды, ни любви,
но с гордостью за это всё живи.
за тёмный лес – короткий разговор:
ударить в пах и выстрелить в упор.
ты кончишься, и вечно будет мгла
посматривать на всё из-за угла
без имени, без боли, без лица.
пойдёшь в леса, но не взойдут леса.

Где, собственно, заканчивается детское горе и начинается интонация всеведущего выговаривания, – неясно, но в новой книге Ростислава Ярцева эти моменты органично сплавлены.

И всё же при чтении «Свалки» легко выделить два типа стихотворений. Первые, как мы уже заметили, – захлёбываются в драматическом хоре голосов, вторые – сочетают смерть и освобождение, боль и радость в интонации последней ясности. С очень большой степенью условности можно сказать, что первые ближе к искусству; вторые, будучи *обращёнными*, приобретают в эмпатии. Как всегда, здесь возникает неизбежное противоречие: захватывают сердце моменты безоглядной, едва ли не автологической речи; поэзия же, по Эмили Дикинсон, вызывает ощущение другого свойства – «как будто мне сняли вершушку черепа». Хорошо, что в книге есть и то, и другое, и случаи удачного синтеза.

Напоследок скажем ещё об одной важной особенности книги – Ярцев здесь опровергает устоявшееся мнение о необходимости снижения патетики и, как и в случае с «плачем», вновь отстраивается от спектра читательских ожиданий. При всём разнообразии стилистических регистров здесь всё же преобладает пафос, аранжированный архаикой. Это особенность не только поэтического, но и эпистолярного стиля Ростислава Ярцева; в поэзии такой голос – довольно неожиданное явление, и нужна предельная концентрация внимания, чтобы не воспринять книгу поверхностно, не «испугаться» этой черты речи. Прямо скажем, удастся не всем.

Но не отступившиеся, а прошедшие с поэтом его путь будут обогащены, – как обогащает любой выход из зоны привычного. Поэт же в самых захватывающих моментах книги, кажется, предпочитает рациональности пророчества – безмятежность чистого соприсутствия:

– Назавтра станешь светом
и радиоволной.
– Не говори об этом.
Ещё побудь со мной.

Побудем и мы с этой книгой.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 23 октября 2023 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.